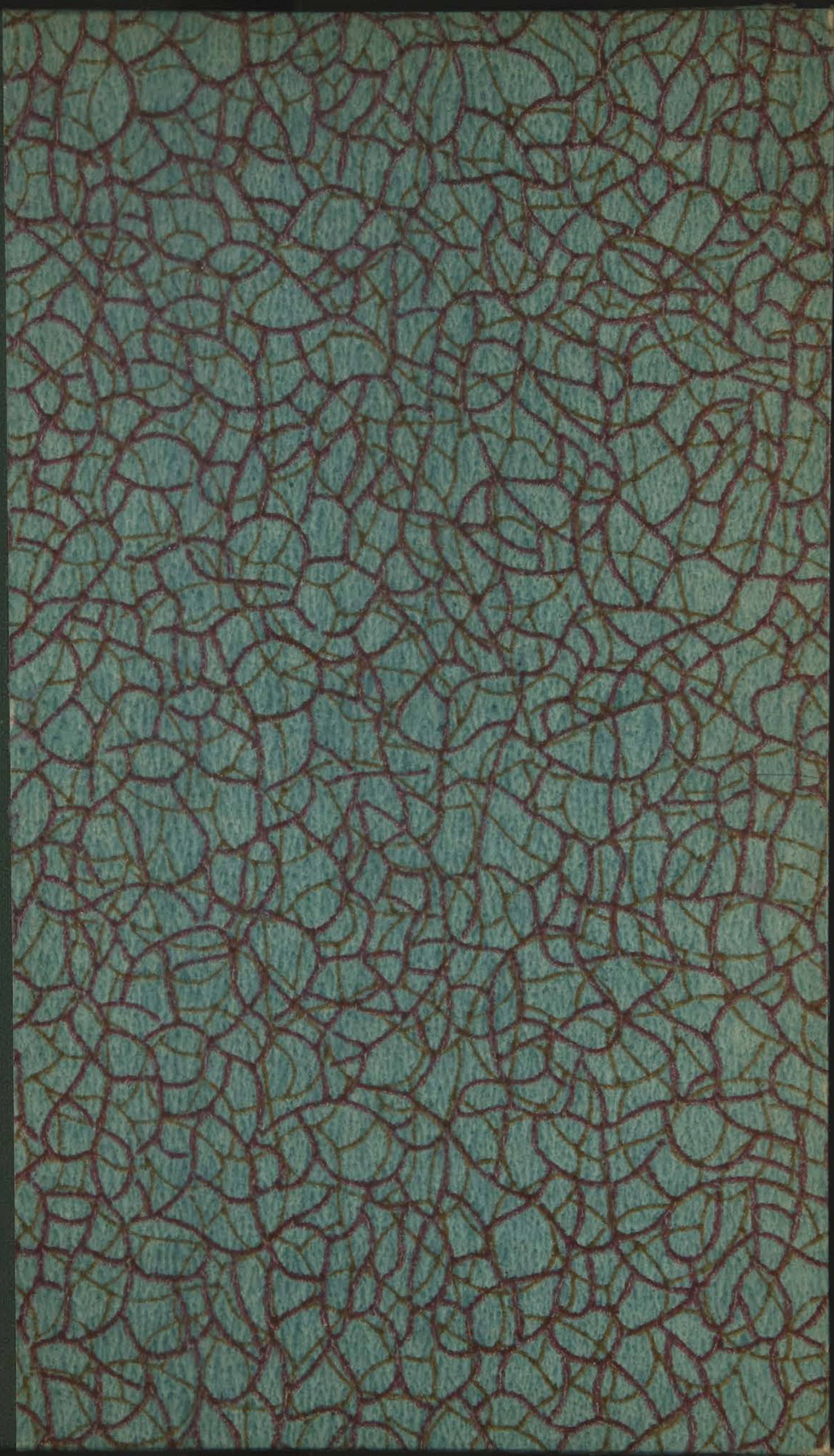

22702

32502

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ПРОФЕССОРЪ

В. Г. Яроцкий.

~~4068~~

КУРСЪ ЛЕКЦІЙ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Выпускъ 1-й.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).

1916.

32572

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ПРОФЕССОРЪ

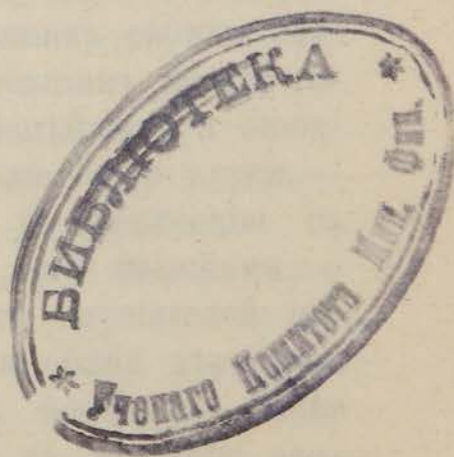
В. Г. Яроцкий.

~~40668~~

КУРСЪ ЛЕКЦІЙ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Выпускъ 1-й.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).

1916.

4

В. Г. Родкин.

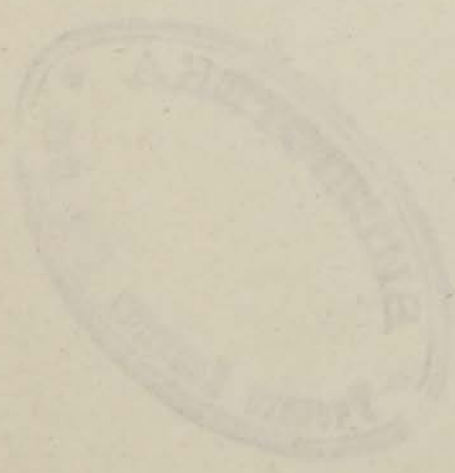
КАРТА ЛЕКЦИЙ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Петроградъ, дозволено военной цензурой, 21 апрѣля 1916 г.

Выпускъ 1-й.

27478

ПЕТРОГРАДЪ
Издательство А. М. Колосовъ
1916

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Тяжелыя матеріальныя условія печатнаго дѣла въ настоящее время вынуждаютъ меня выпустить въ свѣтъ лишь часть этого курса политической экономіи, (примѣрно — около двухъ-третей общаго его объема). Не удалось даже закончить печатаніемъ хотя бы одинъ изъ отдѣловъ второй части курса главой, посвященной вопросамъ землевладѣнія и земледѣлія вообще и въ Россіи въ особенности. Не могутъ поэтому составить сколько-нибудь цѣльнаго представленія объ этомъ курсѣ читатели его случайные, т. е. не изъ числа *бывшихъ моихъ слушателей* тѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній ¹⁾; въ которыхъ я въ общей сложности около 30 лѣтъ читалъ и читаю этотъ свой основной предметъ. Но для послѣднихъ это, вѣроятно, будетъ возможнымъ, такъ какъ и изъ напечатаннаго уже они увидятъ, что мнѣ не понадобилось, — подобно нѣкоторымъ изъ моихъ коллегъ, — сколько-нибудь существенно измѣнять свои взгляды по основнымъ вопросамъ науки или приспособляться къ колебаніямъ въ ней временныхъ модныхъ теченій. А мысленно я даже посвящалъ этотъ свой трудъ тому большинству изъ бывшихъ своихъ слушателей, чей интересъ къ читаемымъ мною лекціямъ поддерживалъ мои силы для продолженія этого главнѣйшаго и любимѣйшаго дѣла моей жизни. При составленіи-же этого курса, — значительно расширеннаго и обновленнаго по сравненію съ прежними, такъ называемыми «домашними», его изданіями, — я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ своихъ слушателей настоящихъ и будущихъ. Этимъ опредѣляется и общій характеръ его изложенія — популярно-научный, т. е. возможно болѣе доступный для усвоенія его приступающими къ изученію экономической науки. Потому-то между прочимъ въ курсъ не включены излюбленные многими профессорами цѣлыя ряды опре-

¹⁾ Императорскій Александровскій Лицей, Александровская Военно-Юридическая Академія, Императорскій С.-Петербургскій Университетъ, Коммерческіе курсы Общества Распространенія Коммерч. Знаній.

дѣленій и мнѣній различныхъ ученыхъ по однимъ и тѣмъ-же вопросамъ. Мой педагогическій опытъ убѣдилъ меня, что у начинающихъ изучать науку отъ такихъ длинныхъ перечней различныхъ, нерѣдко другъ другу прямо противорѣчащихъ, опредѣленій образуется либо смѣшеніе понятій, либо возникаютъ попытки заучиванія всего этого наизусть, вмѣсто сознательнаго продуманнаго усвоенія главной сути дѣла. Сопоставленіе мнѣній различныхъ авторовъ бываетъ умѣстнымъ, а иногда даже и необходимымъ, лишь по нѣкоторымъ наиболѣе важнымъ вопросамъ теоріи; главнымъ же образомъ это полезно въ областяхъ рѣшенія научно-практическихъ вопросовъ самой хозяйственной жизни, какъ напимѣръ, при сравнительно-критической оцѣнкѣ тѣхъ или иныхъ формъ предпріятій, крупныхъ или мелкихъ ихъ размѣровъ, организующей роли капитализма, съ одной стороны, и общественности и кооператизма, съ другой, свободы торговли и промышленности или протекціонизма, и т. п. спорныхъ еще по существу своему вопросовъ. Для болѣе же углубленнаго изученія науки, конечно, безусловно необходимо болѣе подробное знакомство съ ея литературой, на каковую и въ общихъ курсахъ должны быть дѣлаемы соотвѣтственныя указанія, (приводимыя и у меня въ концѣ почти каждой главы).

Но, избѣгая по возможности прогулокъ по учено-литературнымъ кладбищамъ, кажденія ѳиміама однимъ изъ живущихъ авторовъ и коллегъ или полемики съ другими, въ томъ-же общемъ курсѣ я считаю безусловно необходимымъ предварительное изложеніе *общаго историческаго процесса развитія хозяйства* въ нѣкоторой связи съ измѣненіемъ соотвѣтственныхъ экономическихъ ученій, равно какъ и отдѣльныя историческія экскурсіи въ послѣдующихъ составныхъ частяхъ курса. Такой пріемъ изложенія вытекаетъ изъ того моего общаго взгляда на предметъ или содержаніе политической экономіи, что таковымъ является не только современная денежно-капиталистическая система хозяйства, а *хозяйственная дѣятельность вообще*, т. е. въ ея прошломъ, настоящемъ и будущемъ, въ многообразномъ сочетаніи или взаимодействіи ея съ бытовыми, правовыми и политическими условіями жизни и развитія человѣческаго общества вообще, равно какъ и составляющихъ его отдѣльныхъ странъ и народовъ, съ присущими имъ многими своеобразными свойствами. Наиболѣе-же общей чертой хозяйственнаго развитія я считаю постепенное расширеніе сферы коллективно-сознательнаго творчества или общественно-организаціонныхъ началъ въ хозяйственности...

Едва-ли, впрочемъ, умѣстно, развивать далѣе основныя мысли, заложенныя въ основу этого курса, или вытекающіе изъ него сколько-нибудь общіе выводы и заключенія, разъ что выходитъ изъ печати лишь первый его выпускъ; а когда будетъ выпущенъ второй и послѣдній—сейчасъ трудно даже приблизительно сказать, такъ какъ задержка вызвана общими условіями переживаемой нами войны. Добавлю только, что большая часть листовъ этого выпуска была не только составлена мною, но и отпечатана еще до начала войны, почему послѣдняя не могла, а по большинству вопросовъ и не должна была, отразиться на ихъ содержаніи, въ особенности на первой, болѣе общей исторической и теоретической части курса. Что-же касается до другихъ частей науки или болѣе практическихъ вопросовъ самой хозяйственной жизни, съ военными дѣйствіями могущихъ быть такъ или иначе связанными, то, вполне признавая важность и неотложность разработки таковыхъ въ специально-экономической и даже въ общей печати, я все таки считалъ-бы преждевременнымъ и потому неумѣстнымъ дѣлать это въ составѣ курса, имѣющаго преимущественно учебное назначеніе. Заключающіеся въ немъ положенія и выводы должны быть не только твердо научно обоснованными, но даже и болѣе или менѣе устоявшимися. А таковыми не могутъ быть мѣры и наши сужденія о нихъ, поскольку первыя принимаются, а вторыя слагаются, подъ вліяніемъ неизбѣжно нервно переживаемыхъ нами крупнѣйшихъ событій. Вызываемыя ими новыя и обширныя требованія и производимыя измѣненія въ условіяхъ хозяйственной жизни заставляютъ въ значительной мѣрѣ даже какъ бы перестраивать и соответственныя, казалось бы твердо установившіяся, основы экономики и какъ науки. Такъ, даже не дожидаясь благопріятнаго исхода нашей войны,—несомнѣннаго для всѣхъ вѣрящихъ въ мощь Россіи и ея союзниковъ,—можно уже и теперь сказать, что однимъ изъ наиболѣе содѣйствующихъ этому условій оказывается то, что по прежнимъ научнымъ шаблонамъ считалось по просту нашей экономической отсталостью, а именно—въ значительной степени еще сохраняющійся, если не преобладающій *потребительный* характеръ хозяйства громаднаго большинства нашего населенія — крестьянскаго. Благодаря именно этому условію мы можемъ, если бы это понадобилось, вести гораздо болѣе затяжную войну, чѣмъ опередившіе насъ техникой и капитализмомъ противники.

Прогремѣвшая лѣтъ 20 тому назадъ и увлекшая собою многихъ яко-бы единая формула спасенія нашего: «Пойдемъ на

выучку къ капитализму!» съ особеннымъ трескомъ проваливается при нынѣшнемъ тяжеломъ испытаніи ея на практикѣ, обнаруживая наглядно и присущія этой системѣ наиболѣе неприглядныя свойства—спекулятивной наживы, какъ основного ея двигателя, и обезличеніе капитала, какъ силы самой по себѣ. Въ то же время сама жизнь, а не теорія, выдвигаетъ новыя, дѣйствительно спасительныя, начала въ видѣ работы чисто общественныхъ организацій и кооперативныхъ учрежденій. Но строить сейчасъ же на этихъ сравнительно болѣе новыхъ хозяйственныхъ началахъ совершенно иное зданіе экономической науки было бы тоже слишкомъ поспѣшно... Приходится поэтому опять оговориться: только что высказанныя нами мысли есть какъ бы нѣкоторая роскошь, которую мы позволили себѣ лишь въ этомъ предисловіи; въ самой-же книгѣ этому не найдется доказательствъ прямыхъ, въ смыслѣ непосредственно связанныхъ съ переживаемыми военными событіями, ибо объ нихъ въ выпускаемыхъ листахъ буквально не сказано ни одного слова. Насколько же и что будетъ говоритья объ этомъ, какъ и о послѣдствіяхъ войны, въ слѣдующемъ выпускѣ, покажетъ только само это будущее, которое, по глубокому нашему убѣжденію, будетъ болѣе свѣтлымъ и независимымъ...

В. Яроцкій.

Петроградъ
мартъ 1916 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

СТРАН.

Предисловіе . . . . . III—VI

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (Общая).

Введение. . . . . 1—16

Предметъ политической экономіи.—Хозяйственная дѣятельность, ея опредѣленіе и содержаніе.—Человѣческія потребности, какъ отправные пункты хозяйственной дѣятельности, ихъ особенности у человѣка по сравненію съ потребностями другихъ живыхъ существъ; удовлетвореніе потребностей и хозяйственный процессъ—потребленіе.—Остальные хозяйственные процессы: производство (различеніе въ немъ моментовъ техники и экономіки), обращеніе и распредѣленіе (причины болѣе поздняго появленія двухъ послѣднихъ).

Методологія политической экономіи . . . . . 17—87

Методъ, задачи и содержаніе этой науки.—Основные моменты въ развитіи науки, причины поздняго ея возникновенія.—Приемы научнаго изслѣдованія: описаніе явленій и изученіе ихъ закономерности (17). Отличіе законовъ общественныхъ отъ естественно-научныхъ (19). Типы и типическія отношенія (21). Двойственный характеръ экономическихъ явленій (сознательное и бессознательное коллективное творчество) (24). Точки зрѣнія причинности и цѣлесообразности (30). Примѣненіе дедукціи и индукціи (37). Значеніе и необходимость историческаго изученія хозяйства (40). Троякія задачи экономической науки: теорія, исторія и политика (42). Экономіка и этика (48). Двигатели или стимулы хозяйственной дѣятельности: эгоизмъ, альтруизмъ, групповые и общественные интересы, борьба и взаимопомощь, дѣйствія свободныя и принудительныя и соотвѣтственные имъ типы хозяйствъ: частныя и общественныя (59). Частно- и народнохозяйственныя точки зрѣнія и опредѣленія основныхъ понятій (77).

Процессъ развитія хозяйства и экономическихъ ученій . . . 88—192

Задачи и приемы историческаго изслѣдованія хозяйства . . 88— 93

А. Схематическій очеркъ развитія хозяйства (историческія ступени или періоды хозяйства). . . . . 93—111

I. *Натуральное хозяйство*: 1, дикій первобытный періодъ (94), 2, пастушескій или кочевой (96), 3, осѣдлый или земледѣльческій (98).—II. *Замкнутое мѣстное хозяйство* (101).—III. *Переходъ къ современному хозяйству* (105).

Б. Очерки исторіи хозяйственнаго быта, въ связи съ развитіемъ экономическихъ ученій . . . . . 111—192

I. *Теократическія государства древняго востока*. Индія, Египетъ и Іудея (113).—II. *Древне-классическія государства*: Греція (119) и Римъ (127).—III. *Средніе вѣка и феодальная система*. (130). Общая характеристика эпохи, основы землевладѣнія и землепользованія, ремесленные цехи и корпорации.—IV. *Переходъ къ новому времени* (141): Роль городовъ; усиленіе правительственной власти и ея вмѣшательства въ сферу хозяйства; преобразование ремесла въ мелкую домашнюю промышленность и мануфактуру; измѣненія въ сельскомъ хозяйствѣ.—V. *Меркантилизмъ*, его развитіе и ослабленіе подъ вліяніемъ начала идей свободной торговли (150).—VI. *Школа физиократовъ* (156).—VII. *Значеніе труда* Ад. Смита (158).—VIII. *Промышленный переворотъ и начало капиталистической системы* (161): Великія изобрѣтенія конца XVIII вѣка. Вліяніе машинъ на положеніе рабочихъ. Роль денегъ и кредита. Начало борьбы классовыхъ интересовъ.—IX. *Понятія коммунизма и социализма* (167).—X. *Современныя задачи и содержаніе полит. экономіи и ея отношенія къ соціальной политикѣ и соціологіи* (174): Включеніе въ науку элементовъ критики и оцѣнки. Сущность соціального вопроса по теоріи Шееля. Признаніе необходимости государственнаго вмѣшательства въ сферу народнаго хозяйства, какъ основы соціальной политики. Отношеніе полит. экономіи къ соціологіи. *Органическія теоріи общественнаго развитія* (Шеффле и Спенсеръ) (181). Общая характеристика процесса хозяйственнаго развитія и постепенное преобладаніе организационныхъ началъ сознательнаго коллективнаго творчества (186).

Основные элементы и условія хозяйства . . . . . 193—356

Глава I. Населеніе и трудъ . . . . . 193—235

1. *Населеніе* (193). Свойства населенія вообще и какъ основанія для вычисленія *массы труда*: количество, густота, составъ населенія по полу, возрасту и занятіямъ, по самостоятельности и производительности. Приростъ населенія. Теорія народонаселенія Мальтуса (203).

2. *Трудъ* (208). Понятіе и свойства хозяйственнаго труда. Пріятность и необходимость труда. Производительный и непроизводительный трудъ по А. Смиуту. Дѣленіе труда по видамъ его у Д. С. Милля. Производительность, напряженность и ловкость труда.—*Условія увеличивающія производительность труда* (219): А. Индивидуальныя (221), Б. Общественныя (222). Экономическое значеніе образованія (224). В. Соединеніе и раздѣленіе труда (226) (общественное и техническое), ихъ значеніе, достоинства и недостатки.

Глава II. Природа и полезности . . . . . 235—248

1. *Природа* (235). Роль внѣшней природы въ хозяйствѣ и взаимоотношеніе между нею и трудомъ. Природа, какъ условіе, увеличивающее производительность труда. Отдѣльные виды внѣшнихъ условій и даровъ природы (240). Измѣненія вносимыя человѣкомъ въ природу и убывающее плодородіе почвы (241—242).

2. *Полезности* (243). Три условія причисленія даровъ природы къ полезностямъ. Различныя основанія классификаціи полезностей.

Г л а в а III. Цѣнность и богатство . . . . . 248—269

1. *Цѣнность* (248). Общія основанія *потребительной* цѣнности субъективныя и объективныя. Субъективныя основанія исключительныхъ видовъ цѣнности. Краткая сущность теоріи предѣльной полезности (252). *Мгновая* цѣнность, какъ форма условная или историческая (255). Трудовое основаніе цѣнности. Средній общественно-необходимый трудъ, какъ мѣрило цѣнности. Отклоненія цѣнностей отъ трудового ихъ основанія подъ вліяніемъ монополій (260). Вліяніе юридическихъ факторовъ и условій на мѣновую цѣнность и цѣны вообще (262).

2. *Богатство* (264). Противоположеніе понятій цѣнности и богатства. Богатство съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, способы его измѣренія и условія его увеличенія или роста. Богатство съ частно-хозяйственной точки зрѣнія, какъ имущество и имущественныя отношенія.

Г л а в а IV. Капиталь и имущество . . . . . 270—332

1. *Капиталь* (270). Противопоставленіе капитала потребителю имуществу и опредѣленіе послѣдняго. Опредѣленіе капитала съ частно и народнохозяйственной точекъ зрѣнія (272). Прѣжнее и настоящее объясненіе происхожденія капитала, значеніе сбереженія и его условность (274). Капиталь, какъ историческая категорія (277). Виды и части капитала: постоянный и переменный, предпринимательскій и ссудный, основной и оборотный (279). Участіе послѣднихъ видовъ его въ составѣ продуктовъ производства и въ ихъ цѣнности (281). Роль машинъ и вліяніе ихъ на составъ и положеніе рабочихъ (283). Періоды обращенія капитала (285). Различное значеніе капитала въ обрабатывающей промышленности и земледѣліи (286).

2. *Имущество и взаимоотношенія между хозяйствомъ и правомъ* (290). Различныя объясненія взаимоотношеній между хозяйствомъ и правомъ.—*Теоріи для обоснованія права собственности* (298).—*Классификація объектовъ собственности* (306).—Оцѣнка значенія собственности съ точки зрѣнія ея экономической цѣлесообразности и вытекающее отсюда опредѣленіе объема правъ собственниковъ по отношенію къ различнымъ объектамъ собственности.—*Разграниченіе правъ частныхъ и публичныхъ* (310).—*Роль свободной воли въ договорахъ и обязательствахъ вообще и въ договорахъ о наймѣ на работу въ частности* (323).

Г л а в а V. Условія предпринимательской дѣятельности (обыкновенныя и исключительныя) . . . . . 333—356

1. *Свобода хозяйственной дѣятельности*, условія ея развитія и отдѣльные виды (334).

2. *Конкуренція* или соперничество, виды, условія и предѣлы ея развитія и превращенія въ монополіи и синдикаты (342).

3. *Спекуляція*, ея виды и значеніе (349).

4. *Конъюнктура*, составные ея элементы и значеніе (351).

5. *Предпринимательскій рискъ*, какъ результатъ всѣхъ этихъ условій (355).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Организація хозяйства и хозяйственные процессы.

ОТДѢЛЪ I.

Формы хозяйствъ и производственныя отношенія	357—444
Глава I. Общіе типы хозяйствъ	358—363
Частныя и общественныя, капиталистическія и коопера- тивныя	358—363

Отличія ихъ между собою по условіямъ вступленія въ нихъ, по субъектамъ, цѣлямъ и средствамъ, и по взаимоотношеніямъ участвующихъ въ нихъ лицъ.

Глава II. Формы (ступени) промышленности	363—404
--	---------

I. Домашнее производство (365). II. Мелкія формы: 1. Ремесло (367). 2. Мелкая домашняя промышленность (371). 3. Кустарная промышленность (373). III. Крупное производство—мануфактуры и фабрики (380). Роль машинъ и преимущества или выгоды крупныхъ предпріятій (техническія и экономическія) (381). Развитие русской крупной промышленности (387).

Глава III. Формы предпріятій	404—444
--	---------

A. Предпріятія капиталистическія и ихъ соединенія	404—444
---	---------

Общее понятіе о предпріятіи и о функціяхъ предпринимателей (404). 1. *Единоличныя предпріятія* (409); 2. *Полное товарищество* (410); 3. *Товарищество на взръ* или коммандитное общество (простое) (411); 4. Коммандитное общество на акціяхъ (412); 5. *Акціонерныя общества* (412). Краткая исторія развитія послѣднихъ вообще и въ Россіи въ частности.—*Сравнительная оцѣнка достоинствъ и недостатковъ капиталистическихъ предпріятій* (422). *Союзы предпринимателей и предпріятій* (синдикаты и т. п.) (426), ихъ виды и значеніе, мѣры борьбы съ ними.

B. Предпріятія и учрежденія кооперативныя	444—476
---	---------

Опредѣленія и классификація кооперативныхъ учрежденій (444).—Историческое развитіе *производительной* кооперации и отдѣльные ея современные виды (450).—Сравнительная оцѣнка достоинствъ и недостатковъ *производительной* кооперации и связь ея съ кооперацией *потребительной* (471).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
11	21 сверху	типичнымъ	типичными
33	25 „	пренебреженіе	пренебреженіе
33	29 „	отрешенія	отрѣшенія
35	5 „	казуальной	каузальной
64	11 „	смягченіе	смягченіе
105	19 „	и народами.	и народами ¹⁾ .
124	5 „	легче	лучше
133	7 снизу	поколѣніе	поколѣніе
136	24 сверху	схота	скота
139	13 снизу	строга	строю
146	16 „	Lohnsystem	Lohnsystem
173	4 сверху	полученіе	полученія
173	20 „	государст-	огосударст-
173	21 „	венны	влены
191	5 „	образованію	страхованію
239	12 снизу	то	что
250	3 сверху	метафорическое	метафорическое
290	4 „	зйствѣ	зйствѣ,
299	14 снизу	признагся	признается
299	2 „	чѣловѣка	человѣка
303	13 сверху	Неудовлетворительность	III. Неудовлетворительность
308	12 снизу	на какое-то	не какое-то
348	1 „	Влас	Blanc
352	9 „	висящихъ	висящихъ
352	4 „	(непридвидимыхъ)	(непредвидимыхъ)
359	7 „	добавленію	добыванію
368	2 „	Heimwerk	Heimwerk
378	16 „	куста	корня
382	18 сверху	1890 г. ¹⁾	1890 г. ³⁾
382	27 „	сеанки	станки
392	14 снизу	1865 . . . . 16.693	1863 . . . . 16.695
393	18 сверху	Въ 1865 г.	Въ 1866 г.
402	6 снизу	саблазнителя	соблазнителя
416	12 „	тѣхъ изъ	тѣхъ или
454	18 сверху	большое	большее

КАТАЛОГ

ПРОДАЖИ И ПОКУПКИ

ЗАМЕТКИ

№	Наименование	Единица измерения	Цена
1	Книга	шт.	10
2	Печатный лист	л.	5
3	Тираж	шт.	100
4	Копия	шт.	2
5	Экземпляр	шт.	1
6	Справка	шт.	3
7	Выписка	шт.	4
8	Справка	шт.	5
9	Выписка	шт.	6
10	Справка	шт.	7
11	Выписка	шт.	8
12	Справка	шт.	9
13	Выписка	шт.	10
14	Справка	шт.	11
15	Выписка	шт.	12
16	Справка	шт.	13
17	Выписка	шт.	14
18	Справка	шт.	15
19	Выписка	шт.	16
20	Справка	шт.	17
21	Выписка	шт.	18
22	Справка	шт.	19
23	Выписка	шт.	20
24	Справка	шт.	21
25	Выписка	шт.	22
26	Справка	шт.	23
27	Выписка	шт.	24
28	Справка	шт.	25
29	Выписка	шт.	26
30	Справка	шт.	27
31	Выписка	шт.	28
32	Справка	шт.	29
33	Выписка	шт.	30
34	Справка	шт.	31
35	Выписка	шт.	32
36	Справка	шт.	33
37	Выписка	шт.	34
38	Справка	шт.	35
39	Выписка	шт.	36
40	Справка	шт.	37
41	Выписка	шт.	38
42	Справка	шт.	39
43	Выписка	шт.	40
44	Справка	шт.	41
45	Выписка	шт.	42
46	Справка	шт.	43
47	Выписка	шт.	44
48	Справка	шт.	45
49	Выписка	шт.	46
50	Справка	шт.	47
51	Выписка	шт.	48
52	Справка	шт.	49
53	Выписка	шт.	50
54	Справка	шт.	51
55	Выписка	шт.	52
56	Справка	шт.	53
57	Выписка	шт.	54
58	Справка	шт.	55
59	Выписка	шт.	56
60	Справка	шт.	57
61	Выписка	шт.	58
62	Справка	шт.	59
63	Выписка	шт.	60
64	Справка	шт.	61
65	Выписка	шт.	62
66	Справка	шт.	63
67	Выписка	шт.	64
68	Справка	шт.	65
69	Выписка	шт.	66
70	Справка	шт.	67
71	Выписка	шт.	68
72	Справка	шт.	69
73	Выписка	шт.	70
74	Справка	шт.	71
75	Выписка	шт.	72
76	Справка	шт.	73
77	Выписка	шт.	74
78	Справка	шт.	75
79	Выписка	шт.	76
80	Справка	шт.	77
81	Выписка	шт.	78
82	Справка	шт.	79
83	Выписка	шт.	80
84	Справка	шт.	81
85	Выписка	шт.	82
86	Справка	шт.	83
87	Выписка	шт.	84
88	Справка	шт.	85
89	Выписка	шт.	86
90	Справка	шт.	87
91	Выписка	шт.	88
92	Справка	шт.	89
93	Выписка	шт.	90
94	Справка	шт.	91
95	Выписка	шт.	92
96	Справка	шт.	93
97	Выписка	шт.	94
98	Справка	шт.	95
99	Выписка	шт.	96
100	Справка	шт.	97

Часть первая (общая).

Введение.

Предметъ политической экономіи—хозяйственная дѣятельность, ея опредѣленіе и содержаніе.—Человѣческія потребности, какъ отправные пункты хозяйственной дѣятельности, ихъ особенности у человѣка по сравненію съ потребностями другихъ живыхъ существъ; удовлетвореніе потребностей и хозяйственный процессъ потребленіе. Остальные хозяйственные процессы: производство (различеніе въ немъ моментовъ техники и экономіи), обращеніе и распределеніе (причины болѣе поздняго появленія двухъ послѣднихъ).

Опредѣляя предметъ политической экономіи въ самыхъ общихъ чертахъ, можно сказать что это—человѣческое хозяйство или хозяйственная дѣятельность и ея организація. Въ свою очередь подъ хозяйствомъ понимается дѣятельность, направленная на добываніе или созданіе средствъ для удовлетворенія потребностей. Прежніе экономисты, а нѣкоторые даже еще и теперь, прибавляли слово: матеріальныя въ примѣненіи къ самимъ потребностямъ или хотя бы къ средствамъ ихъ удовлетворенія. Но такое суженіе предмета нашей науки въ настоящее время признается неправильнымъ,—такъ какъ проведеніе опредѣленной границы между матеріальными и нематеріальными потребностями почти невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, казалось бы, что потребность въ знаніи, удовлетворяемая изученіемъ тѣхъ или иныхъ наукъ и обученіемъ имъ, можетъ служить наиболее яркимъ примѣромъ и потребности нематеріальной, и дѣятельности, не имѣющей ничего общаго съ хозяйствомъ. На самомъ-же дѣлѣ нельзя себѣ представить успѣшнаго усвоенія знаній и развитія наукъ безъ книгъ, учебныхъ пособій, приборовъ, школьныхъ помѣщеній и наконецъ вообще средствъ существованія лицъ, исключительно посвящающихъ себя научной и учебной дѣятельности. Точно также удовлетвореніе музыкальныхъ потребностей обусловливается примѣненіемъ различныхъ инструментовъ, особыхъ зданій и т. п.

Никто однако не отнесетъ научную, литературную, художественную или музыкальную дѣятельность къ категоріи хозяйственныхъ занятій. И всякій въ то-же время легко согласится съ тѣмъ, что всѣ названныя высшія культурныя потребности, часто, къ сожалѣнію даже слишкомъ часто, остаются неудовлетворенными изъ за недостатка соотвѣтственныхъ матеріальныхъ средствъ для того,

чтобы просуществовать, пока длится періодъ полученія образованія, чтобы заплатить за свое обученіе, за книгу, за билетъ на театральное представленіе и т. д.

Потому-то хозяйственной дѣятельностью и не считаютъ самый процессъ удовлетворенія потребностей, а, какъ было точно выражено, только *добываніе* или *созданіе* средствъ для этого необходимыхъ и въ большинствѣ случаевъ по существу своему матеріальныхъ. Исключительно же таковыми средства эти являются лишь въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей тоже матеріальныхъ, къ каковымъ относится самая распространенная ихъ категорія такъ называемыхъ насущныхъ или чисто фізіологическихъ, какъ-то: потребности въ пищѣ, жилищѣ и одеждѣ. При ближайшемъ же разсмотрѣніи этихъ потребностей обнаруживается, что и онѣ включаютъ въ себѣ элементы тоже далеко не исключительно матеріальные. Такъ въ пользованіи одеждой и жилищемъ проявляются не только одни практическіе матеріальные интересы, (обезпеченіе тепла), но и требованія художественности или изящества, чувства тщеславія для отличія болѣе знатныхъ и богатыхъ лицъ и классовъ общества, наконецъ мода и т. п. привходящія условія.

Но и при всемъ преимущественно матеріальномъ характерѣ этихъ насущныхъ потребностей, есть большая разница между ними у человѣка и у прочихъ живыхъ существъ. Такъ у человѣка онѣ не такъ предопредѣлены, какъ напр. у звѣрей, ибо послѣдніе даже классифицируются на роды или виды по той пищѣ, которой исключительно они кормятся, а именно — на плотоядныхъ или кровожадныхъ, травоядныхъ, (въ томъ числѣ особо пережевывающихъ жвачку), и насѣкомоядныхъ. У всѣхъ этихъ видовъ животныхъ соотвѣтственно ихъ пищѣ устроены зубы, желудки, кишки и др. органы. А человѣкъ есть существо всеядное, оставаясь по своему физическому строенію одинаковымъ во всѣхъ мѣстахъ и климатахъ земного шара. Различіе-же въ пищѣ обусловливается прежде всего наличностью тѣхъ или другихъ видовъ ея въ разныхъ географическихъ широтахъ, какъ напр., отсутствіемъ растительной пищи на крайнемъ сѣверѣ и обиліемъ ея въ тропическихъ странахъ.

Далѣе, человѣческія потребности не отличаются такимъ постоянствомъ, какъ у прочихъ живыхъ существъ, а обладаютъ способностью расширяться; и по мѣрѣ удовлетворенія самыхъ насущныхъ, появляются новыя высшія, о которыхъ раньше и думать не приходилось. Вотъ этотъ-то ростъ и расширеніе человѣческихъ потребностей и есть первичный двигатель въ человѣческомъ-же хозяйствѣ, которое поэтому не остается на одномъ и томъ же уровнѣ, какъ у другихъ живыхъ существъ, а тоже развивается и совершенствуется,

т. е. измѣняются и расширяются средства удовлетворенія человѣческихъ потребностей.

Наконецъ, если всякая потребность вообще можетъ считаться инстинктивнымъ ощущеніемъ недостатка въ какихъ-либо предметахъ—средствахъ ея удовлетворенія или простымъ влеченіемъ къ нимъ, то у человѣка понятіе потребности изъ чисто инстинктивнаго чувства превращается въ болѣе или менѣе сознательное стремленіе къ его удовлетворенію. А такъ какъ въ этомъ дѣлѣ чѣмъ выше стоитъ человѣкъ на ступеняхъ своего хозяйственнаго и культурнаго развитія, тѣмъ менѣе зависитъ онъ отъ окружающей его среды или природы, и тѣмъ болѣе отъ прочихъ людей, то и потребность его превращается въ сознаваемую имъ зависимость отъ природы и прочихъ людей.

Конечно, въ громадномъ своемъ большинствѣ самыя насущныя потребности сводятся къ фізіологическимъ, стало быть матеріальнымъ, ихъ основамъ, а потому преимущественно такой-же характеръ имѣетъ и хозяйственная дѣятельность по своему существу.

Въ особенности это относится къ тѣмъ наиболѣе отдаленнымъ и продолжительнымъ періодамъ хозяйства, когда громадное большинство населенія озабочено было удовлетвореніемъ лишь наиболѣе насущныхъ своихъ потребностей. Да даже и въ настоящее время, при осложненіи и развитіи потребностей, хотя основанія ихъ коренятся въ *условіяхъ общежитія*, а не въ существѣ ихъ, средства удовлетворенія заключаются въ матеріальныхъ предметахъ, составляющихъ то что называется *благами, полезностями, цѣнностями* или во всей своей совокупности *богатствомъ*. Последнее понятіе по существу своему всегда матеріально и лишь въ видѣ исключенія, да и то, какъ увидимъ далѣе, неправильно, оно распространяется на нѣкоторыя нематеріальныя блага, въ родѣ запаса знаній, способностей, талантовъ и т. п.

Къ числу средствъ удовлетворенія потребностей, правда, относятся также и различныя человѣческія дѣйствія, въ непосредственномъ пользованіи которыми и заключается самое удовлетвореніе потребностей, какъ напр. слово учителя, игра артиста, рѣшеніе судьи и т. п.

Всѣ такія дѣйствія, носящія спеціальное названіе *услугъ*, въ однихъ случаяхъ, какъ въ только что приведенныхъ примѣрахъ, не носятъ никакого хозяйственнаго характера; въ другихъ-же хотя до извѣстной степени таковой и имѣютъ, то все таки лишь второ-степеннаго значенія.

Отсюда, при желаніи придать возможно болѣе матеріалистическій характеръ хозяйству самому по себѣ и наукѣ его изучающей,

цѣлью хозяйственной дѣятельности выставляли стремленіе къ богатству и его же считали предметомъ экономической науки. Таково было названіе одного изъ первыхъ болѣе или менѣе систематическихъ сочиненій по нашей наукѣ—это вышедшее въ свѣтъ въ 1776 году «Исслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ» Адама Смита, считаемаго многими отцомъ политической экономіи. Да и до сихъ поръ многіе экономисты продолжаютъ считать предметомъ нашей науки богатство само по себѣ или входящія въ составъ его предметы, напр. блага или цѣнности. Особенно часто это встрѣчается еще у французскихъ и англійскихъ авторовъ, но гораздо рѣже у нѣмецкихъ ¹⁾.

Но если неправильно считать предметомъ нашей науки *средства* удовлетворенія потребностей, то не менѣе ошибочно выводить понятіе хозяйственной дѣятельности изъ существа самихъ потребностей, хотя бы даже и только однихъ насущныхъ или матеріальныхъ. Стремленіе къ ихъ удовлетворенію можетъ считаться отпавнымъ *мотивомъ* или *конечною цѣлью* хозяйственной дѣятельности; но мотивъ или цѣль не есть еще дѣятельность сама по себѣ. И непосредственное удовлетвореніе потребностей не есть дѣйствіе хозяйственное само по себѣ, ибо нельзя считать таковымъ ѣду, (принятіе пицы), ношеніе одежды, пользованіе жильемъ, чтеніе книги, слушаніе музыки и т. п. Если-же среди такъ называемыхъ хозяйственныхъ *процессовъ* одинъ, носящій названіе «*потребленія*», наиболѣе приближается къ моменту удовлетворенія потребностей, то все таки онъ съ нимъ отнюдь не сливается по времени и не совпадаетъ по существу, а представляетъ собою нѣкоторыя дѣйствительно хозяйственныя дѣйствія, а именно: подъ потребленіемъ понимаются *различныя формы и способы распоряженія и пользова-нія средствами, косвенно или прямо могущими удовлетворять наши потребности.*

Такъ, хотя и не прямо, а лишь косвенно служатъ средствами

¹⁾ Къ числу таковыхъ относится напр. авторъ одного изъ сравнительно новыхъ курсовъ Пол. Экон.—Ю. Платтеръ, начинающій свой трудъ словами. „Предметомъ науки о хозяйствѣ являются блага“. Нѣмецк. изд. 1902 г., русск. пер. 1908 г. Изъ современныхъ франц. экономистовъ близокъ къ такому-же опредѣленію Ш. Жидъ, начинающій § о предметѣ П. Э. словами: „большинство авторовъ опредѣляетъ П. Э., какъ науку о богатствѣ“, хотя далѣе онъ и указываетъ на нѣкоторые недостатки такого опредѣленія. Его „Основы П. Э.“ русск. пер. изд. 1896, стр. 6. Мало по существу мѣняетъ дѣло присоединеніе къ „богатству“ словъ „его производство, обращеніе и распредѣленіе, а иногда и потребленіе“, какъ непосредственный предметъ П. Э. у большинства современныхъ англійскихъ и франц. экономистовъ.

удовлетворенія всякихъ потребностей деньги; такъ вотъ, когда они бываютъ тѣмъ или другимъ путемъ получены,—большую часть въ видѣ того или другого дохода, отъ имущества или заработка,—то ими можно распорядиться болѣе или менѣе разумно или умѣло въ хозяйственномъ смыслѣ, напр. тратить быстро или медленно, цѣликомъ или по частямъ, часть откладывать или сберегать, употребить часть ихъ на различныя цѣли страхованія или предупрежденія какихъ либо бѣдствій и опасностей, тратить раздѣльно или сообща съ другими лицами (кооперативно) и т. д.

Если же это прямые или непосредственные предметы потребленія, то ихъ иногда еще необходимо привести въ форму пригодную для пользованія, какъ напр. пищевые матеріалы надо превратить въ съѣдобный видъ, распредѣлить запасы въ порядокъ пользованія, вообще тратить ихъ умѣло или бережливо, въ своемъ отдѣльномъ хозяйствѣ или сообща съ кѣмъ-либо. Все это будетъ хозяйственнымъ процессомъ—потребленіемъ, но не физиологическимъ—съѣденіемъ пищи и не техническимъ—изнашиваніемъ одежды или домашней утвари.

Большинство экономистовъ придаютъ наименьшее значеніе этому хозяйственному процессу, а нѣкоторые даже совершенно отказываютъ ему въ какомъ бы то ни было самостоятельномъ значеніи и не отводятъ ему никакого мѣста на ряду съ прочими процессами въ системѣ науки или своего курса ¹⁾.

Изъ преувеличенія значенія богатства, съ одной стороны, и потребностей съ другой, а также изъ преумаленія значенія процесса потребленія, мы получаемъ возможность сдѣлать правильный обратный конечный выводъ, что центръ тяжести вопроса о предметѣ нашей науки лежитъ въ *самомъ существѣ хозяйственной дѣятельности*, которая пока однако еще не можетъ считаться нами достаточно опредѣленной, ²⁾ и потому подлежитъ прежде всего расчлененію ея на отдѣльные моменты или *процессы*.

Объ одномъ изъ нихъ—потребленіи сейчасъ было уже для на-

---

¹⁾ Такъ изъ русскихъ экономистовъ *М. И. Туганъ-Барановскій*. „Основы П. Э.“ 1911 стр. 107. Впрочемъ есть и такіе, которые отрицаютъ самостоятельное значеніе другихъ хозяйственныхъ процессовъ, какъ напр. *Ш. Жидъ*, отказывающійся даже понять „чему соответствуетъ отдѣлъ (или процессъ) обращенія“ н. с. стр. 7.

²⁾ Американскій экономистъ *Ричардъ Эли* въ его „Введеніи къ П. Э.“ справедливо отмѣтилъ, что предметомъ П. Э. сначала считалось богатство (само по себѣ), потомъ богатство въ его отношеніяхъ къ человѣку, (какъ средство удовлетворенія потребностей) и наконецъ, человѣкъ (самъ по себѣ) въ его отношеніяхъ къ богатству (какъ субъектъ хозяйственной дѣятельности).

чала достаточно разъяснено; перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другихъ процессовъ.

Самое *добываніе и созданіе средствъ для удовлетворенія потребностей*, есть хозяйственный процессъ, называемый *производствомъ*; онъ можетъ разсматриваться со слѣдующихъ двухъ точекъ зрѣнія: съ одной стороны насъ могутъ интересовать самые приемы добычи или выдѣлки какихъ-либо предметовъ, напр. способы и орудія охоты и рыбной ловли, способы обработки земли, въ смыслѣ примѣненія тѣхъ или иныхъ орудій, видовъ удобренія и т. п., или приспособленія для выдѣлки и обработки какихъ-нибудь ремесленныхъ и фабричныхъ издѣлій. Совокупность соотвѣтственныхъ навыковъ и знаній составляетъ содержаніе такъ называемыхъ техническихъ наукъ, а соотвѣтственная дѣятельность, играющая также огромную роль въ хозяйствѣ, называется его *техникой*. Но не эта сторона хозяйства интересуетъ экономиста, а то, что въ тѣсномъ смыслѣ слова заслуживаетъ названіе *экономіи*, какъ вида дѣятельности и *экономики*, какъ болѣе или менѣе систематизированнаго запаса знаній, доходящаго наконецъ до уровня соотвѣтственной науки. Что же такое эта экономія?

Происходитъ оно отъ древне-греческаго слова «ойкосъ»—домъ и «номосъ»—правило или законъ.

Подъ сочетаніемъ этихъ двухъ словъ подразумѣвалась *совокупность различныхъ правилъ и приемовъ веденія хозяйства*, которыми слѣдовало руководствоваться главамъ семей, какъ первичныхъ хозяйственныхъ ячеекъ. Присоединеніе опредѣленія «*Политическая*» явилось результатомъ дальнѣйшаго развитія понятія «экономія», именно перенесеніемъ его на хозяйства государственное, городское или все народное, которыя всѣ покрывались этимъ терминомъ у древнихъ грековъ («полисъ» и государство, и городъ у нихъ). При всей простотѣ прежнихъ формъ хозяйства однако уже и въ тѣ отдаленныя времена, значить, существовало противуположеніе словъ и понятій «техника» и «экономика», соотвѣтствовавшее очевидно раздѣленію этихъ двухъ моментовъ или сторонъ въ хозяйственной дѣятельности. А по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія и осложненія формъ хозяйства разграниченіе этихъ двухъ моментовъ проводится все яснѣе и рѣзче. Но лучше разъяснить это нѣсколькими наглядными примѣрами.

Въ личной дѣятельности не только какого нибудь первобытнаго, но даже и современнаго мелкаго земледѣльца или всякаго ремесленника совпадаютъ оба эти момента, т.-е. въ хозяйствѣ въ широкомъ смыслѣ слова техника и экономія трудно или совсѣмъ не раздѣлимы. Такъ тутъ одно и то-же лицо и землю пашетъ, и соображаетъ, когда и

чѣмъ выгоднѣе засѣвать эти или другіе участки земли, куда и когда везти свой хлѣбъ или другіе продукты земледѣлія на продажу, если они производятся уже не только для личнаго своего и своей семьи потребленія, не слѣдуетъ-ли нанять работника, если силъ членовъ семьи для обработки своего участка земли не хватаетъ и т. п. Точно также мелкій ремесленникъ самъ работаетъ своими инструментами на ряду или во главѣ со своими, обыкновенно немногочисленными, подмастерьями и учениками. И онъ-же самъ въ то-же время ведетъ свои несложные расчеты относительно наиболѣе выгодныхъ условій покупки сырого матеріала и орудій труда, какъ и условій сбыта своихъ произведеній—только-ли заказчикамъ или случайному покупателю, снести-ли ему на рынокъ неудавшійся экземпляръ или продать оптомъ весь товаръ скупщику. *Расчетъ и соображеніе* такимъ образомъ сопровождаютъ хозяйственную дѣятельность еще съ самой колыбели ея зарожденія, прежде всего выражаясь въ сознаніи выгоды примѣненія искусственно, т. е. своимъ упорнымъ трудомъ, создаваемыхъ орудій производства (охотничьихъ, земледѣльческихъ, ремесленныхъ или иныхъ все равно). Уже одно это *созданіе орудій своего промысла и пользованіе ими* знаменуетъ собою начало планомѣрной хозяйственной дѣятельности, дѣлая постепенно трудъ человека все болѣе и болѣе производительнымъ и тѣмъ съ самыхъ раннихъ ступеней развитія хозяйства ставя человека все выше и выше надъ живой и мертвой природой, изъ первоначальнаго раба которой онъ становится ея царемъ или владыкой.

На ряду съ человекомъ мы знаемъ конечно различные виды живыхъ существъ, которые въ дѣлѣ удовлетворенія своихъ потребностей обнаруживаютъ тоже какія-то планомѣрныя дѣйствія. Такъ разные звѣри и птицы болѣе или менѣе искусственно устраиваютъ свои логовища и гнѣзда; многіе изъ нихъ собираютъ на зиму запасъ пищи; а нѣкоторыя наиболѣе человеко-подобныя обезьяны даже пользуются камнями или палками для сбиванія плодовъ съ высокихъ деревьевъ. Наконецъ, существуютъ такъ называемыя общественныя существа и кромѣ людей, какъ напр., пчелы и муравьи, которыя имѣютъ довольно сложную организацію или порядокъ своего общежитія. Можно поэтому говорить даже какъ бы и о хозяйствѣ животныхъ и насекомыхъ, но только съ нѣкоторой натяжкой, суть которой заключается въ слѣдующемъ: всѣ ихъ эти, на первый взглядъ планомѣрныя, дѣйствія совершаются по разъ на всегда установленному для данной породы образцу или порядку витья гнѣздъ, устройства ульевъ и т. п. Всѣми дѣйствіями ихъ руководитъ прирожденный и унаслѣдованный *инстинктъ*, присущій

также въ значительной степени и человѣку въ тѣмъ большей степени, чѣмъ на болѣе низкихъ ступеняхъ своего историческаго развитія находится онъ.

Но достаточно упомянуть одно это слово *развитіе*, чтобы сразу же охарактеризовать наиболѣе существенное различіе между человѣческой дѣятельностью, вполне заслуживающей почетнаго названія хозяйственной, и этими жалкими подобіями ея, замѣчаемыми нами у этихъ низшихъ живыхъ существъ. Разумъ человѣка постепенно вытѣсняетъ собою первоначальный инстинктъ, который у наиболѣе цивилизованныхъ націй даже совершенно атрофируется, т. е. исчезаетъ. На промежуточныхъ ступеняхъ развитія инстинктъ у человѣка постепенно перерождается въ различные *унаследованные навыки* и *укоренившіеся обычаи*. Они обезпечиваютъ людямъ сохраненіе однажды приобрѣтенныхъ полезныхъ хозяйственныхъ приемовъ, какъ и вообще болѣе человѣческихъ формъ общежитія (въ области напр. права и нравственности); они вообще избавляютъ каждое новое поколѣніе отъ необходимости вырабатывать съизнова болѣе усовершенствованные приемы борьбы за существованіе сперва съ природой, а затѣмъ и съ прочими людьми. Но сами по себѣ эти укоренившіеся привычки и обычаи, представляя собой, съ одной стороны, элементы устойчивости въ общественныхъ формахъ жизни, съ другой стороны, не будучи освѣжаемы и восполняемы благами человѣческаго разума, могутъ превратиться въ элементы косности и застоя. Въ такомъ именно видѣ и представляется вѣчно неизмѣнный образъ жизни всѣхъ живыхъ существъ, кромѣ человѣка. Въ то-же время хозяйство постоянно является вѣчно развивающимся и измѣняющимся, и при томъ съ тѣмъ болѣею быстротой, чѣмъ большую роль играетъ въ немъ человѣческій разумъ, выражающійся въ расчетѣ и соображеніи и въ техническихъ усовершенствованіяхъ. Послѣднія опираются на чисто научныя знанія, въ свою очередь безконечно прогрессирующія, и дающіе возможность утилизировать тѣ самыя силы природы которыя раньше являлись для человѣка только враждебными, а теперь служатъ ему какъ самыя ревностныя и безкорыстныя слуги (напр. электричество).

Возвращаясь послѣ этого необходимаго какъ бы отступленія снова къ разграниченію техники и экономики, мы можемъ уже теперь яснѣе себѣ его представить. Владѣлецъ современнаго болѣе или менѣе крупнаго предпріятія никогда уже самъ лично не производитъ чисто механической работы, такъ какъ все время его уже поглощено хозяйственными въ строго экономическомъ смыслѣ расчетами и соображеніями. На службѣ у него находятся большое число наемныхъ лицъ, начиная съ простыхъ рабочихъ и кончая высоко

образованными техниками специалистами. Въ болѣе сложныхъ формахъ предпріятій, какъ напр., акціонерныхъ, существуютъ особыя категоріи высшихъ служащихъ, тоже наемныхъ лицъ, изъ коихъ одни завѣдываютъ чисто технической стороной предпріятій (техническіе директора), другіе специально экономической (хозяйственные директора), сферы компетенціи которыхъ совершенно ясно и рѣзко разграничены.

Растущая сложность современныхъ предпріятій вызываетъ необходимость такого сложнаго счетоводства и отчетности, что послѣднее порождаетъ, особыя научныя приемы, называемыя бухгалтеріей.

Современное развитіе кредитныхъ и страховыхъ учрежденій порождаетъ такіе спеціальныя приемы и операціи, которые ничево общаго съ техникой въ смыслѣ механическихъ созидательныхъ дѣйствій не имѣютъ. И если въ практической хозяйственной дѣятельности не всегда легко отличить моменты техники отъ экономіи, то во всякомъ случаѣ на долю экономіи, какъ науки, выпадаетъ совершенно самостоятельныя задачи и содержаніе. Самая-же сущность *основного экономического начала* въ хозяйствѣ заключается въ стремленіи использовать дары и силы природы и собственныя свои умственныя и физическія усилія, равно какъ орудія и матеріалы производства наиболѣе выгоднымъ способомъ; короче выражаясь — *достигнуть съ наименьшими усиліями наибольшихъ результатовъ*. Этотъ основной хозяйственный принципъ проходитъ красной нитью черезъ всю исторію хозяйственнаго развитія, а не составляетъ типичнаго признака только современнаго болѣе сложнаго хозяйства, основаннаго на широко развитыхъ началахъ раздѣленія труда и свободнаго соперничества. Только проявленіе его теперь гораздо замѣтнѣе и даетъ болѣе плодотворные результаты, чѣмъ на первоначальныхъ ступеняхъ хозяйства. И какъ бы ни мало былъ развитъ въ хозяйственномъ и въ другихъ отношеніяхъ первобытный дикарь, какъ бы не былъ онъ беззаботенъ по отношенію къ своему ближайшему и отдаленному будущему, всегда можно найти зачатки этого основного экономического принципа въ его немногосложной хозяйственной дѣятельности, все таки стоявшей неизмѣримо выше по сравненію со способами добыванія средствъ существованія у звѣрей, птицъ и насѣкомыхъ.

На одно изъ этихъ существенныхъ отличій и преимуществъ было уже выше указано—это пользованіе хотя бы самыми примитивными орудіями производства, самимъ же человѣкомъ для этой цѣли нарочно приготавливаемыми.

Теперь необходимо обратить вниманіе на другую особенность

человѣческаго хозяйства, тоже всегда ему присущую, а именно, что *нельзя себѣ представить чловѣка и просто живущаго, и ведущаго свое хозяйство совершенно изолированно отъ себя подобныхъ*. Конечно, такъ называемые круги общенія людей между собою исторически послѣдовательно все болѣе и болѣе расширялись; и въ постепенномъ расширеніи ихъ заключается тоже одна изъ типичнѣйшихъ чертъ развитія чловѣческаго общества и хозяйства. Но только нельзя исходить изъ предположенія, что первоначальнымъ типомъ было хозяйство совершенно изолированное или единичное. Оно можетъ быть называемо такимъ лишь въ сравнительномъ или относительномъ смыслѣ. Будь это первоначально самая малая по своимъ размѣрамъ семья, все таки это есть видъ общенія нѣсколькихъ лицъ между собою и въ томъ числѣ общенія хозяйственнаго. Пусть понятія прежнихъ семей ни по характеру взаимныхъ отношеній между ихъ членами, ни по размѣрамъ ихъ не совпадали съ нынѣшними. Но, на основаніи историческихъ и даже археологическихъ данныхъ, мы должны скорѣе допустить что размѣры прежнихъ семей были больше, чѣмъ нынѣшнихъ. Это выражалось въ своеобразныхъ древнѣйшихъ формахъ *патріархальнаго*, а еще раньше *и родового* быта, когда даже не могло существовать и представленія о правахъ и интересахъ отдѣльныхъ членовъ семьи. Очевидно, что и тогда должна была существовать нѣкоторая общность хозяйственныхъ интересовъ и стало быть нѣкоторая совмѣстная хозяйственная дѣятельность. Хотя бы для цѣлей самозащиты отъ дикихъ звѣрей и охоты на нихъ, люди должны были издревле привыкать къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ, а потому и цѣнить значеніе этой взаимопомощи.

Конечно, на первобытныхъ ступеняхъ своего развитія люди гораздо болѣе зависѣли въ дѣлѣ добычи средствъ существованія отъ окружающей ихъ среды или природы, чѣмъ отъ содѣйствія своихъ ближнихъ. Люди стояли тогда лицомъ къ лицу съ природой, завися отъ большей или меньшей щедрости ея къ нимъ. Поэтому самые первичные зачатки культуры и цивилизаціи встрѣчаются раньше всего тамъ, гдѣ эта природа была для нихъ больше матерью, чѣмъ мачехой, ибо только тамъ примитивная борьба за свое существованіе могла имѣть болѣе смягченныя формы и не вызывала непрерывнаго и особенно тяжелаго труда. А обезпеченный благодаря этому нѣкоторый досугъ давалъ возможность культивировать и нѣкоторыя высшія духовныя или умственныя силы и способности.

Далѣе, завися такъ непосредственно отъ природы, т. е. пользуясь только тѣмъ, что они находили въ окружающей ихъ средѣ въ болѣе или менѣе готовомъ видѣ и въ предопредѣленномъ при-

родою-же количествѣ, первоначально люди видѣли въ себѣ подобныхъ скорѣе соперниковъ въ борьбѣ за обладаніе этими готовыми дарами природы, чѣмъ сотрудниковъ въ совмѣстной работѣ. Особеннаго напряженія и даже ожесточенія борьба эта людей между собою достигала тамъ, гдѣ природа была больше мачехой и гдѣ быстрѣе росло неблагопріятное отношеніе численности или густоты населенія къ заселенному ими пространству. При такихъ условіяхъ приходилось только избивать своихъ враговъ-конкурентовъ въ дѣлѣ борьбы за обладаніе дарами природы и въ худшихъ случаяхъ даже пожирать своихъ враговъ.

Но эти-же причины приводили постепенно къ выработкѣ болѣе смягченныхъ условій совмѣстной жизни, сперва въ формѣ интересовъ рода или племени, а затѣмъ и узъ кровнаго семейнаго родства, впослѣдствіе-же первичныхъ формъ государственности съ одной стороны, какъ основъ общежитія правовыхъ и политическихъ, а съ другой стороны, все это приводило къ сознанію возможности, необходимости и пользы хозяйственныхъ общеній.

Ислѣдованія первобытнаго строя жизни современныхъ народовъ или нынѣшнихъ дикарей обнаруживаютъ, что вышеупомянутыя уже начала взаимопомощи, встрѣчающіяся очень часто и у другихъ живыхъ существъ, кромѣ людей, у послѣднихъ являются типичнымъ для нихъ на самыхъ отдаленныхъ ступеняхъ ихъ хозяйственнаго развитія. И только благодаря этому началу, люди, какъ существа слабѣйшія въ сравненіи со многими дикими животными, могли существовать на ряду съ послѣдними и даже пользоваться ими для своихъ цѣлей. И если можно считать доказаннымъ, что тѣ виды такихъ живыхъ существъ, которые отличаются способностью къ единенію между собой, имѣютъ больше шансовъ къ выживанію, то это имѣетъ гораздо большее примѣненіе къ людямъ. Борьба, какъ основа жизни и дальнѣйшаго развитія не есть поэтому единственное и наиболѣе характерное начало. Она типична въ смыслѣ борьбы за существованіе между разновидностями живыхъ существъ, а у людей—между иноплеменниками или у многихъ различныхъ родовъ, на которые распадались племена, но и то послѣ значительнаго ихъ разрастанія. Въ основѣ-же первичной жизни,—у челоѣка всегда болѣе или менѣе *общественной*, а не изолированной,—лежало начало взаимопомощи. Трудями такихъ извѣстныхъ ученыхъ, какъ Леббокъ, Тэйлоръ, Морганъ, Мэнъ, а изъ русскихъ М. Ковалевскаго вполне доказано, что отдѣльныя лица или изолированныя семьи, ведущія между собою жестокую борьбу за существованіе, не могутъ быть признаны первобытными формами и условіями жизни. Первобытными кругами общенія людей, и въ томъ числѣ хозяйственными, являлись гораздо болѣе крупныя группы—цѣлыя племена, орды, банды, кланы и т. п., предшествовавшія образованію крупныхъ и смѣшанныхъ семей полигамическихъ или моногамическихъ, на которыя они постепенно разбивались, какъ и самыя семьи, особенно моногамическія, постепенно сокращались въ своихъ размѣрахъ.

На одной изъ слѣдующихъ ступеней хозяйственнаго развитія, когда трудъ благодаря прогрессу въ техникѣ хозяйства, становится

уже болѣе производительнымъ, люди начинаютъ сознавать возможность извлекать непосредственно выгоды изъ труда другихъ, себѣ подобныхъ. Тогда, и только именно тогда, начинается развиваться *рабство*, первичнымъ источникомъ котораго является покореніе врага на полѣ битвы и дарованіе ему жизни на условіи подчиненія побѣдителю и работы на него. Очевидно практическій смыслъ такого новаго вида взаимоотношенія людей могъ основываться лишь на томъ расчетѣ, что трудъ раба можетъ создать нѣчто большее, чѣмъ сколько требуется на его содержаніе или прокормленіе; а это въ свою очередь и вытекало, какъ уже сказано, изъ увеличенія производительности человѣческаго труда.

Часть людей изъ одной суровой зависимости—отъ природы—попадаютъ въ другую—отъ себѣ подобныхъ, а послѣдніе строятъ на этомъ свое большее благосостояніе. Дологъ былъ этотъ періодъ существованія рабской зависимости одной, нерѣдко даже большей, части населенія отъ другой; не такъ давно этотъ періодъ закончился даже у самыхъ цивилизованныхъ народовъ, особенно если отнести къ категоріи рабовъ нашихъ недавнихъ еще крѣпостныхъ или вспомнить черныхъ невольниковъ въ Америкѣ. А все таки вѣдь это одинъ изъ видовъ хозяйственныхъ общеній людей между собою, правда—общеній не свободныхъ. Первоосновой такого господства однихъ лицъ или группъ и зависимости другихъ, пусть было грубое физическое насиліе или военная добыча—средство или причина не экономическія; но цѣль или мотивъ и дѣйствующая форма извлеченія выгодъ одними людьми изъ труда другихъ—хозяйственные или экономическіе.—Рабская зависимость по внѣшней юридической формѣ есть *сословная*, переходящая на этой основѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе рабовъ, какъ и позднѣе крѣпостныхъ; какъ *организаціонная-же форма*—это явленіе *правовое и политическое*. Отсюда выясняется сущность и различіе этихъ основныхъ организаціонныхъ системъ или началъ въ развитіи общества и хозяйства.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи проявляются слѣдующія осложненія во взаимоотношеніяхъ людей между собою, ведущія къ возникновенію двухъ новыхъ хозяйственныхъ процессовъ: *обмѣна* или *обращенія* и *распредѣленія*.

Пока хозяйство носитъ свои первобытныя формы, громадное большинство людей удовлетворяетъ свои потребности собственными своими усиліями и трудами рукъ своихъ или членовъ своей семьи (и иногда уже и рабовъ). Это, — какъ будетъ далѣе указано подробнѣе, — періодъ *натуральнаго* или *замкнутаго родового* или *домашняго* хозяйства. Постепенно однако развивается *спеціализація* или *дифференціація* труда и занятій, какъ въ предѣлахъ одной и

той-же семьи и хозяйства, такъ и въ смыслѣ различія и противуположенія промысловъ и занятій отдѣльныхъ группъ и частей населенія. Это и будетъ новымъ хозяйственнымъ началомъ, называемымъ *раздѣленіемъ труда въ техническомъ* смыслѣ въ первомъ случаѣ (внутри одного и того же хозяйства) и въ *общественномъ* смыслѣ—во второмъ. Изъ послѣдняго, и только изъ него, возникаетъ и все болѣе и болѣе развивается необходимость новыхъ видовъ взаимоотношеній людей—*обмѣна спеціальными продуктами производствъ* этихъ обособляющихся по своимъ занятіямъ группъ. Первоначально этотъ обмѣнъ носитъ чисто случайный характеръ—обмѣниваются случайными избытками въ хозяйствѣ, являющимися результатами напр., особенно удачной охоты или рыбной ловли, особенно богатаго естественнаго урожая, естественно растущихъ плодовъ и растений или позднѣе—искусственныхъ посѣвовъ.

Мало-по-малу однако это начало раздѣленія труда и занятій идетъ такъ уже далеко, что отдѣльныя хозяйства или цѣлыя ихъ группы начинаютъ производить свои продукты въ количествѣ завѣдомо и значительно превышающемъ собственныя въ нихъ потребности, т. е. для спеціальной цѣли *сбыта* ихъ или продажи въ чужія руки въ качествѣ того, что теперь называется *товаромъ*.

Тогда обмѣнъ этими спеціальными продуктами становится уже обычнымъ или нормальнымъ явленіемъ; появляется и классъ лицъ, занимающихся посредничествомъ въ этомъ обмѣнѣ—торговцы или купцы. Вслѣдствіе этого обмѣнъ или обращеніе пріобрѣтаетъ значеніе самостоятельнаго хозяйственнаго процесса, безъ котораго хозяйство уже немислимо. А въ связи съ развитіемъ обмѣна находится появленіе орудій его—денегъ, сперва металлическихъ, а затѣмъ и бумажныхъ, налагающихъ своеобразный отпечатокъ на соответствующій періодъ хозяйства.

Наконецъ, осложняясь еще болѣе, то-же начало раздѣленія труда приводитъ къ такой спеціализаціи ролей отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ группъ въ хозяйствѣ, что возникаетъ еще одинъ процессъ—*распредѣленіе доходовъ* или результатовъ хозяйства на почвѣ того или иного порядка распредѣленія имуществъ, какъ средствъ производства.

Въ настоящее время, когда оба эти позднѣе возникшіе процесса—распредѣленія и обращенія пріобрѣли громадное и самостоятельное значеніе, удовлетворенность потребностей, а стало быть и благосостояніе народа часто въ гораздо большей степени зависитъ не отъ абсолютнаго количества средствъ для удовлетворенія потребностей или размѣра общенароднаго богатства, а отъ того—у кого въ рукахъ и въ какомъ количествѣ они находятся или какъ распредѣляются

имущества и доходы. Поэтому, какъ уже сказано было, прежняя суровая непосредственная зависимость людей отъ окружающей ихъ среды или природы замѣняются зависимостью ихъ прямой или косвенной другъ отъ друга и отъ общества вообще. Отсюда слѣдуетъ что центромъ тяжести хозяйственной дѣятельности становится борьба людей между собою не столько изъ за обладанія естественными дарами природы, какъ *изъ за дѣлежа продуктовъ производства и долей дохода при его распредѣленіи*. Доходы-же эти постепенно все болѣе и болѣе начинаютъ находить себѣ выраженіе опять таки въ деньгахъ. Порядокъ распредѣленія доходовъ и имуществъ, обусловливается ролью, мѣстомъ или положеніемъ занимаемымъ отдѣльными лицами, группами или классами въ сложной системѣ общественныхъ взаимоотношеній, называемой *соціальнымъ строемъ*. Послѣдній, болѣе или менѣе искусственно, разлагается на свои составныя части въ видѣ строя *хозяйственнаго* (экономическаго) и *правового*, въ свою очередь распадающагося на дальнѣйшія подраздѣленія, по видамъ юридическихъ отношеній — государственныхъ (или политическихъ въ тѣсномъ смыслѣ слова) и гражданско-правовыхъ (имущественныхъ и обязательственныхъ, а также семейныхъ и наследственныхъ), какъ главнѣйшихъ, не говоря пока о другихъ категоріяхъ правъ и отношеній, какъ-то финансовыхъ, международныхъ, административныхъ, уголовныхъ и т. д.

Взаимоотношенія и явленія экономическія могутъ быть противопоставлены всѣмъ чисто юридическимъ слѣдующимъ отличіемъ: въ то время какъ вторыя имѣютъ въ виду отношенія людей только другъ къ другу, первыя включаютъ въ себѣ еще кромѣ того и непосредственныя *отношенія человека къ природѣ*, какъ окружающей его средѣ, откуда только и могутъ быть добываемы матеріальныя средства и силы.

Нельзя однако считать первымъ отличительнымъ признакомъ хозяйственной дѣятельности то, что «непосредственнымъ объектомъ ея является внѣшняя природа, а не человекъ», (какъ это говоритъ напримѣръ М. И. Туганъ-Барановскій, н. с. стр. 7). Это будетъ болѣе или менѣе правильно только по отношенію къ двумъ разсмотрѣннымъ хозяйственнымъ процессамъ — производству и отчасти потребленію; въ двухъ-же другихъ — распредѣленіи и обращеніи мы имѣемъ дѣло только со взаимоотношеніемъ людей по поводу уже произведенныхъ предметовъ или цѣнностей. Да и въ вопросахъ о формахъ и организаціяхъ самого производства отношенія человека непосредственно къ природѣ отступаютъ на второй планъ, въ особенности по мѣрѣ совершенствованія и развитія хозяйства вообще. И только въ области техники хозяйства въ узкомъ смыслѣ слова

значеніе самой природы, ея силъ и матеріи, и отношеніе къ нимъ человѣка представляетъ самую суть дѣла.

Сводя теперь воедино результаты всего предшествовавшего изложенія, мы можемъ уже полнѣе и точнѣе опредѣлить предметъ и содержаніе политической экономіи, а именно: это—*хозяйственная дѣятельность съ точки зрѣнія возникающихъ на ея почвѣ отношеній людей другъ къ другу и къ природѣ*. При этомъ природа служитъ *матеріальной или естественной почвой* для этой дѣятельности; другой-же почвой, какъ и условіями этихъ взаимоотношеній, является *тотъ или иной правовой строй общества*, въ свою очередь могущій быть какъ бы обратно обусловливаемъ строемъ хозяйственныхъ отношеній. Допущеніе такой взаимной зависимости или обусловленности между правовымъ и хозяйственнымъ строемъ жизни общества исключаетъ то предвзятое предположеніе или такой отправный пунктъ изслѣдованія, будто общественно-хозяйственными отношеніями, какъ первопричиной, обусловливаются всѣ остальные общественные порядки, какъ-то государственный, вообще правовой и даже нравственный (гипотеза экономического матеріализма). Съ другой стороны отвергается и обратное положеніе, что хозяйственная дѣятельность не только съ внѣшней формальной стороны, но и по существу своему предопредѣляется правовыми условіями, какъ какими-то готовыми и опредѣленными данными. Сейчасъ же возможно установить, какъ несомнѣнный фактъ, только то, что и хозяйственный, и правовой строй не представляютъ собой ни вмѣстѣ, ни въ отдѣльности чего-либо неизмѣннаго, т. е. разъ на всегда установленнаго, а тотъ и другой относятся къ категоріи явленій *исторически измѣняющихся и развивающихся*. Въ этомъ можно было убѣдиться хотя бы изъ сдѣланнаго уже самаго грубаго наброска тѣхъ измѣненій, которыя пережиты были хозяйствомъ отъ самыхъ первичныхъ ступеней его до современныхъ болѣе сложныхъ и совершенныхъ его формъ.

И то же самое можно было бы доказать на примѣрахъ измѣненій формъ государственнаго устройства и правового порядка; но сейчасъ это было бы несвоевременнымъ и потому неумѣстнымъ отклоненіемъ отъ главнаго предмета нашего вниманія; въ дальнѣйшемъ-же къ вопросу о взаимодействіи началъ правовыхъ и хозяйственныхъ намъ придется еще неоднократно обращаться и его обстоятельнѣе изслѣдовать.

Всего-же изложеннаго можно признать достаточнымъ для предварительнаго выясненія той *сущности хозяйственной дѣятельности* которая должна служить предметомъ нашей науки. При этомъ даже на самыхъ первыхъ порахъ оказалось необходимымъ считать

этимъ предметомъ не хозяйство въ какомъ-либо опредѣленномъ видѣ или состояніи, но развивающуюся и совершенствующуюся человѣческую дѣятельность, направленную на добываніе средствъ существованія, съ возможнымъ отстраненіемъ вопросовъ техники, противопологаемой экономіи. А подъ послѣдней мы условились понимать дѣйствія, которыя совершаются людьми, и взаимоотношенія, въ которыя они вступаютъ въ борьбѣ за свое существованіе съ природой и другъ съ другомъ на почвѣ хозяйственности.

Теперь же слѣдуетъ перейти къ разсмотрѣнію *пріемовъ и методовъ* изслѣдованія, примѣняемыхъ въ экономической наукѣ, въ зависимости отъ чего полнѣе выяснятся ея *задачи и содержаніе*.

Методологія політичної економії.

Методъ, задачи и содержаніе этой науки.—Основные моменты въ развитіи науки, причины поздняго ея возникновенія.—Приемы научнаго изслѣдованія: описаніе явленій и изученіе ихъ закономерности.—Отличіе законовъ общественныхъ отъ естественно-научныхъ.—Типы явленій и типическія отношенія.—Двойственный характеръ экономическихъ явленій—продукты бессознательно—и сознательно коллективнаго творчества.—Точки зрѣнія причинности и цѣлесообразности.—Примѣненіе дедукціи и индукціи.—Значеніе и необходимость историческаго изученія хозяйства.—Троякія задачи экономической науки: теорія, исторія и политика.—Экономика и этика.—Двигатели или стимулы хозяйственной дѣятельности: эгоизмъ, альтруизмъ, групповые и общественные интересы, борьба и взаимопомощь, дѣйствія свободныя и принудительныя и соотвѣтственные имъ типы хозяйствъ: частныя и общественныя.—Частно-и народно-хозяйственныя точки зрѣнія и опредѣленія основныхъ понятій.

Причины поздняго возникновенія науки.

87472
Можно представить себѣ человѣка, живущаго безъ государственныхъ учрежденій и правовыхъ нормъ, но нельзя представить себѣ человѣка въ самые отдаленные періоды существованія рода человѣческаго безъ какихъ бы то ни было формъ и способовъ веденія хозяйства. Тѣмъ болѣе насъ долженъ на первый взглядъ поражать тотъ фактъ, что именно наука о хозяйствѣ возникла сравнительно значительно позже другихъ общественныхъ наукъ. Если-же и существовали въ отдаленное время нѣкоторыя попытки изученія экономическихъ явленій, то затѣмъ изученіе всѣхъ остальныхъ общественныхъ наукъ значительно опередило развитіе науки о хозяйствѣ. До сихъ поръ поэтому существуютъ разногласія относительно времени ея появленія, какъ самостоятельной отрасли знанія. Основателемъ ея чаще всего считается *Адамъ Смитъ*, прямые послѣдователи котораго не только приписываютъ ему честь основанія ея, но и считаютъ, что онъ же чуть ли и не завершилъ зданіе этой науки. Однако изученіе исторіи политической экономіи обнаруживаетъ существованіе нѣкоторыхъ попытокъ обоснованія ея и ранѣе 1776 г. (годъ появленія «Изслѣдованіе природы и причинъ богатства народовъ» Ад. Смита).

Тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ задача, содержаніе и методъ политической экономіи составляютъ предметъ разногласій, такъ какъ одни экономисты опредѣляютъ ея предѣлы значительно шире, дру-

гіе—уже. Споръ этотъ имѣетъ для науки большое значеніе, такъ какъ тѣмъ или другимъ разрѣшеніемъ его обуславливается ея дальнѣйшая судьба или развитіе.

Причины поздняго возникновенія и развитія ученія о хозяйствѣ заключаются въ общемъ порядкѣ возникновенія научныхъ знаній. Прежде всего вниманіе ученыхъ останавливается обыкновенно на вопросахъ наиболѣе абстрактныхъ, т. е. отвлеченныхъ, въ наукахъ же естественныхъ—на вопросахъ болѣе общихъ. Какъ ни кажется это страннымъ, но изъ послѣднихъ прежде всего достигла наибольшаго развитія наука, изучающая наиболѣе отдаленныя отъ насъ явленія—движенія небесныхъ тѣлъ, т. е. астрономія. Общія законы физики и химіи открыты раньше законовъ органической жизни. Это объясняется отчасти тѣмъ, что конкретныя явленія окружающей насъ дѣйствительности труднѣе поддаются обобщенію, если явленія эти имѣютъ каждое свою индивидуальную окраску, затемняющую нѣкоторыя общія свойственныя имъ черты.

Съ другой стороны практическія знанія накопились совершенно самостоятельно, независимо отъ научнаго изслѣдованія. Жизненный опытъ при разрѣшеніи практическихъ вопросовъ подготовлялъ и вырабатывалъ сперва технику и искусства. Практическія свѣдѣнія, на которыхъ они основывались, будучи приводимы въ нѣкоторый порядокъ, становились затѣмъ систематизированнымъ запасомъ знаній и наконецъ наукой. Практическіе интересы побуждали, напр., заниматься лекарственными свойствами растений—отсюда образовалась впослѣдствіи ботаника; такимъ же путемъ изъ алхиміи развилась химія, изъ астрологіи астрономія и т. п. Тотъ же порядокъ развитія мы замѣчаемъ и въ политической экономіи: научныя ея положенія выдѣлялись изъ простыхъ практическихъ приемовъ и правилъ, которыми руководствовались торговцы при обмѣнѣ товаровъ и цѣнностей, или которыхъ держались представители государственной власти для регулированія приходовъ и расходовъ государства и вообще для обезпеченія народнаго благосостоянія. Только впослѣдствіи приемы эти превращались постепенно въ научныя положенія.

Трудность изслѣдованія въ этой области знанія обуславливается тѣмъ, что мы, по словамъ Джона Ст. Милля, «часто смѣшиваемъ стремленіе къ цѣли съ стремленіемъ къ средствамъ достиженія этой цѣли» ¹⁾. Смѣшеніе это въ политической экономіи является особенно возможнымъ, потому что объектомъ ея изслѣдованія служитъ изученіе вопросовъ человѣческаго благосостоянія и средствъ къ его

¹⁾ Дж. Ст. Милль. Утилитаріанизмъ, стр. 81 и сл.

обеспеченію; разграниченіе же между ними провести очень трудно. Примѣръ Д. С. Милля заключается въ томъ, что «мы часто стремимся къ приобрѣтенію денегъ, какъ *средствъ*, обеспечивающихъ матеріальное благосостояніе; но деньги незамѣтно для насъ становятся сами по себѣ *цѣлью* нашихъ стремленій». Политическая экономія изучаетъ добываніе средствъ для удовлетворенія потребностей и условія, обеспечивающія благосостояніе человѣка, и наряду съ научной любознательностью, развивается стремленіе примѣнить открытые законы къ дѣйствительности. Практику здѣсь труднѣе, чѣмъ въ какой либо другой наукѣ, выдѣлить изъ теоріи, потому что выводы теоріи слишкомъ непосредственно связаны съ практическимъ ихъ осуществленіемъ.

Приемы научнаго изслѣдованія и отличіе законовъ общественныхъ отъ естественныхъ.

Какіе же у насъ имѣются способы изслѣдованія законовъ хозяйственныхъ явленій?

Прежде всего возможно *описаніе*. Всякое изслѣдованіе начинается съ описанія конкретныхъ явленій, которыя затѣмъ сравниваются между собою, такъ что методъ, употребляемый нами на первыхъ порахъ, есть методъ *сравнительно описательный*.

Но этимъ настоящее научное изслѣдованіе никогда не довольствуется. Оно старается прежде всего отвлечь общіе черты индивидуальныхъ или конкретныхъ явленій и такимъ образомъ получаютъ болѣе отвлеченныя или абстрактныя представленія и понятія. Затѣмъ уже начинаютъ стремиться къ открытію *законовъ* изучаемыхъ явленій, въ томъ числѣ и причинной связи между ними.

Законы *общественныхъ* явленій существенно отличаются отъ законовъ, какъ ихъ понимаютъ науки естественныя, п. ч. явленія общественной жизни будучи, во-первыхъ гораздо болѣе сложными сами по себѣ, осложняются еще болѣе тѣмъ, что многія изъ нихъ вытекаютъ изъ *проявленія воли* и сознанія отдѣльныхъ лицъ и группъ. Но, не смотря на то, что иногда повидимому вполнѣ зависитъ отъ воли лица совершить, или не совершить какое либо дѣйствіе, можно бываетъ замѣтить, что во многихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ людей существуетъ извѣстная правильность. Напр., вполнѣ зависитъ отъ воли отдѣльныхъ продавцовъ привезти или не привезти въ данный городъ извѣстные продукты; но почти всегда бываетъ такъ, что привозится продуктовъ столько, сколько необходимо для потребленія. Хотя каждый отдѣльный торговецъ можетъ дѣлать

или не дѣлать этого, но въ общемъ является на рынокъ нѣкоторое среднее количество поставщиковъ соотвѣтственно числу покупателей. Число первыхъ можетъ увеличиться или уменьшиться въ зависимости отъ измѣненія числа вторыхъ; такъ что оба эти явленія, называемыя *спросомъ* и *предложеніемъ*, выражающіяся въ извѣстномъ соотношеніи продавцовъ и покупателей товаровъ, оказываются взаимно-обуславливающими другъ друга. Явленія эти суть слѣдствія извѣстныхъ причинъ, проявляющихъ свое дѣйствіе болѣе или менѣе однообразно. Уклоненія въ ту или другую сторону возможны; но въ общемъ колебанія приводятся къ одному уровню, который будетъ выражать собою нѣкоторую постоянную величину въ видѣ средней или нормальной цѣны товаровъ. Явленія эти, значить, слѣдуютъ одно за другимъ въ извѣстномъ порядкѣ однообразія. Общія черты такой послѣдовательности явленій могутъ уже быть поэтому выдѣляемы и изучаемы въ смыслѣ ихъ *закономѣрности*.

Одинъ изъ методовъ изученія такой послѣдовательности явленій, обнаруживающійся особенно замѣтно при сравненіи большаго числа явленій, есть методъ *статистическій*. Статистика, между прочимъ, обнаруживаетъ, на примѣръ, что не только отправления физической жизни человѣка, напр. болѣзненность и смертность, выражаютъ нѣкоторое постоянство, но также и явленія духовной его жизни, какъ напр., количество самоубійствъ или преступленій. Такъ оказывается, что число самоубійствъ и преступленій распредѣляется съ замѣчательною правильностью, какъ въ пространствѣ, такъ и во времени. А между тѣмъ явленія эти по существу своему суть чисто индивидуальныя, зависяція отъ стеченія сложныхъ и случайныхъ обстоятельствъ для отдѣльныхъ лицъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что эта законосообразность, а можетъ быть и законъ, имѣетъ непреложное значеніе? Здѣсь проявляется только *возможность повторенія* явленій, извѣстная тенденція къ совершенію данныхъ дѣйствій. Напротивъ того, въ наукахъ естественныхъ законъ есть выраженіе *неизмѣнной послѣдовательности* двухъ явленій. Тамъ уклоненій быть не можетъ. Водородъ смѣшивается всегда въ извѣстной пропорціи съ кислородомъ, образуя воду и т. п. Золото или желѣзо всегда и вездѣ имѣютъ свои опредѣленные свойства; законы движенія тѣлъ, преломленія лучей въ извѣстной средѣ всегда неизмѣнны и потому абсолютны и совершенны. Между тѣмъ законы общественныхъ явленій далеко не такъ постоянны и часто существенно измѣняются. Въ занимающей насъ наукѣ это выражается въ томъ, что хозяйственная дѣятельность никогда не остается неизмѣнною, она постоянно прогрессируетъ, мѣняя свои формы и приемы.

Типы и типическія отношенія.

Теперь возникаетъ вопросъ — какъ же выводить общіе законы среди того разнообразія формъ явленій, которое существуетъ въ общественной жизни? Для этого мы употребляемъ прежде всего слѣдующій приемъ: Мы соединяемъ въ извѣстныя группы формы конкретныхъ явленій. Напримѣръ, среди множества сдѣлокъ купли-продажи мы отыскиваемъ общія типическія черты этой сдѣлки и образуемъ абстрактное понятіе ея. Объединенныя по нѣкоторымъ общимъ признакамъ формы явленій образуютъ то, что называется ихъ *типомъ*. Съ другой стороны можно изучать конкретныя явленія сами по себѣ и взаимную послѣдовательность между ними; такъ, если замѣчаются нѣкоторыя общія черты послѣдовательности явленій или ихъ взаимнаго отношенія, то это уже будутъ *отношенія типическія*. Индивидуальныя черты отношеній между конкретными явленіями постепенно сглаживаются и исчезаютъ по мѣрѣ того, какъ мы изучаемъ все большее и большее число явленій.

Такимъ образомъ мы имѣемъ съ одной стороны типы, или постоянныя *формы явленій*, и устанавливаемъ на основаніи ихъ основныя научныя *понятія* и *опредѣленія*, безъ которыхъ вообще нельзя обходиться ни въ какихъ наукахъ.

Съ другой-же стороны, мы открываемъ постоянное соотношеніе, или послѣдовательность тѣхъ или другихъ конкретныхъ явленій самихъ по себѣ, что будетъ *типическимъ отношеніемъ*, выражающимъ собою уже нѣкоторую *закономѣрность* явленій. Понятія купли-продажи или обмѣна, деньги, капиталъ, процентъ, прибыль, и т. п. — суть *типы* (формы явленій). Правильное же возвышеніе, или паденіе цѣнъ товаровъ въ зависимости отъ спроса на нихъ и предложенія будетъ типическимъ отношеніемъ. Другой примѣръ: если въ странѣ увеличивается количество денежныхъ знаковъ, а товаровъ остается столько же, то деньги подешевѣютъ, а товары настолько же вздорожаютъ, т. е. поднимутся въ цѣнѣ. — Тутъ опять мы имѣемъ дѣло съ послѣдовательностью типической, или типическимъ отношеніемъ.

Открываемая такимъ путемъ *закономѣрность* экономическихъ явленій есть только такъ сказать условная или частичная, т. е. обнаруживаемая по отношенію не ко всему хозяйству и даже не къ составнымъ его процессамъ, въ цѣломъ разсматриваемымъ, а лишь при частичномъ анализѣ или разложеніи явленій на болѣе простыя или мелкія составныя ихъ части. Съ особеннымъ успѣхомъ открытіе такой *закономѣрности* достигается при анализѣ хозяйства *какой-*

либо определенной исторической его ступени или цѣлой эпохи, какъ напимѣрь, — современнаго мѣноваго хозяйства. Въ основѣ его лежатъ такія типичныя для него начала, какъ свобода труда, свободная конкуренція, широкое раздѣленіе труда и занятій съ вытекающимъ изъ него широкимъ развитіемъ обмѣна или обращенія, денежнаго и кредитнаго, наконецъ, самостоятельная роль капитала вообще и денежнаго въ особенности. Но всѣ эти начала были присущи хозяйству далеко не всегда или не въ одинаковой степени, а возникли и развились во времени, уступая уже и сейчасъ нѣкоторымъ новѣйшимъ началамъ, когда, напимѣрь, свободная конкуренція перерождается въ современные монополіи или синдикаты, охватывающія собою иногда цѣлыя отрасли промышленности. Также замѣтно совершается замѣна *частныхъ коммерческихъ* предпріятій, — основанныхъ на частной собственности и капиталѣ и на стремленіи извлечь изъ того и другого наибольшій доходъ или прибыль, — учрежденіями *общественными* — муниципальными (городскими и земскими), или государственными (казенными). Въ основѣ всѣхъ послѣднихъ лежитъ уже другое начало — стремленіе оказать возможно больше и дешевле услугъ членамъ этихъ общественныхъ группъ.

Закономѣрность въ вышеуказанномъ смыслѣ тогда оказывается лишь *условной*, а не абсолютной, какъ въ естественно-научномъ смыслѣ, т. е. въ мірѣ явленій физическихъ, химическихъ и т. п.

Прежніе экономисты пытались найти твердую точку опоры для такой закономѣрности въ той указанной уже особенности экономическихъ явленій, что они обнимаютъ собою отношенія людей не только другъ къ другу, но и къ природѣ. А такъ какъ послѣдняя управляется законами абсолютными, т. е. неизмѣнными, то отсюда будто бы и вытекаетъ и возможность вывести таковыя же законы для хозяйственныхъ явленій.

Но это далеко не такъ, потому что экономика есть изученіе не тѣхъ процессовъ, которые происходятъ въ самой природѣ, а скорѣе тѣхъ измѣненій, которыя люди вносятъ своей хозяйственной дѣятельностью въ окружающую ихъ внѣшнюю среду или природу, заставляя ее служить своимъ нуждамъ и интересамъ, т. е. эксплуатируя ея матеріальныя силы и средства. А въ этомъ отношеніи развивающіяся техническія знанія, можно сказать, творятъ настоящія чудеса, т. е. то, что самой природѣ не только не свойственно, а какъ будто даже противоестественно. Въ сущности конечно и всѣ эти, такъ называемыя «чудеса» современной техники суть только результаты умѣлаго использованія естественныхъ свойствъ силъ и матеріи, сперва постигнутыхъ при помощи объективно-научныхъ знаній (физики, химіи, фізіологіи и др. наукъ), а затѣмъ при-

мѣненныхъ на пользу и нужды человѣчества при помощи прикладныхъ или техническихъ знаній (технологіи, агрономіи, механики и т. п.). И если послѣднія на извѣстной ступени своего развитія достигаютъ такой точности и совершенства, что удостоиваются почетнаго титула *науки*, то то-же самое можетъ и пожалуй должно будетъ произойти со знаніями экономическими, какъ теоретическими, такъ и практическими. Только проведеніе между послѣдними столь-же ясной границы, какъ напр., между физикой и химіей съ одной стороны и соотвѣтственной имъ технологіей съ другой, гораздо затруднительнѣе, какъ это и было уже отчасти выяснено и что составитъ предметъ дальнѣйшаго изложенія.

Главная трудность заключается въ томъ, что, открывая законы, управляющіе явленіями внѣшней природы, человѣкъ только *познаетъ* ихъ, но не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки измѣнить хоть сколько-нибудь порядокъ, въ которомъ происходятъ эти явленія. Попытки подобнаго рода были бы и бесплодны, и бессмысленны; возможно только примѣненіе научныхъ истинъ и положеній въ техникѣ, но безъ измѣненій сущности законовъ и явленій самихъ по себѣ. Другое дѣло, когда подъ экономическимъ закономъ понимается порядокъ, въ которомъ совершаются явленія въ человѣческомъ хозяйствѣ. Тутъ прямо и немедленно это отражается на болѣе или менѣе полномъ удовлетвореніи человѣческихъ потребностей, или на степени большаго или меньшаго благосостоянія людей. Вопросы и отвѣты ставятся и получаютъ слѣдующаго рода: вопросъ—при какой системѣ хозяйства, при данномъ количествѣ матеріаловъ и трудовыхъ усилій, производится больше продуктовъ или они обходятся дешевле? Отвѣтъ—при такой то, т. е. напр., при примѣненіи началъ раздѣленія труда, при пользованія болѣе совершенными орудіями производства,—машинами, доступными только болѣе крупнымъ размѣрамъ предпріятій, при трудѣ свободнымъ, а не зависимомъ, (т. е. наемномъ, а не рабскомъ или крѣпостномъ) и т. д., и т. д.

Торжество этихъ высшихъ или болѣе совершенныхъ формъ и условій производства надъ нисшими осуществляется въ процессѣ хозяйственнаго развитія, что и констатируется экономической наукой. Но само по себѣ, т. е. въ самой жизни, торжество это является результатомъ *сознательныхъ* дѣйствій людей, въ частности примѣненіемъ основнаго хозяйственнаго принципа—*стремленія къ достиженію наибольшихъ результатовъ съ наименьшими усиліями*. Тутъ очевидно совпадаетъ и объектъ научнаго изслѣдованія и цѣлевое дѣйствіе человѣка, т. е. и объективно-научное, и *цѣлевое представленіе* объ извѣстныхъ явленіяхъ, въ данномъ случаѣ—хозяйственныхъ.

Для еще большаго выясненія этого важнаго вопроса приведемъ еще одинъ болѣе наглядный примѣръ: извѣстно, что одно и то же пространство земли можетъ прокормить различное количество людей, а именно—въ зависимости отъ того, какое они ведутъ хозяйство, т. е. чѣмъ добываютъ себѣ средства существованія. Такъ, наименьшее количество прокормится, если они живутъ только охотой, рыбной ловлей или собираніемъ дико растущихъ плодовъ и растений. Нѣсколько больше оно прокормить, если люди уже занимаются скотоводствомъ, оставаясь на одномъ мѣстѣ или кочуя со своими стадами. Значительно больше уже дастъ та же земля, если ее будутъ искусственно обрабатывать подъ посѣвъ и засѣвать хлѣбными злаками и др. растеніями. Если въ послѣднемъ случаѣ достаточно, чтобы на душу населенія приходилось примѣрно 5—6 десятинъ земли, то во второмъ ихъ надо имѣть не менѣе 10—15, а въ первомъ можетъ быть нѣсколько десятковъ.

Наблюдая историческій ходъ развитія хозяйства, мы замѣчаемъ, что хоть и не всегда въ такой строгой послѣдовательности, но по большей части оно такъ шло и идетъ, т. е. что осѣдлое земледѣльческое состояніе смѣняетъ собою скотоводственное-кочевническое и дикое охотничье. Первопричиной является постепенный приростъ населенія при невозможности располагать обширными свободными пространствами. Такъ происходитъ во вновь заселяемыхъ земляхъ вытѣсненіе дикарей, напримѣръ, индѣйцевъ въ Америкѣ болѣе культурными переселенцами. Подъ вліяніемъ той же причины, т. е. сгущенія населенія въ Азіи, а также и постепеннаго высыханія тамъ рѣкъ и озеръ, совершилось однако и великое переселеніе народовъ въ началѣ среднихъ вѣковъ изъ Азіи въ Европу, приведшее къ истребленію или порабоженію варварскими народностями болѣе культурныхъ осѣдлыхъ жителей Европы.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ на волю людей дѣйствовали извѣстныя внѣшнія условія какъ причины; но все таки эта воля проявлялась въ нѣкоторыхъ болѣе или менѣе сознательныхъ дѣйствіяхъ, въ томъ или другомъ хозяйственномъ планѣ.

Изъ всего этого слѣдуютъ, что научное объясненіе экономическихъ явленій можетъ и должно дѣлаться двоякое: одно—съ точки зрѣнія *причинности*, болѣе или менѣе аналогичное таковымъ же объясненіямъ явленій естественно-научнымъ.

Другое же объясненіе должно даваться при разсмотрѣніи воле-левыхъ и цѣлевыхъ дѣйствій, въ свою очередь осуществляющихся, въ хозяйствѣ въ двоякомъ видѣ: съ одной стороны, это могутъ быть дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, преслѣдующихъ свои обособленныя цѣли и интересы; съ другой-же—дѣйствія различныхъ группъ общеній людей, преслѣдующихъ свои общія цѣли и интересы. Теперь и слѣдуетъ поэтому разсмотрѣть такія двѣ группы экономическихъ явленій.

Двойственный характеръ экономическихъ явленій.

Двойственный характеръ экономическихъ явленій представляетъ собою какъ бы два пути въ ихъ развитіи, а именно: одинъ изъ этихъ путей есть проявленіе индивидуальныхъ интересовъ отдѣль-

ныхъ лицъ, дѣйствующихъ хотя и сознательно, но обособленно другъ отъ друга, т. е. *безъ всякаго сознательнаго коллективнаго плана*. Другой путь—это *сознательное въ коллективномъ смыслѣ творчество* разныхъ общественныхъ группъ.

Существованіе такихъ двухъ типовъ экономическихъ явленій не есть что-либо, свойственное имъ однимъ; напротивъ, тѣ же двойственныя черты можно замѣтить и въ явленіяхъ, относящихся къ другимъ областямъ общественной жизни. А потому для начала мы и приведемъ примѣры болѣе общаго характера. Такъ, рассмотримъ сперва *возникновеніе различныхъ путей сообщенія*, начавъ съ самой обыкновенной пѣшеходной тропинки, пролегающей черезъ поле, и кончая желѣзнодорожнымъ или рельсовымъ путемъ. Сравнивая между собою возникновеніе того и другого пути, мы сразу можемъ признать, что никакого общаго сознательнаго плана не было у лицъ, проложившихъ простую тропинку: она просто была протоптана отдѣльными лицами, дѣлавшими это ради сокращенія времени и пути. При этомъ первое, второе, третье и т. д. лица старались идти по прямой линіи, какъ кратчайшему разстоянію; но, такъ какъ это едва ли всѣмъ одинаково удавалось, то и линія эта не всегда выходитъ совершенно прямой. Пока трава не была протоптана настолько значительно, чтобы это было замѣтно для глаза, прохожіе иногда удалялись болѣе или менѣе въ стороны; но когда прошло уже довольно значительное число лицъ, то послѣдующіе уже старались идти по проторенному пути, и въ концѣ концовъ тропинка рѣзко опредѣлялась.

Такое явленіе носитъ на себѣ отпечатокъ своего не только индивидуальнаго, но несомнѣнно и общественнаго происхожденія, хотя бы въ силу одного того обстоятельства, что для этого потребовалось участіе непременно многихъ лицъ. Каждый изъ нихъ дѣйствовалъ, повидимому, совершенно произвольно и независимо отъ другихъ, но въ результатѣ явилось хоть маленькое, но все таки нѣкоторое общее дѣло или явленіе.

При полномъ отсутствіи всякаго взаимнаго соглашенія—относительно проложенія пути, какъ цѣли,—произошло это потому только, что въ данномъ случаѣ совпадали одинаковые интересы многихъ лицъ, заключавшіеся просто въ сбереженіи времени и силъ.

Совсѣмъ другое дѣло—проложеніе желѣзнодорожнаго пути или хотя бы большой шоссейной дороги. Здѣсь заранѣе составляется планъ—въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ, происходятъ болѣе или менѣе продолжительныя разсужденія о преимуществахъ того или другого направленія; затѣмъ производятся продолжительныя работы, и только послѣ всего этого путь оказывается готовымъ.

Тутъ во всемъ видна сознательная творческая работа коллективной воли и сознанія множества лицъ; между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ явленіе оказалось продуктомъ хотя тоже коллективнаго творчества, но сознательнаго только по отношенію къ отдѣльнымъ его участникамъ, а не ко всѣмъ имъ вмѣстѣ и одновременно взятымъ. Эти явленія потому-то и могутъ быть названы продуктами безсознательнаго (нерефлектированнаго) коллективнаго творчества, а другія—сознательнаго.

Распространяя подобные примѣры на области другихъ общественныхъ явленій, мы можемъ указать на происхожденіе естественнымъ порядкомъ языка, нравовъ, обычаевъ, правового порядка и т. д. По отношенію къ большинству изъ этихъ явленій можно сказать, что они обнаруживаютъ одинаковую послѣдовательность въ свемъ развитіи: являясь первоначально продуктомъ вышеуказаннаго безсознательнаго коллективнаго творчества, многія изъ нихъ на глазахъ исторіи переходятъ въ другую категорію. Но въ однихъ явленіяхъ этотъ процессъ совершается быстрѣе, въ другихъ медленнѣе, а въ нѣкоторыхъ онъ, можетъ быть, и никогда не совершится. Послѣднее болѣе всего относится къ языку, не смотря на сравнительно недавнія попытки созданія всемірнаго языка, въ родѣ воляпука, эсперанто и т. п. Но за то въ области правового творчества вполне возможно констатировать фактъ расширенія сознательнаго участія коллективныхъ общественныхъ силъ. Хотя тутъ, съ другой стороны, иногда замѣчается какъ бы и нѣкоторый обратный процессъ, выражающійся въ слѣдующемъ: иногда первоначальный законодатель самъ по себѣ ясно сознавалъ цѣль какаго-нибудь издаваемаго имъ закона, прикрываясь даже умышленно совершенно иными мотивами, а масса населенія, принимавшаго эти законы, соглашалась подчиняться имъ именно по этимъ послѣднимъ инымъ мотивамъ. Таково, на примѣръ, по формѣ религиозное, а по существу свѣтское законодательство Моисея, касавшееся соблюденія годовъ субботнихъ (черезъ 7 лѣтъ для обезпеченія отдыха землѣ), юбилейныхъ (черезъ 50 лѣтъ ради обезпеченія равномернаго распредѣленія имуществъ), и многіе другіе законы, очевидно, не божественнаго происхожденія, какъ не признаваемые теперь христіанскою церковью.

Наиболѣе рельефный примѣръ въ области хозяйства представляютъ собою *деньги*, съ точки зрѣнія ихъ возникновенія и современной формы ихъ выраженія. Общій для всѣхъ временъ и народовъ смыслъ и назначеніе денегъ заключаются въ томъ, что онѣ служатъ орудіемъ обмѣна и платежа, (орудіемъ же сбереженія или накопленія деньги начинаютъ служить лишь значительно позже).

Теперь не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію, что появленіе въ обращеніи денегъ не было и не могло быть результатомъ искусственнаго плана какого-нибудь правителя или законодателя. Деньги должны были появиться въ результатѣ раздѣленія труда и занятій, но уже послѣ того, какъ практиковался въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода натуральный обмѣнъ. Чисто мѣстныя условія или характеръ производительности тѣхъ или другихъ странъ и народовъ должны были выдвинуть значеніе какого-нибудь одного наиболѣе ходкаго товара въ роли и значеніи денегъ. Ими должны были сдѣлаться такіе предметы, которые каждый продавецъ охотно бралъ въ обмѣнъ за свой продуктъ, будучи увѣренъ въ томъ, что на этотъ предметъ или товаръ онъ всегда найдетъ охотника, кому бы его сбыть въ свою очередь. И вотъ, въ зависимости отъ этихъ временныхъ и мѣстныхъ условій, деньгами являются: скотъ (или его части, напр., шкуры), соль, слоновые клыки, различные плоды, чай (какъ на примѣръ и донынѣ кирпичный въ нашихъ торговыхъ сношеніяхъ съ азіатскими инородцами), золотой песокъ и т. п.

Никто никому не могъ бы навязать въ роли денегъ товара, не обезпеченнаго благопріятными условіями его сбыта; и потому только сами по себѣ естественныя свойства благородныхъ металловъ сдѣлали ихъ всемірнымъ орудіемъ обращенія; (свойства эти заключаются въ томъ, что благородные металлы не портятся отъ времени и, заключая въ небольшомъ объемѣ большую цѣнность, легко дробимы безъ потери цѣнности и удобосохраняемы). Но, разъ явившись въ роли денегъ, золото и серебро начинаютъ быстро переживать вышеуказанный процессъ развитія, какъ типъ общественныхъ явленій. Приобрѣтая форму *монетъ*, деньги издавна обращаютъ на себя вниманіе правителей, изъ чеканки ихъ дѣлающихъ свою привилегію (регалію). И тогда наступаетъ другой фазисъ—выпускъ (чеканка) денегъ становится однимъ изъ актовъ планомѣрной правительственной дѣятельности, иногда даже престаупающей границы своего естественнаго правомочія. Такъ, въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ началѣ новаго времени нерѣдко практиковалась умышленная порча и фальсификація монетъ правительствомъ, за что непочтительные потомки надѣляли своихъ правителей прозвищами «фальшивыхъ монетчиковъ». Въ концѣ-концовъ этому произволу самую жизнь или естественно-экономическими условіями кладется предѣлъ, такъ какъ испорченная монета все болѣе и болѣе теряетъ въ своей цѣнности, такъ что становится уже очевидной и для правителей невыгодность ея фальсификаціи. Явленіе это (деньги) изъ области чрезмѣрнаго произвола вводится снова въ свои естественныя рамки; но внѣшняя сторона дѣла все таки существенно измѣняется, такъ какъ оно (выпускъ монеты)

все таки остается сосредоточеннымъ въ рукахъ правительства. Послѣднее регулируетъ теперь монетное дѣло согласно указаніямъ экономической науки, развившейся прежде всего изъ критики различныхъ монетныхъ системъ и изученія причинъ цѣнности денегъ, (напримѣръ, чисто научный споръ о преимуществахъ золотой, серебряной или двойственной монетной системы).

Аналогичное явленіе обнаруживается въ исторіи развитія бумажныхъ денегъ—этихъ условныхъ денежныхъ знаковъ или ихъ суррогатовъ. И тутъ, какъ только была открыта возможность созданія этихъ, такъ сказать, искусственныхъ денегъ (въ противоположность естественнымъ-металлическимъ), нѣкоторыя правительства вначалѣ впадали въ ту же крайность, что и по отношенію къ звонкой монетѣ, но затѣмъ сами должны были сознать, подъ угрозой паденія цѣнности такихъ денегъ, что произвольности ихъ выпуска долженъ быть поставленъ извѣстный предѣлъ.

Точно также можно указать на то великое *начало раздѣленія труда и занятій* (спеціализація промысловъ), которое несомнѣнно исподволь и само по себѣ должно было возникнуть и играть свою роль въ исторіи развитія хозяйства; но въ отдѣльныхъ случаяхъ и оно даетъ возможность прослѣдить надъ нимъ ту же двойственность въ его происхожденіи. Начало это развивается естественнымъ медленнымъ путемъ, когда оно обусловливается постепеннымъ приростомъ населенія и особенно сгущеніемъ его въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Цѣлесообразность раздѣленія труда обусловливается именно этою густотою населенія и живымъ, вызываемымъ этимъ въ свою очередь, обмѣномъ продуктовъ и размѣрами сбыта. Въ старинныхъ, медленно развивающихся поселеніяхъ лишь исподволь развивается эта спеціализація промысловъ и торговли; но въ молодыхъ странахъ, какъ, напр., въ Сѣв. Америк. Соедин. Штатахъ, цѣлыя поселенія иногда сразу и по заранѣе составленному плану возникаютъ изъ извѣстнаго числа лицъ, предварительно распредѣлившихъ между собою различныя хозяйственныя роли. Да и вообще, если старинные *города* возникали и развивались безъ всякаго предварительнаго плана, а больше въ силу различныхъ случайныхъ условій, то теперь въ той же Сѣв. Америкѣ, а позднѣе и въ Австраліи, мы можемъ наблюдать возникновеніе цѣлыхъ громадныхъ городовъ, въ которыхъ, задолго до постройки домовъ, уже вполнѣ распланированы улицы, площади и т. д.

Далѣе, въ смыслѣ общаго правила, теперь самодѣйствующимъ регуляторомъ размѣровъ производства и торговли является *спросъ и предложеніе*, въ качествѣ явленія, неотражающаго на себѣ сознательнаго общаго плана со стороны массы населенія, а съ другой стороны мы видимъ все болѣе и болѣе развивающіяся со стороны торговцевъ и производителей попытки *сознательнаго* пользованія рынкомъ, т. е. условіями сбыта. Въ торговлѣ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, это выражается въ повсемѣстномъ учрежденіи и развитіи товарныхъ биржъ, какъ мѣстъ сосредоточенія свѣдѣній о цѣнахъ, а стало быть и потребностяхъ въ тѣхъ или другихъ товарахъ въ различныхъ мѣстностяхъ одной и той же страны и даже на всемирномъ рынкѣ. Со своей стороны, производители товаровъ стремятся все болѣе и

болѣе захватить въ свои руки цѣны товаровъ путемъ искусственнаго регулированія размѣровъ производства, устраная свободную, ничѣмъ несдерживаемую взаимную конкуренцію (синдикаты). Въ этомъ своемъ стремленіи производители впадаютъ даже нерѣдко въ такую же крайность, какъ средневѣковые цехи, ставившіе въ концѣ своего развитія слишкомъ узкія предѣлы размѣрамъ производства и улучшеніямъ техники. Какъ съ тѣми, такъ и съ другими формами чрезмѣрнаго произвола приходилось и приходится бороться опять-таки при посредствѣ различныхъ болѣе или менѣе сознательныхъ мѣръ.

Въ смыслѣ еще болѣе разительнаго примѣра сознательнаго воздѣйствія на сферу промышленности и торговли можно указать на развитіе различныхъ мѣръ по урегулированію *международныхъ* торговыхъ сношеній. Въ этомъ отношеніи принципиально уже можетъ считаться вполне отвергнутымъ прежнее убѣжденіе въ полной нендобности этихъ мѣръ. Вопросъ же или сомнѣнія возникаютъ только о томъ, какъ и чему слѣдуетъ покровительствовать, при помощи тѣхъ или другихъ таможенныхъ тарифовъ или торговыхъ договоровъ, и т. п.

Укажемъ хотя бы вкратцѣ еще на слѣдующіе два примѣра: порядокъ *установленія цѣнъ на товары и величины процента на капиталъ*.

Теперь, по общему правилу, *цѣны на товары* устанавливаются свободнымъ соглашеніемъ продавцовъ и покупателей, подчиняясь общимъ законамъ стоимости производства и подъ вліяніемъ колебаній, производимыхъ на рынкѣ спросомъ и предложениемъ. Но въ исторіи мы встрѣчаемъ указанія на то, что иногда цѣны устанавливались болѣе или менѣе искусственно высшею правительственною или мѣстною властью. Да и теперь нерѣдки случаи установленія предѣльныхъ цѣнъ (таксъ и тарифовъ) по отношенію къ товарамъ или услугамъ. Это даже считается необходимымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда продавцы находятся въ особенно благопріятныхъ или исключительныхъ условіяхъ, по сравненію съ покупателями. Таково, на примѣръ, положеніе содержателей буфетовъ на пароходахъ, станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и т. п., потому что тутъ они являются монополистами. Вообще, искусственное нормированіе цѣнъ является весьма цѣлесообразнымъ средствомъ для борьбы съ разными злоупотребленіями торговцевъ, а потому теперь ни въ теоріи, ни на практикѣ не считается уже возможнымъ полагаться въ этомъ дѣлѣ на исключительно свободныя условія хозяйственной дѣятельности или на самому себѣ предоставленный рыночный оборотъ. На мѣсто самодѣйствующихъ регуляторовъ—свободной конкуренціи или спроса и предложенія—выступаетъ, какъ уже выше было указано, самостоятельный и сознательный хозяйственный планъ. (Это, на примѣръ, особенно замѣтно въ заботахъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія, въ виду различныхъ случайностей, связанныхъ съ урожаемъ).

Точно также и по отношенію къ *проценту на капиталъ*. Въ исторіи мы встрѣчаемъ попеременно борьбу двухъ теченій: то дѣло это предоставляется вполне свободному соглашенію сторонъ, то, наоборотъ, правительство считаетъ своею обязанностью устанавливать максимальныя предѣлы роста. До послѣдняго времени, казалось, вполне прочно установлено было убѣжденіе, что всѣ подобныя правительственныя мѣры не только не достигаютъ своей цѣли, но даже приводятъ иногда къ противоположнымъ результатамъ. Но теперь замѣчается опять какъ бы обратное теченіе, выражающееся въ томъ, что снова искусственно устанавливаются предѣльные раз-

мѣры процента, взимаемаго по ссудамъ, подъ угрозою наказанія за ростовщичество. Правда, теперь эти ограниченія не имѣютъ характера общихъ, какъ прежде, мѣръ, а направлены они только именно на особыя сдѣлки, считаемыя *ростовщическими*, потому что въ нихъ находятся признаки злоупотребленія со стороны кредиторовъ бѣдственнымъ или стѣсненнымъ положеніемъ заемщиковъ. Въ чисто коммерческихъ или промышленныхъ отношеніяхъ, т. е. когда обѣ стороны предполагаются болѣе или менѣе равными по своей силѣ, вмѣшательство это считается по прежнему излишнимъ. Въ дѣйствительности мѣры эти могутъ быть пока еще не совершенными и не приводятъ къ желаемымъ результатамъ; но все-таки въ намѣреніи и попыткахъ вести борьбу съ лихвой мы видимъ несомнѣнный признакъ того, что и въ этомъ отношеніи утратилась вѣра въ безусловное преимущество господства quasi—естественныхъ экономическихъ законовъ, согласно которымъ высота процента можетъ и должна обуславливаться, главнымъ образомъ, только количествомъ капиталовъ въ той или другой странѣ.

Суммируя общія черты всѣхъ приведенныхъ примѣровъ, мы въ концѣ-концовъ и получаемъ выводъ, въ видѣ *необходимости признанія двухъ типовъ общественныхъ явленій*—однихъ, какъ *продуктовъ безсознательно-коллективнаго творчества*, и другихъ, какъ *продуктовъ извѣстнаго болѣе или менѣе сознательно проводимаго совместнаго плана дѣйствій*.

Точки зрѣнія причинности и цѣлесообразности.

Если бы всѣ общественныя явленія, или хотя бы только экономическія, могли быть отнесены лишь къ первой изъ этихъ двухъ категорій, то тѣмъ самымъ разрѣшался бы и вопросъ о методѣ ихъ изслѣдованія въ пользу его единства. Мы могли бы и должны были бы тогда примѣнять при изученіи этихъ явленій методъ изслѣдованія ихъ, сводимый только къ точкѣ зрѣнія ихъ *причинности*. А этой единой причиной мы бы должны были признать присущія людямъ *эгоистическія цѣли или интересы*, выражающіяся въ хозяйствѣ въ планомѣрномъ расчетѣ или экономіи своихъ силъ и средствъ. При этомъ однако слѣдовало бы еще опредѣлить и условія, обеспечивающія проявленія въ хозяйственной дѣятельности только однихъ такихъ движущихъ причинъ или стимуловъ. И главнымъ изъ этихъ условій являлась-бы *полная свобода дѣйствій*, выражающаяся въ свободномъ трудѣ, въ свободѣ выбора занятій, въ свободномъ соперничествѣ или безграничной конкуренціи, въ свободномъ распоряженіи всѣмъ своимъ имуществомъ, (въ томъ числѣ капиталомъ), въ свободномъ обращеніи имуществомъ, т.-е. переходѣ ихъ изъ рукъ въ руки, въ свободномъ установленіи цѣнъ товаровъ и услугъ (въ томъ числѣ и оплаты наемнаго труда

и т. д. Такое состояніе хозяйства можетъ быть названо *системой самому себѣ предоставленнаго или свободнаго рыночнаго оборота*, также системой *неограниченной или свободной конкуренціи*. Тутъ не было бы, съ другой стороны, мѣста никакому вмѣшательству въ хозяйственную дѣятельность съ чьей бы то ни было стороны, какъ наримѣръ прежней феодально-помѣщичьей власти, цеховыхъ корпорацій, мѣстныхъ органовъ самоуправленія, или центральной правительственной власти. Таковыя-же лица и учрежденія своимъ вмѣшательствомъ проявляли стремленіе къ достиженію различныхъ мѣстныхъ, групповыхъ или общенародныхъ и общегосударственныхъ цѣлей и интересовъ, какъ общественныхъ мотивовъ ихъ дѣйствій.

Но что же такое эта система «самому себѣ предоставленнаго оборота»? Соответствуетъ-ли она какому-либо дѣйствительному періоду или состоянію хозяйства или есть плодъ абстракціи, т. е. отвлеченная гипотетическая картина такого состоянія, какъ теоретически допустимаго?—Въ чистомъ своемъ видѣ, т. е. съ дѣйствительнымъ и полнымъ осуществленіемъ всѣхъ перечисленныхъ и нѣкоторыхъ еще не упомянутыхъ свободъ, такого состоянія хозяйства не было, нѣтъ, да и едва-ли когда нибудь будетъ. Возможно лишь болѣе или менѣе полное осуществленіе этихъ началъ, особенно если сравнивать между собою различныя эпохи. Такъ, въ концѣ XVIII вѣкѣ, когда во Франціи происходила рѣзкая ломка прежняго государственнаго и хозяйственнаго строя и зарождались начала новой эры, то могло казаться, что наступаетъ царство свободы во всѣхъ областяхъ жизни общества, въ томъ числѣ и въ хозяйственной. Въ эту свободу вѣрили,—что она наступаетъ и на нее надѣялись,—что она излечитъ отъ всѣхъ общественныхъ золъ и бѣдствій. Но ни того, ни другого не послѣдовало, хотя несомнѣнно, что наступившая новая хозяйственная эра можетъ и должна быть охарактеризована, какъ эра свободы въ хозяйствѣ по сравненію со всѣми предъидущими періодами.

Въ нашу ближайшую задачу не входитъ сейчасъ разсмотрѣніе этого вопроса по существу; насъ интересуеетъ пока только методологическій вопросъ—можно-ли строить зданіе экономической науки на такихъ основахъ и насколько цѣнны будутъ результаты такой постройки?

Отвѣтомъ на такой вопросъ послужить, во-первыхъ, весь ходъ развитія нашей науки, а, во-вторыхъ, далеко не законченный еще и до настоящаго времени споръ объ ея содержаніи, задачахъ и методѣ. Въ разрѣшеніи этого спора мы уже теперь значительно подвинулись впередъ, хотя бы установивъ неизбѣжныя различія между понятіями закона въ смыслѣ естественно-научномъ и эконо-

мическомъ, а также признавъ извѣстную уже двойственность въ характерѣ экономическихъ явленій. Какъ ближайшій выводъ отсюда и получилось примѣненіе изслѣдованія экономическихъ явленій съ точки зрѣнія причинности лишь въ ограниченномъ размѣрѣ, а именно при искусственномъ упрощеніи вопросовъ, сведеніи ихъ къ проявленію дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, свободно преслѣдующихъ лишь свои эгоистическіе интересы. Такое *упрощеніе* вопроса было допущено не вполне сознательно въ одинъ изъ начальныхъ моментовъ возникновенія политической экономіи, въ концѣ XVIII вѣка; затѣмъ отъ него все болѣе и болѣе отрекались, но въ концѣ XIX вѣка къ нему стали снова и уже вполне сознательно возвращаться.

Въ начальномъ моментѣ совпадала искренняя и наивная вѣра въ двоякое вышеупомянутое торжество началъ свободы въ хозяйствѣ, т. е. что она и дѣйствительно наступила, и что она обеспечитъ наиболѣе правильное рѣшеніе вопросовъ не только въ теоріи, но и на практикѣ. Последнее означало вѣру въ то, что хозяйство, основанное на полной свободѣ будетъ наиболѣе или даже самымъ совершеннымъ изъ всѣхъ возможныхъ его формъ. И въ то-же время такое хозяйство признавалось и за единственно *естественное*, не въ смыслѣ примитивной его натуральности, а какъ противоположеніе прежнимъ *искусственнымъ искаженіямъ* его со стороны разныхъ всемогущихъ правительствъ и прежняго государственнаго и хозяйственнаго режима вообще. Обосновавшись-же на началахъ свободы, хозяйственная дѣятельность будетъ-де регулироваться одними *естественно-экономическими* законами, подобными естественно-научнымъ, открытыя которыя и должна была зарождавшаяся въ концѣ XVIII вѣка экономика.

Таково было предшествовавшее Ад. Смиту и его школѣ ученіе *фізіократовъ*, самое названіе котораго должно было выражать его основную идею—господство природы или естества, т. е. торжество естественно-экономическихъ началъ и законовъ, возможное только на почвѣ полной свободы хозяйства. Эта сторона ученія фізіократовъ была у нихъ цѣликомъ заимствована А. Смитомъ; различіе-же было только во взглядахъ на источникъ народнаго богатства, а именно: земля и земледѣліе у первыхъ и трудъ у второго. Источникъ такой увѣренности въ возможность открытыя естественно-экономическіе законы вытекалъ отчасти изъ быстрыхъ успѣховъ естествознанія самого по себѣ, столь характерныхъ для конца того же XVIII вѣка и отразившихся на современномъ имъ развитіи и другихъ общественныхъ наукъ, напр. возникновеніе школы естественнаго права.

Вообще-же въ рассматриваемомъ періодѣ развитія экономической мысли и науки несомнѣнно тѣсно переплетаются между собою двоякія задачи экономіи—чисто *теоретическія*—познавательныя

и *практическія*—въ смыслѣ указаній на наилучшія условія веденія хозяйства для достиженія наибольшаго богатства или благосостоянія. На это указываетъ между прочимъ, и неоднократно уже упомянутое названіе сочиненія Ад. Смита, и еще болѣе прямое опредѣленіе цѣли или задачи науки — въ смыслѣ искусства добыванія средствъ существованія ¹⁾. Во всякомъ случаѣ эти первоначальные экономисты приходили къ своимъ выводамъ и заключеніямъ идя двоякимъ путемъ, а именно: разыскивая чистую научную истину, съ одной стороны, и критикуя практическія хозяйственныя системы современныя имъ и ближайшаго предшествовавшего имъ времени, съ другой.

Такъ изъ критики чрезмѣрнаго и неумѣлаго усердія прежняго правительства и вообще началъ отжившаго свой вѣкъ полицейско-правового государства развились противныя меркантилизму и протекціонизму этой эпохи ученія физиократовъ и А. Смита, требовавшія полной свободы промышленности и торговли. Въ отрицаніи пользы государственнаго вмѣшательства и признаніи преимуществъ свободы выражаются одновременно и выводы науки, и рецепты изъ области экономики, какъ въ то-же время нѣкоего искусства. И такого присущаго политической экономіи характера *искусства* не стыдились эти первоначальные экономисты, какъ то стали вскорѣ дѣлать ихъ гораздо менѣе талантливые ученики и послѣдователи, претендовавшіе на роль настоящихъ и чистыхъ ученыхъ, т. е. искателей однихъ неизблемыхъ научныхъ истинъ и положеній. Съ нихъ-то и пошло это пренебреженіе къ практическимъ результатамъ или выводамъ, которые могли получаться изъ научнаго изслѣдованія хозяйства и теперь опять открыто включаемыхъ въ составъ цѣлей и задачъ экономики. Открытіе-же неизблемыхъ экономическихъ законовъ стало покупаться цѣною отрешенія отъ дѣйствительной экономической жизни и ея практическихъ нуждъ; а средствомъ для достиженія этихъ болѣе возвышенныхъ научныхъ цѣлей стала служить чрезмѣрная отвлеченность научныхъ положеній и вообще уподобленіе политической экономіи или отвлеченно-философскимъ наукамъ, или-же конкретно-описательнымъ естественнымъ.

---

¹⁾ Вотъ подлинныя слова А. Смита: „Полит. Экономія, разсматриваемая какъ отрасль науки о человѣкѣ, государствѣ и законодателѣ, имѣетъ двѣ самостоятельныя цѣли: сдѣлать гражданъ искусными въ добываніи себѣ изобильныхъ средствъ къ существованію и доставить правительству доходъ соотвѣтствующій его общественнымъ службамъ (обязанностямъ); однимъ словомъ—обогатить народъ и правителя“. Вторая задача П. Э. очевидно совпадаетъ съ задачей современной финансовой науки, въ то время еще не отдѣлившейся отъ П. Э.

Такъ экономистъ первой половины XIX в. Росси говорилъ, что «политическая экономія есть наука умозрѣнія, а не наблюденія, т. е. наука чистаго разума. У такой науки не можетъ быть ни какой другой цѣли, кромѣ добыванія истины, такъ какъ лишь только станутъ дѣлать примѣненія изъ выводовъ науки, то она уже низводится на степень искусства». *Кокленъ* называлъ полит. экономію «соціальной фізіологіей». *Фредерикъ Бастіа*, держась того же взгляда, говорилъ, что дѣло политической экономіи только *описывать*, какъ производятся и распредѣляются богатства подобно тому, какъ фізіологія описываетъ работу нашихъ органовъ. Наконецъ, *Антуанъ Элоизъ Шербюлле* утверждалъ, что «политич. экономія не есть наука человѣческой, или общественной жизни и даже не наука матеріальнаго благосостоянія людей. Политическая экономія продолжала бы существовать, не терпя ни малѣйшаго измѣненія по отношенію къ своему предмету, если бы богатство не только не способствовало нашему благосостоянію, но даже и не имѣло бы на него никакого вліянія, а только продолжало бы производиться, обращаться и потребляться». Несостоятельность подобнаго воззрѣнія на задачу и содержаніе науки очевидна. Отдѣлить отъ понятія богатства значеніе средствъ, содѣйствующихъ нашему благосостоянію, совершенно немислимо, не входя въ рѣзкое логическое противорѣчіе съ самимъ понятіемъ богатства. Предметы производимые, обращающіеся и потребляемые, т. е. цѣнности, лишь на столько могутъ служить объектомъ политической экономіи, на сколько они производятся, обращаются и потребляются ради удовлетворенія нашихъ потребностей, т. е. ради обезпеченія нашего благосостоянія.

И такъ, чтобы имѣть возможность выводить причинную закономерность въ экономическихъ явленіяхъ, ихъ надо разложить на мельчайшія части и упростить тотъ сложный комплексъ явленій, изъ котораго образуется дѣйствительная хозяйственная жизнь страны или народа.

Такой методологическій приѣмъ находилъ себѣ оправданіе въ то время, когда только слагалась эта новая наука. Но тогда приходилось создавать то, что мы теперь должны считать лишь основаніемъ, остовомъ или скелетомъ науки; на долю-же послѣдующихъ ученыхъ и изслѣдователей выпадала забота о восполненіи промежутковъ между костями этого остова мягкими и болѣе измѣняющимися частями организма.

Такъ оно въ дѣйствительности и случилось, почему наука стала быстро прогрессировать, обогащаясь въ своемъ содержаніи и совершенствуясь въ своихъ приѣмахъ изслѣдованія, особенно съ развитіемъ школъ сперва чисто исторической, а затѣмъ историко-реалистической.

Но вотъ въ концѣ XIX вѣка, а отчасти даже еще и въ настоящее время, какъ бы возрождается эта старая школа, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Это выражается въ томъ, что предметъ и задачу политической экономіи опять начинаютъ съуживать и

ограничивать изученіемъ лишь того типа явленій, который относится къ бессознательному коллективному творчеству, т.-е. къ свободной борьбѣ эгоистическихъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ въ современномъ мѣновомъ хозяйствѣ. Такъ какъ только въ сферѣ такихъ явленій вопросы могутъ ставиться и разрѣшаться съ казуальной точки зрѣнія, т. е. причинности, а она,—и только она!—считается единственно научной, то выходитъ, что только это мѣновое хозяйство и можетъ быть предметомъ экономической науки; послѣдняя будто-бы только при такомъ своемъ содержаніи можетъ считаться точной и потому настоящей наукой, чуждой и историзма, и элементовъ критики и оцѣнки, приближающихъ ее къ искусству.

Во главѣ такихъ взглядовъ можно считать стоящимъ экономиста *Карла Менгера*, одного изъ основателей соотвѣтственной современной австрійской школы, (какъ бы нѣкоего кружка взаимнаго обожанія, какъ въ шутку называютъ ее германскіе нѣмцы, особенно приверженцы школы исторической), хотя независимо отъ Менгера и его австрійцевъ къ такой-же чрезмерно узкой и абстрактной задачѣ науки еще раньше приходили англичанинъ *Стэнли Джевонсъ*, швейцарецъ *Вальрасъ*, нѣмецъ *Лаунгардтъ* и др.

Въ такой отвлеченной или чисто теоретической экономикѣ, по мнѣнію напр. Джевонса, «имѣется дѣло съ тѣми общими законами, которые такъ просты по своей сущности и такъ глубоко коренятся въ организациі человека и въ устройствѣ видимаго міра, что они остаются неизмѣнными на протяженіи всѣхъ вѣковъ, доступныхъ нашему изученію».

К. Менгеръ, одинъ изъ первыхъ установившій два вышеразсмотрѣнныхъ типа экономическихъ явленій, (у котораго нами и взяты были даже многіе примѣры), не идетъ такъ далеко, какъ Джевонсъ, и ограничивается признаніемъ такой причинной закономерности экономическихъ явленій лишь въ предѣлахъ современнаго денежно-мѣноваго хозяйства. Это-то хозяйство онъ и рекомендуетъ изучать, какъ дающее возможность строить точные научные выводы и законы; какъ будто бы не наука призвана объяснять изучаемыя ею явленія, въ томъ числѣ жизненныя хозяйственныя, а наоборотъ система современнаго мѣноваго хозяйства существуетъ для того, чтобы доставлять наукѣ матеріалъ для ея построеній и выводовъ! Это опять нѣчто въ родѣ указаннаго еще Миллемъ смѣшенія цѣлей и средствъ. Гораздо болѣе правъ Менгеръ, когда онъ рекомендуетъ экономистамъ останавливаться на изученіи современнаго хозяйственнаго строя,—какъ одного изъ нѣсколькихъ ихъ типовъ,—въ виду пракческаго значенія такого предмета изученія. Но тутъ онъ впадаетъ съ собою въ то противорѣчіе, что если смотрѣть на вопросъ практически, то надо и современный строй изучать въ его *дѣйствительномъ* видѣ, а не въ *отвлеченныхъ отъ него отрывкахъ явленій*. Иначе трудно и назвать оторванные отъ своихъ жизненныхъ формъ явленія, изучаемые такой теоретической экономіей, ибо въ *дѣйствительной* жизни явленія эти почти непрерывно переходятъ изъ одной своей категоріи въ другую, какъ можно было въ этомъ убѣдиться изъ большого числа выше приведенныхъ примѣровъ двойственнаго характера экономическихъ явленій.

Еще послѣдовательнѣе и откровеннѣе Менгера одинъ изъ позднѣйшихъ представителей такой абстрактной экономики *Дитцель*, прямо говорящій, что экономическая наука должна изучать только свободное мѣновое хозяйство, которое въ тоже время признается имъ за «абстракцію», а не дѣйствительность.

Для изученія-же настоящей хозяйственной дѣйствительности, во всемъ богатствѣ ея содержанія, Менгеромъ и ему подобными рекомендуется какъ бы нѣкая низшая по своему научному чину или рангу «конкретная» экономія, которая можетъ и должна считаться съ фактами и условіями дѣйствительности, въ томъ числѣ и съ областью явленій сознательнаго коллективнаго творчества, не укладывающеюся въ прокрустово ложе теорій и законовъ абстрактной экономики.

Приблизительно такого-же взгляда изъ русскихъ экономистовъ придерживается М. Туганъ-Барановскій, тоже опредѣляющій политическую экономію въ двухъ смыслахъ—широкомъ и узкомъ, понимая подъ послѣдней *современную* П. Эб.—«какъ науку объ общественныхъ отношеніяхъ людей въ предѣлахъ ихъ хозяйственной дѣятельности, совершающейся въ средѣ исторически развивающагося свободнаго мѣноваго хозяйства»¹⁾.

И только эта «узкая» Пол. Экономія признается заслуживающей званія истинной науки, «какъ устанавливающая системы причинныхъ законовъ экономическихъ явленій». Но дальнѣйшая судьба такой науки оказывается очень печальной: «...есть полное основаніе признавать судьбу Полит. Экономіи, какъ своеобразной науки о причинныхъ соотношеніяхъ хозяйственныхъ явленій, тѣсно связанной съ современнымъ народнымъ хозяйствомъ. Вмѣстѣ съ нимъ она возникла и развилась и вмѣстѣ съ нимъ должна сойти со сцены. Въ социалистическомъ строѣ для этой науки мѣста не будетъ, хотя именно въ этомъ строѣ практическія знанія, относящіяся къ области экономической политики, и всѣ необходимыя для этого вспомогательныя научныя дисциплины,—напр., статистика—должны получить чрезвычайное развитіе. Политическая-же Экономія частью превратится въ теорію экономической политики, а частью войдетъ въ составъ болѣе общей науки объ обществѣ—соціологіи»²⁾.

Но можно и не опасаться за судьбу нашей науки, если не понимать ее такъ узко, если не считать единственнымъ научнымъ методомъ дедуктивный и задачу науки лишь установленіе причинной связи между явленіями. Все это было бы пожалуй необходимо, если бы возможно было уподобить общественныя науки вообще и экономію въ частности естествознанію. Ни въ этомъ однако, ни въ вышеуказанномъ узкомъ пониманіи нашей науки не представляется никакой надобности, ибо эта узкая наука ничего цѣльнаго изъ себя и не представляетъ; это не есть даже какая нибудь система экономическихъ явленій, а просто единообразнымъ принципомъ объясненныя отдѣльныя хозяйственныя явленія или скорѣе понятія и представленія о нихъ, отвлеченныя отъ дѣйствительности и въ такой формѣ не играющія сколько нибудь значительной роли въ объясненіи общаго состоянія хозяйства даже въ современномъ его видѣ, не говоря уже о процессѣ его непрестаннаго развитія. Если въ моментъ возникновенія науки эти отвлеченно-политическіе приемы и методы были, какъ уже ска-

¹⁾ *Туг. Барановскій*. Основы П. Э. стр. 14.

²⁾ Тамъ-же, стр. 17—18.

зано, совершенно умѣстны и своевременны для созданія остова науки и основныхъ научныхъ терминовъ, понятій и опредѣленій, то въ настоящее время работа экономистовъ въ такомъ направленіи должна быть признана если не совершенно безплодной, то весьма мало полезной, если не считать самоуслажденія и взаимнаго обожанія представителей подобнаго педантическаго теоретизированія. Да и само по себѣ послѣднее ограничивается, за рѣдкими исключеніями, установленіемъ этихъ точныхъ научныхъ задачъ и приемовъ лишь въ какой нибудь методологической главѣ общаго курса или въ специальной методологической работѣ. А затѣмъ объ этихъ требованіяхъ обыкновенно забываютъ тѣ-же авторы, когда переходятъ къ изложенію самой сути дѣла или вопросовъ. Такъ напр. въ наиболѣе полныхъ русскихъ курсахъ А. Исаева и М. Туганъ-Барановскаго въ такомъ стройномъ стилѣ выдержаны только методологическія вступительныя главы; а на протяженіи всего остального изложенія, съ несомнѣннымъ успѣхомъ для болѣе всесторонняго освѣщенія вопросовъ, примѣняются и другіе приемы объясненія явленій, кромѣ ихъ причиносообразности. Изъ ученыхъ-же строго выдерживающихъ «такой стиль» никто еще не далъ, да и не могъ бы дать, курса или учебника, сколько нибудь исчерпывающаго все богатство и содержаніе политической экономіи.

Дедукція и индукція.

Въ близкой связи съ вопросомъ объ исключительности метода причинности долгое время велся и другой методологическій споръ о примѣненіи къ изслѣдованію экономическихъ явленій одного изъ двухъ главнѣйшихъ логическихъ методовъ *дедукціи или индукціи*, а именно перваго. Методъ дедуктивный, какъ сводящійся къ *выведенію* заключеній изъ какихъ нибудь готовыхъ отправныхъ посылокъ и вообще умозаключающій отъ общаго къ частнымъ случаямъ, конечно долженъ былъ находить себѣ сторонниковъ среди представителей отвлеченно-теоретической экономики только что разсмотрѣннаго типа. За индукцію или *наведеніе* изъ конкретныхъ фактовъ стояли сторонники развивавшейся въ серединѣ XIX в. исторической школы.

Но въ свою очередь и дедукція могла примѣняться двойкая, какъ то особенно ясно установлено еще Дж. Ст. Миллемъ.

По Миллю дедуктивный методъ раздѣляется на два рода: дедукція физическая, или конкретная и дедукція геометрическая, или абстрактная. Первая примѣнима къ изслѣдованію явленій, которыми руководятъ болѣе сложныя причины (явленія міра физическаго); вторая—къ области вопросовъ и явленій болѣе абстрактныхъ (геометрія). Милль полагалъ, что, если бы существовала социологія, какъ наука не абстрактная, то нужно было бы прилагать къ ней методъ физической дедукціи; но онъ признавалъ, что изслѣдованіе этимъ методомъ очень трудно, вслѣдствіе совмѣстнаго дѣйствія многихъ

причинъ, производящихъ то или другое общественное явленіе. Поэтому онъ указываетъ на необходимость приложенія обратнаго дедуктивнаго метода для повѣрки выводовъ общественныхъ наукъ. Для политической же экономіи онъ считалъ примѣнимымъ методъ геометрической дедукціи, основываясь на томъ, что явленія экономическія могутъ быть разсматриваемы, какъ слѣдствія одной причины — эгоистическаго интереса или стремленія къ богатству. Впрочемъ Милль оговаривался, что въ дѣйствительности люди даже и въ хозяйственной дѣятельности руководятся не одними только эгоистическими стремленіями; но онъ считалъ необходимымъ дѣлать такое предположеніе, или брать его за исходный пунктъ, для выведенія точныхъ экономическихъ фактовъ. Будучи однако прежде всего широкимъ мыслителемъ и ученымъ, а не только экономистомъ, Милль въ свои «Основанія Полит. Экономіи» ввелъ столько живого, далеко выходящаго за предѣлы абстрактной экономики, матеріала и разсужденій, что конечно самъ первый отступился отъ исключительнаго примѣненія дедукціи не только геометрической, но даже и физической ¹⁾).

Долго велся сторонниками методовъ дедукціи и индукціи споръ еще о томъ, которымъ изъ нихъ пользовался Ад. Смитъ. Особенно этотъ споръ разгорѣлся во время празднованія столѣтняго юбилея выхода въ свѣтъ общеизвѣстнаго его труда. И, конечно, самая возможность этого спора доказываетъ только то, что А. Смитъ пользовался обоими методами, разъ что поклонники каждаго изъ нихъ находили примѣры и доказательства примѣненія имъ одного, а другіе другого. Да такъ оно и должно было быть потому, что трудъ А. Смита состоялъ изъ пяти частей или отдѣловъ, изъ коихъ наиболѣе важными теоретическими были только первыя двѣ, несомнѣнно построенныя скорѣе дедуктивнымъ методомъ; слѣдующія двѣ части по характеру своему были историческія и потому въ нихъ находила себѣ преимущественное примѣненіе индукція. Послѣдняя же часть посвящена была въ сущности финансовымъ вопросамъ (Теоріи и практикѣ обложенія налогами). И если бы не приведенный порядокъ размѣщенія частей — теоретическія предшествовали историческимъ, — то еще яснѣе выступало бы утвержденіе проф. Роджерса, а раньше его еще и Давида Юма, что теоретическіе выводы и положенія А. Смита опирались на обширный и прекрасно обработанный имъ жизненный матеріалъ, въ томъ числѣ и историческій.

Въ спорахъ о примѣненіи дедукціи и индукціи, значитъ, прежде всего надо различать умѣстность или неумѣстность примѣненія каждаго изъ этихъ методовъ къ *характеру матеріала и постановкѣ цѣлей и задачъ изслѣдованія.*

---

¹⁾ И для оправданія себя въ этомъ Д. С. Милль ввелъ даже въ названіе своего труда: „Основанія П. Э.“ подзаголовокъ „нѣкоторыя ихъ примѣненія къ общественной философіи“ — англійскій терминъ *Social philosophy*, подъ которымъ подразумѣвается нѣчто подходящее и подъ понятіе публицистики.

Разумѣется, въ установленіи болѣе общихъ, отвлеченно-теоретическихъ положеній, въ особенности законовъ и закономѣрностей, претендующихъ на постоянство ихъ значенія, должна преобладать дедукція. Въ изслѣдованіи-же хозяйственнаго быта въ его частностяхъ и подробностяхъ и въ особенности процессовъ хозяйственнаго развитія, равно какъ въ критикѣ и оцѣнкѣ явленій съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности, находила и будетъ находить себѣ наибольшее примѣненіе индукція. Въ то-же время, какъ бы абстрактны и абсолютны не казались общія экономическія теоремы и законы, какъ образцы дедуктивныхъ выводовъ, все таки первичнымъ и основнымъ матеріаломъ для нихъ служили наблюденія, сдѣланныя надъ дѣйствительной жизнью, накопленныя и систематизированныя путемъ индуктивнымъ. Другими словами этотъ споръ о пригодности того или другого метода для политической экономіи вообще, представляется теперь празднымъ. И это вѣрно въ особенности, если подъ политической экономіей понимать изученіе хозяйственной дѣятельности въ широкомъ смыслѣ, т. е. въ ея прошломъ и настоящемъ, а также и непосредственно изъ всего этого вытекающемъ будущемъ, а не только одно отвлеченное теоретизированіе на почвѣ современнаго хозяйственнаго строя и, въ сущности неуловимой, его устойчивости. Въ послѣднемъ случаѣ, конечно, преобладала-бы дедукція.

Но можно идти чисто логическимъ путемъ и придти къ выводу даже обратному только что полученному, а именно: у первоначальныхъ экономистовъ, (фізіократовъ, А. Смита и его школы), отправнымъ пунктомъ изслѣдованія служили явленія и понятія *частнаго* хозяйства, сами по себѣ гораздо болѣе реальныя или осязательныя, чѣмъ элементы хозяйства *народнаго*. Послѣдніе выводились ими нерѣдко путемъ простого обобщенія или перенесенія на нихъ свойствъ первыхъ (частнохозяйственныхъ понятій и явленій). Понятіе самаго народнаго хозяйства нерѣдко при этомъ получалось путемъ простого суммированія всѣхъ входящихъ въ составъ его частныхъ хозяйствъ. Но это путь, какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ, совершенно неправильный, такъ какъ объемъ и значеніе однихъ и тѣхъ-же понятій и явленій съ точекъ зрѣнія хозяйствъ частнаго и народнаго очень часто не совпадаютъ другъ съ другомъ и даже они должны быть другъ другу противоположаемы. Самъ-же по себѣ такой путь восхожденія отъ явленій болѣе частныхъ къ общимъ—народнохозяйственнымъ—скорѣе подходитъ подъ типъ индуктивнаго.

Мнѣнія экономистовъ, наиболѣе спокойно и объективно относящихся къ этому спору о логическихъ методахъ въ политической экономіи, теперь несомнѣнно сводятся къ тому, что было уже нами высказано, а именно, что не должно быть рѣчи объ исключительномъ примѣненіи одного изъ этихъ двухъ методовъ, а каждый изъ нихъ долженъ находить свое примѣненіе.

Такъ, англійскій экономистъ *Кейнсъ*, въ сочиненіи, посвященномъ спеціально *методологии* П. Э., говоритъ напр., слѣдующее: «Невозможно обосновать право какого-нибудь одного метода на устраненіе всѣхъ остальныхъ съ поля изслѣдованія. Пригодными могутъ быть различные методы въ зависимости отъ матеріала, подлежащаго обработкѣ, отъ достигнутой ступени изслѣдованія и отъ поставленной имъ себѣ цѣли; а отсюда возникаетъ особая задача—*указать каждому изъ методовъ его законное мѣсто и относительное значеніе*»¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ-же говоритъ: ...«мы покажемъ, что надлежащимъ методомъ будетъ абстрактный либо реалистическій, дедуктивный или индуктивный, математическій либо статистическій, гипотетическій либо историческій, смотря по тому, какая область или задача науки имѣется въ виду каждымъ даннымъ изслѣдованіемъ»²⁾.

Такого-же мнѣнія держится одинъ изъ старѣйшихъ и крупнѣйшихъ изъ современныхъ нѣмецкихъ экономистовъ—берлинскій профессоръ *Ад. Вагнеръ*: «Два метода эти таковы»—говоритъ онъ—«съ одной стороны дедукція изъ психологическихъ мотивовъ,—прежде всего и болѣе всего изъ мотивовъ личнаго интереса, а затѣмъ и изъ иныхъ побужденій; съ другой—наведеніе (индукція) изъ исторіи, изъ статистики и изъ наименѣе точнаго и достовѣрнаго, но необходимаго процесса—повседневнаго наблюденія и опыта. Съ обоими этими методами должны мы подходить къ разнообразнымъ экономическимъ задачамъ или вопросамъ и разрѣшать ихъ насколько можемъ. Которымъ изъ нихъ пользоваться больше—это зависитъ отъ сущности каждой данной задачи; но зависитъ также отъ склада ума и, по всей вѣроятности, отъ случайности образованія и воспитанія cadaго автора».

Значеніе и необходимость историческаго изученія хозяйства.

Послѣ сравнительно болѣе подробнаго разсмотрѣнія условій и способовъ примѣненія метода дедуктивнаго въ связи съ изученіемъ явленій исключительно съ точки зрѣнія ихъ причинности, очевидно нѣтъ надобности долго останавливаться на приѣмахъ и сферѣ примѣненія *индукціи*. Должно уже быть яснымъ, что послѣдняя тѣснѣе всего связана съ *исторіей хозяйства* или его развитіемъ, которая теперь признается непремѣнною составною частью нашей науки въ полномъ ея объемѣ. Но такое воззрѣніе на задачи и содержаніе нашей науки сложилось лишь постепенно, да и теперь раздѣляется далеко еще не всѣми экономистами. Это выражается въ раздѣленіи ихъ на представителей школъ чисто-теоретической и исторической, съ подраздѣленіемъ послѣдней еще на чистую историческую, историко-этическую и историко-реалистическую.

Отрицаніе значенія исторіи хозяйства присуще было сперва такъ называемымъ классическимъ экономистамъ, прямымъ послѣдователемъ Ад. Смита

¹⁾ *Дж. Н. Кейнсъ*: „Предметъ и методъ Пол. Экон.“ русск. перев. изд. 1899 г., стр. 7.

²⁾ Тамъ-же стр. 24

и составлявшимъ его школу, хотя далеко не во всемъ вѣрную завѣтамъ своего первоучителя. Такъ мы видимъ, что послѣдній примѣнялъ и дедукцію и индукцію, выводилъ и общіе законы, и рисовалъ картины хозяйственнаго развитія, и критиковалъ прежнія основы экономической политики, (напр., системы меркантилизма и протекціонизма). Одинъ же изъ ближайшихъ учениковъ А. Смита во Франціи *Жанъ-Батистъ-Сэй* рѣшительно утверждалъ, что истинная наука можетъ обходиться безъ историческаго изслѣдованія соеого предмета. «Къ чему послужить намъ, говорилъ онъ, сопоставленіе нелѣпыхъ возрѣній и справедливо заброшенныхъ ученій? Раскапывать ихъ было бы столь-же бесполезно, какъ и противно. Поэтому тѣмъ короче будетъ исторія всякой науки, чѣмъ она болѣе разработана, такъ какъ надъ тѣмъ, что думали другіе люди, мы копаемся только вслѣдствіе собственнаго недостатка въ твердыхъ и ясныхъ понятіяхъ».

По поводу такого изрѣченія Сэя отецъ германской исторической школы проф. *В. Рошеръ* во введеніи къ своей знаменитой «Исторіи политической экономіи» сказалъ слѣдующее: «Подобныя возрѣнія теперь едва-ли нуждаются въ серьезномъ опроверженіи. Слѣдуетъ только умѣть отличать старое отъ устарѣлаго. Въ искусствѣ, какъ и въ наукѣ, можетъ устарѣть только не имѣющее серьезнаго значенія; по поводу послѣдняго можно только сомнѣваться—было-ли еще оно когда-нибудь юнымъ. То же, что имѣло для своего времени серьезное значеніе, никогда не можетъ устарѣть. Такимъ образомъ оказывается правильнымъ, что только тѣ люди имѣютъ дѣйствительный интересъ къ будущему, которые умѣютъ интересоваться и прошедшимъ. Умственно высоко развитые люди подобны тѣмъ высокимъ горамъ, которые еще позднимъ вечеромъ кончающагося дня отражаютъ лучи заходящаго солнца, какъ и онѣ-же раньше отражаютъ ихъ утромъ слѣдующаго дня при его восходѣ».

Надо еще умѣть различать исторію развитія самихъ изучаемыхъ явленій отъ исторіи изучающей ихъ науки. И даже въ примѣненіи къ наукамъ естественнымъ недопустимо огульное отрицаніе въ нихъ историческаго элемента, не даромъ онѣ называются естественно-историческими. Такъ и зоологи, и ботаники, и геологи, а послѣдніе даже въ особенности, изучаютъ не только современное состояніе міра животныхъ, растений и коры земного шара, но и постепенныя происходившія въ мірѣ этихъ явленій преобразованія и измѣненія. И только въ части естественныхъ наукъ, называемыхъ *точными*, какъ напр. физика, химія, механика или астрономія существенное значеніе имѣютъ только уже общепризнанные въ нихъ законы, дѣйствительно точные и непоколебимые, познавъ которые можно уже не излагать въ курсахъ или учебникахъ этихъ наукъ прежнія исканія истины и заблужденія, иногда преслѣдовавшія даже и не чисто-научныя цѣли, какъ напр., во времена существованія алхиміи или астрологій.

Но даже и въ современной химіи не все теперь обстоитъ благополучно, въ смыслѣ устойчивости ея основныхъ положеній и выводовъ изъ нихъ. Такъ сейчасъ, вслѣдствіе открытія радія, явленій радиоактивности и всѣхъ

связанных съ ними измѣненій въ существѣ *простыхъ* тѣлъ, т. е. предполагавшихся неразложимыми на составныя части, происходитъ порядочная ломка или пересмотръ казалось бы непоколебимо установленныхъ истинъ и положеній. Благодаря этимъ новѣйшимъ научнымъ открытіямъ приходится допускать и разложимость этихъ простѣйшихъ веществъ, какъ напр., водорода и др. веществъ, и переходъ ихъ изъ одного въ другое. И потому уже не столь нелѣпными представляются теперь исканія алхимиками философскаго камня, который могъ бы служить средствомъ превращенія однихъ металовъ въ другіе, какъ напр., въ золото. Или исканіе жизненнаго элексира находить себѣ теперь отголоски въ попыткахъ борьбы если не со смертью, то хотя бы со старостью, по крайней мѣрѣ преждевременной, отсрочка наступленія которой, конечно, не сдѣлала бы жизни отдѣльныхъ живыхъ существъ вѣчной или безконечной, но могла бы значительно продлить ихъ земное существованіе.

Въ области-же явленій хозяйственныхъ, по существу своему безусловно развивающихся, подлежатъ научному изученію не только эти измѣненія въ формахъ ихъ проявленія самихъ по себѣ, но и *сознательное отношеніе къ нимъ самихъ людей*, какъ въ смыслѣ познанія этихъ явленій, такъ и приемовъ или средствъ *сознательнаго-же воздѣйствія* на строй хозяйства и формы хозяйственныхъ взаимоотношеній. Различіе въ приемахъ такого сознательнаго воздѣйствія обуславливались какъ этими измѣненіями самими по себѣ, (для одной эпохи требовались однѣ мѣры, для другой—другія), такъ и познавательной способностью или умѣньемъ людей правильно оцѣнивать благоприятныя или неблагоприятныя послѣдствія тѣхъ или иныхъ комбинацій силъ и человѣческихъ взаимоотношеній по отношенію къ степени ихъ благосостоянія. Наилучшее-же обезпеченіе послѣдняго, другими словами примѣненіе наиболѣе совершенныхъ способовъ и средствъ удовлетворенія потребностей, есть содержаніе и хозяйственной дѣятельности самой по себѣ, и науки ея изучающей.

Троякія задачи экономической науки: теорія, исторія и политика.

Дѣлая болѣе общее заключеніе о примѣненіи двухъ логическихъ методовъ въ нашей наукѣ, мы приходимъ къ выводу, что каждый изъ нихъ имѣетъ свою цѣну и значеніе въ зависимости отъ характера вопросовъ и ихъ постановки. вмѣстѣ съ тѣмъ подготовлено уже рѣшеніе вопросовъ о характерѣ экономической науки вообще и отдѣльныхъ составныхъ ея частей, какъ равно и задачъ ея, а именно: теперь должно уже быть яснымъ, что *нельзя ограничиваться однимъ теоретическимъ построеніемъ общихъ свойствъ* экономическихъ явленій, потому что сдѣланные такимъ путемъ выводы были бы по существу своему слишкомъ отвлеченными и да-

лекими отъ дѣйствительной жизни во всемъ разнообразіи ея проявленій. Не отрицая пользы и значенія такихъ чисто теоретическихъ задачъ науки, слѣдуетъ кромѣ того изучать эту жизнь *въ ея конкретныхъ проявленіяхъ*, стало быть и въ ея измѣненіяхъ или историческомъ развитіи. Въ послѣднемъ случаѣ измѣняется и самая постановка вопросовъ изслѣдованія, а именно, спрашивается не только почему тѣ или другія явленія теперь происходятъ такъ, а не иначе—точка зрѣнія причинности, но и *какъ произошло то, что теперь есть изъ какого то прошлаго* и нельзя ли изъ открытаго наукой общаго хода развитія хозяйства судить о законмѣрности этого процесса развитія, и, наконецъ, *нельзя ли выводить заключеній о болѣе или менѣе вѣроятномъ будущемъ хозяйства?*

Первыя два типа задачъ этой науки иногда сводятся къ установленнымъ еще *Ог. Контомъ* двумъ точкамъ зрѣнія—*статика* и *динамика*, т. е. къ изслѣдованію явленій въ первомъ случаѣ *въ состояніи покоя* или *равновѣсія*, а во второмъ — *въ процессы ихъ измѣненія* или *развитія*. Но если противуположеніе этихъ двухъ моментовъ можетъ быть проведено строго и послѣдовательно въ наукахъ, изслѣдующихъ явленія міра физическаго, или въ механикѣ, то сдѣлать это не всегда возможно въ области явленій общественныхъ и въ частности экономическихъ. Это потому, что если подъ моментомъ *статическимъ* понимать хотя бы и гипотетически предполагаемое неподвижное состояніе хозяйства въ какую-нибудь опредѣленную его эпоху, хотя бы современное свободное мѣновое и капиталистическое хозяйство, то, какъ справедливо по этому поводу говоритъ Кейнсъ: «Въ такой экономической статикѣ часто приходится имѣть дѣло съ послѣдствіями тѣхъ или другихъ измѣненій, напр., въ области спроса и предложеній, въ издержкахъ производства, въ качествѣ обращающихся денежныхъ знаковъ и т. п. Хозяйственный міръ, даже при данномъ общественномъ строѣ, находится въ вѣчномъ движеніи: цѣны, рабочая плата, прибыль, системы денежнаго обращенія, тарифы и т. п. безпрестанно измѣняются и политическая экономія, независимо отъ какой-либо теоріи экономического прогресса, должна изучать взаимныя отношенія этихъ переменъ»¹⁾. Отъ себя тутъ же добавимъ, что одно изъ основныхъ и наиболѣе повидимому типичныхъ и устойчивыхъ началъ современнаго строя хозяйства, дающее ему даже соотвѣтственное наименованіе—начало свободнаго соперничества или конкуренціи, на нашихъ глазахъ перерождается въ нѣчто себѣ противуположное—синдика-тированіе или монополизированіе иногда цѣлыхъ отраслей промыш-

¹⁾ Кейнсъ, н. с. стр. 115.

ленности, совершенно мѣняющее общую картину явленій и ихъ предполагаемую устойчивость или закономерность.

Не смотря на указанную трудность точнаго проведенія границъ между моментами статики и динамики въ сферѣ явленій экономическихъ, примѣненіе къ нимъ во многихъ случаяхъ обѣихъ этихъ точекъ зрѣнія оказывается весьма умѣстнымъ и цѣлесообразнымъ. Наконецъ, кромѣ такихъ двухъ постановокъ вопросовъ, обнаружилась еще возможность и даже необходимость вводить въ нашу науку вопросы третьей категоріи, а именно *о долженствующемъ быть*. Это вытекаетъ изъ тѣсной или непосредственной связи предмета нашего научнаго изслѣдованія—экономическихъ явленій—съ практическими вопросами и условіями, обеспечивающими въ дѣйствительной жизни благосостояніе людей. Вопросъ о *долженствующемъ быть* сводится къ слѣдующему: *какъ и что должно происходить или что надо дѣлать* для того, чтобы успѣшнѣе удовлетворялись потребности, т. е. добывались бы необходимыя для этого средства или вообще чтобы веденіе хозяйства улучшалось?

Очевидно, что такая постановка вопросовъ вызываетъ включеніе въ содержаніе нашей науки элемента *политики*, въ смыслѣ умѣлаго и сознательнаго дѣйствія,—*искусства* и при томъ не случайно, а сознательно вводимаго въ систему науки. Правильное-же рѣшеніе такихъ вопросовъ получается при помощи *критики и оцѣнки* изучаемыхъ явленій съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности. Послѣдняя не исключаетъ ранѣе разсмотрѣнной точки зрѣнія законосообразности и причинности, а только дополняетъ ее или допускается на ряду съ ней тамъ, гдѣ собранный и обработанный наукой матеріалъ даетъ возможность дѣлать изъ него соотвѣтственные выводы и заключенія.

Этотъ послѣдній вопросъ — о включеніи въ единую цѣльную науку—экономіку элемента искусства или того, что называется *политикой*, экономической и даже соціальной, является до настоящаго времени еще болѣе спорнымъ, чѣмъ уже разсмотрѣнный—о включеніи въ ту же науку элемента историческаго. Большинство экономистовъ уже примирились съ послѣднимъ, находя что и историческое изслѣдованіе хозяйства можетъ быть тоже научнымъ и даже столь-же объективнымъ, какъ изученіе одной современной дѣйствительности. Требованія объективности, въ смыслѣ безпристрастности и безыскусственности, могутъ быть удовлетворены даже еще больше историческимъ изслѣдованіемъ, такъ какъ послѣднее изучаетъ прошлое хозяйство такимъ, какимъ оно было на самомъ дѣлѣ, (за исключеніемъ впрочемъ иногда черезъ чуръ искусственныхъ приѣмовъ дѣленія исторіи хозяйства на періоды, о чемъ мы пока еще

не говоримъ). Между тѣмъ изученіе современной системы хозяйства съ точки зрѣнія закономерности и причиносообразности происходящихъ въ ней явленій вызываетъ, какъ мы видѣли, необходимость различныхъ гипотетическихъ построеній, въ родѣ исходныхъ посылокъ или предположеній, что хозяйственныя явленія суть результаты только однихъ эгоистическихъ цѣлей или стремленій отдѣльныхъ лицъ, поступающихъ во всемъ вполне свободно и безъ общаго сознательнаго плана дѣйствія. По сравненію съ такимъ приѣмомъ изслѣдованія исторической методъ имѣетъ въ чисто научномъ смыслѣ даже извѣстное преимущество по сравненію съ чистой теоріей въ томъ, что онъ является болѣе *реалистическимъ*, какъ противоположеніе методу болѣе абстрактному, присущему этой теоріи, построенной на отвлеченіи отъ разнообразныхъ фактовъ дѣйствительности ихъ наиболѣе общихъ или типичныхъ признаковъ.

Вопросы же экономической политики или практики на первый взглядъ представляются многимъ еще экономистамъ не заслуживающими названія научныхъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, какъ лишенные будто бы необходимаго для этого свойства объективности. И это прежде всего потому, что тутъ-де открывается широкое поле для критики и оцѣнки, которыя всегда будто бы субъективны. Теперь и надо провѣрить это послѣднее утвержденіе.

Дѣйствительно, когда мы что-либо критикуемъ и оцѣниваемъ, то должны искать для этого какихъ-либо точекъ опоры въ чемъ-либо, чтобы произнести свои сужденія или приговоръ положительный или отрицательный. Что-же можетъ или должно служить этими точками опоры? Мнѣнія людей о томъ, что хорошо и что дурно, конечно, очень часто между собою расходятся, особенно если дѣло доходитъ до спора о томъ, что называется «*вкусами*, о которыхъ не спорять» или вѣрнѣе не слѣдовало бы спорить. Во вкусахъ рельефнѣе всего выражается *субъективизмъ* нашихъ сужденій, котораго больше всего и боятся сторонники строгой объективности въ наукахъ вообще и въ экономической въ частности и въ особенности.

Понятіе вкуса есть дѣйствительно нѣчто весьма растяжимое, разнообразное и потому неустойчивое и субъективное. Его однако можно и должно сѣзуть или ввести въ опредѣленныя рамки, и тогда можетъ оказаться, что и самые эти «*вкусы*» не столь разнообразны, а тоже поддаются объединенію или подведенію подъ нѣкоторые ихъ типы или обобщенія.

Такъ, буквально даже вкусовые, физиологическія, ощущенія допускаютъ извѣстную ихъ группировку, какъ напр. одна часть людей любитъ сладкое, другая нѣтъ; въ области потребностей въ одеждѣ, при кажущемся ихъ наибольшемъ разнообразіи, въ дѣйствительности люди руководятся, сознательно или безсознательно, различными историческими, бытовыми, словесными, корпоративными и т. п. требованіями и традиціями. И на нихъ

же сказываются вліянія чисто общественныя, какъ на примѣръ, установленіе болѣе демократическаго или общаго для всѣхъ покроя и даже матеріала для одежды подѣ вліяніемъ великой французской революціи, упразднившей шелковые и бархатные всѣхъ цвѣтовъ радуги кафтаны, камзолы и пр., носимые до этого представителями высшей аристократіи, а отчасти и ихъ слугами.

Но въ нашей наукѣ рѣчь должна идти не о вкусахъ, а о чемъ-то гораздо болѣе серьезномъ и потому болѣе объективномъ.

Когда мы ставимъ вопросъ о *долженствующемъ быть*, то для правильнаго отвѣта необходимо раздѣлить его на слѣдующія составныя его части или какъ бы отдѣльные вопросы, а именно: во-первыхъ, *что* мы считаемъ *долженствующимъ быть* или желательнымъ и, во-вторыхъ,—что для этого *слѣдуетъ дѣлать*.

Первый изъ этихъ двухъ послѣднихъ вопросовъ есть вопросъ о *цѣли* нашихъ стремленій или объ *извѣстныхъ идеалахъ*, которые должны въ свою очередь имѣть какія-либо обоснованія, т. е. критеріи для признанія ихъ таковыми. Второй вопросъ сводится къ изысканію правилъ или мѣръ, при соблюденіи которыхъ эти установленныя цѣли или идеалы могутъ быть наиболѣе успѣшно достигнуты.

Кейнсъ, формулируя приблизительно такимъ-же образомъ эти два вопроса и связывая ихъ съ основными теоретическими (чисто познавательными), иллюстрируетъ свои сужденія обо всемъ этомъ слѣдующими примѣрами: ¹⁾ «По вопросу о платежѣ процентовъ, мы имѣемъ, во-первыхъ, положительныя изслѣдованія о томъ, почему, при извѣстномъ хозяйственномъ строѣ, вообще платятся проценты, и что опредѣляетъ ихъ высоту; во-вторыхъ,—изслѣдованія о томъ, должны-ли быть платимы проценты и, если да, то что составляетъ справедливую норму процентовъ; въ-третьихъ, изслѣдованія о томъ, желательна-ли какое-либо внѣшнее вмѣшательство по отношенію къ платежу процентовъ, и если да, то каковы наилучшіе способы, съ помощью которыхъ этотъ платежъ могъ бы быть отмѣненъ или приближенъ къ справедливому его уровню».

Изъ такой постановки вопросовъ становится болѣе ясной своеобразность задачъ нашей науки, задающейя цѣлями не только познавательными, но и *идеалистическими*, которыя могутъ быть названы *этическими* или *соціально-политическими*, не говоря уже о болѣе близко соприкасающихся съ существомъ хозяйства—практически-экономическихъ; (политика экономическая, какъ понятіе болѣе узкое, можетъ не включать въ себѣ элемента этическаго, болѣе или менѣе присущаго политикѣ соціальной).

---

¹⁾ Кейнсъ, н. с. стр. 26.

Извѣстный экономистъ и финансистъ проф. Ад. Вагнеръ, особенно настаивающій на включеніе этихъ социальнo-политическихъ элементовъ въ политическую экономію и въ финансовую науку, какъ часть ея, раздѣляетъ проблемы или задачи этой широкой науки на слѣдующія пять: 1) описаніе явленій, 2) объясненіе причинъ, отъ которыхъ они зависятъ, 3) установленіе мѣрила для оцѣнки ихъ социальнаго значенія, 4) указаніе цѣли или цѣлей, къ которымъ долженъ стремиться экономическій и социальный прогрессъ и 5) изысканіе путей и способовъ для достиженія этихъ цѣлей. Первыя двѣ категоріи проблемъ относятся къ той части или задачѣ экономики, которая нами неоднократно уже называлась чисто теоретической, познавательной или объективно-положительной (позитивной); она-же является въ то-же время наиболѣе точной, въ особенности дѣлаясь болѣе отвлеченной или абстрактной. Третья и четвертая категоріи—относятся къ части или задачамъ науки идеалистической или этической и пятая—къ практической или прикладной части науки—политикѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, какъ соотвѣтственному искусству.

Особенно рельефно раздѣленіе на эти проблемы выступаетъ у пр. Вагнера въ опредѣленіи задачъ финансовой науки вообще и ученія о налогахъ въ частности. Такъ Вагнеръ не довольствуется болѣе общепринятымъ и чисто объективнымъ опредѣленіемъ *налоговъ*, какъ принудительныхъ платежей, производимыхъ гражданами на нужды общественныя (чисто государственныя или мѣстныя все равно). Онъ говоритъ, что налоги слѣдуетъ изучать не только съ точки зрѣнія ихъ существующихъ видовъ, историческихъ условій ихъ возникновенія и развитія, фактическаго вліянія на плательщиковъ и на хозяйство вообще, но еще съ точки зрѣнія тѣхъ измѣненій, которыя вносятся налогами въ дѣйствующую систему распределенія доходовъ между различными общественными группами и классами. При этомъ онъ не ограничивается однимъ констатированіемъ такого ихъ вліянія, но настаиваетъ еще на томъ, что такимъ свойствомъ налоговъ слѣдуетъ *сезнательно* пользоваться для этой цѣли—исправленія недостатковъ въ системѣ распределенія доходовъ, въ чемъ и заключается не одно только чисто финансовое назначеніе налоговъ (доставленіе государству средствъ на покрытіе расходовъ), но и значеніе налоговъ социальнo-политическое. Сюда относится, на примѣръ, въ смыслѣ воздѣйствія на распределеніе доходовъ, участіе болѣе богатыхъ классовъ общества въ покрытіи расходовъ на оказаніе такихъ услугъ, которыми лица этихъ классовъ общества вовсе не пользуются или въ гораздо меньшей степени, чѣмъ классы бѣднѣйшіе, въ родѣ всеобщаго начальнаго образованія въ народныхъ бесплатныхъ школахъ, не могущихъ содержаться только на средства родителей обучающихся въ нихъ лицъ. Или вопросъ объ усиленномъ обложеніи доходовъ, вытекающихъ изъ обладанія капитальными имуществами (фундированныхъ) по сравненію съ чисто трудовыми доходами, равно какъ и основанія для обложенія доходовъ не прямо пропорціонально ихъ величинѣ, а въ возрастающей сообразно ихъ увеличенію прогрессіи и полное освобожденіе отъ платежа налоговъ минимальныхъ доходовъ.

Основанія для такихъ принциповъ обложенія суть соображенія справедливости, этическія или социальнo-политическія (проблемы 3-я и 4-я). Средства-же для достиженія этихъ цѣлей—то или другое устройство налоговъ—вопросъ чисто практической (проблема 5-я). Все дѣло, значитъ, короче говоря, сводится, съ одной стороны, къ констатированію и объясненію суще-

ствующихъ явленій (въ данномъ случаѣ того или другого порядка обложенія налогами), съ другой—къ сознательному пользованію налогами, какъ средствами для достиженія извѣстныхъ не только финансовыхъ, но и социальныхъ результатовъ.

Экономика и этика.

Переходя къ разсмотрѣнію основаній нашихъ сужденій о томъ, что и почему можетъ считаться долженствующимъ быть, слѣдуетъ признать, что основанія эти не могутъ претендовать на такую непреложность или незыблемость, какъ тѣ вполне объективныя истины, которыя могутъ быть установлены чистой теоріей науки. Но и послѣднія сами по себѣ тоже не настолько всегда непреложны или абсолютно истинны, какъ выводы, положенія и законы, установленныя науками естественными. Экономическіе законы, могутъ считаться вѣрными и непреложными для извѣстнаго строя хозяйства или той или другой экономической эпохи; но законы выведенные изъ современнаго свободнаго и денежнаго мѣноваго оборота, не будутъ пригодны для объясненія явленій различныхъ предшествующихъ или будущихъ ступеней хозяйства. Потому-то и необходимо изученіе хозяйства историческое (динамическое) на ряду съ современнымъ (статическимъ).

Въ еще большей степени это относится къ тому, что мы называли вопросами идеалистическими или о томъ, что должно быть. Тутъ точно также должна быть признана *относительность* этихъ идеаловъ, имѣющая подъ собою почву тоже историческую, т. е. обусловленную тѣмъ или другимъ строемъ не только одного хозяйства, но и другихъ сторонъ жизни общества, а именно основами государственнаго устройства, правовыми воззрѣніями, обычаями, уровнемъ умственнаго и нравственнаго развитія, т. е. факторами и условіями отнюдь не одного матеріалистическаго характера, а также и *психологическими*. Подъ послѣдними въ широкомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать отраженіе въ сознаніи людей окружающей ихъ обстановки или условій жизни и дѣятельности. Сюда-же включаются и основанія этическія, т. е. *правила должнаго поведенія* на основанія сужденій или представленій о добрѣ и злѣ.

И едва-ли надо долго доказывать, что всѣ эти основанія не могутъ быть абсолютно неизмѣнными и устойчивыми. Можно-ли, на примѣръ, считать что центромъ всегдашнихъ человѣческихъ идеаловъ служила *человѣческая личность* въ смыслѣ наилучшаго обезпеченія ея матеріальнаго благосостоянія и нравственнаго достоинства, въ томъ числѣ свободы и равенства, хотя бы формальнаго—передъ закономъ? Самое бѣглое знакомство со всей прошлой исторіей человѣчества служитъ скорѣе опроверженіемъ такого

предположенія; достаточно только вспомнить о долговременномъ существованіи рабства, крѣпостного права, о рѣзко враждебномъ отношеніи ко всякимъ иностранцамъ и иноплеменникамъ, хотя бы и гражданамъ одного и того же государства, или о глубокомъ различіи въ правахъ и обязанностяхъ отдѣльныхъ кастъ и сословіи болѣе отдаленныхъ періодовъ или хотя бы современныхъ социальныхъ и экономическихъ классовъ. Вездѣ во всѣхъ этихъ противоположеніяхъ мы встрѣчаемъ обособленность интересовъ этихъ различныхъ общественныхъ группъ и взаимную борьбу ихъ между собою, не исключаящую однако противоположныхъ началъ взаимной помощи внутри тѣхъ же общественныхъ группъ, не только смягчающихъ эту борьбу, но и обосновывающихъ больше, чѣмъ что-либо иное, развитіе мирнаго матеріальнаго и культурнаго прогресса человѣчества. Но отъ всего этого пока еще очень далеко не только до осуществленія какихъ-либо общечеловѣческихъ идеаловъ, но даже и до сознательнаго стремленія къ нимъ съ положеніемъ въ основу ихъ, какъ цѣли, блага и счастія человѣческой личности вообще. Стало быть не какимъ-то общепринятымъ міровоззрѣніемъ обуславливается представленіе объ идеалахъ матеріально-экономическихъ и болѣе или менѣе связанныхъ съ ними этическихъ и правилахъ соотвѣтствующаго поведенія, а этими условно-историческими психическими переживаніями.

Простѣйшимъ выходомъ изъ затрудненій, порождаемыхъ этимъ разнообразіемъ идеалистическихъ основаній прежде являлся слѣдующій, (по крайней мѣрѣ для экономистовъ): признать такую задачу просто неразрѣшимой и самой по себѣ, и въ научномъ отношеніи въ особенности.

Изъ этого вытекало отрицаніе какой-бы то ни было связи между экономикой, съ одной стороны, и этикой, съ другой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сведеніе задачи экономики, какъ науки, исключительно къ познанію и объясненію явленій, т. е. къ чистой теоріи, безъ примѣси хотя бы въ малой дозѣ элемента политики, какъ искусства.

Такъ составляли планы своихъ изслѣдованій и сообразно имъ строили зданіе науки многіе изъ первоначальныхъ экономистовъ, а равно и нѣкоторые изъ современныхъ,—сторонники чистой теоретической политической экономіи, въ особенности такъ называемой точной или абстрактной. Нѣкоторымъ и значительнымъ расширеніемъ задачи и содержанія этой-же науки, съ сохраненіемъ полной ея объективности, явилось, какъ мы уже знаемъ, включеніе въ нее историческихъ изслѣдованій, хотя бы въ качествѣ обособленной ея части и со стремленіемъ открывать объективную-же закономерность историческаго развитія хозяйства.

Но объективность эта въ томъ и другомъ случаѣ оказывалась въ сущности мнимой и покупаемой цѣною чрезмѣрной *абстрактности* и *абсолютности* выводовъ и положеній науки и искусственнаго *изолированія* явленій хозяйственныхъ отъ остальныхъ общественныхъ.

Отъ всего этого выводы и положенія выигрывали въ *точности* и *опредѣленности*, но теряли въ *реальности*, которая должна быть присуща этой наукѣ, какъ изучающей явленія происходящія въ дѣйствительной жизни, а не въ головахъ и умахъ ученыхъ ¹⁾.

На совокупность этихъ указанныхъ недостатковъ слагавшейся въ первой половинѣ XIX вѣка науки преимущественно англійской, а отчасти и французской, особенно удачно указалъ англійскій экономистъ *Джонъ Ингрэмъ*, авторъ до сихъ поръ еще имѣющаго цѣну сочиненія: «Исторія Политической Экономіи» (русскій переводъ появился впервые въ 1891 г.) въ своей рѣчи о современномъ положеніи и будущности Политической Экономіи ²⁾. Такъ подъ чрезмѣрной *абстрактностью* экономики Ингрэмъ понималъ построеніе всѣхъ основныхъ положеній ея на отправной послылкѣ *эгоизма*, какъ единственнаго двигателя хозяйственной дѣятельности, ссылкой на который, какъ на единственную причину всѣхъ экономическихъ явленій, всѣ онѣ и находили себѣ объясненіе съ точки зрѣнія ихъ причинно-зависимости. Это тотъ-же пріемъ изслѣдованія, котораго держатся и до настоящаго времени всѣ представители точной или абстрактной Политической Экономіи въ лицѣ К. Менгера и вообще австрійской школы. Дѣйствующимъ лицомъ тогда въ хозяйствѣ является этотъ «экономической человѣкъ», существо гипотетическое, а не реальное, какъ мы вскорѣ увидимъ при изложеніи стимуловъ хозяйственной дѣятельности, среди которыхъ хотя эгоизму и до сихъ поръ отводится преобладающее значеніе, но не исключительное, а на ряду съ альтруизмомъ и стимулами болѣе общественнаго характера, какъ на примѣръ, общность и солидарность интересовъ различныхъ группъ общенія, выражающіяся въ началахъ взаимопомощи и въ болѣе широкомъ общественномъ интересѣ, обезпеченіе котораго сводится иногда къ принудительнымъ мѣрамъ.

Подъ чрезмѣрной *абсолютностью* подразумѣвалось приданіе экономическимъ законамъ и положеніямъ значенія непоколебимости, подобной законамъ естественно-научнымъ, между тѣмъ какъ они могли имѣть значеніе лишь для своего мѣста и времени; таково, на примѣръ, утвержденіе, что полная свобода международной торговли есть единое разумное начало торговыхъ сношеній различныхъ странъ между собою, исключяющее цѣлесообразность хотя бы временнаго покровительства внутренней промышленности странъ, въ которыхъ она стала развиваться позже, чѣмъ въ другихъ. Во-

---

¹⁾ См. выше стр. 34 и 35 гдѣ приводились мнѣнія разныхъ ученыхъ о задачахъ, содержаніи и характерѣ Полит. Экономіи. Въ добавленіе къ сказанному также считаемъ умѣстнымъ добавить здѣсь, что когда автору этой книги пришлось впервые работать (въ началѣ 80-хъ годовъ) въ богатѣйшей библіотекѣ Британскаго Музея въ Лондонѣ, то онъ былъ крайне изумленъ тѣмъ, что сочиненія по Пол. Эконом. ему пришлось искать въ каталогахъ въ отдѣлѣ *метафизики*. Осталось-ли это такъ и до настоящаго времени—не знаю; но объясненіе этому странному явленію находится въ первоначальномъ черезъ чуръ отвлеченномъ характерѣ именно англійской экономической науки въ ближайшій послѣ Ад. Смита періодъ ея развитія.

²⁾ *J. Ingram. The present position and prospects of Polit. Economy, Dublin. 1878.*

обще сюда относилось абсолютное отрицаніе пользы государственнаго вмѣшательства въ какія бы то ни было стороны хозяйственной жизни общества; другими словами—признаніе этой отрицательной экономической политики или принципа «laissez faire, laissez passer»,—(лозунга одного изъ первыхъ фізіократовъ—Гурнэ) за единственное разумное основаніе экономической политики вообще и за естественное основаніе наилучшаго устройства хозяйства какъ на практикѣ, такъ и въ теоріи.

Подъ *изолированностью* экономическихъ явленій понималось разсмотрѣніе ихъ внѣ всякой связи съ остальными формами и условіями общественной и государственной жизни или же признаніе, напр., даннаго гражданско-правового строя, основаннаго на раздѣльной и неограниченной частной собственности и свободѣ договоровъ, за естественное готовое или незыблемое основаніе хозяйственной дѣятельности, опять таки обеспечивающее наилучшее достиженіе конечныхъ цѣлей хозяйства.

Эта изолированность экономическихъ явленій отъ остальныхъ общественныхъ, въ томъ числѣ наиболѣе тѣсно съ ними связанныхъ правовыхъ или юридическихъ, особенно наглядно выражалась еще въ томъ, что Политическая Экономія въ Россіи до университетскаго устава 1863 г. не входила, какъ теперь, въ число предметовъ юридическаго факультета, а преподавалась на факультетахъ историко-филологическомъ и нынѣ упраздненномъ камеральномъ. Въ сѣверной же Германіи и до сихъ поръ Политическая Экономія относится къ предметамъ не юридическаго факультета, а чрезвычайно растяжимаго философскаго, (куда входятъ науки историческія, филологическія, естественныя и математическія).

Изъ признанія этихъ указанныхъ, какъ главнѣйшихъ, недостатковъ прежней Политической Экономіи мы извлекаемъ полезныя указанія на то, каковы должны быть настоящіе методы, задачи и содержаніе нашей науки, къ чему, послѣ этого какъ-бы отступленія въ прошлое науки, мы и переходимъ.

По отношенію къ тому, что слѣдуетъ считать *должнымъ* въ дѣйствительной жизни и въ наукѣ, приходится, какъ мы уже говорили, признать *относительность* такихъ идеаловъ, обусловленную нравственнымъ и культурнымъ состояніемъ общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, опять таки, на основаніи историческихъ изслѣдованій, можно признать, что идеалы эти становятся болѣе возвышенными и совершенными, превращаясь изъ грубыхъ и узкихъ эгоистическихъ цѣлей и интересовъ тѣхъ или иныхъ общественныхъ группъ въ идеалы общечеловѣческія, вѣрнѣе постепенно лишь приближаясь къ нимъ. Но, какъ всякій идеаль представляетъ собою еще не достигнутую, а лишь *конечную цѣль* стремленій, такъ и этотъ не исключаетъ сразу идеаловъ такъ сказать *промежуточныхъ* или ближайшихъ цѣлей стремленій. Такъ, людямъ несомнѣнно наиболѣе присущи цѣли и интересы личные или индивидуальныя, объединяющіеся въ шире или уже понимаемые интересы семьи или рода, затѣмъ цѣлаго рода или племени и народа. Внутри послѣдняго болѣе доступны

пониманію интересы какихъ-либо отдѣльныхъ мѣстностей или группъ, связанныхъ общими интересами по занятіямъ или раньше по одинаковому общественному положенію. Позже уже развиваются интересы общегосударственные и еще позднѣе общечеловѣческіе или международные.

Это особенно замѣтно выражается въ томъ, что, напримѣръ, чисто хозяйственные интересы данной сельской общины или города раньше вызываютъ соотвѣтственныя совмѣстныя дѣйствія, часто осуществляемые безъ всякаго внѣшняго принужденія (добровольныя складчины). Между тѣмъ интересы общегосударственные для своего обезпеченія, въ смыслѣ доставленія необходимыхъ для этого матеріальныхъ средствъ, требуютъ до настоящаго времени мѣръ принужденія въ видѣ обязательности уплаты различныхъ сборовъ и налоговъ.

Намѣчая такимъ образомъ въ самыхъ общихъ чертахъ развитіе тѣхъ или другихъ интересовъ, какъ цѣлей стремленій, мы вмѣстѣ съ тѣмъ для разъясненія дѣла должны были связать это съ указаніемъ на способы обезпеченія ихъ. Имѣя въ виду, что все эти вопросы составятъ предметъ всего дальнѣйшаго изложенія или содержанія нашей науки, сейчасъ мы желаемъ только указать на необходимость отдѣлять вопросы о томъ, что есть, вызывающіе потребность въ научномъ ихъ объясненіи и только, отъ того, что должно быть, и какими мѣрами это долженствующее можетъ быть достигнуто и осуществлено. Пока, значитъ, это только еще вопросъ научной методологіи и въ частности соотношенія теоріи и практики, по существу своему именно въ политической экономіи такъ трудно отдѣлимыхъ другъ отъ друга. Изъ сказаннаго вытекаютъ слѣдующіе выводы:

Возможно, и чаще даже безусловно необходимо, строго раздѣлять самую постановку этихъ двухъ вопросовъ, а не только отвѣты на нихъ. Это значитъ надо имѣть прежде всего ясное представленіе о ближайшей цѣли научнаго изслѣдованія. Въ однихъ случаяхъ это сведется къ описанію и объясненію явленій такъ, какъ они на самомъ дѣлѣ происходятъ теперь или происходили раньше—вопросы *чистой теоріи* и *исторіи* хозяйства. Тутъ и будетъ наиболѣе умѣстнымъ установленіе *причинности* и *последовательной связи* между явленіями.

Въ другихъ случаяхъ допустима или даже необходима *критическая оцѣнка* явленій съ точки зрѣнія ихъ *цѣлесообразности* и *соотвѣтствія* *извѣстнымъ экономическимъ и этическимъ идеаламъ*.

Наконецъ, въ третьихъ вопросы могутъ или должны ставиться прямо на практическую почву—именно: *что рекомендуется дѣлать*

для достиженія тѣхъ или иныхъ хозяйственныхъ цѣлей, въ смыслѣ такой или иной организаціи учрежденій или веденія предпріятій, производства извѣстныхъ операцій, предписанія тѣхъ или правилъ взаимоотношенія людей и т. п.

Теоретически представляется болѣе правильнымъ посвящать каждой изъ этихъ категорій вопросовъ особые отдѣлы или части науки въ широкомъ ея пониманіи, т. е. составлять, напримѣръ, особые для нихъ учебники или читать особые курсы, не говоря уже о спеціальныхъ монографическихъ изслѣдованіяхъ отдѣльныхъ вопросовъ изъ состава каждой ихъ категоріи. Въ такомъ смыслѣ иногда дѣйствительно и производится научная работа. Но при всемъ томъ далеко не вполнѣ устранимы трудности такого разграниченія самой постановки вопросовъ, такъ какъ въ дѣйствительной жизни они тѣсно между собою переплетаются и взаимно обуславливаютъ другъ друга. Въ особенности-же велики эти затрудненія при чтеніи и составленіи того, что называется *общимъ курсомъ* экономической науки и при такомъ учебномъ планѣ, который не оставляетъ достаточно времени для раздѣльнаго преподаванія экономической исторіи, теоріи и политики. А такова именно постановка дѣла преподаванія Политической Экономіи въ большинствѣ высшихъ учебныхъ заведеній, не спеціально экономическихъ. Но даже и въ послѣднихъ, гдѣ чисто теоретическій курсъ экономіи обыкновенно предшествуетъ прикладному и гдѣ ему предшествуетъ или излагается параллельно исторія хозяйства, въ связи съ развитіемъ экономическихъ ученій или раздѣльно, неосуществимо во всей полнотѣ такое строгое раздѣленіе постановки этихъ вопросовъ. Это должно быть яснымъ хотя бы изъ того, что было достаточно подробно развито нами при указаніи на присущій экономическимъ явленіямъ двойственный ихъ характеръ (см. выше стр. 24 и слѣд.).

Прослѣдимъ это хотя бы только на одномъ изъ приведенныхъ тамъ примѣровъ, а именно, возьмемъ такой важный вопросъ, какъ ученіе о деньгахъ. На ряду со строго теоретическимъ, пожалуй даже догматическимъ, изложеніемъ функцій или назначенія денегъ, т. е. тѣхъ ролей, которыя онѣ играютъ въ хозяйствѣ, почти невозможно для простого объясненія обойтись совершенно безъ указаній, хотя бы самыхъ краткихъ, на возникновеніе денегъ, причины, вызвавшія предпочтеніе, какъ матеріала для нихъ, золота и серебра, на историческое значеніе накопленія въ формѣ денегъ новаго вида богатства, на постепенную замѣну наличныхъ денежныхъ платежей условными кредитными формами расплаты и обращенія товаровъ. Далѣе, говоря объ истинныхъ основаніяхъ цѣнности самихъ денегъ, нельзя не указать на существовавшія неправильныя объ этомъ представленія, какъ на практикѣ, такъ и въ теоріи, вліявшей на выпускъ и чеканку монетъ; и наконецъ трудно умолчать о цѣляхъ установленія и способахъ поддержанія такъ называемаго биметализма или двойственной монетной системы, (въ

которой основными монетами одновременно являются и золотыя и серебряныя) и о достоинствах или недостатках этой системы по сравнению съ монометаллической. И хотя это перечисленіе вопросовъ, относящихся непосредственно къ ученію о деньгахъ, далеко еще не полно, но и его достаточно для подтвержденія того, какъ тѣсно тутъ переплетаются вопросы или точки зрѣнія теоріи, исторіи и политики. Экономисты до сихъ поръ по этому вопросу раздѣляются на два враждебныхъ лагеря—монометалистовъ и биметалистовъ, отстаивающихъ преимущество той или другой системы, при чемъ одна изъ нихъ—первая можетъ быть признана естественной, а вторая искусственной, и это потому, что взаимоотношеніе цѣнности золота и серебра какъ товаровъ, исторически измѣнялось и продолжаетъ еще измѣняться и теперь, что отражается на измѣненіяхъ во взаимоотношеніи цѣнности соответственныхъ монетъ, а это есть несомнѣнный недостатокъ монометализма. Къ устраненію этого-то недостатка въ сущности и стремится биметализмъ, ставя себѣ этимъ очень трудную, даже практически на скольконибудь долгое время почти неосуществимую задачу.

Вытекаетъ ли отсюда, что изъ общаго курса политической экономіи, или хотя бы изъ чистой ея теоріи, слѣдуетъ совершенно устранить ученіе о деньгахъ, въ виду неизбежной разносторонности связанныхъ съ ними вопросовъ, что не только въ дидактическомъ, но и въ чисто научномъ отношеніи едва было бы правильнымъ,—или-же изъ чистой теоріи надо было бы самымъ тщательнымъ образомъ устранять все то, что скольконибудь имѣетъ хотя бы привкусъ исторіи и политики? Въ послѣднемъ случаѣ научный педантизмъ нашелъ бы себѣ полное удовлетвореніе; но едва-ли отъ этого выиграли бы интересы и чисто научнаго изслѣдованія, и интересъ, ясности и полноты изложенія и изученія этого цѣльнаго самого по себѣ вопроса, т. е. если-бы онъ былъ разорванъ на свои составныя части и объ одной изъ нихъ говорилось въ теоріи, о другой въ исторіи и о третьей въ экономической политикѣ. Только при очень подробномъ изученіи и изложеніи этого вопроса допустимы отдѣльныя изслѣдованія объ исторіи денегъ, объ ихъ видахъ и роли ихъ въ современномъ хозяйствѣ и о практически такъ или иначе осуществимыхъ системахъ ихъ выпуска и чеканки. Вотъ почему проведеніе всѣхъ этихъ строгихъ требованій раздѣленія вопросовъ, въ смыслѣ ихъ постановки и разрѣшенія, не идетъ обыкновенно дальше методологическихъ введеній въ общіе курсы или спеціальныхъ методологическихъ изслѣдованій.

Во всякомъ болѣе или менѣе полномъ общемъ курсѣ нашей науки въ изложеніи почти каждаго вопроса обыкновенно разъясняются всѣ три указанныя стороны этихъ явленій. И развѣ только въ установленіи самыхъ основныхъ научныхъ терминовъ и понятій отсутствуютъ совершенно элементы критики и оцѣнки или искусства, но не всегда историческая точка зрѣнія, ибо большинство этихъ основныхъ понятій требуютъ себѣ опредѣленій и съ абсолютной, и съ исторической точки зрѣнія, (какъ увидимъ, напримѣръ, невозможно обойтись безъ этого въ установленіи и опредѣленіи понятія капитала).

Нельзя не указать еще на одно послѣдствіе смѣшенія этихъ раз-

личныхъ постановокъ вопросовъ, съ одной стороны, и на чрезмѣрное ихъ раздѣленіе или отрицаніе всѣхъ другихъ, кромѣ объективно-познавательныхъ съ другой стороны. Такъ экономисты, отрицающіе значеніе этического элемента въ этой наукѣ, обвиняютъ представителей такъ называемой этической школы въ идеализированіи дѣйствительности, т. е. въ представленіи хозяйственной дѣятельности въ лучшемъ видѣ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, въ нѣкоторомъ сентиментализмѣ, оптимизмѣ и т. п. грѣхахъ противъ научнаго объективизма. Но такія обвиненія, если только они дѣйствительно заслужены, могутъ относиться лишь къ очень немногимъ представителямъ этической школы въ Германіи. Въ общей же формѣ они совершенно не относятся къ самому допущенію постановки вопросовъ на почву этическую.

Противуположное обвиненіе предъявлялось преимущественно англійскимъ экономистамъ первой половины и середины прошлаго вѣка въ томъ, что ихъ наука, желая быть чисто теоретической, сдѣлалась нравственно-индифферентной (*unmoral*) изъ-за стремленія отмежевать для хозяйственной дѣятельности область совершенно независимую отъ какихъ бы то ни было нравственныхъ вѣдній и нормъ. Основаніемъ для послѣдняго рода упрековъ могло служить то, что такіе экономисты, сознательно или безсознательно, смѣшивали гипотетическое построеніе научныхъ положеній на проявленіи однихъ эгоистическихъ интересовъ съ признаніемъ, что хозяйственная дѣятельность, покоющаяся исключительно на такомъ началѣ, будетъ и единственно естественной, и наиболѣе совершенной по своимъ результатамъ. Если еще прибавить къ этому, что единственными юридическими основами хозяйства признавались ими только частная собственность и полная (формальная) свобода договоровъ и соглашеній, да еще признаніе однихъ прелестей капитализма, то въ результатѣ получалось не только разъясненіе, но и восхваленіе современной системы хозяйства, отъ которой главнѣйшія выгоды получалъ классъ капиталистовъ собственниковъ. Тяжелое же положеніе рабочихъ и вообще бѣднѣйшихъ классовъ общества если и не замаскировывалось, то выставлялось какъ неизбежное зло, присущее существованію большинства людей на землѣ, какъ нѣкоей юдолѣ скорѣби и плача. Таково въ особенности было ученіе *Мальтуса* о законѣ народонаселенія, согласно которому приростъ населенія, совершаясь въ прогрессіи геометрической, опережаетъ собою приростъ средствъ существованія, увеличивающійся лишь въ арифметической прогрессіи. Отсюда дѣлался имъ прямой выводъ, что единственной причиной бѣдственнаго положенія низшихъ классовъ общества является чрезмѣрное ихъ размноженіе, какъ и единственнымъ средствомъ борьбы съ этимъ зломъ—воздержаніе отъ бра-

ковъ и дѣторожденія или войны и болѣзни, сокращающія численность населенія. Точно такое-же значеніе имѣло безусловно отрицательное отношеніе крупнѣйшаго изъ такъ называемыхъ классическихкихъ экономистовъ *Давида Рикардо* къ широко развитому въ Англіи общественному призрѣнію бѣдныхъ, какъ системѣ мѣръ, ослабляющихъ въ людяхъ расчетъ исключительно на свои личныя (индивидуальныя) силы и стремленія въ дѣлѣ обезпеченія себѣ средствъ существованія. Законъ народонаселенія Мальтуса признавался имъ самимъ и его приверженцами за законъ естественно-экономическій. Мѣры общественнаго призрѣнія, основанныя на платежѣ обязательнаго сбора въ пользу бѣдныхъ, признавались Д. Рикардо за вредную искусственную систему, нарушавшую естественный строй хозяйства, построенный на эгоизмѣ. Дѣятельность рабочихъ союзовъ объявлялась многими англійскими же экономистами безсильной въ дѣлѣ улучшенія положенія рабочихъ на томъ основаніи, что высота заработной платы регулируется непоколебимыми и неумолимыми экономическими законами и сводится къ минимуму средствъ необходимыхъ для поддержанія существованія рабочихъ.

Конечно, одно дѣло—изслѣдовать причины вліяющія на высоту заработной платы или процента на капиталъ, что можетъ быть сдѣлано совершенно объективно, и другое — обсуждать мѣры, для улучшенія положенія рабочихъ средствами самозащиты и взаимной помощи (рабочіе союзы, кассы вспомошествованія и т. п.) или законодательнымъ регулированіемъ отношеній хозяевъ и рабочихъ (фабричное и вообще рабочее законодательство). Первое дѣло можетъ не имѣть ничего общаго съ признаніемъ той или иной высоты заработной платы, продолжительности работы и т. п. условій ихъ дѣятельности нормальными или справедливыми. Второе же задается именно такой цѣлью самой по себѣ, что однако нисколько не приводитъ къ тому, чтобы такая постановка вопросовъ была неумѣстной для экономистовъ, ибо нѣтъ другой науки, которая могла бы и должна бы была заниматься изученіемъ этихъ чисто-практическихъ вопросовъ.

Существуетъ, правда, еще въ русскихъ университетахъ и другихъ высшихъ юридическихъ учебныхъ заведеніяхъ предметъ, называемый *полицейскимъ правомъ*. Но его самостоятельное научное существованіе давно уже подвергнуто сильному сомнѣнію или волюнѣ отрицается, въ виду того что такая наука, во первыхъ, зародилась и развилась въ нѣдрахъ такъ называемаго полицейско-правового строя государства, съ исчезновеніемъ котораго должна бы исчезнуть и такая наука. Во вторыхъ, сохраняясь еще у насъ подъ такимъ названіемъ, предметъ этотъ представляетъ чисто искусственную смѣсь прикладныхъ частей политической экономіи и государственнаго права, а отчасти и другихъ юридическихъ наукъ. Поэтому никакихъ

общихъ основныхъ и руководящихъ началъ такая комбинируемая наука имѣть не можетъ, а заимствуетъ ихъ изъ тѣхъ самостоятельныхъ наукъ, изъ которыхъ она слагается. Заграницей поэтому предметъ этотъ давно уже распался на свои естественныя части, какъ напр. *право административное* или право внутренняго управленія, наиболѣе связанное съ государственнымъ, съ одной стороны, и на *прикладную политическую экономію* или *экономическую политику*, съ другой, заимствующую основныя свои положенія изъ теоретической экономіи и исторіи хозяйства и, главное, развивая лишь въ большихъ подробностяхъ положенія, установленныя уже въ общихъ чертахъ въ основныхъ курсахъ политической экономіи въ которыхъ однако нѣтъ мѣста для детальнаго ихъ изслѣдованія.

Не удивительно, что если прежняя политическая экономія или совершенно не допускала критики и оцѣнки изучаемыхъ ею явленій, или какъ бы молча признавала современный строй хозяйства за естественный и потому наиболѣе совершенный, закрывая глаза на присущіе ему недостатки, то все это могло вызвать противъ такой науки упреки въ ея если не безнравственности, то безсердечности, въ особенности со стороны бѣднѣйшихъ и рабочихъ классовъ общества. А отсюда и понятны недовѣріе къ такой наукѣ, — называвшейся тогда буржуазной, въ смыслѣ служительницы интересамъ состоятельныхъ классовъ общества, — или даже отрицаніе ея, а равно и появленіе стремленій къ разрушенію и измѣненію того самаго строя хозяйства, и даже всего государственнаго и правового строя, которые, по утвержденіямъ прежнихъ экономистовъ, являлись взаимно обуславливающими другъ друга. Соотвѣтственно этому явились и чисто отрицательныя или разрушительныя по отношенію къ настоящему и въ то-же время утопическія по отношенію къ будущему ученія анархизма, коммунизма и социализма.

Между этими послѣдними ученіями въ первоначальномъ ихъ видѣ и прежней экономической наукой не оказывалось никакихъ почти точекъ соприкосновенія и потому между ними велась прямая упорная борьба. Но такъ продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока не стали включаться въ экономическую науку точки зрѣнія историческая и критическая, а въ упомянутыхъ отрицательныхъ ученіяхъ пока не стали отказываться отъ утопическихъ, т. е. фантастическихъ, построеній плановъ лучшаго устройства хозяйства въ будущемъ. Въ одномъ, сравнительно болѣе умѣренномъ изъ этихъ ученій — въ социализмѣ, въ настоящее время это лучшее будущее представляется уже не продуктомъ исключительно умственнаго или потому чисто отвлеченнаго творчества, не результатомъ насильственнаго или искусственнаго переворота, а послѣдствіемъ медленнаго и постепеннаго преобразования современнаго строя въ какой-то иной. Прежде велись горячіе споры о подробностяхъ этого будущаго хо-

звѣдственнаго строя, а теперь это признается излишнимъ вслѣдствіе признанія неразрѣшимости этой задачи чисто отвлеченнымъ теоретическимъ путемъ. И такое отношеніе къ вопросу становится теперь достояніемъ сознанія не только теоретиковъ этихъ отрицательныхъ ученій, но и рабочихъ классовъ или соотвѣтственныхъ политическихъ партій, отказывающихся отъ надеждъ на рѣшеніе вопросовъ путемъ катастрофъ, могущихъ внезапно разрушить современный хозяйственный строй и создать что-то совершенно новое и ничего съ нимъ общаго не имѣющее. Здѣсь не мѣсто конечно разбирать эти отрицательныя ученія, но умѣстно въ предѣлахъ методологіи нашей науки указать, что послѣдней удалось теперь сбросить съ себя такіе упреки, которыхъ она прежде въ значительной степени заслуживала. Достигнуто-же было это отказомъ отъ признанія абсолютной непреложности слишкомъ скороспѣло установленныхъ общихъ теоретическихъ положеній, и допущеніемъ въ нѣдры самой науки началъ критики и оцѣнки изучаемыхъ явленій въ связи съ указаніемъ на задачи и способы улучшенія современнаго экономическаго строя. Наука обогатилась такимъ образомъ въ своемъ содержаніи, усовершенствовала свой методъ и расширила свои задачи, въ сравненіи съ первоначальнымъ ея состояніемъ. Она отказалась отъ идеализированія современнаго строя хозяйства, прежде всего признавъ его измѣняющимся, подобно тому какъ постепенно преобразовывался прежній его строй. Отказывается она и отъ выработки абсолютныхъ идеаловъ будущаго строя, но уже находитъ возможнымъ хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ намѣчать ближайшія задачи въ этомъ отношеніи, выводя ихъ изъ наблюденія надъ общимъ ходомъ развитія хозяйства и постепеннымъ торжествомъ началъ гуманности и справедливости. Въ такомъ лишь общемъ смыслѣ осуществленіе такихъ идеальныхъ началъ можно видѣть въ приобщеніи къ благамъ матеріальной, духовной и нравственной культуры растущихъ круговъ лицъ, т. е. въ уничтоженіи прежней рѣзкой противоположности или антагонизма интересовъ различныхъ общественныхъ, классовъ и группъ. Но отъ установленія хотя бы въ столь общей формѣ идеаловъ еще далеко до признанія ихъ въ наличности существующими или достигаемыми въ современной системѣ хозяйства; послѣдняя заключаетъ въ себѣ, на ряду съ общностью и солидарностью многихъ интересовъ, начала имъ совершенно противоположныя, въ видѣ борющихся другъ съ другомъ интересовъ узкоэгоистическихъ или групповыхъ и классовыхъ, какъ раньше сословныхъ. А потому и вопросы объ идеалахъ, какъ цѣляхъ какихъ либо стремленій или результатахъ развитія, слѣдуетъ связывать съ вопросами о стимулахъ хозяйственной дѣятельности вообще.

Двигатели или стимулы хозяйственной дѣятельности.

Такъ называемые классическія экономисты прежде и представители чистой теоретической или абстрактной экономики теперь исходили, какъ мы уже видѣли, во всѣхъ своихъ положеніяхъ и выводахъ изъ отправной посылки — человѣческаго эгоизма, какъ единственнаго двигателя хозяйственной дѣятельности. На нѣкоторыя односторонности и неправильности такой предпосылки было тоже уже неоднократно указано. Теперь своевременно свести воедино всѣ стимулы или мотивы, приводящіе въ движеніе хозяйственную дѣятельность, хотя бы къ главнѣйшимъ ихъ типамъ, за невозможностью перечислить всѣхъ ихъ во всемъ разнообразіи ихъ проявленія въ дѣйствительной жизни.

Что эгоизмъ есть мотивъ преобладающій—объ этомъ нѣтъ двухъ мнѣній, какъ и о томъ, что подъ влияніемъ его происходили и происходятъ всевозможныя улучшенія въ способахъ веденія хозяйства. Споръ же ведется еще до сихъ поръ о томъ,—не слѣдуетъ ли его считать двигателемъ единственнымъ и если да, то считать-ли это лишь за методологическій приемъ или-же за дѣйствительность, т. е. за объективно наблюдаемый фактъ? Въ пользу примѣненія этой посылки, какъ методологическаго приема, говорили, что только такимъ путемъ возможно прежде всего выдѣлить чисто экономическія явленія изъ среды остальныхъ общественныхъ и что тогда, ссылаясь на этотъ мотивъ, какъ на единственную порождающую причину, возможно построить стройное зданіе науки и изучать при помощи ея настоящую закономерность экономическихъ явленій и ихъ причинозависимость. Мы также знаемъ уже, что не такова только задача нашей науки, такъ какъ ей должна быть присуща постановка вопросовъ не только о томъ, *что есть* и что, какъ и почему происходило раньше или теперь, а также и о томъ, *что должно быть* и какъ, т. е. какими мѣрами это долженствующее быть можетъ и должно достигаться. Значитъ, намъ нельзя ограничиваться одними теоретическими познавательными цѣлями, а слѣдуетъ сознательно допустить въ составъ нашей науки и болѣе практической элементъ—искусство или экономическую политику. И что въ послѣдней даже условно, теоретически или гипотетически, эгоизмъ не только не можетъ быть допущенъ, какъ стимулъ единственный, но даже и какъ привходящій на ряду съ другими, это тоже уже должно быть яснымъ. Вѣдь мѣры экономической политики осуществляются только какими-нибудь организаціями и учрежденіями, преслѣдующими цѣли и интересы болѣе или менѣе общественныя, т. е. групповыя или коллек-

тивныя, а не единичныя, индивидуальныя. Но вопросъ даже не въ этомъ, а въ томъ — можно ли объяснять происхожденіе экономическихъ явленій чисто теоретически дѣйствиемъ одного этого эгоистическаго стимула? И вотъ прежде всего отъ этого отказалась такъ называемая историческая школа экономистовъ, а затѣмъ перестали прибѣгать къ этому приему, какъ чисто методологическому, и для объясненій современной хозяйственной дѣйствительности. Необходимо поэтому покончить съ этой догмой эгоизма, устранивъ ея исключительность и дополнивъ указаніемъ на наличность другихъ мотивовъ.

Понятіе или слово «эгоизмъ» происходитъ отъ латинскаго слова — «ego», которое значитъ — «я»; «эгоистическій» поэтому обозначаетъ личный своекорыстный интересъ или стремленіе; ему противоплагается «альтруизмъ», какъ чувство или мотивъ, выражающій любовь къ другому («alter» — другой по латыни). Подъ «другимъ-же» подразумѣвается не только какой-либо опредѣленный отдѣльный человѣкъ, но неопредѣленная, большая или меньшая множественность лицъ, не только лично извѣстныхъ, но и совершенно неизвѣстныхъ. Каждое изъ этихъ понятій эгоизма и альтруизма въ свою очередь можетъ быть понимаемо шире или уже: такъ эгоизмъ изъ чувства или интереса узко личнаго или индивидуальнаго (недѣлимаго) легко и естественно переходитъ въ понятіе любви родителей къ дѣтямъ мужа къ женѣ и т. д. Тогда хозяйственная дѣятельность кормильца или главы семьи, очевидно, имѣетъ своимъ мотивомъ не интересы его личныя, а эти *общесемейныя*.

Въ такомъ нѣсколько расширенномъ смыслѣ и понимался эгоизмъ, какъ единственный двигатель хозяйства первоначальными и нѣкоторыми новѣйшими экономистами, имѣвшими однако опредѣленное и потому болѣе узкое представленіе о семьѣ въ ея современномъ видѣ и объемѣ. И все-таки невозможно удовольствоваться такимъ даже расширеннымъ въ своемъ объемѣ понятіемъ эгоизма для объясненія всѣхъ хозяйственныхъ явленій вообще.

Такъ, если мы хотимъ учесть *всю* сумму средствъ, получаемыхъ населеніемъ данной страны для удовлетворенія своихъ потребностей, то необходимо указать и на такіе ихъ источники, которые не являются результатомъ только самодѣятельности или самопомощи отдѣльныхъ лицъ, преслѣдующихъ только свои собственные интересы. Къ числу такихъ источниковъ средствъ, наиболѣе противоположныхъ эгоистическимъ, относятся на первомъ мѣстѣ всѣ учрежденія такъ называемыя *благотворительныя*, въ основѣ которыхъ несомнѣнно находятъ себѣ наиболѣе рельефное примѣненіе начало *альтруизма*. Конечно, такимъ путемъ удовлетворяется сравнительно

незначительное количество потребностей; но въ общихъ абсолютныхъ цифрахъ пособія такого рода составляютъ во всемъ народномъ бюджетѣ доходовъ и расходовъ далеко не малыя суммы.

Здѣсь не мѣсто исчислять ихъ величину, какъ и излагать многообразныя формы и организаціи благотворительныхъ учрежденій, имѣющихъ различныя источники своихъ средствъ и доходовъ. Но нельзя не указать на нѣкоторые наиболѣе типичные образцы ихъ или примѣры. Такъ въ свое время находившіеся въ рукахъ церквей и монастырей богатства образовывались изъ пожертвованій, предназначавшихся на дѣла благотворительности, которыми занимались эти учрежденія. Это были первыя по времени своего возникновенія организаціи благотворительности, старавшіяся хотя бы сколько нибудь систематизировать вспомошествованіе бѣднымъ. На ряду же съ этимъ существовало и существуетъ широко практикуемое оказаніе этой помощи отдѣльными лицами, особенно разившееся на почвѣ христіанскаго ученія о нравственномъ долгѣ поданія милостыни, просимой именемъ Христовымъ. Не входя въ оцѣнку значенія всѣхъ такихъ общеизвѣстныхъ фактовъ, слѣдуетъ только констатировать таковыя въ смыслѣ ихъ распространенности. Конечно, строгіе и послѣдовательные сторонники эгоизма, какъ единственнаго двигателя въ хозяйствѣ, не могли относиться иначе какъ отрицательно ко всѣмъ вообще видамъ благотворительности, какъ организованной, такъ и индивидуальной или неорганизованной, какъ напр. Мальтусъ, Рикардо и другіе классическіе экономисты. Но тогда они уже сознательно, значить, исходили изъ признанія эгоизма единственнымъ двигателемъ не только въ смыслѣ методологическаго приѣма, но и фактически единственнымъ разумнымъ и наиболѣе цѣлесообразнымъ мотивомъ дѣятельности. Другими словами они покидали свою объективную чисто отвлеченно-научную точку зрѣнія и переходили въ область критики и оцѣнки дѣйствительности. Такъ Рикардо прямо, какъ мы уже видѣли, доказывалъ вредъ не только частной благотворительности, но и общественнаго призрѣнія, — системы обязательнаго вспомошествованія бѣднымъ, особенно широко и издавно практикуемой въ Англіи и имѣющей своимъ источникомъ установленныя еще въ 1601 г. обязательныя сборы съ болѣе состоятельныхъ лицъ въ пользу бѣдныхъ. По мнѣнію Рикардо всякая такая помощь вредна потому, что она ослабляетъ въ людяхъ заботы о самообезпеченіи, развивая въ нихъ надежду или даже увѣренность, что въ крайнихъ случаяхъ они получатъ какую то помощь откуда то извнѣ или со стороны. Но проходятъ вѣка, и подобныя учрежденія не исчезаютъ, а или еще болѣе расширяются, или же преобразуются въ болѣе совершенныя, какъ напр. когда вспомошествованіе изъ своихъ неорганизованныхъ формъ превращается въ организованную (напр. знаменитую Эльберфельскую систему сѣти благотворительныхъ учрежденій сперва въ этомъ городѣ, а затѣмъ по образцу его и въ другихъ), или изъ задачи учрежденій духовно-религіозныхъ переходитъ въ свѣтскую, какъ напр. въ Англіи, гдѣ еще съ XVI вѣка это становится одной изъ важнѣйшихъ задачъ мѣстнаго самоуправленія, въ которомъ и до настоящаго времени налогъ въ пользу бѣдныхъ составляетъ самую крупную цифру въ составѣ прочихъ мѣстныхъ налоговъ. Наконецъ въ самое новѣйшее время, мы присутствуемъ при преобразованіи, хотя и то не вполне, этихъ системъ общественнаго призрѣнія въ систему *всеобщаго и обязательнаго страхованія рабочихъ* отъ различныхъ ихъ жизненныхъ невзгодъ и бѣд-

ствій, какъ то: отъ временныхъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ въ работѣ, старости и инвалидности.

Во всѣхъ подобныхъ мѣрахъ и учрежденіяхъ проявляется сознание обществомъ и государствомъ недостаточности средствъ существованія у массы лицъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, т. е. въ своей хозяйственной дѣятельности руководимыхъ только своими эгоистическими интересами. вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается въ этомъ и признаніе несовершенствъ прошлаго и современнаго хозяйственнаго строя, заставляющихъ искать себѣ выхода въ поправкахъ и дополненіяхъ, покоящихся не на одной борьбѣ эгоистическихъ интересовъ, а на какихъ то иныхъ началахъ.

Среди послѣднихъ уже отмѣчено значеніе началъ альтруистическихъ, примѣненіе коихъ не ограничивается этими мѣрами и задачами благотворительности, какъ увидимъ далѣе; но на ряду съ ними, даже въ предѣлахъ приведенныхъ примѣровъ, обнаруживается проявленіе и стимуловъ или мотивовъ совсѣмъ иного рода. Такъ, когда мѣры частной добровольной благотворительности—система такъ называемыхъ *каритативныхъ* учреждений, (отъ латинскаго *caritas*—милосердіе),—превращается въ систему общественнаго призрѣнія, то основа послѣдней оказывается уже совершенно иная, а именно—*общественно-принудительная*, выражающаяся въ обязательномъ устройствѣ учреждений для призрѣнія бѣдныхъ и обязательныхъ-же платныхъ сборовъ или налоговъ въ пользу бѣдныхъ (*poor-rate*). То-же самое относится къ страхованію рабочихъ, изъ разрозненныхъ и основанныхъ на добровольной инициативѣ начинаній превращающемуся въ стройную систему, основанную на *всеобщности и обязательности* этого дѣла.

И если еще можно сомнѣваться въ томъ, относится или нѣтъ та или другая система организованной благотворительности или общественнаго призрѣнія къ области явленій и вопросовъ хозяйственныхъ, то уже никакого сомнѣнія не возникаетъ по отношенію къ страхованію рабочихъ, такъ какъ вопросы страхованія вообще суть несомнѣнно экономическіе. На глазахъ нашихъ, такимъ образомъ, совершился переходъ явленій изъ однихъ категорій въ другія, такъ какъ двигателями ихъ, въ смыслѣ причинъ, являлись сперва эгоистическо-индивидуальные интересы, затѣмъ, стимулы альтруистическіе и, наконецъ, мотивы общественные и средства принудительныя.

Число такихъ примѣровъ можно было бы увеличить чуть не до безконечности, но мы ограничимся лишь немногими, считая и ихъ необходимыми, чтобы приведенные раньше не показались исключительными или присущими лишь указаннымъ явленіямъ.

Такъ, возьмемъ область взаимоотношеній хозяевъ и рабочихъ, — ту, въ которой наиболѣе рѣзко проявляется борьба эгоистическихъ интересовъ, сводясь къ антагонизму или прямому противоположенію интересовъ этихъ двухъ сторонъ. Хозяева или наниматели стремятся по общему правилу извлечь какъ можно больше выгодъ изъ труда рабочихъ, что выражается въ стремленіи довести заработную плату послѣднихъ до возможнаго минимума и продолжительность работы въ теченіе сутокъ—до максимума; рабочіе-же стремятся къ совершенно обратному. Изъ этого выводится даже противоположеніе не только индивидуально-эгоистическихъ интересовъ, но такъ называемая *классовая борьба*, т. е. раздѣленіе общества по чисто экономическимъ основаніямъ на два какъ бы враждебныя лагеря—представителей капитала—владѣльцевъ средствъ производства, съ одной стороны, и труда—рабочихъ, съ другой.

Не отрицая всего этого, какъ факта и какъ научнаго приѣма разложенія явленій на ихъ составныя части, мы ничего, казалось бы, не могли бы видѣть въ этомъ вопросѣ, кромѣ наиболѣе полного подтвержденія или торжества догмы эгоизма. Между тѣмъ наблюдая тѣ-же самыя явленія не чрезъ очки предвзятой теоріи, а какъ они происходятъ въ дѣйствительности, мы найдемъ хотя и не опроверженіе этихъ положеній, но нѣкоторое и довольно значительное ихъ смягченіе. Оно выражается въ томъ, что борьба эта только иногда достигаетъ своего крайняго напряженія; въ обыкновенное-же время взаимоотношенія этихъ двухъ сторонъ носятъ характеръ приблизительно такой-же, какъ отношенія между продавцами и покупателями обыкновенныхъ товаровъ, которые и не противоплагаются другъ другу какъ два особые класса, такъ какъ продавцы однихъ товаровъ являются обыкновенно покупателями другихъ. Своеобразность и большая обостренность взаимоотношеній хозяевъ и рабочихъ вытекаетъ изъ особенностей работы, разсматриваемой какъ нѣкоторый отличающійся отъ всѣхъ прочихъ видовъ, товаръ; отличіе-же это обуславливается неотдѣлимостью его отъ продавца и другими особенностями, вытекающими изъ существа современнаго капитализма. И потому взаимоотношенія хозяевъ и рабочихъ по характеру своему существенно отличаются отъ отношеній между рабовладѣльцами и рабами, помѣщиками и ихъ крѣпостными людьми или прежними ремесленными мастерами и подмастерьями. Причины этихъ различій заключались въ бытовыхъ и правовыхъ особенностяхъ тѣхъ эпохъ, когда существовали эти иные представители труда; но изъ послѣдняго, какъ прежде, такъ и теперь вообще извлекался доходъ рабовладѣльцами, помѣщиками и мастерами-хозяевами. Послѣдніе были однако такъ или иначе обязаны заботиться о под-

чиненныхъ имъ лицахъ; современный-же капиталистъ заключаетъ съ рабочимъ формально свободный договоръ найма на работу, который только въ силу особыхъ законодательныхъ постановленій можетъ включатьъ въ себѣ особыя обязательства по отношенію къ рабочимъ и къ установленію условій работъ.

Но раньше, чѣмъ появляются эти особыя законодательныя нормы, регулирующія условія найма и труда, отношенія между хозяевами и рабочими смягчаются по доброй волѣ нѣкоторыхъ хозяевъ, болѣе гуманно относящихся къ рабочимъ и не желающихъ такъ грубо эксплуатировать ихъ трудъ, какъ это дѣлаютъ другіе. Вытекающее отсюда смегченіе этой взаимной борьбы иногда является результатомъ лучшаго пониманія хозяевами своихъ интересовъ, такъ какъ это обезпечиваетъ и вообще болѣе мирныя взаимоотношенія, и болѣе постоянный составъ ихъ рабочихъ, что представляетъ собою извѣстныя и довольно значительныя выгоды. Не всегда однако можно съ точностью разобраться въ томъ—дѣйствительно ли болѣе гуманны одни хозяева по сравненію съ другими и потому-ли они болѣе заботятся о нуждахъ своихъ рабочихъ, (напр. лучше кормятъ ихъ, лучше помѣщаютъ, устраиваютъ для дѣтей или для самихъ рабочихъ школы или развлеченія и т. п., и даже даютъ большее вознагражденіе за трудъ и сокращаютъ его продолжительность), т. е. проявляютъ начала альтруистическія,—или-же все это суть результаты болѣе тонкаго хозяйственнаго расчета и соображенія о конечныхъ своихъ выгодахъ? Бываетъ конечно и то, и другое причиною этихъ явленій, но бываетъ и третье, а именно: замѣчая, что одни изъ хозяевъ вполнѣ *добровольно* улучшаютъ положеніе своихъ рабочихъ въ разныхъ вышеуказанныхъ формахъ и тѣмъ не менѣе не терпятъ отъ этого убытковъ, государственная власть заставляетъ наконецъ всѣхъ соотвѣтственныхъ хозяевъ дѣлать все это уже *принудительно*, т. е. въ силу издаваемыхъ съ этой цѣлью законовъ. Поступая такъ, государственная власть является тогда новымъ, какъ бы привходящимъ со стороны, факторомъ регулирующимъ эти взаимоотношенія двухъ борящихся между собою сторонъ; и этотъ факторъ—фабричное или вообще рабочее законодательство—долженъ быть признанъ играющимъ самостоятельную роль въ числѣ условій и причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ устанавливаются взаимоотношенія труда и капитала. Слѣдовательно и въ этомъ примѣрѣ, какъ и въ предыдущемъ мы видимъ проявленіе трехъ мотивовъ и соотвѣтственныхъ причинъ, порождающихъ извѣстные результаты.

Мотивы эти могутъ быть классифицируемы еще нѣсколько иначе, а именно: какъ *индивидуальные и коллективные*. Къ первымъ отно-

сятся эгоизмъ и альтруизмъ, какъ проявленіе чисто индивидуаль-ныхъ чувствъ или основъ поведенія отдѣльныхъ лицъ. Въ приве-денныхъ примѣрахъ иногда даже трудно было разобраться во вну-треннихъ, глубокихъ основаніяхъ дѣйствій, по внѣшнему виду от-носящихся къ альтруистическимъ. Такъ въ области взаимоотноше-ній хозяевъ и рабочихъ болѣе благожелательныя отношенія пер-выхъ ко вторымъ, какъ мы видѣли уже, вытекаютъ иногда не изъ ихъ доброты сердечной, а изъ лучшаго пониманія ими собствен-ныхъ выгодъ и интересовъ. Тоже самое можно сказать и о вну-треннихъ основахъ благотворительности, особенно наиболѣе широ-кой или крупной.

Нерѣдко въ основѣ ея лежитъ чувство тщеславія, желаніе прио-брѣсти такимъ путемъ извѣстность, популярность, уваженіе согра-жданъ или даже награды въ видѣ чиновъ, почетныхъ званій, ор-деновъ и т. п. Трудно, конечно, какъ говорится, влѣзть въ душу такихъ крупныхъ жертвователей; но для цѣлей нашего изслѣдова-нія это и не представляется необходимымъ, если встать на точку зрѣнія не субъективную—жертвователей, а *объективную*—результатовъ. Послѣдніе выражаются въ томъ, что разныя благотвори-тельные, ученныя, учебныя и вообще общепользныя учрежденія по-лучаютъ средства для осуществленія своихъ задачъ изъ такихъ источниковъ, которые не могутъ быть отнесены къ типу чисто экономическихъ, т. е. основанныхъ на принципѣ свободнаго взаимнаго обмѣна равноцѣнностей. Между тѣмъ громадное и потому типичное большинство чисто хозяйственныхъ явленій имѣютъ подъ собою такое именно основаніе—обоюдныя выгоды свободно обмѣниваю-щихся и договаривающихся между собою двухъ сторонъ въ дѣлѣ. Въ рассматриваемыхъ-же примѣрахъ ничего этого нѣтъ, ибо по-жертвованія не обусловливаются прямо или непосредственно какими нибудь явными выгодами жертвователя, если это не прямая тор-говля знаками и орденами со стороны благотворительныхъ учре-жденій. Но даже и въ послѣднемъ случаѣ это не обмѣнъ равно-цѣнностей, ибо тѣ или другіе знаки отличія всегда во много разъ меньше стоятъ, чѣмъ принимаемыя пожертвованія. А на по-слѣднихъ покоится хозяйственная сторона или основа такой дѣя-тельности этихъ учрежденій, которая сама по себѣ ничего общаго съ хозяйствомъ не имѣетъ.

Но это и не есть особенность такихъ каритативныхъ учрежде-ній, ибо, говоря въ самомъ началѣ о сущности хозяйственной дѣя-тельности вообще, мы уже и тогда указывали на то, что, напри-мѣръ, удовлетвореніе потребности въ музыкальныхъ удовольствіяхъ, въ научномъ знаніи и т. п. само по себѣ еще не есть хозяйствен-

ное явленіе или процессъ; а добываніе средствъ на удовлетвореніе какъ такихъ, такъ и матеріальныхъ, т. е. болѣе хозяйственныхъ, потребностей есть уже дѣятельность хозяйственная въ обоихъ случаяхъ.

Нельзя, другими словами, подвести хозяйственный балансъ многимъ явленіямъ, не принявъ во вниманіе вышеуказанныхъ источниковъ средствъ или доходовъ, не вытекающихъ изъ проявленія однихъ эгоистическихъ дѣйствій. Съ фактами такого рода, значить, приходится считаться, какъ съ таковыми; хотя, быть можетъ, только малая доля рѣдкихъ, но крупныхъ пожертвованій имѣетъ подъ собою основу дѣйствительно альтруистическую или каритативную. Въ болѣе-же чистомъ видѣ такая основа присуща пожертвованіямъ многочисленнымъ по количеству ихъ, но малымъ по суммамъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, каковы простое подаваніе милостыни, сборы, въ самое новѣйшее время организуемые въ формѣ продажи цвѣтковъ или жетоновъ и т. п.

Что касается до мотивовъ *коллективныхъ*, то и они въ свою очередь могутъ быть разложены на свои соотвѣтственные части, при чемъ тоже обнаруживается, что они иногда представляютъ собою нѣчто дѣйствительно противоположное интересамъ эгоистическимъ, а иногда это лишь такъ сказать *суммирование* или *объединеніе* интересовъ по существу тоже эгоистическихъ, но проявляемыхъ *только по способу ихъ защиты* въ формахъ коллективныхъ, а не индивидуальныхъ. Но и тутъ, при болѣе тонкомъ анализѣ, можно наблюдать постепенные переходы этихъ чувствъ или эмоцій изъ однихъ въ другія или ихъ *смѣшанный* характеръ.

Къ категоріи такихъ мотивовъ относятся вообще учрежденія, основанныя на началахъ *взаимопомощи* во всемъ разнообразіи ихъ проявленія въ самыя различныя историческія эпохи, и даже не только у людей, но и у другихъ живыхъ существъ (животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и т. д.). Имѣя своимъ общимъ двигателемъ стремленіе къ удовлетворенію тѣхъ-же потребностей, которыя удовлетворяются единичными силами, учрежденія взаимопомощи являются, съ одной стороны, *средствомъ* ихъ коллективнаго удовлетворенія или одной изъ формъ хозяйственной организаци. Съ другой-же стороны, самая практика такого способа обезпеченія и защиты интересовъ развиваетъ въ сочленахъ этихъ учреждений такіе *мотивы* дѣйствій и правила поведенія, которые по существу своему или характеру могутъ разсматриваться, какъ извѣстныя *конечныя цѣли*, иногда прямо противоположныя чисто эгоистическимъ. Это можетъ быть разъяснено на нѣсколькихъ слѣдующихъ примѣрахъ:

Возьмемъ для начала одну изъ первичныхъ эпохъ — родовой

быть или клановую организацію общества. Главная суть ея, или особенность по сравненію съ индивидуалистическими основами современнаго хозяйства, заключается въ томъ, что тутъ все дѣлается сообща и интересы рода или небольшого племени (клана) ставятся гораздо выше интересовъ чисто индивидуальныхъ или единичныхъ, нерѣдко даже безъ промежуточной группировки ихъ въ интересы узко семейные въ современномъ смыслѣ этого слова. Вся сила такихъ родовыхъ организацій коренится въ этой совокупности интересовъ и совмѣстности усилій; благодаря этому люди, стоящіе еще на низкой ступени своего культурнаго развитія, достигаютъ сравнительно значительныхъ результатовъ и въ чисто хозяйственномъ отношеніи. Выражается это внѣшнимъ образомъ въ совмѣстныхъ охотахъ, рыбной ловлѣ, перекочевываніи съ мѣста на мѣсто или совмѣстной пастьбѣ скота и иногда даже въ первичной совмѣстной обработкѣ земли.

Эта совмѣстность работъ и удовлетворенія потребностей долгое время не допускаетъ возникновенія и существованія рѣзкаго *разграниченія интересовъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *средствъ ихъ защиты*, въ чемъ заключается *первооснова* и *существо* права и правовыхъ нормъ ¹⁾. Отсюда отсутствіе въ теченіе очень долгихъ періодовъ сколько-нибудь ясно выраженныхъ представленій и проявленій въ жизни началъ *частной* или индивидуальной *собственности*. Отсутствіе-же этого важнѣйшаго изъ современныхъ правовыхъ институтовъ не могло не отражаться, какъ бы обратно, на неразвитости индивидуальныхъ эгоистическихъ интересовъ, стало быть послѣдніе и не могутъ считаться первоначальными, (хотя бы по времени ихъ возникновенія), двигателями въ хозяйствѣ ²⁾.

Изслѣдованія первоначальнаго быта и первичныхъ формъ хозяйства заключаютъ въ себѣ безчисленныя доказательства всего вышеизложеннаго, подтверждаемаго даже наблюденіемъ надъ жизнью различныхъ животныхъ и насѣкомыхъ. Такъ на примѣръ, несомнѣнно, что единственнымъ средствомъ самозащиты для животныхъ травоядныхъ и вообще не хищныхъ, не ода-

---

¹⁾ Противъ послѣдняго утвержденія, конечно, возстанутъ всѣ представители такихъ правовыхъ теорій, которые отрицаютъ такое основное опредѣленіе права, какъ *разграниченіе интересовъ и средствъ ихъ защиты*; но мы не будемъ сейчасъ входить въ полемику съ ними, отлагая этотъ споръ до дальнѣйшаго изложенія, гдѣ къ нему еще придется возвращаться.

²⁾ Болѣе подробныя подтвержденія всего этого можно найти въ много-различныхъ трудахъ изслѣдователей первичной культуры вообще, а относительно первичнаго хозяйственнаго быта въ особенности у *Н. Зибера*: „Очерки первобытной экономической культуры“, изд. 2-е 1899 г.; специально же о ролѣ взаимопомощи въ сочиненіи *К. Кр-ина*. „Взаимопомощь у животныхъ и людей“. Перев. съ англійскаго. Спб. 1904 г.

ренныхъ силою и ловкостью послѣднихъ, служить ихъ стадный, т. е. своего рода общественный, образъ жизни. И такіе существа въ борьбѣ за существованіе различныхъ органическихъ видовъ оказываются наиболѣе приспособленными къ ней и потому побѣдителями или распространяющимися видами, въ то время какъ животныя хищныя, по большей части живущія одиночками или семейными парами (львы, тигры и т. п.), постепенно вымираютъ не только вслѣдствіе истребленія ихъ, какъ вредныхъ и опасныхъ существъ, человѣкомъ, но и вслѣдствіе недостатка пищи—другихъ животныхъ, умѣющихъ совмѣстными усиліями отъ нихъ защищаться. Но тѣ же хищники становятся особенно опасными, когда они живутъ и дѣйствуютъ массами. Не слѣдуетъ поэтому злоупотреблять выраженіемъ «зоологическій» законъ борьбы за существованія въ смыслѣ борьбы между особями одного и того-же рода или вида, какъ это блестяще доказалъ въ свое время знаменитый творецъ этого термина—*Чарльзъ Дарвинъ*. Обезсмертившій его трудъ постигла та-же судьба, какъ и соотвѣтственный трудъ *Ад. Смита*. Оба они отнюдь не были создателями теоріи борьбы за существованіе въ индивидуалистическомъ смыслѣ, какъ единственной основы развитія всѣхъ видовъ живыхъ существъ или развитія хозяйства. Каждый изъ нихъ допускалъ и признавалъ огромное значеніе и другихъ стимуловъ, кромѣ борьбы интересовъ; и только ихъ послѣдователи съзидили и потому исказили ихъ ученіе, придавъ ему односторонній смыслъ и характеръ. Такъ Дарвинъ въ обоихъ своихъ главныхъ сочиненіяхъ подъ борьбой за существованіе понималъ не только борьбу съ себѣ подобными существами, но гораздо больше борьбу съ неблагопріятными внѣшними условіями. Въ частности, въ борьбѣ животныхъ имъ выдвигалась борьба между *различными* ихъ видами и подчеркивалось значеніе взаимопомощи среди представителей одного и того-же вида для защиты его интересовъ въ цѣломъ. То же самое говорилъ онъ и относительно людей, т. е. что у нихъ играло важную роль—поддержаніе интересовъ даннаго вида, а не борьба между отдѣльными особями. «Тѣ общества—говорилъ онъ, которыя будутъ заключать наибольшее число членовъ, наиболѣе симпатизирующихъ другъ другу, будутъ наиболѣе процвѣтать и оставлять наибольшее потомство».

Ад. Смитъ, раньше выпуска своего главнаго экономическаго труда, напечаталъ «Опытъ теоріи нравственныхъ чувствъ», въ которомъ изслѣдовалъ проявленіе нравственныхъ или альтруистическихъ стимуловъ, чувствъ взаимной симпатіи и т. п.; значеніе ихъ онъ и потомъ никогда не умалялъ, а лишь выдвинулъ особое значеніе эгоизма, какъ преобладающаго, но не исключительнаго двигателя въ хозяйствѣ. Только ближайшіе ученики его и послѣдователи, въ лицѣ Рикардо и въ особенности Мальтуса, выставили эгоизмъ и борьбу за существованіе не только въ качествѣ главнаго, но и исключительнаго двигателя. И у Мальтуса, изучавшаго жизнь людей, а не животныхъ, Дарвинъ какъ будто бы взялъ готовые слова и страницы для выраженія своихъ мыслей о значеніи борьбы за существованіе вообще.

Вообще изслѣдованія древняго быта различныхъ народовъ или современныхъ дикарей обнаруживаютъ полную несостоятельность той теоріи развитія права и государства, а также и хозяйства, согласно которой первоначально люди жили въ состояніи непрерывной *борьбы всѣхъ противъ всѣхъ*, какъ это ранѣе другихъ говорилъ философъ *Гоббсъ*, принимавшій эту борьбу за отправной пунктъ

для всѣхъ дальнѣйшихъ своихъ выводовъ. Но это было не выводомъ изъ наблюдений прошлой дѣйствительности, а такимъ-же отвлеченно философскимъ построениемъ извѣстной теоріи происхожденія права и государства, какъ много позже положеніе въ основу всѣхъ экономическихъ законовъ и теорій личнаго эгоизма, какъ единственнаго стимула хозяйственной дѣятельности. Настоящее объективно-научное изслѣдованіе всего развитія хозяйства обнаруживаетъ, что, на ряду съ борьбой интересовъ личныхъ или эгоистическихъ, начала взаимопомощи играли такую-же важную роль, иногда даже и болѣе значительную, а, стало быть, и интересы коллективные, т. е. родовые, сословные, групповые, классовые и т. п. Оставляя до предпосылаемаго теоретической части курса историческаго очерка развитія хозяйства болѣе подробныя данныя и доказательства этой мысли, теперь мы сведемъ ихъ такъ сказать впередъ къ болѣе общимъ выводамъ и положеніямъ.

Въ древнихъ классическихъ государствахъ—Греціи и Римѣ начала и интересы государственные и общественные несомнѣнно преобладали надъ личными. Борьба велась или между отдѣльными греческими государствами или всѣми ими сообща противъ внѣшнихъ враговъ. Римъ силою своею военнаго оружія покорилъ сперва чуть не весь извѣстный тому времени міръ, а потомъ палъ жертвою натиска варварскихъ народностей, когда ослабѣло въ гражданахъ сознаніе ихъ высокихъ обязанностей передъ государствомъ и они предались роскошной жизни, т. е. удовлетворенію своихъ личныхъ потребностей. Внутри всѣхъ этихъ государствъ для экономической борьбы гражданъ между собою не было настоящей почвы, такъ какъ въ хозяйствѣ преобладали замкнутыя его формы—производство для удовлетворенія собственныхъ потребностей, а не для сбыта на сторону.

Послѣдняго рода дѣятельность считалась для полноправныхъ гражданъ даже ихъ недостойною и постыдною по двумъ причинамъ: во первыхъ потому, что трудиться въ буквальномъ смыслѣ слова должны были рабы; а во вторыхъ, если бы граждане занялись спекулятивной хозяйственной дѣятельностью, то могли бы этимъ настолько увлечься, что стали бы бороться или конкурировать другъ съ другомъ. А это привело бы къ преслѣдованію на первомъ планѣ своихъ личныхъ интересовъ и отвлекло бы отъ служенія интересамъ общегосударственнымъ. Конечно, такое пренебреженіе къ хозяйственной дѣятельности и преслѣдуемымъ въ ней личнымъ интересамъ дурно отзывалось на состояніи хозяйства; но все это какъ бы естественно вытекало изъ того общаго уклада жизни и соотвѣтственнаго міросозерцанія, которое было особенно присуще древнимъ

грекамъ. У римлянъ-же преобладало еще болѣе хищническое начало— жить на счетъ покоряемыхъ племенъ и народовъ. Настоящей внутренней борьбы между общественными классами тоже не могло происходить, такъ какъ граждане рѣзко противопологались рабамъ, послѣдніе-же не пользовались никакими правами. Правда, на этой почвѣ происходили иногда рѣзкія столкновенія интересовъ особенно въ Римѣ, гдѣ возставали рабы противъ ихъ владѣльцевъ; но это опять скорѣе примѣры борьбы интересовъ групповыхъ или коллективныхъ, чѣмъ личныхъ.

Въ наступившіе затѣмъ средніе вѣка личныя начала хотя и получили нѣкоторое большее развитіе съ ослабленіемъ государственныхъ, но еще большее значеніе приобрѣли начала *групповыя, сословныя*. Это выразилось въ почти полномъ обособленіи и противуположеніи интересовъ высшихъ сословій, съ одной стороны, и горожанъ и крестьянъ, съ другой. Въ развитіи городскихъ торговыхъ гильдій и корпоративно-ремесленныхъ цеховъ особенно замѣтно сказалось значеніе началъ взаимопомощи, только благодаря которой учрежденія эти и могли завоевать себѣ нѣкоторую свободу и независимость. Взаимопомощь эта выдвигала на первый планъ *солидарность*, т. е. общность интересовъ лицъ, входившихъ въ составъ той или другой гильдии, того или другого цеха; поэтому внутри этихъ учрежденій также не могла возникнуть и развиваться борьба интересовъ; а конкуренція или соперничество прямо пресѣкались цеховыми регламентами, очень точно опредѣлявшими условія жизни и дѣятельности членовъ цеховыхъ корпорацій. Такое стѣсненіе свободы и ограниченіе личныхъ интересовъ было въ свое время необходимо для упроченія положенія торговыхъ и особенно промышленныхъ классовъ; и только впоследствии все это, сыгравъ свою роль, превратилось въ косность и рутину, съ одной стороны, и привело къ противоположенію интересовъ хозяевъ и подмастерьевъ, съ другой, а вообще вызвало потребность въ осуществленіи началъ личной свободы. То же самое съ нѣкоторыми оговорками слѣдовало бы сказать и о положеніи крестьянъ того времени, а именно: пока существовали самостоятельныя общины, хозяйство въ нихъ велось сообща, если не вполне, то въ значительной степени, а потому и преобладали въ нихъ общіе интересы надъ индивидуальными. Но когда вмѣсто прежней солидарности стали развиваться обособленіе и борьба интересовъ между членами однихъ и тѣхъ-же общинъ, да еще стали грозить разныя опасности свободѣ и имуществу крестьянъ извнѣ, то они, крестьяне, въ отдѣльности или цѣлыми общинами стали частью добровольно отдаваться подъ покровительство высшихъ сословій—дворянъ и духовенства, частью-же насильственно пре-

вращались послѣдними въ [крѣпостныхъ. Развѣ нельзя сдѣлать и отсюда прямого вывода, что начала взаимопомощи и солидарности интересовъ оказали гораздо больше услугъ членамъ всѣхъ этихъ средневѣковыхъ группъ и сословій, чѣмъ внутренняя борьба интересовъ?—Утвердительный отвѣтъ въ первомъ смыслѣ, кажется, долженъ быть признанъ несомнѣннымъ.

Когда наступила современная эта свободы и равноправности гражданъ въ болѣе или менѣе полной мѣрѣ, то и создался строй хозяйства теоретически и фактически именуемый *системой неограниченной конкуренціи*, т. е. торжества личныхъ эгоистическихъ началъ. Здѣсь и только именно тогда такая борьба индивидуальныхъ интересовъ нашла себѣ полное выраженіе и примѣненіе въ средѣ лицъ, принадлежащихъ къ одному и тому-же виду. Это ясно изъ того, что конкурировать между собою могутъ только лица, занимающіеся однимъ и тѣмъ-же промысломъ и занятіемъ: купцы, торгующіе одними и тѣми-же товарами, ремесленники или фабриканты, производящіе одни и тѣ-же продукты и издѣлія. Борьба, въ смыслѣ конкуренціи, слѣдовательно можетъ происходить только въ совершенно *однородной средѣ*, а не въ разнохарактерныхъ группахъ.

И несомнѣнно, что отдѣльныя лица, такъ сказать вырвавшись на свободу изъ всѣхъ прежнихъ стѣснявшихъ ихъ условій, (крѣпостной зависимости, цеховыхъ ограниченій, правительственныхъ стѣсненій, широко развитыхъ монополій и т. п.), обнаружили чудеса личной энергіи и изобрѣтательности. Промышленная и торговая дѣятельность стали быстро развиваться и совершенствоваться, что продолжается и до настоящаго времени.

Но развѣ и тутъ все дѣло сводится къ одной только внутренней борьбѣ и потому здѣсь нѣтъ будто бы мѣста одновременно для общности и солидарности интересовъ? — Несомнѣнно, что эти послѣднія начала находятъ себѣ и тутъ широкое примѣненіе, ибо ни у кого, какъ у лицъ, занятыхъ однимъ и тѣмъ-же промысломъ и занятіемъ, не можетъ быть больше общихъ интересовъ и именно хозяйственныхъ. На этой именно почвѣ и происходитъ,—въ послѣднее время въ особенности,—объединеніе лицъ профессионально однородныхъ; такъ объединяются въ различныя общества и союзы представители крупныхъ противопологаемыхъ другъ другу отраслей хозяйства, напр. земледѣлія или сельскаго хозяйства съ одной стороны, обрабатывающей промышленности съ другой, торговли съ третьей и т. д., ибо одни интересы ихъ взаимно противоположны другъ другу, а другіе—внутренніе—общіи или солидарны. А на ряду съ этимъ каждая изъ этихъ крупныхъ группъ распадается на цѣлый рядъ болѣе мелкихъ, по спеціальнымъ видамъ производства, какъ

напр. желѣзодѣлательная промышленность, свекло-сахарная, по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, мукомольная и т. д., какъ и различные виды торговли и др. промысловъ.

Стало быть одни и тѣ-же условія вызываютъ одновременно и наиболѣе острую въ своей средѣ борьбу интересовъ, и создаютъ почву для солидарности борющихся лицъ. А все это завершается сліаніемъ прежде горячо сражавшихся другъ съ другомъ представителей однородныхъ предприятий въ новѣйшіе торгово-промышленныя союзы — картели, синдикаты, трэсты и т. п., въ которыхъ уже совершенно нѣтъ мѣста ни для какой конкуренціи и внутренней борьбы. Гдѣ-же тутъ эта гипотетическая или фактическая основа хозяйственной дѣятельности въ видѣ торжества началъ эгоизма и борьбы однихъ эгоистическихъ интересовъ? Борьба эта конечно, происходитъ и иногда ведется очень ожесточенная; но не одна она характеризуетъ современное состояніе хозяйства, какъ еще меньше могла она характеризовать состояніе его прежнее.

Возьмемъ, наконецъ, сферу интересовъ современныхъ наемныхъ рабочихъ. По общимъ правиламъ, они свободно договариваются съ нанимателями объ условіяхъ найма на работу и по этому поводу вступаютъ въ конкуренцію между собою. Это послѣднее условіе очень долго рекомендовалось имъ, какъ единственно правильное и возможное, подъ видомъ проповѣдей личной свободы и равноправности. Съ конца XVIII вѣка, особенно въ разгаръ французской революціи, издавались самые строгіе законы, запрещавшіе всякія соединенія лицъ однородныхъ профессій (во Франціи въ 1791 г., въ Англіи въ 1799). При этомъ провозглашалось, что государство въ его цѣломъ есть и должно быть единственнымъ видомъ общенія интересовъ, которому противопологались интересы свободной личности. Никакимъ промежуточнымъ формамъ общенія и интересамъ поэтому не должно быть мѣста, и они дѣйствительно жестоко преслѣдовались въ видѣ ремесленныхъ корпорацій, союзовъ рабочихъ и даже совершенно миролюбивыхъ обществъ или кассъ для взаимнаго вспомошествованія. Но отъ всѣхъ такихъ ранѣ существовавшихъ учрежденій или новѣйшихъ ихъ видовъ, въ родѣ рабочихъ союзовъ, рабочіе не желали отказываться и горячо боролись за это право объединяться въ союзы и другія учрежденія для взаимопомощи. Боролись съ этими стремленіями правительства разныхъ странъ, отрицательно относились къ нимъ и представители такъ называемой либерально-индивидуалистической школы экономистовъ. И только во второй половинѣ XIX вѣка всѣ эти учрежденія союзнаго строя находятъ себѣ снова широкое примѣненіе на практикѣ и признаніе или одобреніе ихъ въ теоріи, т. е. въ экономической наукѣ. Горькій

опытъ торжества началъ чистаго индивидуализма убѣдилъ рабочихъ въ невыгодахъ этой разрозненной борьбы за свои личные интересы и привелъ къ сознанию ихъ солидарности.

Къ какому-же характеру или типу мотивовъ слѣдуетъ отнести тѣ, которые проявляются въ дѣятельности современныхъ рабочихъ союзовъ, какъ учрежденій регулирующихъ борьбу между рабочими и ихъ нанимателями? Несомнѣнно, что это есть какъ бы суммирование интересовъ входящихъ въ составъ этихъ союзовъ отдѣльныхъ рабочихъ, стало быть, интересовъ по внутренней сущности ихъ эгоистическихъ. И также несомнѣнно, что, будучи сложены вмѣстѣ, интересы эти проявляютъ солидарность рабочихъ, объединенныхъ въ особый классъ, противопоставляемый классу капиталистовъ. Образъ дѣйствія рабочихъ въ самой организаціи союзовъ и въ особенности въ моменты обостренія борьбы — при стачкахъ и забастовкахъ — является собою примѣръ самопожертвованія на общую пользу отдѣльныхъ союзовъ или всего рабочаго класса. Весьма соблазнительно, напримѣръ, для отдѣльныхъ лицъ, испытывающихъ крайнюю нужду въ средствахъ существованія, нарушить постановленіе о забастовкѣ и принять предлагаемыя выгодныя условія работы. Громадное большинство рабочихъ однако этого не дѣлаютъ, очевидно ставя общіе интересы выше своихъ личныхъ или семейныхъ. Что-же это — эгоизмъ или альтруизмъ?

Вѣрнѣе всего и то, и другое вмѣстѣ, т. е. сознание солидарности интересовъ, или образецъ особой категоріи ихъ — *общественности*, проявляющейся все болѣе и болѣе въ разнообразныхъ формахъ. Такъ сюда относятся и развивающееся въ послѣднее время *кооперативное* движеніе, т. е. объединеніе массы лицъ для совмѣстнаго преслѣдованія своихъ интересовъ въ процессахъ производства — производительныя ассоціаціи, потребленія — удешевленія предметовъ потребленія — потребительныя общества или товарищества, и въ разныхъ промежуточныхъ моментахъ хозяйственной дѣятельности, какъ напр. для совмѣстной закупки сырья (матеріала для работы), для пользованія орудіями производства или для общаго сбыта его продуктовъ. Все это прежде всего объединенія съ тѣми или другими ближайшими практическими интересами для борьбы съ имъ противоположными, въ родѣ мелочныхъ торговцевъ или нанимателей фабрикантовъ и ремесленниковъ и т. п. Въ такомъ объединеніи и организаціи интересовъ на началахъ взаимопомощи ихъ сила, ихъ великая будущность, противопоставляемая прежней ихъ разрозненности.

Когда въ основѣ такого объединенія лежитъ непосредственное сознание его пользы и цѣлесообразности, нѣтъ надобности ни въ какомъ принужденіи. Но такъ бываетъ только тогда, когда польза эта наглядно убѣдительно, когда пониманіе этого доступно сознанию, когда практически проходитъ такая школа, вырабатывающая соотвѣтственную психологію членовъ этихъ общеній, союзовъ, коопе-

рацій и т. п. Соглашенія и объединенія происходят тогда вполне свободно или *добровольно*.

Но есть виды интересовъ болѣе высокіе и широкіе, а потому менѣе доступные сознанию участниковъ общенія; таковы болѣе общіе интересы *мѣстные* и, наконецъ *общегосударственные*. Степень пониманія ихъ обусловливается не только ошутимостью выгодъ и преимуществъ, вытекающихъ изъ этихъ высшихъ и болѣе полныхъ формъ общенія, но и общимъ уровнемъ культурнаго, нравственнаго и политическаго развитія; уровень же этотъ бываетъ далеко не одинаковъ у многочисленныхъ членовъ этихъ общеній. Такъ напримѣръ, не всѣ одинаково цѣнятъ даже чисто внѣшнія удобства какихъ нибудь формъ общежитія, хотя бы, скажемъ, городскихъ поселеній, выражающіяся въ хорошихъ мостовыхъ, освѣщеніи улицъ, водоснабженіи и т. п. Для обезпеченія такихъ цѣлей и интересовъ благоустройства необходимы матеріальные средства; они могутъ быть собраны иногда путемъ добровольныхъ складчинъ или сборовъ, а иногда необходимость соответственныхъ мѣръ сознается еще не всѣми мѣстными обывателями, а лишь частью ихъ болѣе культурной. Въ послѣднихъ случаяхъ необходимо бываетъ примѣнить *принужденіе*, которое играетъ роль средства, поднимающаго культуру какъ матеріальную, такъ иногда и умственную или духовную.

До сихъ поръ еще не всѣ достаточно оцѣниваютъ значеніе и необходимость образованія, хотя бы даже элементарнаго; рѣдко, кто самъ въ дѣтствѣ и въ юности хочетъ учиться и даже далеко не всѣ желаютъ, чтобы ихъ дѣти получали то или иное образованіе. Успѣшное развитіе послѣдняго обезпечивается тогда его обязательностью, какъ въ смыслѣ устройства учебныхъ заведеній, такъ и посылки въ нихъ дѣтей, а также и по доставленію необходимыхъ для этого матеріальныхъ средствъ. Если послѣднихъ не хватаетъ на эту цѣль, то бываетъ что они собираются и съ такихъ лицъ, дѣти которыхъ не будутъ посѣщать этихъ, напримѣръ, высшихъ начальныхъ школъ; а въ этомъ и заключается та распредѣлительная или социально-политическая роль или свойство налоговъ, какъ принудительныхъ платежей, на которую особенно указываетъ проф. Ад. Вагнеръ (см. выше стр. 47).

Высшіе чисто общегосударственные интересы еще менѣе доступны пониманію всѣхъ массъ населенія или гражданъ каждой страны, такъ какъ кругъ государственнаго общенія обыкновенно теперь есть самый большой; (только въ древнемъ мірѣ, какъ увидимъ далѣе, напр. въ древней Греціи, государство фактически и какъ понятіе сливалось съ городомъ, имѣя поэтому незначительные размѣры). Рѣдко поэтому государство и называется «вышей формой принудительнаго общенія», какъ особенно на этомъ настаиваетъ тотъ же проф. Вагнеръ. Онъ-же болѣе другихъ, въ противоположность слѣпой вѣрѣ первоначальныхъ экономистовъ въ торжество

однихъ началъ свободы въ хозяйствѣ, выясняя значеніе этого элемента принужденія, выражая свою мысль между прочимъ слѣдующими словами: «Принужденіе, какъ исторически испробованное и часто необходимое воспитательное орудіе культуры, не достаточно еще оцѣнено въ смыслѣ средства, подготовляющаго добровольное совершеніе того, что прежде было вынуждаемымъ ¹⁾».

Не только однако въ налогахъ и сборахъ и ихъ распредѣлительной функціи выражается принудительная и хозяйственная роль государства и мѣстныхъ учреждений самоуправленія. Ихъ роль въ хозяйствѣ съ теченіемъ времени еще болѣе расширяется въ томъ отношеніи, что государственныя и мѣстныя (городскія, земскія и т. п.) учреждения, какъ мы уже знаемъ, нормируютъ взаимоотношенія частныхъ лицъ между собою (какъ на примѣръ въ формѣ фабричнаго и рабочаго законодательства, въ области международныхъ торговыхъ отношеній, денежной и банковской и вообще экономической политики). Наконецъ, эти же общественныя учреждения и прямо на себя берутъ осуществленіе такихъ чисто хозяйственныхъ задачъ, которыя раньше являлись удѣломъ только частной предпріимчивости, т. е. дѣятельности, основанной на стремленіи къ извлеченію выгодъ или барыша изъ влагаемыхъ въ дѣло капитала и труда. Когда-же за тѣ-же самыя дѣла берутся государственныя и мѣстныя учреждения, то создается и особый типъ хозяйствъ, называемыхъ *общественными* по противоположенію частнымъ; (первыя-же называются еще иногда *коллективными*). Въ нихъ мотивами или двигателями и вполнѣ своеобразными являются совершенно иные, а именно: *стремленія оказать какъ можно больше и дешевле услугъ членамъ этихъ общеній* (всѣмъ гражданамъ даннаго государства или мѣстнымъ (городскимъ и земскимъ) обывателямъ). Въ дѣятельности лицъ, служащихъ въ этихъ учрежденіяхъ, проявляются конечно опять таки иногда и чисто эгоистическіе мотивы — служба ради получаемаго за нее вознагражденія. Но на ряду съ этимъ, не говоря уже о видахъ службы общественной безвозмездныхъ и почетныхъ, совершенно самостоятельную роль играетъ сознаніе *долга*, какъ чувства индивидуальнаго, но не эгоистичнаго. Въ основѣ-же общаго руководства общественными учрежденіями лежитъ непосредственное служеніе общему благу группы людей, входящихъ въ сферу дѣйствія данныхъ учреждений. Такимъ образомъ совершается переходъ однихъ формъ учреждений въ другія.

Если-же такимъ общественнымъ предпріятіямъ не хватаетъ средствъ для осуществленія своихъ цѣлей или задачъ, то недостающія почерпаются

¹⁾ *Ad. Wagner. Lehrbuch der Polit. Oekonomie, изд. 1879, стр. 240.*

изъ налоговъ, т. е. принудительныхъ платежей. За пользованіе услугами такихъ учрежденій можетъ взиматься плата, которая можетъ: 1) въ точности соотвѣтствовать расходамъ этихъ предпріятій; 2) значительно превышать ее, служа тогда особымъ источникомъ государственныхъ или мѣстныхъ доходовъ (чисто *финансовая* цѣль такихъ учрежденій, въ особенности когда они представляютъ собою монополію—винная, табачная и т. п.); 3) плата эта можетъ быть недостаточной, что и вызываетъ необходимость добавленіе недостающихъ средствъ изъ налоговъ, и наконецъ, 4) услуги въ моментъ пользованія ими оказываются совершенно безвозмездно. Оба послѣдніе случаи, особенно послѣдній, совершенно чужды частной хозяйственной дѣятельности, такъ какъ въ ней все совершается только на началахъ свободныхъ соглашеній и обоюдныхъ выгодахъ сторонъ въ дѣлѣ (все равно будь это обмѣнъ товаровъ, купля-продажа ихъ, наемъ на работу или для оказанія какихъ-либо услугъ).

Желая охарактеризовать своеобразность этихъ *общественныхъ* мотивовъ въ хозяйственной дѣятельности, мы невольно для разъясненія этого вопроса должны были попутно выяснить и своеобразность типа или строенія такъ называемыхъ *общественныхъ - же* (или *коллективныхъ*) *хозяйствъ*, значеніе и размѣры которыхъ постепенно увеличиваются. Сводя теперь результаты нашего изслѣдованія о мотивахъ и стимулахъ хозяйственной дѣятельности, мы получимъ слѣдующіе ихъ болѣе общіе типы:

1) Мотивы и интересы чисто индивидуально или семейно *эгоистическіе*, какъ самые распространенные, господствующіе, но не исключительные.

2) Мотивы и цѣли *альтруистическіе*, могущіе быть тоже индивидуальными, и тогда они играютъ сравнительно наименьшую роль въ хозяйствѣ.

3) Мотивы, цѣли и интересы *общественные* въ смыслѣ коллективныхъ (групповые, классовые, сословные и т. п., включающіе въ себѣ смѣшанные элементы эгоизма и альтруизма).

4) Мотивы и интересы *государственные* и въ специфическомъ смыслѣ *общественные*, какъ противоположеніе частнымъ индивидуальнымъ или своекорыстнымъ групповымъ (представителей тѣхъ или другихъ видовъ и отраслей промышленности, отдѣльныхъ районовъ и т. п.).

Проявленіе мотивовъ первыхъ двухъ видовъ выражается въ *дѣйствіяхъ* формально вполнѣ свободныхъ.

Проявленія въ дѣйствіяхъ мотивовъ 3-й группы представляетъ собою формы *смѣшанныя*, такъ какъ въ основахъ соотвѣтственнаго объединенія лежатъ начала частью добровольныя, частью принудительныя, выражающіяся какъ въ условіяхъ вступленія въ нихъ (въ прежнихъ цехахъ, въ принадлежности къ прежнимъ, не вполнѣ свободнымъ, крестьянскимъ общинамъ), такъ и въ условіяхъ пове-

денія—обязательное подчиненіе установленнымъ правиламъ, напр. въ рабочихъ союзахъ вообще и при забастовкахъ въ частности.

Проявленія мотивовъ 4-й категорій *почти всегда связано съ мѣрами принужденія* къ осуществленію ихъ; лишь иногда или исподволь цѣль ихъ настолько виѣдряется въ сознаніе участниковъ соотвѣтствующихъ видовъ общенія, что принужденіе, смягчаясь все болѣе и болѣе, дѣлается совершенно излишнимъ и всѣ дѣйствія совершаются вполне добровольно. Точно также принужденіе не играетъ роли, когда исполненіе тѣхъ или другихъ обязанностей покоится на чувствѣ или сознаніи *долга*.

Частно- и народно-хозяйственныя точки зрѣнія и опредѣленія основныхъ понятій.

Покончивъ съ общимъ разсмотрѣніемъ мотивовъ хозяйственной дѣятельности, остановимся еще на одномъ и послѣднемъ методологическомъ вопросѣ, а именно, на необходимости еще съ одной точки зрѣнія двойкой постановки большинства экономическихъ вопросовъ и соотвѣтственнаго *двойкаго опредѣленія основныхъ экономическихъ терминовъ и понятій*.

Что никакая наука вообще не можетъ обходиться безъ своей терминологіи и установленія основныхъ понятій—объ этомъ не можетъ быть никакого спора. Но въ громадномъ большинствѣ наукъ терминологія бываетъ всегда только одна или единая; точно также и основныя въ ней понятія. Въ политической-же экономіи мы имѣемъ дѣло съ явленіями измѣняющимися и развивающимися въ различной исторической бытовой и правовой обстановкѣ. И только для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ періодовъ развитія хозяйства, болѣе или менѣе продолжительныхъ, допустимо разсмотрѣніе вопросовъ съ такой статической точки зрѣнія, какъ будто бы явленія представляются намъ застывшими въ своихъ формахъ и типахъ, т. е. неизмѣнными. Мы видѣли выше (см. стр. 43 и слѣд.) съ какими трудностями и оговорками допустимо изученіе того, что называется *статикой* въ хозяйствѣ, т. е. изученіемъ явленій въ состояніи ихъ покоя и равновѣсія. Съ такимъ статическимъ моментомъ наибольшее дѣло имѣетъ отвлеченная (абстрактная) теоретическая экономика, претендующая на званіе науки точной. Наибольшее не только научное, но и научно-практическое значеніе эта теорія имѣетъ въ примѣненіи къ изученію современной дѣйствительности, т. е. системы свободнаго мѣноваго оборота и свободной конкуренціи, покоящейся на началахъ раздѣльной частной собственности и при возможномъ минимумѣ вмѣшательства государственной власти въ

сферу хозяйства. Термины, опредѣленія и основныя понятія установленныя для такой системы хозяйства, будучи научно формулированы при помощи отвлеченія отъ конкретныхъ явленій наиболѣе общихъ присущихъ имъ свойствъ, соотвѣтствуютъ обыкновенно и дѣйствительнымъ формамъ и свойствамъ тѣхъ-же явленій. При такихъ условіяхъ чисто научныя опредѣленія и понятія большей частью совпадаютъ съ обыденными житейскими представленіями о тѣхъ-же явленіяхъ, терминологія-же—съ разговорнымъ языкомъ или словоупотребленіемъ.

Спрашивается—можно ли ограничиться такой постановкой вопросовъ и соотвѣтственными на нихъ отвѣтами? Наши первоучителя—классическіе экономисты начала XIX вѣка и первой его половины отвѣчали на все это утвердительно, довольствуясь единообразнымъ значеніемъ терминовъ и понятій, съ такъ называемой теперь *частно-хозяйственной* точки зрѣнія. Это значило такъ, какъ явленія отражаются или преломляются въ сознаніи обыкновенныхъ частныхъ лицъ, ведущихъ ради личныхъ выгодъ или барышей свои хозяйства или предпріятія. Ничего другого отъ экономической науки и не требовалось, если вообще только допускалась польза и необходимость этой науки.

Сомнѣнія въ послѣднемъ возникали не только въ средѣ непосвященныхъ въ науку, но даже среди непосредственныхъ ея служителей. Такъ напр. оксфордскій профессоръ полит. экономіи *Бонами Прайсъ* въ свое время призналъ научное изслѣдованіе хозяйства за заблужденіе или недоразумѣніе. По его мнѣнію, правъ всякій, кто считаетъ вполне достаточнымъ простого *здраваго смысла* для правильного пониманія всѣхъ экономическихъ вопросовъ; этой цѣли можно легче и вѣрнѣе достигнуть посредствомъ такъ называемаго имъ «практическаго» воззрѣнія, чѣмъ при помощи массы научныхъ наблюденій и выводовъ. Особенно охотно такой пріемъ примѣняли многіе французскіе экономисты, даже изъ недавнихъ, задававшіеся цѣлью скомкать нашу науку въ форму возможно болѣе сжатого учебника, въ которомъ, какъ гласило опредѣленіе содержанія одного изъ нихъ, «вся наука съ успѣхомъ могла быть изложена на наглядныхъ примѣрахъ въ любой мелочной лавочкѣ».

Въ настоящее время нѣчто подобное выражается въ томъ очень распространенномъ самомнѣніи, что судить объ экономическихъ вопросахъ могутъ всякіе «практики» въ хозяйствѣ, особенно когда дѣло идетъ объ оцѣнкѣ тѣхъ или иныхъ экономическихъ мѣропріятій. Многіе-же изъ нихъ берутся за рѣшеніе и теоретическихъ вопросовъ, говоря что наука рѣшаетъ ихъ слишкомъ отвлеченно, отъ жизни, чего мы не встрѣчаемъ въ области наукъ естественныхъ, математическихъ, философскихъ, не допускающихъ такихъ обывательскихъ умствованій.

Настоящая наука не можетъ однако довольствоваться одной такой *частно-хозяйственной* точкой зрѣнія, а ставить и разрѣшаетъ вопросы еще съ точки зрѣнія называемой *народно-хозяй-*

ственной. Необходимо это прежде всего потому, что первая точка зрѣнія сама по себѣ далеко не единообразна при современной сложной системѣ хозяйства, основанной между прочимъ на широко развитшемся началѣ общественнаго раздѣленія труда и занятій. Теперь точки зрѣнія отдѣльныхъ частныхъ лицъ и однородныхъ ихъ группъ во многомъ между собою не только не сходятся, но бываютъ часто прямо противоположны, п. ч. таковы-же соотвѣтственные ихъ интересы, которые сталкиваются другъ съ другомъ и потому взаимно антагонизируютъ. Посему то, что представляется выгоднымъ для однихъ, невыгодно или прямо убыточно для другихъ; а между тѣмъ наука должна быть безпристрастнымъ судьей по многимъ такимъ вопросамъ, какъ напримѣръ о томъ, что слѣдуетъ считать богатствомъ или капиталомъ и что нѣтъ. Часто условія, увеличивающія благосостояніе однихъ группъ, являются неблагоприятными для другихъ и наоборотъ. Какъ-же тутъ во всемъ этомъ разобраться, если нельзя исходить изъ того, что счастье и благополучіе отдѣльныхъ лицъ совпадаютъ съ этими конечными цѣлями въ хозяйствѣ цѣлой страны или народа? Между тѣмъ изъ предположенія полного совпаденія тѣхъ или другихъ цѣлей и интересовъ исходили первоначальные экономисты, слѣдуя стопамъ своего первоучителя, утверждавшаго между прочимъ слѣдующее: «Человѣкъ, дѣйствуя исключительно въ своихъ собственныхъ личныхъ интересахъ, ни мало не заботясь объ общемъ благѣ, а только о собственной наибольшей наживѣ, въ дѣйствительности, однако, служить ближайшимъ интересамъ всего общества; въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, онъ ведется невидимой рукой провидѣнія къ цѣли, вовсе не входившей въ предѣлы его намѣреній».

На такомъ исходномъ пунктѣ покоилась—теперь можно сказать слѣпая—вѣра въ торжество господства личныхъ эгоистическихъ интересовъ при условіи полной свободы хозяйственной дѣятельности всего населенія. Жизнь показала однако обратную сторону этой красивой медали, въ видѣ ожесточенной борьбы и противоположенія интересовъ этихъ отдѣльныхъ лицъ. И потому-то и потребовалась нѣсколько иная постановка вопросовъ, именно—съ народно-хозяйственной точки зрѣнія. Разъяснимъ теперь различіе этихъ двухъ точекъ зрѣнія на нѣсколькихъ наглядныхъ примѣрахъ.

Чего, напримѣръ, кажется проще, какъ опредѣлить элементарное понятіе *дохода*, а между тѣмъ понятіе это не совпадаютъ съ указанными двухъ точекъ зрѣнія. Такъ, доходомъ каждый отдѣльный человѣкъ или хозяинъ считаетъ все то, что онъ болѣе или менѣе регулярно періодически получаетъ, т. е. всякое текущее поступленіе въ его хозяйство. При этомъ совершенно безразлично, откуда

получается этотъ доходъ, т. е. что служить его *источникомъ*. Для домовладѣльца это его жилой домъ, сдаваемый въ наемъ жильцамъ, а доходъ—это вносимая ими квартирная плата. Для владѣльца процентныхъ бумагъ или долговыхъ обязательствъ—эти предметы служатъ источникомъ дохода, а послѣдній выражается въ уплачиваемыхъ по этимъ бумагамъ или обязательствамъ процентахъ. Землевладѣлецъ считаетъ своимъ доходомъ арендную плату, получаемую имъ за отдачу его земли въ то или иное арендное пользованіе. Фабрикантъ получаетъ свой доходъ отъ продажи производимыхъ имъ издѣлій, но считаетъ своимъ расходомъ выдаваемую рабочимъ заработную плату.

Если-же мы встанемъ на точку зрѣнія такихъ лицъ, какъ квартиронаниматели, должники по обязательствамъ, арендаторы земель и т. д., то для нихъ все то, что было доходомъ для владѣльцевъ соответственныхъ имуществъ (домовъ, долговыхъ обязательствъ, земли, фабрикъ) является несомнѣннымъ расходомъ, а для рабочихъ ихъ заработная плата—доходомъ. На чью-же точку зрѣнія слѣдуетъ стать наукѣ, чтобы рѣшить вопросъ въ томъ или другомъ смыслѣ, или что можно назвать доходомъ, вставъ на точку зрѣнія страны или народа взятыхъ въ ихъ цѣломъ? — Правильный отвѣтъ получается только слѣдующимъ путемъ: если все, что нѣкоторыя лица считаютъ своимъ доходомъ, есть результатъ производства, т. е. созданія новыхъ, раньше не существовавшихъ, предметовъ или цѣнностей, то это есть несомнѣнно доходъ и съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, т. е. доходъ и частный, и народный одновременно. Сюда будутъ относиться результаты жатвы, собираемой съ земли, продукты или издѣлія ремесленные и фабричныя и только (въ предѣлахъ, конечно, взятыхъ примѣровъ). Все-же остальное, какъ доходы домовладѣльцевъ и владѣльцевъ процентныхъ бумагъ и другихъ обязательствъ, будучи расходами съ точки зрѣнія несущихъ ихъ плательщиковъ, суть результаты простого перемѣщенія ранѣе существовавшихъ цѣнностей—въ данномъ случаѣ денегъ—изъ однихъ рукъ или кармановъ въ другіе, такъ какъ тутъ нѣтъ никакого абсолютнаго или реальнаго, т. е. дѣйствительнаго, приращенія продуктовъ, цѣнностей или богатства съ точки зрѣнія хозяйства цѣлой страны или народа. Слѣдовательно такія явленія не заслуживаютъ того, чтобы ихъ считать доходомъ народнымъ.

То-же самое приходится сказать и относительно того, что мы до сихъ называли *источниками* этихъ доходовъ. Съ точки зрѣнія отдѣльныхъ лицъ, т. е. частно-хозяйственной, всякое имущество, обладающее пріятнымъ для его владѣльца *свойствомъ приносить ему доходъ*, считается имъ своимъ капиталомъ, подъ какое поня-

тіе, значить, должны подойти всѣ только что указанные источники доходовъ. Но не всѣ они подойдутъ подъ понятіе капитала съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, ибо съ послѣдней такого наименованія будутъ заслуживать только такіе предметы, которые, *будучи созданы предшествующимъ человѣческимъ трудомъ, служатъ средствами для производства новыхъ реальныхъ цѣнностей*. Подъ такое опредѣленіе капитала народнаго подойдутъ изъ взятыхъ примѣровъ *только фабрики и заводы* и ничего больше, потому что они являются средствомъ производства цѣнностей; земля-же хотя тоже служить такой цѣли, но она есть даръ природы, а не продуктъ предшествующаго труда, хотя онъ къ ней и прилагается, но не въ смыслѣ созданія ея.

Изъ всего этого видно, что понятія народно-хозяйственныя устанавливаются съ гораздо большей точностью и опредѣленностью; они по своему содержанію или объему значительно уже, чѣмъ соответственныя имъ-же понятія частно-хозяйственныя, болѣе широкія и растяжимыя. Мало того, послѣднія находятся въ непосредственной связи съ бытовой, правовой и вообще исторической обстановкой. Поэтому нѣкоторые виды доходовъ и ихъ источниковъ—капиталовъ при однихъ условіяхъ раньше не существовали, а явились лишь, такъ сказать, во времени и мѣстѣ для того благоприятныхъ. Такъ на примѣръ, только съ появленіемъ и ростомъ большихъ поселеній и городовъ развивается сдача домовъ въ наемъ подъ жилье или квартиры, а потому и появляется соответственный доходъ домовладѣльцевъ; раньше-же всѣ или громадное большинство населенія жило въ собственныхъ помѣщеніяхъ. То-же самое относится и къ процентамъ, которые являются результатомъ скопленія денегъ и отдачи ихъ въ ссуду или въ ростъ. Земля начинаетъ приносить арендный доходъ только съ установленіемъ на нее частной собственности, что не всегда существовало, а явилось въ свою очередь результатомъ недостатка свободныхъ земель, вслѣдствіе прироста или сгущенія населенія въ данномъ мѣстѣ; раньше-же каждый могъ пользоваться землей въ любомъ количествѣ совершенно свободно и безвозмездно.

Ограничиваясь лишь нѣкоторыми изъ приведенныхъ примѣровъ, и умышленно еще упрощая ихъ въ сравненіи съ дѣйствительной большей сложностью ихъ, возможно и на нихъ выяснить различіе понятій и опредѣленій частно- и народно-хозяйственныхъ еще съ иной точки зрѣнія, а именно: первыя являются какъ бы *условными* или *относительными, исторически-бытовыми*, такъ какъ не всегда опредѣляемыя ими явленія существовали сами по себѣ или въ данной своей формѣ или оболочкѣ. Послѣдняя обусловлена въ то-же

время и дѣйствующими въ то или иное время *правовыми* или *юридическими* нормами и институтами, какъ напр. наличностью или отсутствіемъ права частной собственности на тѣ или другіе предметы или ея объекты.

Народно-хозяйственныя-же опредѣленія и понятія могутъ быть признаны, по сравненію съ частно-хозяйственными, *абсолютно-экономическими*, т. е. имѣющими свое значеніе независимо отъ времени и мѣста, а также и отъ того или другого порядка распредѣленія имущества, условій заключенія договоровъ и обязательствъ и вообще юридическихъ, бытовыхъ и историческихъ условій хозяйственной дѣятельности. (Конечно, эта ихъ абсолютность не можетъ претендовать на такую же ея безусловность и устойчивость, какъ въ области явленій естественно-научныхъ, формулъ математическихъ и др.; но такое свойство или значеніе этихъ понятій признается лишь по сравненію ихъ съ частно-хозяйственными).

Такой двоякій смыслъ многихъ экономическихъ понятій и опредѣленій имѣетъ значеніе не только для чисто теоретическихъ задачъ науки, но и для прикладной ея части или отдѣла, т. е. тамъ, гдѣ приходится дѣлать *оцѣнку* явленій съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности, что нами тоже признано входящимъ въ задачу и содержание нашей науки вообще. Такъ, очень часто приходится ставить вопросъ о томъ: благопріятны или неблагопріятны для народнаго хозяйства той или иной страны такъ или иначе складывающіеся условія дѣятельности или тѣ или другіе факты сами по себѣ? Мы уже не признаемъ теперь, что интересы отдѣльныхъ лицъ находятся въ гармоническомъ сочетаніи другъ съ другомъ или что они будто бы всегда совпадаютъ съ общенародными интересами, а считаемъ ихъ иногда прямо противоположными другъ другу или этому цѣлому народному хозяйству. И вотъ представляется иногда очень затруднительнымъ рѣшеніе чисто практическихъ вопросовъ о томъ: *чьи* интересы, т. е. какихъ группъ если не вполнѣ, то сравнительно болѣе, совпадаютъ съ народно-хозяйственными и потому заслуживаютъ защиты или поощренія?

Возьмемъ примѣръ, имѣющій большое практическое значеніе для нашей страны и могущій обнаружить въ то-же время, какъ различно могутъ разрѣшаться одни и тѣ-же вопросы съ точки зрѣнія интересовъ разныхъ странъ и народовъ. Это вопросъ о *хлѣбныхъ цѣнахъ*. Для большинства западно-европейскихъ государствъ, а въ нихъ для громаднаго большинства населенія, желательны болѣе дешевыя цѣны на хлѣбъ, такъ какъ уже давно населеніе этихъ странъ не довольствуется хлѣбомъ собственного производства и потому приходится выписывать его изъ другихъ странъ и даже частей свѣта. Въ высокихъ цѣнахъ заинтересованы лишь незначительныя по своей численности группы населенія, преимущественно крупныя

землевладѣльцы. Успѣшное или неуспѣшное снабженіе всей массы населенія хлѣбомъ зависитъ тамъ, слѣдовательно, отъ достаточнаго или недостаточнаго его привоза и отъ доступности, т. е. дешевизны, его цѣнъ. Въ интересахъ-же землевладѣльцевъ тамъ принимались иногда мѣры къ искусственному повышенію хлѣбныхъ цѣнъ. Такъ въ Англіи введены были таможенные пошлины на привозный хлѣбъ еще въ концѣ XVII вѣка; но затѣмъ въ серединѣ XIX-го онѣ были уничтожены. Въ Германіи же такія пошлины были введены во второй половинѣ XIX вѣка и остаются тамъ до сихъ поръ въ угоду крупному землевладѣнію и къ большому ущербу какъ для остального тамошняго населенія, такъ и для насъ—Россіи, какъ страны вывозящей хлѣбъ и въ особенности въ Германію.

Каково-же значеніе высокихъ или низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ въ Россіи? Въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка вопросъ этотъ былъ у насъ предметомъ горячихъ споровъ въ литературѣ и на засѣданіяхъ Императорскаго-Вольно-Экономическаго Общества. Одни доказывали, что для Россіи нужны высокія цѣны, а другіе—что низкія или умѣренныя. Первые мотивировали это тѣмъ, что только высокія цѣны хлѣба могутъ дать возможность подняться земледѣлію на большую высоту въ смыслѣ техники и экономіи, такъ какъ только высокія цѣны оправдываютъ болѣе крупныя затраты сельскихъ хозяевъ, связанныя съ формой производства капиталистической и рассчитанной на сбытъ хлѣба на продажу. Переходъ-же къ капиталистическимъ формамъ земледѣлія считался желательнымъ и совершающимся, если уже не совершившимся. Съ точки зрѣнія интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ, производящихъ весь хлѣбъ на продажу, конечно, поэтому были желательны высокія цѣны.

Противники-же говорили, что громадное большинство нашего населенія—крестьяне, т. е. землевладѣльцы мелкіе, заинтересованы не столько въ той или другой цѣнѣ, а въ возможно большемъ количествѣ хлѣба, т. е. въ хорошемъ его урожаѣ, такъ какъ ихъ главная цѣль производства хлѣба—это потребленіе его въ собственномъ-же хозяйствѣ; сбываются-же крестьянами только остающіеся сверхъ того излишки хлѣба. И потому, если низкія цѣны невыгодны для его сбыта, то отъ этого гораздо болѣе теряютъ крупные землевладѣльцы, ибо весь ихъ хлѣбъ идетъ на продажу; мелкіе-же (крестьяне) если и теряютъ тоже, то не на всемъ продуктѣ ихъ производства, а лишь на небольшой его части. Значительное-же большинство крестьянъ, особенно всѣхъ болѣе сѣверныхъ губерній (числомъ около 20), даже и при хорошемъ тамъ урожаѣ, никогда не производятъ хлѣба въ количествѣ достаточномъ для своего прокормленія; недостающее-же для сего количество и приходится прикупать. А дѣлать послѣднее тѣмъ легче, чѣмъ ниже цѣны хлѣба. Спрашивается, что-же важнѣе—хорошій урожай, при которомъ цѣны ниже, или высокія цѣны—результатъ меньшаго урожая и большаго спроса на хлѣбъ? Съ точки зрѣнія частно-хозяйственный это вопросъ совершенно неразрѣшимый, такъ какъ въ немъ сталкиваются и противуполагаются интересы двухъ различныхъ группъ землевладѣнія, крупнаго и мелкаго, и каждая изъ нихъ рѣшаетъ вопросъ въ своихъ интересахъ. Но что у насъ въ Россіи можно сдѣлать въ цѣляхъ подъема хлѣбныхъ цѣнъ? Мы хлѣбъ за границу продаемъ, а не покупаемъ оттуда; стало быть, мы не можемъ поднять цѣнъ искусственно, обложивъ привозный хлѣбъ высокими пошлинами, какъ это дѣлали и дѣлаютъ страны ввозящія къ себѣ хлѣбъ. Паденіе же хлѣбныхъ цѣнъ есть несомнѣнный фактъ въ

теченіе послѣднихъ 20—30 лѣтъ, вслѣдствіе расширенія производства его въ заокеанскихъ странахъ и удешевленія его транспорта оттуда на паровыхъ судахъ. (Хотя если сравнивать хлѣбныя цѣны въ теченіе не десятиковъ послѣднихъ лѣтъ, а столѣтій, то вообще хлѣбныя цѣны несомнѣнно постепенно повышались).

Но если посмотрѣть на вопросъ съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, то онъ рѣшается иначе и гораздо проще, а именно: цѣль всякаго хозяйства и производства въ частности—это возможно болѣе полное удовлетвореніе потребности всего населенія. Достигается это ростомъ народнаго богатства, которое съ народно-хозяйственной точки зрѣнія измѣряется не въ денежной его формѣ или величинѣ, а *соотношеніемъ количества средствъ удовлетворенія потребностей съ суммою послѣднихъ*. И конечно богатство должно быть признано большимъ или растущимъ, если увеличивается количество продуктовъ производства, т.-е. въ данномъ случаѣ сборъ хлѣбовъ, зависящій прежде всего отъ урожая. И дѣйствительно, г. Урожай, зависящій самъ отъ погоды, дѣлаетъ у насъ самъ погоду въ переносномъ смыслѣ, такъ какъ отъ него, главнымъ образомъ, зависитъ наше не только экономическое, но даже и финансовое благополучіе, (у большинства населенія увеличиваются покупныя средства, хорошо поэтому торгуетъ Нижегородская и др. ярмарки, государство успѣшно собираетъ налоги и т.-д., и т.-д.).

Постановка вопросовъ на точку зрѣнія цѣлаго народнаго хозяйства, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, имѣетъ значеніе не только отвлеченно-теоретическое, но и практическое, такъ какъ благодаря этому получается возможность судить о томъ — растетъ или нѣтъ народное богатство, какъ оно распредѣляется между различными крупными группами населенія, какъ взаимно сочетаются различно-крупныя отрасли промышленности и въ какомъ направленіи развиваются тѣ или иныя, наконецъ, какое вліяніе оказываютъ на хозяйство всей страны или на тѣ же крупныя его отрасли различныя правительственныя мѣропріятія, въ родѣ той или иной таможенной политики, измѣненій въ денежной и кредитной системѣ и т. д. Отвѣчать на всѣ такіе и многіе другіе вопросы было бы невозможно, если бы наука ограничивалась одной частно-хозяйственной точкой зрѣнія, такъ какъ столкновеніе и антагонизмъ интересовъ различныхъ общественныхъ группъ и классовъ вызываетъ отвѣты противоположные или взаимно-отвергающіе другъ друга.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что необходимы и постановка вопросовъ на двѣ указанныя точки зрѣнія, и самое понятіе — *народное хозяйство*, не только какъ отвлеченный терминъ, но и какъ нѣчто реально существующее, въ видѣ соответственныхъ болѣе или менѣе своеобразныхъ хозяйствъ тѣхъ или иныхъ странъ и народовъ.

Народное хозяйство есть какъ бы *органическая совокупность всѣхъ входящихъ въ составъ его частныхъ и общественныхъ хозяйствъ*. Правда, у такого хозяйства нѣтъ фактическаго общаго

хозяина или того, что юридически называется *субъектомъ*. Этотъ теоретическій недостатокъ однако ослабляется или восполняется тѣмъ, что если стать на точку зрѣнія самаго широкаго изъ всѣхъ типовъ хозяйствъ, а именно *мірового*, представляющаго совокупность всѣхъ отдѣльныхъ народныхъ хозяйствъ, то тогда каждое изъ послѣднихъ выступитъ какъ бы во всеоружіи своей самостоятельности. Тогда, на примѣръ, всѣ мѣры, принимаемыя правительствомъ тѣхъ или другихъ странъ, будутъ выражать собой заботы объ интересахъ этихъ отдѣльныхъ странъ или народовъ во всей цѣлокупности каждой изъ нихъ. Государство или его власть явится тогда какъ бы выразителемъ или представителемъ общенародныхъ интересовъ, не будучи однако внутри самого себя главою и субъектомъ всѣхъ отдѣльныхъ хозяйствъ, входящихъ въ составъ народнаго. Другими-же основаніями, обусловливающими своеобразность народныхъ хозяйствъ, кромѣ этого политическаго,—т. е. общей для всѣхъ гражданъ государственной власти и территоріи и единства законовъ или правового строя,—являются: большая или меньшая однородность состава населенія въ національномъ или этнографическомъ отношеніи, единство или общность условій климатическихъ и географическихъ, по большей части общіе для всѣхъ языкъ, нравы и обычаи и степень культурнаго развитія,—все это какъ факторы или основанія главнѣйшіе, на ряду съ которыми есть еще много другихъ болѣе второстепеннаго значенія, которые не мѣсто здѣсь разсматривать подробнѣе или хотя бы только перечислять.

Въ ученіи классическихъ экономистовъ понятіе народнаго хозяйства и постановка вопросовъ на такую точку зрѣнія почти совершенно отсутствовали, такъ какъ на все тогда смотрѣли сквозь очки отдѣльныхъ лицъ и хозяйствъ; не даромъ эта школа и называлась индивидуалистическо-либеральной. Поэтому очень рѣдко или случайно встрѣчались и попытки вышеуказанныхъ двойныхъ опредѣленій; а на почвѣ возрѣвнѣй индивидуалистическихъ происходили безконечные споры по поводу установленія опредѣленій и понятій для однихъ и тѣхъ-же явленій. Въ числѣ первыхъ серьезныхъ попытокъ критики началъ классической политической экономіи одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ принадлежало германскому экономисту *Фридриху Листу*, болѣе извѣстному въ качествѣ не теоретика, а борца противъ доктрины экономическаго либерализма въ области международной торговли. Но и въ области теоріи и методологіи нашей науки Листъ имѣетъ довольно крупныя заслуги, такъ какъ онъ одинъ изъ первыхъ началъ устанавливать понятіе народнаго хозяйства въ смыслѣ *національнаго*, съ точки зрѣнія какового и разрѣшать многіе вопросы иначе, чѣмъ съ точки зрѣнія частнохозяйственной. На почвѣ общенародныхъ и національных-же интересовъ Листъ усиленно агитировалъ въ пользу объединенія германскихъ государствъ въ таможенный союзъ для совмѣстнаго покровительства германской обрабатывающей промышленности и защиты ея отъ опередившей ея англійской. При этомъ Листъ мотивировалъ необходимость покровительства промышлен-

ности еще при помощи, тоже отчасти имъ-же введеннаго въ науку, историческаго метода—дѣленіемъ исторіи развитія хозяйства на періоды, съ указаніемъ на то, въ которомъ изъ нихъ это покровительство необходимо, какъ мѣра временная, до тѣхъ поръ, пока промышленность вообще или отдѣльныя ея отрасли вполнѣ не окрѣпнутъ. Такимъ образомъ Листъ можетъ считаться родоначальникомъ и современнаго протекціонизма, и нѣмецкой исторической школы экономистовъ, и первымъ, твердо установившимъ понятіе народнаго хозяйства ¹⁾.

Почти одновременно съ Листомъ и тоже въ Германіи еще большій шагъ впередъ въ методологіи нашей науки сдѣлалъ еще одинъ крупный экономистъ, сначала долго остававшійся малоизвѣстнымъ, это *Родбертусъ-Ягцовъ*. Уже появившееся въ 1842 г. его сочиненіе: «*Zur Erkentniss unserer staatswirthschaftlichen Zuständen*» заключало въ себѣ весьма оригинальныя воззрѣнія на приемы изученія экономическихъ явленій; настоящей-же переворотъ въ наукѣ произвели его «Соціальныя письма къ Кирхману», печатавшіяся въ теченіе 1850 и 1851 годовъ ²⁾. Наиболѣе рельефно общіе взгляды Родбертуса выражены въ слѣдующихъ его словахъ: «Вмѣсто того, чтобы исходить изъ признанія того факта, что раздѣленіе труда связываетъ общество въ одно неразрывное хозяйственное цѣлое,—вмѣсто того, чтобы приступать къ объясненію отдѣльныхъ хозяйственныхъ явленій и понятій съ точки зрѣнія этого цѣлаго,—вмѣсто того, значить, чтобы поставить во главѣ своихъ изслѣдованій понятія общенароднаго имущества, народнаго капитала, народнаго дохода и его раздѣленія на поземельную ренту, прибыль на капиталъ и заработную плату—и исходя изъ этихъ общественныхъ понятій, объяснять участь или положеніе отдѣльныхъ лицъ, политическая экономія не могла освободиться отъ вліянія чрезмѣрно индивидуалистическихъ стремленій и воззрѣній (того) времени. Она разорвала на клочки то, что вслѣдствіе раздѣленія труда составляетъ одно неразрывное, социальное цѣлое... и отъ этихъ клочковъ, отъ индивидуальнаго проявленія дѣятельности личности, она желала возвыситься до понятія о цѣломъ... Точно также исходила она изъ понятія земельной ренты отдѣльнаго землевладѣльца, не замѣчая, что понятія земельной ренты предполагаетъ уже понятіе прибыли и заработной платы и что обо всѣхъ этихъ понятіяхъ не можетъ быть и рѣчи, если не предпослать имъ существованіе *цѣлаго общества и его дохода*, котораго частями и являются поземельная рента, прибыль и заработная плата».

Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же «Писемъ» Родбертусъ говоритъ, что изучать вопросы распредѣленія надо, прежде всего представивъ себѣ общество въ видѣ *одного землевладѣльца, одного капиталиста и одного рабочаго*, между которыми распредѣляется весь народный доходъ, какъ одно цѣлое. Законы-же, управляющіе дальнѣйшимъ распредѣленіемъ заработной платы, прибыли

¹⁾ Крупнѣйшее произведеніе Листа переведено на русскій языкъ подъ названіемъ: „*Национальная система Пол. Экономіи*“, изд. 1891 г.; въ подлинникъ оно издано было впервые въ 1841 г.

²⁾ Нѣкоторыя изъ нихъ переведены на русскій языкъ и изданы: 1-е и 4-е въ 1906 г., 2-е и 3-е въ 1894 г. Есть также сокращенное и систематизированное изложеніе всѣхъ четырехъ писемъ *А. А. Кауфмана* подъ заглавіемъ: „*Родбертусъ. Теорія ренты и изслѣдованіе о капиталѣ*“ 1908 г.

и ренты между *отдѣльными* рабочими, *отдѣльными* капиталистами и *отдѣльными* землевладѣльцами, существенно отличаются отъ предъидущихъ, будучи подчиненными случайнымъ колебаніямъ обращенія цѣнностей».

На ряду съ этимъ Родбертусъ одинъ изъ первыхъ отказался признать за экономическими законами значеніе естественныхъ непоколебимыхъ, признавая за самими людьми гораздо большую роль въ смыслѣ сознательнаго коллективнаго творчества. «Только въ природѣ, говорилъ онъ, предметы и отношенія заключаютъ свой разумный законъ сами въ себѣ, въ обществѣ же они требуютъ его отъ людей. Нужда поможетъ послѣднимъ понять ихъ истинность, если для этого недостаточно одной науки (теоретическаго сознанія)».

Постановка большинства вопросовъ на эти двѣ точки зрѣнія (частно-и народнохозяйственныя) сдѣлалось достояніемъ современной экономической науки; игнорированіе же ихъ приводило къ неустрашимой путаницѣ понятій и къ безконечнымъ спорамъ въ дѣлѣ ихъ опредѣленія.

ЛИТЕРАТУРА.

К. Менгеръ. Изслѣдованіе о методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности. Русск. перев. изд. 1894 г. — *Кейнсъ*. Предметъ и методъ полит. экономіи. Русск. перев. изд. 1899 г. — *В. Левитскій*. Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ. 1890 г. — *Кэрнсъ*. Логическій методъ въ полит. экономіи. 1898. — *Д. С. Милль*. Система логики. 1900 г. — *Р. Орженуикій*. Ученіе объ экономическомъ явленіи. 1903. — *В. Г. Яроуцкій*. Односторонняя теорія экономическаго развитія. 1896. — *Его-же*. Экономическая отвѣтственность предпринимателей. 1887 (гл. 1). — *Родбертусъ - Ягетцовъ*. Соціальныя письма къ Кирхману. 1-е и 4-е изд. 1906, 2-е и 3-е 1894 г. — Въ большинствѣ упомянутыхъ въ текстѣ и другихъ общихъ курсахъ и учебникахъ полит. экономіи есть особыя методологическія главы, которыя и рекомендуется прочесть особо интересующимся этими вопросами. *G. Schmoller*. Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirtschaft. 1873. — *Dietzel*. Theoretische Socialökonomik. 1895.

Процессъ развитія хозяйства и экономическихъ учений.

Задачи и приемы историческаго изслѣдованія хозяйства.

А. Схематическій очеркъ развитія хозяйства (*историческія ступени или періоды хозяйства*).

I. *Натуральное хозяйство*: 1) Дикій первобытный періодъ, 2) пастушескій или кочевой, 3) Осѣдлый земледѣльческій. II. *Замкнутое мѣстное хозяйство*. III. *Переходъ къ современному хозяйству*.

Б. Очерки исторіи хозяйственнаго быта въ связи съ развитіемъ экономическихъ учений.

I. *Теократическія государства древняго востока*: Индія, Египетъ и Іудея. — II. *Древнеклассическія государства*—Греція и Римъ.—III. *Средніе вѣка и феодальная система*: общая характеристика эпохи, основы землевладѣнія и землепользованія, ремесленные цехи и корпораціи. — IV. *Переходъ къ новому времени*. Роль городовъ; усиленіе правительственной власти и ея вмѣшательство въ сферу хозяйства, преобразование ремесла въ мелкую домашнюю промышленность и мануфактуры. Измѣненія въ сельскомъ хозяйствѣ.—V. *Меркантилизмъ*, его развитіе и ослабленіе подъ вліяніемъ начала идей свободной торговли.—VI. *Школа физиократовъ*.—VII. *Значеніе труда* Ад. Смита.—VIII. *Промышленный переворотъ и начало капиталистической системы*. Великія изобрѣтенія конца XVIII вѣка. Вліяніе машинъ на положеніе рабочихъ. Роль денегъ и кредита. Начало борьбы классовыхъ интересовъ.—IX. *Понятія коммунизма и социализма*.—X. *Современныя задачи и содержаніе полит. экономіи и ея отношеніе къ соціальной политикѣ и соціологіи* Включеніе въ науку элементовъ критики и оцѣнки. Сущность соціальнаго вопроса по теоріи Шееля. Признаніе необходимости государственнаго вмѣшательства въ сферу народнаго хозяйства какъ основы соціальной политики. Отношеніе полит. экономіи къ соціологіи. Органическія теоріи общественнаго развитія (Шеффле и Спенсеръ). Общая характеристика процесса хозяйственнаго развитія и постепенное преобладаніе началъ сознательнаго коллективнаго творчества.

Задачи и приемы историческаго изслѣдованія хозяйства.

Приступая къ изложенію историческаго отдѣла курса, необходимо выяснитъ ближайшія его цѣли и задачи, въ связи съ другими отдѣлами. Какъ всякое историческое изслѣдованіе какихъ бы то ни было сторонъ жизни общества, такъ и эти историческіе очерки развитія хозяйства и хозяйственнаго быта должны давать прежде всего *описаніе* того, что въ дѣйствительности было или какъ измѣнялось и развивалось интересующее насъ явленіе,—въ данномъ случаѣ хозяйство, его виды, формы, составные элементы и т. п. Но и одно описаніе должно для научности своей имѣть какое либо

руководящее начало или систему, иначе оно может оказаться настолько подробнымъ, что мелочи заглушатъ собою то, что слѣдуетъ признать существеннымъ или особенно важнымъ съ интересующей насъ точки зрѣнія. Когда же насъ особенно интересуютъ измѣненія, происходившія не въ хозяйствѣ вообще, а въ нѣкоторыхъ изъ его составныхъ частей, тѣхъ или иныхъ процессахъ или моментахъ хозяйственной дѣятельности, то построеніе соотвѣтственныхъ историческихъ очерковъ тѣмъ болѣе должно имѣть подъ собою какія нибудь нарочно для сего установленныя основанія. Къ числу таковыхъ относятся прежде всего *приемы раздѣленія на періоды исторіи* чего бы то ни было вообще и хозяйства въ особенности. Но раньше, чѣмъ излагать приемы этого дѣленія, слѣдуетъ выяснитъ—въ чемъ заключается ихъ польза или необходимость.

Сами по себѣ измѣненія въ строѣ общества вообще никогда не происходятъ вдругъ и сразу во всѣхъ его сторонахъ. Въ то время какъ въ однихъ отношеніяхъ совершились измѣненія весьма существенныя, и потому уже какъ бы вполне преобразовалась эта сторона жизни общества или строя хозяйства, въ другихъ отношеніяхъ въ то же время могло не происходить вовсе никакихъ перемѣнъ или онѣ были ничтожными. Съ точки зрѣнія первыхъ отношеній наступилъ новый какой-нибудь періодъ, съ точки же зрѣнія вторыхъ продолжается еще старый или прежній. Періодами же или ступенями называются болѣе или менѣе рѣзко или значительно, т. е. во многихъ отношеніяхъ, отличающіяся другъ отъ друга формы или состоянія хозяйства. А какъ уже сказано, въ дѣйствительной жизни такихъ коренныхъ перемѣнъ или ломокъ или вовсе не бываетъ, или очень рѣдко. Слѣдовательно, всякое дѣленіе на періоды прежде всего искусственно, ибо исторія, какъ и природа, не знаетъ рѣзкихъ скачковъ, а обнаруживаетъ лишь болѣе или менѣе медленное измѣненіе и развитіе. Однако для наблюденія и осознанія измѣненій когда то совершившихся, раздѣленіе на періоды представляетъ собою много удобствъ и преимуществъ. Въ основу его иногда кладутся какія нибудь крупныя событія или факты, въ родѣ паденія западной римской имперіи или открытія Америки, которыми раздѣляется всеобщая исторія на древній міръ, средніе вѣка и новый періодъ. Но, и при всемъ крупномъ значеніи этихъ событій, нельзя считать, что благодаря только имъ въ дѣйствительности тогда рѣзко и сразу измѣнились всѣ условія жизни человѣчества. Слѣдовательно моменты эти были просто избраны болѣе или менѣе искусственно. Что же касается специально развитія хозяйства, то перемѣны въ формахъ и видахъ его совершаются еще медленнѣе, чѣмъ въ судъ-

бахъ тѣхъ или иныхъ государствъ, иногда совершенно погибающихъ, распадающихся на части или вновь возникающихъ. Поэтому здѣсь дѣленіе это искусственно еще болѣе; и тѣмъ не менѣе къ нему всегда прибѣгаютъ, какъ къ средству отмѣтить какія либо особенно существенныя отличія въ цѣлыхъ системахъ хозяйства.

Въ основу этихъ отличій слѣдуетъ поэтому класть какіе-нибудь моменты, имѣющіе особенно крупное значеніе въ хозяйствѣ; и таковыми обыкновенно признаются основные хозяйственные процессы, которыхъ вообще считается четыре: производство, распредѣленіе, обращеніе (или обмѣнъ) и потребленіе. Приходится значитъ выбрать одинъ изъ нихъ или скомбинировать нѣсколько между собою. И при всемъ томъ дѣленіе это будетъ все таки искусственно, такъ какъ въ то время, на примѣръ, какъ съ точки зрѣнія одного изъ процессовъ, скажемъ—производства, будетъ казаться и считаться, что наступилъ уже новый періодъ, съ точки зрѣнія другого процесса продожается еще прежній, или-же перемѣна въ этомъ послѣднемъ отношеніи произошла уже раньше.

Обращаясь къ исторіи этихъ приемовъ, мы находимъ прежде всего слѣдующій, удивляющій насъ на первыхъ-же порахъ фактъ: однимъ изъ древнѣйшихъ приемовъ былъ употребленный еще извѣстнымъ греческимъ историкомъ *Фукидидомъ*, который вообще можетъ считаться родоначальникомъ историковъ хозяйственного быта. Онъ въ основу дѣленія на хозяйственные періоды положилъ отличія въ процессѣ *обмѣна*, и установилъ только два періода — первый при обмѣнѣ *натуральномъ* (т. е. товаровъ на товары), второй—при *денежномъ*. Конечно, не удивительно, что переходъ къ денежному обращенію представлялся этому писателю столь крупнымъ измѣненіемъ въ условіяхъ хозяйственной дѣятельности, что онъ счелъ это за признакъ наступленія новаго періода. Такой-же приемъ, но уже въ серединѣ XIX вѣка былъ примѣненъ германскими экономистами *Книсомъ* и *Бруно-Гильдебрандомъ*; только они послѣ денежнаго періода установили еще одинъ третій—періодъ кредитнаго обращенія, характерный для самаго новѣйшаго времени.

Оба эти приема имѣютъ однако одинъ общій имъ и довольно крупный недостатокъ, а именно: процессъ обмѣна или обращенія, какъ мы видѣли уже, есть самъ по себѣ не первоначальный, а производный, ибо онъ могъ появиться и начать играть свою выдающуюся теперь роль лишь послѣ того, какъ началось раздѣленіе труда и занятій въ общественномъ смыслѣ. Между тѣмъ этого послѣдняго начала очень долгое время не существовало,—пока длился, самый продолжительный пожалуй, періодъ натурального хозяйства, въ которомъ не было мѣста для обмѣна. Но и тогда однако уже несо-

мнѣнно существовало хозяйство. Слѣдовательно, основывая дѣленіе на періоды на процессѣ обмѣна, мы сознательно или безсознательно выбрасываемъ изъ области нашего историческаго изслѣдованія очень продолжительный періодъ; а онъ тоже вполне заслуживаетъ такого изученія, хотя бы съ точки зрѣнія преобразования его въ періодъ мѣновой.

Правильнѣе поэтому брать за основаніе этого дѣленія такіе хозяйственные процессы, которые существовали всегда, и такими являются производство и потребленіе. Изъ нихъ само по себѣ потребленіе не можетъ считаться играющимъ вполне самостоятельную и достаточно важную роль. А потому вниманіе экономистовъ сперва и сосредоточилось на *производствѣ* въ его различныхъ проявленіяхъ. Однимъ изъ первыхъ приѣмовъ основаннымъ на этомъ процессѣ, былъ уставовленный *Фр. Листомъ* и сводившійся къ пяти слѣдующимъ періодамъ: 1) дикій охотничій и рыболовный, 2) пастушескій и кочевой, 3) осѣдлый земледѣльческій, 4) земледѣльческо-ремесленный и 5) современный индустріальный или земледѣльческо-промышленный-торговый.

Наконецъ, новѣйшій приѣмъ примѣненъ *К. Бюхеромъ* и заключается въ *комбинированіи процессовъ производства и потребленія*, а именно въ *длинь пути, проходимаго цѣнностями между этими двумя моментами*. Не переходя еще однако къ разсмотрѣнію отдѣльных періодовъ по той или другой системѣ установленныхъ, укажемъ предварительно на тѣ цѣли и задачи, которыя, сверхъ общихъ уже указанныхъ могутъ преслѣдоваться историческими очерками вообще и въ связи съ дѣленіемъ на періоды, а именно:

Первая и самая главная цѣль заключается въ томъ, чтобы нарисовать возможно болѣе полную и истинную картину развитія хозяйства такъ, какъ оно происходило въ дѣйствительности. Осуществленіе такой задачи возможно только путемъ подробныхъ историческихъ изслѣдованій каждой страны въ отдѣльности или всѣхъ въ совокупности. Надъ такой работой трудились и продолжаютъ трудиться экономисты всѣхъ странъ; и все-таки до сихъ поръ нѣтъ еще мало-мальски полной исторіи хозяйства хотя бы одной какой-либо страны. Въ виду трудности такой задачи отдѣльные экономисты и историки изслѣдуютъ обыкновенно или какія нибудь отдѣльныя историческія эпохи, или какую нибудь сторону хозяйственнаго быта, если даже только не послѣдовательное развитіе какого-либо отдѣльнаго хозяйственнаго явленія (въ родѣ движенія цѣнъ, высоты прибыли или заработной платы, формъ предпріятій и т. п.).

Задача эта нѣсколько облегчается въ смыслѣ ея объема, если ограничиваться указаніемъ на наиболѣе типичныя черты отличія

для различныхъ періодовъ хозяйства, ибо тогда отпадаетъ необходимость излагать подробности и второстепенныя особенности. Идя же въ этомъ направленіи еще далѣе, приходятъ къ составленію очерковъ такъ называемыхъ *схематическихъ*, въ которыхъ даются лишь самыя общія очертанія состоянія или формъ хозяйства въ ту или другую эпоху, періодъ или ступень хозяйственнаго развитія. А это и будетъ второй задачей, отчасти, подобной тому, чѣмъ задается абстрактная или точная политическая экономія, т. е. установленіемъ *типическихъ* формъ хозяйства для его прошлаго, какъ чистая теорія устанавливаетъ типическія черты экономическихъ явленій хозяйства современнаго.

Возможно, наконецъ, пользоваться историческими приѣмами изслѣдованія для того еще, чтобы показать, что именно въ существѣ какихъ-либо экономическихъ явленій исторически *измѣнялось*, и что *оставалось присущимъ имъ всегда и вездѣ*. Другими словами, такимъ путемъ можно объяснять и опредѣлять различныя экономическія явленія и понятія съ точки зрѣнія историческо-бытовой въ противоположность абсолютно-экономической (см. выше стр. 77 и слѣд.).

Въ виду неоднократно уже указанной тѣсной связи явленій хозяйственныхъ съ другими общественными, всякая подробная и такъ называемая *реальная* исторія хозяйства — въ противоположность *схематическимъ* очеркамъ, по необходимости будетъ давать картины взаимодѣйствія этихъ разныхъ сторонъ жизни общества. Нельзя будетъ при этомъ рѣзко отграничивать явленія хозяйственныя отъ всѣхъ остальныхъ, (напр., юридическихъ, политическихъ и т. п.), и ограничиваться изложеніемъ только первыхъ. Но это не только можно, но даже и должно дѣлать, по соображеніямъ дидактическимъ и педагогическимъ, въ началѣ изложенія науки, чтобы сосредоточить вниманіе приступающихъ къ изученію ея на самыхъ главныхъ и существенныхъ вопросахъ, искусственно чуть что не вырываемыхъ изъ ихъ дѣйствительной среды или исторической обстановки. На этомъ основаніи будутъ въ дальнѣйшемъ даны два историческихъ очерка, а именно: первый будетъ самымъ сжатымъ схематическимъ, въ которомъ будутъ обрисованы лишь самыя существенныя черты хозяйства въ разные періоды. При этомъ хозяйственныя явленія будутъ разсматриваться по возможности независимо отъ другихъ общественныхъ, а также будутъ выяснены историческія измѣненія въ основныхъ экономическихъ явленіяхъ и понятіяхъ.

Второй очеркъ, — въ составѣ общаго курса по необходимости тоже краткій, — будетъ заключать въ себѣ болѣе всестороннее освѣщеніе того-же процесса хозяйственнаго развитія въ отдѣльныя исто-

рическія эпохи въ опредѣленныхъ странахъ, чѣмъ либо существенно отличавшихся другъ отъ друга не только въ хозяйственномъ, но и въ другихъ отношеніяхъ.

Помѣщеніе въ составъ общаго курса этихъ двухъ очерковъ не исключитъ необходимости примѣнять историческую точку зрѣнія при разсмотрѣніи отдѣльныхъ вопросовъ и во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи, поскольку это будетъ вызываться существомъ вопросовъ.

А. Схематическій очеркъ развитія хозяйства. (Историческія ступени или періоды хозяйства).

Приемъ разграниченія исторіи хозяйства на періоды примѣненный *К. Бюхеромъ* преобладаетъ теперь надъ всѣми другими, но не исключаетъ достоинствъ и другихъ приемовъ, а кромѣ того заключаетъ въ себѣ и нѣкоторые недостатки. Поэтому въ основу этого очерка будутъ положены начала Бюхеровскаго приема, дополненныя Листовскими и другими.

Бюхеръ, какъ уже сказано было, дѣлитъ всю исторію хозяйства на 3 періода, отличая каждый изъ нихъ между собою *длинною пути или разстояніемъ, которое проходитъ любой предметъ съ момента его производства до потребленія*. Въ началѣ разстояніе это очень мало, а затѣмъ постепенно оно все болѣе и болѣе удлинняется. Періоды Бюхеръ устанавливаетъ слѣдующіе: I, замкнутое домашнее хозяйство, II, замкнутое городское и III, народное хозяйство, (последнее въ смыслѣ извѣстной исторической ступени или періода, а не въ томъ болѣе общемъ смыслѣ, какъ это понятіе противоплагается частному, независимо отъ того или другого историческаго момента).

Но первый изъ этихъ періодовъ настолько продолжителенъ, (будучи таковымъ отчасти еще и у современныхъ народовъ), и потому разнообразенъ, по характеру входящихъ въ него отдѣльныхъ формъ хозяйства и въ частности производства, что его можно и должно подраздѣлить на нѣсколько видовъ, что далѣе нами и будетъ проведено. Наиболѣе-же общей чертой всего перваго періода является *натуральный* характеръ его хозяйства, какое названіе и можетъ считаться наиболѣе подходящимъ для этого періода вообще.

I. Натуральное хозяйство. (Замкнутое домашнее по Бюхеру, три первыхъ періода по Листу).

Главная характеристика натурального хозяйства заключается въ томъ, что тутъ, по общему правилу, каждое хозяйство или хозяй-

ственная единица (родъ, семья, дворъ и т. п.) собственными своими силами и средствами производить все то, что въ немъ потребляется. А такъ какъ всѣ отдѣльныя хозяйства болѣе или менѣе одинаковы или подобны другъ другу, т. е. занимаются одними и тѣми-же дѣлами и работами, то тутъ нѣтъ того, что называется раздѣленіемъ труда (въ смыслѣ общественномъ), а стало быть нѣтъ и основаній для взаимнаго обмѣна продуктами этихъ хозяйствъ, ибо вообще обмѣниваются предметами разнородными, а не однородными. Разстояніе проходимое продуктами такихъ хозяйствъ между моментами ихъ производства и потребленія равно почти нулю, такъ какъ предметы потребляются тамъ-же и сейчасъ-же, гдѣ и когда они произведены, или-же самая большаи отсрочка въ потребленіи выражается въ томъ, что нѣкоторые предметы потребляются не сразу, а превращаются въ свой-же домашній запасъ продуктовъ. Но и такое хозяйственное дѣйствіе (откладываніе запасовъ) присуще только высшимъ формамъ натуральныхъ хозяйствъ, а далеко не всѣмъ. На низшихъ первобытныхъ ступеняхъ своего хозяйства люди слишкомъ беззаботны или лѣнны для такого дѣла. Они живутъ, такъ сказать, изо дня въ день, работая больше или меньше прежде всего въ зависимости отъ меньшей или большей щедрости окружающей ихъ внѣшней среды или природы. Свойствами той-же среды предопредѣляется на первыхъ порахъ и самый характеръ хозяйства, т. е. тѣ или другіе виды промысловъ и занятій, какъ источниковъ средствъ существованія. И только въ послѣдствіи люди уже заставляютъ природу служить своимъ интересамъ, приспособляясь къ естественнымъ ея свойствамъ и искусственно сочетая присущія ей силы. При описаніи такого первобытнаго хозяйства достаточно взять для образца любую отдѣльную семью или даже любого представителя одного и того-же рода или племени, и, описавъ ея или его образъ жизни и дѣятельности, можно получить общую картину хозяйственнаго быта всего этого рода или племени.

Подъ вліяніемъ этихъ свойствъ внѣшней окружающей среды и слагающихся въ зависимости отъ нихъ видовъ преобладающихъ занятій, эпоха натурального хозяйства въ свою очередь можетъ быть раздѣлена на слѣдующіе три періода, или ступени, которые у Листа играли роль самостоятельныхъ, а именно: 1) дикій или охотничій и рыболовный, 2) пастушескій или кочевой и 3) земледѣльческо-осѣдлый. Разсмотримъ теперь каждый изъ нихъ въ отдѣльности.

1) **Дикій первобытный** (охотничій и рыболовный) періодъ характеризуется тѣмъ, что здѣсь производство сводится къ простому присвоенію или захвату тѣхъ благъ или полезностей, которыя въ готовомъ видѣ находятся въ окружающей природѣ. Почти никакой

переработкѣ эти дары природы не подвергаются, если не считать простѣйшихъ приѣмовъ приготовленія пищи послѣ того, какъ люди перестаютъ ѣсть ее въ совершенно сыромъ видѣ. И вѣдь очень долгіе періоды люди не умѣли добывать искусственно огонь и пользоваться имъ, какъ не знали соли и другихъ веществъ, служащихъ средствомъ консервированія пищевыхъ продуктовъ. Смотря по тому, что преобладало въ данной мѣстности, главными занятіями являются охота, рыбная ловля или собираніе дико-растущихъ плодовъ, а иногда занимаются, смотря по времени года, тѣмъ и другимъ по очереди. Но только все это дѣлается одними и тѣми-же лицами, такъ какъ еще нѣтъ никакого раздѣленія труда и занятій. Постепенно къ простому самому грубому удовлетворенію самыхъ насущныхъ потребностей присоединяется нѣкоторая переработка естественныхъ даровъ природы или ихъ частей. Такъ изъ шкуръ звѣрей выдѣлывается нѣкоторое подобіе одежды, какъ предмета необходимости, а затѣмъ, сравнительно довольно рано, развивается потребность въ предметахъ служащихъ для украшенія. На эту послѣднюю работу люди иногда тратятъ очень много времени и труда, не заботясь еще вовсе или мало объ обезпеченіи себя сколько нибудь значительными запасами средствъ существованія. Безъ послѣднихъ существовать бываетъ возможнымъ потому, что средства существованія добываются непрерывнымъ трудомъ изо дня въ день.

При всей однако первобытности такого хозяйства, оно все таки уже и тогда отличается отъ добыванія пищи животными, насѣкомыми и т. п. другими живыми существами, а именно: уже и на этой ступени хозяйства *люди прибѣгаютъ къ помощи различныхъ орудій труда, какъ и военнаго оружія*. Различныя дубины, палицы, пращи, луки и стрѣлы, рыболовныя принадлежности и т. п. употребляются людьми въ самыя первобытныя эпохи ихъ существованія, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ раскопокъ и другимъ путемъ собираемыхъ памятниковъ древнѣйшаго быта. Въ этихъ орудіяхъ труда и выражается самое первичное и въ то-же время самое основное свойство *капитала*, какъ средства производства, созданнаго предшествующимъ трудомъ и предназначеннаго для увеличенія производительности труда и для дальнѣйшаго производства. Предварительный-же трудъ по выдѣлкѣ этихъ орудій требовался въ то время особенно упорный, какъ на примѣръ, въ эпоху каменнаго вѣка, когда только ручнымъ треніемъ одного камня о другой можно было сдѣлать сѣкиру или остріе копья. Слѣдовательно въ приготовленіи этихъ орудій можно видѣть проявленіе первичнаго хозяйственнаго разсчета и соображенія. На ряду съ такимъ ихъ проявленіемъ они обнаруживаются еще въ сознаніи пользы и примѣненіи началъ *про-*

стого соединенія труда, выражающихся въ организаци совмѣстной охоты и ловли рыбы и т. п. Вообще-же только въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчалось совершенно изолированное хозяйство отдѣльныхъ лицъ или небольшихъ семей; въ большинствѣ же случаевъ хозяйство велось сообща цѣлымъ родомъ и позднѣе выдѣлявшимися изъ него сперва болѣе крупными семьями, олицетворявшими собою уже матриархальный или позднѣе патриархальный бытъ. На почвѣ такихъ условій жизни и дѣятельности очень долго не могло развиваться представленіе о частной индивидуальной собственности, а потому тутъ и не могли преобладать, какъ двигатели хозяйства, индивидуально-эгоистическія интересы. Вещи, становившіяся предметами частной собственности, не имѣли обыкновенно большой цѣны въ глазахъ прочихъ людей, а потому нерѣдко и погребались вмѣстѣ съ умершими въ землю, а не переходили въ наслѣдство остающимся въ живыхъ.

Сколько нибудь ясныхъ представленій о *цѣнности* тоже не могло существовать въ этомъ періодѣ, такъ какъ въ этомъ не представлялось практической надобности, ибо не приходилось соразмѣрять цѣнность разныхъ предметовъ при ихъ взаимномъ обмѣнѣ другъ на друга. Но все-таки надо допустить, что уже и въ то время люди не одинаково цѣнили все то, что добывали, а одни предметы больше и другіе меньше, въ зависимости отъ большей или меньшей пригодности ихъ для удовлетворенія потребностей, а также отъ степени трудности ихъ добыванія. На такой почвѣ и могло возникать первичное представленіе о *цѣнности* такъ называемой *потребительной*.

Представленіе о цѣнности могло играть въ это время нѣкоторую практическую роль лишь въ томъ смыслѣ, что люди и тогда уже могли соразмѣрять свой трудъ съ количествомъ и цѣнностью его результатовъ, затрачивая, на примѣръ, больше труда на добычу звѣрей или птицъ, мясо которыхъ было вкуснѣе и питательнѣе, и цѣна выше болѣе рѣдкихъ животныхъ и растенія, такъ какъ добыча ихъ давалась бѣльшимъ трудомъ.

2) Пастушескій и кочевой періодъ знаменуетъ собою уже нѣкоторый и даже рѣшительный шагъ впередъ въ смыслѣ развитія хозяйства, такъ какъ тутъ уже гораздо бѣльшую роль играетъ расчетъ и соображеніе. Это выражается въ томъ, что средствами удовлетворенія потребностей являются не только непосредственные дары природы, не дикія животныя, а полуприрученныя. Если для прокормленія ихъ не хватаетъ постоянныхъ мѣстныхъ пастбищъ, то приходится кочевать съ мѣста на мѣсто въ поискахъ новыхъ; или-же это приходится дѣлать періодически въ зависимости отъ времени года—переходить изъ сѣверныхъ мѣстностей въ болѣе южныя, изъ

низменностей на горы и т. д. Для охраненія стадъ этихъ уже домашнихъ животныхъ отъ дикихъ звѣрей или чужихъ племенъ приходится соединяться въ болѣе крупные круги общенія или орды, вслѣдствіе чего развивается общественность. Такое новое занятіе гораздо болѣе обезпечиваетъ существованіе людей, такъ какъ дѣлаетъ его менѣе зависящимъ отъ непосредственной большей или меньшей щедрости природы и отъ случайностей удачъ охоты или рыбной ловли. Стада-же животныхъ даютъ непрерывно такіе продукты, какъ молоко и мясо, кожи, шерсть и т. д.; естественной-же приростъ даетъ возможность этому главному виду *богатства* такихъ племенъ правильно постепенно увеличиваться и при томъ не только въ зависимости отъ непрерывнаго и упорнаго человѣческаго труда.

Особенное значеніе, которое получаютъ въ глазахъ людей эти стада животныхъ, даетъ основаніе, во первыхъ, къ возникновенію новаго представленія о *капиталѣ*, именно уже въ смыслѣ *имущества, приносящаго непрерывный доходъ его владѣльцу*, хотя бы и безъ непосредственнаго труда съ его стороны. Какъ имущество, способное накапливаться въ однихъ рукахъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ другихъ, оно можетъ служить основаніемъ для возникновенія неравенствъ въ имущественномъ отношеніи и къ экономической зависимости лицъ, не обладающихъ ими отъ обладающихъ. Конечно, во многихъ еще случаяхъ и стада составляютъ коллективную, т. е. общую собственность кочующихъ ордъ, племенъ или отдѣльных родовъ среди нихъ.

Во вторыхъ, большое значеніе этого особаго имущества заставляетъ не только цѣнить его выше всякаго другого, но и приводить къ нему, какъ нѣкому знаменателю отношеній, цѣнность всѣхъ прочихъ предметовъ. А это значитъ, что штуки скота въ ихъ цѣльномъ видѣ или нѣкоторыя ихъ части,—какъ на примѣръ, шкуры и мѣха, становятся *мѣриломъ цѣнности* всѣхъ другихъ предметовъ и *денежной единицей* ¹⁾. На нее начинаютъ, наконецъ, вымѣнивать всѣ другіе предметы, если вообще возникаетъ, хотя бы случайно, обмѣнъ. Тогда-то и слагается въ своемъ зачаточномъ видѣ понятіе *цѣнности мѣнливой*. Но значеніе обмѣна тутъ можетъ быть лишь весьма не велико, такъ какъ все таки эта ступень относится еще къ періоду натурального хозяйства. Мѣнновыя отношенія раньше могутъ устанавливаться лишь между кочевыми или пастушескими народами съ одной стороны и дикими или осѣдло-земледѣльческими,

---

¹⁾ Латинское названіе денегъ *ресупіа* ясно обнаруживаетъ свое происхожденіе отъ слова *ресу*—скотъ. Также древне-русскія деньги—*кунны*, заимствовали свое названіе отъ мѣховъ *куницы*.

съ другой. Вообще-же племена и народы, занимающіеся скотоводствомъ, являются болѣе культурными въ сравненіи съ охотничьими, такъ какъ ихъ трудъ легче и оставляетъ нѣкоторый досугъ, который даетъ возможность развивать свои умственные или духовныя силы и поднимать уровень потребностей, благодаря возможности ихъ болѣе широкаго удовлетворенія.

Многіе изъ историческихъ уже народовъ несомнѣнно на зарѣ своего развитія переживали этотъ періодъ, какъ напр. древніе іудеи, когда они еще странствовали въ пустыняхъ въ поискахъ земли обѣтованной; древніе греки время Гомера и Одиссея, значительная часть арабовъ и до сихъ поръ, не говоря о полчищахъ племенъ въ эпоху великаго переселенія народовъ, перекочевывавшихъ изъ глубинъ средней Азіи въ Европу и позднѣе татаръ въ Россію. Наши русскіе восточные и юговосточные инородцы являютъ собой и теперь еще ближайшій и наглядный примѣръ такой именно ступени хозяйства, со всѣми только что описанными ея особенностями.

3) **Осѣдлый или земледѣльческій** періодъ возникаетъ, какъ результатъ неумолимаго экономическаго закона—необходимости переходить къ высшимъ формамъ хозяйства подъ вліяніемъ растущаго или сгущающагося въ извѣстной мѣстности населенія, т. е. когда прежнихъ средствъ существованія начинаетъ уже для него не доставать. Эта причина вызывала въ свое время, какъ мы только что видѣли, необходимость перекочевыванія племенъ не только съ мѣста на мѣсто внутри одной и той же территоріи, но и въ другія отдаленныя страны. Недостатокъ земли и заставляетъ переходить отъ скотоводства кочевниковъ къ осѣдлому земледѣлю, дающему возможность довольствоваться гораздо меньшимъ количествомъ земли для большаго населенія. Не слѣдуетъ только утверждать, какъ это иногда дѣлали раньше, что всегда осѣдлому земледѣльческому состоянію народовъ предшествовало состояніе ихъ кочевое. Переходъ къ земледѣлю бывалъ и непосредственно изъ первобытнаго дикаго періода, въ особенности тамъ, гдѣ не было благопріятныхъ условій для скотоводства и кочевничества.

Древнѣйшія библейскія сказанія и позднѣйшія преданія, былины и т. п. свидѣтельствуютъ однако о переходѣ къ земледѣлю отъ скотоводства. Такъ сказаніе объ убійствѣ Авеля Каиномъ есть образное выраженіе этого факта—земледѣлецъ убиваетъ пастуха. То-же самое и въ русскихъ былинахъ—воинъ-кочевникъ Вольга Святославичъ побѣжденъ мирнымъ земледѣльцемъ Микулой Селяниновичемъ, а равно и въ преданіяхъ другихъ народовъ. Все-таки исторически нельзя считать доказаннымъ, что всѣ народы переживали въ указанной послѣдовательности эти три первые періода хозяйственнаго развитія.

Переходъ къ земледѣлю знаменуетъ собою начало настоящаго хозяйства, основаннаго на болѣе сложныхъ расчетахъ и соображе-

ніяхъ. Тутъ земля искусственно разрабатывается и готовится для посѣва; жатва или уборка хлѣбовъ есть пользованіе результатами собственнаго труда, получающаго характеръ творческаго, какъ бы примитивны ни были приемы земледѣлія. Самымъ же важнымъ новшествомъ тутъ слѣдуетъ считать слѣдующее: раньше добыча или доходы получались болѣе или менѣе непрерывно (отъ охоты, рыболовства и скотоводства); теперь же жатва собирается одинъ, много—два раза въ годъ. Она сразу даетъ сравнительно громадное количество средствъ существованія, которымъ однако надо прокормиться въ теченіе всего года—до слѣдующаго сбора хлѣбовъ. Отсюда вытекаетъ сознаніе необходимости дѣлать запасы хлѣба, безъ которыхъ существованіе уже невысказано; между тѣмъ какъ раньше пищевые запасы представляли собою сравнительно рѣдкое или случайное явленіе. Запасы раздѣляются на двѣ части: одна идетъ на непосредственное потребленіе въ теченіе года, другая—есть *запасъ зеренъ*, предназначенныхъ для посѣва (запасы сѣмянъ), безъ чего невозможно непрерывное производство хлѣба. Въ сознаніи людей и на практикѣ получается поэтому двойное представленіе о значеніи этого главнаго вида богатства на данной ступени хозяйства, а именно: первое есть запасъ предметовъ потребленія или *потребительное имущество*; второе, есть новая форма *капитала*, являющаяся только съ даннаго состоянія хозяйства, а именно теперь *капиталъ* есть уже и *запасъ средствъ*, предназначенныхъ на дальнѣйшее производство, и въ то-же время *продуктъ предшествующаго труда*. Конечно, при этомъ не исчезаютъ и первоначальныя формы капитала—въ видѣ орудій промысла или труда, но только эти орудія становятся земледѣльческими; а на ряду съ ними остаются и прежнія—охотничьи и рыболовныя, такъ какъ тѣ-же самые люди, которые теперь занимаются земледѣліемъ, какъ занятіемъ главнымъ, продолжаютъ и охотиться, и рыбу ловить и разводить домашній скотъ, (но только уже не кочуютъ съ нимъ).

Кромѣ хлѣба особенное значеніе пріобрѣтаетъ и сама земля-кормилица, особенно, когда, при дальнѣйшемъ сгущеніи населенія, ея свободной, т.-е. никѣмъ не занятой, становится все меньше и меньше. Изъ первоначальнаго своего вида—общей для всѣхъ или даннаго населенія—*общинной*, земля, путемъ медленнаго развитія правовыхъ установленій, превращается въ исключительную *частную собственность* отдѣльныхъ семей или лицъ; она становится тогда *цѣнностью* по исключительнымъ основаніямъ—ея сравнительной рѣдкости или недостаточности, такъ какъ сама по себѣ она есть не продуктъ человѣческаго труда, а готовый даръ природы.

Возможность захватить землю въ исключительную собственность

создаетъ особое преимущественное положеніе для соотвѣтственныхъ лицъ или даже сословіи, становящихся въ силу этого господствующими надъ другими, отъ нихъ зависящими. вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо большая производительность земледѣльческаго труда, въ сравненіи съ прежними способами его приложенія (охотой, скотоводствомъ и т. п.), даетъ основаніе къ тому, чтобы одну часть населенія или покоренныхъ иноплеменниковъ превращать въ рабовъ. Раньше-же это не могло быть выгоднымъ потому, что трудъ cadaго чело-вѣка едва едва могъ производить столько, сколько требовалось для поддержанія его собственнаго существованія. А теперь трудъ создаетъ избытки или излишки, которые могутъ быть присвоены себѣ другими лицами—рабовладѣльцами и собственниками земель, сдаваемыхъ въ арендное пользованіе.

Вообще переходъ къ земледѣлію настолько увеличиваетъ производительность труда, что часть населенія можетъ посвятить себя и другимъ занятіямъ, а именно—переработкѣ продуктовъ сельскаго хозяйства, чѣмъ кладется начало обрабатывающей промышленности. Но только послѣдняя въ этомъ періодѣ носитъ *домашнюю* форму, т.-е. производства на надобности той-же самой хозяйственной единицы, которая занимается земледѣліемъ, какъ главнымъ промысломъ. Въ отдѣльныхъ мелкихъ семьяхъ крестьянъ,—въ это время большею частью сообща владѣющихъ землею,—а также въ крупныхъ помѣстьяхъ развиваются постепенно эти первичныя отрасли обрабатывающей промышленности, иногда даже весьма успѣшно. Во всемъ этомъ проявляется уже и здѣсь нѣкоторое *раздѣленіе труда*, но только не въ общественномъ смыслѣ, такъ какъ тутъ нѣтъ еще противоположенія отдѣльныхъ группъ населенія другъ другу по роду ихъ занятій или промысловъ. Не можетъ въ это время поэтому развиться и обмѣнъ между этими группами и отдѣльными лицами спеціальными ихъ произведеніями, такъ какъ все это относится еще къ періоду натурального или замкнутаго домашняго хозяйства.

Таковы наиболѣе общія характерныя черты этого періода, понимаемаго въ широкомъ смыслѣ. Къ этому періоду или ступени, какъ мы увидимъ въ слѣдующемъ историческомъ очеркѣ, относится состояніе хозяйства большинства народовъ древняго востока и большая часть времени существованія древне-греческихъ государствъ и Рима; хотя нѣкоторыми своими чертами хозяйство этихъ послѣднихъ странъ выходило уже далеко за рамки чисто натурального хозяйства, такъ какъ въ нихъ замѣчалась и спеціализація труда въ смыслѣ общественнаго его раздѣленія, существовалъ поэтому и довольно развитой обмѣнъ товарами, т. е. предметами создаваемыми для цѣлей ихъ сбыта или продажи, а также и самостоятельныя денежныя системы, немислимые при настоящемъ натуральномъ хозяйствѣ. Точно также

въ слѣдующемъ періодѣ сохранялись во многихъ еще отношеніяхъ типичныя черты хозяйства натурального или замкнутого домашняго. Это замѣчаніе можетъ относиться съ нѣкоторыми видоизмѣненіями какъ ко всеѣмъ предыдущимъ ступенямъ или формамъ хозяйства, такъ и къ послѣдующимъ.

II. Замкнутое мѣстное хозяйство. (Городское по Бюхеру или земледѣльческо-ремесленное по Листу).

Самой характерной чертой этого періода по сравненію съ предыдущимъ является *начало общественнаго раздѣленія труда и занятій*. Оно рѣзче всего проявляется въ возникающемъ въ это время противоположеніи двухъ видовъ поселеній—*сельскихъ и городскихъ*. Трудно поэтому вполне согласиться съ наименованіемъ этого періода городскимъ, какъ это дѣлаетъ Бюхеръ, такъ какъ нельзя себѣ представить самостоятельнаго или независимаго отъ сельскихъ мѣстностей существованія городовъ, ибо послѣдніе только изъ первыхъ получаютъ жизненные припасы. Города и условія ихъ жизни и хозяйства дѣйствительно представляютъ собою нѣчто новое на этой ступени; но еще болѣе новымъ и важнымъ является вышеуказанное начало раздѣленія труда, вызывающее производство не только для удовлетворенія собственныхъ потребностей производителей, но и для другихъ лицъ; а это уже будетъ производствомъ *предметовъ для продажи*. Покупателями являютси здѣсь или *заказчики*, на которыхъ работаютъ теперь уже лица именуемые *ремесленниками*, или иногда особые *скупщики*, или позже неопредѣленная масса лицъ, объединяемая понятіемъ *рынка*. Продажа или сбытъ предметовъ, приготовляемыхъ для этой цѣли и называемыхъ поэтому *товарами*, происходитъ въ началѣ въ натуральной формѣ, т. е. когда обмѣниваются непосредственно товарами на товары. Неудобства-же такой формы обмѣна вызываетъ появленіе *денегъ*, какъ орудій обмѣна и внѣшняго мѣрила цѣнностей. Самъ по себѣ *обмѣнъ*, вытекающій изъ общественнаго раздѣленія труда, становится тогда уже новымъ нормальнымъ и самостоятельнымъ хозяйственнымъ процессомъ и налагаетъ своеобразный отпечатокъ на эту хозяйственную ступень. Предметы, производимые для ихъ сбыта, начинаютъ оцѣниваться съ новой точки зрѣнія—*того, что можно получить въ обмѣнъ на нихъ*, т. е. сколько другихъ товаровъ или, ближайшимъ образомъ, денегъ. Это и есть новый видъ цѣнности—*мѣнливой*. Въ основѣ ея лежитъ и раньше уже указанное свойство—способность удовлетворять потребности, т. е. *потребительная цѣнность*; но прежде эта послѣдняя была единственной возможной ея формой, а теперь начинаетъ происходить такая двойная оцѣнка. Цѣнность выраженная

въ деньгахъ получаетъ особое наименованіе — *цѣны*, также какъ фактически реализованная на рынкѣ цѣнность такъ и начинаетъ называться *рыночной цѣной* товаровъ.

Роль денегъ становится тѣмъ большей, чѣмъ больше сдѣлокъ заключается на деньги и потому постепенно развивается широкое пользованіе деньгами или *денежное обращеніе*. Но оно еще не сразу проникаетъ во всѣ сферы хозяйства, такъ какъ послѣднее во многихъ отношеніяхъ еще носитъ характеръ натурального. Особенно долго такой характеръ сохраняется въ сельскихъ мѣстностяхъ и крупныхъ помѣстьяхъ и раньше исчезаетъ въ городахъ. Въ первыхъ большинство собственныхъ потребностей удовлетворяются еще самими производителями; и только то, что уже никакъ не можетъ быть произведено въ собственномъ хозяйствѣ, приобрѣтается извнѣ путемъ покупки.

Въ такомъ положеніи находится еще значительная масса нашего русскаго крестьянства, въ особенности въ наиболѣе отдаленныхъ отъ городовъ и желѣзныхъ дорогъ мѣстностяхъ. Тамъ крестьяне не только сами производятъ для себя хлѣбъ, что дѣлаетъ большинство ихъ до сихъ поръ вездѣ, но и все остальное, что служитъ средствомъ удовлетворенія ихъ потребностей, какъ-то строятъ свои жилища, готовятъ простѣйшую домашнюю утварь, шьютъ себѣ одежду и т. д.

Но, по мѣрѣ развитія потребностей, съ одной стороны, и техники производствъ въ смыслѣ ея большей сложности и потому трудности, съ другой, развивается больше и больше пользованіе трудомъ особыхъ специалистовъ. Послѣдніе заводятся какъ въ деревняхъ и помѣстьяхъ, такъ и въ особенности въ городскихъ поселеніяхъ, постепенно дѣлающихся центрами развитія ремеслъ и торговли.

Развитіе обмѣна порождаетъ особый классъ посредниковъ въ этомъ дѣлѣ, именуемыхъ *торговцами* или *купцами*. Послѣдніе раньше тоже вели торговлю натуральную или мѣновую, но постепенно переходятъ къ денежной; тогда то и начинаетъ проявляться опять новая—четвертая—форма или видъ капитала, совершенно чуждая предъидущимъ ступенямъ хозяйства, а именно — *денежный капиталъ*. Очень долго такой видъ его сохраняется только въ торговлѣ, т. е. въ процессѣ обмѣна, достигая тутъ часто очень крупныхъ размѣровъ. Въ процессахъ-же производства и распредѣленія деньги вообще и денежный капиталъ въ частности долго не играли сколько нибудь крупной роли. Причинами этого были слѣдующія: въ сельскихъ мѣстностяхъ хозяйство велось или самими крестьянами на своихъ собственныхъ, большей частью общинныхъ, земляхъ безъ наемныхъ рабочихъ; въ крупныхъ-же помѣстьяхъ работы производились крестьянами, находившимися въ крѣпостной или подобной ей формѣ зависимости отъ помѣщиковъ. Въ тѣхъ и другихъ случаяхъ не было

надобности въ деньгахъ для расплаты за трудъ и для закупки матеріаловъ для производства, такъ какъ таковыя добывались въ собственномъ хозяйствѣ.

Такъ до сравнительно недавняго времени было еще у насъ въ Россіи, именно до уничтоженія въ 1861 г. крѣпостного права. Помѣщики до этого времени не нуждались въ томъ количествѣ денегъ, которое стало для нихъ сразу необходимымъ съ момента освобожденія крестьянъ на волю. У нашихъ помѣщиковъ къ тому же бывало обыкновенно кромѣ крестьянъ-земледѣльцевъ еще много другихъ, такъ называемыхъ дворовыхъ людей, которые занимались всякими другими работами. т. е. были свои столяры, слесаря, портные, сапожники, кружевницы и т. д., вплоть до домашнихъ актеровъ и музыкантовъ.

Въ городахъ, гдѣ главнымъ занятіемъ большинства населенія были ремесла, существовалъ особенный строй быта соотвѣтственныхъ лицъ, а именно *цеховой*, суть котораго заключалась въ слѣдующихъ наиболѣе типичныхъ чертахъ: производство сосредоточивалось въ небольшихъ хозяйствахъ, гдѣ подъ главенствомъ хозяина-мастера работали подмастерья и малолѣтніе ученики. Трудъ былъ исключительно ручной, орудія труда—простые ручные-же инструменты. Мастера-хозяева, подмастерья и ученики жили въ одномъ и томъ же помѣщеніи, кормились за однимъ и тѣмъ-же столомъ, даже донашивали иногда хозяйскую одежду и работали всѣ вмѣстѣ надъ однимъ и тѣмъ-же дѣломъ, не исключая и самого хозяина-мастера. При такихъ условіяхъ подмастерья получали бѣольшую часть своего вознагражденія въ натурѣ, ученики же ничего за работу не получали, а стало быть и не было надобности въ большихъ суммахъ денегъ для расплаты за трудъ. Матеріалъ для работы доставлялся по большей части заказчиками, такъ какъ и вообще ремесло есть *работа на заказъ*; а въ другихъ случаяхъ матеріалъ покупался за счетъ заказчиковъ и вообще по мѣрѣ надобности въ немъ и въ небольшихъ количествахъ. При такомъ строѣ промышленности *не было и взаимной конкуренціи* между владѣльцами ремесленныхъ предпріятій, такъ какъ размѣры послѣднихъ были строго предопредѣлены ограниченнымъ числомъ подмастерьевъ и учениковъ, а техника производства держалось на твердо установившихся и почти неизмѣнявшихся приемахъ. Въ общихъ условіяхъ жизни ремесленниковъ и вообще городского населенія коренились причины, не допускавшія той взаимной борьбы интересовъ, которая составляетъ суть того, что называется конкуренціей. Но здѣсь мы не будемъ пока касаться этихъ причинъ, такъ какъ онѣ выходятъ изъ сферы чисто хозяйственныхъ явленій, которыя мы пока искусственно изолируемъ отъ остальныхъ общественныхъ условій жизни и дѣятельности, (они будутъ разсмотрѣны и указаны въ слѣдующемъ болѣе всестороннемъ историческомъ очеркѣ хозяйственнаго развитія).

Дѣлая общее заключеніе объ этомъ хозяйственномъ періодѣ или ступени мы можемъ характеризовать его тѣмъ, что въ немъ произошло выдѣленіе городовъ въ особыя хозяйственныя формы поселеній и группы общеній, вступавшія во взаимный обмѣнъ съ *ближайшими* къ нимъ сельскими мѣстностями и поэтому болѣе соотвѣтствующимъ этому періоду называемъ слѣдуетъ признать — *замкнутый территориальный* или *мѣстный*. Это значитъ, что предѣлами небольшихъ территорій ограничивались мѣновыя или торговыя отношенія большинства населенія.

Правда, на ряду съ ними начинала развиваться и такъ называемая *внѣшняя или международная торговля*, корни которой лежали гораздо глубже, а именно, отчасти еще и въ предъидущемъ періодѣ. Но это въ сущности, пожалуй, совсѣмъ особый вопросъ, на которомъ мы можемъ пока лишь вскользь остановиться. Такъ еще въ болѣе отдаленныхъ періодахъ велась иногда довольно обширная внѣшняя торговля, какъ на примѣръ еще финикійцами, древними греками, карфагенянами; и есть даже указанія на то, что чуть не совсѣмъ дикіе народы и племена вели еще раньше, какъ отчасти и теперь еще, мѣновую торговлю. Но это доказывало только, что именно *внѣшняя торговля, могла и отчасти даже должна была развиваться раньше внутренней*. Причина эта заключалась въ томъ, что, при совершенно одинаковомъ образѣ жизни всѣхъ жителей каждой страны или народа въ періоды еще натурального хозяйства, не было сколько нибудь благодарной почвы для развитія внутренней торговли, такъ какъ не было общественнаго раздѣленія труда и вытекающаго изъ него обмѣна.

Но такъ какъ въ то-же время всегда существовали естественныя различія въ географическихъ, т.-е. почвенныхъ, климатическихъ и т. п. условіяхъ и свойствахъ разныхъ странъ, то это и давало имъ поводъ или основаніе обмѣниваться между собою тѣмъ, что было спеціальными продуктами ихъ производства и что производилось въ излишкахъ надъ собственными потребностями ихъ жителей. Съ другой стороны препятствіемъ къ развитію такой международной торговли служили слишкомъ враждебныя и даже прямо воинственныя отношенія между всякими иноплеменниками, исключавшія возможность какихъ бы то ни было мирныхъ между ними сношеній.

Въ описаніяхъ быта прежнихъ и нынѣшнихъ полудикихъ народовъ, населяющихъ внутренность Африки, находятся указанія на слѣдующія оригинальныя формы мѣновой торговли: два племени сходятся на границахъ своихъ территорій, и сперва одно изъ нихъ раскладываетъ въ одну линію свои товары кучками различныхъ размѣровъ; затѣмъ эти люди отходятъ на значительное разстояніе. Потомъ приходитъ второе племя и, разложивъ свои товары въ соотвѣтствующей величины кучки, также удаляется. Тогда

возвращается первое племя, и если находить достаточнымъ количество товаровъ, предлагаемое вмѣсто собственныхъ, то забираетъ ихъ, и свои оставляетъ. Если же находятъ, что въ обмѣнъ предложено мало чужихъ товаровъ, то отъ своихъ кучъ ихъ отбавляютъ нѣсколько и снова удаляются. То-же самое дѣлаетъ и другое племя; процедура эта продолжается, пока не будетъ установлено равновѣсіе по такому молчаливому соглашенію. Все это свидѣтельствуеетъ, что сознаніе выгодъ взаимнаго обмѣна уже есть; но считается невозможнымъ сойтись этимъ разнымъ племенамъ на близкое разстояніе безъ того, чтобы не вступить въ борьбу или не совершить насильственный захватъ имущества чужого племени, какъ прежній единственный способъ его добычи. То-же самое подтверждается и обычаемъ потрясанія оружіемъ и испусканіемъ воинственныхъ криковъ въ знакъ совершенія мѣновыхъ сдѣлокъ, если разные племена уже непосредственно сходятся въ одномъ мѣстѣ для этого дѣла. Смыслъ этихъ обычаевъ представляетъ собой пережитокъ того времени, когда грабежъ или насильственный захватъ были единственными формами взаимоотношеній дикихъ племенъ. Отсюда ясно, какимъ значительнымъ шагомъ впередъ было возникновеніе внѣшней торговли въ смыслѣ развитія въ то-же время мирныхъ сношеній между различными племенами и народами.

III. Переходъ къ современному хозяйственному періоду.

(Къ народному хозяйству по Бюхеру).

Трудно указать скольконибудь опредѣленный моментъ, когда переходъ этотъ сталъ совершаться. Одни считаютъ имъ чуть не время, послѣдовавшее за открытіемъ Америки, т.-е. конецъ XV-го и начало XVI вѣка; другіе—конецъ XVIII-го и начало XIX вѣка. Такое крупное различіе во взглядахъ экономистовъ объясняется тѣмъ, что одни въ основу отличій періодовъ клали одни признаки, а другіе—иные. Такъ, если считать наиболѣе существеннымъ признакомъ начало развитіе денежнаго обращенія и вообще роли денегъ, въ связи съ постепеннымъ исчезновеніемъ натурального хозяйства и съ расширеніемъ внутреннихъ торговыхъ сношеній, то можно принять первый изъ указанныхъ моментовъ. Если-же брать ббльшую совокупность признаковъ, приближающихъ хозяйство къ современнымъ его формамъ, т.-е. высшія формы техники производствъ, широчайшую роль денегъ и даже кредита, полную свободу хозяйственной дѣятельности, (вмѣсто стѣсненій ея крѣпостнымъ правомъ и цеховыхъ ограниченій свободы промышленности), то переходъ этотъ будетъ относиться ко второму изъ указанныхъ моментовъ. Это потому, что лишь въ концѣ XVIII вѣка были изобрѣтены новѣйшія орудія производства съ примѣненіями къ нимъ силы пара; къ этому-же времени относятся и тѣ преобразованія въ правовомъ

¹⁾ Подробности можно найти въ назв. сочин. Н. Зибера.

и государственномъ строѣ жизни общества, которыя положили начало эрѣ сввбоды въ хозяйственной дѣятельности. Изъ всего этого видно, что установленіе границъ между періодами всегда искусственно или условно, какъ объ этомъ было уже говорено во вступленіи къ этимъ историческимъ очеркамъ. Правильнѣе считать, что никакихъ моментовъ рѣзкаго перехода или перелома изъ одного періода не было и не могло быть, а переходъ этотъ совершался лишь медленно, исподволь. Отличія между прежнимъ и новымъ періодами скорѣе не качественныя, а количественныя, а именно — они выражаются въ постепенномъ исчезновеніи характерныхъ чертъ натурального хозяйства во всѣхъ отрасляхъ промышленности и въ дальнѣйшемъ развитіи началъ раздѣленія труда. А все это обусловливалось въ свою очередь *расширеніемъ сферъ сбыта* различныхъ продуктовъ, производимыхъ теперь уже почти исключительно для цѣлей продажи, т.-е. въ качествѣ товаровъ. Сбытъ-же сталъ расширяться далеко за предѣлы прежнихъ мѣстныхъ или территориальныхъ рынковъ, распространяясь на всю страну, и тѣмъ самымъ, связывая все живущее въ ней населеніе или народъ въ одно болѣе сложное хозяйственное цѣлое. Отсюда и наименованіе этого періода Бюхеромъ — *народнымъ хозяйствомъ*, въ смыслѣ новѣйшей хозяйственной ступени. Здѣсь продукты различныхъ производствъ проходятъ черезъ цѣлый рядъ другихъ хозяйствъ, прежде чѣмъ они достигнутъ своего потребителя, т.-е. разстояніе между моментами производства и потребленія все болѣе и болѣе увеличивается. Иллюстрируемъ эти болѣе общія и характерныя черты нѣсколькими болѣе наглядными примѣрами.

Въ области *обрабатывающей промышленности* это есть разложеніе прежняго корпоративно-цехового строя и замѣна прежняго ремесла сперва мануфактурами и наконецъ фабриками. Причины разложенія цеховыхъ корпорацій лежали не въ однихъ хозяйственныхъ явленіяхъ, но и въ другихъ общественныхъ и государственныхъ, которыя будутъ рассмотрѣны въ слѣдующемъ очеркѣ. Здѣсь же мы остановимся на причинахъ чисто экономическихъ. Тутъ прежде всего обнаруживается стремленіе увеличить размѣры производствъ отдѣльныхъ предприятий, что встрѣчало раньше препятствія въ цеховой регламентаціи, а теперь находитъ себѣ выходъ въ началахъ большей свободы хозяйственной дѣятельности и въ возможности болѣе широкаго сбыта продуктовъ.

Отъ размѣровъ спроса и сбыта товаровъ зависитъ степень развитія раздѣленія труда, такъ какъ только тогда лица, посвящающіе себя какой нибудь сравнительно болѣе узкой специальности найдутъ своему труду полное примѣненіе въ теченіе цѣлаго дня

или даже года, когда есть достаточный спросъ на ихъ спеціаль- ный трудъ.

Гдѣ нибудь въ глухой деревнѣ вполне достаточно какого нибудь одного простого кузнеца, который исполняетъ все простѣйшія работы по желѣзу; да и то онъ занятъ бываетъ работой не все рабочее время. Тамъ долго нѣтъ мѣста специалисту портному или сапожнику, ибо платье и обувь долгое время изготовляется въ собственныхъ хозяйствахъ. Но въ городахъ хватаетъ работы на многихъ портныхъ, сапожниковъ, а на ряду съ кузнецами появляются и слесаря, производящіе и болѣе тонкія работы по желѣзу, не говоря уже о дальнѣйшемъ развитіи обработки металловъ въ лицѣ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, ювелировъ, часовыхъ мастеровъ и т. д. Тоже самое и въ другихъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности, гдѣ отдѣляется даже производство мужской одежды отъ женской, прежнее обще-столярное ремесло распадается на мебельщиковъ, токарей, рѣзчиковъ, полировщиковъ и т. д.

Раздѣленіе труда или спеціализація занятій идетъ все расширяясь въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, все хозяйство страны раздѣляется на особыя группы по занятіямъ или одно и то же производство расчленяется на нѣсколько новыхъ узкоспеціаль- ныхъ, работающихъ независимо другъ отъ друга и вступающихъ въ обмѣнъ между собою своими произведеніями непосредственно или черезъ посредниковъ-торговцевъ или купцовъ (*общественное раздѣленіе труда*). Съ другой стороны, производство однихъ и тѣхъ же издѣлій въ одной и той же мастерской расчленяется на нѣ- сколько отдѣльныхъ работъ, осуществляемыхъ и тутъ особыми спеціалистами. Такъ напримѣръ, въ производствѣ каретъ, колясокъ и вообще экипажей одни рабочіе выдѣлываютъ деревянные части, другіе — металлическія, третьи — кожанныя, четвертые — обойныя и т. д. Это уже есть *техническое раздѣленіе труда*.

Такое раздѣленіе труда возможно только въ болѣе крупныхъ предпріятіяхъ, чѣмъ прежнія ремесленныя мастерскія, а новой формой промышленности, осуществившей въ себѣ это начало, и являются *мануфактуры*. Онѣ отличаются отъ ремесленныхъ мастерскихъ кромѣ того тѣмъ, что въ первыхъ гораздо больше рабочихъ, чѣмъ во вторыхъ, иногда даже очень много, между тѣмъ какъ число реме- сленныхъ подмастерьевъ и учениковъ было всегда ограничено. Въ остальномъ техника производства остается прежняя, потому, что орудія производства—это тѣ же ручные инструменты ¹⁾.

Большая разница также и въ условіяхъ сбыта: ремесленники ра- ботають только на опредѣленнаго заказчика, по крайней мѣрѣ по

---

¹⁾ Мануфактура происходитъ отъ словъ; manus—рука и factura—издѣліе, что вмѣстѣ взятое значило почти тоже ремесло (Handwerk у нѣмцевъ) или рукомесло.

общему правилу, и лишь неудавшіеся экземпляры, не принятыя заказчикомъ, сбываются на рынокъ; позднѣе же это явленіе распространяется больше и больше. Мануфактура же, по общему правилу, работаетъ на рынокъ и даже не только мѣстный, но и дальній и даже на неопредѣленный.

Въ дальнѣйшемъ происходитъ превращеніе мануфактуры въ *фабрику*, главное отличіе которой заключается въ примѣненіи на ней гораздо болѣе сложныхъ орудій производствъ, и именно различныхъ машинъ, въ большинствѣ случаевъ приводимыхъ въ движеніе паромъ или другими искусственными двигателями. Въ остальномъ фабрика мало чѣмъ отличается отъ мануфактуры, такъ какъ и тутъ и тамъ число рабочихъ обыкновенно велико и сбытъ товаровъ производится на неопредѣленный рынокъ, что впрочемъ не устраняетъ и возможности заказовъ, но только по большей части крупныхъ.

Послѣднее существенное отличіе фабрикъ и мануфактуръ вмѣстѣ отъ ремесла—это *роль и положеніе рабочихъ*. Въ цвѣтущую пору развитія ремесла подмастерья являлись чѣмъ-то въ родѣ членовъ семьи хозяина-мастера, такъ какъ они жили и работали вмѣстѣ и потому между ними не было прямого противоположенія интересовъ; тѣмъ болѣе еще, что положеніе или званіе подмастерья было лишь временнымъ, ибо почти каждый изъ нихъ потомъ самъ дѣлался мастеромъ и хозяиномъ. И только позднѣе, въ періодъ разложенія цехового строя, интересы хозяевъ и подмастерьевъ стали болѣе и болѣе расходиться.

Положеніе же типичныхъ для новѣйшаго періода свободныхъ наемныхъ рабочихъ существенно отличается тѣмъ, что почти никто изъ нихъ даже и не мечтаетъ сдѣлаться хозяиномъ такой же крупной фабрики, на которой они работаютъ. Характеръ близкихъ личныхъ взаимоотношеній между хозяевами и рабочими, столь свойственный ремеслу, исчезаетъ теперь вполне, такъ какъ хозяинъ крупной фабрики, или даже мануфактуры обыкновенно даже и не можетъ знать въ лицо своихъ многочисленныхъ рабочихъ. Не мудрено, что интересы хозяевъ и рабочихъ начинаютъ между собою расходиться и даже антагонизировать, ибо первые стремятся къ пониженію заработной платы, а вторые—къ ея повышенію; первые стараются удлинить суточную продолжительность работы, вторые-же ее сократить и т. д.

Но это различіе въ положеніи хозяевъ и рабочихъ не вытекаетъ уже теперь изъ какихъ-либо прирожденныхъ и сословныхъ правъ и преимуществъ первыхъ и изъ отсутствія таковыхъ у вторыхъ, а основывается на чисто экономическихъ началахъ—*принадлежности*

средствъ (матеріаловъ и орудій) производства первымъ и отсутствія таковыхъ у вторыхъ, какъ представителей только одного личнаго труда.

Эти средства производства, въ особенности въ видѣ сложныхъ и потому дорого стоящихъ машинъ, начинаютъ играть въ промышленности роль главнѣйшую по сравненію съ прежними ручными инструментами. Послѣдними обладали не только каждый ремесленникъ, но и любой подмастерье, нося ихъ за собой въ котомкѣ за плечами во время своихъ прежнихъ обязательныхъ странствованій; и сила ручныхъ инструментовъ заключалась не въ нихъ самихъ, а въ умѣньи владѣть ими рукой ремесленника. Фабричныя-же машины, во первыхъ, устраняютъ необходимость профессиональной ловкости и умѣнья рабочихъ, упрощая самую работу, и во вторыхъ, не требуютъ даже и простой силы рабочихъ, ибо заключаютъ эту силу, напримѣръ, паровую, въ самихъ себѣ. Потому то съ момента появленія на фабрикахъ машинъ начинается вытѣсненіе взрослыхъ рабочихъ и мужчинъ малолѣтними и женщинами, какъ рабочими болѣе дешевыми.

Такая преобладающая роль машинъ въ производствѣ налагаетъ типическій отпечатокъ на новѣйшій строй промышленности, а въ *самыхъ этихъ машинахъ мы видимъ и новѣйшій видъ капитала*, конечно опять таки на ряду или параллельно съ предшествующими ему формами и видами. Такъ денежный капиталъ, на предшествующей ступени обнаруживавшій свое значеніе только въ торговой дѣятельности, теперь распространяетъ свою власть и на промышленность, дѣлая веденіе ея безъ денегъ даже невозможнымъ, ибо деньги необходимы и на дорогое и сложное устройство фабрикъ и заводовъ, на машины въ томъ числѣ, и на приобрѣтеніе обрабатываемаго матеріала, и на топливо, и на вспомогательные матеріалы, и наконецъ на наемъ рабочихъ. Въ концѣ концовъ все это и можно формулировать въ краткой формулѣ—*власть денегъ, какъ замѣняющей собою* прежніе источники властвованія однихъ общественныхъ группъ и лицъ надъ другими въ силу какихъ-либо сословныхъ правъ и привилегій, въ томъ числѣ исключительныхъ правъ высшихъ сословій на владѣніе землею и къ ней прикрѣпленными лицами или крѣпостными крестьянами.

Денежная форма капитала становится, такимъ образомъ, *формой всеобщей*, ибо всякое лицо можетъ владѣть болѣе или менѣе значительными суммами денегъ, каковыя и начинаютъ теперь сосредоточиваться въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ. А на ряду съ этимъ возникаютъ и особыя капиталистическія общества и компаніи, особенно акціонерныя, образующіеся иногда даже изъ мелкихъ паевъ или взно-

совъ. Лица владѣющіе денежными суммами могутъ теперь и не сами непосредственно затрачивать ихъ въ какое нибудь торговое или промышленное дѣло, а отдавать въ ссуду другимъ лицамъ, ради полученія дохода въ видѣ процента на ссудный капиталъ. Это послѣднее явленіе, конечно, встрѣчается и много раньше, въ очень отдаленные времена, когда вообще появляются деньги въ обращеніи, какъ напр. еще въ древнихъ греческихъ государствахъ и въ Римѣ, даже и еще раньше. Но во всей широтѣ явленіе это присуще новѣйшему періоду, когда чуть не всѣ стремятся къ приобрѣтенію денегъ ради этой цѣли—извлеченія изъ нихъ дохода, возможнаго и безъ всякаго труда со своей стороны.

Въ сферѣ торгово-промышленной обнаруживается еще нѣсколько новыхъ типичныхъ чертъ, а именно, широкое примѣненіе началъ свободнаго соперничества или *конкуренціи*, на почвѣ которой побѣды одерживаются наиболѣе приспособленными къ этой борьбѣ предпріятіями и лицами; а таковыми оказываются обыкновенно болѣе крупные предприниматели и капиталисты. Происходитъ поэтому сосредоточеніе болѣе крупныхъ предпріятій въ рукахъ уменьшающагося числа лицъ. Отъ этого, съ одной стороны, какъ будто уменьшается роль риска и случайностей въ этой борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ; съ другой-же стороны въ обратную сторону дѣйствуетъ измѣнившійся характеръ производства и сбыта его продуктовъ. Превращаясь на заказъ замѣняется производствомъ на неопредѣленный рынокъ, каждый производитъ сколько ему вздумается, не считаясь и не сговариваясь со своими конкурентами, (за исключеніемъ самыхъ новѣйшихъ явленій—объединенія въ синдикаты и т. п. соединенія); а потому теперь возможнымъ становится такъ называемое перепроизводство товаровъ, т. е. созданіе ихъ въ количествѣ болѣе чемъ, чѣмъ удастся ихъ сбыть, а это приводитъ къ явленію опять таки новому—*промышленнымъ кризисамъ*.

Послѣдніе имѣютъ и глубже лежащія причины или основанія, гораздо болѣе сложные, чѣмъ это внѣшнее ихъ выраженіе въ избыточномъ производствѣ; но именно вслѣдствіе большой сложности этого явленія, на немъ нельзя еще останавливаться. Пока же достаточно только отмѣтить возможность такихъ явленій, совершенно чуждыхъ всѣмъ предшествующимъ періодамъ, а теперь чуть-ли не неизбѣжно или періодически сопровождающихъ развитіе промышленности въ большинствѣ странъ.

Наиболѣе медленно совершаются перемѣны въ развитіи *земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства*, такъ какъ тутъ, во первыхъ, главной производительной силой является сама земля, съ присущими ей естественными свойствами, гораздо меньше поддающимися искусственному воздѣйствію на нее человѣка, чѣмъ на технику производства въ области обрабатывающей промышленности. Роль капитала

вообще, и денежнаго въ частности, въ земледѣліи оказывается до настоящаго времени тоже гораздо меньшей,—почему, это уже предметъ дальнѣйшаго болѣе подробнаго изслѣдованія этого вопроса.

Во вторыхъ, вопросы сельскаго хозяйства, тѣсно связаны съ формами, размѣрами и условіями *землевладѣнія и землепользованія*, въ основѣ которыхъ лежатъ разнообразныя историческія, бытовыя и правовыя начала, коренящіяся нерѣдко въ весьма отдаленныхъ періодахъ и очень медленно измѣняющіяся. Такъ, въ однихъ странахъ, какъ напр., въ Англіи съ незапамятныхъ почти временъ держится очень крупное землевладѣніе на началахъ единонаслѣдія, а землепользованіе выражается въ арендованіи небольшихъ земельныхъ участковъ фермерами. Во Франціи, Бельгіи и Голландіи преобладаетъ мелкое землевладѣніе, а въ Германіи одновременно и тоже издавна держатся всѣ три размѣра землевладѣнія—крупное на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, мелкое на западѣ и юго-западѣ и среднее со смѣшанными формами въ остальныхъ ея частяхъ.

Единственной болѣе общей и типичной для большинства западно-европейскихъ странъ чертой развитія въ землевладѣніи является сравнительно *большая подвижность* (мобилизація) земли, т. е. перемѣщеніе ея отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ. А это было совершенно не мыслимымъ явленіемъ въ предъидущіе періоды, когда владѣніе землей составляло или исключительную привилегію высшихъ сословій, или-же земля являлась неотчуждаемой собственностью крестьянскихъ общинъ. И потому въ то время, какъ можетъ быть болѣе или менѣе твердо установлена тенденція промышленныхъ предприятий къ абсолютному увеличенію ихъ размѣровъ и уменьшенію ихъ численности, никакой опредѣленной и общей черты въ измѣненіи характера землевладѣнія не замѣчается; другими словами тутъ нѣтъ все подъ одно нивелирующаго вліянія капитализма, столь свойственнаго промышленности и торговлѣ. Нельзя поэтому сказать, чтобы вездѣ, или хотя бы преимущественно, происходила концентрація землевладѣнія въ рукахъ уменьшающагося числа собственниковъ или наоборотъ распадалась крупныя владѣнія на мелкія.

Этими общими чертами новѣйшаго періода мы заканчиваемъ этотъ краткій схематическій очеркъ хозяйственнаго развитія и переходимъ къ другому болѣе всестороннему.

Б. Очерки исторіи хозяйственнаго быта, въ связи съ развитіемъ экономическихъ ученій.

Въ только что оконченномъ схематическомъ очеркѣ развитія хозяйства, согласно его плану, рассмотрѣны были одни эконо-

мическія явленія, по возможности изолированныя отъ сферы остальныхъ общественныхъ. Самый процессъ развитія хозяйства былъ разбитъ на нѣсколько періодовъ, болѣе или менѣе искусственныхъ. Теперь мы приступаемъ къ болѣе всестороннему разсмотрѣнію того-же процесса хозяйственнаго развитія, т.-е. какъ онъ происходилъ въ дѣйствительности въ опредѣленныхъ странахъ и въ какой связи съ другими общественными явленіями или главнѣйшими изъ соприкасающихся съ экономическими.

Таковыми прежде всего должны быть признаны явленія *политическія*, или связанныя съ формами государственнаго устройства, и *правовыя* или внѣшнія юридическія формы, въ которыя выливаются человѣческія взаимоотношенія при взаимной борьбѣ ихъ интересовъ, преимущественно конечно хозяйственныхъ. Совокупность всѣхъ этихъ явленій вмѣстѣ взятыхъ и совмѣстно изучаемыхъ или изслѣдуемыхъ, составляетъ предметъ особой, самой широкой, но еще не вполне сложившейся, науки о человѣческомъ обществѣ, именуемой *соціологіей*. Но нашей ближайшей цѣлью будетъ все таки на первомъ планѣ изслѣдованіе явленій экономическихъ, въ связи съ этими другими; а поскольку все это отражается въ сознаніи людей и само оно обратно воздѣйствуетъ на хозяйственную дѣятельность, это уже требуетъ постановки вопросовъ на точку зрѣнія *психологическую*, разъясняющую въ новѣйшее время многое то, что безъ нея прежде оставалось непонятнымъ.

Что касается до *источниковъ* нашихъ знаній о прежнемъ и въ особенности древнѣйшемъ строѣ хозяйства разныхъ странъ и народовъ, то конечно спеціально экономическихъ нечего было бы и искать, ибо и сама наука эта развилась сравнительно недавно. Съ другой стороны хозяйственныя явленія въ прежнее время были и менѣе сложны сами по себѣ, и болѣе связаны съ другими общественными, то-же менѣе сложными, чѣмъ теперь. Приходится поэтому довольствоваться болѣе общими историческими данными, касающимися всѣхъ условій жизни странъ и народовъ, а за неимѣніемъ даже и такихъ источниковъ, прибѣгать къ памятникамъ поэтическо-художественнымъ, поскольку въ нихъ встрѣчался бытоописательный элементъ, какъ напр. въ *Илліадѣ*, *Одиссеѣ*, *Энеидѣ*, въ русскихъ былинахъ и т. п. На ряду съ этими очень цѣнными источниками являются сохранившіеся памятники законодательныя, иногда прямо дающіе картину правового быта и государственнаго строя прежнихъ временъ, а иногда заключающіе въ себѣ смѣшанное свѣтское и религіозное законодательство. Смѣшеніе этихъ двухъ элементовъ было дѣломъ обычнымъ для болѣе древнихъ народовъ, во первыхъ, потому что тогда трудно было провести границу

между тѣмъ, гдѣ кончалась сфера законодательства свѣтскаго, и гдѣ начиналось религіозное, а, во вторыхъ, прежнія менѣе сложныя формы общественной жизни легче укладывались въ рамки какого нибудь одного или общаго кодекса, какимъ являлись въ свое время древне-индійскія Веды и Упаведы, наша Библия, Коранъ мусульманскій и т. п. Во всѣхъ такихъ книгахъ заключались законы и заповѣди, регулировавшія свѣтскую и духовную жизнь соответственныхъ народовъ, между тѣмъ какъ теперь сферы эти совершенно ясно и отчетливо отграничены другъ отъ друга. Съ эпохи смѣшенія этихъ сферъ мы и начнемъ этотъ очеркъ.

I. Теократическія государства древняго востока.

Общею, присущею всѣмъ имъ и наиболее характерною для нихъ чертой было *преобладающее значеніе религіознаго элемента надъ свѣтскимъ*, въ чемъ и заключается сущность *теократіи*, т.-е. господства теоса—божества или его ближайшихъ служителей—духовныхъ лицъ надъ прочими гражданами. Главнѣйшимъ способомъ управленія являлось тогда приданіе религіознаго или божественнаго характера и такимъ законамъ, которыми регулируются явленія, порядки и отношенія, съ нашей современной точки зрѣнія чисто свѣтскія или мірскія. Сила этихъ законовъ покоилась на чисто *психическомъ* началѣ—сознаніи или убѣжденіи, что исполненіе этихъ законовъ есть обязанность религіозная, ибо и самыя велѣнія эти (законы) считались происхожденія божественнаго. Элементы грубаго свѣтскаго принужденія, въ смыслѣ угрозъ наказаніемъ, для обезпеченія дѣйствія законовъ были поэтому совершенно излишними; если же угроза и примѣнялась, то лишь въ формѣ гнѣва тѣхъ или другихъ боговъ и божествъ, отъ лица которыхъ издавались и самыя законы. Сверхъ того, при существованіи вѣры въ будущую жизнь или въ переселеніе душъ, исполненіе заповѣдей и законовъ обезпечивалось надеждой на награду на томъ свѣтѣ и страхомъ наказанія тамъ же, а не на землѣ. Таковы были общія основы строя большинства древнихъ теократій; въ частности же онѣ отличались другъ отъ друга въ связи съ различіями въ составѣ населенія и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ.

1) Индія. Не будучи единымъ крупнымъ государствомъ, въ смыслѣ политическаго цѣлаго, страна эта въ древнее время представляла собою рядъ отдѣльныхъ государствъ, объединенныхъ единствомъ религіи, языка и однообразнымъ раздѣленіемъ всего населенія на четыре наслѣдственные касты. Въ этой странѣ развилась

первичная культура всего, пожалуй, человечества, распространяясь потомъ послѣдовательно въ другія страны.

Правящимъ и объединяющимъ элементомъ здѣсь была высшая каста *браминовъ* или жрецовъ, подѣ нею непосредственно стояла каста *кшатриевъ* или воиновъ, далѣ слѣдовали *вайзии*, представлявшіе собой вообще остальное болѣе или менѣе свободное хозяйственное населеніе, довольно разнообразнаго рода занятій, и, наконецъ, ниже всѣхъ стояла каста *судръ* или рабовъ. Каждая изъ кастъ подраздѣлялась внутри себя на второстепенныя классы или ранги, напр. среди *судръ* низшій видъ ихъ носилъ названіе *парій*,—слово, до настоящаго времени являющееся синонимомъ чего-то самаго низкаго или презрѣннаго.

Относительно происхожденія дѣленія на касты, существуютъ разныя объясненія; одно изъ нихъ, наиболѣе вѣроятное, сводится къ тому, что это было наслоеніемъ въ разное время покоренныхъ силою оружія различныхъ племенъ или народностей, при чемъ побѣдители становились высшею, а побѣжденные слѣдующею нисшею кастой. Это подтверждается антропологическими изслѣдованіями, въ томъ числѣ фактами, обнаруживавшими различное въ этнографическомъ отношеніи строеніе череповъ представителей разныхъ кастъ. Но если сила военнаго оружія была первопричиной первоначальнаго господства однихъ и подчиненности или зависимости другихъ, то въ періодъ наиболѣе культурнаго развитія этой страны, когда во главѣ всего управленія стояли брамины, несомнѣнно, что основою ихъ власти служили соотвѣтственныя религіозныя начала. Въ нихъ видѣли посредниковъ между населеніемъ и тѣми различными божествами, въ которыхъ всѣ вѣровали и потому безусловно подчинялись ихъ велѣніямъ, передаваемымъ черезъ ихъ прямыхъ служителей—браминовъ. И потому, хотя цари, князья и т. п. представители свѣтской власти принадлежали къ кастѣ воиновъ, имѣя свою опору въ войскѣ, но надъ ними все таки выше стояли брамины. Основа господства или властвованія была, слѣдовательно, не политическая (государственная), и не экономическая (основанная на матеріальномъ богатствѣ), а *психическая*, ибо къ этой категоріи явленій должны быть отнесены тѣ или другія религіозныя вѣрованія. Въ частности у индусовъ существовала вѣра въ переселеніе душъ, а потому они мирились съ тягостями земнаго своего существованія, какъ временнаго, и жили мыслью о какомъ-то иномъ будущемъ. На этомъ основывалось все искусство управленія страной браминами, жившими главнымъ образомъ на счетъ тѣхъ матеріальныхъ жертвоприношеній, которые совершались прочимъ населеніемъ въ угоду будто бы нуждавшимся въ нихъ божествамъ. Въ жертвоприноше-

ніяхъ этихъ можно видѣть зачатки того, что впоследствии выражается въ совершенно свѣтской обязанности гражданъ платить налоги, т.-е. принудительные взносы на покрытіе государственныхъ или мѣстныхъ расходовъ.

Въ древней Индіи даже и существовали платежи, по внѣшней своей формѣ несомнѣнно являвшіеся налогами, такъ какъ они устанавливаемы были въ различныхъ процентныхъ доляхъ къ доходамъ, получавшимся отъ различныхъ промысловъ и занятій. Одно перечисленіе этихъ платежей уже свидѣтельствуетъ о несомнѣнно въ то время уже существовавшемъ тамъ широкомъ раздѣленіи труда и занятій, т. е. о сравнительно высокомъ состояніи хозяйства; объ этомъ-же можно судить и по находимымъ образцамъ ихъ различныхъ издѣлій, равно какъ и по поэтическимъ описаніямъ ихъ древняго быта. Есть также указанія и на то, что хозяйство и промышленность этого времени были строго регламентированы, т. е. издавался рядъ подробныхъ правилъ какъ, что и изъ чего слѣдовало производить. А всему этому подчинялись люди изъ сознанія, что они этимъ исполняютъ религіозныя, а не свѣтскія велѣнія, ибо не находится указаній на примѣненіе мѣръ принужденія къ исполненію этихъ правилъ. Этимъ объясняется и сравнительно большая высота этихъ древнихъ налоговъ, безропотно выносившаяся тамошнимъ населеніемъ.

Къ числу средствъ обезпеченія тогдашнихъ устоевъ государственнаго устройства, какъ покоившихся на религіи, относятся заботы объ устраненіи сношеній съ иностранцами, иначе вѣровавшими. Это особенно замѣтно изъ того, что иностранцы и иновѣрцы въ страну вовсе не допускались или лишь на самыя границы страны. Поэтому вся внѣшняя торговля, довольно развитая уже въ то время, находилась въ рукахъ персовъ и арабовъ.

Съ развитіемъ въ населеніи сомнѣній въ истинности ихъ вѣрованій, постепенно рушится весь на нихъ покоившійся укладъ жизни и общественнаго устройства и страна подпадаетъ подъ власть другихъ народностей.

2) Египетъ. Приблизительно тѣ-же начала характеризуютъ собою государственный и хозяйственный бытъ этой древней страны. Только здѣсь было гораздо больше кастъ, а именно семь, слѣдовавшихъ сверху внизъ въ такомъ порядкѣ: выше всего стояли также жрецы и воины, при чемъ хотя здѣсь былъ уже единый сильный глава государства—фараонъ, принадлежавшій къ классу воиновъ, но главнѣйшими и ближайшими совѣтниками его были все таки жрецы, издававшіе законы, которымъ приписывалось божественное происхожденіе. Далѣе, т. е. ниже, третьей кастой стояли земледѣльцы и ремесленники, четвертой купцы, пятой пастухи, шестой рыбаки и самой низшей, позднѣйшей по времени своего возникновенія, переводчики. Появленіе этой послѣдней касты свидѣтельствуетъ о томъ, что тамъ, значитъ, получила серьезное развитіе внѣшняя торговля; а такъ какъ ино-

странцы считались существами нечистыми, то для сношеній съ ними и была предназначена эта нисшая, наиболѣе презрѣнная каста. Если бы представители послѣдней и заразились тлетворными вѣрваніями иностранцевъ, то зараза эта не распространилась бы дальше этой касты, такъ какъ касты вездѣ и всегда представляли собою наслѣдственные и вполнѣ замкнутыя группы населенія, не вступавшія между собою въ бракъ и вообще въ близкія сношенія.

Вообще-же большее количество кастъ въ Египтѣ само по себѣ свидѣтельствуеетъ о гораздо дальше или глубже укоренившемся началѣ раздѣленія труда и занятій, при чемъ послѣдовательность наслоенія кастъ характеризуетъ соответственное развитіе различныхъ отраслей хозяйства. А это уже основы общественнаго строя экономическія, а не психически-религіозныя. Слѣдовательно тутъ приобретаютъ сравнительно большее значеніе эти факторы экономическіе, вообще позже начинающіе играть свою задающую тонъ роль.

Къ числу дополнительныхъ доказательствъ этой послѣдней мысли можетъ быть отнесено извѣстное библейское сказаніе о снѣ фараона, истолкованномъ Іосифомъ, бывшимъ вмѣстѣ съ прочими братьями и вообще древними евреями въ плѣненіи египетскомъ. Фараону приснилось, что семь жирныхъ коровъ были съѣдены позднѣе явившимися семью тощими. Іосифъ разъяснилъ это такъ, что наступятъ 7 урожайныхъ годовъ, за которыми послѣдуютъ 7 неурожайныхъ. Такъ оно и сбылось въ дѣйствительности. Въ предвидѣніи-же этихъ событій представители государственной власти— фараонъ, жрецы и воины сдѣлали въ теченіе урожайныхъ лѣтъ большіе запасы хлѣба, которыми и кормили бѣдствовавшее въ неурожайные годы населеніе. Но хлѣбъ давался не безвозвратно, а въ видѣ ссудъ, (какъ и теперь въ Россіи при существующей системѣ народнаго продовольствія, въ составъ которой входятъ хлѣбозапасные магазины); въ обезпеченіе-же ссудъ тогда были приняты въ залогъ земли. И когда вполнѣ населеніе не могло вернуть полученныхъ хлѣбныхъ ссудъ, то земли, какъ залогъ, перешли въ собственность трехъ высшихъ правящихъ элементовъ и распределены были между ними въ видѣ трехъ приблизительно равныхъ долей. Прежніе землевладѣльцы оказались тогда сидящими уже не на своей землѣ, а на принадлежащей фараону, жрецамъ или воинамъ, которымъ за пользованіе бывшей своей землей они должны были платить особый налогъ или оброкъ, ранѣе не существовавшій. Смыслъ этого сказанія двоякій: это первый случай возникновенія платежей и источника властвованія, основанныхъ не на религіозномъ началѣ, каковыми были всѣ прежніе платежи въ видѣ жертвоприношеній, а на началѣ гражданско-правовомъ и экономическомъ. Во вторыхъ, тутъ впервые въ исторіи встрѣчается указаніе на новый видъ и значеніе капитала въ формѣ запасовъ хлѣба, появляющійся, какъ выше нами было указано, (см. стр. 99) лишь съ переходомъ въ осѣдлое земледѣльческое состояніе или періодъ.

3) Іудея. Библейская исторія древнихъ іудеевъ прежде всего свидѣтельствуеетъ, что народъ этотъ переживалъ кочевой или пастушескій періодъ, прежде чѣмъ стать осѣдлымъ земледѣльческимъ на-

родомъ. Объ этомъ говоритъ сказаніе объ убійствѣ Каиномъ—земледѣльцемъ Авеля—пастуха и затѣмъ описаніе долгихъ странствованій этого народа по пустынямъ въ поискахъ «земли обѣтованной», которая и была наконецъ обрѣтена въ Палестинѣ. Во время этихъ странствованій, послѣ исхода изъ Египта, Моисеемъ дано было законодательство, положившее основу всему дальнѣйшему религіозному и государственному быту этого народа. Послѣдній былъ раздѣленъ на 12 колѣнъ, потомковъ 12 сыновей Іакова, изъ коихъ 11 были надѣлены одинаковыми правами, а двѣнадцатое колѣно—Левитово—явилось въ роли первосвященниковъ и судей, т. е. правящимъ элементомъ—изъ духовныхъ лицъ. Это слѣдовательно тоже было своеобразная теократическая форма правленія, сохранявшаяся до времени избранія перваго царя Саула, съ какового момента государственная власть становится уже свѣтской и начинаетъ опираться уже на войско, какъ на матеріальную силу.

Первоначальная цѣль такого дѣленія на колѣна заключалась въ установленіи начала демократическаго равенства всего населенія, что выражалось и въ равномерномъ распредѣленіи между всѣми колѣнами земель и въ дальнѣйшихъ мѣрахъ предупрежденія сосредоточенія земель въ большомъ количествѣ въ рукахъ немногихъ лицъ (см. далѣе юбилейный годъ). Левиты являлись единственнымъ связующимъ звѣномъ между всѣми остальными колѣнами, нерѣдко враждовавшими между собою. Но развившіеся съ теченіемъ времени произволь и злоупотребленія властью со стороны левитовъ вызвали противъ нихъ неудовольствіе среди народа, вслѣдствіе чего, а равно и для прекращенія раздоровъ между отдѣльными колѣнами, власть и была объединена въ рукахъ единого царя. Другой причиной этого было ослабленіе вѣры, т. е. тѣхъ религіозныхъ основъ, на которыхъ покоился сначала весь государственный и правовой строй, послѣ чего и кончается чистый теократическій періодъ.

Но, пока длился послѣдній, основы его были почти тѣ-же, что и въ болѣе равныхъ разсмотрѣнныхъ теократіяхъ. Также и здѣсь на ряду съ законами, регулировавшими внутреннюю духовную и нравственную жизнь населенія и потому имѣвшими чисто религіозно-нравственное значеніе—10 заповѣдей, данныхъ Господомъ Богомъ Моисею на горѣ Синайской и лежащихъ въ основѣ и нашей христіанской религіи,—другіе законы были только облечены въ божественную форму ихъ происхожденія, такъ какъ касались они чисто государственныхъ и соціально-экономическихъ вопросовъ мѣста и времени, а потому они и не являются теперь для насъ обязательными.

Таковъ былъ напримѣръ законъ о *годѣ субботнемъ*, наступающемъ черезъ каждые 7 лѣтъ, которымъ устанавливался, по образцу

седьмого субботняго дня, годъ отдыха для земли. Несомнѣнно, что это была мѣра аграрной политики, обеспечивавшая сохраненіе плодородія почвъ, тоже требующей отдыха отъ посѣвовъ. Но очевидно нельзя было обеспечить соблюденіе этой мѣры въ то время иначе, какъ придавъ ей значеніе религіозное. Точно также обеспечивалось равномерное распредѣленіе земель при помощи *года юбилейнаго*, наступавшаго черезъ каждые 49 лѣтъ въ 50-й годъ, когда всѣ земли, перешедшія какимъ либо способомъ, напр. продажей или залогомъ, изъ однихъ рукъ въ другія, должны были вернуться къ ихъ первоначальнымъ собственникамъ. Жертвоприношенія, точно также какъ и въ другихъ теократіяхъ, замѣняли тамъ собою то, что теперь является налогами.

Сельское хозяйство являлось главнымъ занятіемъ населенія съ переходомъ его къ осѣдлому состоянію. Затѣмъ здѣсь сравнительно рано развилась торговля и даже выработаны были довольно совершенныя связанныя съ ней приемы, касающіеся денежнаго и даже кредитнаго оборота. Это выражалось въ выпускѣ и чеканкѣ денегъ, влеченіе къ которымъ ослабляло нравственность и религіозность, что и символизировано было въ поклоненіи «золотому тельцу» въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ. Евреямъ знакомы были заемныя письма и что-то въ родѣ векселей. Слабѣе другихъ отраслей хозяйства была промышленность обрабатывающая, требовавшая для своего развитія изобрѣтательности и увеличенія производительности труда. Но такое основное экономическое начало, считаемое теперь нормальнымъ и даже необходимымъ двигателемъ въ хозяйствѣ, въ то время считалось чуть-ли не грѣховнымъ, также какъ и вообще трудъ не пользовался особеннымъ уваженіемъ.

Что это такъ, можно убѣдиться изъ своеобразнаго древне-іудейскаго объясненія убійства Каиномъ Авеля, а именно: когда Господь изгонялъ Адама изъ рая, гдѣ онъ жилъ безъ всякаго труда, то сказалъ ему: «отнынѣ въ потѣ лица своего будешь ты доставать свой хлѣбъ». Трудъ, стало быть, былъ наказаніемъ, наложеннымъ на перваго человѣка за его грѣхопаденіе. Жертва Авеля была пріятна Богу, а Каина нѣтъ потому, что Авель довольствовался тѣмъ, что природа сама давала ему (въ видѣ естественныхъ продуктовъ скотоводства); Каинъ-же, первый земледѣлецъ, принесъ жертву отъ того, что жадность его извлекла изъ нѣдръ земли. Это понималось такъ, что Каинъ старался какъ бы обойти наказаніе, выражавшееся въ трудѣ, дѣлая его болѣе производительнымъ, каковымъ и былъ трудъ земледѣльческій, по сравненію съ пастушескимъ. Значитъ, Каинъ являлся первымъ представителемъ, съ нашей современной точки зрѣнія совершенно нормальнаго, экономическаго начала—стремленія съ наименьшими усилиями достигнуть наибольшихъ результатовъ. Въ концѣ концовъ земледѣлецъ побѣждаетъ скотовода и земледѣліе становится господствующимъ занятіемъ этого народа, какъ и другихъ.

II. Древне-классическія государства. (Греція и Римъ).

Общею наиболѣе характерною чертой для нихъ служитъ *развитіе государственности* до полнаго почти поглощенія личности. Конечно эта черта явилась не сразу, ибо и эти страны переживали въ свое время въ большей или меньшей степени періодъ теократіи; но не въ ней была ихъ типичность, а въ государственности, которой онѣ достигли въ разцвѣтѣ своей крупной исторической роли, прославившей ихъ на вѣчныя времена. Въ силу этой указанной главной черты страны эти являютъ собой наиболѣе яркій примѣръ преобладанія *политическихъ* или государственнымъ *организационныхъ* началъ надъ экономическими или хозяйственными. И съ этой именно стороны страны эти представляютъ наибольшій интересъ для научнаго ихъ изслѣдованія вообще и съ точки зрѣнія развитія хозяйства въ частности и въ особенности.

1) Греція. Страна эта состояла изъ ряда мелкихъ государствъ, объединенныхъ единствомъ народности, языка, религіи и присущихъ имъ болѣе или менѣе одинаковыхъ началъ государственнаго устройства. Относительно болѣе ранняго періода ихъ развитія историческія данныя имѣются лишь самыя скудныя; судить объ ихъ общественномъ устройствѣ приходится поэтому по косвеннымъ источникамъ, изъ коихъ на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены данныя мифологическія. Отъ этого древнѣйшій періодъ Греціи и носитъ обыкновенно *мифическаго*, и онъ-же совпадаетъ съ теократическимъ. Это начало выражалось здѣсь не столько въ преобладаніи духовной власти надъ свѣтскою, какъ въ другихъ теократіяхъ, а въ томъ что чуть-ли не всѣ стороны жизни человѣка и общества того времени были тѣсно связаны съ религіей—греческимъ многобожіемъ. Роль этихъ божествъ и отношеніе къ нимъ грековъ весьма существенно измѣнились по мѣрѣ перехода отъ теократическаго періода къ государственному. Сначала происходилъ процессъ возведенія въ божеское достоинство отдѣльныхъ лицъ, оказавшихъ населенію какія нибудь особенно крупныя услуги, напримѣръ, научившихъ какому-либо новому занятію; и не было другого средства, чтобы заставить его цѣнить и уважать — иначе, какъ объявляя его состоящимъ подъ покровительствомъ какого либо божества. Это относилось главнымъ образомъ къ богамъ младшимъ, явившимся позднѣе старшихъ; а потомъ слѣдовало развѣнчиваніе тѣхъ-же боговъ и надѣленіе ихъ человѣческими недостатками.

Таково напримѣръ, происхожденіе богини Цереры, какъ покровительницы земледѣлія, Вакха или Бахуса—покровителя сперва виноградарства и лишь

гораздо позднѣе, въ періодъ паденія роли боговъ, ставшаго богомъ винодѣлія, пиршествъ и веселья. Вначалѣ эти два божества являлись носителями началъ мирнаго хозяйственнаго развитія, въ противность прежнему хищническому охотничьему. Оттого-то и служительницами ихъ являлись женщины, какъ сторонницы мирной и осѣдлой культуры. А такъ какъ мужчины долго не соглашались на этотъ переходъ, то между ними и велась долгая борьба, закончившаяся побѣдой женщинъ вакханокъ, другими словами,—торжествомъ новой ступени въ хозяйствѣ. Также однимъ изъ болѣе позднихъ божествъ явился Меркурій—богъ торговли, какъ болѣе поздняго вида занятій.

Когда-же въ послѣдствіи государственныя начала стали преобладать надъ религіозными, то и во взглядахъ на всѣ эти божества произошла полная перемена: раньше боги были олицетвореніемъ высшихъ достоинствъ, превышавшихъ человѣческія, а подъ конецъ тѣ-же боги стали надѣляться человѣческими недостатками, какъ бы въ оправданіе человѣческихъ слабостей. Отсюда и превращеніе Вакха въ бога веселья и связанныхъ съ нимъ излишествъ, Меркурія—въ покровителя воровъ и мошенниковъ по мѣрѣ того, какъ въ торговлѣ развивается привычка обманывать или принципъ «не обманешь—не продашь».

Вообще въ любомъ изъ греческихъ мифовъ можно найти указаніе на какіе нибудь моменты общественнаго развитія, запечатлѣнныхъ въ этой поэтической или образной формѣ. Такъ на примѣръ, борьба Геркулеса изъ за золотыхъ яблокъ, походъ аргонавтовъ за золотымъ руномъ въ Колхиду (нынѣшній Кавказъ) знаменуютъ собою моментъ развитія пользованія золотомъ сперва для издѣлій, а затѣмъ и для монетъ. Очистка Аргіевыхъ конюшенъ, можетъ быть, знаменуетъ собою начала древней санитаріи и т. д.

Главный интересъ до сихъ поръ представляетъ собою развитіе греческой государственности, относящееся уже къ слѣдующему періоду. Въ греческой идеологіи государство представлялось осуществленіемъ всѣхъ наивысшихъ и наилучшихъ началъ; начала же личныя и связанные съ ними эгоистическіе интересы представлялись имъ болѣе низменными. Цѣли, воля и счастье личности признаются лишь настолько, насколько они соотвѣтствуютъ интересамъ, могуществу и благополучію государства. Послѣднее является чѣмъ-то самоцѣльнымъ, а личность и граждане вообще лишь чѣмъ-то служебнымъ для этой высшей цѣли бытія. Особенно рельефно или даже до крайности проведенъ былъ такой взглядъ въ древней Спартѣ, въ связи съ законодательствомъ Ликурга. Весь строй спартанской жизни, особенно спартанскаго воспитанія, сводился къ тому, чтобы убить въ человѣкѣ начало личное и сдѣлать изъ него самоотверженнаго слугу отечества и воина.

Спартанцы отлично понимали, что для достиженія такой цѣли необходимо прежде всего свести на нѣтъ или до минимума человѣческія индивидуальныя потребности, въ которыхъ коренятся эгоистическіе своекорыстные инстинкты или интересы. И вотъ дѣти какъ можно раньше отрывались отъ семьи, гдѣ родители могли ба-

ловать ихъ, и получали сразу общественное воспитаніе. Зная, что вкусовые ощущенія, развиваясь больше и больше, приведутъ къ заботамъ объ улучшеніи пищи и даже къ гастрономіи, спартанцы держались нарочно наиболѣе скромной и грубой пищи—спартанская похлебка синонимъ ея. Тоже самое и относительно одежды, жилищъ и т. д.

Не мудрено, что спартанская культура и цивилизація была всегда ниже другихъ греческихъ государствъ, особенно Аѳинъ, ибо въ послѣднихъ личность никогда не была до такой степени поглощаема государствомъ. Но вообще вездѣ въ то время частно-хозяйственная дѣятельность, какъ направленная главнымъ образомъ на служеніе личнымъ и семейнымъ интересамъ, считалась недостойной полноправнаго гражданина, въ особенности, если дѣятельность эта сколько нибудь переходила за предѣлы замкнутаго домашняго хозяйства (ойкоса — откуда и слово экономія) въ его чистой натуральной формѣ и цѣли — непосредственнаго удовлетворенія потребностей производителя. Выходившая же за предѣлы такого хозяйства дѣятельность, по выраженію Аристотеля являлась *хрематистикой*, т. е. искусствомъ добывать возможно больше денегъ и доходовъ, и, въ своей крайней формѣ превращаясь въ *спекуляцію*, считалась прямо непозволительной для гражданъ.

Боязнь развитія хозяйственной дѣятельности или презрѣніе къ ней вытекали изъ того, что человѣкъ, предавшись ей, увлечется погоней за богатствомъ и вообще удовлетвореніемъ своихъ личныхъ потребностей и позабудетъ о своемъ назначеніи — служить прежде всего интересамъ государственнымъ. Очевидно, что все это обрисовываетъ совершенно своеобразную греческую общественную философію и свойственную имъ особую психологію, во многомъ совершенно обратныя современнымъ взглядамъ на тѣ-же вопросы.

Мы, на примѣръ, оправдываемъ и защищаемъ теперь идеи государства какъ высшую форму общежитія, имѣющую своей конечной цѣлью обезпеченіе и охрану интересовъ всѣхъ гражданъ вообще и любой отдѣльной личности въ частности. Тогда же личность являлась не цѣлью, а средствомъ для достиженія государствомъ своихъ собственныхъ цѣлей.

Съ другой стороны, такая искренняя и непосредственная любовь къ своему государству объяснялась тѣмъ, что государство было не какой-нибудь слишкомъ отдаленной и отвлеченной величиной или только идеей, а чѣмъ то весьма близкимъ, осязательнымъ и реальнымъ для каждаго гражданина. Понятіе государства совпадало съ понятіемъ города не только на словахъ—то и другое называлось «полисъ»,—но и на дѣлѣ, такъ какъ государство и представляло

собой тотъ или иной городъ (напр., Аѳины, Спарта и т. п.) съ близъ лежащими мѣстностями, какъ бы городскими полями, выгонами, пастбищами и т. п. угодыми. Такая малая величина тогдашняго государства дѣлала такъ называемые государственные интересы столь же близкими и доступными сознанию каждаго гражданина, какъ и теперь интересы какогонибудь захолустнаго городка Россіи гораздо доступнѣе и понятнѣе его сѣрымъ обывателямъ, чѣмъ интересы всей страны, кажущіеся имъ отвлеченными и потому мало понятными.

Такое близкое и доступное гражданамъ государство дѣйствительно оказывало имъ массу такихъ услугъ, которые иначе они или не получали бы вовсе, или приходилось бы обезпечивать себѣ за собственный личный счетъ. Выражалось же это въ томъ, что большая часть военной добычи шла или непосредственно въ руки гражданъ, или употреблялась на удовлетвореніе ихъ же потребностей прямо или косвенно, что они хорошо знали и чувствовали. Оттого-то и могло существовать презрѣніе къ мирной хозяйственной дѣятельности, такъ что въ существѣ такого государства было много *хищническихъ* началъ. Чуть не постоянныя войны, сопровождавшіеся грабежомъ побѣжденныхъ, и даже плѣненіемъ и превращеніемъ ихъ въ рабовъ, все это считалось обыкновеннымъ источникомъ государственнаго, а стало быть и народнаго, дохода.

То же, что мы теперь считаемъ нормальнымъ его источникомъ— трудовую или производительную дѣятельность населенія каждой страны,—играло недостаточную роль, т. е. хозяйство не было достаточно развито. И потому не смотря на благопріятныя климатическія и почвенныя условія древняя Греція никогда не могла довольствоваться собственнымъ своимъ хлѣбомъ и добывала его въ видѣ дани съ покоренныхъ странъ и народовъ.

Въ одной изъ своихъ комедій греческій сатирикъ Аристофанъ, устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ, рекомендуетъ такую мѣру: размѣстить всѣхъ аѳинскихъ гражданъ въ видѣ пенсіонеровъ въ покоренные ими города, причемъ на каждый городъ пришлось бы чуть-ли не по 20 только гражданъ, которые тамъ могли бы пользоваться большимъ довольствомъ и даже роскошью, чѣмъ у себя дома, когда приходится такъ много тратить средствъ на перевозку всѣхъ матеріальныхъ благъ изъ этихъ нерѣдко отдаленныхъ городовъ въ Аѳины. Это едва-ли не первый примѣръ признанія недостатковъ такой хищнической системы государственнаго хозяйства.

Другимъ основаніемъ и въ тоже время результатомъ пренебреженія къ хозяйственной дѣятельности было *отсутствіе* строгаго разграниченія между частною и общественною или государственною собственностью. Разъ, что удовлетворяется общественнымъ путемъ много такихъ потребностей, которыя теперь составляютъ удѣлъ

частной предприимчивости, то и не будут развиваться соответственные заботы. Что понятие и осуществление частной собственности явилось въ Греціи сравнительно поздно, это видно и изъ того, что одними изъ самыхъ младшихъ и позднихъ божествъ были *термусы*—боги границъ. Изображенія ихъ, будучи поставлены на границахъ и межахъ, являлись средствомъ охраны соответственныхъ участковъ земли, ибо нельзя было иначе заставить чтить и уважать этотъ новый юридическій институтъ (собственность), какъ отдавъ его подъ защиту божествъ, для этого изобрѣтенныхъ. Отсюда и присоединеніе къ опредѣленію современной частной собственности титула не только неприкосновенной, но еще и «священной», иначе непонятнаго.

Смѣшеніе частной и общественной собственности выражалось и въ обратныхъ явленіяхъ, т. е., что на частныхъ лицъ возлагалось исполненіе такихъ обязанностей или несеніе такихъ расходовъ, которые обыкновенно ложатся на государствѣ. Это выражалось въ существованіи въ Греціи института *литургииковъ*; такъ назывались частныя лица, несшіе на счетъ своихъ средствъ довольно крупныя общественныя расходы, напр. *триерархъ* за свой счетъ долженъ былъ строить военныя трехпалубныя суда (триремы), *гимназіархъ* доставлялъ матеріальныя средства для гимназій—спортивныхъ и образовательныхъ учрежденій того времени; *архитеоръ* давалъ средство на устройство *теорій*, т. е. процессій съ подношеніями жертвъ яко-бы отъ народа различнымъ божествамъ въ извѣстные праздники. Если кто либо изъ частныхъ, обыкновенно богатыхъ, лицъ отказывался отъ исполненія такой должности, то осуществлялось косвенное принужденіе въ слѣдующемъ видѣ: другое частное лицо, менѣе богатое, могло предложить первому взаимный *обмѣнъ имуществъ* по условію, что оно, второе лицо, возьметъ на себя исполненіе этихъ обязанностей.

Наконецъ послѣднимъ условіемъ или причиной невысокаго уровня хозяйства въ Греціи было *рабство*. Трудъ непосредственный, осуществлялся почти исключительно рабами, число которыхъ было весьма велико и во много разъ превышало количество полноправныхъ гражданъ.

Такъ въ Аѣнахъ при наличности 21000 гражданъ число рабовъ достигало по однимъ источникамъ 40000, а по другимъ 400000, въ Коринфѣ рабовъ было до 460000, а въ Эгинѣ 470000 и т. д. ¹⁾.

Всякій подневольный трудъ по своему качеству, а стало быть и по производительности своей, всегда ниже труда свободнаго, такъ какъ рабъ, крѣпостной и т. п. знаютъ, что какъ ни трудись, все равно изъ своего зависимаго состоянія не выйдешь и больше разъ

---

¹⁾ См. *Дж. Ингрѣма*. Исторія рабства отъ древнѣйшихъ до новыхъ временъ. Рус. изд. 1896 г., стр. 22—23. Тоже *Летурно*: Эволюція рабства, изд. 1898 г.

на всегда положеннаго содержанія въ натурѣ ничего не получишь. Работа происходитъ подѣ страхомъ наказанія, а не въ надеждѣ на благопріятные для трудящагося результаты. Въ Греціи рабы, правда, находились въ нѣсколько лучшемъ положеніи, чѣмъ въ Римѣ; съ ними здѣсь легче обращались, смотрѣли на нихъ отчасти какъ на членовъ семьи и не обременяли чрезмѣрной работой, такъ какъ избытковъ изъ производства некуда было бы и сбывать. Но вообще вся хозяйственная система древнихъ грековъ была неразрывно связана съ рабствомъ или на немъ покоилась, такъ что даже наиболѣе выдающіеся ученые и философы того времени не могли себѣ и представить, какъ бы это могло быть иначе.

Аристотель былъ особенно горячимъ защитникомъ рабства и смотрѣлъ на него, какъ на естественное учрежденіе, а не условную историческую форму. Онъ говорилъ, что нельзя-же себѣ представить чтобы полноправные граждане вертѣли сами мельничные жернова, рубили деревья, пасли скотъ, и т. п. и вообще сами непосредственно работали-бы. Откуда-же у нихъ являлся бы тогда досугъ, который они могли бы посвящать на службу государственную или на развитіе своихъ умственныхъ способностей?—Отчасти, конечно, онъ былъ правъ въ томъ, что безъ рабства пожалуй древній міръ не поднялся бы на свою сравнительно высокую ступень культуры. Но онъ былъ безусловно неправъ, считая рабство естественнымъ учрежденіемъ въ смыслѣ его предопредѣленности на всегда, или когда онъ говорилъ что ловля гражданами другихъ лицъ, къ ихъ сословію не принадлежащихъ, и превращеніе ихъ въ рабовъ есть приведеніе этихъ пойманныхъ къ ихъ естественному состоянію, (рабскому), хотя раньше они были свободны гдѣнибудь въ горахъ, лѣсахъ и т. д. Все это свидѣтельствуетъ, что, при всѣхъ крупныхъ своихъ достоинствахъ какъ философъ, Аристотель не обладалъ тѣмъ, что можетъ быть названо исторической перспективой.

Если, не смотря на указанные неблагопріятныя условія для развитія хозяйства въ Греціи, въ ней все таки были создаваемы художественныя произведенія, особенно въ области скульптуры и архитектуры, то они обязаны этимъ труду не рабовъ, а свободныхъ художниковъ, работавшихъ не на продажу и не по заказу частныхъ лицъ, а за счетъ государства и на общую пользу, такъ какъ знаменитыя статуи и зданія были достояніемъ общественнымъ, а не частной собственностью отдѣльныхъ гражданъ. И трудъ такихъ художниковъ поэтому цѣнился и уважался. Производство-же болѣе обыкновенныхъ предметовъ, сосредоточиваясь въ предѣлахъ домашняго хозяйства, тогда тоже достигало совершенства, благодаря довольно широкому техническому раздѣленію труда въ этихъ хозяйствахъ, достигавшихъ иногда крупныхъ размѣровъ, по числу занятыхъ въ нихъ рабовъ.

Вообще греческое, какъ и позднѣе римское, хозяйство не вполне укладывается въ рамки Бюхеровской схемы, такъ какъ оно не мо-

жетъ считаться вполне подходящимъ подъ типъ замкнутаго домашняго, ибо въ Греціи существовалъ и внутренній и внѣшній торговый оборотъ, и довольно развитая денежная система, даже съ попытками замѣны полноцѣнныхъ золотыхъ и серебряныхъ денегъ малоцѣнными — мѣдными, которыя государство пыталось принудительно навязывать своимъ гражданамъ, что было въ Аѳинахъ. Спарта-же и въ этомъ отношеніи оставалась вѣрна себѣ, довольствуясь малоцѣнной тяжелой и громоздкой монетой, чтобы именно деньги не вызывали коммерческихъ сдѣлокъ и вообще горговли. Въ Греціи мы находимъ наконецъ зачатки кредита и даже кредитныхъ учрежденій, каковыми являлись прежде всего греческіе храмы. Въ нихъ сперва отдавали деньги на сохраненіе, такъ какъ только тамъ онѣ были вполне неприкосновенны со стороны государства и лихихъ людей; но жрецы сначала тайно, а потомъ и явно стали давать тѣ-же деньги въ ссуду другимъ лицамъ, зная, что всѣ вклады не будутъ истребованы сразу. Узнавая объ этомъ вкладчики сперва переставали платить за сохраненіе ихъ денегъ, а затѣмъ требовали своей доли прибыли въ операціяхъ производимыхъ жрецами при помощи этихъ вкладовъ. Таковъ былъ прототипъ современныхъ банковъ и ихъ двойственныхъ операцій—по приему вкладовъ и выдачѣ ссудъ.

Достигнувъ въ концѣ своего развитія довольно высокаго хозяйственнаго уровня и болѣе сложныхъ формъ хозяйства, греки не оставили намъ чего нибудь особенно цѣннаго въ области экономической науки, хотя дали ей это наименованіе. Да оно и не могло быть иначе, разъ что хозяйственная дѣятельность считалась дѣломъ для настоящихъ гражданъ не подходящимъ, какъ построенная на частныхъ и личныхъ интересахъ. Кромѣ того почти вся греческая философія,—объединявшая въ себѣ въ то время всѣ науки,—носила въ себѣ весьма ясно выраженный этической характеръ, трудно вяжущійся съ стремленіемъ къ богатству.

Впрочемъ послѣднее понималось большинствомъ греческихъ философовъ совершенно своеобразно. Такъ напр., *Сократъ* опредѣлялъ богатство не абсолютнымъ количествомъ предметовъ, находящихся въ обладаніи какого-либо лица, т. е. не по объективной мѣркѣ, а по чисто субъективной—въ видѣ отношенія между суммой потребностей въ какихъ либо предметахъ и количествомъ послѣднихъ. Это значило слѣдующее: богатъ не тотъ, кто обладаетъ громаднымъ состояніемъ, по потребности котораго все еще не вполне удовлетворены и онъ желаетъ большаго, а тотъ, кто, довольствуясь малымъ, считаетъ себя удовлетвореннымъ имѣющимися у него средствами. Наболѣе грубое и рѣзкое выраженіе той-же мысли заключается въ философскихъ взглядахъ *Диогена* и его школы, считавшихъ что счастливъ и свободенъ можетъ быть только тотъ, у кого потребности доведены до естественнаго минимума, образцомъ чего и являлись бочка и кусокъ чер-

стваго хлѣба, которымъ онъ довольствовался. Ясно, что тогда не могло существовать того взгляда на значеніе потребностей, какъ двигателей въ хозяйствѣ, котораго мы держимся теперь, т. е. не видя ничего дурного въ томъ, что они расширяются и что стремленіе къ ихъ болѣе полному удовлетворенію заставляетъ людей больше и лучше работать и совершенствовать средства производства.

Идея всепоглощающаго государства достигала апогея своего развитія въ философіи *Платона*. Исходя изъ этой идеи, ярко окрашенной этическими началами добра, долга, прекраснаго и великаго, Платонъ попутно удѣлялъ нѣкоторое вниманіе и хозяйству, какъ источнику средствъ для доставленія государству доходовъ; но самостоятельную хозяйственную дѣятельность онъ чуть не презиралъ. А на ряду съ этимъ, сознательно или безсознательно, онъ устанавливалъ совершенно правильно основныя экономическія положенія, вродѣ того, что стимуломъ общежитія вообще и хозяйства въ частности служитъ стремленіе къ удовлетворенію нашихъ потребностей и даже преимущественно матеріальныхъ. Точно также, въ одномъ изъ діалоговъ, онъ очень хорошо разъяснилъ экономическое значеніе раздѣленія труда и занятій въ общественномъ смыслѣ, изъ коего уже должно было вытекать и производство для цѣлей сбыта и обмѣнъ этими продуктами. И все таки хозяйство, основанное на частной собственности имъ не одобрялось, а рекомендовалась общность имущества, отчасти осуществлявшаяся въ Спартѣ, какъ единственное средство искорененія эгоистическихъ инстинктовъ. Хозяйство и торговля въ особенности, по мнѣнію Платона, должно быть строго регулируемо государствомъ, если не ведомо имъ самимъ цѣликомъ.

Уже гораздо большее уваженіе къ труду и хозяйству встрѣчается у *Оукидида*, болѣе всего заслужившаго себѣ признаніе со стороны экономистовъ, какъ перваго творца дѣленія исторіи хозяйства на періоды (см. выше стр. 90).

Практическо-экономическія взгляды и положенія находятся впервые у *Ксенофонта*, автора «*Экономики*», въ которой онъ создаетъ попытки ученія о полезностяхъ (дарахъ природы внѣшнихъ и внутреннихъ), цѣнностяхъ, вліяніи на нихъ спроса и предложенія и др. основныя понятія. Онъ уже прямо осуждаетъ военную добычу въ качествѣ нормальнаго источника государственнаго дохода и рекомендуетъ мирное промышленное развитіе.

Больше всего цѣнныхъ начатковъ нашей науки, какъ впрочемъ и другихъ государственныхъ и общественныхъ, находится у самаго крупнаго философа *Аристотеля*; на его мнѣнія по поводу хозяйства и его видовъ, рабства и другихъ вопросовъ приходилось поэтому уже и ранѣе ссылаться. Его «*Экономика*» включаетъ въ себѣ ученія объ отношеніяхъ хозяевъ къ рабамъ, о брачной и семейной жизни, о родительской и хозяйской власти и наконецъ о хозяйственной дѣятельности вообще, какъ средствѣ поддержанія семейнаго благосостоянія. Но и онъ не доходитъ до признанія за богатствомъ цѣли хозяйственныхъ стремленій, считая его лишь за средство для достиженія высшей нравственной цѣли человѣческаго бытія. Въ ученіи о благахъ и цѣнностяхъ онъ почти что установилъ современныя для нихъ опредѣленія, съ раздѣленіемъ вторыхъ на потребительныя и мѣновныя; у него-же встрѣчаются зачатки ученія о капиталѣ, какъ имуществѣ, создающемъ или приносящемъ доходъ его владѣльцу. Относясь сравнительно болѣе сочувственно къ хозяйственной дѣятельности вообще и признавая, что, трудясь въ интересахъ своего дома или семьи, человѣкъ можетъ поступать и

не безнравственно, — что для грека того времени было уже очень много, — все таки къ крупнымъ богатствамъ Аристотель относился недоувѣрчиво, и наибольшія надежды возлагалъ поэтому на средніе общественные классы, выражая въ этомъ свойственные большинству грековъ демократическіе идеалы и стремленіе къ золотой серединѣ. Въ области экономической политики Аристотель являлся представителемъ такъ называемаго умѣреннаго протекціонизма, не признавая въ то же время деньги за главный источникъ народнаго богатства, какъ это много вѣковъ позднѣе утверждали меркантилисты. Особенно вниманіе онъ удѣлялъ заботамъ о снабженіи страны достаточнымъ количествомъ хлѣба и регулированію его цѣнъ.

Римъ. Поглощеніе личности государствомъ еще болѣе характерно для Рима, чѣмъ для Греціи, такъ какъ въ послѣдней это смягчалось, во первыхъ, болѣе этическими началами, проникавшими собою тамошнюю государственность, а во вторыхъ, мелкими размѣрами отдѣльныхъ государствъ. Римъ же былъ чуть не всемірною имперіей, покоившейся на силѣ римскаго оружія, а потому ему еще въ большей степени присущъ былъ хищнической характеръ народнаго хозяйства. Чуть не со всего тогдашняго міра свозились въ Римъ награбляемыя богатства и дань съ покоренныхъ народовъ, распределявшіяся между римлянами въ видѣ «хлѣба и зрѣлищъ», которыхъ народъ требовалъ отъ правительства. Хищничество было введено въ культъ своего рода; это выражалось, на примѣръ, въ томъ, что въ эпоху, когда божества и здѣсь, какъ въ Греціи, надѣлялись высшими достоинствами и добродѣтелями, былъ выстроенъ храмъ, посвященный главному богу — Юпитеру съ эпитетомъ «Хищника» (*Jovi praedatori*). Понятно, что при такихъ условіяхъ мирное хозяйство не могло процвѣтать и привлекать къ себѣ должное вниманіе правительства и уваженіе гражданъ. Рабскій трудъ преобладалъ и здѣсь, хотя на ряду съ нимъ существовали и свободные ремесленники, объединявшіеся въ коллегіи, отчасти напоминающія собою позднѣйшія средневѣковыя цеховыя корпораціи. Преобладающими формами хозяйства были крупныя домашнія или семейныя, какъ городскія — (*familia urbana*), такъ и сельскія (*f. rusticana*). Во главѣ такихъ семей, — какъ родственныхъ, такъ и хозяйственныхъ единицъ, — стоялъ отецъ семьи (*paterfamilias*), неограниченный властелинъ, распорядившійся не только всѣми работами членовъ семьи и рабовъ, но и жизнью и смертью тѣхъ и другихъ. Положеніе рабовъ въ Римѣ было гораздо тяжелѣе, обращеніе съ нимъ было грубое, часто жестокое, что и вызывало здѣсь крупныя возстанія ихъ, усмирявшіяся силою оружія. Въ крупныхъ семьяхъ или хозяйствахъ примѣнялось довольно широкое техническое раздѣленіе труда, (подобное, на примѣръ, тому, которое позднѣе существовало въ крупныхъ крѣпостныхъ помѣстьяхъ). И тѣмъ не менѣе

производительность такого, особенно рабскаго, труда была невысока, да и не могла быть иной. Это особенно видно изъ слѣдующаго законодательнаго постановленія (lex sapinia): рабовладѣльцамъ разрѣшалось отпускать своихъ рабовъ на волю не въ любомъ количествѣ, а лишь въ извѣстной пропорціи къ общему числу ихъ, такъ напр. одного изъ трехъ, двухъ изъ пяти и т. д. Объясненіе этому можетъ быть только слѣдующее: съ одной стороны, въ этомъ обнаруживалось стремленіе отдѣлаться отъ излишнихъ рабовъ, содержаніе которыхъ обходилось дороже того, что приносилъ ихъ трудъ; а, съ другой стороны, правительство боялось этихъ вольноотпущенниковъ, которымъ некуда было склонить свою голову и примѣнить свой трудъ, ибо кто сталъ бы нанимать свободныхъ лицъ, когда можно было имѣть рабовъ.

Содержаніе рабовъ лежало на обязанности ихъ владѣльцевъ, между тѣмъ какъ свободныхъ, хотя и неполноправныхъ, гражданъ до извѣстной степени обязывалось обеспечивать само государство. Забота о продовольствіи населенія составляла поэтому одну изъ важныхъ отраслей управленія, и довольно трудную, п. ч. для этого необходимо было имѣть большіе запасы хлѣба. Хорошо, если его дѣйствительно хватало въ результатѣ войнъ, грабежей и дани; а если нѣтъ, то приходилось въ этомъ отказываться и вызывать неудовольствіе населенія. Это особенно стало сказываться послѣ того, какъ плебеи все болѣе и болѣе теряли свои земли, сосредоточившіяся въ рукахъ патриціевъ, когда потеряли силу аграрные законы, боровшіеся съ этимъ зломъ. Въ результатѣ—изданіе цѣлаго ряда законовъ, взаимно противорѣчившихъ другъ другу и обусловленныхъ большей или меньшей наличностью продовольственныхъ средствъ въ рукахъ правительства.

Такъ на примѣръ, закономъ Терентія устанавливалась даровая раздача хлѣба; а когда его потомъ стало нехватать, то издается законъ Семпронія, отмѣняющій раздачу хлѣба и устанавливающій таксу на хлѣбъ, т. е. дѣлаются попытки регулировать его цѣну и держать ее на небольшой высотѣ. Въ то-же время привозный хлѣбъ нерѣдко облагается пошлинами въ интересахъ казны, отъ чего цѣна его повышается. Но получается опять откуда нибудь много хлѣба и издается снова законъ (Клавдія) о даровой его раздачѣ.

При Августѣ уже устраиваются хлѣбозапасные магазины; при Тиверіи назначаются преміи за ввозъ хлѣба; Неронъ вообще поощряетъ хлѣбную торговлю, освобождая ее отъ всякихъ пошлинъ; наконецъ при Антонинѣ Піѣ устраиваются порты и гавани для облегченія и развитія торговли.

Забота о народномъ продовольствіи находится въ противорѣчьи съ другой—о возрастаніи населенія ради большаго состава войскъ. Для этой цѣли издаются законы, поощряющіе размноженіе населенія путемъ льготъ для многодѣтныхъ отцовъ семействъ; такъ отецъ извѣстнаго числа дѣтей полу-

чалъ нѣкоторыя льготы или скидки по уплатѣ налоговъ, а имѣющій ихъ еще больше освобождался отъ платежа части своихъ долговъ—частныхъ, т. е. получалъ льготу за счетъ своихъ кредиторовъ. Въ то-же время законодательнымъ путемъ и строгими мѣрами наказанія пытаются бороться съ высокимъ ростовщическимъ процентомъ, но довольно безуспѣшно.

Въ своей завоевательной политикѣ римляне не шли дальше стремленій получать большія контрибуціи или дани; они почти совершенно не вели такъ называемой колоніальной политики, суть которой сводится къ установленію взаимнаго торговаго обмѣна съ колоніями съ большей выгодой для метрополи, И это потому, что римляне вообще не были ни торговой, ни промышленной націей. Они загубили торговлю карфагенянъ, но не замѣнили ее своей; они завели свой флотъ изъ за борьбы съ тѣмъ же Карфагеномъ и отчасти противъ пиратовъ. Но флотъ этотъ имѣлъ только военное значеніе, да и послѣднее небольшое, такъ какъ завоеванія ихъ распространялись почти исключительно сухимъ путемъ. Для этого они проводили замѣчательныя дороги, но опять таки почти исключительно стратегическаго значенія.

Къ войнамъ, какъ главному фокусу всей общественной и государственной жизни, сводилась такимъ образомъ вся политика римлянъ, отчего и должна была страдать экономія или хозяйство. А когда наконецъ и военная мощь начала ослабѣвать вслѣдствіе изнѣженности гражданъ, особенно кучки патриціевъ, утопавшихъ въ роскоши и праздности, то страна эта не выдержала натиска нахлынувшихъ изъ глубинъ Азіи варварскихъ народностей и погибла какъ самостоятельное цѣлое.

Но еще передъ паденіемъ западной римской имперіи, немногочисленные римскіе экономисты, если только стоитъ такъ ихъ называть, а правильнѣе такъ называемые *аграрные писатели*, уже указывали, что страна безъ сколько нибудь рациональнаго хозяйства не можетъ процвѣтать и развиваться. Особенно эти писатели нападали на все болѣе и болѣе развивавшееся въ имперскій періодъ крупное землевладѣніе—*латифундіи*, въ которыхъ хозяйство велось хищническое при помощи сперва рабовъ, а потомъ колонновъ,—этой нѣсколько смягченной формы рабства,—конечно не имѣвшихъ никакого интереса хорошо работать, такъ какъ вся выгода отъ ихъ труда извлекалась собственниками этихъ крупныхъ имѣній. Абсолютно же крупные размѣры имѣній давали и такіе же крупные доходы, не смотря на относительную малую производительность въ нихъ и труда, и самой земли. Аграрные писатели и пустили поэтому сдѣлавшуюся крылатой фразою — «латифундіи погубили Римъ».

Насколько прославились на весь міръ римляне какъ юристы, создавшіе чуть не черезъ чуръ безсмертное римское гражданское право, настолько мало слѣдовъ оставили они въ области экономики и вообще общественной философіи. Большинство римскихъ философовъ и ученыхъ отрицательно относились къ хозяйственной дѣятельности, какъ недостойной полноправныхъ гражданъ, такъ и вообще къ труду, считая его естественнымъ призваніемъ или назначеніемъ рабовъ. Нѣсколько большее уваженіе къ труду встрѣчается у *Цицерона*. Такъ, бичуя современный ему упадокъ нравственности, онъ доходилъ до признанія пользы ремеслъ «какъ средства дать какое нибудь честное занятіе мошенникамъ». Прямымъ уваженіемъ у него пользуется только земледѣліе; торговецъ же, по его мнѣнію, можетъ нажитья только путемъ обмана—продавая вещи дороже, чѣмъ за что они куплены. Особенно онъ нападаетъ поэтому на мелкую торговлю; крупную-же, особенно если бы ею занималось само государство, онъ еще готовъ былъ признать. Относительно значенія денегъ у него былъ правильный взглядъ на то, что одинъ приливъ или ввозъ ихъ въ страну еще не служитъ источникомъ ея богатства. А рядомъ съ этимъ онъ рекомендовалъ ограниченія права вывоза денегъ изъ страны. Съ одной стороны Цицеронъ, какъ поклонникъ земледѣлія, былъ провозвѣстникомъ фізіократовъ, а по денежной политикѣ отчасти—меркантилистомъ.

Прямо за рабовъ и вообще за начала равноправности всѣхъ гражданъ выступалъ пожалуй одинъ только *Сенека*, опровергавшій мнѣніе по сему вопросу Аристотеля и вообще проводившій болѣе гуманные и правильные съ экономической точки зрѣнія взгляды.

III. Средніе вѣка и феодальная система.

Наступившій послѣ паденія Западной римской имперіи средне-вѣковой строй во многихъ отношеніяхъ является шагомъ назадъ въ сравненіи съ древне-классическимъ міромъ. Разрушилось не только крупнѣйшее государство, но и вообще основы *государственности*, въ смыслѣ единства и силы государственной власти, сложной правительственной администраціи и управленія, одинаго войска и другихъ ея элементовъ. Нѣкоторые историки считаютъ, что на смѣну этихъ началъ государственныхъ съ этого-же момента выступаютъ начала личныя, индивидуальныя. Но съ этимъ положеніемъ, да еще въ такой слишкомъ общей формѣ, довольно трудно согласиться. Отдѣльно взятая любая личность въ средніе вѣка не только ничего изъ себя представлять не могла, но даже и являлась чуть-ли не совершенно беззащитной, если не примыкала къ какимъ-либо группамъ общенія, въ родѣ сословныхъ, торговыхъ, ремесленныхъ и т. п. корпорацій или крестьянскихъ общинъ (марокъ въ Германіи). Сильны могли быть только отдѣльные рыцари своими мускулами и доспѣхами по сравненію другъ съ другомъ или съ лицами низшихъ сословій, особенно въ эпоху такъ называемаго «кулачнаго права». Правильнѣе поэтому разматривать средне-вѣковой строй какъ

такой, въ которомъ наиболѣе характерными чертами являются эти начала *группового объединенія однихъ интересовъ и противоположенія ихъ другимъ*. Интересовъ общегосударственныхъ въ духѣ древняго міра уже почти нѣтъ, такъ какъ они замѣняются интересами тѣхъ или иныхъ сословій, гильдій, цеховъ, общинъ и т. п.

На мѣсто единого мощнаго государства выступаетъ цѣлый рядъ мелкихъ, то борющихся между собою, то временно сливающихся между собою, какъ напр. въ имперію Карла Великаго, съ тѣмъ чтобы окончательно вновь распасться, послѣ чего и наступаетъ эпоха или система *феодализма*. Наиболѣе характерными чертами ея съ политической точки зрѣнія могутъ быть признаны слѣдующія: *децентрализація* государственнаго устройства, т. е. исчезновеніе или ослабленіе центральной правительственной власти, функціи которой распредѣляются между сюзеренами или феодальными помѣщиками; а король, если таковой вообще существуетъ, сохраняетъ за собой этотъ почетный титулъ, но остается только первымъ между равными ему по рангу лицами (*primus inter pares*—откуда и англійское наименованіе крупныхъ лордовъ *землевладѣльцевъ пэрами*—на англійскій ладъ произнесенное латинское слово *par*—равный). Сила и могущество такихъ королей обуславливается больше всего количествомъ принадлежащихъ имъ земель съ прикрѣпленными къ нимъ лицами (крѣпостными крестьянами) и размѣрами ихъ боевой дружины, подобно тому, какъ на этомъ-же зиждется могущество и богатство каждаго изъ феодальныхъ сеньоровъ или вотчинныхъ помѣщиковъ. Въ рукахъ послѣднихъ находятся почти всѣ виды и атрибуты королевской власти въ нѣсколько уменьшенномъ лишь масштабѣ, какъ то: военная, судебная, административная, финансовая и экономическая (какъ крѣпостного помѣщика). И потому-то такъ трудно для этой эпохи установить—на какомъ организаціонномъ началѣ—политическомъ или экономическомъ—покоится власть или господство однихъ лицъ или группъ населенія и подчиненность или зависимость отъ нихъ другихъ. Другими словами: потому-ли силенъ феодальный сеньоръ, что онъ обладаетъ сословными правами, преимуществами и привилегіями, или-же потому, что онъ богатъ, обладая обширными землями и многочисленными крѣпостными людьми? Раздѣлить эти моменты или основы властвованія другъ отъ друга представляется затруднительнымъ, если не невозможнымъ.

Второй характерной чертой системы феодализма поэтому и является ея *вотчинный и помѣщичій порядокъ землевладѣнія*, корней котораго надо искать еще въ эпохѣ великаго переселенія народовъ, а именно, въ надѣленіи побѣдоноснымъ предводителемъ войска своихъ сподвижниковъ въ дѣлѣ завоеванія землями и покореннымъ населеніемъ.

Въ нѣкоторыхъ странахъ слѣды такихъ распредѣленій земель были даже запечатлѣны особыми историческими документами, какъ напр. въ такъ называемой «Книгѣ Страшнаго Суда» (Domesdaybook) въ Англіи при покореніи ея Вильгельмомъ Завоевателемъ. Положимъ, тамъ и раньше существовало крупное землевладѣніе у англо-саксовъ, а можетъ быть и еще ранѣе у бриттовъ; но каждый крупный военачальникъ побѣдители замѣняли собою побѣжденныхъ или павшихъ въ бою прежнихъ мѣстныхъ военачальниковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ.

Такое объясненіе находится въ полномъ согласіи съ той болѣе общей теоріей возникновенія государственнаго властвованія проф. Гумпловича, согласно которой въ основѣ этого явленія всегда лежитъ покореніе одного народа или племени другимъ, при чемъ побѣдители и являются этимъ властвующимъ элементомъ, въ расовомъ или этнографическомъ отношеніи всегда различнымъ отъ коренного и покореннаго населенія.

На почвѣ этихъ двухъ основъ феодализма или въ связи съ нимъ развились и другія присущія средневѣковой эпохѣ особенности, изъ коихъ главнѣйшей по своему общественному значенію и является ранѣе уже указанное рѣзкое *разграниченіе сословныхъ и иныхъ групповыхъ интересовъ*, съ одной стороны, и *внутреннее сплоченіе* ихъ между собою, съ другой стороны.

Въ рамкахъ такихъ политическихъ условій велось средневѣковое хозяйство, но почти не развивалось, почему этотъ длинный тысячелѣтній періодъ нерѣдко и считается темной эпохой застоя. Дѣйствительно большинство формъ общественной жизни представляются застывшими, покоящимися на твердо установившихся традиціяхъ, т. е. взглядахъ, вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ, что «какъ что есть, тому такъ и всегда быть суждено». И только въ концѣ средневѣковья начинаетъ мѣняться твердый укладъ этой жизни, котораго не могли расшатать частыя и очень продолжительныя войны этой эпохи, мѣнявшія лишь границы государствъ и царствовавшія династїи и вообще разорявшія населенія. Расшатались же эти устои больше всего подъ вліяніемъ начавшихся измѣненій въ формахъ хозяйства и въ психологіи разныхъ классовъ общества, въ смыслѣ обостренія антагонизма интересовъ съ одной стороны и ослабленія духа общности или солидарности съ другой. Разсмотримъ же теперь проявленіе этихъ общихъ всему средневѣковью характерныхъ чертъ въ главнѣйшихъ отрасляхъ хозяйства въ отдѣльности.

Область сельскаго хозяйства пребывала почти совершенно неизмѣнной не только въ теченіе всего средневѣковья, но въ типичныхъ своихъ чертахъ оставалась таковой же въ теченіе еще многихъ слѣдующихъ столѣтій, на континентѣ Европы примѣрно до конца XVIII вѣка или даже до начала XIX. Устойчивость эта выражалась въ томъ, что хозяйство это носило форму натурального или замкнутаго въ предѣлахъ феода, т. е. крупныхъ помѣщичьихъ

хозяйствъ. Трудъ здѣсь преобладалъ крѣпостной, хотя сложился онъ въ такую форму не сразу, а съ наступленія этой эпохи. Путь такого его преобразования мы сейчасъ прежде всего и прослѣдимъ.

Главнымъ образомъ попадало непосредственно въ крѣпостную зависимость коренное туземное населеніе, когда та или другая мѣстность покорялась силою оружія, т. е. тѣмъ же путемъ, какъ было только что объяснено происхожденіе крупной земельной собственности. Коренные жители такимъ образомъ сразу лишались своихъ правъ на землю и, не имѣя возможности куда либо кромѣ земледѣлія приложить свой трудъ, дѣлались крѣпостными крестьянами.

Другой путь заключался въ слѣдующемъ: сохранявшія нѣкоторое время свои земли и свою самостоятельность отдѣльныя лица и группы населенія болѣе или менѣе добровольно переходили въ состояніе зависимости отъ сильныхъ и знатныхъ рыцарей—помѣщиковъ, ища у послѣднихъ защиты своихъ правъ и интересовъ, не обеспеченныхъ тогдашнимъ правовымъ строемъ, т. е. когда сила вообще грубо господствовала надъ правомъ.

Въ роли такихъ защитниковъ и покровителей, на ряду съ рыцарями, выступали также *церкви и монастыри*, т. е. духовныя лица и ихъ корпораціи, входившія въ составъ высшихъ привилегированныхъ сословій. Эта-то, вначалѣ добровольная, подчиненность постепенно и переходила въ обязательную, по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе забывался первоначальный ея источникъ, особенно лицами уже родившимися въ этихъ условіяхъ, которые уже не могли помнить прежняго независимаго состоянія ихъ родителей или предковъ. У нихъ слагалась и соотвѣтствующая психологія, въ особенности по отношенію къ ихъ правамъ, личнымъ и земельнымъ. Но нѣкоторыя слѣды первоначальнаго положенія все таки сохранялись иногда очень долго. Такъ не только въ Западной Европѣ, но и у насъ въ Россіи, гдѣ во всей чистотѣ своей не было феодализма, при наличности несомнѣннаго крѣпостнаго права въ смыслѣ зависимости личной, крестьяне думали и говорили: «мы ваши, но земля наша», ибо таковою она была когда-то, и объ этомъ изъ поколѣнія въ поколеніе переходило воспоминаніе, играющее роль соотвѣтственнаго психологическаго фактора.

Такъ или иначе сдѣлавшись крѣпостными, крестьяне несли въ пользу помѣщиковъ самыя разнообразныя натуральныя повинности, изъ коихъ главнѣйшею была чисто земледѣльческая—по обработкѣ земли. Различіе между крѣпостными и прежними рабами заключалось въ нѣсколько болѣе смягченной личной зависимости, во пер-

выхъ, и, во вторыхъ, въ томъ, что заботы о содержаніи ихъ, прежде всецѣло лежавшія на рабовладѣльцахъ, теперь переложены были на самихъ крестьянъ. Для этой цѣли имъ предоставлялось въ пользованіе соотвѣтственное количество земли, которую они обрабатывали въ свою пользу, т. е. должны были сами прокармливать себя. А такъ какъ это не поглощало всего ихъ рабочаго времени, то остальное они должны были работать на своихъ помѣщиковъ, т. е. отбывать «барщину» на другихъ, чисто господскихъ, земляхъ, по большей части перемежавшихся съ отведенными для крестьянъ. (Отсюда и образованіе такъ называемой «черезполосицы», когда впослѣдствіи, какъ въ особенности у насъ въ Россіи, крестьяне получали при ихъ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости бывшія у нихъ въ пользованіи земли въ собственность).

Часть крестьянъ, жившихъ непосредственно въ помѣщичьихъ усадьбахъ и называвшихся *дворовыми*, земледѣлемъ или вовсе не занимались, или на ряду съ другими домашними промыслами, представляя собою разнообразныя профессіи, соотвѣтственныя городскимъ ремесламъ, а также и многочисленный штатъ домашней прислуги.

Въ помѣстьяхъ примѣнялась такимъ образомъ довольно широко развитая система техническаго раздѣленія труда.

Избытокъ продуктовъ производства надъ средствами пропитанія и потребленія крестьянъ въ громадномъ своемъ большинствѣ потреблялся на мѣстѣ въ тѣхъ же крупныхъ помѣстьяхъ, давая возможность помѣщикамъ широко удовлетворять не только свои личныя и семейныя потребности, но и широко развивать хлѣбосоольство и гостепріимство. Для послѣдней цѣли совершались даже иногда перѣзды изъ одного имѣнія въ другія съ приглашеніемъ туда многочисленныхъ гостей на пиры, охоты и т. п. И только остававшіеся сверхъ того избытки хлѣба и другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ сбывались на сторону, служа средствомъ для приобрѣтенія такихъ предметовъ, преимущественно роскоши, которые не производились въ собственномъ хозяйствѣ. На монастырскихъ и церковныхъ земляхъ значительная часть богатствъ получала совершенное особое назначеніе, именно—служа источникомъ широкой благотворительности, долго поэтому носившей характеръ исключительно духовной. И лишь послѣ потери со временъ реформаціи монастырями ихъ прежнихъ богатствъ, благотворительность переходитъ въ свѣтское дѣло—общественное призрѣніе.

Если пользованіе своей помѣщичьей властью не переходило въ злоупотребленія личнаго характера или въ обремененіе крестьянъ чрезмѣрными работами, то такъ и слагался своего рода патріар-

хальный характеръ отношеній между помѣщиками и крестьянами, покоившійся на соотвѣтственныхъ вѣкахъ установившихся традиціяхъ. Въ противныхъ случаяхъ возникали продолжительныя и кровопролитныя возстанія крестьянъ и даже настоящія крестьянскія войны.

Съ небольшими измѣненіями все выше сказанное можетъ относиться къ характеристикѣ соотвѣтственныхъ явленій и у насъ въ Россіи, съ той разницей, что появленіе у насъ настоящаго крѣпостного права относилось къ гораздо болѣе позднему періоду, а именно къ концу XVI вѣка, т. е. общепризнанному новому періоду исторіи, и оно не связано было съ этнографическимъ различіемъ въ составѣ населенія. Но о русскихъ земельных вопросахъ, какъ и другихъ вообще, будетъ говоритья особо въ своихъ мѣстахъ.

Одной изъ неуказанныхъ еще причинъ такого создававшегося сельскаго строя жизни было стремленіе освободиться отъ тяжело ложившейся на нисшее населеніе личной воинской и связанныхъ съ военнымъ дѣломъ другихъ повинностей. Таковыя принимаются на себя феодалнымъ рыцарствомъ, замѣняясь для крестьянъ указаннымъ уже подчиненіемъ ихъ помѣщичьей власти на ряду съ отказомъ отъ собственности на принадлежавшія имъ земли.

Не вездѣ однако и не въ одно и то-же время возникало такое крупное землевладѣніе дворянъ и духовныхъ лицъ или корпорацій. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, особенно въ западной и юго-западной, а также въ Швейцаріи, Нидерландахъ и даже частью во Франціи, не говоря о Скандинавскихъ странахъ, издавна существовало и сохранилось до настоящаго времени болѣе или менѣе самостоятельное *крестьянское землевладѣніе*. Одно изъ объясненій происхожденія его опять таки этнографическое, а именно: оно возникло тамъ, гдѣ пришельцы-побѣдители совершенно избивали или изгоняли мѣстное коренное населеніе и сами переходили изъ кочевниковъ въ осѣдлыхъ земледѣльцевъ. Тогда строй жизни, за неимѣніемъ побѣдителей и побѣжденныхъ, основывался на началахъ равенства или болѣе демократическихъ вообще. Земля считалась собственностью или достояніемъ всей группы такихъ поселенцевъ-земледѣльцевъ, и только на различныхъ основаніяхъ она распределялась въ пользованіе между ними.

Отсюда вытекала двоякая форма крестьянскаго землевладѣнія: *общинная* и *подворная*. Первая,—являющаяся типичною для большинства крестьянъ въ Россіи,—вылилась въ свое время въ Германіи въ форму деревенской общины, называвшейся тамъ прежде *маркой*. Подъ этимъ названіемъ скрывалось однако общеніе интересовъ гораздо болѣе широкое, чѣмъ общая земельная собственность или пользованіе землей. Марка,—какъ впрочемъ и наше русское сельское

общество или волость,—была скорѣе административно-хозяйственной единицей самоуправленія, а при началахъ средневѣковой общественной жизни—замкнутой мѣстной и сословной группой, сообща отстаивавшей свои интересы. И поскольку это членамъ марки въ дѣйствительности удавалось, они сохраняли долѣе свою самостоятельность; иначе же они дѣлались жертвами вышеуказаннаго процесса превращенія въ крѣпостное населеніе.

Пользованіе землею, какъ уже сказано, устанавливалось или сразу двоякое: общинное въ однихъ случаяхъ и подворное въ другихъ, или же послѣднее являлось результатомъ дальнѣйшаго преобразования, т. е. распаденія земельной общины на подворное участковое. При общинномъ владѣніи земли,—какъ и въ русской современной общинѣ,—дѣлились на три разряда: 1) *усадебныя* или дворовыя и огородныя земли, находившіяся въ частномъ наследственномъ пользованіи отдѣльныхъ семей, 2) *полевыя*, поступавшія во временное пользованіе семей отъ одного земельного передѣла до другого,—это главнымъ образомъ пахотныя или посѣвныя земли и отчасти покосы, и 3) *выгоны*, пастбища и лѣсныя угодья, находившіяся въ настоящемъ общемъ пользованіи. Периодичность передѣловъ вызывала обязательно однообразный сѣвооборотъ. Вліяніе общинныхъ властей сказывалось всего болѣе по отношенію ко второй и третьей категоріямъ земель.

Но и при подворномъ владѣніи полевыми землями или надѣлами, практиковалась совмѣстная пастьба скота и если не прямо, то косвенно осуществлялся принудительный сѣвооборотъ, т. е. однообразные способы обработки полей. И вообще всѣ такія марки или общины представляли собою довольно чистый типъ замкнутаго мѣстно-территоріальнаго и натурального хозяйства, такъ какъ и здѣсь все производилось и потреблялось на мѣстѣ, за исключеніемъ излишковъ производства, которые, тоже по большей частью сообща, употреблялись для приобрѣтенія продуктовъ, внутри этого хозяйства не производившихся. Если изъ числа членовъ марки выдѣлялись нѣкоторые специалисты, въ родѣ мѣстнаго кузнеца, столяра или учителя, то и служба или работа послѣднихъ являлась скорѣе общественной, чѣмъ частной, какъ и большинство операций, по такъ сказать внѣшней, съ точки зрѣнія данной марки, торговлѣ или сбыту ея произведеній.

Слѣдовъ такихъ общинъ въ Зап. Европѣ почти совсѣмъ не сохранилось, за исключеніемъ отчасти швейцарскихъ альмендовъ; въ послѣдующее время мелкое крестьянское землевладѣніе перешло къ полной частной собственности, но иногда и до сихъ поръ еще череполосной.

Обработывающая промышленность и торговля, какъ самостоятельные промыслы или занятія, въ средніе вѣка получили свое развитіе почти исключительно въ *городахъ*, съ судьбами которыхъ такъ тѣсно поэтому было связано, положеніе ихъ представителей—ремесленниковъ и торговцевъ. Приходится поэтому почти совершенно

одновременно говорить о томъ и о другомъ въ ихъ обоюдномъ взаимодействіи.

Возникновеніе городовъ, главнымъ образомъ средней Европы, которая стала дѣлаться центромъ культурной и хозяйственной жизни послѣ паденія западной римской имперіи, — находитъ себѣ много-различное объясненіе у историковъ. Тутъ на одномъ изъ первыхъ мѣстъ стояла необходимость въ укрѣпленныхъ въ военномъ отношеніи центрахъ, вызывавшаяся длительными войнами между различными народностями или просто набѣгами однихъ племенъ на другія. Такимъ путемъ возникали города—крѣпости, что выражалось въ окончаніи ихъ названія *burg* у нѣмцевъ (напр. Страсбургъ и т. п.), *borow* или *chester* у англичанъ (Эдинбургъ, Лейчестеръ). Съ другой стороны, города преобразовывались изъ крупныхъ усадебъ помѣщиковъ или изъ деревень, когда увеличивалось число жителей тѣхъ и другихъ и они не могли уже прокармливать себя однимъ земледѣліемъ и домашнимъ производствомъ другихъ продуктовъ, особенно, когда поля подвергались постоянной опасности быть разграбленными или растоптанными при вражескихъ нашествіяхъ. Отсюда происхожденіе и русскаго слова городъ—отъ огороженного или защищеннаго оградой мѣста жительства или убѣжища. Отпоръ врагамъ внѣшнимъ, а иногда и ближайшимъ—внутреннимъ, въ видѣ разбойничавшихъ рыцарей,—обеспечивался не только этими механическими сооруженіями—тыномъ, изгородью, рвами и валами,—но и *духомъ солидарности интересовъ*, который долженъ былъ поэтому развиваться въ средѣ городскихъ жителей. Они образовывали изъ себя поголовное, хотя и временное, войско — *милицію*, съ оружіемъ въ рукахъ выступая на защиту своей жизни и интересовъ. Отсюда-же вытекало и развитіе того корпоративнаго строя городского населенія, которое тутъ было еще необходимѣе, чѣмъ въ сельскихъ округахъ. (Въ послѣднихъ военное дѣло сосредоточивалось главнымъ образомъ въ рукахъ рыцарей-помѣщиковъ, стоявшихъ во главѣ собственныхъ дружинъ).

Дружины эти могли служить средствомъ защиты только такихъ городовъ, каторые возникали по инициативѣ крупныхъ помѣщиковъ, начинавшихъ извлекать выгоды изъ этихъ новыхъ городскихъ поселеній путемъ обложенія торговцевъ и ремесленниковъ особыми сборами въ свою пользу, ради этого привлекая ихъ туда другими льготами и обѣщаніями защиты. Но въ большинствѣ обыкновенныхъ городовъ, особенно такъ называемыхъ вольныхъ или свободныхъ, приходилось рассчитывать только на собственные средства защиты, что и порождало, какъ уже сказано, свойственный всякимъ корпораціямъ духъ солидарности интересовъ. Такими то корпора-

тивными учреждениями и являлись *торговья гильдии* и *ремесленные цехи*, преслѣдовавшіе прежде всего свои групповые или сословные, стало быть общіе, интересы на первомъ планѣ и потому не допускавшіе развитія въ средѣ членовъ ихъ взаимнаго соперничества или конкуренціи. Боязнь послѣдней здѣсь не могла идти такъ далеко, какъ, на примѣръ, въ древнихъ греческихъ государствахъ, гдѣ считалось не допустимымъ для полноправныхъ гражданъ даже вообще всякое хозяйственное занятіе, ибо бремя труда могло быть взвалено на рабовъ. Городскимъ же жителямъ средневѣковья приходилось рассчитывать только на свои собственные силы и средства существованія, источникомъ которыхъ только и могли быть торговля или ремесла.

Торговая дѣятельность для однихъ и ремесленный трудъ для другихъ являлись вмѣстѣ съ тѣмъ средствомъ обезпеченія независимаго положенія или свободы, къ которой стремились лица, не желавшія быть въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, подобно большинству крестьянъ. Часть послѣднихъ бѣжала поэтому именно въ города, которые по этимъ историческимъ условіямъ и становились центрами этой свободы. Сложилась въ то время даже и поговорка: «городской воздухъ дѣлаетъ свободнымъ», соотвѣтствовавшая тому, что зависимыя лица, на примѣръ, крѣпостные крестьяне, убѣжавшіе въ городъ и прожившіе тамъ нѣкоторый срокъ давности, на примѣръ 101 день, дѣлались свободными, какъ бы надышавшись этимъ воздухомъ.

Заняться-же тѣмъ или другимъ ремесломъ могъ всякій, кто желалъ этому дѣлу подучиться, такъ какъ орудія производства были ручныя, стало быть очень несложныя и потому не дорого стоящія или общедоступныя, не то что какія-нибудь фабричныя машины. То-же самое относилось и къ мелкой торговлѣ, каковая долгое время только и развивалась въ средневѣковыхъ городахъ, въ противоположность болѣе крупной внѣшней или международной, развившейся главнымъ образомъ значительно позднѣе, а именно съ эпохи крестовыхъ походовъ и послѣ открытія морского пути въ Остъ-Индію и Америку.

Таковы были тѣ общія историческія и социальныя условія, при которыхъ или благодаря которымъ слагались формы жизни и дѣятельности средневѣковыхъ ремесленниковъ и купцовъ и вообще горожанъ. Совокупность этихъ условій и создала почву для той общей исторической роли, которую въ Зап. Европѣ играли, и отчасти и теперь еще играютъ, города, какъ средоточія не только торговли и промышленности, но и культуры вообще. Нельзя только обобщить эту мысль вообще и распространить ее, на примѣръ, на Россію, въ

которой города не играли этой значительной и обособленной роли ни въ хозяйственномъ, ни въ культурно-историческомъ отношеніи. Большинство нашихъ небольшихъ городовъ мало чѣмъ и теперь отличается отъ крупныхъ селъ; они не служили мѣстомъ развитія ремеслъ и мануфактуръ и вообще обрабатывающей промышленности; отчасти-же были только средоточіемъ торговли. Въ связи съ этимъ и находилось долгое почти исключительное преобладаніе въ Россіи только одного *торговаго* капитала. Это конечно условія не одни только экономическія, а потому о нихъ и не говорилось въ предыдущемъ чисто экономическомъ историческомъ очеркѣ, въ которомъ искусственно изолировались хозяйственныя явленія отъ остальныхъ общественныхъ. Оттого-то тамъ явленія эти и не могли найти себѣ полнаго и всесторонняго освѣщенія и объясненія, которое дается этимъ явленіямъ сейчасъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Ремесленныя предпріятія, какъ извѣстно, были мелкими мастерскими, работавшими или исключительно на отдѣльныхъ заказчиковъ или на опредѣленный и ограниченный мѣстный рынокъ. Во главѣ ихъ стоялъ самый опытный и искусный работникъ — хозяинъ или мастеръ, имѣвшій у себя небольшое число полуобученныхъ рабочихъ, называвшихся *подмастерьями*, и малолѣтнихъ *учениковъ*. По выдержаніи подмастерьемъ испытанія въ знаніи своего ремесла, онъ получалъ право сдѣлаться мастеромъ и, до послѣдняго періода среднихъ вѣковъ, дѣйствительно свободно таковымъ дѣлался, т. е. открывалъ свою мастерскую. Такимъ же путемъ ученикъ дѣлался подмастерьемъ, послѣ періода выучки и по достиженіи извѣстнаго возраста. Состояніе подмастерья и ученика было, слѣдовательно, лишь временнымъ; поэтому между ними и хозяевама-мастерами существовали обыкновенно отношенія характера семейно-патріархальнаго и не могло быть того антагонизма соціальныхъ интересовъ, который сдѣлался естественнымъ съ переходомъ впослѣдствіи къ капиталистическому строю промышленности. Но и задолго до наступленія послѣдняго, такъ примѣрно въ концѣ среднихъ вѣковъ, взаимоотношенія эти измѣняются къ худшему по причинамъ указываемымъ далѣе особо.

Пока-же держался этотъ первоначальный строй, онъ являлся довольно гармоничнымъ по своимъ внутреннимъ основамъ и, согласно его основнымъ цѣлямъ и задачамъ обезпечивался слѣдующими мѣрами со стороны цехового управленія: цехи, какъ сословно-корпоративныя учрежденія, прежде всего стремились къ поддержанію своего достоинства или добраго имени, а потому смотрѣли на свои занятія, какъ на извѣстнаго рода службу общественную, а не только какъ на источникъ средствъ существованія. Это выражалось въ томъ, что они слѣдили за доброкачествомъ работы или издѣлій своихъ сочленовъ, строго наказывая ихъ при помощи своихъ ремеслен-

ныхъ судовъ за обманы, мошенничества и т. п. Многія операціи ремесленниковъ совершались какъ бы сообща, въ особенности такія, которыя были не подъ силу для отдѣльныхъ лицъ, на примѣръ, въ дѣлѣ пользованія какими нибудь болѣе сложными орудіями или условіями производства, въ дѣлѣ обезпеченія болѣе дешеваго сырого матеріала путемъ оптовой закупки его; иногда сообща принимались нѣкоторыя крупныя заказы, въ особенности въ области строительнаго дѣла, при постройкѣ общественныхъ зданій и т. п. работахъ. И потому, хотя въ сущности хозяйства отдѣльныхъ мастеровъ были частными и раздѣльными, но въ указанныхъ случаяхъ проявлялись моменты дѣятельности подобныя тѣмъ, которые характерны для современныхъ кооперативныхъ учрежденій.

Съ другой стороны, исходя изъ сознанія необходимости поддерживать солидарность интересовъ членовъ одного и того-же цеха и даже всего ремесленнаго сословія, считалось необходимымъ не допускать развитія конкуренціи между членами цеховыхъ корпорацій. Это выражалось въ ограниченіи размѣровъ ремесленныхъ мастерскихъ, запрещеніемъ одному хозяину держать больше опредѣленнаго количества подмастерьевъ и учениковъ и регулированіемъ взаимнаго отношенія числа тѣхъ и другихъ. Къ числу мѣръ такого-же характера относилось прямое или косвенное преслѣдованіе различныхъ новшествъ и улучшеній въ способахъ производства, которыя могли бы приводить къ сокращенію труда и къ пониженію цѣнъ издѣлій. Последнія-же, т. е. цѣны, тоже въ большинствѣ случаевъ искусственно регулировались, т. е. назначались заранѣе въ опредѣленныхъ размѣрахъ въ видѣ различныхъ таксъ, тарифовъ и т. п. Дѣломъ этимъ занимались какъ сами цеховыя или ремесленныя управы, такъ и органы городского управленія; при чемъ цѣли бывали иногда совершенно противоположными другъ другу, такъ какъ первыя заботились о поддержаніи болѣе или менѣе высокихъ цѣнъ, а вторыя стремились къ ихъ пониженію въ интересахъ городскихъ жителей, какъ потребителей. Особенно часто послѣдняго рода мѣры примѣнялись по отношенію къ предметамъ первой необходимости и жизненнымъ припасамъ, какъ-то хлѣбъ, мясо, соль и т. п.

Приведенные примѣры цеховой регламентаціи ясно показываютъ существенное отличіе этого строя промышленности отъ современнаго, въ основѣ котораго лежатъ начала совершенно противоположныя, въ видѣ стремленій къ расширенію размѣровъ предпріятій, къ улучшенію способовъ производства ради удешевленія его продуктовъ и къ свободной конкуренціи между производителями и продавцами однородныхъ товаровъ. Между тѣмъ эта цеховая организація носила явно монопольный характеръ, такъ какъ заниматься извѣстнымъ ремесломъ могли только лица, входяція въ составъ цеховыхъ корпорацій. Посему велась постоянная борьба съ такъ называемыми *Störer*'ами, т. е. нарушителями этихъ порядковъ, въ видѣ постороннихъ лицъ или деревенскихъ кустарей, стремившихся сбывать свои аналогичныя произведенія на городскихъ рынкахъ.

Торговля на рынкахъ, какъ впрочемъ иногда и вообще, въ то время тоже регламентировалась. Такъ, не говоря уже объ установлении опредѣленныхъ цѣнъ на различные товары, стремились къ сосредоточенію ея въ опредѣленныхъ мѣстахъ—городскихъ рынкахъ и ярмаркахъ и къ продажѣ въ установленные часы, ради осуществленія болѣе дѣйствительнаго надзора. Запрещалось также отдѣльнымъ лицамъ скупать въ свои руки большія партіи товаровъ, особенно жизненныхъ припасовъ, привозимыхъ на рынки изъ окрестныхъ деревень. Все это, конечно, было понятно и возможно въ то время, когда размѣры производства и торговыхъ оборотовъ были незначительными и предопредѣлялись рамкою такого замкнутого територіальнаго хозяйства—города съ близъ лежащими сельскими мѣстностями. Этимъ-же объясняется и распространенность въ то время ярмарочной торговли, т. е. производимой, согласно буквальному смыслу этого слова, на «годовыхъ рынкахъ и торжищахъ», такъ какъ у преобладавшаго громаднаго большинства населенія того времени—земледѣльческаго—былъ только одинъ оборотъ въ годъ въ ихъ хозяйствѣ, связанный съ посѣвомъ и уборкой жатвы. Слѣдовательно и покупныя средства получались и могли расходоваться тоже разъ въ годъ, когда и запасались на годъ-же чуть не всѣми предметами, не производившимися въ собственномъ хозяйствѣ.

При такихъ условіяхъ обмѣнъ продуктами производился преимущественно непосредственный, а потому и не было мѣста для самостоятельной роли торговцевъ. Посредниками между сторонами нерѣдко служили особо для того назначаемыя отъ городского управленія лица—маклеры, при помощи которыхъ и совершались сдѣлки купли-продажи. Самостоятельную-же роль торговцы и ихъ союзы и гильдіи начинаютъ играть лишь въ концѣ средневѣковья въ связи съ тѣми общими измѣненіями во всемъ строѣ жизни и хозяйства, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и переходимъ.

IV. Переходъ къ новому времени.

Главнѣйшими внѣшними толчками или причинами разложенія и измѣненія средневѣкового строя были такія крупныя, можно сказать міровыя, событія, какъ крестовыя походы, открытіе морского пути въ Остъ-Индіи и открытіе Америки. Разсмотримъ вліяніе каждой изъ этихъ причинъ въ отдѣльности.

Крестовыя походы прежде всего вообще всколыхнули совершенно застывшую или застоявшуюся жизнь средневѣковья, какъ культурную или духовную, такъ и хозяйственную. Большая часть населенія, прежде или совсѣмъ не двигавшаяся съ мѣста своей осѣдлости,

если не прямо прикрѣпленная, какъ крѣпостные люди, или ограничивавшаяся хожденіемъ и поѣздками изъ помѣстій и деревень въ ближайшіе къ нимъ города, теперь почти вдругъ вовлечена была въ продолжительныя и отдаленныя странствованія и походы. Положеніе крестоносца-воина, хотя бы и самага рядового, все таки было выше, чѣмъ крѣпостного крестьянина, всецѣло зависѣвшаго отъ своего помѣщика. Власть послѣднихъ, или вѣрнѣе основы ихъ властвованія, переставали теперь казаться столь-же непоколебимыми, какъ это представлялось раньше по чисто крѣпостнической психологіи. Вообще во время этихъ отдаленныхъ странствованій люди знакомились съ совершенно иными условіями жизни другихъ странъ и народовъ; а потому традиціонное: «такъ всегда было и такъ будетъ впредь» теряло свою устойчивость и порождало сомнѣнія въ непоколебимости прежнихъ основъ жизни и строя общества. Затѣмъ, въ связи съ передвиженіями массъ людей, стали перемѣщаться изъ однихъ рукъ въ другія земли и другіе виды богатства. Такъ земли не рѣдко закладывались помѣщиками-рыцарями духовнымъ корпораціямъ, чтобы получить необходимыя для крестовыхъ походовъ деньги и другія средства. А затѣмъ многіе изъ рыцарей или со всѣмъ погибали въ битвахъ и на чужбинѣ, или возвращались безъ всякой военной добычи, такъ что имъ нечѣмъ было выкупать земли, заложенные церквамъ и монастырямъ. Послѣдніе поэтому богатѣли, въ то время какъ первыя бѣднѣли или разорялись. А власть духовныхъ корпорацій была мягче, чѣмъ помѣщичья, да и самыя приемы веденія хозяйства были у нихъ болѣе совершенными. Кромѣ того, знакомство съ инымъ образомъ жизни, болѣе утонченнымъ во многихъ восточныхъ странахъ, вызывало и у среднеевропейцевъ появленіе новыхъ потребностей въ неизвѣстныхъ дотоѣ товарахъ, особенно предметахъ роскоши, торговля которыми и стала вызывать болѣе живыя и непрерывныя сношенія между Европой и Азіей. Еще болѣе тому-же содѣйствовало открытіе если не болѣе близкаго, то гораздо болѣе легкаго и дешеваго *морского пути въ Остъ-Индію*, замѣнившаго тяжелую исключительно сухопутную караванную торговлю черезъ Аравію и Персію и частью рѣчную и морскую черезъ Египетъ.

Наконецъ, *открытіе Америки* не только вовлекло въ міровой торговый оборотъ новую обширную и богатую страну, но и, — что было еще важнѣе по своимъ послѣдствіямъ, — обогатило Европу сразу огромнымъ количествомъ драгоцѣнныхъ металловъ или что почти то-же самое—денегъ. Избытокъ послѣднихъ произвелъ своего рода *революцію въ цѣнахъ на товары*, значительно повысивъ ихъ и въ то-же время настолько-же понизивъ цѣну самихъ денегъ. Ко-

нечно колебанія въ цѣнахъ касались не въ одинаковой степени всѣхъ товаровъ сразу, такъ какъ одни повышались быстрѣе, — какъ напримѣръ, всякое сырье вообще и хлѣбъ въ особенности, а другіе, какъ обработанные товары, медленнѣе, а всего меньше повышалась плата за трудъ. Вотъ эти-то различныя комбинаціи и соотношенія цѣнъ товаровъ, съ одной стороны, и денегъ, съ другой, и вызывали крупныя перемѣны въ строѣ хозяйства, порождая новыя отрасли его и измѣняя характеръ взаимоотношеній между различными общественными группами и классами. Къ этому времени относится быстрое образованіе новыхъ крупныхъ состояній, не только благодаря денежнымъ операціямъ разнаго рода, но также при помощи крупныхъ колониальныхъ предпріятій. Тамъ, въ Новомъ Свѣтѣ, легко приобрѣтались большія пространства земли и эксплуатація ихъ была очень выгодна, особенно при помощи невольничьяго труда, тамъ быстро распространившася.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ измѣняться и весь феодальный строй, замѣняясь усиливавшейся властью центрального правительства. Короли, борясь съ правами и привилегіями феодальной аристократіи, стали искать и находить новыя точки опоры для своей власти въ городахъ, т. е. въ торговыхъ и ремесленныхъ сословіяхъ. Последнія-же, помня притѣсненія со стороны своихъ ближайшихъ мѣстныхъ властителей, поддерживали королей, какъ власть, съ одной стороны, болѣе отдаленную и потому менѣе чувствительную, а, съ другой стороны, гарантировавшую имъ большее единообразіе правовыхъ условій ихъ дѣятельности, чѣмъ тѣ, которыя устанавливались тогда, когда не даромъ слагалась поговорка: «у всякаго барона своя фантазія».

Помощь городовъ королямъ выражалась главнымъ образомъ въ деньгахъ, которыя сосредоточивались преимущественно въ рукахъ городскихъ сословій. А за это города получали разныя новыя льготы и права. Впрочемъ все это продолжалось лишь до достиженія королевской властью апогея своего развитія, въ формѣ абсолютныхъ монархій; послѣ чего короли оплачиваютъ черной неблагодарностью своимъ бывшимъ союзникамъ и начинаютъ налагать на нихъ свою твердую руку, строго регламентируя промышленность и торговлю.

Однимъ изъ первыхъ и наиболѣе крупныхъ примѣровъ такой регламентаціи можетъ служить изданная во Франціи въ 1260 г. при королѣ Людовикѣ IX (Святомъ) знаменитымъ его прево Этьенномъ Буало *книга ремеселъ* или ремесленный статутъ (*le livre de metiers*). Это въ сущности былъ подробный реестръ различныхъ ремеселъ, которыми дозволялось заниматься; новшество же заключалось въ томъ, что тутъ проводился принципъ гораздо дальше идущаго начала раздѣленія труда, а именно: прежніе цехи объединяли въ себѣ болѣе крупныя отрасли производствъ, чѣмъ по этому

статуту, который разбивалъ чуть не каждый крупный цехъ на нѣсколько отдѣльныхъ мелкихъ, какъ на примѣръ: прежніе производители холоднаго оружія или ножевики могли выдѣлывать свои издѣлія цѣликомъ; теперь же одни изъ нихъ получали право выдѣлывать только клинки или лезвія, другіе же только рукоятки или черенки, такъ что одинъ и тотъ же продуктъ долженъ былъ проходить черезъ мастерскія разныхъ лицъ. Въшнимъ предлогомъ такой мѣры являлась забота о преуспѣяніи ремесла введеніемъ такой спеціализаціи занятій; въ дѣйствительности же ихъ тайнымъ мотивомъ было стремленіе вселить раздоры въ цѣльное и солидарное по своимъ интересамъ ремесленное сословіе, разбивая его на мелкія враждующія между собою группы. И эта послѣдняя цѣль была въ значительной степени достигнута, такъ какъ большинство ремесленниковъ было недовольно запрещеніемъ производить по прежнему извѣстныя издѣлія отъ начала до конца; началось тайное производство у однихъ и жалобы и доносы на это со стороны другихъ. Все это и привело къ ослабленію цѣльнаго и сильнаго ремесленнаго сословія и къ разложенію основъ бывшаго внутри его единства интересовъ.

Къ началу XIV вѣка въ однихъ странахъ и къ болѣе позднему періоду (къ концу XV в.) въ другихъ относится *начало противоположенія интересовъ хозяевъ и подмастерьевъ*. Первоначальнымъ поводомъ для этого служили стѣсненія, которымъ подвергались подмастерья, желавшія сдѣлаться самостоятельными хозяевами-мастерами. Для нихъ всячески затягивались и затруднялись испытанія на званіе мастера, затѣмъ ограничивалось число вновь открываемыхъ мастерскихъ или послѣднія предоставлялись только лицамъ, имѣвшимъ особую протекцію и связи по родству съ мастерами. Наконецъ отсрочка достигалась требованіемъ обязательныхъ и долгихъ странствованій подмастерьевъ по другимъ городамъ для ознакомленія съ иными способами производства. Эти-то странствованія, во время которыхъ трудно жилось подмастерьямъ, часто не находившимъ работы въ чужихъ городахъ, особенно содѣйствовали сознанію ими солидарности своихъ интересовъ и противоположенію ихъ хозяйскимъ, что привело къ возникновенію союзовъ подмастерьевъ—прообразовъ позднѣйшихъ рабочихъ союзовъ. Начавшюся на такой почвѣ эту разнь интересовъ опять таки эксплуатировало въ свою пользу въ нѣкоторыхъ странахъ правительство, являясь защитникомъ интересовъ то той, то другой стороны, впрочемъ довольно скоро и на долгое время склонившись преимущественно на сторону хозяевъ, особенно тамъ, гдѣ послѣдніе получили возможность прямо или косвенно воздѣйствовать на соотвѣтственное законодательство.

Таковы, на примѣръ, первые такъ называемые «рабочіе законы», изданные въ Англіи въ XIV вѣкѣ послѣ бывшей тамъ моровой язвы, которыми устанавливался *минимумъ* продолжительности работы въ теченіе сутокъ и предоставлялось мировымъ судьямъ устанавливать *максимумы* заработной платы. Впрочемъ въ гораздо болѣе позднемъ законѣ объ учиничествѣ,

изданномъ при королевѣ Елизаветѣ въ 1562 году, можно видѣть отчасти защиту интересовъ подмастерьевъ или рабочихъ того времени, такъ какъ законъ обязывалъ мастеровъ-хозяевъ держать опредѣленное количество подмастерьевъ на данное число учениковъ, которыхъ и тогда уже начинали предпочитать за дешевизну или даже бесплатность ихъ труда.

Вообще регламентація промышленности, какъ и торговли, особенно внѣшней или международной, достигаетъ наибольшаго развитія въ послѣдующую эпоху полного абсолютизма королевской власти и соотвѣтственнаго полицейско-правового строя государства. Строй этотъ, будучи полной противоположностью замѣненному имъ феодальному, характеризуется снова наступившей централизаціей власти и широкимъ вмѣшательствомъ ея въ разныя стороны жизни общества, въ томъ числѣ въ особенности въ хозяйственную дѣятельность. Въ концѣ концовъ всѣ такія мѣры были даже объединены въ нѣкоторую теоретическую и практическую систему, подъ названіемъ *меркантилизма*, къ разсмотрѣнію которой мы скоро и перейдемъ, но предварительно покончивъ съ изложеніемъ фактическихъ перемѣнъ въ условіяхъ хозяйства этого переходнаго періода отъ средневѣковья къ новѣйшимъ временамъ.

Утрачивая постепенно свою стройную и гармоническую организацію, ремесленный строй начинаетъ переходить, съ одной стороны, въ *мануфактурный*, а съ другой въ *домашнюю индустрію*, какъ низшую или начальную ступень капитализма. О томъ, что такое мануфактура вообще, говорилось уже вкратцѣ въ предыдущемъ схематическомъ очеркѣ (см. выше стр. 107). Напомнимъ только, что *мануфактуры* это по большей части уже крупныя предпріятія съ большимъ числомъ рабочихъ, — но работающихъ еще при помощи простыхъ ручныхъ орудій производства, хотя и на началахъ довольно далеко проведеннаго техническаго раздѣленія труда; — сбываютъ свои произведенія мануфактуры на широкій и не всегда заранее опредѣленный рынокъ. Въ нихъ бывшіе подмастерья превращены уже въ простыхъ наемныхъ рабочихъ, въ громадномъ большинствѣ своемъ и не мечтающихъ когда-либо сдѣлаться самостоятельнымъ хозяиномъ мастеромъ. Мануфактуры отличаются отъ настоящихъ фабрикъ только отсутствіемъ сложныхъ машинъ, особенно приводимыхъ въ движеніе элементарными двигателями (водою, паромъ и т. п.), (хотя въ современномъ и разговорномъ языкѣ термины эти употребляются безразлично одинъ вмѣсто другого, подобно тому, какъ не дѣлается различія между понятіями фабрика и заводъ).

Мелкая домашняя промышленность развилась двоякимъ путемъ: во первыхъ въ нее преобразовывались деревенскіе кустарные про-

мысли, представлявшіе собою первоначально дополнительное занятіе крестьянъ-земледѣльцевъ производствомъ какихъ либо предметовъ обрабатывающей промышленности ручными способами, при помощи исключительно членовъ своей семьи и въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Если это были крестьяне лично свободные, то они продавали эти свои издѣлія на сторону черезъ своихъ ходяковъ, или-же сбывали ихъ оптомъ скупщикамъ. Крѣпостные-же крестьяне или дворовые ремесленники работали частью на своихъ владѣльцевъ-помѣщиковъ, частью тоже на продажу.

Съ теченіемъ времени эти кустарные промыслы изъ занятій дополнительныхъ или параллельныхъ земледѣлію становятся главными или исключительными, особенно по мѣрѣ того, какъ крестьяне теряютъ свои права на землю или обезземеливаются. Смотря по тому, въ какой степени зависимости сперва отъ скупщиковъ издѣлій, а затѣмъ и отъ поставщиковъ сырого для нихъ матеріала, находятся эти мелкіе, преимущественно сельскіе, производители, получается нѣсколько формъ мелкой домашней промышленности.

Простѣйшая—это когда, дѣлаясь занятіемъ исключительнымъ, кустарные промыслы начинаютъ работать на *опредѣленныхъ скупщиковъ* ихъ издѣлій, обыкновенно диктующихъ имъ цѣны издѣлій и вообще забирающихъ ихъ болѣе и болѣе въ свои руки (такъ называемая *скупческая система*—Kaufsystem). Это имъ особенно удается, если они-же начинаютъ доставлять и сырой матеріалъ; а когда послѣднее изъ явленія случайнаго дѣлается обыденнымъ, да еще къ этому присоединяется доставка орудій труда, напримѣръ, ручныхъ прядильныхъ или ткацкихъ станковъ, то зависимость уже становится полной и система превращается въ *платную* (Lohnsystem). При ней эти, бывшіе когда-то самостоятельными, кустари превращаются въ сущности въ наемныхъ рабочихъ, отличаясь отъ послѣднихъ только тѣмъ, что они работаютъ у себя на дому, а не въ помещеніи хозяина-предпринимателя. Такая форма производства есть несомнѣнно уже начало *капиталистическаго хозяйства*, ибо такой поставщикъ матеріала и скупщикъ является настоящимъ предпринимателемъ, орудующимъ своимъ иногда значительнымъ капиталомъ. Многие-же изъ нихъ отдавали предпочтеніе именно этой формѣ, а не ремеслу или мануфактурѣ, потому, что первое ограничивало свободу ихъ дѣйствій слишкомъ узкими рамками цеховой регламентаціи, а вторая не всегда была осуществима по недостатку свободныхъ наемныхъ рабочихъ или капиталовъ для устройства крупныхъ помещеній. Да и съ разселенными по своимъ мелкимъ жилищамъ домашними рабочими во многихъ отношеніяхъ было легче вести дѣло, чѣмъ со сплоченными въ одномъ крупномъ помещеніи зна-

чительными кадрами настоящихъ рабочихъ. Мелкая домашняя промышленность поэтому не только въ началѣ своего развитія, но и до настоящаго времени является формой, наиболѣе благопріятствующей грубой эксплуатаціи труда рабочихъ. Къ ней нерѣдко прибѣгаютъ и современные капиталисты предприниматели, желая, на примѣръ, избавиться отъ стѣснительныхъ для нихъ фабричныхъ законовъ и соответственнаго надзора инспекціи; но конечно возможно это лишь въ такихъ производствахъ, въ которыхъ не играютъ преобладающей роли сложныя фабричныя машины, требующія централизаціи всего дѣла въ одномъ крупномъ предпріятіи.

Сравнительно долѣе остаются самостоятельными и независимыми наши *русскіе* кустари, благодаря тому, что у нихъ сохраняется еще своя надѣльная земля, полученная ими при освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости или находившаяся въ вѣчно-наслѣдственномъ пользованіи у крестьянъ бывшихъ государственныхъ.

Кустарные промыслы у насъ играютъ поэтому роль дополнительныхъ или параллельныхъ земледѣлію, какъ занятію основному и дающему главнымъ образомъ средства существованія. Этимъ-же объясняется та необычайная и иначе не объяснимая дешевизна нашихъ кустарныхъ издѣлій, благодаря которой они могутъ конкурировать съ фабриками и заводами, т. е. что кустари, по общему правилу, не живутъ исключительно на свой кустарный трудъ; всякій-же дополнительный трудъ и занятіе оплачивается гораздо дешевле основного или главнаго. Кромѣ того у насъ въ Россіи обстоятельствомъ, особо благопріятствовавшимъ развитію кустарныхъ промысловъ было долгое отсутствіе крупной обрабатывающей промышленности вообще и городской въ особенности, такъ какъ въ нашихъ городахъ не было даже сколько-нибудь значительнаго развитія даже и ремесленной промышленности.

Такъ или иначе, т. е. черезъ мелкую домашнюю промышленность или мануфактуры, но ремесло постепенно преобразуется въ новѣйшія формы промышленности, не стѣсненныя прежними слишкомъ узкими рамками. Отсюда однако вовсе не слѣдуетъ, чтобы всѣ ремесленныя предпріятія совершенно исчезали, уступая вполнѣ свое мѣсто новымъ крупнымъ формамъ предпріятій. Напротивъ, поскольку растутъ города сами по себѣ, настолько условія городской жизни поддерживаютъ и даже развиваютъ потребность въ ремесленномъ трудѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя себѣ представить возможности обходиться безъ ручного труда въ производствѣ одежды или обуви на заказъ, ибо только въ такой формѣ достигается совершенство и удобство того и другого. Нельзя обходиться безъ ремонта разныхъ квартирныхъ и домовыхъ принадлежностей, экипажей и другихъ средствъ передвиженія, особенно новѣйшихъ—велосипедовъ, автомобилей; появленіе послѣднихъ породило возникновеніе массы новыхъ ремонтныхъ мастерскихъ, подобно тому какъ элек-

трическое освѣщеніе создало особый промыселъ монтеровъ. Поэтому данныя новѣйшихъ промышленныхъ переписей обнаруживаютъ не одну замѣну ремесленниковъ фабрично-заводскими рабочими, а и параллельный ростъ тѣхъ и другихъ, конечно не въ одинаковой прогрессіи въ разныхъ странахъ.

Но съ другой стороны, съ переходомъ къ новѣйшимъ формамъ хозяйства, прежнее ремесло перестаетъ быть единственной или исключительной формой обрабатывающей промышленности, преобразуясь въ мануфактуры и фабрики или заводы. Кромѣ указанныхъ уже причинъ этихъ перемѣнъ, связанныхъ съ измѣненіемъ строя общества и государства, были и другія чисто экономическаго и даже техническаго характера, на главнѣйшія изъ коихъ мы сейчасъ и укажемъ.

Такъ на примѣръ, въ Англіи, гдѣ раньше всего появилась и развивалась крупная промышленность, особенно въ прядильномъ и ткацкомъ дѣлѣ, были даже особыя мѣстные причины, а именно развитіе овцеводства, какъ источника для полученія мѣстной шерсти и вообще отрасли сельскаго хозяйства, до извѣстной степени замѣнявшей собою или вытѣснявшей земледѣліе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и освобождавшей прежнее значительное количество занятыхъ въ немъ лицъ или рабочихъ.

Овцеводство было сильно распространено въ Англіи еще въ ранніе средніе вѣка; но особенное развитіе оно получило съ XIII вѣка, съ какого времени рядъ войнъ и междоусобій на континентѣ Европы почти до XVII вѣка препятствовалъ разведенію тамъ овецъ. Англія обладала какъ бы естественной монополіей по поставкѣ шерсти на континентъ, въ особенности во Фландрію, гдѣ преимущественно сосредоточивалась обработка шерсти въ матеріи. Въ Англіи-же долгое время шерстяныя матеріи или не вырабатывались вовсе, или лишь грубые ихъ сорта и домашними способами (въ деревняхъ). Поэтому большая часть шерсти выводилась за границу въ сыромъ видѣ; а правительство извлекало большой доходъ изъ обложенія ея при вывозѣ пошлинами ¹⁾. Англійское правительство затѣмъ долго и тщетно пыталось развить свою шерстеобрабатывающую промышленность, запрещая, на примѣръ, ввозъ тонкихъ фламандскихъ тканей. Но только съ XIV в., отчасти подъ вліяніемъ фламандскихъ эмигрантовъ, начинаетъ развиваться производство шерстяныхъ тканей въ самой Англіи уже въ качествѣ спеціальныхъ городскихъ производствъ, сосредоточившихся въ рукахъ ткацескихъ гильдій. Съ этого-же времени вывозъ шерсти начинаетъ падать, а затѣмъ даже и запрещается закономъ. Въ тѣсной связи съ этимъ и находилось дальнѣшее и быстрое развитіе овцеводства, приведшее къ замѣнѣ значительнаго количества пахотныхъ земель пастбищными, начиная съ 70-хъ годовъ XV столѣтія и впослѣдствіи со второй половины XVIII в. до середины XIX-го.

¹⁾ Такъ въ началѣ XV в. изъ общей суммы 40.000 ф. ст. всѣхъ торговыхъ сборовъ и пошлинъ 30.000 ф. ст. падало на одну шерсть. *Гиббинсъ*. Промышленная исторія Англіи. Русск. перев. изд. 1895 г., стр. 36.

Эта такъ называемая *аграрная* революція, (названная такъ въ противоположность позднѣйшей—промышленной), наложила своеобразный и очень печальный отпечатокъ на весь дальнѣйшій процессъ промышленнаго развитія Англіи, отражая на себѣ и различное отношеніе ко всему этому правительственной власти. Въ процессѣ этомъ сказалось вліяніе слѣдующихъ факторовъ: цѣна шерсти быстро росла, хлѣбъ тогда вообще былъ дешевъ, а заработная плата, вслѣдствіе разрѣдившей въ серединѣ XIV вѣка населеніе моровой язвы, была высока. Отсюда и получилось стремленіе землевладѣльцевъ приспособиться къ новому хозяйственному положенію ради увеличенія своего дохода. А свелось это къ такъ называемому «огораживанію общинныхъ полей и размежеванію угодій» (enclosures), что значило изыятіе изъ рукъ мелкихъ и общинныхъ владѣльцевъ земель, которыми они издавна и въ силу обычая пользовались, но не были настоящими собственниками, ибо таковыми были издавна лорды, крупные землевладѣльцы. Значитъ, это не было новообразованіемъ крупной земельной собственности, а развитіемъ на чисто законномъ правѣ болѣе крупнаго землепользованія. Нельзя также считать это канитализаціей сельскаго хозяйства, такъ какъ разведеніе большого количества овецъ не требовало вовсе болѣе крупныхъ денежныхъ суммъ, чѣмъ настоящее земледѣліе въ смыслѣ обработки пахотныхъ полей. Но послѣдняя давала занятіе гораздо большему числу лицъ, чѣмъ овцеводство, которое давало работу небольшому количеству пастуховъ съ собаками-овчарками. Отсюда массовое ухудшеніе положенія сельскаго населенія Англіи, приводившее, съ одной стороны, къ быстрому росту пауперизма и къ усиленной эмиграціи, особенно послѣ открытія Америки, и къ абсолютному уменьшенію численности населенія въ мѣстностяхъ, гдѣ особенно сильно и рѣзко совершался этотъ процессъ «огораживанія». Съ другой стороны этотъ-то избытокъ сельскаго населенія и сталъ искать примѣненія своему труду въ обрабатывающей промышленности. Временами со стороны англійскаго правительства принимались мѣры противъ такого лишенія земель и соотвѣтственныхъ заработковъ сельскаго населенія, въ видѣ запрещенія сосредоточенія въ рукахъ крупныхъ фермеровъ слишкомъ большихъ пространствъ земель. Но большинство изъ такихъ актовъ оказывались бессильными остановить этотъ процессъ если не юридической, то фактической экспроприаціи значительной части сельскаго населенія. На общемъ-же состояніи англійскаго сельскаго хозяйства все это отразилось въ конечномъ результатѣ весьма неблагоприятно, такъ какъ несомнѣнно, что пространство земли подъ хлѣбными и другими запашками должны считаться используемыми болѣе производительно, чѣмъ подъ пастбищами; переходъ къ послѣднимъ, даже въ связи съ общимъ ходомъ развитія хозяйства долженъ считаться шагомъ назадъ, а не впередъ ¹⁾).

---

¹⁾ Англійскій историкъ Гиббинсъ такъ отзывается объ этомъ процессѣ „Отмежеваніе вольныхъ участковъ хотя и было соединено съ нѣкоторымъ улучшеніемъ въ хозяйствѣ, но все это дѣло легло позорнымъ пятномъ на исторіи англійскаго землевладѣнія. Захваты помѣстныхъ дворянъ часто имѣли видъ явнаго грабежа или насилія... Еще до настоящаго времени англійское земледѣліе страдаетъ отъ его послѣдствій, не смотря на всѣ позднѣйшія, въ общемъ безплодныя, попытки сколько-нибудь исправить зло“. *Гиббинсъ*, н. с., стр. 83.

Затѣмъ на весь дальнѣйшій ходъ промышленнаго развитія оказало огромное вліяніе ученіе меркантилизма, къ разсмотрѣнію котораго мы и переходимъ.

V. Меркантилизмъ или меркантильная система есть соединеніе ряда практическихъ экономическихъ мѣръ, принимавшихся правительствами разныхъ странъ, съ особыми воззрѣніями и даже позднѣе теоріями, объяснявшими причины и источники богатства странъ или народовъ. Происхожденіе самаго этого термина отъ англійскаго слова merchant, означающаго *торговлю* или разныя торговыя дѣйствія, ясно указываетъ на время и причины появленія этой системы въ связи съ развитіемъ торговли, какъ самостоятельнаго хозяйственнаго процесса. А таковымъ онъ могъ сдѣлаться, лишь съ замѣною прежняго натурального строя хозяйства новымъ, основаннымъ на общественномъ раздѣленіи труда и занятій, вызывавшимъ въ свою очередь появленіе обмѣна или обращенія товаровъ и производство послѣднихъ для цѣлей ихъ сбыта, а не собственнаго потребленія. Развитіе обмѣна въ свою очередь находится въ связи съ распространеніемъ пользованія *деньгами* или переходомъ къ *денежному* хозяйству, хотя бы и не въ полной мѣрѣ, т. е. не во всѣхъ отрасляхъ хозяйства вообще. Деньги постепенно начинаютъ играть свою преобладающую роль въ хозяйствѣ, которое отражается въ нихъ, какъ въ своего рода фокусѣ или центрѣ сосредоточенія лучей свѣта. Не мудрено поэтому, что на большинство хозяйственныхъ явленій начинаютъ тогда смотрѣть съ точки зрѣнія такого ихъ освѣщенія или преломленія въ сознаніи людей. Въ деньгахъ видятъ тогда наиболѣе общую форму богатства, стремленіе къ которому становится главнымъ мотивомъ хозяйственной дѣятельности и, что особенно важно, доступнымъ для всѣхъ классовъ общества, независимо отъ ихъ соціального положенія. Между тѣмъ какъ раньше богатыми могли быть только лица принадлежавшія къ привилегированнымъ сословіямъ—дворянству и духовенству, какъ имѣвшія право владѣть обширными пространствами и прикрѣпленными къ нимъ людьми—крѣпостными крестьянами, какъ еще раньше рабами. Деньги же доступны всѣмъ людямъ, и кто ими обладаетъ въ большомъ количествѣ, тотъ и богатъ.

Перенесеніе на хозяйство цѣлой страны или народа того-же объясненія происхожденія богатства, которое считалось правильнымъ для отдѣльныхъ частныхъ лицъ, это и привело къ главной основѣ меркантилизма—*стремленію къ обезпеченію страны возможно большимъ количествомъ денегъ, какъ источникомъ богатства*. Въ этомъ главная суть этой теоріи, властвовавшей надъ умами ученыхъ, правителей и практическихъ дѣятелей въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій;

да и нельзя сказать, чтобы она совершенно утратила всякое значение даже въ настоящее время, не смотря на всю ложность ея основанія.

Какъ извѣстная практическая система или политика, меркантилизмъ могъ развиваться только тогда, когда власть центрального правительства усилилась и окрѣпла и стала браться за обезпеченіе благосостояніе всей страны или народа, съ одной стороны, и когда та-же власть съ другой стороны сама особенно стала нуждаться въ деньгахъ, особенно на военныя надобности, въ связи съ образованіемъ постоянного войска, ей одной подчиненнаго. А все это вмѣстѣ взятое было типичныхъ отличіемъ наступавшаго, вслѣдъ за разрушеніемъ феодальнаго строя, періода абсолютизма королевской власти или эпохи полицейско-правового государства.

Открытія морского пути въ Остъ-Индіи и Америки, послужившія главными толчками къ широкому развитію торговли и поступленіе въ Европу массы золота и серебра изъ Америки не то, чтобы создали почву для меркантилизма, основныя идеи котораго развивались уже и раньше этого въ Англіи, со второй половины XIV вѣка, но открыли полный просторъ для примѣненія во всей полнотѣ этой теоріи и политики. Нельзя только говорить о меркантилизмѣ, какъ о какой-либо единой или стройной системѣ, какъ о плодѣ творчества какихъ-либо экономистовъ или государственныхъ дѣятелей. Даже и наименованіе меркантилизмомъ особой школы или группы экономистовъ не существовало поэтому въ разгаръ господства этой системы. Едвали поэтому не Ад. Смиту, какъ критику этой системы, принадлежитъ первенство въ дѣлѣ установленія этого термина, когда сама система меркантилизма уже отходила въ область исторіи. Правда, еще раньше Ад. Смита она подвергалась критикѣ такъ называвшихся (послѣ) *антимеркантилистовъ* и еще болѣе *физиократовъ*, но самымъ терминомъ ни тѣ, ни другіе вовсе или почти не пользовались. А у Ад. Смита прямо употребляется это названіе—*commercial or mercantile system*.

Обращаясь къ развитію самой системы или политики меркантилизма, ее можно раздѣлить,—хотя болѣе или менѣе искусственно,—какъ бы на два періода или на теоріи двухъ балансовъ—*денежнаго* и *торговаго*. Первая есть грубое или первоначальное выраженіе меркантилизма. Тамъ и тутъ выступаетъ уже идея *баланса*, т. е. буквально—вѣсовъ, склоняющихся въ пользу или противъ какой-нибудь данной страны, какъ результата торговыхъ сношеній съ другими странами. Но въ первоначальной теоріи баланса *денежнаго*, какъ и указываетъ самое его названіе, грубѣе выступало представленіе о деньгахъ, какъ единственномъ источникѣ богатства страны. Ихъ-то, т. е. деньги, и надо было обезпечивать для страны въ возможно большемъ количествѣ. Средства для этой ближайшей цѣли примѣнялись до-

вольно разнообразныя, а именно: 1) самое простое—добыча матеріаловъ для чеканки изъ нихъ денегъ, т. е. золота и серебра и особенно перваго. Для этого рекомендовалось эксплуатировать свои внутреннія мѣстонахожденія ихъ, рудники, копи и т. п. При этомъ думали, что нѣтъ такихъ издержекъ по добычѣ этихъ металловъ, которыя не окупались бы сами собою, разъ что въ результатъ этого получается увеличеніе количества денегъ; 2) если въ самой странѣ такихъ естественныхъ богатствъ нѣтъ, то слѣдуетъ приобрѣтать колоніи, въ которыхъ они находятся. И вотъ эта-то цѣль и породила колоніальную политику и ту жадность, съ которой европейскія государства набросились на Америку, какъ только обнаружилось, что въ ней есть золото и серебро. Особенно соблазнялъ всѣхъ примѣръ Испаніи, какъ первой страны, начавшей обогащаться на счетъ привозимаго изъ Америки золота. Правда, впоследствии эта же страна, руководствовавшаяся въ болѣе чистомъ видѣ теоріей денежнаго баланса, первая же обнаружила ея несостоятельность, такъ какъ, положившись всецѣло на этотъ проливавшійся надъ ней золотой дождь, Испанія вовсе не заботилась о развитіи своей промышленности и вообще хозяйства и вслѣдствіе этого утратила свое прежнее, выдающееся въ политическомъ и культурномъ отношеніи, мѣсто среди другихъ европейскихъ государствъ; 3) не всегда имѣя возможность по желанію увеличивать количество денегъ въ своей странѣ, правительства принимали самыя энергичныя и грубыя мѣры къ предотвращенію ухода денегъ въ другія страны, что выражалось въ запрещеніи ихъ вывоза и въ строгомъ надѣ этимъ контролѣ. Но такъ какъ обращеніе денегъ между странами обусловливается всегда прежде всего ихъ взаимными торговыми отношеніями, то это заставляло постепенно сосредоточивать свое вниманіе на торговлѣ, какъ *средствомъ* такъ или иначе вліять на денежное обращеніе. Отсюда и вытекала послѣдняя мѣра денежнаго баланса, служившая уже переходомъ къ балансу торговому, а именно: 4) регулированіе внѣшней торговли и изданіе такъ назыв. *статутовъ истраченія* (statutes of employment): мѣры эти впервые примѣнялись Англіей и заключались въ слѣдующемъ: еще въ концѣ XIV в. въ постановленіяхъ такъ назыв. «добраго парламента» (1381 и др.) высказывались сожалѣнія по поводу исчезновенія золота и серебра изъ страны въ видѣ монеты, слитковъ и издѣлій. Для противодѣйствія этому внѣшняя торговля сосредоточена была въ *складочныхъ пунктахъ* на континентѣ, въ Труа, Брюгге, Антверпенѣ, Калѣ, принадлежавшихъ тогда еще Англіи, и др. гор. Перевозка отсюда вывозимыхъ товаровъ на англійскихъ судахъ должна была доставлять доходъ ихъ владѣльцамъ, это во-первыхъ, а во-вторыхъ, изъ мѣстнаго административнаго и торговаго персонала образовались особыя корпораціи, обязанныя слѣдить за тѣмъ, чтобы въ уплату за продаваемые англійскіе товары принималась цѣликомъ или хоть частью иностранная монета; послѣднее въ виду того, что своя монета (англ.) въ то время часто подвергалась умышленной порчѣ со стороны чеканившаго ее правительства, а иностранная монета была лучшаго качества. Къ этимъ-то мѣрамъ и присоединены были статуты истраченія (одинъ изъ важнѣйшихъ 1440 г.), т. е. требованіе отъ иностранныхъ купцовъ, чтобы они выручаясь за продажу своихъ товаровъ деньги непременно истрачивали на покупку товаровъ англійскихъ и вывозили съ собой послѣдніе, а не деньги. За этимъ также должны были слѣдить вышеупомянутыя корпораціи и др. должностныя лица, нарочно для этого учреждаемыя. При такой регламентаціи торговли, несомнѣнно стѣснительной самой по себѣ, не обращалось еще

вниманія на то, какіе именно товары ввозятся и вывозятся. Такъ Англія въ это время еще вывозила много сырой шерсти и хлѣба, а если и облагала эти товары вывозными пошлинами, то не съ цѣлью противодѣйствія ихъ вывозу, а въ интересахъ казны, т. е. чисто финансовыхъ или фискальныхъ. Но постепенно вниманіе правительства и торгово-промышленныхъ классовъ стало сосредоточиваться на различіи товаровъ по ихъ цѣнности и по вліянію обмѣна ими на притокъ или убыль денегъ; на этой-то почвѣ и развилась теорія уже *торговаго* баланса. Сущность послѣдняго сводилась къ тому, что надо стремиться къ продажѣ, т. е. вывозу товаровъ на большую сумму, чѣмъ на какую они приобрѣтаются или ввозятся, чтобы склонить балансъ въ пользу данной страны. Отсюда и вытекалъ готовый выводъ, что вывозить выгоднѣе товары вполнѣ или болѣе обработанные, какъ болѣе цѣнные, а допускать къ ввозу можно только мало или полуобработанные товары или менѣе цѣнные сырые матеріалы. Такія соображенія стали раньше всего высказываться въ англійской литературѣ XVI и особенно XVII вв., создавая то, что впоследствии названо было ученіемъ меркантилизма, въ лицѣ сперва В. Стаффорда, Гэльса (J. Hales), а затѣмъ и болѣе крупныхъ писателей, какъ Малейнсъ, Миссельденъ, Т. Мэна и друг. (Въ русской литературѣ исторія англ. меркантилизма полнѣе всего изложена въ соч. И. Янжула: «Англійская свободная торговля», т. I, 1876). А затѣмъ взгляды эти постепенно распространялись и на континентъ. Между прочимъ въ *Италіи* интересъ литературы сосредоточился на самихъ деньгахъ, которымъ преимущественно посвящены были соч. меркантилистовъ Antonio Serra (XVII) и Antonio Genovesi (XVIII). Въ Германіи же специально меркантилизмъ не имѣлъ выдающихся представителей, замѣняясь писателями камералистами, т. е. представителями наукъ, изъ которыхъ сложилось *поллицейское право*. Причины меньшаго развитія меркантилизма въ Германіи заключались въ томъ, что меркантилизмъ какъ система экономической политики, во всей полнотѣ своей могъ осуществиться только подъ вліяніемъ твердой и единой государственной власти, каковой она являлась въ эпоху абсолютизма, между тѣмъ какъ Германія состояла изъ массы мелкихъ государствъ, рѣдко объединявшихся въ одно политическое цѣлое. Во вторыхъ, меркантилизмъ развивался подъ непосредственнымъ вліяніемъ торгово-промышленныхъ классовъ, которые могли находить болѣе полное выраженіе своихъ интересовъ только въ Англіи съ ея давнишней парламентской системой и раннимъ развитіемъ торговли и промышленности, чего тоже не было въ Германіи.

За то меркантилизмъ достигъ наибольшаго развитія и принялъ даже форму болѣе или менѣе стройной системы во Франціи, вслѣдствіе наибольшаго торжества тамъ абсолютизма королевской власти, особенно въ XVII в. при Людовикѣ XIV и *Кольбертѣ*. Главнѣйшіе представители Меркантилизма здѣсь: Monchrétiens Sieur de Watteville (1663), J. Fr. Mélon (1731), Forbonnais (1754) и др. Здѣсь мы находимъ наиболѣе яркое выраженіе меркантилизма, превращающагося въ дальнѣйшую свою логическую и историческую ступень; *протекціонизмъ*. Подъ послѣднимъ, понимается покровительство обрабатывающей промышленности, какъ такой отрасли хозяйства, которая создаетъ наиболѣе цѣнные продукты (въ противоположность добывающей промышленности, какъ поставщицы сырья). Но если въ умѣлыхъ рукахъ *Кольбера*, система котораго даже создала терминъ *кольбертизмъ*, меркантилизмъ далъ и нѣкоторые положительные результаты, то, во-первыхъ, это

было результатомъ выдающихся его личныхъ дарованій и близкаго знакомства его съ интересами торговли и промышленности, а во-вторыхъ, потому, что Кольберъ связалъ свои чисто протекціонныя мѣры (таможенные тарифы 1664 и 1667) съ устраненіемъ стѣсненій торговли внутри страны (уничтоженіе внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ), развитіемъ средствъ сообщенія и, главное, — *мѣрами по насажденію профессиональнаго и общаго образованія*. Съ теченіемъ же времени меркантилизмъ во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, превращался постепенно въ цѣлую сѣть мѣръ, вообще стѣснявшихъ естественное развитіе внутренней промышленности и международной торговли, съ преобладаніемъ во всемъ этомъ нерѣдко чисто финансовыхъ интересовъ (продажа патентовъ и привилегій, созданіе искусственныхъ монополій и т. п.).

Картина полного развитія меркантилизма была бы не полна, если не указать на то, что рядомъ съ вытекавшей изъ нея регламентаціей торговли и промышленности, т. е. процессовъ производства и обращенія, государственное вмѣшательство распространялось также и на *потребленіе*. Это послѣднее выражалось въ борьбѣ съ предполагаемой *роскошью* среди среднихъ и низшихъ классовъ, сводившейся нерѣдко къ очень детальнымъ предписаніямъ относительно цѣнности и видовъ пищи и одежды рабочихъ классовъ, размѣровъ ихъ заработковъ (максимальныхъ) и минимальныхъ сроковъ работы (особенно законы Эдуарда III въ Англіи послѣ моровой язвы и позднѣйшія мѣры противъ роскоши тамъ же, а равно и во Франціи). Всѣ такія мѣры исходили изъ тѣхъ ложныхъ основъ меркантилизма, что главнѣйшей заботой правительства должно считаться обезпеченіе наибольшаго количества денегъ въ странѣ, такъ какъ деньги разсматривались, какъ цѣль сама по себѣ. Промышленность же разсматривалась при этомъ, не какъ средство доставлять населенію наибольшее количество предметовъ для удовлетворенія его потребностей, а какъ средство созданія предметовъ вывоза, ради болѣе выгоднаго торговаго баланса. А такъ какъ однимъ изъ благопріятныхъ условій для этого является сокращеніе издержекъ производства и относительная или сравнительная съ другими странами дешевизна товаровъ, то не было непослѣдовательнымъ стремленіе къ уменьшенію одной изъ существеннѣйшихъ статей издержекъ производства — заработной платы, сообразующейся съ уровнемъ потребностей рабочихъ, каковой потому и слѣдовало хотя бы искусственно понижать. Косвенно, однако, такія мѣры свидѣтельствуютъ о сравнительно высокомъ благосостояніи рабочихъ классовъ, разъ что съ нимъ считали долгомъ бороться, исходя изъ ложныхъ основъ меркантилизма. Впрочемъ, логически болѣе послѣдовательное проведеніе меркантилизма выражалось иногда и въ борьбѣ съ роскошью даже и высшихъ классовъ общества, какъ, напр., гоненіе, воздвигнутое герцогомъ Сюлли во Франціи на шелководство и производство шелковыхъ издѣлій, какъ предметовъ роскоши. Изъ наиболѣе положительныхъ результатовъ меркантилизма слѣдуетъ указать на *навигационный актъ* 1651, изданный Кромвелемъ, заключавшійся въ рядѣ мѣръ, создававшихъ преимущество для англійскаго торговаго флота и, несомнѣнно, въ свое время обосновавшихъ его всемірное господство, что было признано даже ярымъ врагомъ меркантилизма — Ад. Смитомъ. Но всякой системѣ, обусловленной своей исторической эпохой, въ особенности въ основѣ своей ложной, каковой и былъ меркантилизмъ, наступаетъ всегда конецъ, и онъ наступилъ въ однихъ странахъ, какъ напр., въ Англіи, раньше, отчасти еще въ концѣ XVIII в., въ другихъ — въ

большинствѣ зап. европ. государствъ,—въ первой половинѣ XIX в., а въ иныхъ отголоски меркантилизма въ видѣ крайняго современнаго протекціонизма существуютъ еще и до настоящаго времени.

Реакція противъ меркантилизма и начало идей свободной торговли.

На ряду съ развитіемъ меркантилизма и отчасти вслѣдствіе присущихъ ему крайностей и недостатковъ, начинаютъ проникать въ сознание людей идеи свободы торговли и промышленности, какъ нѣчто противоположное регламентаціи, вытекавшей изъ меркантилизма и вообще чрезмѣрнаго вмѣшательства государства въ хозяйственную дѣятельность. Прежде всего подвергается сомнѣнію основное положеніе—что деньги являются единственнымъ источникомъ богатства. Противъ этого возражали уже писатели XVI вѣка, которыхъ нельзя отнести къ какой-либо опредѣленной школѣ, но какъ противниковъ меркантилизма можно назвать *антимеркантилистами*. Они стали прокладывать путь къ болѣе правильному объясненію источника богатства народовъ, а именно, видѣли его въ *трудъ* и отчасти въ *самой природѣ*. У нихъ же встрѣчалось противоположеніе понятій богатства народнаго частному, какъ понятія своеобразнаго, а не простой суммы частныхъ богатствъ. Эта правильная постановка вопроса была впослѣдствіи заглушена школой Ад. Смита и только значительно позднѣе получила себѣ надлежащее признаніе.

Далѣе, они-же указывали на вредъ чрезмѣрнаго вмѣшательства государственной власти въ область хозяйства и на систему обложенія, стѣснявшую развитіе торговли и промышленности и преслѣдовавшую одни узко-финансовыя цѣли. Вообще это были не чистые экономисты, а скорѣе философы и государствовѣды и отчасти юристы, которые подвергали своей критикѣ вообще начинавшій отживать свое время строй государства, называемый полицейско-правовымъ.

Среди такихъ писателей раньше другихъ и особенно выдвинулся *Томасъ Морусъ*, авторъ знаменитой «Утопіи» или перваго опыта критики современнаго строя при помощи фантастической картины лучшаго строя будущаго. На ряду съ нимъ нападалъ на меркантильныя мѣры и чрезмѣрную регламентацію торговли и промышленности такой ученый и философъ-юристъ, какъ *Гоббесъ*, который считается въ то-же время однимъ изъ самыхъ рьяныхъ защитниковъ абсолютной монархической власти вообще; (онъ выводилъ необходимость ея изъ состоянія войны всѣхъ противъ всѣхъ, въ которомъ находятся будто бы всегда люди до появленія этой власти). Изъ числа другихъ болѣе крупныхъ писателей, которыя могутъ быть отнесены

къ антимеркантистамъ, заслуживаютъ особаго вниманія—у англичанъ Джонъ Локкъ и Вильямъ Петти и особенно Дедлей Нортъ, считаеый предтечей Ад. Смита, за 100 лѣтъ до послѣдняго высказавшій почти его-же мысли о преимуществахъ полной свободы торговли, у французовъ: Буагильберъ и въ особенности Вобанъ, а отчасти и Монтескье.

Отмѣтимъ слѣдующую психологическую черту: не смотря на то, что всѣ писатели эти по существу были правы въ своей борьбѣ съ меркантилизмомъ, указывая, что избытокъ денегъ въ странѣ не есть еще богатство, а только причина дороговизны товаровъ и жизни, но проповѣдь и походъ ихъ противъ меркантилизма большаго успѣха не имѣли и вотъ почему: если люди долго вѣрили въ какое-либо ложное положеніе, какъ поклонялись ложному божеству, то, чтобы ихъ разувѣрить или разубѣдить въ этомъ, не достаточно доказать ложность ихъ вѣрованій или убѣжденій, не замѣняя ихъ ничѣмъ новымъ въ положительномъ смыслѣ. Чтобы повергнуть одного кумира надо противопоставить ему какого нибудь новаго, хотя бы тоже ложнаго. Такъ антимеркантисты, отвергая значеніе денегъ, какъ единаго источника богатства, не сумѣли противопоставить деньгамъ чего-либо новаго въ положительномъ смыслѣ, и потому нельзя считать, что они свалили меркантилизмъ, какъ ученіе или школу. Честь-же эта выпала сперва на долю слѣдующей школы физиократовъ, въ основѣ своей имѣвшей тоже ложное положеніе, но новое въ положительномъ смыслѣ, а именно, что только земледѣліе приноситъ чистый доходъ, значить только земля является источникомъ богатства; окончательный-же ударъ меркантилизму нанесенъ былъ Ад. Смитомъ и его школой, признавшей источникомъ богатства человѣческой трудъ.

VI. Школа физиократовъ или экономистовъ.

Названіе свое эта школа получила оттого, что представители ея старались открыть *естественные* законы, управляющіе народнымъ хозяйствомъ. Время возникновенія этой школы — эпоха господства естественнаго права, выводящаго понятія права и справедливости изъ прирожденныхъ челоуку идей. Эта философія, равно какъ и успѣхи естествознанія, оказала вліяніе и на экономистовъ того времени. Они тоже поэтому старались открыть естественные законы хозяйства. По ихъ мнѣнію весь современный имъ строй хозяйства является искаженіемъ естественныхъ законовъ, вслѣдствіе вмѣшательства государственной власти. Это ученіе возникло, какъ реакція противъ черезъ чуръ сильнаго вмѣшательства правительства

въ хозяйственную область, практиковавшагося во время меркантилизма. Физиократы же за исходный пунктъ успѣшнаго веденія хозяйства принимали идею полной свободы человѣка. По ихъ мнѣнію люди, заботясь о своихъ личныхъ интересахъ, обезпечиваютъ тѣмъ самымъ благосостояніе общества. Другое отличіе ихъ отъ меркантилистовъ заключается въ томъ, что они признаютъ *землю* единственнымъ источникомъ *прибавочной цѣнности*, или *чистаго дохода*. Земля, по ихъ мнѣнію, представляетъ неистощимый запасъ силъ. Только съ земли можно получать «*produit net*», или ренту, какъ избытокъ результатовъ производства надъ затратами. Примѣръ: одно зерно, брошенное въ землю, возвращается ею сторицею въ видѣ цѣлаго колоса; значитъ тутъ есть прибавка цѣнности, а человѣкъ создать прибавочной цѣнности не можетъ. Въ то же время они отрицаютъ самостоятельное значеніе торговли и промышленности. Торговля, по ихъ мнѣнію, не приноситъ никакой чистой прибыли, потому что въ ней всегда происходитъ обмѣнъ равноцѣнностей. Они не признавали поэтому даже внутренней торговли, считая торговцевъ совершенно непроизводительнымъ классомъ. Торговецъ получаетъ прибыль только за счетъ покупателя. Промышленность тоже, по ихъ мнѣнію, не приноситъ чистаго дохода, потому что обработанные продукты, хотя и увеличиваются въ цѣнѣ, но это происходитъ оттого, что къ цѣнѣ сырыхъ продуктовъ надо прибавлять затраты на содержаніе рабочихъ и другія издержки производства. Они совершенно правильно говорятъ, что деньги могутъ быть разсматриваемы какъ богатство только при отчужденіи ихъ, при приобрѣтеніи товаровъ, такъ какъ непосредственно онѣ не удовлетворяютъ потребностей владѣющаго ими лица. Держась такого взгляда, физиократы хотѣли измѣнить систему налоговъ. По ихъ мнѣнію налоги на промышленность не достигаютъ своей цѣли, такъ какъ промышленники только перелагаютъ налоги на покупателей. Единственный справедливый налогъ — это налогъ на поземельный доходъ, такъ какъ только одна земля представляется источникомъ богатства. Они проповѣдывали вполнѣ правильную идею подоходнаго налога, налога на чистый, а не на валовой доходъ. Иначе всегда налогъ перейдетъ на потребителей. Только это положеніе у физиократовъ выражено односторонне, такъ какъ они признавали налогъ на чистый доходъ только съ земли.

Практическіе выводы ученія физиократовъ сводятся къ покровительству земледѣлію путемъ освобожденія земледѣльцевъ отъ всякихъ обремененій и повинностей, содѣйствіемъ сбыту продуктовъ, отмѣною ввозныхъ пошлинъ, развитіемъ путей сообщенія и отмѣною заставныхъ пошлинъ. Выводъ изъ этого ученія—отрицаніе какого

бы то ни было вмѣшательства правительства въ экономическую жизнь народа. Лозунгъ ихъ: laissez faire, laissez passer (т. е. представьте всѣмъ свободно дѣлать (производить) и проходить (обращаться, торговать). Задачи государственной политики, стало быть, должны быть чисто отрицательными—полнѣйшее невмѣшательство, или обезпеченіе полной промышленной свободы.

Основателемъ школы фізіократовъ считается François Quesnay (1694—1776) лейбъ-медикъ Людовика XV. Онъ принималъ участіе въ изданіи энциклопедическаго словаря Дидро и Даламбера, помѣстивъ тамъ объясненіе словъ фермеръ и зерно, причемъ онъ тамъ уже высказываетъ почти всѣ основныя начала фізіократизма. Въ объясненіи слова «grain» онъ проводитъ идею свободы торговли хлѣбомъ. Кромѣ того онъ написалъ: «Le droit naturel», «Tableau economique «Maximes générales du gouvernement économique d'un royaume agricole» и «Dialogues sur le commerce et les travaux des artisans». Про Кене сохранился разсказъ, что когда дофинъ спросилъ его, что онъ дѣлалъ бы, еслибы ему пришлось вступить на престолъ, Кене отвѣчалъ: «rien» («ничего»). Его современникомъ былъ Гурнэ, авторъ формулы laissez faire, laissez passer. Онъ уже признавалъ большее значеніе промышленности и торговли въ качествѣ производительныхъ занятій. Онъ первый высказалъ мнѣніе, что человѣкъ предоставленный самому себѣ, дѣствующій въ своихъ личныхъ интересахъ, наилучше обезпечиваетъ благосостояніе дѣлаго. Кромѣ того надо отмѣтить слѣдующихъ французскихъ фізіократовъ: *Le Trosne, Mirabeau, Mercier de la Riviere; Dupont de Nemours, Condorcet, Condillac* и мѣнистръ *Тюрго* (1775). Тюрго является единственнымъ представителемъ теоріи и практики фізіократизма вмѣстѣ. Онъ примѣнялъ принципы свободы къ хлѣбной торговлѣ. Онъ разрѣшилъ торговцамъ устанавливать цѣны на хлѣбъ свободно, не смотря на господствовавшій тогда голодъ. Это вызвало неудовольствія, п. ч. цѣны быстро возвысились. Тюрго былъ смѣненъ меркантилистомъ Неккеромъ. Но ни меркантилизмъ, ни фізіократизмъ не могли поднять экономическое благосостояніе страны, стоявшей уже на краю гибели.

VII. Значеніе труда Адама Смита.

Начало критикѣ меркантильной системы было положено, какъ мы видѣли, сперва антимеркантилистами, а потомъ фізіократами. Последніе, указывая на недостатки меркантилизма, успѣшно исполнили эту свою чисто отрицательную задачу; но, пытаясь создать положительныя основы науки о человѣческомъ хозяйствѣ, они сами въ свою очередь впали въ односторонность, провозгласивъ землю и ея производительныя силы единственнымъ источникомъ народнаго богатства.

Главнѣйшей заслугой Адама Смита является поэтому установленіе имъ впервые правильнаго взгляда на источникъ и происхожденіе богатства народовъ, заключающійся въ *человѣческомъ трудѣ*.

Выражено это Ад. Смитомъ, въ самыхъ первыхъ строкахъ его знаменитаго «*Исслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ*», слѣдующимъ образомъ: «Годовой трудъ составляетъ главное средство, ежегодно доставляющее народу всѣ предметы, удовлетворяющіе его первымъ потребностямъ и служашіе для удобства его жизни; и всѣ эти предметы или производятся непосредственно его трудомъ, или вымѣниваются у другихъ народовъ на произведенія его труда. Такимъ образомъ отношеніе между количествомъ произведеній труда или предметовъ, обмѣниваемыхъ за эти произведенія, и количествомъ потребителей служить мѣриломъ того—хорошо или дурно снабженъ народъ всѣми предметами необходимости или удобства, въ которыхъ онъ можетъ имѣть нужду».

Все дальнѣйшее построеніе основъ народнаго хозяйства вытекаетъ изъ этого основнаго принципа — трудового начала. Трудъ является поэтому съ одной стороны источникомъ богатства въ моментъ непосредственнаго производства цѣнностей, а съ другой стороны основаніемъ обмѣна цѣнностей или обращенія ихъ, такъ какъ трудъ человѣка служитъ мѣриломъ цѣнности самой по себѣ; природа же даетъ человѣку только полезности, которыя дѣлаются цѣнностями, лишь поскольку къ нимъ прилагается человѣческой трудъ.

Придавая такое рѣшающее значеніе труду, Ад. Смитъ естественно долженъ былъ повліять прежде всего на распространеніе правильнаго воззрѣнія и на хозяйственную дѣятельность вообще. Формы производства, которыя должны наиболѣе содѣйствовать приросту народнаго богатства, тѣмъ самымъ уже какъ бы заранѣе предопредѣлялись—это конечно такія формы, въ которыхъ трудъ находилъ бы себѣ наиболѣе совершенное примѣненіе и возможно болѣе полную оцѣнку, а такимъ трудомъ является, конечно, *трудъ вполне свободный*, прилагаемый по собственному выбору трудящагося къ такому занятію, которое въ данный моментъ ему кажется наиболѣе прибыльнымъ. Въ корнѣ такого ученія очевидно заключается отрицаніе всѣхъ прежнихъ стѣсненій торговли и промышленности и требованіе полнаго простора для хозяйственной дѣятельности человѣка. Эта сторона ученія Смита, какъ мы видѣли, была уже ранѣе значительно подготовлена предшествующими экономистами, такъ что тутъ главнѣйшая заслуга Смита заключалась въ систематизированіи и исполнѣ научномъ обоснованіи прежнихъ теорій.

Выводъ о вредѣ государственнаго вмѣшательства былъ у Смита результатомъ критики неумѣлаго усердія или злоупотребленій прежнихъ правительствъ, направлявшихъ хозяйство по своему усмотрѣнію. Смитъ же признавалъ, что достаточно предоставить каждому отдѣльному человѣку полнѣйшую свободу въ хозяйственной дѣятельности, для того, чтобы онъ наилучшимъ образомъ обезпечилъ свое благосостояніе. Затѣмъ, считая, что благосостояніе всего народа есть результатъ благосостоянія всей суммы отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ народъ, Смитъ и пришелъ къ выводу, что соблюденіе этого основнаго условія частнаго хозяйства, т. е. при обезпече-

ни человеку полной свободы для достижения своихъ личныхъ эгоистическихъ интересовъ, будетъ наилучше обеспечено и благосостояніе всего народа... Въ области частнаго хозяйства выдвинуто было Смитомъ на первый планъ начало конкуренціи, т. е. соперничество всѣхъ производителей въ одной и той же отрасли производства, что и должно было служить сильнѣйшимъ побужденіемъ къ совершенствованію производства. Но Смитъ видѣлъ только одну хорошую сторону ничѣмъ не сдерживаемой *конкуренціи*, потому что промышленность дѣйствительно нуждалась въ освобожденіи отъ прежнихъ стѣсненій ея; дѣйствительность незамедлила подтвердить выводы Смита, такъ какъ промышленность стала дѣлать быстрые успѣхи и производство стало быстро увеличиваться въ своихъ размѣрахъ. На глазахъ всѣхъ стали дѣлаться замѣчательныя техническія открытія и изобрѣтенія, что въ сущности и выражаетъ собой увеличеніе господства человека надъ природой. На эту сторону хозяйства и было обращено главное вниманіе Смита. Тѣ части его труда, гдѣ разъясняется техническое значеніе раздѣленія труда въ разныхъ производствахъ, вліяніе машинъ, значеніе конкуренціи, свободы производства и обмѣна—все это разработано въ совершенствѣ, но только съ точки зрѣнія производства и обращенія. Наиболѣе же слабой частью являются вопросы о распредѣленіи дохода въ предпріятіяхъ между представителями труда, капитала и стихійныхъ силъ природы.

Здѣсь Ад. Смитъ держался черезъ-чуръ индивидуалистическаго взгляда, стараясь доказать, что доходъ и его величина опредѣляются сообразно *индивидуальнымъ заслугамъ* всѣхъ этихъ названныхъ участниковъ распредѣленія дохода. Отсюда такого рода натяжка, какъ объясненіе дохода на капиталъ—наградой за воздержаніе и сбереженіе капиталиста. При объясненіи же поземельнаго дохода, Смиту пришлось даже впасть въ замѣтное противорѣчіе съ самимъ собой, такъ какъ этотъ доходъ сводился имъ къ оплатѣ производительныхъ силъ природы, которыя сами будто бы создаютъ часть цѣнности продукта и за которыя слѣдуетъ поэтому платить тому, кто ими владѣетъ, какъ въ данномъ случаѣ—землевладѣльцу. Противорѣчіе здѣсь заключается въ томъ, что вездѣ въ другомъ мѣстѣ Смитъ считаетъ только трудъ производителемъ цѣнности. Въ этомъ же уклоненіи можно видѣть остатокъ фізіократическаго заблужденія, отъ котораго еще не вполне свободенъ былъ и Смитъ.

Мы не будемъ теперь входить въ подробности изложенія и оцѣнку труда Смита, п. ч. во многихъ случаяхъ намъ еще придется возвращаться къ его личнымъ взглядамъ по отдѣльнымъ вопросамъ. Теперь же заключимъ это тѣмъ, что во всякомъ случаѣ появленіе труда Смита составило, какъ единичное явленіе, первый самый крупный шагъ впередъ въ наукѣ, положившій прочное начало или основаніе для дальнѣйшаго ея развитія. Вліяніе сочиненія Смита не только на его современниковъ, но и на послѣдующія поколѣнія даже до настоящаго времени громаднo. Рѣшительный переворотъ въ экономической политикѣ всѣхъ европейскихъ государствъ въ пользу свободы промышленности и торговли свершился главнымъ образомъ благодаря труду Смита; и, если теперь многія изъ его положеній уже не выдерживаютъ критики, то это является уже результатомъ опытнаго наблюденія жизненныхъ явленій и разочарованій въ надеждахъ Смита, чего онъ самъ предвидѣть не былъ въ состояніи. До настоящаго однако времени, когда нужно найти доводы въ пользу свободы торговли и промышленности, наилучшимъ источникомъ служить все тотъ же трудъ Смита.

VIII. Промышленный переворотъ и начало капиталистической системы.

Въ предшествовавшихъ очеркахъ развитія хозяйства выяснено, какъ постепенно ремесло стало переходить съ одной стороны въ мелкую домашнюю промышленность, а съ другой—въ мануфактуры. Теперь намъ предстоитъ разяснить, какъ совершился переходъ къ современной формѣ промышленности — *фабрично-заводской и капиталистической*.

Одинъ изъ историковъ англійской промышленности, въ которой переходъ этотъ совершился раньше другихъ странъ, *Г. Гиббинсъ* характеризуетъ его слѣдующими словами: «Переходъ отъ системы домашней промышленности къ новѣйшей системѣ машинной индустріи, съ примѣненіемъ силы пара, отличался быстротою и рѣзкостью. Великія изобрѣтенія были сдѣланы въ сравнительно короткій промежутокъ времени, и прежнее медленное промышленное развитіе смѣнилось лихорадочнымъ порывомъ впередъ, въ корнѣ измѣнившимъ экономическую жизнь современной Англій. Съ небольшимъ въ 20 лѣтъ были закончены великія изобрѣтенія Уатта, Аркрайта и Кромптона... Своимъ настоящимъ положеніемъ,—къ добру или худу,—Англія болѣе всего обязана быстрому дѣйствію этой безшумной промышленной революціи, удесятывшей ея богатства и давшей ей возможность въ то время на 50 лѣтъ опередить остальные націи Европы» ¹⁾.

Начальнымъ моментомъ этого перехода столь рѣзкаго, что не безъ основанія его называютъ «промышленной революціей», слѣдуетъ считать 1770 годъ, когда прядильщикъ Хэргривсъ взялъ привилегію на прялку, названную имъ Дженни, представлявшую собою станокъ съ нѣсколькими веретенами, на которомъ можно было сразу прясть нѣсколько нитей, вмѣсто одной, какъ въ старинной прялкѣ съ колесомъ. Въ 1771 г. Аркрайтъ устроилъ мастерскую въ Кромфордѣ, гдѣ сталъ примѣнять прядильный станокъ, приводимый въ движеніе водою. Въ 1779 г. обѣ эти машины были замѣнены изобрѣтенной Кромптономъ машиной, соединявшей въ себѣ принципы обоихъ предыдущихъ изобрѣтеній и получившей поэтому за свое смѣшанное происхожденіе народное названіе машины — *мула*. Это изобрѣтеніе настолько увеличило производительность, что на одномъ станкѣ подъ надзоромъ одного человѣка могло работать сразу до 12.000 веретенъ. Все это касалось производства пряжи (бумажныхъ нитей) изъ сырого матеріала. Въ 1785 г. пасторомъ Картрайтомъ былъ изобрѣтенъ механической *ткацкій* станокъ.

Послѣдній ударъ прежнимъ орудіямъ производства былъ нанесенъ примѣненіемъ ко всѣмъ этимъ новымъ машинамъ силы пара,

¹⁾ *Г. Гиббинсъ*, н. с., стр. 112.

какъ двигателя,—изобрѣтенія Уатта сдѣланнаго имъ еще въ 1769 г., но сперва примѣнявшася только для выкачиванія воды изъ копей, и лишь съ 1788 года начавшаго примѣняться на бумагопрядильныхъ фабрикахъ, затѣмъ вскорѣ и на бумаго-ткацкихъ и наконецъ при производствѣ шерстяной пряжи и матерій изъ нея. При примѣненіи выше упомянутаго водяного станка приходилось выбирать мѣста на берегахъ рѣкъ или хотя бы ручьевъ съ извѣстной силой паденія воды; паровые-же двигатели могли быть примѣняемы повсюду, лишь бы находилось для нихъ достаточное количество топлива. Последнее-же явилось къ ихъ услугамъ въ новомъ видѣ и въ громадномъ количествѣ въ видѣ каменнаго угля, широкая добыча котораго началась приблизительно въ это-же время, вслѣдствіе примѣненія паровыхъ машинъ къ разработкѣ копей, равно какъ и при добычѣ желѣза. *Уголь, паръ и желѣзо* — вотъ три взаимно обуславливающіе другъ друга элементы новой промышленности, которые совершили этотъ почти внезапный въ ней переворотъ.

Въ связи съ появленіемъ этихъ новыхъ чисто техническихъ условій или средствъ производства, соотвѣтственно должны были измѣниться, и дѣйствительно тоже почти сразу измѣнились, соотношенія живыхъ творческихъ человѣческихъ силъ. Измѣненія эти произошли въ двухъ направленіяхъ, а именно: съ одной стороны, замѣняя мускульную силу рабочихъ и дѣлая ихъ трудъ болѣе производительнымъ, всѣ эти новыя машины на первыхъ порахъ стали уменьшать потребность въ рабочихъ рукахъ и приводить къ абсолютному сокращенію числа *рабочихъ* въ этихъ новыхъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Во вторыхъ, кромѣ того, *упрощая* самую работу, т. е. не требуя отъ рабочихъ прежняго необходимаго въ ней искусства,—силы, навыка и ловкости,—новыя машины дали возможность *замѣнять взрослыхъ рабочихъ* и преимущественно мужчинъ *женщинами* и *малолѣтними* рабочими, что и стало широко примѣняться. А это въ свою очередь сразу-же отозвалось на уменьшеніи заработной платы, ради чего главнымъ образомъ и приглашались малолѣтніе рабочіе и женщины, какъ болѣе дешевые работники, и что, сейчасъ же увеличивъ конкуренцію по предложенію труда, отозвалось на пониженіи заработковъ *взрослаго* рабочаго населенія.

Мудрено-ли, что все это стало вызывать взрывы негодованія *взрослыхъ* рабочихъ, выражавшіеся въ самыхъ рѣзкихъ формахъ протеста или борьбы съ этими новыми неодушевленными конкуррентами, въ видѣ поврежденія или даже уничтоженія машинъ. Такое отрицательное вліяніе машинъ на благосостояніе рабочихъ свойственно было однако лишь первоначальному періоду ихъ примѣненія; съ теченіемъ-же времени число рабочихъ стало снова увели-

чиваться и даже значительно превышать прежнее ихъ количество до введенія машинъ. Это явилось результатомъ значительнаго удешевленія продуктовъ фабричнаго производства, по сравненію съ прежней ручной и даже мануфактурной ихъ выдѣлкой, отъ чего спросъ на нихъ сталъ быстро возрастать, а соотвѣтственно этому стало расширяться и самое производство. А это то и приводило къ послѣдующему увеличенію числа рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ.

Но всѣ эти перемѣны и колебанія какъ въ составѣ фабричныхъ рабочихъ, такъ и въ количествѣ самихъ фабрикъ и размѣрахъ ихъ производства происходятъ не плавно и послѣдовательно въ одномъ направленіи, а какъ бы скачками и зигзагами, что и выражается въ сопровождающихъ развитіе современной промышленности *кризисахъ*,—явленіяхъ совершенно неприсущихъ предшествующимъ формамъ и періодамъ хозяйства. Кризисы суть результаты сложныхъ и разнообразныхъ причинъ, почему и нельзя еще сейчасъ давать имъ объясненіе, но можно и должно указать, какъ на общія условія колебаній въ промышленности на широкое развитіе конкуренціи, на вліяніе многочисленныхъ случайныхъ и непредвидимыхъ условій и обстоятельствъ, сопровождающихъ дѣятельность владѣльцевъ предпріятій и именуемыхъ *конъюнктурой*. Последняя, складываясь помимо воли и сознанія предпринимателей благопріятно для однихъ и неблагопріятно для другихъ, создаетъ *рискъ* предпріятій и приводитъ одни изъ нихъ къ крушенію, а другія къ благополучію.

Сфера риска и конъюнктуры расширяется по мѣрѣ того, какъ хозяйства разныхъ странъ и народовъ все болѣе и болѣе тѣсно сплетаются между собою, превращаясь изъ народныхъ въ такъ называемое *міровое хозяйство*. Развитію послѣдняго особенно содѣйствуютъ улучшенія и расширенія всевозможныхъ *путей и средствъ сообщенія*, обеспечивающихъ скорость и дешевизну перевозки товаровъ изъ отдаленныхъ другъ отъ друга странъ. А это въ свою очередь какъ бы увеличиваетъ чувствительность этого сложнаго мірового хозяйственнаго организма, такъ какъ какой нибудь неурожай хлопка или хлѣба въ одной странѣ очень замѣтно отражается на производствѣ и потребленіи другой, а стало быть и на степени ихъ благосостоянія.

Отчасти обостреніе этой внутренней борьбы или соперничества смягчается и приводитъ даже къ чему-то уже противоположному путемъ сліянія крупныхъ предпріятій, остающихся побѣдителями на этомъ полѣ брани, въ еще болѣе крупныя. Это происходитъ или въ буквальномъ смыслѣ, т. е. когда прежнія два, три и болѣе предпріятій совершенно сливаются въ одно новое и болѣе крупное цѣлое, или-же, сохраняя бѣольшую или меньшую степень самостоятель-

ности, предпріятія объединяются между собою въ различныя формы синдикатовъ, картелей, трэстовъ и т. п. Чѣмъ меньше дѣлается число борющихся между собою единицъ или чѣмъ большее число ихъ объединяется въ синдикаты и т. п., тѣмъ все болѣе и болѣе ослабляется конкуренція и строй промышленности приближается къ монополюному типу. (Только это уже монополии, развивающіяся на почвѣ чисто естественныхъ экономическихъ условій, въ то время, какъ прежнія покоились на искусственныхъ основаніяхъ, а именно на даруемыхъ правительствомъ привилегіяхъ).

Съ увеличеніемъ размѣровъ отдѣльныхъ предпріятій замѣчается еще новое свойство ихъ, противорѣчащее Бюхеровскому признаку или отличію этого новѣйшаго періода отъ предъидущихъ, а именно: разстояніе между моментами производства не увеличивается, а иногда даже и сокращается вслѣдствіе того, что очень крупныя предпріятія начинаютъ сами организовывать сбытъ своихъ произведеній и работаютъ уже не на случайный сбытъ—на рынокъ, а на заказы, конечно, крупныя; (такъ строятся крупныя суда, изготовляются желѣзнодорожныя поѣзда и вообще разныя наиболѣе крупныя машины). А это приводитъ къ умаленію роли торговыхъ посредниковъ, прежде являвшихся необходимымъ звеномъ въ этой системѣ производства и обращенія. Затѣмъ, кромѣ того крупныя предпріятія начинаютъ стремиться къ тому, чтобы какъ можно меньше зависѣть отъ другихъ, доставлявшихъ имъ полусырые матеріалы или вообще какія-нибудь части производимыхъ ими товаровъ, производя теперь все это уже сами, т. е. осложняя свое главное производство соотвѣтственными вспомога-тельными.

Если прибавить къ этому хотя бы самое краткое указаніе на роль и значеніе *денегъ и кредита* въ капиталистическомъ хозяйствѣ, безъ нихъ даже и не мыслимаго, то характеристика его будетъ въ общихъ чертахъ закончена.

Деньги теперь проникаютъ во всѣ сферы хозяйства, достигая даже самыхъ, казалось бы, отдаленныхъ уголковъ его, въ которыхъ сохраняются еще нѣкоторыя черты прежняго натурального его строя. Громадное большинство предметовъ производится ради сбыта ихъ, и потому пріобрѣтаетъ преобладающее значеніе *мѣнновая* ихъ цѣнность или цѣнность въ обращеніи. Денежное выраженіе и рыночныя цѣны товаровъ, т. е. тѣ, по которымъ они фактически обращаются на рынокъ, будучи на первый взглядъ результатами свободныхъ соглашеній между собою продавцевъ и покупателей, въ дѣйствительности являются результатами причинъ, часто совершенно независящихъ отъ воли и сознанія людей. А затѣмъ, такъ сказать объективируясь или кристаллизуясь въ опредѣленные и устойчивыя величины, товарныя цѣны начинаютъ даже господствовать надъ людьми, заставляя съ собою считаться или подлаживаться къ себѣ производителей и торговцевъ въ дѣлѣ соотвѣтственнаго расширеній

или сѣуженіи размѣровъ ихъ производства и оборотовъ, а потребителей заставляя сообразно имъ нормировать свое потребление.

Широкое примѣненіе кредита въ разнообразныхъ его видахъ еще болѣе содѣйствуетъ увеличенію быстроты и размѣровъ хозяйственныхъ оборотовъ, восполняя недостатокъ денегъ для наличной расплаты за товары векселями и кредитными денежными знаками и облегчая полученіе товаровъ въ кредитъ или создавая облегченныя и упрощенныя формы и способы денежныхъ займовъ или ссудъ на всевозможныя цѣли.

Въ концѣ концовъ капиталистами являются не только обладатели крупныхъ денежныхъ суммъ или промышленныхъ предпріятій, а и лица, пользующіяся болѣе или менѣе широкимъ кредитомъ и орудующія чужими, ссуженными имъ деньгами или капиталомъ. Прежняя личная роль хозяина предпріятія въ родѣ мастера-ремесленника или даже владѣльца мануфактуры, въ смыслѣ знанія своего дѣла или непосредственнаго руководства имъ, въ значительной степени измѣняется и умаляется. Теперь становится возможнымъ извлекать крупные доходы изъ своихъ предпріятій или капиталовъ или изъ пользованія кредитомъ лицамъ, въ технику дѣла мало или ничего не смыслящимъ, черезъ посредство наемныхъ управляющихъ.

Особенно замѣтнымъ это дѣлается въ капиталистическихъ товариществахъ и акціонерныхъ обществахъ, образующихся изъ соединенія лицъ, обладающихъ капиталами, въ послѣднемъ случаѣ даже мелкими, но принадлежащими большому числу участниковъ. Капиталъ становится поэтому *силою безличною* или онъ самъ по себѣ *обезличивается*, ибо достаточно одной наличности капитала, чтобы получить съ него соотвѣтствующій его величинѣ доходъ, независимо отъ того, кому онъ принадлежитъ.

Для осуществленія капиталомъ такого его свойства—приносить доходъ даже безъ труда его владѣльца—необходимо было, кромѣ указаннаго преобразованія его въ сложныя орудія производства и въ денежную форму, еще образованіе обширнаго класса наемныхъ рабочихъ, т. е. лицъ, живущихъ только продажею своего труда и тѣмъ противопологаемыхъ владѣльцамъ капиталовъ. Всему этому должно было оказать содѣйствіе или создать соотвѣтствующую почву измѣненіе правового и государственнаго строя въ смыслѣ осуществленія началъ свободы труда и выбора занятій. Такое измѣненіе дѣйствительно и послѣдовало въ однихъ странахъ, какъ на примѣръ, въ Англіи нѣсколько раньше, а въ другихъ позже, т. е. въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія. Въ связи съ этимъ прекращается прежнее вмѣшательство государства въ хозяйственную дѣятельность и наступаетъ эра ея свободы, чему не малую

услугу оказалъ Ад. Смитъ и его школа, окончательно разбивъ ученіе меркантилизма.

Но наступившая система самому себѣ предоставленнаго оборота обнаружила свои благопріятныя стороны только въ процессахъ производства и обращенія, значительно увеличивъ размѣры перваго и быстроту втораго. Что-же касается до распредѣленія доходовъ, то система эта, хотя и покоящаяся на началахъ формальнаго равноправія и свободы, въ дѣйствительности оказалась очень далекою отъ идеальнаго о ней представленія теоретическихъ творцовъ ея. Въ этомъ процессѣ распредѣленія стали обнаруживаться нѣкоторые новые и крупные недостатки, которыхъ заранѣе не предвидѣли.

Такъ прежде всего оказалось, что хотя представители труда — рабочіе стали теперь свободными, что представляется несомнѣннымъ преимуществомъ, но въ одномъ отношеніи положеніе ихъ стало худшимъ, а именно: о прежнихъ зависимыхъ рабочихъ, — рабахъ или крѣпостныхъ крестьянахъ, должны были заботиться, въ смыслѣ обезпеченія ихъ существованія, ихъ владѣльцы. Современные-же вольнонаемные рабочіе предоставляются въ этомъ отношеніи самимъ себѣ. Никто имъ не гарантируетъ нахожденіе работы и достаточной для поддержанія ихъ существованія платы за нее. Величина ея находится въ зависимости отъ соотношенія между спросомъ на трудъ и его предложеніемъ и взаимной конкуренціи рабочихъ, отъ стоимости жизненныхъ припасовъ и многихъ другихъ условий, независящихъ отъ воли рабочихъ, подобно тому, какъ это есть и по отношенію къ доходамъ капиталистовъ. Но въ то время какъ послѣдніе называются таковыми, какъ обладающіе капиталомъ, т. е. запасомъ средствъ, могущимъ служить не только для производства, но и для потребленія, у рабочихъ такихъ запасовъ по общему правилу нѣтъ или они слишкомъ ничтожны. Поэтому всякія неблагопріятныя, но весьма въ быту рабочихъ обыкновенныя, случайности, въ родѣ ненахожденія работы или лишенія возможности работать вслѣдствіе временной болѣзни, потери трудоспособности или старости, всѣ они ставятъ рабочихъ въ безвыходное положеніе, въ которомъ по общему смыслу и духу современной системы хозяйства и права, никто не обязанъ имъ помогать. И если въ самое новѣйшее время замѣчаются разнообразныя проявленія заботъ объ улучшеніи участи и положенія рабочихъ въ формѣ, на примѣръ, страхованія ихъ отъ указанныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ или путемъ законодательнаго регулированія условий найма на работы и производства самихъ работъ (задачи фабричнаго законодательства), то все это само по себѣ не можетъ считаться вытекающимъ изъ существа современной системы хозяйства, а какъ бы привходитъ со

стороны, по мотивамъ и цѣлямъ ничего общаго съ борьбой эгоистическихъ или классовыхъ интересовъ не имѣющимъ.

Большинство такихъ мѣръ стали приниматься не сразу по установленіи этихъ новыхъ основъ хозяйства, а лишь послѣ обнаруженія на долгомъ и горькомъ опытѣ указанныхъ его несовершенствъ, т. е. примѣрно лишь во-второй половинѣ XIX вѣка или даже въ концѣ его. Не удивительно поэтому, что вскорѣ же стало наступать разочарованіе въ этомъ новомъ хозяйственномъ строѣ, да и въ той наукѣ, которая первое время являлась его безусловной защитницей, закрывая сознательно или бессознательно глаза на присущіе ему недостатки. Все это выражалось, какъ было уже вкратцѣ указано въ методологической главѣ, въ появленіи критическихъ и отрицательныхъ по отношенію къ современному хозяйству и къ изучающей его наукѣ ученій социализма и коммунизма.

Ученія эти сами по себѣ не дали, да и не могли дать никакихъ практическихъ результатовъ, въ смыслѣ рекомендуемаго ими коренного переустройства современнаго общества и хозяйства. Но критической своей стороной они заставили экономическую науку обратить должное вниманіе на указываемые недостатки, и прежде всего привели ее, т. е. науку, какъ равно и правительства разныхъ странъ, къ отказу отъ политики невмѣшательства въ сферу народнаго хозяйства, на чемъ такъ энергично настаивала первоначальная либерально-индивидуалистическая экономическая школа, начиная съ фізіократовъ и Ад. Смита съ его прямыми послѣдователями, и что казалось какъ будто твердо и навсегда установленнымъ въ нашей наукѣ вообще.

Подъ ударами той-же критики пришлось перестроить многія изъ своихъ, казалось бы тоже непоколебимыхъ положеній представителямъ науки права вообще и гражданскаго въ особенности, съ точки зрѣнія цѣли или цѣлесообразности нѣкоторыхъ юридическихъ институтовъ и отдѣльныхъ правовыхъ нормъ, особенно касающихся договоровъ найма на работу, отвѣтственности нанимателей по отношенію къ рабочимъ, нѣкоторыхъ условій пользованія правами собственности и т. п. Въ виду всего этого мы считаемъ необходимымъ теперь дать хотя бы самое краткое объясненіе существа этихъ критическихъ ученій, съ нѣкоторыми сторонами которыхъ придется имѣть дѣло въ теченіе всего дальнѣйшаго изложенія предмета нашей науки.

IX. Понятія коммунизма и социализма.

Не только въ обыденной рѣчи, но иногда и въ научныхъ трудахъ оба эти ученія смѣшиваются или даже отождествляются между собою,

что однако представляет довольно крупную ошибку, хотя въ началѣ ихъ зарожденія различіе между ними было не такъ велико и существенно какъ теперь, когда они довольно рѣзко разошлись другъ съ другомъ. Насколько поэтому полезно знакомство съ этими довольно употребительными теперь терминами и умѣнье ихъ различать другъ отъ друга, необходимо дать имъ краткое опредѣленіе.

Начнемъ съ того ученія, которое представляетъ собой наиболѣе полное отрицаніе современнаго правового и экономическаго строя общества, а именно съ *коммунизма*. Названіе это происходитъ отъ латинскаго слова *communis*, что значитъ общій и откуда такія производныя, какъ общины или коммуны въ обыкновенномъ житейскомъ смыслѣ, не имѣющія ничего общаго съ этимъ ученіемъ. Въ тѣсномъ-же смыслѣ этого слова, т. е. подъ настоящимъ коммунизмомъ понимается такая *полная общность имуществъ*, которая совершенно исключаетъ всякую частную собственность, на что бы она не распространялась. Въ этомъ смыслѣ коммунизмъ и является поэтому полнымъ отрицаніемъ современной и прежней дѣйствительности съ той поры, какъ только на что нибудь была установлена частная собственность. Возникновеніе-же послѣдней относится къ глубокой древности, если и не по отношенію ко всѣмъ предметамъ или объектамъ собственности, то по отношенію ко многимъ во всякомъ случаѣ. Наиболѣе полное и чистое свое выраженіе частная собственность нашла себѣ уже въ системѣ древняго римскаго права, а зачатки этого института относятся и къ еще болѣе отдаленнымъ періодамъ. Полное отсутствіе частной собственности въ естественномъ видѣ встрѣчалось, и можетъ быть встрѣчается гдѣ-либо еще и теперь, у совершенно дикихъ не культурныхъ народовъ при ихъ родовой или клановой организаціи, когда вообще интересы рода или племени ставились выше интересовъ отдѣльныхъ лицъ. Почти то-же самое, но больше въ видѣ своеобразнаго общественнаго идеала, существовало въ древне-греческихъ государствахъ, особенно въ Спартѣ, гдѣ принимались всякія мѣры, чтобы убить въ зародышѣ всякіе личные эгоистическіе интересы и стремленія ради интересовъ общегосударственныхъ, служеніе которымъ только и считалось достойнымъ для гражданъ. Оттого-то не безъ нѣкотораго основанія въ коммунизмѣ видятъ движеніе или стремленія, идущія не впередъ, а назадъ, особенно если принять во вниманіе способы, при помощи которыхъ считается возможнымъ осуществить и поддерживать такой коммунистическій строй.

Говоря, что коммунизмъ отрицаетъ *всякую* собственность, имѣется въ виду двоякое экономическое значеніе ея объектовъ, и именно *капиталовъ* какъ средствъ производства, съ одной стороны, и *пред-*

метовъ потребления или средствъ непосредственнаго удовлетворенія потребностей, съ другой. Такъ вотъ, коммунизмъ не дѣлаетъ между ними никакого различія, одинаково отрицая собственность какъ на тѣ, такъ и на другіе предметы. Цѣль такого отрицанія, какъ и коммунизма вообще, сводится къ тому, чтобы не допустить возникновеніе и существованіе имущественныхъ неравенствъ, развивающихся именно на почвѣ частной собственности. Конечный-жо идеаль коммунизма *полное равенство имуществъ и доходовъ*. Однако встрѣчается иногда нѣкоторое уклоненіе отъ этого принципа въ смыслѣ допущенія пользованія предметами потребления *сообразно потребностямъ* въ нихъ, ограничиваемыхъ впрочемъ естественными предѣлами, напримѣръ, человѣческими апетитами въ дѣлѣ ѣды, не могущими по своему объему значительно отличаться у одного человѣка въ сравненіи съ другими. На различіи такихъ двухъ конечныхъ цѣлей коммунизма покоятся разнообразныя и трудно согласуемыя между собою развѣтвленія этого ученія. Корней ихъ надо искать, съ одной стороны въ христіанствѣ, отрицавшемъ служеніе матеріальнымъ интересамъ, какъ главный мотивъ человѣческой дѣятельности, (трудность для богатыхъ проникнуть въ царствіе небесное), отсюда возникновеніе разнообразныхъ сектъ, чаще всего исходившихъ изъ монашествующаго духовенства, отрицающаго частную индивидуальную собственность. На этой почвѣ развивается религіозно-этической или мистической коммунизмъ и социализмъ, выдвигающій на первый планъ нравственное усовершенствованіе человѣка и какъ конечную свою цѣль, и въ то-же время какъ средство ея достиженія. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ только проповѣдывать преимущества такихъ формъ братскихъ общежитій, при которыхъ не возникало бы вопросовъ и споровъ «о моемъ и твоёмъ», какъ не ведутся эти споры въ обыкновенной современной семьѣ, гдѣ происходитъ братскій дѣлежъ предметовъ потребления, добываемыхъ обыкновенно главой семьи. При этомъ не происходитъ соразмѣренія между тѣми, кто сколько чего добылъ или произвелъ. Такія-то начала распределенія общихъ продуктовъ производства рекомендуются распространить на все общество или на отдѣльныя его группы, живущія въ тѣсномъ общеніи ихъ членовъ между собою.

Очевидно, что это могло бы осуществиться лишь при условіи, если бы эгоистическіе интересы перестали играть роль главныхъ стимуловъ хозяйственной дѣятельности, какъ это несомнѣнно есть теперь въ дѣйствительности. Для этого необходимо было бы полное нравственное и психическое перерожденіе человѣчества, чуть ли не превращеніе людей въ ангеловъ, что могло бы быть достигнуто мирной проповѣдью соотвѣтственныхъ идей. На этомъ и основываются

нѣкоторыя коммунистическія ученія совершенно мирнаго характера (типа Кабе, Пьера Леру и т. п.).

Фактическое нравственное состояніе человѣчества такъ далеко однако отъ подобныхъ идеаловъ самоотреченія, равенства и братства, что сколько нибудь серьезныхъ надеждъ не достиженіе этихъ идеаловъ такимъ путемъ питать не приходится. Поэтому, съ другой стороны, коммунизмъ развился на болѣе грубой матеріалистической почвѣ—простога недовольства бѣдныхъ противъ богатыхъ, переходящаго въ попытки болѣе или менѣе насильственнаго осуществленія болѣе равномернаго или совершенно равнаго распредѣленія имуществъ. Для этого то и необходимымъ представляется уничтоженіе всякой частной собственности, чтобы на почвѣ ея не могли возникать эти неравенства. Но мало одного уничтоженія; необходимо еще болѣе или менѣе искусственно поддерживать это равенство, которое будетъ долго еще претить людямъ, слишкомъ привыкшимъ жить на иныхъ, т. е. болѣе индивидуалистическихъ и эгоистическихъ, началахъ. Задача эта тогда возлагается на правительство, которое должно быть облечено соотвѣтственными полномочіями и сильною властью (авторитарный коммунизмъ).

Однимъ изъ первыхъ представителей его былъ Бабёфъ, который еще во времена великой французской революціи устроилъ заговоръ съ цѣлью захватить государственную власть въ свои руки и насаждать насильственно равенство. Заговоръ былъ раскрытъ, Бабёфъ казненъ, а идеи эти возрождаются уже въ 30-хъ гг. въ лицѣ ученика его Буанароти, но также безуспѣшно.

Насколько коммунизмъ перваго типа представляетъ трудно осуществимыя мечтанія о нравственномъ перерожденіи и улучшеніи человѣчества, настолько же неосуществимъ и второй, какъ слишкомъ противорѣчащій развивающимся у того-же человѣчества стремленіямъ къ свободѣ. Между тѣмъ только сильнѣйшее деспотическое правительство, въ родѣ того, какое было въ древней Спартѣ, способно было бы поддерживать искусственно и насильственно насажденное равенство и побуждать къ работѣ людей, привыкшихъ работать изъ-за вознагражденія, болѣе или менѣе соразмѣряемаго съ ихъ трудомъ. Еще труднѣе представить себѣ осуществленіе коммунистическаго равенства при отсутствіи всякой власти и собственности, т. е. въ формѣ такъ называемаго *анархическаго* коммунизма. Вообще во всѣхъ своихъ проявленіяхъ коммунизмъ представляетъ собою ученіе и планы столь противорѣчащія современному строю общества и хозяйства и психикѣ современныхъ людей, что онъ никогда не находилъ себѣ значительнаго числа сторонниковъ и совершенно не имѣетъ литературы, сколько нибудь заслуживающей

названія научной или представляющей собою интересъ для настоящей науки.

Другое дѣло ученія, объединяемыя подъ общимъ понятіемъ *соціализма*. Среди нихъ встрѣчаются такія мысли и положенія, которыя, будучи очищены отъ присущей многимъ изъ нихъ утопичности или фантастичности, заслуживаютъ серьезнаго вниманія со стороны науки и даже частью были восприняты ею въ самое себя, (какъ на примѣръ въ особенности многія изъ научныхъ положеній установленныхъ К. Марксомъ или Родбертусомъ-Ягцовымъ). Посмотримъ прежде всего въ чемъ заключаются наиболѣе типичныя и общія соціализму вообще черты этого ученія и чѣмъ оно отличается отъ коммунизма.

Отличіе это заключается прежде всего въ томъ, что коммунизмъ отрицаетъ частную собственность на что бы то ни было, между тѣмъ какъ соціализмъ относится отрицательно только къ частной *капиталистической* собственности, т. е. *средствамъ производства*, или къ имуществу, могущему доставлять доходъ его владѣльцу безъ непосредственнаго труда съ его стороны. Что же касается до предметовъ потребленія, то они могутъ быть предоставляемы въ полное распоряженіе, въ пользованіе или въ собственность отдѣльныхъ лицъ.

Въ связи съ этимъ находятся и совершенно иные взгляды соціализма на основы и идеалы распределенія доходовъ или тутъ правильнѣе сказать—результатовъ производства. Требованіе полного равенства доходовъ или вознагражденія за трудъ предъявляется лишь нѣкоторыми изъ соціалистическихъ школъ и скорѣе меньшинствомъ изъ нихъ, также какъ и принципъ соотвѣтствія доходовъ или вознагражденій потребностямъ. Большинство же стоитъ за установленіе соотвѣтствія между работой или заслугой отдѣльныхъ лицъ и долей ихъ въ продуктѣ производства, принимая во вниманіе, что различные виды труда требуютъ и различнаго напряженія силъ, и различной подготовки къ нимъ, и даже талантливости¹⁾. А все это совершенно исключаетъ начало равенства доходовъ или вознагражденій, столь типичное для коммунизма и отрицающее необходимость такого стимула къ труду, какъ желаніе получить соотвѣтственное своимъ заслугамъ вознаграженіе. Главнымъ же недостаткомъ современнаго хозяйства, и въ частности системы распределенія доходовъ, соціализмъ считаетъ то, что именно этотъ, по

---

¹⁾ Одинъ изъ основателей соціализма *Сенъ-Симонъ* такъ формулировалъ идеальный принципъ распределенія: „Каждому по его способностямъ, каждой способности по ея продукту (или произведенію—*oeuvre*)“.

существо индивидуалистической, принципъ въ ней не осуществляется въ достаточной полнотѣ. Потому то и возможно теперь получение доходовъ, и даже особенно крупныхъ, лицами, активно совершенно не трудящимися, въ силу одной принадлежности имъ капиталовъ, т. е. имуществъ, служащихъ средствами производства и источниками безтрудового дохода. Въ то же время лица дѣйствительно трудящіяся получаютъ за свою работу меньше, чѣмъ сколько стоитъ продуктъ ихъ труда, остающійся въ рукахъ у ихъ нанимателя-капиталиста. Эта разниа между цѣнностью продукта труда и вознагражденіемъ за работу и составляетъ источникъ или основу дохода на капиталъ. Въ этомъ социализмъ видитъ одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ современной системы распределенія доходовъ, исправленіе котораго связывается съ системой производства, критикуемой со слѣдующей точки зрѣнія: теперь руководятъ производствомъ капиталисты-предприниматели, побуждаемые къ этому стремленіемъ извлечь наибольшій доходъ изъ своего капитала или предпріятія. Для этой цѣли они должны, дѣйствуя на началахъ конкуренціи, приспособляться къ спросу на ихъ произведенія, къ различнымъ случайнымъ условіямъ и обстоятельствамъ сбыта и обращенія товаровъ, называемымъ элементами конъюнктуры и вліяющими на доходность предпріятій то благопріятно, то неблагопріятно. Все это подвергаетъ дѣятельность предпринимателей большому риску и случайностямъ, вслѣдствіе чего одни изъ нихъ разоряются, другіе же обогащаются на ихъ счетъ. Производство при этомъ идетъ не плавно, а скачками, и количество производимыхъ товаровъ то превышаетъ спросъ,—отъ чего цѣны на нихъ падаютъ и наступаютъ промышленные кризисы,—то, наоборотъ, не достигаетъ его (спроса), отъ чего цѣны чрезмерно растутъ и масса потребностей остается неудовлетворенными.

Въ виду того, что, по общему правилу, дѣйствія отдѣльныхъ предпринимателей совершенно свободны и не согласованы другъ съ другомъ, ибо каждый дѣйствуетъ на свой страхъ и рискъ, такой порядокъ производства социалисты называютъ хаотическимъ или *анархическимъ*, въ смыслѣ отсутствія общаго плана производства и единой власти, которая давала бы ему направленіе и устанавливала бы его размѣры, наиболѣе соответствующіе интересамъ всей страны или всего народа. Осуществить такую *планомѣрную организацию производства*, т. е. чтобы оно велось вполне сознательно по плану, заранѣе вырабатываемому сообразно точнымъ даннымъ о размѣрѣ потребностей во всевозможныхъ предметахъ,—это и составляло бы другую основную задачу социалистическаго строя хозяйства.

И такъ социализмъ задается двумя цѣлями или задачами: 1-е, вмѣсто нынѣшняго хаотическаго или анархическаго порядка производства и вообще хозяйства установить планомѣрную его организацію, и 2-е, устранить возможность полученіе доходовъ безъ труда, замѣнивъ это такимъ порядкомъ, при которомъ каждый получалъ бы вознагражденіе за свою хозяйственную дѣятельность, соотвѣтствующее его личнымъ заслугамъ. Въ этихъ общихъ задачахъ сходятся большинство представителей социализма, за исключеніемъ того меньшинства ихъ, которое стоитъ за полное равенство вознагражденій или доходовъ.

Но, переходя на практическую почву, ученіе это разбивается на нѣсколько направленій или школъ, довольно существенно расходящихся другъ съ другомъ. Такъ, по вопросу о томъ, кому должны въ будущемъ принадлежать средства производства, изъъемлемыя изъ частной собственности, одни стоятъ за передачу ихъ всему обществу во всемъ его цѣломъ; т. е. всей странѣ или народу, что называется *соціализаціей* или *націонализаціей*, также иногда *коллективизмомъ*. А такъ какъ социализмъ есть ученіе государственное, т. е. противоположное анархизму или безвластію, то распорядителемъ всего хозяйства явилось бы государство и ему же принадлежали бы всѣ средства производства, которыя должны быть *государственны* (*Verstaatlichung* у нѣмцевъ), что почти синонимъ націонализаціи.

Другое направленіе стоитъ за то, чтобы средства производства переходили въ распоряженіе какихъ-либо *мѣстныхъ группъ общенія*, которыя производили все необходимое сами у себя, если это возможно, или же вступали бы въ случаяхъ надобности въ обмѣнъ съ другими такими же хозяйственными группами. Это называется *муниципализаціей* средствъ производства или *федеративнымъ* социализмомъ, въ противоположность вышеуказанному государственному.

Наконецъ, третье направленіе стремится къ тому, чтобы средства производства сосредоточивались *въ рукахъ производителей продуктовъ по спеціальностямъ*, т. е. въ рукахъ соотвѣтственныхъ производительныхъ *ассоціацій*, которыя представляли бы цѣлую сѣть связанныхъ между собою въ каждой отрасли промышленности учрежденій и вступали бы въ обмѣнъ съ такими же учрежденіями въ другихъ отрасляхъ промышленности.

Вообще въ сферѣ плановъ и предположеній относительно будущаго хозяйственнаго устройства существуютъ большія разногласія между социалистами, дѣлящимися на нѣсколько школъ или направленій и нерѣдко прямо враждующихъ между собою. Поэтому и приведенные три типа далеко не могутъ считаться исчерпывающими, а лишь примѣрными образцами. За послѣднее время замѣтно прекращаются разработки этихъ плановъ будущаго, допускавшихъ широкое поле для всякихъ фантазій или «утопій», какъ былъ еще Томасомъ Морусомъ названъ одинъ изъ первыхъ такихъ плановъ. Центръ же тяжести вниманія и изслѣдованій переносится на послѣдовательный ходъ развитія хозяйства самого по себѣ, въ которомъ многіе видятъ черты или тенденціи, указывающія на возможность медленнаго постепеннаго преобразованія его въ этотъ иной строй. Главный толчокъ такому направленію данъ былъ К. Марксомъ и нѣкоторыми изъ его учениковъ.

Точно также существуютъ большія разногласія по вопросу объ основахъ

будущаго распредѣленія доходовъ или размѣровъ вознагражденія. Общимъ для всѣхъ направленій является только одно — что не должно быть мѣста безтрудовымъ доходамъ, вытекающимъ изъ одного факта обладанія капиталистическимъ имуществомъ. А затѣмъ взгляды разныхъ представителей социализма опять существенно расходятся. Такъ, на примѣръ, одни настаиваютъ на томъ, чтобы каждый получалъ *полный продуктъ своего труда* или полную его равноцѣнность; другіе же считаютъ необходимымъ установить *право каждого лица на нѣкоторый минимумъ средствъ существованія* въ болѣе или менѣе равныхъ для всѣхъ размѣрахъ. Осуществленіе каждого изъ этихъ двухъ принциповъ взаимно исключаетъ другъ друга, такъ какъ при первомъ цѣлый рядъ лицъ, не могущихъ работать (дѣти, старики, больные, вообще къ труду неспособные), не имѣли бы ни на что никакого права; при второмъ же нарушалось бы соотвѣтствіе между заслугами трудящихся лицъ и размѣромъ слѣдуемаго за то вознагражденія, какъ наилучшій стимулъ хозяйственной дѣятельности, присущій и современной системѣ хозяйства, но недостаточно послѣдовательно или не до конца въ ней проводимый. При отсутствіи же такого стимула приходилось бы возлагать всѣ надежды на большее развитіе нравственнаго сознанія или чувства долга работать, чтобы имѣть право на тѣ или другіе средства существованія или доходы. Или же приходилось бы принуждать къ труду тѣхъ, кто не желаетъ работать добровольно. Большіе надежды возлагаются также на такое дальнѣйшее развитіе техники, что многое, что дѣлалось и дѣлается трудомъ человѣка, будетъ производиться механическимъ или химическимъ путемъ. Отсюда видно, что социализмъ для своего осуществленія предполагаетъ прежде всего наличность гораздо болѣе высокой нравственной и технической культуры, чѣмъ это есть сейчасъ ¹⁾.

Х. Современныя задачи и содержаніе политической экономіи и отношеніе ея къ социальной политикѣ и социологіи.

Покончивъ съ этимъ краткимъ изложеніемъ сущности социалистическихъ ученій, укажемъ также вкратцѣ на то, въ чемъ особенно замѣтно оказалось вліяніе ихъ на экономическія и юридическія науки, а отчасти и на самое хозяйство и его формы. Во первыхъ, это заставило экономистовъ обратить серьезное вниманіе на указываемые недостатки современнаго хозяйства и прекратило свойственную первоначальнымъ экономистамъ чрезмѣрную идеализацію его. Практически же это привело къ развитію различныхъ мѣръ, направленныхъ на улучшеніе участи и положенія рабочихъ, какъ со стороны правительственной и законодательной власти, такъ и предоставленіемъ рабочимъ болѣшихъ средствъ самозащиты и взаимопомощи.

¹⁾ Наиболѣе полное и въ то же время очень сжатое изложеніе и критику различныхъ социалистическихъ ученій можно найти въ соч. проф. *Антонна Менгера*: „Право на полный продуктъ труда“, въ нѣсколькихъ русскихъ переводахъ какъ и *его-же*: „Новое ученіе о государствѣ“.

Во вторыхъ, указанная хаотичность хозяйства, предоставленнаго исключительно инициативѣ частныхъ лицъ и взаимной борьбѣ ихъ интересовъ, стала находить себѣ поправки, съ одной стороны, въ замѣнѣ конкуренціи объединеніемъ представителей однородныхъ отраслей промышленности въ картели, синдикаты, трэсты и т. п. соглашенія, которыя вырабатываютъ общій планъ дѣйствія вмѣсто разрозненной борьбы между собою, а во вторыхъ, даже совершенно независимо отъ указаній этой критики, стала исчезать слѣпая вѣра въ преимущества однихъ *частно-хозяйственныхъ* формъ предпріятій, основанныхъ на стремленіи къ барышу; и теперь перестали отрицать возможность успѣшнаго веденія хозяйствъ *общественныхъ* государствомъ (казною) или органами мѣстнаго управленія (городами, земствами). И, что еще важнѣе, не только въ теоріи, но и на практикѣ, хозяйства этого второго типа, т. е. общественныя, стали съ успѣхомъ развиваться и расширяться, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ даже претендуя на совершенную замѣну ими соотвѣтственныхъ предпріятій *частно-хозяйственныхъ*. Особенно замѣтно и съ успѣхомъ эта замѣна происходитъ въ области средствъ сообщенія и обращенія, т. е. въ устройствѣ и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, почтовыхъ, телеграфныхъ и телефонныхъ сообщеній. Успѣхъ-же обуславливается именно тѣмъ, что въ основѣ такихъ общественныхъ хозяйствъ лежатъ, во первыхъ, непосредственныя соображенія о пользѣ и интересахъ всѣхъ гражданъ государства или обывателей тѣхъ или другихъ мѣстностей, вмѣсто извлеченія выгодъ владѣльцами предпріятій, а во вторыхъ, имъ присущи общіе руководящіе планы дѣйствій, самое объединеніе которыхъ въ рукахъ единого владѣльца, или въ видѣ общей сѣти желѣзныхъ дорогъ, или почтово-телеграфныхъ учрежденій, создаетъ такія преимущества, выгоды и экономіи, которыя недоступны для конкурирующихъ между собою частныхъ учрежденій. Объединеніе-же послѣднихъ въ крупные союзы, синдикаты и т. п. грозитъ общественнымъ интересамъ въ качествѣ слишкомъ сильныхъ частныхъ монополій, создающихъ какъ-бы государство въ государствѣ.

Въ задачи новѣйшей политической экономіи входитъ поэтому теперь сравнительная критическая оцѣнка различныхъ способовъ разрѣшенія тѣхъ или иныхъ хозяйственныхъ вопросовъ, въ томъ числѣ сравненіе этихъ частныхъ и общественныхъ формъ предпріятій, при чемъ теперь уже можно констатировать растущее убѣжденіе въ преимуществахъ послѣднихъ во многихъ отрасляхъ хозяйства, въ зависимости конечно отъ правильности и успѣшности организаціи и функціонирования соотвѣтственныхъ государственныхъ или муниципальных (земскихъ и городскихъ) учрежденій.

Вообще изученіе всего процесса развитія хозяйства, т. е. въ цѣломъ взятаго, можетъ свидѣтельствовать о расширеніи сферы явленій, относимыхъ къ категоріи продуктовъ сознательнаго коллективнаго творчества (см. выше стр. 24 исл.). И переходъ этотъ совершается исподволь, постепенно, а не въ видѣ предполагавшихся многими социалистами катастрофъ или революцій.

На ряду съ этимъ въ настоящее время можно считать совершенно оставленнымъ и въ теоріи, и на практикѣ прежнее убѣжденіе, что хозяйство для своего правильнаго и успѣшнаго развитія нуждается только въ полной свободѣ дѣйствія или проявленія единичныхъ хозяйственныхъ интересовъ, какъ это пытались доказать представители прежней такъ называемой либерально-индивидуалистической школы экономистовъ. Точно также никто уже не вѣритъ въ естественную гармонию интересовъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ лицъ по отношенію ихъ другъ къ другу или къ общему благу цѣлой страны или народа. Напротивъ того, замѣчается все большее и большее обостреніе борьбы интересовъ и не столько отдѣльныхъ лицъ, какъ различныхъ общественныхъ группъ и цѣлыхъ классовъ. Наиболѣе опредѣленная борьба или антагонизмъ интересовъ проникаетъ взаимоотношенія классовъ капиталистовъ и рабочихъ, какъ представителей капитала и труда, этихъ двухъ самостоятельныхъ чисто экономическихъ категорій, развившихся исторически на почвѣ равнаго для всѣхъ гражданскаго права. Но это равенство правъ есть только формальное или съ чисто юридической точки зрѣнія; съ экономической-же, совпадающей съ фактической стороной дѣла, вопросъ сводится къ борьбѣ интересовъ, рѣшаемой на основаніи фактическаго соотношенія силъ. А онѣ, т. е. силы, въ данномъ случаѣ далеко не равны, ибо перевѣсъ несомнѣнно будетъ на сторонѣ того лица изъ двухъ борющихся между собою, которое обладаетъ капиталомъ. Это конечно иное противоположеніе, чѣмъ бывшее характернымъ для предыдущихъ хозяйственныхъ эпохъ, когда оно покоилось на различіи сословныхъ правъ и привилегій. Но и современное лишь формальное равенство правъ въ глазахъ экономистовъ имѣетъ значеніе столь-же малое, какъ и начало полной свободы, будто бы характеризующее современное хозяйство вообще и условія продажи рабочими своего труда въ частности.

«Мѣсто прежняго приказанія работать,—говорилъ Родбертусъ,—заступилъ договоръ рабочаго съ нанимателемъ,—договоръ только формально, но не матеріально свободный; голодъ почти вполнѣ замѣняетъ кнутъ. Что прежде называлось кормомъ, теперь называется заработной платой» ¹⁾. Иначе го-

¹⁾ *Rodbertus-Jagetzow. Zur Beleuchtung der Socialen Frage, 2-ter Brief, стр. 33.*

вора, фактическое принужденіе рабочаго отдавать часть продукта своего труда капиталисту, нанимателю или землевладѣльцу сводится къ невозможности прилагать свой трудъ независимо отъ нихъ, за неимѣніемъ собственныхъ запасовъ средствъ потребленія и орудій труда.

Тотъ же Родбертусъ, называя рентой вообще доходъ капиталистовъ, объяснялъ ея происхожденіе слѣдующимъ образомъ: «не можетъ быть никакой ренты, во-первыхъ, если работа не произведетъ болѣе, чѣмъ сколько нужно для поддержанія существованія работника,... во-вторыхъ, если нѣтъ такихъ установленій, благодаря которымъ этотъ избытокъ производствъ, частью или цѣликомъ, отнимается отъ рабочаго и поступаетъ къ тѣмъ лицамъ, которые самм не работали. Что трудъ производитъ излишекъ,—это есть основаніе экономическое, именно—увеличеніе производительности труда. Что этотъ излишекъ отнимается отъ рабочаго вполне или отчасти,—это уже покоится на началахъ положительнаго права, соединеннаго издавна съ силою и съ помощью принужденія продолжающаго поддерживать такое явленіе» ¹⁾).

Сопоставленіе такихъ двухъ предпосылокъ ренты, такъ рѣзко или грубовато формулированныхъ этимъ бывшимъ прусскимъ министромъ и первымъ нѣмецкимъ государственнымъ социалистомъ, приводитъ къ необходимости установить новый особый типъ или категорію явленій, называемыхъ *соціальными*, порождающихъ и соответственные соціальные вопросы, мѣры соціальной политики и разныя другія производныя отъ одного этого корня.

Что-же понимается подъ выраженіемъ *соціальный*? Отвѣтить на это сейчасъ съ достаточной ясностью, полнотой и въ смыслѣ единодушнаго опредѣленія едва-ли возможно. Но наиболѣе общее и краткое опредѣленіе можетъ быть сведено къ слѣдующему: подъ *соціальными* явленіями или отношеніями понимаются такія, которыя обуславливаются фактическимъ соотношеніемъ силъ въ борьбѣ, развивающейся на почвѣ равнаго для всехъ гражданскаго права. Отсюда видно, что это кругъ явленій или видъ отношеній, присущій главнымъ образомъ современной системѣ хозяйства—денежной и капиталистической, ибо она покоится на договорѣ найма свободныхъ рабочихъ капиталистомъ предпринимателемъ, владѣющимъ своимъ капиталомъ на правахъ частной собственности.

Въ противорѣчій началъ равенства и свободы формальныхъ, т. е. осуществляемыхъ въ области юридической и политической, съ фактической обстановкою экономической многіе не безъ основанія видятъ и сущность современнаго *соціального вопроса*; вообще же подъ этимъ терминомъ скрывается часто цѣлый рядъ отдѣльныхъ вопросовъ и понимается онъ въ очень различныхъ смыслахъ.

Одну изъ первыхъ подобныхъ формулировокъ соціального вопроса далъ германскій экономистъ *Шеель*, въ сочиненіи подъ заглавіемъ: «Теорія со-

¹⁾ Тамъ же, стр. 35.

ціального вопроса». Здѣсь онъ пришелъ къ своимъ выводамъ путемъ историческаго изслѣдованія *взаимодѣйствія двухъ организаціонныхъ системъ: политической (или юридической) и экономической*, т. е. преобладанія той или другой въ различныя историческія эпохи. Шеель дѣлитъ всю исторію на три періода или системы, а именно: рабовладѣльческая древняго міра, средневѣковая-феодалная и современная. Первая изъ этихъ трехъ организацій представляетъ собою *поглощеніе и подчиненіе экономической системы политической*. Такъ и было въ дѣйствительности, ибо разъ что существовало раздѣленіе населенія на свободныхъ и рабовъ, то ясно, что господство первыхъ и зависимость вторыхъ вытекали изъ соответствующаго правового строя и преобладанія государственныхъ началъ надъ всѣми остальными, какъ мы это уже знаемъ изъ очерковъ хозяйства въ древнихъ классическихъ государствахъ Греціи и Рима.

Характерной чертой средневѣковаго строя было расчлененіе населенія на классы и сословія, заключающія въ себѣ каждый самостоятельную хозяйственную и политическую жизнь, почти совершенно независимую отъ слабаго въ то время государства. Только такая организація и могла спасти народную жизнь въ эту смутную эпоху постоянныхъ войнъ, смѣнъ династій и измѣненій границъ государства. Обѣ организаціонныя системы были такъ тѣсно сплетены между собою или насквозь проникали другъ друга, что *трудно было бы сказать, которая изъ нихъ господствовала надъ другой*. И потому можно считать, что это было ихъ *равновѣсіемъ*. Но отъ этого періода Шеель переходитъ прямо къ нашему современному, пропуская періодъ развитія абсолютизма королевской власти или полицейско-правового государства, когда политическія организаціонныя начала снова господствовали надъ экономическими. Это, конечно, есть общій неизбѣжный недостатокъ всѣхъ попытокъ разбивать связную исторію человечества на искусственно устанавливаемые періоды или ступени развитія.

Политическіе и экономическіе перевороты конца XVIII вѣка привели человечество, съ одной стороны, къ осуществленію политическихъ идеаловъ равенства и свободы, а съ другой открыли обширное поле для прогрессивно развивающагося неравенства въ сферѣ экономической. Это выразилось въ возможности для однихъ лицъ и группъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ громадныя запасы денегъ и средствъ производства,—классъ капиталистовъ, которому противопоставляется классъ формально свободныхъ работниковъ, равноправныхъ прочимъ въ правовомъ и политическомъ отношеніи, но располагающихъ только своимъ трудомъ для пріобрѣтенія себѣ средствъ существованія. Отсюда *господство первыхъ и зависимость вторыхъ на почвѣ чисто экономической или преобладаніе этой послѣдней организаціонной системы надъ политической*.

Творческая въ области государственнаго устройства, задача политической революціи создала организацію народнаго представительства, какъ средство выраженія и защиты интересовъ всего народа. Въ работѣ новыхъ законодательныхъ учрежденій можно видѣть проявленіе результатовъ сознательнаго коллективнаго творчества. Между тѣмъ созданная новымъ экономическимъ строемъ форма хозяйства построена была на борьбѣ противоположныхъ интересовъ, по общему правилу никѣмъ и ничѣмъ не регулируемой. Но такъ навсегда остаться

дѣло не могло; поэтому возникаютъ новыя задачи такъ называемой *соціальной политики*, преслѣдующей цѣль смягченія внутреннихъ противорѣчій новаго хозяйственнаго строя, въ которомъ роль прежнихъ феодаловъ начинаютъ играть крупные капиталисты, а крѣпостныхъ крестьянъ замѣняютъ наемные рабочіе. Одна самозащита послѣднихъ, выражающаяся въ союзной ихъ организаціи, сама по себѣ смягченію этихъ противорѣчій или классоваго антагонизма служить не можетъ. Потому-то и представляется необходимымъ постепенное расширеніе рамокъ и задачъ соціальной политики и соответственнаго законодательства, выводящаго эту борьбу на путь болѣе мирнаго ея разрѣшенія. А это выдвигаетъ снова *роль и значеніе государственнаго вмѣшательства въ сферу хозяйства*, такъ какъ основная роль и назначеніе государства, какъ и права вообще, а тѣмъ болѣе прогрессирующаго въ своемъ устройствѣ, цѣляхъ и задачахъ, есть обезпеченіе мирныхъ условій общежитія, хотя бы путемъ принужденія, когда однихъ нравственныхъ и психическихъ основаній правового порядка оказывается недостаточно. Вопросъ, значитъ, сводится къ проникновенію соціально-политическаго элемента въ область правового творчества, т. е. къ установленію тѣснаго взаимодействія и взаимоотношенія между правомъ и государствомъ, съ одной стороны, и хозяйствомъ, съ другой. Этому вопросу въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ посвящено особое вниманіе.

Между тѣмъ въ прежней наукѣ, да отчасти и теперь еще, проводилось слишкомъ рѣзкое разграниченіе между различными областями общественной жизни, на что было указано еще въ методологической главѣ, гдѣ говорилось о чрезмѣрной изолированности экономическихъ явленій отъ сферы другихъ общественныхъ (см. выше стр. 51). При этомъ правовой порядокъ и государственный строй разсматривались какъ какія-то готовыя и непоколебимыя данныя или основанія хозяйства. Экономисты не должны были вовсе касаться вопросовъ права и государства, какъ и юристы вопросовъ хозяйства или хотя бы даже цѣли и назначенія тѣхъ или другихъ правовыхъ нормъ и институтовъ съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности. Однимъ словомъ развитіе этихъ двухъ категорій наукъ шло въ сторону возможно большей ихъ *спеціализаціи*, что само по себѣ до извѣстныхъ предѣловъ допустимо и цѣлесообразно, какъ выраженіе начала раздѣленія труда въ наукѣ.

Но это же начало и въ хозяйствѣ, при всѣхъ громадныхъ своихъ достоинствахъ, заключаетъ въ себѣ однако и нѣкоторые присущіе ему недостатки, хотя бы въ родѣ черезъ чуръ односторонняго развитія силъ и способностей слишкомъ узкихъ спеціалистовъ въ какомъ-либо дѣлѣ. То-же самое относится и къ научнымъ дѣятелямъ, если

они, черезъ чуръ специализируясь въ своихъ областяхъ знаній, начинаютъ упускать изъ виду ту внутреннюю связь между общественными явленіями, которая въ дѣйствительной жизни общества несомнѣнно существуетъ. Разрывая-же эти цѣльныя и болѣе сложныя явленія на составные простѣйшіе ихъ элементы, такіе ученые уподобляются людямъ изъ за отдѣльныхъ деревьевъ не видящихъ лѣса, и въ наукѣ начинаетъ господствовать тогда *атомизмъ*, т. е. изученіе однихъ мельчайшихъ составныхъ частей предметовъ изслѣдованія.

Въ такія ошибки впадали и экономисты въ сферѣ изслѣдованія своего спеціальнаго предмета, какъ напримѣръ, когда представители исторической школы утопали въ изученіи однихъ подробностей какой нибудь исторической эпохи, отдѣльной мѣстности или группы населенія, не видя въ этомъ значенія лишь одного изъ мелкихъ звеньевъ въ общей цѣпи развивающагося хозяйства. Сюда же относится неоднократно уже указанное преобладаніе исключительно частно-хозяйственной точки зрѣнія у прежнихъ экономистовъ, не умѣвшихъ, или даже сознательно не желавшихъ, становиться на болѣе широкую и самостоятельную точку зрѣнія хозяйства цѣлаго народа. Наконецъ въ такую-же односторонность впадаютъ до сихъ представители такъ называемой абстрактной или точной австрійской школы экономистовъ, желающіе ограничивать сферу научнаго изслѣдованія одними проявленіями индивидуальнаго эгоизма въ системѣ мѣноваго оборота и свободной конкуренціи.

Противуположное такой специализаціи общественныхъ наукъ начало ищетъ себѣ выраженія въ единой цѣльной наукѣ объ обществѣ, называемой *соціологіей*. Эта послѣдняя должна бы объяснять всю совокупность общественныхъ явленій, сразу охватываемыхъ во всемъ ихъ сложномъ взаимодействіи, какъ въ состояніи покоя (статикѣ), такъ и развитія (динамикѣ). И много уже заложено основаній или устоевъ для этой науки, но цѣльнаго зданія ея еще не возведено и даже нельзя ждать этого въ ближайшемъ будущемъ. Есть цѣлый рядъ соціологическихъ школъ и ученій, переходящихъ даже въ отвлеченно-философскія, но почти каждое изъ нихъ носитъ слишкомъ яркій отпечатокъ того или другого отдѣльнаго автора или творца особой школы. Не желая слишкомъ отвлекаться въ сторону отъ спеціальнаго предмета нашего изученія изложеніемъ этихъ различныхъ «соціологій», мы ограничимся указаніемъ на одинъ изъ соціологическихъ пріемовъ изслѣдованія не столько процесса общественнаго развитія во всемъ его цѣломъ, какъ именно преимущественно хозяйственной стороны жизни общества, но разсматриваемой въ тѣсной связи съ другими областями.

Органическія теоріи общественнаго развитія (Шеффле и Спенсера).

Приемъ этотъ—уподобленіе общества организму, откуда и названіе этой соціологической теоріи или школы *органической*. Но и подъ этимъ общимъ названіемъ скрывается нѣсколько отдѣльныхъ направленій, во многомъ существенно расходящихся другъ съ другомъ. Такъ раньше всего возникло уподобленіе общества организму въ смыслѣ статическомъ; въ такомъ духѣ еще въ древнемъ Римѣ консулъ Мененій Агриппа разсказалъ возмутившимся плебеямъ сказку о бунтѣ разныхъ органовъ человѣческаго тѣла противъ желудка. Сказка эта является прототипомъ всѣхъ органическихъ теорій; но она рисуетъ моментъ именно статическій, между тѣмъ какъ большинство современныхъ органическихъ школъ и теорій переносятъ центръ тяжести вопроса на точку зрѣнія динамическую или эволюціонную, т. е. на процессъ общественнаго развитія. Изъ числа послѣднихъ мы остановимся на теоріи нѣмецкаго экономиста и соціолога *Шеффле*, сопоставляя ее съ теоріей болѣе извѣстнаго англійскаго соціолога *Герберта Спенсера*. Сопоставленіе это представляетъ особый интересъ въ томъ отношеніи, что оно наглядно показываетъ, какъ небольшое на первый взглядъ измѣненіе въ одномъ и томъ же научномъ приемѣ можетъ приводить къ совершенно различнымъ и даже противоположныхъ конечнымъ выводамъ и результатамъ.

Въ началѣ своихъ изслѣдованій Шеффле¹⁾ и Спенсеръ²⁾ идутъ какъ будто рука объ руку совершенно однимъ путемъ, такъ что трудно отдѣлать, что говоритъ одинъ и что другой. Но съ извѣстнаго пункта, на который будетъ въ свое время указано, пути и выводы ихъ совершенно расходятся. Шеффле, правда, съ самаго начала заявляетъ, что онъ пользуется органическими аналогіями, лишь какъ *средствомъ иллюстраціи* общественнаго развитія, не отождествляя ни общества съ какимъ либо живымъ организмомъ, ни общественнаго развитія съ органическимъ ростомъ (названіе сочиненія Шеффле: «Строеніе и жизнь общественнаго тѣла съ обращеніемъ особаго вниманія на общественный обмѣнъ веществъ» (*Sozialer Stoffwechsel*), подъ чѣмъ понимается хозяйственный оборотъ или процессъ). Между тѣмъ какъ въ первыхъ строкахъ большинства сочиненій Спенсера находится обыкновенно прямое утвержденіе,

¹⁾ *A. E. Schaeffle*. Bau und Leben des Socialen Körpers 1-е изд. 1875—80 гг. 2-е 1881—1882 г.

²⁾ *Г. Спенсеръ*. Основанія соціологіи. 1877 г.

что общество есть организм и подчиняется законамъ органическаго роста. Все таки, какъ уже сказано, въ началѣ приемы органическихъ аналогій у обоихъ этихъ писателей одинаковы и суть ихъ заключается въ слѣдующихъ положеніяхъ:

Оба они стараются раскрыть схему общественнаго развитія, приближающую его къ высшему типу или состоянію, и находятъ эту схему въ видѣ готовой аналогій съ ранѣе открытыми законами развитія живыхъ органическихъ существъ, т. е. съ процессомъ перехода ихъ изъ нисшихъ типовъ въ высшіе на почвѣ борьбы за существованіе и приспособленія къ окружающей ихъ средѣ или обстановкѣ. Признаки, по которымъ обыкновенныя живыя существа классифицируются или относятся къ высшимъ и нисшимъ ихъ типамъ сводятся къ слѣдующимъ: нисшими или простѣйшими типами (видами или классами) считаются такіе, у которыхъ строеніе тѣла наименѣе сложно; это значитъ, что почти каждая часть ихъ тѣла исполняетъ такія-же разнообразныя функціи, какъ и другія части, на примѣръ, чуть не всей поверхностью тѣла существа простѣйшія дышатъ, принимаютъ (всасываютъ) пищу, всѣмъ тѣломъ двигаются и т. д. Наоборотъ, чѣмъ выше типъ, тѣмъ сложнѣе его организація, тѣмъ болѣе дифференцированы, т. е. различны другъ отъ друга, разныя части его тѣла и тѣмъ болѣе специализированы ихъ функціи, т. е. роли и назначенія. Такъ напр., однѣ части или органы осуществляютъ процессы дыханія, другіе пищеваренія, третьи служатъ для движенія тѣла, четвертые для зрѣнія, слуха и т. д. Въ тѣхъ же слѣдствіяхъ у нисшихъ существъ чуть не равномерно по всему ихъ тѣлу разбросаны нервныя узелки, одинаковой величины и значенія (какъ на примѣръ у червей); между тѣмъ какъ у существъ высшихъ (напр. позвоночныхъ) совершенно особое выдающееся значеніе имѣетъ главный нервный узелъ или центръ—головной мозгъ. Переходъ отъ нисшихъ существъ къ высшимъ заключается въ постепенной дальнѣйшей дифференціаціи и специализаціи ихъ частей тѣла и органовъ и въ сліяніи разбросанныхъ нервныхъ узелковъ въ одинъ главный центръ, служащій средоточіемъ высшаго сознанія и дирижирующей власти. Гибель или только серьезное поврежденіе такого главнаго нервнаго узла или другого центральнаго и важнаго органа влечетъ за собой гибель всего существа; между тѣмъ какъ существа простѣйшія могутъ существовать при раздѣленіи или разрывѣ ихъ на отдѣльныя части, такъ какъ каждая изъ нихъ подобна другимъ и заключаетъ въ себѣ всѣ элементы жизни; (такъ можетъ долго существовать разрѣзанный на двѣ половинки дождевой червякъ—существо простѣйшее, членистое или суставчатое; многія изъ простѣйшихъ существъ даже размножаются посредствомъ распаденія

на отдѣльныя части и т. п.). Потеря-же всякимъ позвоночнымъ существомъ головы, сердца, легкихъ или желудка и т. п. спеціальныхъ органовъ влечетъ за собою немедленную его смерть.

Аналогія указанныхъ свойствъ настоящихъ живыхъ организмовъ съ тѣлами общественными заключается въ слѣдующемъ: нисшими типами общественнаго устройства считаются такіе, въ которыхъ роли и значеніе всѣхъ составляющихъ ихъ человѣческихъ единицъ совершенно одинаковы, какъ напр., когда люди живутъ въ первобытномъ состояніи и ведутъ натуральное хозяйство, т. е. каждый человѣкъ или каждая группа людей удовлетворяетъ всѣ свои потребности собственными своими трудами или руками и вовсе не нуждаются другъ въ другѣ или очень мало. Между тѣмъ высшіе типы обществъ живутъ на началахъ общественнаго раздѣленія труда и занятій, благодаря чему общая производительность труда возрастаетъ не прямо пропорціонально числу участниковъ въ работѣ, а въ значительной прогрессіи; поэтому и большее число лицъ можетъ кормиться на той-же площади земли, которой не хватало для прокормленія меньшаго количества населенія при прежнихъ менѣ совершенныхъ формахъ хозяйства. Точно также аналогія выражается и въ томъ, что общество нисшаго типа легко переноситъ потерю значительной части своихъ членовъ, дѣлавшихъ или производившихъ то-же самое, что и остающіеся въ составѣ его. Тогда какъ въ сложномъ обществѣ гибель какой нибудь спеціальной группы, даже значительное ея сокращеніе или разстройство ея дѣлѣ, влечетъ за собой весьма чувствительныя послѣдствія для другихъ группъ, какъ напримѣръ: если бы погибла масса земледѣльцевъ, случился неурожай или закрылись какія нибудь фабрики и заводы, то это будетъ бѣдствіемъ болѣе или менѣ всеобщимъ, а не только разстроившейся той или другой группы. Съ другой-же стороны, при столкновеніи или войнѣ между двумя этими типами несомнѣнно побѣдитъ типъ высшій, такъ какъ организація его совершеннѣе, а потому и сильнѣе, какъ побѣждаютъ обыкновенныя культурныя народности первобытныхъ дикарей.

Большой дифференціаціи и спеціализаціи различныхъ органовъ и частей тѣла у высшихъ существъ уподобляется такимъ образомъ дальше развивающееся начало раздѣленія труда и занятій въ высшихъ типахъ общественнаго устройства. Дальнѣйшія аналогіи заключаются въ слѣдующемъ: вышеупомянутые нервные узлы, какъ и вообще вся сѣть нервной системы живыхъ существъ, служатъ для нихъ средствомъ передачи различныхъ велѣній и ощущеній; развивающійся-же все болѣе и болѣе главный центръ или головной мозгъ является средоточіемъ высшихъ формъ сознанія. И вотъ этой нерв-

ной системѣ живыхъ организмовъ уподобляется политическая организація человѣческихъ обществъ въ смыслѣ того или другого устройства государственной власти и органовъ управленія. Такъ разбросаннымъ равномерно по всему тѣлу нервнымъ узелкамъ уподобляются самыя первобытныя формы родового и патріархальнаго быта, когда каждый глава рода или семьи — этихъ первичныхъ ячеекъ государственности и хозяйства — представлялъ собою маленькій независимый центръ власти. Число такихъ центровъ постепенно сокращается, и тогда общества переходятъ къ типамъ патримоніальнаго и феодальнаго ихъ устройства; затѣмъ образуется одинъ самый крупный нервный узелъ въ лицѣ неограниченной монархической власти и все развитіе заканчивается представительнымъ образомъ правленія, когда центръ перестаетъ быть только источникомъ велѣній, а служитъ также мѣстомъ, куда передаются ощущенія периферіи, т. е. свѣдѣнія о нуждахъ и интересахъ всего тѣла, и гдѣ они всесторонне обсуждаются и соотвѣтственно этому издаются законы и дѣлаются распоряженія. Образование этого главнаго и сильнаго нервного центра сопровождается обыкновенно у живыхъ существъ, какъ и въ человѣческомъ обществѣ, вообще гораздо большимъ развитіемъ и утонченіемъ всей нервной системы, которая заканчивается тончайшими ея развѣтвленіями; отъ этого и возрастаетъ общая чувствительность организмовъ, и облегчаются центростремительныя и центробѣжныя передачи ощущеній и распоряженій. Между тѣмъ какъ у низшихъ существъ нервная система хотя и состоитъ изъ разбросанныхъ повсюду равносильныхъ нервныхъ узелковъ, но всѣ они мало развѣтвляются и соединены другъ съ другомъ какой нибудь одной грубой нервной нитью.

Въ хозяйственной жизни общества совершается аналогичный процессъ сокращенія числа дирижирующихъ центровъ, такъ какъ этому соотвѣтствуетъ сокращеніе количества предпріятій или хозяйствъ и превращеніе мелкихъ въ крупныя. Но хозяйственная дѣятельность въ обществѣ уподобляется растительнымъ и питательнымъ процессамъ въ живыхъ организмахъ, зависящимъ отъ особой нервной системы, называемой *симпатической*, которая не субординирована, а координирована съ главной нервной системой, завѣдующей сознательными функціями организма. Это значитъ, что симпатическая нервная система дѣйствуетъ до извѣстной степени отъ послѣдней независимо и самостоятельно, тѣмъ болѣе, что и самыя процессы эти — ростъ, дыханіе, пищевареніе, кровообращеніе суть скорѣе безсознательныя или произвольныя.

До этого момента Шеффле и Спенсеръ почти во всемъ согласны; но тутъ они начинаютъ расходиться въ разныя стороны. Спенсеръ

доказываетъ, что область хозяйства въ обществѣ должна быть такъ же рѣзко отдѣлена отъ области права и государства, какъ въ живыхъ организмахъ отдѣлены другъ отъ друга нервныя системы главная и симпатическая и зависящіе отъ нихъ процессы, и что въ хозяйственной дѣятельности нѣтъ мѣста для общаго регулирующаго его плана, а все должно быть основано на инициативѣ отдѣльныхъ частныхъ лицъ и компаній, на взаимной конкуренціи ихъ между собою, при условіи полной свободы дѣйствія; однимъ словомъ совершенно такъ, какъ учили первоначальные экономисты—классики. И все это подтверждается ссылками на соотвѣтственное раздѣленіе аналогичныхъ органическихъ процессовъ у живыхъ существъ, стало быть такъ-же должно быть и въ человѣческомъ обществѣ, какъ тоже нѣкоемъ организмѣ. Спенсеръ является поэтому энергичнымъ противникомъ государственнаго вмѣшательства въ хозяйственную дѣятельность, онъ врагъ всякаго законодательнаго ея регулированія, а въ особенности горячо возстаетъ противъ того, чтобы государство непосредственно брало на себя веденіе какихъ нибудь хозяйственныхъ дѣлъ, хотя бы въ родѣ желѣзныхъ дорогъ и т. п.¹⁾ Шеффле-же, наоборотъ, приходитъ къ обратному выводу, а именно, что если до сихъ поръ развитіе хозяйства не дошло еще до такой-же степени сознательности какъ въ области политической жизни, то это лишь нѣкоторая временная отсталость темпа хозяйственнаго развитія. Въ дальнѣйшемъ же должно произойти если не полное сліяніе областей экономической и политической, то во всякомъ случаѣ гораздо большее ихъ сближеніе; и сфера сознательнаго руководства хозяйствомъ со стороны государственныхъ и мѣстныхъ органовъ законодательства и управленія должна все болѣе и болѣе расширяться, пока не перейдетъ въ совершенно планомѣрную организацію. Тогда прекратится хаотичность современнаго хозяйства съ присущими ему случайностями, рискомъ, кризисами и т. п. недостатками и внутренними противорѣчіями».

Къ такимъ конечнымъ выводамъ Шеффле пришелъ не на почвѣ только органическихъ аналогій, а даже отчасти вопреки имъ, такъ какъ онъ придаетъ большое значеніе человѣческому сознанію, какъ психи-

---

¹⁾ Особенно рѣзко выступаетъ Спенсеръ противъ замѣчнаго имъ усиленія этой хозяйственной роли государства и мѣстныхъ органовъ самоуправления въ рядѣ статей, изданныхъ въ 1884 г. въ видѣ сборника „Man versus the state“ (Человѣкъ противъ государства). Одна изъ этихъ статей была переведена и издана по русски подъ заглавіемъ: „Грядущее рабство“. Нашъ разборъ всѣхъ этихъ статей былъ помѣщенъ въ журналѣ „Сѣверный Вѣстникъ“ въ ноябр. кн. 1885 г., въ статьѣ подъ названіемъ: „Роль личности и государства съ точки зрѣнія Г. Спенсера“.

ческому фактору, дѣйствующему на ряду съ органическими (естественными) принципами развитія. «Общественное развитіе, говоритъ онъ, есть частью результатъ воздѣйствія естественныхъ причинъ, частью же и въ возрастающей степени, продуктъ представленій о цѣли и идей, за которыя общественныя силы побѣдоносно выступили въ общественной борьбѣ за существованіе. Поэтому всегда злоупотребляли выраженіемъ «органической ростъ», какъ бы исключаящимъ политику, (которая всегда предполагаетъ сознательное цѣлесообразное воздѣйствіе на тѣ или другія сферы и явленія общественной жизни)». Расширеніе сферы научныхъ знаній, изученіе исторіи и современнаго положенія другихъ странъ и народовъ, все это даетъ людямъ, по мнѣнію Шеффле, возможность болѣе умѣло и сознательно направлять ходъ общественнаго развитія въ сторону высшихъ болѣе совершенныхъ организацій всѣхъ сторонъ жизни общества и хозяйства въ томъ числѣ. Успѣшность такой организаціонной дѣятельности обусловливается пониманіемъ процесса общественнаго развитія во всемъ его цѣломъ, что и достигается при помощи той дисциплины ума, которая наилучше обеспечивается путемъ такихъ цѣлостныхъ органическихъ воззрѣній на общество и процессы его развитія, но безъ полнаго отождествленія обществъ съ организмами настоящими.

Общая характеристика процесса хозяйственнаго развитія.

Не смотря на указанное внутреннее противорѣчіе въ двухъ разсмотрѣнныхъ органическихъ теоріяхъ или школахъ, можно и должно признать присущую имъ въ общихъ чертахъ заслугу въ томъ отношеніи, что онѣ объединили въ одну болѣе или менѣе стройную систему общественныя явленія хотя и разнаго порядка, но находящіяся въ несомнѣнной связи и взаимодействіи другъ съ другомъ. Изолированному или оторванному отъ сферы остальныхъ общественныхъ явленій изученію однихъ экономическихъ явленій былъ поэтому положенъ конецъ, точно также какъ изученію ихъ исключительно съ точки зрѣнія причиносообразности. Не исключая этого метода по существу, современная экономика ставитъ его только на должное мѣсто и дополняетъ его изученіемъ процесса эволюціи или развитія хозяйствъ и взаимоотношеній внутри его различныхъ отраслей, подвергая въ то же время изучаемыя явленія критикѣ и оцѣнкѣ съ точки зрѣнія ихъ большей или меньшей цѣлесообразности и соотвѣтствія исторически развивающимся началамъ этическимъ или соціальной справедливости.

Самъ по себѣ этотъ процессъ общественнаго развитія вообще и хозяйственнаго въ частности теперь представляется частью слѣд-

ствіемъ причинъ, не зависящихъ отъ воли и сознанія людей, частью результатомъ именно послѣдняго рода факторовъ, такъ называемаго коллективнаго сознательнаго творчества. Закономѣрность и причиносообразность играютъ, стало быть, извѣстную, но не исключительную роль и въ современномъ хозяйствѣ, и въ его развитіи. Вліяніе факторовъ сознательнаго воздѣйствія постепенно возрастаетъ, по мѣрѣ перехода явленій съ почвы борьбы единичныхъ интересовъ или свободной конкуренціи на путь регулированія взаимоотношеній борющихся лицъ и сторонъ въ интересахъ общественныхъ и въ особенности по мѣрѣ замѣны частно-хозяйственныхъ формъ предпріятій общественно-хозяйственными организаціями.

Но все это факты и явленія развивающіеся медленно и исподволь, можетъ быть, лишь съ нѣкоторымъ ускореніемъ темпа этого развитія по мѣрѣ того, какъ люди начинаютъ все больше и больше постигать сущность своего хозяйства, а равно и возможность и даже необходимость его сознательнаго регулированія. Наоборотъ, нельзя дѣлить всю исторію человѣчества на два совершенно противоположные періода, изъ коихъ въ одномъ первомъ (прошломъ и настоящемъ) царитъ независящая отъ воли и сознанія людей закономѣрность, а во второмъ, имѣющемъ еще наступить или будущемъ, люди станутъ хозяевами положенія и начнутъ вполнѣ свободно и сознательно руководить своей общественной жизнью вообще и хозяйствомъ въ частности. Для осуществленія этого второго періода, или вѣрнѣе свободнаго состоянія человѣчества, было бы необходимо и достаточно, по мнѣнію нѣкоторыхъ экономистовъ, только одного, правда очень важнаго, измѣненія, а именно: чтобы орудія и средства производства сдѣлались достояніемъ общества, т. е. чтобы современная частно-хозяйственная система прекратилась и замѣнилась планомѣрной сознательной организаціей хозяйства.

Но пусть лучше эта мысль будетъ выражена подлинными словами одного изъ представителей такого воззрѣнія, а именно *Ф. Энгельса*: «Когда общество овладѣетъ орудіями производства, то будетъ устранено товарное производство и вмѣстѣ съ тѣмъ господство продукта надъ производителемъ. Анархія внутри общественнаго производства будетъ замѣнена планомѣрной сознательной организаціей. Борьба за индивидуальное существованіе (интересы) прекратится... Условія существованія человѣка только съ этого момента изъ животныхъ сдѣлаются истинно человѣческими. Совокупность окружающихъ человѣка жизненныхъ условій, которая до сихъ поръ господствовала надъ людьми, становится тогда подъ господство и контроль людей, только теперь дѣлающихся настоящими господами природы... Законы ихъ собственной общественной дѣятельности, бывшіе до сихъ поръ чуждыми для людей и господствующими надъ ними законами природы,—эти законы теперь съ полнымъ знаніемъ ихъ будутъ прилагаться людьми и подпадать подъ ихъ господство... Объективныя чуждыя силы, которыя до сихъ поръ господствовали

надъ исторіей, теперь подчинятся контролю людей. Только съ этого момента люди будутъ съ полнымъ сознаниемъ дѣлать свою исторію, только съ этого момента приводимыя ими въ движеніе общественныя причины будутъ преимущественно и въ растущей мѣрѣ приводить къ желаемымъ людьми послѣдствіямъ. Это прыжокъ челоуѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы» ¹⁾.

Здѣсь нами подчеркнута слово «прыжокъ», которое очень ярко выражаетъ основную мысль этого автора, что это будетъ рѣзкимъ переворотомъ, который отдѣлитъ всю прошлую исторію челоуѣчества отъ будущей, т. е. то, съ чѣмъ мы считаемъ невозможнымъ согласиться, именно, чтобы существовавшія вѣка и тысячелѣтія законмѣрность и причинность вдругъ могли бы исчезнуть и были бы сразу замѣненными сознательнымъ и свободнымъ творчествомъ самихъ людей или ихъ ума, воли и чувствъ. Главная невѣрность этого предположенія въ томъ, что теперь люди будто бы *ничего* сами сдѣлать не могутъ, а тогда будутъ въ состояніи сдѣлать *все*. Мы же полагаемъ, что хотя значеніе причинности и законмѣрности и сократится въ будущемъ болѣе или менѣе значительно, но не исчезнетъ вполнѣ, и будутъ онѣ все-таки до извѣстной степени ограничивать волю и сознание людей, вообще же призванныхъ играть въ будущемъ гораздо большую роль. И будетъ это такъ главнымъ образомъ потому, что хозяйственная дѣятельность заключается не во взаимоотношеніяхъ людей только другъ къ другу, но и въ отношеніяхъ ихъ къ природѣ; а послѣдняя только отчасти покорятся челоуѣкомъ, ибо имѣетъ и свои, присущіе ей неизмѣнные законы своего существованія, съ которыми людямъ всегда придется считаться какъ съ неподдающимися ихъ сознательному воздѣйствію. А кромѣ того еще потому, что въ природѣ существуетъ много даровъ ея или полезностей, ограниченныхъ въ своемъ количествѣ, добываніе которыхъ будетъ дѣлаться все труднѣе и цѣнность коихъ поэтому будетъ все болѣе возрастать.

Во всякомъ же случаѣ для возможнаго торжества началъ свободного и сознательнаго коллективнаго творчества не достаточно будетъ только одного перехода средствъ производства въ руки общества или даже хотя бы вообще полной перемѣны въ системѣ хозяйства, ибо начала причинности присущи не одному только хозяйственному строю общества. Послѣдній-же не представляетъ собой того единаго и исключительнаго базиса или фундамента, на которомъ покоятся будто бы всѣ остальные стороны жизни общества, какъ утверждалось это въ ученіяхъ историческихъ и экономическихъ матеріалистовъ. Въ измѣненіяхъ, переживаемыхъ челоуѣческимъ обществомъ на протяженіи всего историческаго развитія кромѣ факторовъ и условій экономическихъ, большую роль играли и другіе факторы частью тоже матеріальнаго, но не экономического характера, въ видѣ грубыхъ формъ принужденія, вытекавшихъ изъ того или другого строя прежнихъ государствъ и связанныхъ

---

¹⁾ Fr. Engels. Dührings Umwälzung der Wissenschaft, 3-е изд, 1894 г., стр. 305—306.

съ ними различій въ сословныхъ правахъ и привилегіяхъ, частью же факторы, относящіеся къ области духовной жизни человѣка. Послѣдніе проявлялись въ прежнія времена преимущественно въ связи съ религіозными вѣрованіями, а затѣмъ и независимо отъ нихъ въ видѣ различныхъ идеалистическихъ стремленій человѣческаго духа, отражавшихся на регулированіи человѣческихъ взаимоотношеній въ областяхъ права, обычаявъ и нравственности. Изъ сферы этихъ болѣе возвышенныхъ духовныхъ и психическихъ явленій заимствуетъ свои идеалы и прогрессивно развивающееся человѣческое хозяйство; само же по себѣ или въ отдѣльности взятое, послѣднее не можетъ породить этихъ идеаловъ въ абсолютномъ ихъ смыслѣ, но можетъ вызывать и вызываетъ потребности въ измѣненіи характера и содержанія отдѣльныхъ правовыхъ нормъ и цѣлыхъ даже институтовъ въ связи съ неизбѣжно совершающимися измѣненіями въ формахъ и организаціяхъ хозяйственной дѣятельности.

Все только что сказанное о несамостоятельности экономическихъ идеаловъ нисколько не умаляетъ значенія хозяйства вообще и не лишаетъ возможности совершенно самостоятельно, т. е. съ чисто-экономической точки зрѣнія, признавать тѣ или другія явленія прогрессирующими. Но послѣднее можетъ относиться главнымъ образомъ къ процессамъ производства и обращенія и отчасти потребленія. Недостаточность же одной экономической точки зрѣнія относится преимущественно къ процессу распредѣленія. Такъ не только возможно, но и должно именно съ экономической точки оцѣнивать тѣ или другіе формы и условія производства, т. е. по наибольшей ихъ производительности или по легко измѣримымъ ихъ матеріальнымъ результатамъ самимъ по себѣ. Точно также и относительно обмѣна или обращенія легко сказать, какія условія и мѣры содѣйствуютъ ускоренію или облегченію этого процесса. Но, что касается до распредѣленія, то тутъ очень трудно ограничиться однимъ описаніемъ и объясненіемъ того, какъ и отчего оно происходитъ, не вдаваясь въ оцѣнку съ точки зрѣнія справедливости, этической или социальнo-политической. Вотъ почему въ значительной степени правъ былъ проф. Ад. Вагнеръ, относя задачи социальнoй политики, главнымъ образомъ (но не исключительно), къ области распредѣленія доходовъ въ смыслѣ обезпеченія ихъ большей равномѣрности (см. выше стр. 47). Но откуда же взять основанія для этой политики или, иначе говоря, ея идеалы? Вотъ тутъ-то недостаточность одной экономики и сказывается яснѣе всего. Чисто-экономическій идеалъ, да и то съ точки зрѣнія только современнаго хозяйства, могъ бы сводиться къ соотвѣтствію доходовъ заслугамъ лицъ ихъ получающихъ, такъ какъ это соотвѣтствіе вмѣстѣ съ тѣмъ могло бы служить и наилучшимъ побужденіемъ къ увеличенію и напряженности, и производительности труда. А какъ же насчетъ дохода на капиталъ?—долженъ спросить современный экономистъ,—вѣдь и ему надо обезпечить наиболѣе выгодное помѣщеніе. Да, но только доходъ на капиталъ, какъ впрочемъ и съ земли, можетъ получаться и безъ труда, а стало быть и безъ заслугъ, его владѣльца, а за счетъ доли дохода трудящихся лицъ. Вотъ тутъ-то и выступаетъ одно изъ многочисленныхъ внутреннихъ противорѣчій современной капиталистической системы самой по себѣ, какъ бы

безвыходный заколдованный кругъ. Это все конечно и не вопросы для такихъ экономистовъ, которые вообще отрицаютъ критику и оцѣнку, какъ одну изъ задачъ экономики, равно какъ и этическую въ ней точку зрѣнія вообще. Съ такими сухими и односторонними людьми въ сущности и говорить тутъ не объ чемъ. Но какъ быть съ такими, которые, отрицая связь экономики съ этикой, не отказываются отъ критики и оцѣнки съ точки зрѣнія идеаловъ экономическихъ и даже социальнo-политическихъ?

Единственную серьезно-научную попытку разрѣшенія этого вопроса такимъ именно способомъ дѣлаетъ одинъ изъ современныхъ и наиболее талантливыхъ экономистовъ *В. Зомбартъ* въ цѣломъ рядѣ своихъ работъ вообще, но яснѣе и опредѣленнѣе въ небольшой работѣ подъ такимъ именно заглавіемъ: «Идеалы социальной политики». Здѣсь, со всей яростью набирается онъ на всякую примѣсь этического элемента къ политической экономіи и къ социальной политикѣ; тутъ и лицемѣріе, и реакціонность, и тормазъ экономическому прогрессу и многое другое ставится въ упрекъ и въ вину этикѣ. Но въ чемъ же идеаль социальной политики, самостоятельно извлекаемый изъ одной экономіи или процесса хозяйственнаго развитія самого по себѣ? Подходить Зомбартъ къ рѣшенію слѣдующимъ путемъ: сперва онъ говоритъ: «Социальная политика должна всегда опредѣленно имѣть въ виду направленіе, въ которомъ переустраивается экономическая жизнь; а это можетъ быть лишь направленіемъ побѣднаго шествія опредѣленной системы хозяйства, значить, отдѣльнаго социального класса» ¹⁾. Отвѣтъ на вопросъ, кто же эти побѣдоносно-шествующіе, на которыхъ, какъ на сильныхъ, должна дѣлаться эта ставка, слѣдующій: «Здоровая социальная политика должна имѣть своей задачей возможную поддержку того социального класса, который является носителемъ экономическаго прогресса, потому что лишь такимъ путемъ можетъ быть осуществленъ ея идеаль: высшее развитіе производительныхъ силъ, достиженіе котораго необходимо требуется въ интересахъ культурнаго прогресса» ²⁾; или еще короче: «Идеаль социальной политики есть экономически совершенное, которое представляется для каждаго даннаго времени высшей по развитію хозяйственной системой, т. е. системой хозяйства высшей производительности» ³⁾. Наконецъ, совсѣмъ уже коротко далѣе, Зомбартъ самъ называетъ свой идеаль просто «производственнымъ»; «распредѣлительная же политика», по его мнѣнію, есть «бессистемная путаница отдѣльныхъ мѣропріятій, она не можетъ имѣть ясныхъ и устойчивыхъ точекъ зрѣнія» и т. д., и т. д.

Намъ кажется достаточнымъ этого сознанія, чтобы подтвердить нашу мысль о беспочвенности политики въ области распредѣленія, если подъ почвой понимать сферу однихъ чистыхъ экономическихъ явленій. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы могли имѣть мѣсто и значеніе только одни «производственные идеалы». Какъ бы ихъ Зомбартъ не отдѣлялъ отъ близкихъ къ нимъ идеаловъ первоначальныхъ экономистовъ, (самъ онъ отнюдь не служителъ буржуазныхъ интересовъ, а даже въ извѣстной дозѣ социализирующій экономистъ), все-таки онъ попадаетъ въ вышеуказанный безвыходный заколдованный кругъ, ибо самъ сознаетъ, что безъ чего-то посторонняго или внѣшняго, въ данномъ случаѣ—этического элемента, политики распредѣленія обосновывать нельзя. Обойтись, однако, безъ нея тоже нельзя, и это

¹⁾ *В. Зомбартъ*. Идеалы социальной политики, рус. перев. 1905 г., стр. 54.

²⁾ и ³⁾ *Зомбартъ*, назв. соч., стр. 58.

прежде всего фактъ, такъ какъ давно принимается цѣлый рядъ мѣръ именно социальной, а не чисто экономической, политики; и относятся онѣ именно къ этому хозяйственному процессу, а не къ производству. Таковы, напримеръ, шире всего развившіяся мѣры или цѣлыя организаціи по всеобщему обязательному образованію рабочихъ, по ограниченію рабочаго времени, недопущенію въ нѣкоторыя производства или же ночныя работы женщинъ и малолѣтнихъ рабочихъ, развитіе различныхъ примирительныхъ учреждений, задающихъ даже цѣлью, какъ это уже и есть въ Австраліи, установленія минимальнаго и обычнаго уровня заработной платы, и вообще всякіе мѣры и заботы объ улучшеніи положенія рабочихъ, а также и финансовыя мѣры въ родѣ подоходнаго обложенія и т. п. Но Зомбартъ, вопреки общеустановившемуся мнѣнію, не относитъ подобныхъ мѣръ къ области социальной политики, а къ какой-то *индивидуальной*, для которой онъ придумалъ столь неудачное названіе, ибо социальная политика, по его же опредѣленію, объемлетъ только «тѣ мѣропріятія, которыя имѣютъ цѣлью или слѣдствіемъ сохраненіе, содѣйствіе развитію или уничтоженіе, подавленіе опредѣленной экономической системы или ея составныхъ частей»¹⁾. Это значитъ—все, что сейчасъ содѣйствуетъ побѣдоносному шествію торжествующаго капитализма и что уничтожаетъ и подавляетъ все другое ему враждебное или несвойственное. Но капитализмъ развивается и самъ по себѣ, даже безъ особой поддержки со стороны государства и правительства и даже иногда наоборотъ—поддерживаетъ послѣднее, ссужая ему деньги; такъ что жъ его еще и поддерживать? или зачѣмъ дѣлать эту «ставку на сильныхъ» и безъ того?—Отвѣтъ одинъ—этого требуетъ система «автономнаго экономизма», если можно такъ выразиться.

Но мы умышленно вернулись къ этому вопросу объ идеалахъ въ заключеніи историческаго отдѣла, чтобы дать возможность изъ изложеннаго процесса развитія хозяйства и нѣкоторыхъ экономическихъ ученій вывести заключеніе о наличности, а не только желательности такихъ тенденцій этого процесса развитія, которыя коренятся не въ однихъ усовершенствованіяхъ экономіи и техники, а въ чемъ-то высшемъ и болѣе заслуживающемъ названія «идеальнаго». Только при озареніи обычной будничной хозяйственной дѣятельности свѣточами этихъ высшихъ человѣческихъ идеаловъ, сама дѣятельность эта получаетъ правильное освѣщеніе и такую постановку вопросовъ, что человѣкъ является главнымъ предметомъ при изученіи хозяйственной дѣятельности, какъ и удовлетвореніе его потребностей—ея цѣлью.

ЛИТЕРАТУРА.

А. Кауфманъ. Формы хозяйства въ ихъ историческомъ развитіи 1910.—
К. Бюхеръ. Возникновеніе народнаго хозяйства 1907.—*Г. Кулшеръ*. Лекціи по исторіи экономическаго быта Зап. Европы 1910.—*А. П. Чупровъ*. Исторія пол. экономіи. 1892.—*А. Бланки*. Исторія пол. экон. въ Европѣ. 1864.—*Онкенъ*. Исторія пол. экон. (до А. Смита). 1908.—*Ингрэмъ*. Исторія пол. экон. 1892.—*М. Мейеръ*. Главныя теченія въ современной пол. экон. 1891.—*П. Масловъ*. Теорія развитія народнаго хозяйства. 1910.—*А. Богдановъ*. Краткій курсъ экономической науки. 1902 (общій курсъ на почвѣ историческаго

¹⁾ Тамъ же, стр. 12 и 13.

развитія хозяйства).—*Н. Зиберъ*. Очерки первобытной экономич. культуры. 1899.—*Энгельсъ*. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1904.—*М. Ковалевскій*. Очерки происхождения и развитія семьи и собственности. 1895.—*Э. Мейеръ*. Экономическое развитие древняго міра. 1910.—*Нибуръ*. Рабство, какъ система хозяйства. 1907.—*Ф. Листъ*. Національная система пол. экон. 1891 (главы историческія).—*Гиббинсъ*. Промышленная исторія Англій. 1897.—*Гобсонъ*. Эволюція современнаго капитализма. 1899.—*Золбартъ*. Современный капитализмъ. 2 т. т. 1904—1905 (особенно т. I, генезисъ капитализма).—*М. Ковалевскій*. Экономическій ростъ Европы. 3 т. т. 1898—1904.—*Его-же*. Развитие народнаго хозяйства Зап. Европы. 1899 (публич. лекція).—*Ант. Менгеръ*. Право на полный продуктъ труда. 1906.—*Его-же*. Новое учение о государствѣ. 1905.—*Бургэнъ*. Современныя социалистическія системы и экономическое развитие. 1906.—*Э. Лавелъ*. Современный социализмъ. 1882.—*Туганъ-Барановскій*. Современный социализмъ. 1906.—*Г. Спенсеръ*. Основанія социологіи. 1877.—*В. Золбартъ*. Идеалы социальной политики. 1905.—*J. Kautz*. Die geschichtliche Entwicklung der National-Oekonomik u. ihrer Literatur. 1860.—*W. Roscher*. Geschichte der Nat. Oek. in Deutschland. 1874.—*Dumesnil-Marigny*. Histoire de l'économie politique des anciens peuples. 1872.—*Schaeffle*. Bau und Leben des Sozialen Körpers. 1881—1882.

Основные элементы и условия хозяйства.

Предварительное замѣчаніе.

Въ этомъ отдѣлѣ сведены вмѣстѣ и разсматриваются многіе изъ тѣхъ явленій и понятій, которыя въ другихъ русскихъ курсахъ обыкновенно относятся къ ученію о производствѣ, какъ его главные факторы, или элементы этого процесса (въ томъ числѣ трудъ, природа и капиталъ). Не говоря уже о томъ, что это дѣленіе на три фактора производства болѣе или менѣе оставлено уже въ современной наукѣ, есть и другія основанія выдѣленія въ этотъ отдѣлъ какъ всѣхъ этихъ бывшихъ факторовъ, такъ и другихъ вопросовъ и явленій, а именно: здѣсь всѣ они разсматриваются въ самыхъ общихъ основныхъ своихъ проявленіяхъ, независимо отъ внѣшняго ихъ выраженія въ формахъ хозяйствъ или предпріятій. Это подобно тому, какъ анатомія и физиологія изучаютъ составныя части тѣла и происходящія въ немъ явленія сами по себѣ, независимо отъ внѣшней оболочки или формъ этихъ организмовъ. Изученіе-же формъ и составляетъ то что называется морфологіей и систематикой. Такъ и здѣсь явленія эти отнесены къ общей части курса потому, что они во внѣшнихъ своихъ формахъ проявляются въ отдѣльныхъ хозяйственныхъ процессахъ и въ строѣ или въ формахъ хозяйственныхъ предпріятій, ученіе о которыхъ относится уже ко второй или особенной части курса. Кромѣ того нельзя сказать, чтобы и самые-то хозяйственные процессы теперь тоже такъ-же рѣзко разграничивались, какъ это считалось возможнымъ дѣлать раньше. Потому многое общее основнымъ элементамъ и условиямъ хозяйства съ точки зрѣнія всѣхъ процессовъ и выдѣлено въ эту общую часть, какъ это уже давно дѣлается нѣмецкими экономистами (Вагнеромъ, Шмоллеромъ, Кономъ и др.).

I. Населеніе и трудъ.

1. Населеніе.

Свойства населенія вообще и какъ основанія для вычисленія *массы труда*: количество, густота, составъ населенія по полу, возрасту и занятіямъ, по самостоятельности и производительности. Приростъ населенія. Теорія народонаселенія Мальтуса

Человѣкъ съ его нуждами и интересами или, что тоже, потребностями, съ одной стороны, съ его силами и способностями, съ другой стороны, долженъ быть признанъ *центромъ* хозяйственной дѣятельности. Людми и ради людей ведется хозяйство; ихъ дѣятельность главнымъ образомъ и изучается экономикой, какъ наукой.

Говоря-же языкомъ юридическимъ, человѣкъ является *субъектомъ* той-же дѣятельности или хозяйства вообще, понимая подъ нимъ какъ всякое отдѣльное (физическое) лицо, такъ и сочетанія этихъ лицъ въ различныя товарищества, общества, учрежденія, частныя или общественныя, свободныя или принудительныя и т. д. Вся-же совокупность всѣхъ людей на земномъ шарѣ или въ какихъ либо странахъ составляетъ ихъ *населеніе*. Съ разсмотрѣнія различныхъ свойствъ населенія и должно поэтому начинаться изученіе хозяйственной дѣятельности *вообще*, т.-е. съ отведенія населенію перваго мѣста среди основныхъ элементовъ хозяйства, а не только среди трехъ факторовъ производства, какъ это дѣлалось раньше, а отчасти дѣлается еще и теперь. Въ послѣднемъ случаѣ вмѣсто населенія съ его общими и многообразными свойствами въ качествѣ одного изъ этихъ факторовъ выступалъ, только *трудъ*, какъ одна изъ способностей и видъ дѣятельности человѣка, а стало быть и населенія. Къ труду-же при помощи разныхъ натяжекъ и пристегивались разсужденія или вопросы, въ сущности мало отношенія имѣющіе къ нему самому или къ процессу производства.

Между тѣмъ вопросъ о народонаселеніи съ общей экономической точки зрѣнія имѣетъ прямое отношеніе не только къ процессу производства,—въ видѣ прямой связи между величиной и составомъ населенія и созданіемъ богатства,—но и къ процессамъ распредѣленія и потребленія, такъ какъ при данныхъ результатахъ и размѣрахъ производства, выражающихся въ продуктахъ и доходахъ, доля, причитающаяся въ среднемъ на душу, какъ частное во всѣхъ этихъ случаяхъ, опредѣляется величиною одного и того-же дѣлителя, т.-е. численности населенія.

Самъ по себѣ вопросъ о населеніи можетъ быть изучаемъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, будучи даже предметомъ особой науки—*этнографіи*, (изученіе человѣческихъ расъ). Затѣмъ на немъ-же сосредоточивается особое вниманіе *статистики* въ видѣ особаго отдѣла ея—*демографіи*, изучающей, главнымъ образомъ въ количественномъ отношеніи, составъ и свойства населенія и происходящія въ немъ измѣненія. Наша же наука можетъ и должна брать изъ другихъ наукъ, изучающихъ населеніе, то, что для нея имѣетъ особый интересъ и значеніе въ качествѣ болѣе или менѣе готовыхъ уже выводовъ. Послѣдніе служатъ какъ бы основными точками опоры при построеніи дальнѣйшихъ выводовъ самой экономики. Поэтому и здѣсь сейчасъ будутъ приведены лишь самыя общія, главнымъ образомъ статистическіе, результаты изслѣдованія тѣхъ сторонъ и свойствъ населенія, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ хозяйству. Статистика-же разсматриваетъ населеніе съ двухъ

точекъ зрѣнія—его *статикки* и *динамикки*, понимая подъ первой населеніе въ *состояніи покоя или равновѣсія*, а подъ второй—*движеніе* населенія и вообще происходящіе въ немъ *измѣненія*.

Въ *статическій* моментъ входятъ слѣдующіе вопросы: о количествѣ и густотѣ населенія, о характерѣ распредѣленія его внутри той или иной страны въ смыслѣ большей или меньшей равномерности или же сосредоточенія его, на примѣръ, въ городахъ, и наконецъ вопросъ о *составѣ* населенія, подъ чѣмъ подразумѣвается раздѣленіе населенія на различныя группы по признакамъ пола, возраста, занятій, мѣстожительста и т. п.

Къ области *динамикки* относятся вопросы прежде всего о *ростѣ* населенія, какъ результатѣ соотношенія между рождаемостью и смертностью, вліянія на нихъ болѣзненности, а на послѣднюю въ свою очередь—занятій и вообще условій жизни; сюда же относятся и вопросы о подвижности населенія въ смыслѣ передвиженія его внутри страны (переселенія) и за ея предѣлами (эмиграція и иммиграція).

Нѣкоторыя изъ этихъ указанныхъ, какъ и иныхъ свойствъ населенія, въ однихъ случаяхъ являются *причиною* какихъ-либо хозяйственныхъ явленій, въ другихъ наоборотъ—ихъ *слѣдствіемъ* или результатомъ, или-же между ними обнаруживается такое тѣсное *взаимодѣйствіе*, что трудно бываетъ признать, что является причиною и что слѣдствіемъ.

Особенно наглядный примѣръ такого взаимодѣйствія представляетъ собою свойство населенія называемое его *густотою*, т. е. количество людей, приходящееся на опредѣленное пространство земли. Такъ, густота населенія обусловливается характеромъ экономическихъ условій и степенями хозяйственнаго развитія, т. е. населеніе бываетъ тѣмъ гуще, чѣмъ выше эта ступень развитія, чѣмъ интенсивнѣе и сложнѣе системы хозяйства, что наглядно замѣчается при сравненіи различныхъ странъ между собою по степени ихъ культурности вообще. Иногда-же меньшая густота населенія есть результатъ сравнительной молодости страны, какъ большая—сравнительной старости, чему подтвержденіемъ можетъ служить нижеслѣдующая таблица густоты населенія начала XX вѣка:

Число жителей на квадратную милю:

Бельгія 589	Германія 270	Испанія 97
Англія 437	Китай. 266	Евр. Россія 51
Голландія. 416	Австрія 226	Турція 33
Соедин. Корол. 344	Швейцарія 207	Соедин. Шг. 25
Японія 296	Франція 188	Канада 1,75
Италія 294	Индія 167	Ю. Австралія 0,33

Здѣсь наиболѣе культурныя зап. европейскія страны перемежаются такими, какъ Японія и Китай, густота населенія коихъ возможна благодаря

высокой интенсивности земледѣлія и лишь отчасти торговли, между тѣмъ какъ Бельгія, Англія и Голландія—страны съ высоко развитой и разнообразной промышленностью и торговлей и тоже интенсивнымъ земледѣльемъ. Вообще-же процессъ сгущенія населенія вызываетъ необходимость перехода къ высшимъ формамъ или ступенямъ хозяйства; а если послѣдняго не происходитъ, то вызываетъ необходимость переселенія или эмиграціи; послѣдняя впрочемъ происходитъ также, если гдѣ либо совершается переходъ такъ сказать обратный—отъ высшихъ формъ къ низшимъ, (какъ напр., въ Англіи, когда тамъ началось такъ назыв. огораживаніе общинныхъ бывшихъ пахотныхъ полей ради развитія овцеводства, отчего населеніе соотвѣтственныхъ мѣстъ, лишаясь прежнихъ средствъ существованія, стало разрѣжаться и эмигрировать).

Любопытное соотвѣтствіе ступеней развитія и густоты населенія обнаруживаетъ цenzъ, (довольно сложная перепись населенія), Сѣв.-Амер. Шт. 1900 г., дѣлящій всю страну эту на 6 группъ съ густотой населенія до 2, 2—6, 6—18, 18—45, 45—90 и болѣе 90 жителей на кв. милю, при чемъ оказывается, что 1-я группа включаетъ въ себѣ области охотничью, рыболовную, лѣсоводную и рудокopную, 2-я—районы скотоводства, 3-я—чисто земледѣльческіе, 4-я земледѣльческую по преимуществу, но съ примѣсью начальной промышленности и торговли, 5-я и 6-я группы—мѣстности, съ болѣе развитой обрабатывающей промышленностью.

Избирая изъ явленій касающихся населенія такія, которыя скорѣе могутъ играть роль причинъ, слѣдуетъ прежде всего остановиться на численномъ его составѣ, такъ какъ имъ опредѣляется то, что называется *массой труда*, т.-е. сумма производительныхъ силъ населенія. Съ другой стороны та-же численность населенія даетъ основныя данныя для опредѣленія *общей суммы потребностей страны* въ тѣхъ или другихъ средствахъ пропитанія и другихъ предметахъ потребленія.

Масса труда или количество механической работы, на которую способно населеніе той или другой страны опредѣляется помноженіемъ нѣкоторой части населенія на коэффициентъ средней работы человѣка, сводимой обыкновенно къ простѣйшему ея виду, напр. поднятію опредѣленной тяжести на нѣкоторую высоту въ единицу времени, напр. 2 пудовъ на высоту одного фута въ теченіе секунды и въ продолженіе нормальнаго рабочаго дня, примѣрно 8 часовъ, что составитъ 57600 пудофутовъ. Но если такова примѣрная сила *средняго* мужчины, то для выведенія совокупной силы всего населенія страны необходимо принять въ расчетъ распредѣленіе населенія по полу, по возрасту и по занятіямъ, при чемъ оказывается, что распредѣленіе это иногда довольно значительно различается по отдѣльнымъ странамъ.

Распредѣленіе по полу въ общихъ грубыхъ числахъ представляетъ собою примѣрное равенство этихъ двухъ половинъ; въ дѣйствительности-же въ однихъ странахъ оказывается нѣсколько больше

женщинъ, чѣмъ мужчинъ, а въ другихъ наоборотъ. Такъ на 1000 мужч. приходится женщинъ (независимо отъ возрастовъ въ общемъ среднемъ): въ Норвегіи 1075, Англіи 1064, Германіи 1040, во Франціи 1014; въ южныхъ-же европейскихъ странахъ взаимоотношеніе это становится обратнымъ, а именно: на 1000 м. въ Италіи приходится 995 ж., въ Греціи 965, а Британской Остъ-Индіи даже 958.

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ объясненіе причинъ этого явленія, которыя относятся частью къ физиологическимъ, частью къ экономическимъ и социальнымъ, такъ какъ это составляетъ спеціальнѣйшій предметъ статистики. Но для образца объясненій и связи между явленіями можно привести слѣдующія: настоящаго физиологическаго объясненія въ сущности еще и не найдено, такъ какъ оно сводилось-бы къ объясненію причинъ той или иной рождаемости мальчиковъ и дѣвочекъ, отъ соотношенія каковыхъ чиселъ съ послѣдующею за тѣмъ смертностью тѣхъ и другихъ и зависитъ перевѣсъ того и другого пола. Вообще-же замѣчается перевѣсъ рожденія мальчиковъ, но смертность ихъ тоже больше, какъ и вообще мужчинъ въ высшихъ возрастахъ, что обусловливается уже причинами экономическими—большею опасностью занятій мужчинъ для ихъ жизни или здоровья. Такъ напр., въ такихъ приморскихъ странахъ какъ Англія и Норвегія гибнетъ много моряковъ, чѣмъ и объясняется особенно значительный тамъ перевѣсъ женскаго населенія. (Если напр. взять мужчинъ свыше 70 л. возраста, то на 1000 ихъ приходится 1222 женщины въ Англіи). Перевѣсъ мужского населенія надъ женскимъ особенно значительный объясняется въ числѣ прочихъ причинъ притокомъ переселенцевъ, т. е. иммиграціей, какъ напр. въ Соед. Штатахъ и въ Австраліи, гдѣ соотношеніе этихъ цифръ такое 1000 : 953 въ первыхъ вообще и даже 1000 : 698 въ Западн. Штат., а во второй 1000 : 866.

Если взять для круглаго счета, что по полу населеніе дѣлится ровно пополамъ, и если принять, что въ среднемъ сила женщины равняется половинѣ силы мужчины, то соотвѣтственно этому коэффициентъ силы всего населенія выразится въ формулѣ м. ($\frac{1}{2} \times 1$) + ж. ($\frac{1}{2} \times \frac{1}{2}$) = $\frac{1}{2} + \frac{1}{4} = \frac{3}{4}$. Но и этого уменьшенія еще недостаточно, ибо при этомъ вовсе не принято во вниманіе различіе по возрастамъ, обладающимъ тоже не одинаковой силой, а въ нѣкоторыхъ даже и никакой (дѣти и старики).

Раздѣленіе населенія по возрастнымъ группамъ тоже различается по странамъ, что наглядно выражается въ слѣдующей таблицѣ: (на каждую 1000 лицъ населенія) приходится въ

Возрасты:	Болгарія.	Англія.	Германія.	Японія.	Франція.
до 10 лѣтъ	315	239	242	228	173
10—20 »	192	213	207	204	174
20—30 »	116	172	162	153	163
30—40 »	122	131	127	135	138
40—50 »	108	99	104	115	123

Возрасты:	Болгарія.	Англія.	Германія.	Японія.	Франція.
50—60 лѣтъ.	65	71	78	78	101
60—70 »	45	46	57	57	78
свыше 70 »	37	28	30	30	50
до 20 »	507	452	449	432	347
20—60 »	411	473	471	481	525
свыше 60 »	82	75	80	87	128

Изъ таблицы этой видно, что младшія возрастныя группы (до 20 л.) составляютъ 34—50% населенія, среднія (полная работоспособность 20—60 л.) 41—52% и старшія (свыше 60 л.) 8—13%. Очевидно, что наиболѣе выгодной комбинаціей возрастовъ является та, въ которой наибольшаго процента достигаетъ средняя группа,— въ одной только Франціи нѣсколько превышающая половину населенія, при чемъ это объясняется наименьшимъ размѣромъ тамъ младшей группы, что въ свою очередь есть результатъ малой рождаемости; но за то тамъ-же относительно больше всего и стариковъ. Въ Россіи средняя возрастная группа составляетъ около 47%, при сравнительно большой дѣтской и малой старческой.

Нельзя однако считать всю дѣтскую группу, какъ равно и старческую къ труду совершенно неспособными, а считая таковыми лишь группы примѣрно до 15 л. и свыше 70 л.; что въ среднемъ по всѣмъ странамъ составляютъ 30—35% первая и 3—5% послѣдняя; на долю-же трудоспособнаго (15—70 л.) населенія тоже придется около 60%. Сила же въ возрастныхъ группахъ отъ 15—20 л. (около 9%) и 60—70 л. (около 6%) можетъ считаться примѣрно равной половинѣ нормальной. Принявъ во вниманіе значеніе трудоспособности всѣхъ такихъ возрастныхъ группъ, равно какъ и вышеуказанное различіе по полу, мы должны будемъ соотвѣтственно еще болѣе уменьшить общую силу населенія, которая сведется тогда примѣрно къ слѣдующей формулѣ $47\% \times 1 + 9\% \times \frac{1}{2} + 6\% \times \frac{1}{2} = 47\% + 4,50\% + 3\% = 54,50\%$; это надо еще уменьшить до $\frac{3}{4}$, принявъ во вниманіе раздѣленіе по полу, что и составитъ въ конечномъ результатѣ всего лишь съ небольшимъ около 40%. Между тѣмъ по количественному возрастному составу населенія эти 40% производительной силы или около 62% общей его численности должны своими силами и средствами содержать остальные 38% населенія, совершенно или болѣе или менѣе къ труду неспособнаго.

Но и это еще не все, что подлежитъ уменьшенію или вычету, такъ какъ за всѣмъ этимъ остается еще принять во вниманіе распределеніе населенія по занятіямъ, по самостоятельности занимаемаго положенія, по производительности и непроизводительности

общественныхъ классовъ, по крѣпости и болѣзненности населенія, какъ присущихъ ему самому по себѣ свойствъ, хотя послѣднія зависятъ и отъ условій жизни и работы, измѣняющихся въ ту и другую стороны. Кромѣ того придется принять во вниманіе цѣлый рядъ условій дѣятельности или работы, находящихся въ зависимости отъ нравовъ, обычаевъ, правовыхъ порядковъ и законодательныхъ мѣръ, прямо или косвенно регулирующихъ трудовую и вообще хозяйственную дѣятельность населенія, а потому и воздѣйствующихъ на тѣ или другіе свойства и силы населенія.

Къ числу таковыхъ условій относятся напримѣръ, количество *праздничныхъ дней* въ году, отъ увеличенія которыхъ общая масса годоваго труда уменьшается и наоборотъ. Но *продолжительность работы* въ теченіе сутокъ имѣетъ отчасти и обратное значеніе, а именно, сокращеніе ея вліяетъ на увеличеніе напряженности труда, а потому и на его производительность, почему въ эту сторону и направляется соотвѣтственное рабочее законодательство. Слѣдовательно только нѣкоторыя изъ неразсмотрѣнныхъ еще свойствъ населенія самого по себѣ подлежатъ разсмотрѣнію и учету въ данномъ мѣстѣ въ качествѣ первопричинъ или условій, опредѣляющихъ массу труда, къ числу каковыхъ относится слѣдующее:

Распределеніе населенія по занятіямъ есть послѣ перечисленныхъ свойствъ населенія одно изъ важнѣйшихъ по вліянію его на массу и главное *характеръ* трудовыхъ силъ. Но нельзя считать эту группировку первопричиной самой по себѣ, такъ какъ то или другое различіе и соотношеніе группъ по занятіямъ есть скорѣе результатъ того или другого общаго характера хозяйства каждой страны и въ особенности ступени ея хозяйственнаго развитія. Нельзя поэтому и сравнивать между собою въ смыслѣ устойчивости группы населенія по полу или возрасту съ группами по занятіямъ, такъ какъ первыя обнаруживаютъ удивительную, теоретически трудно объяснимую, *устойчивость*, а вторыя *подвижность*, темпъ и направленіе которой существенно и своеобразно измѣняется чуть не въ каждой странѣ, обнаруживая нѣкоторую *закономѣрность* лишь въ болѣе грубыхъ чертахъ. Измѣненія эти играютъ такую значительную роль, что эти свойства или признаки населенія относятся даже болѣе къ области его динамики или движенія, чѣмъ статике или состоянія покоя. И только для сравнительной характеристики занятій населенія разныхъ странъ имѣютъ цѣнность соотвѣтственныя данныя для одного какого нибудь періода или года.

Вотъ эти наиболѣе общія данныя для нѣкоторыхъ главнѣйшихъ культурныхъ государствъ по послѣднимъ соотвѣтственнымъ (промышленнымъ) или общимъ переписямъ.

Процентное взаимоотношеніе самостоятельныхъ лицъ въ каждомъ родѣ главныхъ занятій ¹⁾).

	Сельск. и лѣсн. хо- зяйство и рыболов. ство.	Обработ. и горно- завод. пром.	Торго- вля и транс- портъ.	Вой- ско и флотъ.	Госуд. и обществ. служба и свобод. профес.	Домашняя и личная прислуга.	Ос- тальн.
Германія	35,2	40,0	12,4	2,3	3,9	4,5	1,7
Австрія	60,9	23,3	5,4	1,7	2,9	3,5	2,3
Венгрія	69,7	13,6	4,2	1,5	2,5	4,4	4,1
Россия	58,3	17,9	7,1	3,6	3,8	5,2	4,1
Италія	59,4	24,5	7,4	1,2	3,9	3,0	0,6
Швейцарія	30,9	44,9	13,0	0,2	4,5	5,5	1,0
Франція	42,7	31,7	14,3	2,9	3,8	4,6	0,0
Бельгія	21,1	41,6	11,7	1,0	24,6		
Голландія	30,7	33,7	17,2	1,0	5,9	10,3	1,7
Данія	48,2	25,2	11,8	0,7	3,8	8,3	2,0
Швеція	49,8	20,9	7,5	2,0	2,9	10,8	6,1
Норвегія	41,0	27,7	14,0	0,7	3,4	11,2	2,0
Соед. Корол.	13,0	45,8	21,3	1,1	5,3	9,5	4,3
Соед. Штаты	35,9	24,1	16,3	0,4	4,3	19,0	—

Въ общемъ же составѣ всего населенія въ Россіи сельскохозяйственное составляетъ болѣе 70⁰/₀; а наиболѣе противоположное положеніе ея занимаетъ Англія со своими 13⁰/₀, лицъ того же занятія.

Какъ образецъ подвижности этой группировки лучше всего взять Германію, такъ какъ въ ней точнѣе всего и регулярнѣе производятся промышленныя переписи, и тогда цифры эти представляются въ слѣдующемъ видѣ: ²⁾

Группы занятій:	1882 г.	1895 г.	1907 г.
Сельское и лѣсное хозяйство	40,6 ⁰ / ₀	35,8 ⁰ / ₀	28,6 ⁰ / ₀
Обработ. и горная пром.	31,5 »	39,1 »	42,8 »
Торговля и провоз. пр.	7,7 »	11,5 »	13,4 »
Свободн. проф. и общ. служба.	5,1 »	4,1 »	4,2 »
Прислуга	7,3 »	1,7 »	1,3 »

откуда видно, какъ быстро относительно возрастаетъ число лицъ, занятыхъ обрабатывающей промышленностью и уменьшается число лицъ, занятыхъ

¹⁾ Цифры эти не вполне сравнимы между собою, такъ какъ способы группировки и отнесеніе лицъ къ числу самостоятельныхъ не во всѣхъ странахъ одинаковы. (Statist. Jahrbuch. d. Deutsch Reichs. 1913).

²⁾ Нѣкоторая разница въ цифрахъ этой таблицы съ предъидущей объясняется тѣмъ, что здѣсь взято все населеніе, относимое къ данной группѣ а тамъ (раньше) только лица самостоятельныя.

земледѣліемъ и лѣсоводствомъ. Но можно-ли на основаніи данныхъ предъидущей таблицы судить о характерѣ промышленности той или иной страны или ея хозяйственной эволюціи?—Едва-ли, такъ какъ, напримѣръ при равенствѣ процента населенія, занятаго сельскимъ хозяйствомъ въ Германіи и в Сѣв.-Амер. Соед. Штатахъ (около 35%), первая изъ этихъ странъ давно уже хлѣбъ прикупаетъ, а вторая его продаетъ, т. е. вывозитъ.

Такое-же значеніе имѣетъ и распредѣленіе населенія на *городское и сельское*. Въ большинствѣ странъ первое теперь увеличивается за счетъ второго; но это относится скорѣе къ числу слѣдствій, а не причинъ, а именно: будучи результатомъ относительно болѣе быстраго роста обрабатывающей промышленности и вообще всѣхъ другихъ занятій, кромѣ сельскохозяйственныхъ. Городское населеніе теперь составляетъ въ Англіи около $\frac{3}{4}$ всего населенія, въ Германіи около $\frac{1}{2}$, во Франціи— $\frac{2}{5}$, а въ серединѣ прошлаго вѣка въ Англіи жило въ городахъ лишь около $\frac{1}{2}$, а въ Германіи и Пруссіи лишь, около $\frac{1}{4}$. Въ Россіи теперь городское населеніе составляетъ около 12—13%, а въ половинѣ XIX в. было 9%.

Кромѣ распредѣленія по видамъ занятій, также большую роль играетъ распредѣленіе населенія на группы активныхъ или *самостоятельныхъ лицъ* (кормильцевъ) и *несамостоятельныхъ*, т. е. живущихъ на счетъ первыхъ. Это соотношеніе обнаруживаетъ особенно рѣзкое колебаніе по разнымъ странамъ, что отчасти можетъ быть объясняемо не одинаковыми приемами дѣленія на эти группы). Цифры эти прежде всего различаются для лицъ разныхъ половъ, а именно: мужское населеніе почти повсюду наполовину самостоятельно, отступая отъ этого на 1—2% въ сторону уменьшенія за исключеніемъ Соед. Штатовъ, гдѣ самостоятельныхъ мужчинъ лишь около 40% (что объясняется общимъ очень значительнымъ числомъ несамостоятельныхъ вообще), а въ Россіи самостоятельныя лица составляютъ около $\frac{1}{4}$ всего населенія. Число же женщинъ, имѣющихъ самостоятельный заработокъ вездѣ гораздо меньше, а именно: въ Италіи 37%, въ Венгріи 35%, въ Ирландіи 29%, во Франціи 28%, въ Англіи и Шотландіи 25%, въ Германіи 24%, въ Даніи 19% и въ Соедин. Штатахъ 10%.

Частью въ связи, а частью независимо отъ этого, соотношеніе лицъ самостоятельныхъ съ несамостоятельными безъ различія пола выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: на 100 самостоятельныхъ приходится несамостоятельныхъ: въ Италіи—83, Австріи—100, Франціи—123, Англіи—129, Германіи—134, Англіи—169. Соедин. Штатахъ—182.

Явленіе это находитъ себѣ различныя объясненія, именно, съ одной стороны это результатъ меньшаго участія въ работѣ женщинъ и другихъ членовъ семей, какъ напримѣръ въ Соедин. Штатахъ, съ другой стороны это объясняется вообще большей производительностью труда или большимъ богатствомъ лицъ самостоятельныхъ, что даетъ возможность избавлять отъ работы другихъ лицъ.

Другое дѣло соотношеніе лицъ и цѣлыхъ общественныхъ группъ по роду занятій, считаеваемыхъ *производительными и непродизводительными*. Положимъ, что этотъ терминъ допускаетъ различное толкованіе въ болѣе узкомъ или широкомъ смыслѣ, (на чемъ мы далѣе въ отдѣлѣ о трудѣ остановимся подробнѣе); но, понимая подъ [непродизводительными классами въ широкомъ смыслѣ всѣхъ лицъ, не принимающихъ никакого участія въ созданіи матеріальныхъ цѣнностей и въ хозяйствѣ вообще, мы получимъ для разныхъ странъ различныя по численности соотношенія этихъ двухъ группъ, при чемъ разумѣется тѣмъ благопріятнѣе въ чисто хозяйственномъ смыслѣ будетъ ихъ взаимоотношеніе, чѣмъ менѣе окажется группа непродизводительная. Но, повторяемъ, главная суть въ томъ, что понимать подъ нею. Наиболѣе безспорно къ ней относятся лицъ, состоящихъ на службѣ военной и морской, отвлекающей отъ производительнаго труда массу лицъ въ самомъ трудоспособномъ возрастѣ. Но причины этого коренятся не въ томъ или иномъ хозяйственномъ устройствѣ, а въ современныхъ международныхъ отношеніяхъ, заставляющихъ большинство европейскихъ странъ жить въ условіяхъ вооруженнаго мира на случай всегда могущей возникнуть войны. А потому и цифры этихъ лицъ сравнительно довольно велики, особенно если брать, какъ и слѣдуетъ, отношеніе это къ числу однихъ взрослыхъ лицъ, а не къ общему населенію страны. Въ первомъ случаѣ это составитъ приблизительно тѣ цифры, которыя приведены въ таблицѣ на стран. 200, хотя тамъ взято отношеніе къ лицамъ самостоятельнымъ вообще; но вообще этотъ процентъ колеблется между 5—6 (во Франціи) и менѣе 2 въ Соедин. Королевствѣ (гдѣ нѣтъ всеобщей воинской повинности благодаря островному положенію этой страны).

Въ хозяйственномъ или точнѣе въ финансовомъ отношеніи гораздо большую роль играютъ не эти числа военно-служащихъ, сколько вызываемые военными и морскими нуждами крупныя расходы, при нынѣшнихъ международныхъ условіяхъ признаваемые первостепенными и потому неизбѣжными.

Иногда къ этой же категоріи непродизводительныхъ классовъ относятъ еще группу *домашней прислуги*. Но безъ нея пока еще нигдѣ не могутъ обходиться вполне, хотя замѣтно относительное и довольно быстрое сокращеніе ея, особенно со времени паденія крѣпостнаго права; (во время существованія послѣдняго въ Россіи число такъ называемыхъ дворовыхъ лицъ, противоположавшихся крестьянамъ-земледѣльцамъ, составляло около $1\frac{1}{2}$ милліона изъ приблизительно 20 милл. всѣхъ крѣпостныхъ лицъ вообще, т. е. болѣе 5⁰/₀. Теперь же эти цифры (по отношенію къ самостоятельному населенію) колеблются, какъ видно изъ таблицы занятій на стр. 200 между 24⁰/₀ въ Бельгіи (гдѣ эта огромная цифра отчасти объясняется причисленіемъ къ этой группѣ какихъ либо другихъ лицъ) и 19⁰/₀ въ Соед. Штатахъ съ одной стороны и 4—3⁰/₀ въ Германіи, Австріи, Франціи и Италіи. Если сравнивать цифры этой группы въ Германіи, то уменьшеніе ея въ періодъ 1882—1907 г.г. выражалось въ паденіи ея съ 7,3⁰/₀ до 1,3⁰/₀. Къ числу непродизводительныхъ группъ населенія съ этой же точки зрѣнія можно относить еще такія, которыя, представляя собою въ извѣстномъ количествѣ элементъ необходимый, перестаютъ быть таковыми, если онѣ слишкомъ увеличиваются въ своей численности безъ особой въ томъ надобности, какъ напримѣръ, излишнее количество чиновниковъ, духовныхъ лицъ и т. п.

Изъ остальныхъ свойствъ, присущихъ населенію, но относящихся уже несомнѣнно къ его движенію, остановимся на его *приростъ*. Само по себѣ это явленіе выражается въ двоякомъ видѣ: *естественнымъ* приростомъ называется соотношеніе или разница между коэффициентами рождаемости и смертности; *дѣйствительнымъ*—тоже явленіе, но осложненное приливомъ или отливомъ населенія въ одни мѣста страны изъ другихъ.

Колебанія этихъ цифръ прироста населенія абсолютно разнятся другъ отъ друга довольно незначительно; но и наблюдаемая различія оказываютъ довольно значительное вліяніе на ходъ хозяйственнаго развитія отдѣльныхъ странъ, въ особенности при соотношеніи ихъ другъ съ другомъ, какъ на примѣръ чрезвычайно озабочивающей Францію малый приростъ въ ней населенія, а именно 0,18% въ сравненіи его съ Германіей и другими странами. Наглядно цифры прироста въ % въ другихъ странахъ выражены въ слѣдующей таблицѣ:

Сербія . . .	1,60	Германія . . .	1,36	Австро-Венгерія . . .	0,87
Румынія . . .	1,50	Данія	1,28	Соедин. Корол.	0,87
Болгарія . . .	1,44	Швейцарія . . .	1,24	Португалія	0,85
Россія	1,38	Бельгія	1,03	Греція	0,71
Голландія . . .	1,38	Италія	0,96	Испанія	0,47

Изъ внѣевропейскихъ странъ особенно крупный приростъ замѣчается въ Соедин.-Штатахъ, гдѣ онъ вообще составляетъ 1,90%, а въ частности въ Западн. Штатахъ превышаетъ даже 5%, что въ значительной степени должно быть объясняемо продолжающейся еще крупною иммиграціей въ эту страну вообще и въ эти штаты въ особенности.

Теорія народонаселенія Мальтуса. Частью на основаніи имѣвшихся уже въ распоряженіи статистическихъ данныхъ о численности и движеніи населенія, частью на общихъ и даже отвлеченныхъ соображеніяхъ въ разное время строились различныя теоріи относительно значенія *увеличенія населенія вообще и соответствія его со средствами существованія*. Эти теоріи, или просто взгляды на этотъ вопросъ, въ литературѣ и въ правительственныхъ кругахъ оказывались совершенно противоположными другъ другу, почему и приводили нерѣдко къ принятію соответственныхъ совершенно противоположныхъ-же практическихъ мѣропріятій

Такъ еще въ древнемъ Римѣ очень заботились о приростѣ населенія, такъ какъ этимъ обуславливалась возможность увеличиваться войску,—главной силѣ этой страны или народа. Отсюда разныя льготы, предоставлявшіяся многодѣтнымъ отцамъ семейства.

Такого-же взгляда на значеніе прироста населенія держались правительства большинства странъ въ средніе вѣка и во все новѣйшее время вплоть до XVIII вѣка включительно, съ чѣмъ согласны были ученые и писатели по государственнымъ и экономическимъ вопросамъ того-же времени, напр. такъ называемые полицеисты или камералисты XVII и XVIII вв. И такъ продолжалось до появленія въ 1798 г. «Опыта теоріи народонаселенія» Мальтуса, съ какого времени начинается совершенно обратное отношеніе къ этому вопросу въ средѣ экономистовъ и въ практикѣ государственныхъ мѣропріятій во многихъ странахъ. Не имѣя въ виду подвергать полному разбору и критикѣ эту теорію Мальтуса, такъ какъ настоящей отвѣтъ на нее можетъ получиться только въ результатѣ изслѣдованія цѣлага ряда экономическихъ вопросовъ и даже цѣлыхъ хозяйственныхъ процессовъ, тѣмъ не менѣе и здѣсь уже, въ самомъ началѣ курса, необходимо дать хотя бы самое общее представленіе объ этой теоріи, ибо на нее потомъ придется неоднократно ссылаться.

Сущность теоріи Мальтуса заключалась въ слѣдующемъ: онъ говорилъ, что человѣческому населенію присуща тенденція или способность размножаться гораздо быстрѣе, чѣмъ могутъ увеличиваться средства его существованія, а именно: населеніе естественно можетъ увеличиваться въ прогрессіи *геометрической*, т.-е., какъ 1, 2, 4, 8, 16 и т. д., тогда какъ средства существованія могутъ возрастать лишь въ *арифметической* прогрессіи, т.-е. какъ 1, 2, 3, 4, 5 и т. д. Мальтусъ, правда, не утверждалъ, что таково въ дѣйствительности соотношеніе прироста населенія и его средствъ существованія, т.-е. что первый настолько именно быстрѣе идетъ второго, а только, что есть такія тенденціи у того и другого. Въ дѣйствительности столь быстрый приростъ населенія по Мальтусу-же задерживается недостаткомъ средствъ существованія, приводящимъ къ бѣдности и вытекающей изъ нея болѣзненности и смертности или вымиранію избыточнаго населенія. Къ числу такихъ-же безсознательныхъ или полусознательныхъ задержекъ прироста населенія относятся войны, сокращающія численность какъ вражескаго, такъ и собственнаго населенія. Это все такъ сказать мѣры разрушительныя. На ряду съ ними существуютъ мѣры борьбы съ этимъ избыткомъ *предупредительныя*, болѣе или менѣе сознательныя, къ числу послѣднихъ, т.-е. сознательныхъ, относятся такія, какъ воздержаніе отъ брака или болѣе позднее въ него вступленіе и принятіе искусственныхъ предупреждающихъ дѣторожденіе мѣръ, что, конечно, особенно рекомендовалось Мальтусомъ для бѣдныхъ классовъ населенія. Между тѣмъ и другими средствами сокращенія населенія находятя еще такъ называемыя полусознательныя мѣры, какъ на-

примѣръ развивающійся вслѣдствіе сокращенія брачности болѣе порочный образъ жизни. Главный смыслъ этого ученія сводился, значить, къ тому, что населеніе растеть вообще черезчуръ быстро и что это и есть единственная причина быстро-же увеличивающейся бѣдности и нищеты. Если принять во вниманіе, что Мальтусъ писалъ свое сочиненіе въ концѣ XVIII в., то будетъ ясно,—чего онъ впрочемъ и самъ не скрывалъ,—что онъ велъ борьбу съ тѣми новыми общественными теоріями и попытками общественнаго переустройства, которыя особенно развивались въ это время. Всему этому Мальтусъ хотѣлъ противопоставить такой «естественный» законъ народонаселенія, который устранялъ бы возможность всякаго иного рѣшенія вопроса о растущей бѣдности населенія, какъ только сокращеніемъ его численности тѣми или другими изъ выше указанныхъ способовъ. Между тѣмъ уже и въ то время многіе старались объяснить бѣдственное положеніе части населенія несовершенствомъ способовъ и условій производства и распредѣленія богатствъ, т.-е. причинами не столь естественными.

Что-же, спрашивается, удалось доказать Мальтусу и чего нѣтъ?—Что населенію человѣческому, какъ впрочемъ и всѣмъ живымъ существамъ, свойственно размноженіе, т.-е. увеличеніе его численности, противъ этого никто никогда не возражалъ, ибо это дѣйствительно законъ природы. Та-же природа, какъ это позднѣе прекрасно разъяснилъ Ч. Дарвинъ, надѣлила разные виды живыхъ существъ различной силой этого размноженія, а именно—обратно пропорціональной степенямъ опасностей, угрожающихъ нарождающемуся потомству. Какъ насѣкомыя сносятъ громадное количество яичекъ, рыбы мечутъ громадное количество икры, но изъ всего этого рождается и выживаетъ сравнительно лишь незначительное количество потомства. Количество-же рождающагося потомства у птицъ значительно меньше, чѣмъ у рыбъ, а у млекопитающихъ еще меньше, чѣмъ у птицъ; но за то большинство рожденныхъ выживаетъ. Идучи далѣе по этому-же пути американскій писатель Кэри, а за нимъ и Г. Спенсеръ, утверждали, что чѣмъ выше вообще ступень органическаго развитія, чѣмъ меньше способность къ размноженію, распространяя этотъ законъ и на человѣческія расы, по степени ихъ культурнаго развитія и на разные классы общества. Доказать однако это обратное ученіе біологически и фізіологически тоже не возможно, ибо уменьшеніе рождаемости у болѣе культурныхъ націй и народовъ, есть результатъ или болѣе поздняго вступленія въ бракъ, или еще болѣе—искусственныхъ мѣръ противъ дѣторожденій, принимаемыхъ отчасти по мальтузіанскимъ соображеніямъ, а частью и по инымъ.

Во всякомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о дѣйствительномъ столь быстромъ приростѣ населенія, о какомъ говорилъ Мальтусъ, ибо онъ бралъ за образецъ удвоеніе населенія въ 25 лѣтъ, что имѣло мѣсто въ то время лишь въ Сѣв. Америк. Соед. Штатахъ, гдѣ это было результатомъ прироста не естественнаго, а дѣйствительнаго, т.-е. подѣ вліяніемъ сильной иммиграціи. Вообще-же приростъ совершается самъ по себѣ гораздо медленнѣе. Но во времена Мальтуса и вообще статистическія данныя о движеніи населенія были еще недостаточно полны.

Что касается до увеличенія средствъ существованія, сильно преуменьшеннаго у Мальтуса, то во-первыхъ, это было результатомъ отсутствія даже какихъ бы то ни было статистическихъ данныхъ по сему вопросу, а, во-вторыхъ, онъ не могъ предвидѣть того быстрого увеличенія производительности труда вообще, которое послѣдовало въ теченіе всего XIX вѣка. Онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ недостатокъ производства хлѣба и вообще буквально средствъ пропитанія, отчасти обусловленный агрономическимъ закономъ уменьшенія производительности послѣдовательныхъ затратъ въ земледѣліи, свойство и значеніе котораго отнюдь не связаны съ свойствами и численностью населенія. Между тѣмъ непосредственный недостатокъ хлѣба или средствъ пропитанія въ какой нибудь странѣ, гдѣ въ то-же время производятся въ избыткѣ другіе продукты, легко восполняется приобрѣтеніемъ первыхъ въ обмѣнъ на эти послѣднія, что на примѣръ давно дѣлала и дѣлаетъ Англія, какъ теперь и другія тоже промышленныя страны.

Но Мальтусъ, желая свести увеличеніе недостатка средствъ существованія къ закону или причинамъ естественнымъ, сознательно или бессознательно закрывалъ глаза на причины соціально-экономическія, которыя могутъ задерживать и иногда дѣйствительно задерживаютъ болѣе быстрое приращеніе этихъ средствъ существованія. Такъ на примѣръ, онъ исходилъ изъ предположенія, что всегда и повсюду бывають использованы всѣ земли, могущія производить хлѣбъ и прочіе питательные продукты. Въ дѣйствительности-же даже въ такой густо населенной странѣ, какъ Англія, какъ въ его время, такъ и раньше и даже теперь, далеко не обрабатываются всѣ удобныя для обработки земли, а именно и сейчасъ отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ всѣхъ этихъ земель тамъ остаются подѣ пустырями, какъ мѣста для охоты въ имѣніяхъ тамошнихъ очень крупныхъ землевладѣльцевъ вообще не стремящихся къ извлеченію изъ своихъ земель всего возможнаго дохода. Въ свое время раньше, начиная еще съ XV в., значительная часть пахотныхъ земель обращалась тамъ въ пастбища въ связи съ развитіемъ овцеводства и шерстяной промышленности

(см. выше историческій очеркъ стр. 148), отчего тамъ такъ давно земледѣльческое населеніе, лишаясь своихъ прежнихъ заработковъ, должно было массами эмигрировать въ Америку, а на прежнихъ мѣстахъ сокращалась его численность. Очевидно, что причины такого рода не могутъ быть относимы къ числу естественныхъ или непреоборимыхъ, а относятся къ вопросамъ о распредѣленіи имуществъ и доходовъ, т.-е. къ экономическимъ и соціальнымъ, въ частности къ недостаткамъ исключительно крупной земельной собственности въ Англии. Вообще вопросъ о размѣрахъ производства находится въ тѣснѣйшей связи или взаимной зависимости отъ соотношенія его съ процессомъ распредѣленія доходовъ и имуществъ и ихъ потребленіемъ, т.-е. какъ разъ съ вопросами, отвлечь вниманіе отъ которыхъ и входило въ задачу Мальтуса и многихъ изъ его послѣдователей.

Нельзя, конечно, отрицать, какъ факта, недостатка средствъ существованія или бѣдности значительной части населенія въ разныхъ странахъ и въ частности преимущественно рабочихъ классовъ; но не слѣдуетъ видѣть единственную причину этого въ чрезмѣрномъ ихъ размноженіи, т. е. за предѣлы тѣхъ средствъ, существованія, которыя могли бы быть произведены въ той или другой странѣ или приобрѣтены въ обмѣнъ на ея другія произведенія. Причины этой бѣдности поэтому должны считаться условными или относительными и въ сущности настолько сложными, что разъяснены сейчасъ онѣ быть не могутъ, ибо это и составляетъ крупнѣйшую задачу всего ученія о народномъ хозяйствѣ. Отвѣтъ на этотъ важнѣйшій вопросъ долженъ будетъ явиться скорѣе конечнымъ выводомъ изслѣдованія. Здѣсь-же имѣлось главнымъ образомъ въ виду указать на одну изъ попытокъ поставить и разрѣшить этотъ вопросъ въ видѣ исходнаго или отправнаго пункта всего ученія о хозяйствѣ, связавъ его съ якобы естественнымъ свойствомъ населенія вообще размножаться быстрѣе, чѣмъ могутъ расти средства его существованія.

Въ данномъ мѣстѣ возможно только указать на не общее, а частичное проявленіе Мальтусова закона, выражающееся иногда въ томъ, что увеличеніе, напримѣръ, числа рабочихъ можетъ вызывать усиленіе ихъ взаимной конкуренціи въ дѣлѣ пріисканія ими работы, приводящее къ уменьшенію ихъ заработной платы, а потому и къ относительному обѣднѣнію ихъ. Но есть-ли это результатъ абсолютнаго излишка рабочихъ въ данной странѣ или въ данной области промышленности или послѣдствіе уменьшенія той части капитала, которая раньше шла на покупку труда (такъ называемый *К. Марксомъ* «перемѣнный» капиталъ), за счетъ которой увеличивается часть, идущая на высшее оборудованіе производства болѣе совершенными машинами («постоянный» капиталъ), вотъ это вопросъ, образецъ рѣшенія

котораго можно было уже видѣть въ исторіи той промышленной революціи, которая происходила въ Англіи въ концѣ XVIII в., когда тамъ такъ быстро происходило преобразование прежнихъ формъ промышленности (ремесленной и мануфактурной въ фабрично-заводскую). Еще болѣе сложныя причины обуславливаютъ образование какъ будто излишняго населенія, или вѣрнѣе избытка рабочихъ рукъ, при кризисахъ, по временамъ въ нынѣшней промышленности неизбѣжныхъ.

Въ новѣйшее же время начинаетъ замѣчаться и такое явленіе, обратное совѣтамъ и пожеланіямъ Мальтуса,—что брачность и рождаемость сокращаются въ средѣ сравнительно болѣе зажиточныхъ классовъ населенія, при чемъ нерѣдко рождаемость сокращается большей частью искусственно, а все вмѣстѣ не столько изъ прямого страха бѣдности, въ сущности здѣсь никому не угрожающей, сколько изъ опасенія лишиться того сравнительно большаго благополучія, которымъ эти классы, семьи или лица пользуются по сравненію съ дѣйствительно бѣднымъ населеніемъ. Отчасти это послѣднее явленіе находится въ связи съ возродившимся въ Англіи, а отчасти и въ другихъ странахъ, въ особенности во Франціи ученіемъ *неомальтузіанства*, въ корнѣ своемъ признающемъ большую или меньшую правильность теоріи Мальтуса, но въ сущности извращающимъ первоначальное ученіе замѣной проповѣди нравственнаго самообузданія рекомендаціей искусственныхъ, и иногда даже незаконныхъ средствъ противъ дѣторожденія.

Споръ о значеніи теоріи Мальтуса въ недавнее время возродился и въ нѣмецкой литературѣ, среди которой выдаются работы бывшаго русскаго профессора (нынѣ Берлинскаго) *Борткевича*.—*Die Bevölkerungstheorie* въ сборникѣ: *Die Entwicklung der deutsch. Volkswirtschaftslehre im. XIX Jahrhundert. 1908.*—*Oppenheimer. Das Bevölkerungsgesetz des Malthus etc. 1900.*—*L. Brentano. Die Malthussche Lehre u. d. Bevölkerungsbewegung der letzten Dezennien. 1909.* Въ русской литературѣ до сихъ поръ нѣтъ ничего лучшаго примѣчавій *Н. Г. Чернышевскаго* къ соответственнымъ главамъ (X—XIII т. I) его перевода «Основаній Пол. Эк.» Д. С. Милля. Хорошо также предисловіе *Бибикова* къ его переводу сочиненія Мальтуса. Вообще объ отношеніи статистики къ экономіи см. *Майо Смитъ. Статистика и экономія. 1902 г.*

2. Трудъ.

Понятія и свойства хозяйственнаго труда.—Пріятность и необходимость труда.—Производительный и непроизводительный трудъ по А. Смигу.—Дѣленіе труда по видамъ его у Д. С. Милля.—Производительность, напряженность и ловкость труда.—Условія увеличивающія производительность труда (личныя и общественныя), экономическое значеніе образованія.—Соединеніе и раздѣленіе труда (общественное и техническое), ихъ значеніе, достоинства и недостатки.

Непосредственная и главнѣйшая роль человѣка въ хозяйствѣ выражается въ трудѣ и именно въ *хозяйственномъ*. Подъ нимъ понимается проявленіе дѣятельности мускуловъ и сознанія или энергіи физической и нервной. Съ внѣшней стороны кажется, что преобладающимъ элементомъ въ хозяйствѣ является трудъ мускульный или *физическій*, и это будетъ правильнымъ по отношенію къ наибольшему количеству работъ. Нельзя однако прямо противопоставлять

трудъ физическій, *умственному* и наоборотъ, а можно только указывать на преобладаніе умственного или психическаго элемента въ однихъ видахъ труда и мускульнаго или механическаго въ другихъ. Самый нисшій видъ механическаго труда всегда находится подъ управленіемъ мозга, т.-е. представляетъ собою болѣе или менѣе *сознательныя* усилія или планомѣрную дѣятельность. Точно также и высшій видъ умственного труда рано или поздно вызываетъ физическую усталость, т.-е. потребность въ отдыхѣ и возстановленіи силъ. Элементъ сознательности становится мало—или совсѣмъ незамѣтнымъ, когда самая работа сводится къ повторенію столь однообразныхъ движеній, что человѣкъ какъ бы превращается въ автомата. Но это относится, съ одной стороны, къ тѣмъ прежнимъ формамъ хозяйства, когда человѣкъ являлся самъ двигательной силой, приводя въ движеніе какія-нибудь орудія, вертя, на примѣръ, какіе нибудь жернова или маховыя колеса, везя на себѣ суда въ роли бурлаковъ и т. п. Съ другой стороны это бываетъ при приложеніи труда къ современнымъ машинамъ, движущимся обыкновенно съ опредѣленной скоростью подъ вліяніемъ собственныхъ элементарныхъ двигателей. Потому-то вскорѣ по изобрѣтеніи въ концѣ XVIII вѣка главнѣйшихъ типовъ новыхъ машинъ, (прядильныхъ и ткацкихъ по преимуществу), взрослые, сильные и умѣлые рабочіе стали замѣняться малолѣтними, болѣе слабыми и необученными, ради большей дешевизны послѣднихъ. Но, наряду съ этими свойствами машинъ, вскорѣ стали обнаруживаться и другія, имъ противоположныя, а именно, что, на примѣръ, тѣмъ большимъ количествомъ станковъ можетъ управлять рабочій, чѣмъ онъ развитѣе, на чемъ и основывается такъ называется *экономическая оцѣнка народнаго образованія* или вліяніе послѣдняго на большую производительность человѣческаго труда.

Вообще весь ходъ дальнѣйшихъ изобрѣтеній машинъ и ихъ усовершенствованій сталъ сводиться именно къ тому, чтобы онѣ могли сами и при помощи искусственныхъ ихъ двигателей производить ту работу, которая прежде выражалась въ соотвѣтственныхъ усиліяхъ человѣка. Но никакія машины не могутъ работать безъ непосредственнаго надзора человѣка или большей или меньшей степени его участія. Что-же касается до работы съ ручными орудіями или инструментами, то она мыслима только при извѣстной ловкости или умѣньи и подготовленности къ ней работника. Но ритмичность или правильная повторяемость трудовыхъ усилій и движеній сама по себѣ издавна составляла и составляетъ еще необходимое свойство многихъ работъ и не машинныхъ. Въ послѣднихъ случаяхъ *ритмъ* ослабляетъ напряженность вниманія или степень сознательности въ

работѣ, служа средствомъ ея облегченія; и тотъ-же ритмъ даетъ возможность совершать работы совмѣстными усиліями многихъ людей сразу. Однимъ изъ средствъ для обезпеченія ритма самого по себѣ служила и служитъ *рабочая пѣсня*, образцомъ которой можетъ служить наша родная «Дубинушка» или пѣніе во время домашнихъ крестьянскихъ работъ на посидѣлкахъ въ длинные зимніе вечера въ избахъ при бывшемъ свѣтѣ и пѣснѣ «Лучинушки», а также подбодряющее значеніе музыки при маршировкѣ и вообще ходбѣ.

Значенію ритма и трудовыхъ пѣсней посвящена очень интересная работа *К. Бюхера*: «Работа а ритмъ», въ которой всесторонне разсматривается этотъ вопросъ, въ особенности въ жизни первобытныхъ народовъ. Бюхеръ доказываетъ тамъ между прочимъ, что при нерасположеніи дикарей ко всякому планомѣрному хозяйственному труду, они-же тратили очень много усилій на совершенно ненужныя работы, особенно связанныя съ украшеніемъ своего тѣла, домашней утвари и даже первобытныхъ своихъ орудій. Работамъ своимъ они вообще придавали характеръ игръ и сопровождали ихъ пѣснями, связанными съ ритмическими движеніями. Украшеніе же ими своихъ издѣлій объяснялось «*радостью творчества*», испытываемою культурнымъ человѣкомъ лишь при духовной работѣ, но которая первобытнаго человѣка воодушевляла постоянно, когда онъ принимался за производство утвари или предметовъ украшенія, орудій и оружія, въ особенности потому еще, что всѣ эти вещи являлись продуктами ихъ собственнаго труда и находились въ непосредственномъ ихъ пользованіи ¹⁾. На этомъ основываются различныя домашнія работы и занятія у лицъ, не нуждающихся въ нихъ какъ въ заработкѣ, напр. различныя вышивки, вязанья, рисованье, уходъ за своимъ садомъ или цвѣтами и т. п. Въ концѣ концовъ, нѣсколько уже увлекаясь своей темой, Бюхеръ старается объяснить происхожденіе и музыки, и поэзіи той же ритмичностью работъ, рабочими шумами и звуками, какъ и возникновеніе музыкальныхъ инструментовъ изъ рабочихъ.

Во всякомъ случаѣ, если во время самой работы человѣкъ иногда и дѣйствуетъ, какъ бы автоматически или механически, то этого никакъ нельзя сказать по отношенію къ тому моменту, когда онъ *приступаетъ* къ той или другой работѣ, и въ особенности, когда составляется ея планъ, иногда очень сложный, т.-е когда составляется планъ цѣлаго предпріятія, называемый тогда *коньектурой*, отчего и самый трудъ носитъ соотвѣтственное названіе «коньектуральнаго». Тутъ моментъ сознательности играетъ первостепенную или преобладающую роль, и иногда даже особенно дорого оплачивается самъ по себѣ этотъ планъ или коньектура, которая можетъ быть продана какъ вещь. Отличіе труда человѣка отъ усилій какихъ либо домашнихъ животныхъ сводится къ тому, что его усилія суть *планомѣрные и хозяйственныя*, которыя теперь и надо точнѣе опредѣлить.

¹⁾ *К. Бюхеръ*. Работа и ритмъ. Рус. перев. изд. 1899, стр. 9.

Хозяйственный трудъ есть понятіе болѣе узкое, чѣмъ хозяйственная дѣятельность. Послѣдняя была уже опредѣлена въ первыхъ строкахъ этой книги, какъ дѣятельность, направленная на добываніе средствъ для удовлетворенія всякихъ потребностей вообще. Тогда-же было указано, какъ трудно иногда отдѣлить хозяйственный моментъ въ видахъ дѣятельности съ хозяйствомъ непосредственно не имѣющихъ ничего общаго, когда эти другія дѣятельности являются въ то же время источникомъ средствъ существованія.

Трудъ же будетъ считаться хозяйственнымъ лишь такой, который, во первыхъ, имѣетъ *непосредственное отношеніе къ удовлетворенію нашихъ потребностей*, создавѣемъ необходимыхъ для этого *матеріальныхъ* средствъ и при томъ *внѣшнихъ*, и, во вторыхъ, когда эта трудовая дѣятельность покоится на правильномъ или *планомѣрномъ хозяйственномъ расчетѣ*. Подчеркивая понятіе средствъ «внѣшнихъ», мы имѣемъ въ виду, что не подойдутъ подъ понятіе хозяйственнаго труда различныя усилія и дѣйствія, такъ называемыя *самоцѣльныя*, примѣромъ которыхъ служатъ различныя игры, музыка, танцы, гимнастика, всевозможные виды спорта и т. п. занятія, которымъ предаются люди сами для своего удовольствія. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, совершая соотвѣтствующія дѣйствія или усилія, человекъ тѣмъ самымъ уже удовлетворяетъ свои собственные потребности въ движеніи, въ извѣстномъ настроеніи, въ обезпеченіи своего здоровья и т. д.

И только развѣ какой нибудь профессиональный музыкантъ, гимнастъ, гонщикъ и т. п. со своей личной, субъективной, точки зрѣнія, пожалуй, называетъ свой соотвѣтственный трудъ хозяйственнымъ, такъ какъ онъ служитъ для него источникомъ средствъ существованія. Но съ точки зрѣнія общественной и научной можно развѣ только сказать, что и каждая изъ такихъ профессій имѣетъ свою хозяйственную сторону (какъ напримѣръ у большинства крупныхъ артистовъ бываютъ свои импрессарио, т. е. предприниматели или завѣдывающіе хозяйственной стороной жизни и дѣятельности этого пѣвца или музыканта).

Противопоставляя заключающееся въ послѣднихъ примѣрахъ дѣйствій и усилій *самоудовлетвореніе* настоящему хозяйственному труду, основанному на соотвѣтственномъ *расчетѣ*, мы подчеркиваемъ то свойство труда, что самъ по себѣ онъ еще не представляетъ удовлетворенія какой-либо потребности, а это достигается только его результатами, всегда болѣе или менѣе матеріальными. Хозяйственнымъ трудомъ люди занимаются главнымъ образомъ *подъ давленіемъ необходимости* работать, т. е. добывать себѣ средства существованія. Ихъ приходится добывать или непосредственно изъ внѣшней природы, перерабатывая ихъ въ пригодный

для потребленія видъ, или-же приобрѣтая ихъ отъ другихъ людей, въ рукахъ которыхъ находятся эти потребные или желанные предметы. Природа, положимъ, даетъ свои блага даромъ, (отчего они и называются «дарами» природы), но не всегда въ произвольномъ или достаточномъ количествѣ, почему громадное большинство этихъ средствъ удовлетворенія потребностей и добываются при помощи труда и именно хозяйственнаго. Люди же, дѣйствуя на чисто экономическихъ началахъ, ничего другъ другу даромъ не отдаютъ.

Только предшествовавшее, по библейскимъ сказаніямъ, земному существованію людей ихъ пребываніе въ раю давало имъ возможность жить безъ заботъ и безъ труда, благодаря избытку всякихъ благъ. Но, по тѣмъ-же сказаніямъ, когда первый же человѣкъ изгонялся изъ рая, то трудъ явился для него наказаніемъ. Отсюда первое опредѣленіе труда, *какъ необходимости добывать средства существованія*. Отсюда-же можно однако сдѣлать и обратный выводъ, т. е. что у кого эти средства есть, тотъ можетъ и не трудиться. При первоначальномъ отсутствіи общественныхъ неравенствъ трудиться должны были всѣ; съ возникновеніемъ-же неравенствъ, это стало удѣломъ хотя и большинства, но не всѣхъ, ибо богатые могутъ и не трудиться, такъ какъ крѣпостные и рабы прежде и имущество, принадлежащее современнымъ капиталистамъ, теперь обладаютъ способностью приносить доходъ ихъ владѣльцамъ и безъ труда послѣднихъ. Когда богатство совпадаетъ съ болѣе или менѣе высокимъ общественнымъ положеніемъ, напр. полноправныхъ гражданъ и патриціевъ въ Римѣ, а также и въ Греціи, феодальныхъ помѣщиковъ и рыцарей въ средніе вѣка и позднѣе, то трудъ считается дѣломъ недостойнымъ этихъ лицъ. Какъ пережитокъ такого возрѣнія на трудъ долго держалось такое предубѣжденіе не только противъ непосредственнаго труда, но даже и противъ руководства хозяйственнымъ дѣломъ вообще, а торгово-промышленнымъ въ особенности. Посему эти послѣднія занятія считались еще совсѣмъ недавно недостойными дворянъ. Прилично же было только владѣть землей и прикрѣпленными къ ней людьми или крѣпостными.

При такихъ условіяхъ и при такомъ взглядѣ на трудъ можно-ли было говорить о *пріятности* труда самого по себѣ, на ряду съ несомнѣнно присущей ему *непріятностью* или тяжестью? Первоначальные экономисты этого и не говорили, примѣрно вплоть до Дж. Ст. Милля включительно. И только первые, болѣе утопическіе, социалисты, въ особенности *Фурье* и его школа, стали доказывать, что трудъ самъ по себѣ еще не есть тягота или бремя; непріятенъ-же онъ бываетъ только въ извѣстныхъ размѣрахъ и своимъ однообразіемъ въ особенности. Съ другой стороны демократизація общественнаго духа и настроенія порождали иногда нѣкоторую идеализацію труда и доказательства того, что *человѣку присуще стремленіе къ труду*, т.-е. что трудъ соотвѣтствуетъ физиологическимъ потребностямъ человеческого организма. Очевидно, что тутъ трудъ смѣшивался съ потребностью въ движеніи, о чемъ мы уже говорили выше. Хотя

несомнѣнно, что иногда «отъ бездѣлья ищутъ рукодѣлья»; но послѣднее все таки далеко не всегда является трудомъ хозяйственнымъ.

Фурье говорилъ, что тяжелъ и непріятенъ бываетъ не трудъ самъ по себѣ, а его *однообразіе*, или узкая спеціализація развивающаяся все болѣе и болѣе вслѣдствіе раздѣленія труда общественнаго и техническаго. Поэтому главное преимущество нарисованнаго этимъ Фурье будущаго строя въ его «фаланстерахъ» заключалось бы въ томъ, что люди въ теченія каждаго дня или вообще попеременно переходили бы отъ одного занятія къ другому. А это было бы возможно потому, что прогрессъ техники, введеніе новыхъ машинъ и пр., такъ упрощало бы работу, что для нея и не требовалось бы особой подготовки и спеціального умѣнья. При такомъ взглядѣ на трудъ и при такихъ условіяхъ его примѣненія непріятнаго труда вообще не могло бы существовать; но это конечно область «утопій», въ которыхъ, впрочемъ, встрѣчаются и цѣнныя крупныя, на которыя и будетъ указано въ своемъ мѣстѣ при разборѣ достоинствъ и недостатковъ системъ раздѣленія труда вообще.

Болѣе серьезныя соображенія о пріятности труда, подъ нѣкоторымъ влияніемъ того-же Фурье, были высказаны первымъ русскимъ переводчикомъ *Д. С. Милля* въ его обширныхъ и вообще цѣнныхъ примѣчаніяхъ. Онъ исходилъ изъ того, что «трудъ есть дѣятельность мозга и мускуловъ, составляющая природную внутреннюю потребность этихъ органовъ, находящихъ въ ней свое наслажденіе, а внѣшнимъ своимъ результатомъ имѣющая приведеніе силъ и предметовъ природы къ производству предметовъ и явленій, удовлетворяющихъ нуждамъ человѣческаго организма» (т. I, стр. 210). Въ другомъ мѣстѣ онъ говорилъ, что «все важныя роды труда имѣютъ по своей сущности пріятность или привлекательность, которая далеко превышаетъ ихъ непріятную сторону». Для осуществленія этой пріятности необходимы слѣдующія три условія: «1) когда труду не препятствуютъ слишкомъ сильныя внѣшнія помѣхи; 2) когда человѣкъ совершаетъ его по собственному соображенію о его надобности или полезности для него самого, а не по внѣшнему принужденію; 3) когда трудъ не продолжается долѣе того времени, пока мускулы совершаютъ его безъ изнуренія вреднаго для организма или его разрушающаго» (тамъ же, стр. 102). Выводъ отсюда получается такой, что непріятность труда происходитъ отъ неисполненія этихъ условій, и затѣмъ проводятся паралели непріятности всякой чрезмѣрности— въ музыкѣ или въ ѣдѣ, вынужденности танцевъ и т. п.

Намъ представляется болѣе правильнымъ принимать трудъ за *работу необходимую*, вслѣдствіе недостатка средствъ для удовлетворенія потребностей, а не за потребность организма. Это будетъ опредѣленіемъ вѣрнымъ по отношенію къ самымъ распространеннымъ видамъ труда или работамъ, по преимуществу мускульнымъ или механическимъ; и это особенно примѣнимо къ труду громаднаго большинства современныхъ рабочихъ. Достаточно для этого только мысленно себѣ представить преобладающія условія и обстановку ихъ работы, напр., фабрично или горно-заводскую, или же тяжелую страдную пору крестьянскихъ полевыхъ работъ, тяжелыя и продолжительныя работы въ большинствѣ ремесленныхъ мастерскихъ и т. д.

Если задача нашей науки сводится къ установленію или отвлеченію болѣе общихъ признаковъ изучаемыхъ явленій, для построенія ихъ *типа* или типическихъ формъ, то это и будетъ типичнымъ признакомъ труда въ современной системѣ хозяйства. Въ особенности слѣдовало бы такъ опредѣлять трудъ съ точки зрѣнія точной или абстрактной экономики, оперирующей только съ явленіями и понятіями современнаго капиталистическаго хозяйства. Но школа эта и тутъ ухитряется черезъ-чуръ отвлечься отъ реальной дѣятельности, напимѣръ, представляя рабочаго настолько свободнымъ, что онъ работаетъ будто бы лишь постольку, *поскольку продуктъ труда даетъ ему большее удовлетвореніе, чѣмъ тягость или непріятность труда.*

И потому какъ будто не можетъ быть чрезмѣрной продолжительности труда въ этой системѣ свободного мѣноваго оборота, въ которой трудъ или работа обращается также свободно, какъ и прочіе обыкновенные товары. Но если бы вся эта система была построена на дѣйствительной, а не на гипотетической свободѣ, тогда эти разсужденія могли бы имѣть мѣсто и значеніе. На дѣлѣ же это далеко не такъ, и потому-то необходимо урегулированіе продолжительности труда или сроковъ работы мѣрами законодательства, такъ сказать извнѣ привходящаго, или же предоставленіемъ рабочимъ болѣе широкихъ правъ для самозащиты ихъ интересовъ путемъ учрежденій союзнаго строя.

Становясь на болѣе объективную точку зрѣнія при опредѣленіи скорѣе степени непріятности работы, чѣмъ наоборотъ, можно согласиться съ однимъ изъ представителей математической школы экономистовъ — *Джевонсомъ*, указавшимъ на слѣдующіе три момента во всякой работѣ: въ началѣ, пока еще, какъ говорится, рука не размахается, — и дѣло не споро ладится; затѣмъ, втянувшись въ работу, работникъ и чувствуетъ себя, и работаетъ лучше всего, пока, наконецъ, не начнетъ уставать и все болѣе и болѣе тяготиться работой.

Но представляетъ-ли собой абсолютную пріятность средній моментъ работы — это еще вопросъ. Потребность въ движеніи или вообще въ какомъ либо занятіи можетъ, какъ уже и было указано, находить себѣ выходъ или удовлетвореніе въ играхъ, спортахъ, занятіяхъ художественныхъ или музыкальных; но все это и будутъ игры и спорты, а не трудъ въ смыслѣ дѣла вообще и хозяйственнаго въ особенности. Только въ сферахъ *высшихъ видовъ умственнаго* и отчасти художественнаго *творчества* можно въ самомъ трудѣ или работѣ видѣть самоудовлетвореніе; какъ и вообще въ тѣхъ случаяхъ оно вообще играетъ большую роль, когда трудъ

соотвѣтствуетъ *призванію* трудящагося или унаслѣдованнымъ навыкамъ, привычкамъ, традиціямъ и т. п.

Наиболѣе типичными примѣрами случаевъ перваго рода могутъ служить работы ученыхъ, литературныя, художественныя и т. п.; примѣромъ вторыхъ служатъ многочисленные еще до сихъ поръ у насъ въ Россіи случаи бросанія фабричныхъ работъ крестьянами, въ лѣтнее время идущими на сельскія работы; при чемъ бываетъ, что они при этомъ зарабатываютъ даже меньше, чѣмъ на фабрикахъ или заводахъ. Несомнѣнно, что и средне-вѣковой ремесленникъ могъ гораздо больше любить свою работу, чѣмъ современный фабрично-заводскій рабочій. Первый могъ быть и бывалъ художникомъ въ своемъ дѣлѣ, въ особенности какъ личный творецъ своего издѣлія, что совершенно немыслимо для второго.

Наконецъ, выходя за предѣлы чисто хозяйственной дѣятельности и понимая подъ трудомъ нѣчто болѣе широкое въ родѣ разныхъ видовъ общественной и государственной службы и дѣятельности, въ послѣднихъ можно видѣть проявленіе и разныхъ другихъ болѣе сложныхъ мотивовъ, какъ-то: сознаніе нравственнаго долга работать на общую пользу или же чувствъ властолюбія, честолюбія, тщеславія и т. п., (кромѣ конечно и въ этой сферѣ наиболѣе распространеннаго мотива—добыванія и этой службой средствъ существованія). Но властвованіе или распоряженіе не всегда даже можно подвести подъ понятіе труда въ болѣе опредѣленномъ смыслѣ. Первый изъ этихъ мотивовъ (чувство долга), можетъ быть, современнымъ и будетъ играть гораздо большую роль, чѣмъ теперь, если представить себѣ, что и все хозяйство приметъ формы общественныя или коллективныя. И это въ особенности, если бы сложился такой строй общества и хозяйства, въ которомъ при совершенно—или болѣе или менѣе равныхъ для всѣхъ доходахъ или вознагражденіяхъ, отсутствовало бы какое бы то ни было принужденіе или побужденіе къ труду. Но такой именно строй меньше всего имѣетъ шансовъ на осуществленіе, такъ какъ онъ предполагаетъ слишкомъ крупное преобразование и совершенствованіе нравственной природы человѣка. И потому даже въ большинствѣ социалистическихъ теорій распредѣленія считается невозможнымъ обойтись безъ установленія соотвѣтствія между доходомъ или вознагражденіемъ, съ одной стороны, и качествомъ и количествомъ труда съ другой, измѣряемымъ по ихъ результатамъ или выраженіямъ въ продуктахъ этого труда (см. выше изложенныя понятія коммунизма и социализма, стр. 167 и слѣд.) Слѣдовательно и тутъ не признается возможнымъ видѣть въ трудѣ преобладаніе однихъ пріятныхъ сторонъ; а потому для побужденія къ труду и являются необходимыми соотвѣтственныя видамъ и результатамъ его вознагражденія. Насколько-же все это еще болѣе необходимо въ системѣ хозяйства современной,

съ преобладаніемъ въ ней эгоистическихъ мотивовъ надъ всѣми остальными!

Подробнѣе этотъ вопросъ будетъ разсматриваться въ ученіи о вознагражденіи за трудъ, т.-е. въ отдѣлѣ о распредѣленіи доходовъ. Здѣсь-же обо всемъ этомъ говорится лишь для выясненія понятія хозяйственнаго труда вообще. Съ нимъ не надо смѣшивать отчасти замѣнявшаго его раньше въ нашей наукѣ понятія труда *производительнаго* и *противополагавшагося* ему *непроизводительнаго*, каковыя термины теперь стали малоупотребительными.

Повидимому впервые выраженіе производительный трудъ употребляется еще у физиократовъ, которые подъ нимъ понимали только трудъ земледѣльческой, какъ единственный производившій по ихъ мнѣнію прибавочную цѣнность или чистый доходъ (*produit net*) и въ то-же время бывшій единственнымъ-же источникомъ народнаго богатства. Но центръ тяжести этого вопроса—о разграниченіи этихъ двухъ видовъ труда—лежитъ въ опредѣленіи ихъ *Ад. Смитомъ*. Послѣдній далъ въ сущности два, нѣсколько взаимно противорѣчащихъ опредѣленія, изъ коихъ болѣе общепризнаннымъ было слѣдующее: тотъ только трудъ будетъ производителемъ, который *овеществляется въ какомъ-нибудь реальномъ предметѣ или продажномъ товарѣ*; непроизводительный-же трудъ выражается только въ дѣйствіяхъ, именуемыхъ *услугами* и не оставляющихъ по себѣ матеріальныхъ слѣдовъ. Посему къ работникамъ перваго рода относятся сельско-хозяйственные, мануфактурные и т. п., создающіе реальные продукты своего труда; а ко вторымъ, на ряду со всякой домашней прислужкой, А. Смитъ относитъ дѣятельность «виднѣйшихъ классовъ общества», въ томъ числѣ чиновниковъ, судей, офицеровъ и солдатъ, духовныхъ лицъ, юристовъ, писателей, врачей, а равно и актеровъ, пѣвцовъ, музыкантовъ и т. д.

Большинство учениковъ и послѣдователей А. Смита заимствовали у него именно это опредѣленіе, чѣмъ и дали поводъ къ многочисленнымъ нападкамъ на эту школу за черезъ чуръ узкое и матеріалистическое опредѣленіе производительнаго труда. При этомъ многіе изъ оппонентовъ считали главнымъ возраженіемъ то, что даже «обидно» для представителей вышеназванныхъ профессій названіе ихъ труда непроизводительнымъ, что будто бы равнозначуще съ бесполезнымъ. Но, во первыхъ, самъ А. Смитъ послѣдняго вовсе не говорилъ, т.-е. отнюдь не считалъ эти занятія бесполезными, а даже называлъ ихъ представителей «слугами общества», и дѣятельность ихъ «почтенною, полезною» и т. п.; но только онъ прибавлялъ, что содержатся, т.-е. получаютъ средства существованія они изъ части годового продукта производства (или труда), созда-

ваемаго другими людьми, а именно производительными работниками.

Конечно, противъ такого разграниченія этихъ двухъ видовъ труда можно возразить многое и по существу, какъ это одинъ изъ первыхъ сдѣлалъ *Фр. Листъ*, въ родѣ того, что нельзя считать трудъ врача, прописывавшаго лекарства непроизводительнымъ, а трудъ аптекаря приготовлявшаго лекарство (вещь!) производительнымъ, такъ какъ безъ рецепта врача не было бы сдѣлано и лекарство. Нельзя также сказать, что трудъ повара или кухарки не производитъ матеріальнаго продукта, разъ что они перерабатываютъ сырую провизію въ съѣдобную форму. Но такое опредѣленіе производительнаго труда теперь большинствомъ экономистовъ и не признается, какъ слишкомъ узко матеріалистическое и преуменьшающее значеніе разныхъ видовъ умственнаго труда даже въ хозяйственной сферѣ. Вѣрнымъ однако остается указаніе *А. Смита*, что всѣ такъ называемые имъ непроизводительные лица и классы общества живутъ за счетъ труда производительныхъ работниковъ и классовъ. Отсюда выводъ, что для общества съ хозяйственной точки зрѣнія не выгодно, если первые составляютъ слишкомъ большой процентъ въ составѣ населенія данной страны, и потому можетъ быть признано желательнымъ, чтобы число ихъ по возможности было ограниченнымъ.

Но, на ряду съ только что приведеннымъ опредѣленіемъ, у *А. Смита* есть и другое, гораздо болѣе тонкое и существенное, которому самъ онъ придавалъ гораздо большее значеніе, съ него даже и начиная соотвѣтственную главу объ образованіи капитала и этихъ двухъ видахъ труда (гл. III книги II). Здѣсь *Смитъ* говоритъ слѣдующее: «Есть видъ труда, который увеличиваетъ цѣнность предмета, къ которому онъ прилагается... Такъ работа промышленнаго рабочаго прибавляетъ къ цѣнности обрабатываемаго имъ матеріала стоимость своего содержанія и прибыль своему хозяину (владѣльцу фабрики)... Хотя заработная плата такому работнику выдается впередъ его хозяиномъ, но тѣмъ не менѣе работа эта (или плата за нее) обходится послѣднему ни во что, такъ какъ цѣнность этой платы обыкновенно, воспроизводится, да еще съ прибылью, въ цѣнности создаваемаго рабочимъ продукта. Издержки же на содержаніе домашней прислуги не воспроизводятся. Человѣкъ дѣлается поэтому богатымъ, если онъ пользуется работой промышленныхъ рабочихъ, и онъ бѣднѣетъ, содержа многочисленный штатъ домашней прислуги».

И даже, переходя къ объясненію приращенія или воспроизведенія капитала, *Смитъ* говоритъ слѣдующее: «Какую-бы часть своего имущества (*Stock*) человѣкъ ни затрачивалъ или употреблялъ (*employs*)

въ качествѣ капитала, онъ всегда разсчитываетъ на возстановленіе его съ нѣкоторою прибылью. Онъ затрачиваетъ его на наемъ только производительныхъ рабочихъ; сослуживъ ему службу въ качествѣ капитала, то-же имущество образуетъ доходъ (источникъ его) для рабочихъ. Если-же онъ тратитъ часть капитала на содержаніе разнаго рода непродизводительныхъ рабочихъ, то эта часть перестаетъ служить ему капиталомъ и переходитъ въ запасъ средствъ для непосредственнаго потребленія» (капиталь тогда не воспроизводится).

Въ этихъ словахъ А. Смита, въ неполнѣ еще развитомъ видѣ таится въ сущности вся позднѣйшая теорія К. Маркса о капиталѣ вообще и о происхожденіи прибыли на него въ частности, какъ создаваемой трудомъ рабочихъ. Согласно этому опредѣленію производительнымъ трудомъ считается только тотъ, который покупается капиталистомъ для извлеченія изъ него выгоды или прибыли, которая и создается трудомъ этихъ рабочихъ потому, что они производятъ больше, чѣмъ стоитъ ихъ содержаніе или, что все равно, сколько выдано имъ вознагражденія или платы за эту работу.

Марксъ въ своемъ самомъ послѣднемъ посмертномъ трудѣ: «Теоріи прибавочной цѣнности» ¹⁾ слишкомъ уже нападаетъ на Смита за указанное его противорѣчіе съ самимъ собою, въ которое онъ впалъ, въ одномъ случаѣ считая производительнымъ трудомъ тотъ, который выражается въ матеріальномъ продуктѣ, а не въ услугѣ, а въ другомъ тотъ, который создаетъ прибавочную цѣнность, т. е. служитъ источникомъ прибыли на капиталъ. Отдѣляя каждое изъ этихъ опредѣленій Смита другъ отъ друга, Марксъ дѣлаетъ такіе выводы, что, (будто бы по Смиту), производительнымъ трудомъ будутъ труды и актеровъ, и музыкантовъ, и акробатовъ, содержимыхъ хозяиномъ театра или цирка, такъ какъ онъ изъ труда ихъ извлекаетъ прибыль на свой затраченный капиталъ. Но дѣло-то въ томъ, что самъ Смитъ вовсе не отдѣлялъ этихъ опредѣленій другъ отъ друга, считая оба признака одинаково существенными; поэтому «по Смиту» труды актеровъ, музыкантовъ и т. п. никакъ не считались бы производительными, какъ не выражающіеся въ реальныхъ результатахъ или матеріальныхъ продуктахъ. Значитъ, слѣдуетъ брать или не брать Смитовское опредѣленіе цѣликомъ, а не разрывая его на части. И въ этомъ смыслѣ самъ Марксъ его широко и использовалъ, придавъ только всему этому болѣе стройный и законченный видъ.

На ряду съ указаннымъ двоякимъ противоположеніемъ видовъ труда, въ прежнее время чуть не каждый экономистъ устанавливалъ свою классификацію труда. Такъ, Милль устанавливалъ 7 видовъ, Рошеръ 6 и т. д. Но теперь это признается не имѣющимъ серьезнаго экономическаго значенія.

---

¹⁾ *K. Marx*. Theorien über den Mehrwert, 1905 г. т. I, стр. 253 (всего вышло три тома, послѣдній въ 1910 г.).

Дѣленіе Милля заключалось въ слѣдующемъ: прежде всего онъ устанавливалъ двѣ главнѣйшихъ категоріи, а именно: трудъ, направленный на окончательное производство какого-либо продукта, и трудъ, доставляющій средства существованія производителямъ всѣхъ продуктовъ кромѣ пищи. Остальные виды онъ называлъ косвенными, раздѣляя ихъ на слѣдующіе: 1) трудъ производящій сырые матеріалы, 2)—производящій орудія труда, 3)—противодѣйствующій вреднымъ внѣшнимъ или стихійнымъ явленіямъ (амбары, плотины, полицейская охрана имуществъ и пр.), 4)—по перевозкѣ товаровъ и вообще доставленіе ихъ въ руки потребителей (транспортъ и торговля), 5)—трудъ не осуществляющійся въ матеріальныхъ цѣнностяхъ, но направленный на воспитаніе и образованіе самого человѣка, равно какъ и на обезпеченіе его здоровья и силъ. Ко всему этому Милль присоединяетъ еще трудъ изобрѣтателей и вообще ученыхъ и мыслителей.

Условія увеличивающія производительность труда связанныя съ трудомъ непосредственно.

Большая или меньшая *производительность труда* можетъ быть понимаема въ двоякомъ смыслѣ и имѣть поэтому двоякое основаніе. Болѣе обычное пониманіе термина «производительность труда» есть *объективное*; выражается оно въ отношеніи результатовъ или продуктовъ труда къ количеству труда, измѣряемаго обыкновенно единицами времени (часы, дни, недѣли и т. д.).

Съ этимъ объективнымъ понятіемъ не надо смѣшивать другого—*субъективнаго*, выражающагося въ томъ, что называется *напряженностью* труда. А это есть уже свойство работы того или другого работника и вообще трудящагося лица (субъекта хозяйства), т.-е. выражается въ затратѣ большаго или меньшаго количества его трудовыхъ усилій или энергіи въ единицу времени. Бóльшая напряженность труда можетъ быть, при прочихъ равныхъ условіяхъ, причиною большей производительности труда, но, конечно, не наоборотъ. Есть еще одно сюда относящееся выраженіе—*интенсивность* труда, которое иногда примѣняется къ объективному, а чаще къ субъективному смыслу производительности труда, т.-е. вмѣсто его напряженности. Оно же употребляется и въ болѣе широкомъ смыслѣ въ примѣненіи къ хозяйственной дѣятельности вообще или къ тѣмъ или другимъ системамъ хозяйства.

Этотъ послѣдній терминъ понимается поэтому тоже иногда совершенно различно. Такъ въ однихъ случаяхъ подъ интенсивной системой хозяйства, напр. сельскаго, понимается высшая или болѣе совершенная его форма въ техническомъ отношеніи, т. е. сопряженная съ наибольшими затратами труда и капитала на данное пространство земли. И такому хозяйству противопоставляется такъ называемое *экстенсивное*, въ которомъ главная роль принадлежитъ естественнымъ силамъ природы. Но вопросъ о большей или меньшей производительности не предопредѣляется въ послѣднемъ случаѣ

такой интенсификаціей хозяйства, ибо при извѣстныхъ условіяхъ хозяйство экстенсивное можетъ быть и даже часто бываетъ производительнѣе интенсивнаго, а потому «интенсивный» еще не синонимъ болѣе производительнаго. Подробнѣе объ этомъ будетъ говорить тамъ, гдѣ рѣчь будетъ идти о системахъ хозяйства самихъ по себѣ. Здѣсь-же имѣлось въ виду предупредить возможное смѣшеніе этихъ понятій.

Производительность труда въ объективномъ смыслѣ зависитъ отъ различнаго рода условій, только однимъ изъ которыхъ является напряженность труда, въ свою очередь тоже зависящая отъ различныхъ причинъ. Другими-же условіями, кромѣ различныхъ сочетаній трудовыхъ же усилій, являются два другихъ фактора производства, какъ ихъ прежде называли, а именно—внѣшняя природа и капиталъ. Здѣсь, въ ученіи о трудѣ, мы остановимся главнымъ образомъ на причинахъ, обуславливающихъ его производительность, связанныхъ съ *личностью трудящагося*, его *общественнымъ положеніемъ* и съ *сочетаніемъ трудовыхъ усилій*; вліяніе-же другихъ факторовъ и условій, т. е. естественныхъ и техническихъ, будетъ разъяснено далѣе въ своемъ мѣстѣ.

На ряду съ напряженностью труда, допускающей довольно точное ея измѣреніе, (напримѣръ, въ пудофутахъ силъ, о чемъ говорилось уже въ ученіи о населеніи, какъ о *массѣ труда* или его количествѣ), играетъ также роль и то, что называется *ловкостью* труда или *искусствомъ* работника. Различіе между напряженностью и ловкостью въ однихъ работахъ выступаетъ довольно ясно, въ другихъ менѣе. Если первая выражаетъ *количество* трудовыхъ усилій или энергіи въ единицу времени,—чѣмъ она и измѣряется, то вторая (ловкость) есть скорѣе *качество* труда, измѣряемое отношеніемъ между суммой затраченнаго труда и полученныхъ отъ нея результатовъ, конечно тоже въ извѣстную единицу времени. Въ сущности въ томъ и другомъ случаѣ роль труда сводится къ какимъ-либо измѣненіямъ въ положеніи или преобразованіямъ въ существѣ и формѣ матеріаловъ (объектовъ внѣшней природы), надъ которыми работаетъ человѣкъ. Иначе говоря, человѣкъ не можетъ творить или создавать самого вещества или матеріи, а только механически или химически видоизмѣняетъ ее, пользуясь присущими ей свойствами самими по себѣ или взаимодействіемъ веществъ другъ на друга и вліяніемъ на нихъ различныхъ силъ внѣшней природы. Громадную помощь оказываютъ при этомъ человѣку и создаваемые имъ нарочно для этой цѣли орудія труда или производства, равно какъ и всякія техническія знанія вообще.

Къ числу условій производительности труда, *связанныхъ съ личностью работника* относятся нѣкоторыя, о которыхъ было уже выше

говорено, какъ напимѣрь, пользованіе результатомъ своего труда или извлеченіе выгодъ изъ него, чувство долга и т. д. Теперь мы постараемся свести всѣ уже указанныя, какъ и остальные условія, въ нѣкоторую систему.

Всѣ эти условія могутъ быть сведены къ *чисто личнымъ* или *индивидуальнымъ* и *общественнымъ*, т.-е. обусловленнымъ положеніемъ даннаго лица въ обществѣ.

А. Условія индивидуальныя.

1. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоятъ тѣ или другія *физическія* свойства и способности человѣка, въ свою очередь обусловленные естественною силою и здоровьемъ его, равно какъ поломъ и возрастомъ, на что уже и было указано въ ученіи о населеніи. Къ категоріи такихъ же свойствъ относятся и *національныя* или *этнографическія*. Они выражаются въ томъ, что напимѣрь, представители высшихъ расъ вообще обладаютъ большей энергіей и выдержкой въ трудѣ, чѣмъ нисшихъ; и то же иногда замѣчается по отношенію къ отдѣльнымъ національностямъ, хотя бы среди европейскихъ народовъ. Но эти отличительныя черты тогда являются не первопричинами, а слѣдствіями другихъ, какъ напимѣрь, результатами большей или меньшей культурности или образованности, что не есть прирожденное свойство тѣхъ или другихъ націй, а результатъ общественно-политическихъ и другихъ условій ихъ жизни, равно какъ того или другого уровня ихъ потребностей, зависящаго отъ степени богатства той или иной страны и твердо установившихся привычекъ и обычаевъ.

2. Вторымъ условіемъ можно считать большее или меньшее *соотвѣтствіе рода занятій личнымъ вкусамъ и наклонностямъ*. Обычно трудъ соотвѣтствующій *призванію* является и болѣе напряженнымъ, и по качеству высшимъ. Само по себѣ это призваніе можетъ быть чисто индивидуальнымъ или унаслѣдованнымъ отъ родителей. И потому-то иногда люди довольствуются меньшимъ вознагражденіемъ за свой трудъ, если онъ соотвѣтствуетъ ихъ призванію. Высшимъ видомъ такого отношенія къ труду является признаніе его за свой нравственный или общественный долгъ, на что выше уже было указано.

3. На напряженность труда вліяютъ *продолжительность и непрерывность* работы, именно чрезмѣрность первой и отсутствіе перерывовъ приводятъ не только къ утомленію и истощенію силъ работника въ данный день, но и сокращаетъ продолжительность его трудоспособнаго періода жизни. Въ этомъ заключается главное

основаніе современнаго фабричнаго и вообще рабочаго законодательства, ограничивающаго сроки работы въ теченіе сутокъ и устанавливающаго обязательные перерывы для принятія пищи и отдыха въ теченіе дня и, хотя бы разъ въ недѣлю, отдыхъ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Напряженность труда очень замѣтно поднимается благодаря такимъ мѣрамъ, такъ что въ болѣе короткій срокъ работы, рабочіе успѣваютъ производить столько-же продуктовъ, если даже не болѣе, чѣмъ въ прежніе долгіе сроки. Что касается до перерывовъ, то они, будучи до извѣстной степени необходимы и потому играя роль положительную, могутъ въ случаѣ избытка ихъ, — вызываемаго, на примѣръ, необходимостью часто переходить отъ одной работы къ другой, — быть и условіемъ уменьшающимъ напряженность труда. На это уже было указано, какъ на свойство труда, особенно отмѣченное проф. Джевансомъ, (см. стр. 214) хотя еще раньше указалъ на это и А. Смитъ въ числѣ выгодъ раздѣленія труда, т.-е. когда при спеціализаціи работниковъ переходы эти сокращаются и потому они меньше тратятъ времени на приспособленіе къ новой работѣ.

4. Напомнимъ вкратцѣ вышеуказанную *ритмичность движенія*, обеспечиваемую иногда пѣніемъ соотвѣтственныхъ пѣсень, вообще содѣйствующихъ подъему духа и настроенія.

Б. Условія общественныя.

1. Въ качествѣ наиболѣе типичныхъ условій общественныхъ на первое мѣсто должна быть поставлена *зависимость или свобода* трудящагося лица. И едва-ли надо долго разъяснять, почему не можетъ быть высока производительность и напряженность труда раба или крѣпостного, а именно: разъ такіе работники знаютъ, что никакое напряженіе ихъ труда не измѣнитъ къ лучшему ихъ положенія, т.-е. что они все равно не выйдутъ изъ своей зависимости, то для чего-же имъ и напрягать свои усилія? Единственнымъ побужденіемъ къ труду для нихъ является лишь *страхъ наказанія*, которое постоянно и примѣняется къ нимъ, иногда даже безъ особенной надобности, ради только поддержанія этого вѣчнаго страха.

Въ свое время, т.-е. еще при существованіи этихъ видовъ зависимости, постоянно дѣлались вычисленія для сравненія производительности труда свободнаго и зависимаго; напр., въ родѣ того, сколько требуется жнецовъ или косарей, свободныхъ или крѣпостныхъ для уборки одного и того-же пространства земли? И конечно выводы получались въ пользу первыхъ. Можно теперь поэтому положительно утверждать, что въ уничтоженіи невольничества негровъ

въ Сѣв. Америк. Соедин. Штатахъ играли роль не одни только чисто гуманная идеи, (провозвѣстникомъ коихъ между прочимъ послужилъ извѣстный романъ г-жи Бичеръ-Стоу «Хижина дяди Тома», въ которомъ описывалось тяжелое положеніе невольниковъ), а имѣлись въ виду также и эти сравнительные расчеты и доказательства невыгодъ такого труда и стоимости содержанія огромнаго количества надсмотрщиковъ надъ невольниками или ихъ погонщиковъ. Въ то-же время оказывалось, что тѣ-же самые негры-рабы въ свободное отъ обязательныхъ работъ время, когда имъ предоставлялось работать на себя, выработывали въ нѣсколько часовъ столько-же, сколько въ теченіе цѣлаго дня работы подневольной. Роль такого грубаго побужденія къ труду теперь замѣнена *сознаніемъ необходимости работать* подъ вліяніемъ нужды или недостатка средствъ къ существованію.

2. Свободный трудъ повышается или понижается въ своей напряженности въ зависимости отъ *положенія трудящагося*. Такъ трудъ мелкаго землевладѣльца-собственника, самостоятельнаго мелкаго ремесленника или члена рабочей производительной артели всегда будетъ напряженнѣе труда тоже свободнаго, но наемнаго рабочаго. И это потому, что лица первой категоріи знаютъ, что *весь* продуктъ ихъ труда будетъ принадлежать имъ самимъ; между тѣмъ какъ послѣдній рабочій получитъ только свою заработную плату, а продуктъ будетъ принадлежать его нанимателю.

3. Въ свою очередь наемные рабочіе будутъ напрягать свой трудъ болѣе и работа у нихъ пойдетъ скорѣе, если плата ихъ будетъ рассчитываться *сдѣльно* или *поштучно*, т.-е. въ зависимости отъ сработаннаго ими количества продукта. При платѣ же *повременной* (поденной, помѣсячной и т. п.), скорость работы обыкновенно уменьшается, но за то часто выигрываетъ ея качество, въ видѣ большой ея тщательности и чистоты. Хозяева поэтому часто выбираютъ тотъ или другой видъ расчета платы смотря по тому, чего больше имъ желательно достигнуть въ работѣ рабочихъ. Сдѣльная плата способна вызывать иногда даже чрезмѣрное напряженіе труда, почему противъ нея иногда и борются рабочіе; но за то она почти совершенно устраняетъ необходимость надзора за работой, разъ что можно точно учесть качество произведеннаго матеріала.

Еще выше по достигаемымъ въ этомъ отношеніи результатамъ— *допущеніе рабочихъ къ участию въ прибыли* отъ предпріятія, ибо тогда они не только работаютъ усердно, но еще и берегутъ хозяйскій матеріалъ и орудія производства, зная, что отъ экономіи въ послѣднихъ можетъ увеличиться общая прибыль и ихъ доля въ ней.

4. Едва-ли надо тратить много словъ на разъясненіе вліянія

образованія на производительность труда. Конечно, вліяніе это отражается больше на ловкости или искусствѣ, чѣмъ на напряженности труда.

Значеніе этого условія въ свое время созналъ еще Кольберъ; онъ поднялъ французскую промышленность на недостижимую высоту, въ смыслѣ наивысшаго качества ея издѣлій, не столько обычными для другихъ меркантилистовъ средствами (покровительственными тарифами, улучшеніемъ путей сообщенія и пр.), сколько умственнымъ развитіемъ французскихъ мастеровъ и рабочихъ и подъемомъ ихъ техническаго образованія; а послѣднее мыслимо, разумѣется, лишь на почвѣ общаго, въ томъ числѣ прежде всего умѣнья читать книги, копировать рисунки и т. д.

И эту истину, такъ давно сознанную этимъ крупнымъ государственнымъ дѣятелемъ, приходится еще и теперь защищать, и доказывать какими-либо расчетами и примѣрами, когда въ сущности это все равно, что ломиться въ открытую дверь! Но вѣдь есть люди, и что особенно жаль, даже вліятельные, которые до сихъ поръ отвергаютъ такое чисто экономическое значеніе образованія, не говоря уже объ общекультурномъ. А между тѣмъ, чѣмъ же инымъ можно объяснить бѣдность Россіи по сравненію съ другими странами при громаднѣхъ, и часто непочатыхъ, ея богатствахъ и при несомнѣнныхъ природныхъ способностяхъ ея коренного населенія, какъ не низкимъ уровнемъ образованія главной массы ея населенія—крестьянства и рабочаго класса, а отчасти и предпринимателей и ихъ управляющихъ.

Подобно тому, какъ въ свое время съ цифрами въ рукахъ доказывали меньшую производительность труда невольниковъ и крѣпостныхъ по сравненію съ свободными рабочими, такъ теперь еще приходится доказывать преимущества этого рода у рабочихъ развитыхъ и образованныхъ по сравненію съ сѣрыми, неграмотными, которыхъ у насъ среди крестьянъ еще громадное большинство, а они-то и относятся къ категоріи лицъ, занятыхъ хозяйственнымъ трудомъ. Въ специальныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ этому вопросу, приводятся между прочимъ примѣры гораздо большаго числа разныхъ машинъ или ихъ частей, могущихъ находиться подъ управленіемъ рабочихъ съ той или другой степенью образованія. Указывается на возрастаніе производительности труда въ тѣхъ или другихъ производствахъ, въ зависимости даже отъ процента простой грамотности среди рабочихъ. Устанавливается связь между размѣрами крестьянскаго землевладѣнія и въ частности процентъ безземельныхъ въ связи съ грамотностью и безграмотностью. Наконецъ, большая производительность труда болѣе образованныхъ рабочихъ доказывается и соотвѣтственнымъ повышеніемъ заработной платы для таковыхъ рабочихъ.

Когда одно перечисленіе этихъ примѣровъ занимаетъ чуть не

цѣлую страницу, то сколько-же ихъ понадобилось бы для приведенія соотвѣтственныхъ цифровыхъ таблицъ?

Особенно интересующимся этими вопросами рекомендуются ниже приводимые въ ссылкахъ сочиненія, представляющія богатые матеріалы; но здѣсь не можемъ не привести слѣдующихъ наиболѣе типичныхъ иллюстрацій ко всему сказанному. Такъ проф. акад. *И. И. Янжулъ* въ своей статьѣ въ чрезвычайно интересномъ сборникѣ: «Экономическая оцѣнка народнаго образованія» привелъ много данныхъ, доказывающихъ тѣснѣйшую связь образованія и даже просто грамотности съ производительностью труда и богатствомъ страны; а здѣсь они сведены въ нижеслѣдующую таблицу ¹⁾.

	Сумма народн. богатства на 1 жителя.	Доходъ отъ промышлен. всѣхъ видовъ на 1 жит.	Паровых. лошадиныхъ силъ на 1000 жит.	Ежегодное производство на 1 рабочаго.	Число взрослыхъ умѣющихъ читать.	Ежегодная плата рабочаго въ долларахъ.
	фун. стерлинговъ.			доллар.		
Соедин. Штаты С. Америки .	—	—	240	1.888	92%	347
Соедин. Корол. (Великобр.) . .	247	52	250	760	90 „	204
Франція	224	36	110	545	85 „	175
Германія	140	32	130	545	98 „	155
Россія	55	13	30	381	16 „	120

Въ той-же книгѣ приводятся данныя о средней поденной платѣ рабочихъ всѣхъ цеховъ на одномъ изъ механическихъ заводовъ гор. Николаева (Херс. губ.) въ связи съ грамотностью и срокомъ пребыванія въ школѣ (въ копѣйкахъ): ²⁾

Неграмотныхъ	Бывшихъ въ школѣ					
	1 годъ.	2 г.	3 г.	4 г.	5 лѣтъ.	6 л.
103,0	105,1	108,3	117,2	119,0	122,1	123,6

Связь производительности труда съ грамотностью и вообще большимъ развитіемъ становится изъ этого очевидной, такъ какъ высшая плата дается рабочимъ не за образованность самую по себѣ. Наконецъ связь производительности труда съ общимъ большимъ благосостояніемъ рабочихъ выясняется еще больше изъ слѣдующей таблицы, дающей возможность сравнить явленія за долгіе годы въ Англіи въ хлопчатобумажной промышленности, а именно: ³⁾

¹⁾ „Экономическая оцѣнка народнаго образованія“, сборникъ статей проф. *И. И. Янжула*, проф. *А. И. Чупрова* и др. 1896, стр. 18—20.

²⁾ Тамъ же, статья *Гавришева*, стр. 68 и слѣд.

³⁾ *Шульце-Геверницъ*. Крупное производство, 1897 г., стр. 151 и слѣд. Очень много относящихся сюда данныхъ находятся также въ соч. *Н. Карышева*: „Трудъ, его роль и условія приложенія въ производствѣ“. 1897 г., стр. 377—393.

Г О Д Ы.	Недѣль- ное про- изв. на 1 рабоч. ярдъ.	Издерж- ки на трудъ на 1 ярдъ. пенс.	Число рабочихъ часовъ въ не- дѣлю.	Недѣль- ный за- работокъ ткача. шиллин.	Покупн. сила его въ фунт. пш. муки. фунты.
1814	130,7	1,3	80	14	56
1832	221,5	0,6	72	12	65
1890	540,0	0,13	54 ¹ / ₂ { съ 3 стан. { съ 4 стан.	17,2 22,5	151 ¹ / ₂ 208

В. Соединеніе и раздѣленіе труда.

До сихъ поръ мы рассматривали трудъ, какъ проявленіе силъ или энергіи отдѣльнаго человѣка, и изучали динамику трудовыхъ усилій подѣ влияніемъ условій, связанныхъ съ самой личностью трудящагося или съ его общественнымъ положеніемъ. Теперь мы переходимъ къ рассмотрѣнію той-же динамики подѣ влияніемъ тѣхъ или иныхъ комбинацій или соединеній тѣхъ-же усилій, т.-е. того, что называется *соединеніемъ и раздѣленіемъ труда*.

Простѣйшимъ видомъ ихъ является *простое соединеніе труда* или простое сотрудничество. Самымъ нагляднымъ выраженіемъ его служить то, что можетъ быть названо *сложеніемъ* труда, т.-е. соединеніемъ совершенно однородныхъ усилій нѣсколькихъ лицъ, какъ на примѣръ, совмѣстное поднятіе какого-либо тяжелаго предмета, недоступное для силъ одного человѣка. То-же самое можно сказать и о всѣхъ видахъ совмѣстной охоты — загономъ звѣрей, рыбной ловли — при помощи большого невода или сѣтей, управиться съ которыми не могъ бы одинъ человѣкъ и т. д. Этотъ самый простой видъ сотрудничества развивается ранѣе всѣхъ другихъ его видовъ и потому встрѣчается на самыхъ раннихъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія ¹⁾. При осуществленіи даже такого соединенія труда результаты его нерѣдко превосходятъ сумму того, что математически получилось бы отъ простаго суммированія усилій тѣхъ-же лицъ, работающихъ порознь, поэтому получается какъ бы нѣкоторый математическій абсурдъ. Такъ тяжесть совсѣмъ не была бы поднята, рыба не поймана или если и да, то въ количествѣ непропорціонально меньшемъ, если бы ее ловили одинокіе меланхолическіе удильщики. Совмѣстная работа вызываетъ сверхъ того извѣстное соревнованіе, увеличивающее напряженность труда. Соедине-

¹⁾ См многочисленныя примѣры въ назв. соч. *Зибера*. Очерки первобытной эконо. культуры; также у *Бюхера*: Возникновеніе народнаго хозяйства.

ніе труда, наконецъ, бываетъ необходимымъ, когда, какъ во многихъ сельскихъ работахъ, приходится очень торопиться и окончить работу въ короткій промежутокъ времени, какъ напимѣръ, косьба сѣна, жатва или уборка хлѣба, точно также, когда нужно строить крупное зданіе, большую дорогу и т. п.

Сложное соединеніе труда или оно-же—*раздѣленіе труда* проявляется въ двухъ самостоятельныхъ основныхъ формахъ, допускающихъ затѣмъ нѣкоторые промежуточные ихъ виды или подраздѣленія. Вообще подъ этимъ понимается уже высшая форма хозяйства, въ которой люди связаны между собою въ болѣе или менѣе крупныя и прочныя, а не случайныя формы общенія.

Въ одномъ случаѣ это—установленіе внутренней связи между людьми внутри одной страны или хотя бы ея части или внутри общества, что и представляетъ собою такъ называемое *общественное раздѣленіе труда и занятій*; другими словами—это *спеціализація и дифференціація промысловъ и занятій*. Терминъ этотъ можно и должно тогда понимать не только въ узкомъ экономическомъ, но и въ широкомъ соціологическомъ смыслѣ, а именно: сюда подойдетъ даже первичное противоположеніе и раздѣленіе общества на группы по занятіямъ не только хозяйственнымъ, но и вообще, какъ напимѣръ, выдѣленіе группъ воиновъ, жрецовъ, судей, охотниковъ, рыболововъ, земледѣльцевъ, промышленниковъ, торговцевъ и т. д. Это будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ противоположеніе группъ по видамъ труда хозяйственнымъ или производительнымъ и инымъ или непроизводительнымъ, но въ то-же время для общества тоже необходимымъ. На этомъ основывалось и прежнее рѣзкое раздѣленіе общества на соотвѣтственныя касты и сословія. Между всѣми такими группами, обособленными по ихъ занятіямъ, устанавливается *взаимный обменъ* производимыми ими цѣнностями или услугами. Посему появленіе такого общественнаго раздѣленія труда кладетъ рѣзкую грань между прежнимъ *чисто натуральнымъ* періодомъ хозяйства и этимъ новымъ болѣе сложнымъ строеніемъ общества и хозяйства. Нѣсколько позже появляется дальнѣйшее подраздѣленіе одной и той-же группы по занятіямъ на то, что называется уже *классами*, тоже въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. по рангу и положенію, занимаемому отдѣльными лицами въ той-же группѣ по занятіямъ, какъ-то начальники и подчиненные въ войскѣ, землевладѣльцы и рабы или крѣпостные въ помѣстьяхъ, хозяева и рабочіе въ промышленныхъ классахъ и т. д. Дѣленіе или дифференціація въ томъ и другомъ смыслѣ идетъ все далѣе, когда промышленность разбивается на цѣлый рядъ ея отдѣльныхъ отраслей, равно какъ спеціализируются и торговцы по роду продаваемыхъ ими товаровъ

Насъ экономистовъ особенно конечно должно интересоватъ это раздѣленіе труда въ чисто хозяйственномъ отношеніи, по вліянію его на общую производительность труда данной страны или народа. И вліяніе это въ такомъ смыслѣ едва-ли даже подлежитъ особому доказательству, настолько оно ясно, равно какъ и то, что все это является неизбѣжнымъ результатомъ, во первыхъ, постепеннаго прироста и сгущенія населенія и, во вторыхъ, развивающагося болѣе широкаго въ территоріальномъ смыслѣ общенія жителей одной страны или народа или даже разныхъ странъ между собою.

Второй видъ раздѣленія труда есть такъ называемое *техническое*; оно уже имѣетъ почти исключительно хозяйственное или промышленное значеніе и выражается въ слѣдующемъ: производство однихъ и тѣхъ-же продуктовъ расчленяется или разлагается на нѣсколько отдѣльныхъ моментовъ или процессовъ, поручаемыхъ соотвѣтственнымъ отдѣльнымъ группамъ рабочихъ, служащихъ въ одномъ и томъ-же хозяйствѣ или предпріятіи. Слѣдовательно вообще, или короче, это раздѣленіе труда внутри одного одного и того-же хозяйства. Ясно, что отсюда не можетъ вытекать никакого обмѣна, какъ это, наоборотъ, неизбѣжно при раздѣленіи труда общественномъ.

Таковы два основные вида раздѣленія труда; но между ними или въ связи съ ними могутъ быть разныя еще промежуточные формы. Такъ, есть существенная разница между тѣми случаями, когда какія-нибудь издѣлія выдѣляются цѣликомъ въ однихъ и тѣхъ-же мастерскихъ или предпріятіяхъ, и когда предметъ этотъ постепенно переходитъ по мѣрѣ своей выдѣлки изъ одного хозяйства въ другое; въ послѣднемъ случаѣ имѣетъ опять мѣсто обмѣнъ, ибо предметы эти продаются и покупаются соотвѣтственными ихъ производителями.

Примѣромъ чистаго вида технического раздѣленія труда служить примѣненіе его въ мануфактурахъ въ противоположность ремесленнымъ мастерскимъ, какъ было указано на это еще въ историческомъ очеркѣ. Раздѣленіе-же одного крупнаго или широкаго цеха на нѣсколько специальныхъ или болѣе узкихъ есть примѣръ раздѣленія труда второго рода.

Нѣкоторые экономисты пытаются установить для двухъ послѣднихъ особыя названія въ родѣ *расчлененія* труда (*Arbeitsgliederung*) въ первомъ случаѣ и *раздѣленія производства* во второмъ. Мнѣ лично кажется это излишнимъ, такъ какъ специализація или раздѣленіе производства есть въ сущности лишь дальнѣйшее развитіе того-же процесса общественнаго раздѣленія труда, т.-е. различіе скорѣе количественное, чѣмъ качественное.

Такъ прежде противопоставлялись земледѣльцы ремесленникамъ и торговцамъ вообще; а затѣмъ ремесленники разбиваются на разные крупные цехи, а эти послѣдніе на болѣе мелкіе, въ родѣ того, что прежде въ однихъ и тѣхъ же мастерскихъ выдѣлывались изъ шерсти или хлопка и нитки (пряжа), и матерія (ткань); впоследствии же прядильщики и ткачи стали совершенно самостоятельными ремесленниками, а потому пряжа фигурируетъ, какъ самостоятельный товаръ промежуточнаго типа, между сырымъ матеріаломъ (шерстью или хлопкомъ) и вполне готовымъ издѣліемъ шерстяной или бумажной тканью. Да и сама послѣдняя можетъ подвергаться дальнѣйшему раздѣленію въ ея обработкѣ, въ видѣ товара въ неокрашенномъ видѣ (напримѣръ миткаль) на однихъ фабрикахъ и переходя на красивую или ситценабивную фабрику для ея окраски. Такъ бываетъ и при выдѣлкѣ всякихъ другихъ издѣлій, металлическихъ, деревянныхъ и т. д., напр. производство булавокъ отдѣляется отъ производства игловокъ, ножей отъ косъ или топоровъ и т. п.

Нѣкоторые экономисты въ своемъ стремленіи дробить производство и плодить особые термины идутъ еще дальше и даже вводятъ понятіе *перемѣщенія труда*, отдѣляя трудъ по производству машинъ и орудій отъ выдѣлки готовыхъ издѣлій или полуфабрикатовъ. Но всѣ такія подраздѣленія уподобляются оставленнымъ уже наукой приемамъ дѣленія труда вообще на различные его виды, какъ это дѣлалъ въ свое время Милль (см. выше стр. 219) или Рошеръ и др. Все это въ сущности совершенно излишнее *нюансированіе* видовъ труда и его раздѣленія, какъ примѣняетъ этотъ терминъ В. Зомбартъ по отношенію къ спеціализаціи орудій труда, т. е. машинъ и инструментовъ ¹⁾. Особенно далеко пошелъ въ этомъ отношеніи К. Бюхеръ, наплодившій тутъ слишкомъ много терминовъ и понятій, которые желающіе и могутъ найти у него самого ²⁾. Серьезное же различіе есть только въ двухъ вышеустановленныхъ основныхъ типахъ раздѣленія труда общественнаго и техническаго, ибо первое примѣняется въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, а второе въ одномъ и томъ же; и въ первомъ продуктъ переходитъ изъ однихъ рукъ въ другіе въ видѣ товара (готоваго или полуфабриката—все равно), будучи объектомъ обмѣна, а во второмъ этого нѣтъ.

Въ основѣ того и другого раздѣленія труда лежатъ различныя основанія, которыя тоже могутъ быть сведены къ *личнымъ и общественнымъ*, а кромѣ того и *техническимъ*.

Подъ первыми, личными, понимаются *наклонности, способности*, даже *возрастъ и полъ* работниковъ. Такъ женщины, напри-
мѣръ,

---

¹⁾ В. Зомбартъ. Организациа труда и трудящихся рус. пер. Кирилова изд. 1901, стр. 53.

²⁾ К. Бюхеръ. Возникновеніе народнаго хозяйства, перев. Кулишера Вып. II, очерки VII и VIII, стр. 27—90.

Приведемъ только самую схему его соединенія и раздѣленія труда, а именно: I. Соединеніе труда, II. Сотрудничество и III. Раздѣленіе труда. Сотрудничество распадается на: 1) работу въ компаніи, 2) работу скопомъ, 3) групповыя работы. Раздѣленіе труда на: 1) образованіе профессій, 2) спеціализацію, 3) раздѣленіе производства, 4) расчлененіе труда и 5) перемѣщеніе труда.

всегда обнаруживали склонность къ рукодѣлю, болѣе тонкимъ и легкимъ (въ смыслѣ физическихъ усилій) или вообще къ домашнимъ работамъ; дѣти утилизируются для первоначальныхъ или болѣе грубыхъ подготовительныхъ работъ. Напр., въ кустарномъ ложкарномъ промыслѣ у насъ въ Россіи дѣти «бьютъ баклуши», т.-е. придаютъ кускамъ дерева грубое обличье будущей ложки, чѣмъ экономизируютъ трудъ взрослыхъ, обращаемый на болѣе совершенную отдѣлку этого предмета, (отсюда слѣдуетъ, что выраженіе это вовсе не синонимъ ничего не дѣланія, а только пригодность къ нисшей работѣ); женщины полируютъ и раскрашиваютъ ложки и т. д.

Изъ всего этого видно, что начало технического раздѣленія труда относится иногда чуть-ли не къ натуральному періоду хозяйства, когда оно примѣняется къ домашнему производству продуктовъ для собственныхъ надобностей. Конечно, оно еще больше развивается въ крупныхъ рабовладѣльческихъ хозяйствахъ древняго міра и позднѣе въ вотчинно-феодалныхъ или помѣщичьихъ. Дальнѣйшій толчекъ это начало получаетъ въ производствѣ продуктовъ на заказъ и вообще на сбытъ,—причина общественная, и, наконецъ, все это завершается вліяніемъ болѣе усовершенствованныхъ ручныхъ орудій производства и машинъ въ особенности—причины техническія, такъ какъ тѣ и другія сводятъ работу къ болѣе упрощеннымъ дѣйствіямъ и усиліямъ (буквально—манипуляціямъ, т.-е. дѣйствіямъ рукъ). Но о роли орудій и машинъ далѣе говорится особо, а здѣсь обращается вниманіе лишь на взаимодействіе между раздѣленіемъ труда, или что то же,—*разложеніемъ* его на простѣйшія операціи,—и орудіями труда. Часто спеціализація послѣднихъ сама вытекаетъ изъ этого разложенія труда, а не на оборотъ.

Въ новѣйшее время, въ связи съ прогрессирующими размѣрами предприятий, замѣчается иногда и обратное явленіе: очень крупныя предприятия, желая обезпечить себѣ возможно большую самостоятельность, т. е. независимость отъ другихъ, напимѣръ, поставляющихъ имъ сырой матеріалъ или полуфабрикаты, стремятся организовать собственное производство этого матеріала или даже сами изготовляютъ себѣ орудія производства. Это въ противоположность дифференціаціи, т. е. раздѣленію или буквально—«различенію» занятій, можетъ быть названо ихъ «интеграціей», т. е. обобщеніемъ или объединеніемъ. Но явленіе это имѣетъ не столь прямое отношеніе къ разсматриваемому вопросу, по существу болѣе *техническому*, ибо такое объединеніе бывшихъ раздѣльныхъ операцій въ одномъ хозяйствѣ есть скорѣе вопросъ организаціи хозяйства или производства и формъ предприятий, т. е. вопросовъ скорѣе юридико-экономическихъ, чѣмъ технико-экономическихъ, о которыхъ и говорится поэтому въ слѣдующемъ отдѣлѣ курса.

Заканчивая вопросъ о раздѣленіи труда вообще и о техническомъ въ особенности, надо указать еще на связанные съ нимъ

причины, обуславливающія большую производительность и иногда напряженность труда, какъ достоинства, равно какъ и на присущіе ему нѣкоторыя *недостатки*.

О выгодахъ или преимуществахъ раздѣленія труда, главнымъ образомъ, въ смыслѣ общественномъ, въ свое время говорилъ еще греческій философъ Платонъ,—хотя и большой противникъ хозяйственной дѣятельности вообще, но признававшій однако, что вообще выгоднѣе, чтобы люди не все производили сами для себя, а обмѣнивались продуктами своихъ специальныхъ занятій. Особенно же выдвинулъ значеніе этого начала А. Смитъ, посвящая ему первую главу своего главнаго труда. Къ тому, что сказалъ по этому поводу А. Смитъ не многое остается прибавить, но кое что придется и убавить, такъ какъ А. Смитъ видѣлъ во всемъ этомъ одни достоинства и не замѣчалъ почти вовсе недостатковъ.

А. Смитъ установилъ три слѣдующихъ выгоды: 1) *увеличеніе ловкости* работниковъ, занятыхъ одной узко-спеціальной работой, какъ всякое упражненіе въ одномъ и томъ-же дѣлѣ; 2) *сбереженіе времени*, иначе теряемаго на переходъ отъ одного занятія къ другому и 3) *изобрѣтательность* или усовершенствованія, которыя будутъ осуществляться людьми, всегда занятыми однимъ и тѣмъ-же и потому до тонкости изучившими свою спеціальность.

Съ первымъ пунктомъ можно вполне согласиться и слѣдуетъ его даже расширить въ томъ смыслѣ, что раздѣленіе труда даетъ возможность утилизировать уже существующія у отдѣльныхъ лицъ спеціальныя наклонности и способности, находя имъ тутъ соотвѣтствующее примѣненіе. Второй пунктъ, на ряду съ представляемыми имъ извѣстными выгодами, заключаетъ въ себѣ и выше указанные недостатки, въ видѣ чрезмѣрной односторонности, порождающей соотвѣтственную усталость (см. выше стр. 222). Третій-же пунктъ вообще сомнителенъ, ибо онъ основанъ на единичныхъ случаяхъ и пожалуй даже на одномъ историческомъ — это на изобрѣтеніи однимъ мальчикомъ (Гемфри Поттеромъ) золотника на паровой машинѣ, т.-е. автоматическаго прибора, попеременно открывающаго краны для выпуска пара изъ той и другой половины парового цилиндра. Изобрѣтеніе это дѣйствительно явилось результатомъ чрезвычайно однообразной и чисто механической работы, которую изо дня въ день продѣлывалъ этотъ мальчикъ и которая ему въ концѣ концовъ надоѣла, такъ что онъ замѣнилъ себя какой то палкой, связанной веревками съ кранами и коромысломъ машины.

Въ дѣйствительности сложность современныхъ механизмовъ едва-ли даетъ право рассчитывать на такой путь ихъ усовершенствованія, такъ какъ ожидать послѣднихъ можно скорѣе отъ тех-

никовъ и механиковъ, обладающихъ высшими техническими знаніями и практическимъ знакомствомъ со всѣми сложными частями цѣлаго фабрично-заводскаго механизма.

Добавить-же къ указаннымъ уже слѣдствіямъ можно еще то, что упрощеніе работъ, достигаемое раздѣленіемъ труда, какъ впрочемъ и вообще машинами, даетъ возможность пользоваться трудомъ лицъ малосильныхъ и дѣлу необученныхъ, что и выразилось въ свое время въ начавшейся широкой эксплуатаціи труда малолѣтнихъ рабочихъ вскорѣ послѣ изобрѣтенія машинъ сперва въ хлопчатобумажной промышленности, а потомъ и въ другихъ. Но это скорѣе односторонняя выгода или интересъ капиталиста—фабриканта, а не съ точки зрѣнія всего народнаго хозяйства, съ каковой это даже недостатокъ.

Несомнѣнная-же выгода заключается въ большой экономіи ручныхъ инструментовъ и вообще орудій труда, которая получается благодаря тому, что каждый рабочій при раздѣленіи труда работаетъ только однимъ какимъ либо изъ нихъ; и потому тутъ нѣтъ того мертваго капитала, роль котораго играютъ не находящіяся въ дѣлѣ орудія труда. Между тѣмъ какъ въ ремеслѣ на каждого работника имѣется полный наборъ этихъ инструментовъ, а работаетъ онъ ими поочередно.

Указанными примѣрами далеко еще не исчерпываются всѣ выгоды и преимущества раздѣленія труда, такъ какъ многія изъ нихъ еще связаны съ машинами самими по себѣ, о чемъ говорится далѣе особо. Наглядными примѣрами и доказательствами громаднаго увеличенія производительности труда подъ вліяніемъ одного раздѣленія его (техническаго) до сихъ поръ, могутъ служить приведенные А. Смитомъ и Марксомъ. Первый приводитъ примѣръ булавочнаго производства, которое при мануфактурномъ способѣ изъ одного цѣлаго дѣла, какъ было въ ремеслѣ, разбилось на 18 отдѣльныхъ процессовъ (одинъ рабочій тянетъ проволоку, другой распрямляетъ ее, третій рѣжетъ, четвертый заостряетъ, пятый дѣлаетъ головку и т. д.). «Въ результатѣ на небольшой мануфактурѣ при 10 рабочихъ было производимо въ день 48 тыс. булавокъ; а если бы каждый изъ нихъ работалъ отдѣльно отъ другихъ, какъ въ ремеслѣ, то ни одинъ изъ нихъ не приготовилъ бы и 20 штукъ въ теченіе цѣлаго дня», говоритъ А. Смитъ. Другіе примѣры Смита относились къ производству игральныхъ картъ и др. простыхъ предметовъ. Марксъ-же приводилъ примѣръ выгодъ при производствѣ болѣе сложныхъ предметовъ, въ родѣ экипажей, при изготовленіи которыхъ отъ прежняго ремесленника требовалось знаніе цѣлаго ряда въ сущности различныхъ ремеселъ или предметы эти проходили черезъ руки отдѣльныхъ мастеровъ разныхъ цеховъ какъ-то: кузнечно-слесарнаго, столярнаго, шорнаго, обойнаго и др.; въ мануфактурѣ же каждый родъ работъ производится соответственными специалистами, работающими по найму у одного ихъ хозяина ¹⁾.

¹⁾ *К. Марксъ*. Капиталъ, т. I, стр. 290 и слѣд.

Но на ряду съ указанными достоинствами раздѣленія труда существуютъ и присущіе ему *недостатки*, на которые частью тоже уже было указано выше. Изъ нихъ главнѣйшимъ слѣдуетъ признать *чрезмѣрную специализацію работъ*, развивающую слишкомъ узкія силы и способности у рабочихъ, дѣлающую ихъ не пригодными ни къ какой другой работѣ и порождающую своеобразную тупость и односторонность въ общемъ умственномъ развитіи ихъ, особенно если это касается дѣтей, съ низкаго возраста попадающихъ на фабрики и заводы. Въ виду этого многіе изъ выдающихся социологовъ, философовъ и публицистовъ становятся рѣшительными противниками обоихъ видовъ раздѣленія труда, допуская въ то же время простое его соединеніе или сотрудничество.

Къ числу таковыхъ изъ русскихъ писателей относились графъ Л. Н. Толстой и Н. К. Михайловскій. Первый въ работахъ второго періода своего творчества и примѣромъ своей личной жизни старался идеализировать въ сущности прежній натуральный строй хозяйства, т. е. чтобы каждый человекъ чуть не все свои потребности удовлетворялъ собственными трудовыми усиліями, и чтобы въ хозяйствѣ народномъ было какъ можно меньше раздѣленія труда и вытекающаго изъ него обмѣна, а главное—денегъ,—этого наиболѣе развращающаго условія современной жизни, какъ предмета всеобщихъ стремленій. Можетъ быть гр. Толстой былъ и правъ, какъ величайшій моралистъ нашего вѣка, но что-же дѣлать, если современное хозяйство, какъ основанное по преимуществу на эгоизмѣ, вообще противорѣчитъ его высокимъ нравственнымъ идеаламъ братской любви къ близкимъ и чуть не полнаго демократическаго равенства? Худо-ли, хорошо-ли, но оба вида раздѣленія труда въ хозяйствѣ суть начала въ немъ несомнѣнно прогрессивныя; и только благодаря имъ неизбѣжно растущее въ своей численности населеніе можетъ удовлетворять растущимъ вмѣстѣ съ нимъ, а иногда даже и быстрѣе самого населенія, потребностямъ. Теоретически трудно даже себѣ иначе и представить весь процессъ хозяйственнаго развитія, какъ въ его прошломъ, такъ и въ будущемъ, если не вдаваться въ утопическіе планы Фурье и подобныхъ ему фантазеровъ. Отчасти на такой почвѣ стоялъ и нашъ крупный публицистъ Н. К. Михайловскій, создававшій своеобразную теорію прогресса, который выражался бы «въ постепенномъ приближеніи къ цѣлостности недѣлимыхъ и къ возможно болѣе полному и всестороннему раздѣленію труда между органами (человѣческаго тѣла) и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми». (Знаменитея его статья: «Что такое прогрессъ?»).

Искать спасенія отъ нѣкоторыхъ, несомнѣнно присущихъ особенно техническому раздѣленію труда, недостатковъ, или хотя бы нѣкотораго ихъ смягченія, слѣдуетъ однако не столько въ тѣхъ или иныхъ формахъ самого производства, сколько въ условіяхъ его, болѣе поддающихся сознательному воздѣйствію на него людей. Такъ прежде всего надо стремиться къ сокращенію чрезмѣрной продолжительности работы, чтобы больше оставалось времени на отдыхъ или досугъ, который рабочіе могли бы использовать для развитія сво-

ихъ умственныхъ силъ и способностей и вообще на пользованіе жизнью въ смыслѣ разумныхъ и здоровыхъ развлеченій. А само по себѣ раздѣленіе труда въ связи съ машинами создаетъ для этого благопріятную почву, увеличивая производительность труда. Если-же владѣльцы средствъ производства,—т. е. фабриканты-капиталисты не желаютъ этого дѣлать добровольно, стремясь къ одностороннему извлеченію выгодъ изъ капитала только въ свою пользу, то осуществленіе указанныхъ мѣръ должно дѣлаться задачей соответственнаго государственнаго вмѣшательства въ условія найма и работы, равно какъ и быть цѣлью регулированія отношеній между хозяевами и рабочими союзными и примирительными учрежденіями. Тогда эта развивающаяся техника будетъ служить интересамъ обѣихъ сторонъ въ дѣлѣ, а не только одной, какъ это было, въ особенности въ первое время послѣ расширенія начала раздѣленія труда и примѣненія сложныхъ машинъ.

Наконецъ, надо всегда имѣть въ виду, что примѣненіе началъ раздѣленія труда вообще и технического въ особенности относится къ категоріи явленій скорѣе безсознательнаго, чѣмъ сознательнаго коллективнаго творчества, такъ какъ все это зависитъ прежде всего *отъ величины спроса на тѣ или другіе продукты производства.* И потому раздѣленіе труда имѣетъ свои такъ сказать *разумно-естественные предѣлы* въ этомъ спросѣ. Это значитъ, что бессмысленно было бы примѣнять раздѣленіе труда или еще болѣе то, что иногда называется раздѣленіемъ производства, въ какой-либо деревнѣ, въ городѣ съ небольшимъ числомъ жителей и вообще въ мѣстности, не могущей рассчитывать на отдаленный сбытъ своихъ произведеній. Потому въ своемъ историческомъ развитіи начало это стало играть свою крупную современную роль, лишь по мѣрѣ перехода хозяйствъ отъ періода замкнутаго територіальнаго къ тому, который Бюхеръ называетъ народно-хозяйственнымъ. Но это не исключало въ то же время возможности довольно широкаго примѣненія технического раздѣленія труда внутри крупныхъ домашнихъ хозяйствъ древней Греціи и особенно Рима. Съ другой стороны, хотя типичнѣйшимъ признакомъ отличія общественнаго раздѣленія труда отъ технического является перемѣщеніе результатовъ или продуктовъ перваго въ формѣ обмѣниваемыхъ другъ на друга товаровъ, но все это вѣрно, поскольку рѣчь идетъ о современной системѣ хозяйства вообще, основанной на свободномъ обмѣнѣ.

Сами-же по себѣ оба эти вида раздѣленія труда могли имѣть мѣсто и имѣли его, какъ въ предшествовавшія современному хозяйству періоды, такъ и могутъ еще имѣть его при какихъ-либо формахъ хозяйствъ будущаго, и даже въ сношеніяхъ между собою

современныхъ такъ называемыхъ *общественныхъ*, далеко уже не обязательно денежно-мѣновыхъ, хозяйствъ. Вообще можно было бы очень многое еще сказать о значеніи этого начала вообще съ точки зрѣнія соціологической; но мы ограничиваемся здѣсь выясненіемъ значенія его съ точки зрѣнія экономической и только въ общихъ формахъ его проявленія, т. е. независимо отъ строя или организациі предпріятій, разсматриваемыхъ въ слѣдующей части курса.

Литература о трудѣ и его соединеніи и раздѣленіи особо не указывается, ибо признается достаточнымъ той, которая указана въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ. Изъ иностранныхъ источниковъ и курсовъ болѣе широкое соціологическое освѣщеніе этого вопроса можно найти у *Schmoller'a* въ его: *Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre*. I. В. стр. 359 и сл. и съ болѣе общественно-философской точкой зрѣнія у *Simmel'я*: *Ueber die Sociale Differenzirungen*. 1890.

Природа и полезности.

Природа. Роль внѣшней природы въ хозяйствѣ и взаимоотношеніе между нею и трудомъ.—Природа, какъ условіе увеличивающее производительность труда.—Отдѣльные виды внѣшнихъ условій и даровъ природы. Измѣненія, вносимыя человѣкомъ въ природу. Убывающее плодородіе почвы. *Полезности.* Три условія причисленія даровъ природы къ полезностямъ. Различныя основанія классификаціи полезностей.

П р и р о д а .

Изученіе вопроса о вліяніи внѣшней природы или естественныхъ условій на хозяйство должно быть сразу поставлено въ извѣстные предѣлы; иначе этотъ вопросъ могъ бы разростись до безграничности, такъ какъ трудно указать какую-нибудь область хозяйства, успѣшность которой не находилась бы въ большей или меньшей зависимости отъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ условій природы. Особенное значеніе условія эти имѣютъ въ технической сторонѣ хозяйственной дѣятельности, т.-е. той, которую экономистамъ слѣдуетъ тоже наиболѣе сокращать, какъ предметъ своего изслѣдованія. Поэтому не внѣшняя природа сама по себѣ или присущія ей свойства и силы должны быть предметомъ нашего изслѣдованія, а то, *какъ она вліяетъ на характеръ и производительность труда* и хозяйственную дѣятельность вообще.

Центромъ же нашего вниманія остается все тотъ-же человѣкъ и то, какъ онъ пользуется этими внѣшними условіями и какія измѣненія онъ въ нихъ самъ вноситъ.

Сводя все это сперва къ наиболѣе общимъ положеніямъ, можно сказать слѣдующее: *внѣшняя природа даетъ человѣку матеріалы и*

силы, поскольку онъ умѣетъ ими воспользоваться. Больше или меньше хозяйственное значеніе этихъ матеріаловъ и силъ находится въ зависимости отъ присущихъ имъ самимъ по себѣ качествъ и ихъ количества, понимая подъ послѣднимъ, съ одной стороны, абсолютную распространенность ихъ въ природѣ, а съ другой относительную, т.-е. отношеніе ихъ къ количеству населенія вообще или въ той или другой мѣстности въ частности и особенности.

Только на нисшихъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія благоприятными качествами и достаточнымъ количествомъ этихъ внѣшнихъ даровъ природы самихъ по себѣ обуславливалась даже не столько успѣшность хозяйства, сколько непосредственно благополучіе человѣка. Что находилъ онъ въ окружающей его внѣшней средѣ, тѣмъ только и пользовался первобытный человѣкъ и даже всякій современный дикарь, живущій въ такой-же непосредственной близости къ природѣ и въ суровой отъ нея зависимости. Одно добываніе естественныхъ даровъ природы и непосредственное пользованіе ими по большей части безъ всякой переработки для цѣлей потребленія,—вотъ къ чему сводилось отношеніе человѣка къ природѣ, въ такой формѣ едва-ли даже заслуживающее названіе хозяйства. И только планомерное соединеніе человѣческихъ усилій и пользованіе искусственно создаваемыми орудіями труда есть несомнѣнный признакъ начала хозяйственной дѣятельности. Нельзя поэтому считать природу такимъ-же факторомъ производства, какъ трудъ, такъ какъ производство есть одинъ изъ хозяйственныхъ процессовъ, а произрастаніе растений или размноженіе полезныхъ животныхъ, птицъ и рыбы суть тоже, конечно, процессы, но только органической жизни, а не хозяйства, какъ и горѣніе топлива, есть процессъ химическій, развивающій теплоту и превращающій воду въ паръ—процессы физическіе, а вытекающія изъ всего этого силы и движеніе суть процессы механическіе. Но всѣ эти процессы естественные сами по себѣ, насъ интересуютъ лишь постольку, поскольку они сознательно вызваны человѣческимъ трудомъ для удовлетворенія его потребностей прямо или косвенно.

Неправъ былъ поэтому Д. С. Миль, когда онъ отстаивалъ за природой такое же право называться факторомъ производства, какъ и за трудомъ, считая даже излишнимъ вопросы о томъ—когда, т.-е. въ какое время и въ какихъ производствахъ, природа содѣйствуетъ производству болѣе и когда менѣе. Онъ считалъ такой вопросъ столь же неразрѣшимымъ и въ то же время празднымъ, какъ и о томъ, которая изъ двухъ половинокъ ножницъ участвуютъ болѣе въ разрѣзаніи какого-либо предмета или какой изъ двухъ факторовъ—5 или 6—въ произведеніи цифры 30. Примѣръ этотъ долженъ быть признанъ неправильнымъ, такъ какъ въ немъ факторы совершенно однородные—каждая половинка ножницъ и каждая цифра дѣ-

даетъ то же самое, что и другая; но и каждая отдѣльно взятая половинка ножницъ обладаетъ той же способностью разрѣзать, какъ и каждая цифра множить. Но если въ области цифръ или чистой математики все равно въ какомъ порядкѣ перемножать цифры между собой, т.-е. 5 на 6 или наоборотъ, то даже и тамъ не все равно дѣлится ли 5 на 6 или наоборотъ, потому что результаты въ послѣднемъ случаѣ получаются совсѣмъ иные, то какъ же это говорить о соотношеніи труда и природы или ея веществъ и силъ? Можно при желаніи даже сказать, что человѣкъ своимъ трудомъ ничего не можетъ создавать, а все, что приписывается ему или его труду, создается природой; но это будетъ вѣрнымъ только съ естественно-научной или технической точки зрѣнія. Милль только отчасти далѣе правъ, когда говоритъ слѣдующее: «Разсматривая какой угодно случай такъ называемаго дѣйствія человѣка на природу, мы также найдемъ, что силы природы или, иначе сказать, качества матеріи исполняютъ все дѣло, лишь только предметы приведены въ нужное положеніе. Только эта операція,— помѣщеніе вещей въ такое положеніе, чтобы онѣ измѣнялись по нашей надобности своими внутренними силами и силами, лежащими въ другихъ предметахъ природы,—производится надъ матеріею человѣкомъ и больше этого онъ не можетъ ничего дѣлать. Онъ только придвигаетъ одну вещь къ другой. Онъ вдвигаетъ зерно въ землю и естественныя растительныя силы постепенно производятъ корень, стебель, листья, цвѣты и плоды. Онъ продвигаетъ топоръ чорезъ дерево и оно падаетъ естественною силою тяжести... Онъ придвигаетъ частичку огня къ топливу и оно загорается, силою горѣнія варить пищу, спаиваетъ и размягчаетъ желѣзо, обращаетъ въ пиво и сахаръ солодь и тростниковый сокъ, когда онъ придвигаетъ къ огню эти вещи. Онъ имѣетъ только одно средство дѣйствовать на матерію, это средство—двигать ее. Движеніе и сопротивленіе движенію—вотъ единственныя вещи, для которыхъ годятся его мускулы... Человѣкъ приводитъ предметы въ такія смѣшенія и соединенія, которыми порождаются естественныя силы»¹⁾).

Итакъ роль человѣка по отношенію къ естественнымъ силамъ и матеріи сводится только къ движенію, сближенію или соединенію между собою какъхъ либо веществъ, и, тѣмъ самымъ, онъ заставляетъ дѣйствовать естественныя, присущія этимъ веществамъ свойства и силы. Но онъ, съ другой стороны, не ограничивается своими личными мускульными усиліями для движенія чего-либо, а замѣняетъ ихъ или себя самого силою домашнихъ животныхъ, являющихся тоже частью внѣшней природы, а также непосредственными силами самой природы, какъ-то: силою вѣтра, паденія воды, или искусственно вызываемыми—паромъ, электричествомъ и т. п. Но, развѣ все это даетъ право къ превозвеличиванію роли и значенія природы самой по себѣ и къ преумаленію роли и способностей человѣка? Одной страницей ранѣе и самъ Милль разсуждалъ совсѣмъ правильно, когда выяснялъ самостоятельно роль именно труда и говорилъ слѣдующее: «Отъ большей или меньшей степени передѣлки въ качествахъ и видѣ предмета, преобразование, которому подвергаются естественныя предметы для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, доходитъ по разнымъ степенямъ до такой полной переформировки, что ве остается никакого замѣтнаго слѣда отъ первоначальнаго состоянія».

¹⁾ Д. С. Милль. Основанія Пол. Экон., перев. Чернышевскаго, изд. 1860 г., т. I. Стр. 48 и сл.

чального вида и организаціи предмета. Кусокъ руды, находимой въ землѣ, ни мало не походитъ на плугъ, топоръ, пилу. Фарфоръ не похожъ на вывѣтрившійся гранитъ, изъ котораго онъ дѣлается; стекло не походитъ на смѣсь поташа съ пескомъ... Во всѣхъ такихъ случаяхъ окончательный продуктъ до такой степени различенъ отъ вещества, доставляемаго природой, что въ обычной рѣчи природа считается только поставщицей матеріала для труда». Отсюда видно, что *только* подвинуть или перемѣстить что-либо—это нѣчто очень большое и значительное, что одно и производитъ явленія хозяйственныя, а не тѣ или другіе чисто естественные процессы: физиологическіе, физическіе, химическіе или ближайшіе къ техникѣ—агрономическіе.

Научное разрѣшеніе этого спора о болѣе или менѣе самостоятельной роли природы въ хозяйствѣ должно сводиться къ двумъ моментамъ: историческому и познавательному теоретическому, (не говоря сейчасъ о переходящихъ въ чисто практическія науки, въ родѣ агрономіи, металлургіи, технологіи и т. п., вопросахъ о наилучшихъ способахъ использованія естественныхъ свойства и силъ природы съ чисто технической точки зрѣнія).

Съ точки зрѣнія исторической достаточно признать и установить, что чѣмъ далѣе назадъ, тѣмъ болѣе роль играла сама природа и меньшую роль челоуѣкъ, и чѣмъ ближе къ намъ теперь, тѣмъ болѣе наоборотъ. Природа при этомъ предполагается остающейся всегда равной и неизмѣнной, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ переживаемаго нами геологическаго ея періода. Слѣдовательно всѣ изумительныя побѣды челоуѣка надъ природой должны быть поставлены на счетъ актива ему самому, а не ей.

Въ связи съ этимъ можно сдѣлать и слѣдующій поучительный выводъ: вначалѣ люди селились и вообще болѣе культурная жизнь ихъ сосредоточивалась въ такихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ внѣшнія природныя условія были для нихъ благопріятнѣе, въ смыслѣ климата, почвы, богатства царствъ флоры, фауны и т. п. А это всегда было и есть въ болѣе теплыхъ и даже жаркихъ притропическихъ климатахъ, (Индіа, Египетъ, долина Мессопотаміи, древняя Іудея и т. п.). Мы знаемъ, что затѣмъ центромъ той-же наибольшей культуры и цивилизаціи являются южные полуострова Европы—Греція, потомъ Римъ, одно время даже Испанія; но послѣ того центры этой культурной жизни переносятся и сохраняются до настоящаго времени въ странахъ средняго умѣреннаго климата Европы. Да даже и внутри одной и той-же страны, хотя бы Испаніи, богаче и культурнѣе жили обитатели болѣе холодныхъ и менѣе плодородныхъ ея сѣверныхъ провинцій, чѣмъ благодатныхъ южныхъ. Не даромъ даже слагалась тамъ и поговорка, что «каталонецъ изъ камня дѣлаетъ хлѣбъ».

Отсюда конечно не слѣдуетъ, что центры культуры и цивилиза-

ціи, будутъ переноситься со временемъ еще далѣе на сѣверъ, ибо на крайнемъ сѣверѣ не существуетъ почти никакой органической жизни и трудно допустить, чтобы она тамъ когда нибудь могла развиваться. Но несомнѣнно, можно сдѣлать и такой выводъ, что особенно благоприятныя внѣшнія природныя условія необходимы для подъема хозяйства и культуры только вначалѣ, когда благодаря имъ человѣку остается нѣкоторый досугъ отъ хозяйственныхъ заботъ и работъ, который можетъ быть имъ использованъ для развитія своихъ высшихъ духовныхъ силъ и способностей. Но затѣмъ, достигнувъ извѣстной точки своего развитія, человѣкъ на ней и останавливается; и это можетъ быть объясняемо тѣмъ, что онъ тутъ слишкомъ избалованъ внѣшней природой. А тамъ, гдѣ ему приходится буквально чуть не отвоевывать у той-же природы средства для своего существованія, гдѣ природа, значить, для него менѣе щедра, у человѣка больше развивается упорство и выдержка въ трудѣ, усиливается его напряженность и ловкость и начинаютъ развиваться болѣе совершенные способы эксплуатаціи различныхъ природныхъ богатствъ, а затѣмъ и способовъ ихъ переработки.

Краткій и конечный выводъ отсюда такой, что *только до извѣстной степени* естественные дары и условія внѣшней природы могутъ рассматриваться, какъ причины, увеличивающія производительность человѣческаго труда, въ смыслѣ его напряженности и ловкости.

Но, отрѣшившись отъ этой широкой исторической точки зрѣнія, мы должны будемъ признать, что естественныя богатства внѣшней среды или природы суть вообще несомнѣнно условія, благоприятствующія увеличенію производительности труда, измѣряемой количествомъ результатовъ, получающихся отъ даннаго или опредѣленнаго количества работы въ такую то единицу времени. Само по себѣ это настолько ясно, то едва-ли требуетъ доказательствъ, ибо хлѣба больше получается съ земли болѣе плодородной, напримеръ, черноземной, чѣмъ съ плохой; результаты горно-заводскихъ работъ будутъ успѣшнѣе тамъ, гдѣ находится болѣе богатая руда, залежи каменнаго угля и т. д. Однако подобныя большія естественныя богатства и теперь вліяютъ иногда отрицательно на самые *способы ихъ эксплуатаціи*, порождая небрежныя и даже хищническіе приемы добыванія чего нибудь изъ земли, если вообще этого добра тамъ много, и, наоборотъ, вызывая въ самихъ способахъ добыванія, стало быть и въ формахъ труда,—болѣе совершенные приемы такъ, гдѣ эти богатства не такъ велики.

Приведемъ теперь хотя бы вкратцѣ указанія на тѣ условія и

силы природы, которыми, какъ причинами, обуславливается характеръ и успѣшность хозяйства, и затѣмъ укажемъ на тѣ измѣненія, которыя человѣкъ самъ производитъ въ окружающей его внѣшней средѣ, усиливая благопріятныя для него условія и устраняя или уменьшая вредныя или неблагопріятныя.

1. Наиболѣе предопредѣляющимъ естественнымъ условіемъ является *географическій характеръ* страны, т.-е. гористый или низменный, съ тѣмъ или другимъ соотношеніемъ суши и воды, т.-е. береговыхъ линій, количества, качества и направленія рѣкъ и т. п. Всѣми этими свойствами или признаками обуславливается прежде всего большая или меньшая легкость общенія жителей данной страны между собою или съ другими странами. Такъ горы являются препятствіями въ этомъ отношеніи и причиною обособленности горныхъ племенъ; моря-же сами по себѣ и береговыя ихъ линіи, въ особенности, а также рѣки являются наиболѣе удобнымъ и потому болѣе раннимъ средствомъ передвиженія, такъ какъ сухопутныя дороги очень долго или совсѣмъ не создаются искусственно или являются въ очень несовершенномъ видѣ. Вотъ причины болѣе ранняго развитія торговли и вообще болѣе культурныхъ условій жизни у египтянъ, финикіянъ, древнихъ грековъ, карфагенянъ, римлянъ, средне-вѣковыхъ итальянцевъ и вообще жителей окружавшихъ Средиземное море на зарѣ развитія человѣчества и его культурной исторіи, а позднѣе у жителей западныхъ и сѣверныхъ европейскихъ морей—англичанъ, голландцевъ и нѣмцевъ. Съ ролью самихъ рѣкъ связаны ихъ направленіе, глубоководность, замерзаемость (какъ разъ особенно неблагопріятныя условія въ Россіи относительно Волги въ особенности и сѣверныхъ рѣкъ также).

2. Вполнѣ самостоятельную роль играютъ условія *климата и почвы* отражающіяся главнымъ образомъ на характерѣ сельскаго хозяйства, т.-е. предопредѣляющія возможность посѣва тѣхъ или иныхъ хлѣбныхъ злаковъ и другихъ растений въ зависимости отъ качества и состава почвы, большей или меньшей ея сухости или влажности самой по себѣ или подъ вліяніемъ того или другого количества и характера атмосферныхъ осадковъ (климатъ сухой и съ рѣзкими крайностями—континентальный или болѣе умѣренный морской).

3. *Естественныя богатства различныхъ царствъ природы*, частью возобновляющіяся сами по себѣ—царства фауны и флоры (напр., лѣса) частью данныя природою разъ на всегда въ опредѣленномъ количествѣ въ видѣ ископаемыхъ богатствъ, которыя могутъ быть исчерпываемы совершенно въ извѣстныхъ предѣлахъ ихъ доступности человѣку (той или другой глубины) или открываемы въ смыслѣ новыхъ ихъ мѣстонахожденій.

Вотъ три главныя категоріи веществъ, матеріи и условій пользования ими, съ которыми приходится считаться какъ съ извѣстными *данными величинами*. Но на ряду съ этимъ сейчасъ-же надо указать на измѣненія и улучшенія, которыя вносятся въ нихъ самими людьми:

1. Наибольшія побѣды надъ этими природными условіями одержаны человѣкомъ въ области *путей и средствъ сообщенія*, сводящіяся къ улучшенію и расширенію естественныхъ путей — шлюзование рѣкъ, проведеніе каналовъ, прорытіе перешейковъ и туннелей, частью созданіе чисто искусственныхъ путей вообще и желѣзныхъ дорогъ въ особенности,

2. Существенны также *улучшенія*, производимыя человѣкомъ въ самой *землѣ или почвѣ*, въ видѣ ея орошенія или осушенія, удобренія, не говоря уже о примѣненіи болѣе совершенныхъ орудій для ея обработки и объ измѣненіи въ самихъ системахъ хозяйства, что уже всецѣло относится къ воздѣйствию человѣка на природу, а не наоборотъ.

3. Если нельзя человѣку увеличивать количества ископаемыхъ богатствъ, то въ царствѣ животныхъ и растений человѣкъ, искусственнымъ разведеніемъ наиболѣе полезныхъ видовъ тѣхъ и другихъ съ перенесеніемъ ихъ изъ однихъ странъ свѣта въ другія съ успѣхомъ окупаетъ практикуемое иногда хищническое истребленіе рѣдѣющихъ породъ животныхъ, какъ къ сожалѣнію также и лѣсовъ.

Относительно пользования естественными *силами* природы въ смыслѣ *двигателей*, слѣдуетъ признать, что искусственно человѣкомъ создаваемые двигатели несомнѣнно гораздо быстрѣе изобрѣтаются и совершенствуются, чѣмъ расширялось пользованіе первыми, т.-е. естественными. Такъ силою вѣтра люди пользовались еще въ глубокой древности (паруса, вѣтряныя мельницы); силою паденія воды — примѣрно съ начала христіанской эры, болѣе-же широкое примѣненіе водяной силы къ промышленности начинается лишь въ концѣ XVIII вѣка. Да и до сихъ поръ громадныя количества этой силы въ водопадахъ пропадаютъ почти совсѣмъ даромъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе захвата береговъ ихъ въ частную собственность лицами, извлекающими изъ нихъ ничтожную долю силы, а другимъ не позволяющими широко пользоваться ими.

Пора широкаго пользованія другими естественными силами, какъ, напр., солнечной теплотой, ударами волнъ при морскихъ приливахъ, силою циклоновъ-урагановъ и т. п. можетъ быть еще впереди насъ; а именно, когда будутъ въ значительной степени истощены запасы современныхъ горючихъ матеріаловъ — лѣсъ, каменный уголь и нефть, то можетъ быть люди научатся передавать энергію, развиваемую вышеназванными естественными силами на дальнее разстояніе и, что еще важнѣе, накапливать ее. Отчасти,

но еще въ слишкомъ малыхъ размѣрахъ, это уже осуществляется въ видѣ передачи электрической энергіи и накопленія ея въ аккумуляторахъ. Вообще вопросъ о покореніи человѣкомъ природы и о его техническихъ побѣдахъ, есть одно изъ важнѣйшихъ условій развитія культуры и цивилизаціи, начало которой, пожалуй, можно считать съ открытія огня и способовъ добыванія его. Эта сторона жизни людей и постепеннаго ея развитія рисуется въ особыхъ трудахъ, посвященныхъ исторіи культуры и цивилизаціи, при чемъ на долю одного XIX вѣка выпало такъ много открытій и изобрѣтеній, что со временемъ наши потомки будутъ его такъ же, если не больше, считать вѣкомъ великихъ открытій и изобрѣтеній, какъ мы называемъ этимъ именемъ извѣстную давнишнюю эпоху ¹⁾.

Какъ бы широко и глубоко не распространялись побѣды человѣка надъ природой, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она ставитъ ему *предѣлы* и иногда даже не только относительные, но и абсолютные. Такъ, человѣкъ можетъ исчерпать весь запасъ ископаемыхъ богатствъ въ той или другой мѣстности и чуть ли не на всемъ земномъ шарѣ; или-же онъ дойдетъ въ этой работѣ до такой глубины, извлеченіе изъ которой этихъ богатствъ будетъ или технически невозможнымъ или экономически не выгоднымъ — не оправдаются произведенныя издержки.

Особенное значеніе этотъ предѣлъ имѣетъ въ самой важной отрасли хозяйства—въ *земледѣліи*, гдѣ онъ выражается въ двоякой формѣ—*количественной и качественной*.

Первая выражается въ увеличивающемся *недостаткѣ земель* вслѣдствіе прироста населенія (естественнаго или дѣйствительнаго—все равно). Приводитъ это къ необходимости расселенія, если есть куда еще переселяться или выселяться, если еще не переходить къ совсѣмъ другимъ занятіямъ, или же—къ *улучшенію культуры* земли, т. е. къ примѣненію *болѣе интенсивныхъ* формъ земледѣлія. Но вотъ тутъ-то и сказывается свойство второго вида предѣловъ, полагаемыхъ природой, а именно: обнаруживается законъ *убывающаго плодородія почвы* или *паденія производительности послѣдующихъ затратъ на ту-же землю*. Выражается это въ слѣдующемъ: однимъ изъ способовъ увеличенія производительности земли служитъ ея удобреніе; такъ вотъ при увеличеніи этого удобренія урожайность увеличивается не пропорціонально, а въ убывающей прогрессіи и наконецъ совсѣмъ перестаетъ возрастать. Такое-то болѣе медленное возрастаніе продукта, чѣмъ увеличеніе затратъ на ту-же землю, и есть это уменьшеніе производительности послѣдующихъ затратъ. Это чрезвычайно важное условіе сельскаго хозяйства, ставящее его

---

¹⁾ О значеніи XIX в. см. очень живо и интересно написанную книгу А. Р. Уоллеса: Чудесный вѣкъ, русск. пер. 2-е изд. Павленкова, 1904 г.; см. также *Липпертъ*: Исторія культуры, русск. пер., 1897 г.

въ совершенно иное положеніе, чѣмъ область обрабатывающей промышленности, въ которой производительность обычно увеличивается прямо пропорціонально, а иногда даже еще быстрѣе, чѣмъ вводимыя въ способы производства улучшенія. Увеличеніе количества продукта въ земледѣліи обыкновенно сопровождается поэтому повышеніемъ его цѣнности, между тѣмъ какъ въ промышленности обрабатывающей — наоборотъ, т. е. его удешевленіемъ. И потому эти большія затраты въ послѣднемъ случаѣ сторицею окупаются, а въ земледѣліи лишь до извѣстнаго предѣла, а далѣе онѣ становятся уже невыгодными по своей малой производительности. Къ этому свойству или закону въ земледѣліи, обусловленному естественными свойствами земли намъ придется еще возвращаться и подробнѣе его изслѣдовать въ связи съ системами земледѣлія, землевладѣнія и землепользованія. Теперь же послѣ этихъ болѣе общихъ разсужденій о ролѣ природы, какъ одного изъ главнѣйшихъ условій производства, съ технической стороны, мы перейдемъ къ болѣе точному экономическому выраженію тѣхъ-же свойствъ природы и ея даровъ по вліянію ея на хозяйство вообще.

Л и т е р а т у р а. Вопросы о вліяніи природы на хозяйство составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ особой науки: *экономической или коммерческой географіи*, къ различнымъ курсамъ и учебникамъ которой мы отсылаемъ особенно интересующимся этими вопросами. Изъ курсовъ особенно рекомендуется: *В. Дена*. Очерки по эконом. географіи Россіи, ч. I, сел. хоз. 1908 г., также *Д. Морева*. Учебникъ Коммерч. Географіи, нѣсколько устарѣлый. Въ назв. соч. *Карышева* „Трудъ“ и пр. въ главѣ II-й, посвященной „Природнымъ даннымъ производства“ находится довольно много фактическихъ данныхъ, относящихся къ этому вопросу.

П о л е з н о с т и .

Всѣ даруемые человѣку природой благопріятныя вещества или матеріалы, условія и силы представляютъ собою то, что раньше экономисты называли *благами* (какъ и по сейчасъ еще это такъ называется у нѣмцевъ—*Gut, Güter; bien* у французовъ). Но терминъ благо распространяется иногда и на предметы создаваемые человѣкомъ, фигурируя тогда на ряду съ цѣнностями. Поэтому лучше отдѣлить естественные дары природы отъ продуктовъ труда и называть первые *полезностями*, а вторые *цѣнностями*.

Для того, чтобы тотъ или другой даръ природы могъ быть причисленъ къ категоріи полезностей, необходимо, чтобы онъ удовлетворялъ слѣдующимъ тремъ условіямъ:

1. Необходимо, чтобы у человѣка была *соотвѣтственная потребность*, которая могла бы удовлетворяться этимъ предметомъ;

это есть *основаніе субъективное*, какъ коренящееся въ самомъ чело-
вѣкѣ. Такъ напри-мѣръ, у всѣхъ людей есть потребность въ
пищѣ, т.-е. въ предметахъ питанія, которые ее и удовлетворяютъ.
Но только у нѣкоторыхъ, хотя можетъ быть и у большинства, есть
совершенно излишняя потребность въ куреніи табака и даже еще
болѣе вредныхъ растеній (опіума).

2. Надо чтобы предметъ обладалъ *свойствомъ или способностью*
удовлетворять эти потребности; это—основаніе объективное. Такъ,
въ пищу годится мясо очень многихъ животныхъ, но не всѣхъ и
не всякія растенія, ибо многія изъ послѣднихъ даже прямо вредны,
какъ напри-мѣръ, ядовитыя. Потребность-же въ куреніи удовлетво-
ряется изъ всей массы растеній только табакомъ.

Слѣдовательно табакъ будетъ полезностью только для куриль-
щиковъ, такъ какъ свойства давать пріятный для нихъ дымъ при-
суще только этому растенію,—хотя въ то-же время съ физиологиче-
ской или медицинской точки зрѣнія куреніе само по себѣ можетъ
быть вреднымъ для здоровья; для остальныхъ-же табакъ или без-
различенъ или даже противенъ, стало быть полезностью (въ эконо-
мическомъ смыслѣ) онъ не будетъ.

3. Кромѣ двухъ указанныхъ основаній полезности необходимо
еще третье, а именно: чело-вѣкъ долженъ *знать* объ этихъ полез-
ныхъ свойствахъ предмета и *умѣть ими воспользоваться*. Это есть
то условіе или основаніе полезности, благодаря которому кругъ по-
лезностей постепенно все болѣе и болѣе расширялся, такъ какъ
многіе изъ благъ природы существовали сами по себѣ въ ней
всегда, но люди стали пользоваться ими сравнительно недавно.
Такъ, до открытія Америки люди не знали вовсе картофеля и табака,
привезенныхъ лишь оттуда и постепенно лишь вошедшихъ въ ши-
рокое употребленіе. Сокомъ гуттаперчевыхъ деревьевъ, сравнительно
еще позднѣе стали пользоваться для выдѣлки изъ него резиновыхъ
издѣлій. Электричество было только грозной или враждебной силой,
а теперь имѣетъ широкое полезное примѣненіе и его даже искус-
ственно создаютъ или вызываютъ.

Обращаемъ вниманіе на оба первыя основанія полезностей и въ томъ
числѣ особенно на второе, т.-е. объективное, такъ какъ не только въ уче-
ніи о полезностяхъ, но также и въ теоріяхъ цѣнности, объективному осно-
ванію полезностей,—а тамъ ему же, какъ одному изъ основаній такъ на-
зываемой потребительной цѣнности,—не придается самостоятельнаго значе-
нія на ряду съ основаніемъ субъективнымъ. На этомъ покоится много оши-
бокъ въ дальнѣйшихъ выводахъ. Между тѣмъ, развѣ это не чисто объек-
тивное свойство или способность дровъ березовыхъ или антрацита и кар-
дифа давать больше единицъ теплоты (калоріевъ), чѣмъ даютъ дрова
словые или низшіе сорта каменнаго угля? Вѣдь это все свойства, сами по

себѣ измѣряемыя точными физическими приборами, а не результаты тѣхъ или иныхъ субъективныхъ оцѣнокъ на основаніи различныхъ вкусовъ или соответственныхъ потребностей, различаемыхъ по ихъ видамъ или сортамъ и по степенямъ ихъ напряженности, какъ къ этому все сводится въ теоріи предѣльной полезности.

Полезности сами по себѣ могутъ быть *классифицируемы* различными способами. Такъ, прежде всего ихъ можно классифицировать по ихъ физическимъ и физиологическимъ свойствамъ, въ прямомъ отношеніи къ степени ихъ пригодности для удовлетворенія человѣческихъ потребностей; затѣмъ—въ зависимости отъ царствъ природы, изъ которыхъ эти полезности извлекаются. Сюда должны относиться полезности, заимствованныя изъ атмосферы, изъ нѣдръ земли, почвы, полезности, находящіяся на поверхности земли и принадлежащія къ растительному или животному царству. Наконецъ всѣ силы природы (вѣтеръ, вода и др.) могутъ быть также отнесены къ числу полезностей, при чемъ человѣкъ заставляетъ теперь служить своимъ потребностямъ и физическія явленія, дѣйствовавшія первоначально только враждебно, какъ напр. электричество. Но важно также при опредѣленіи полезностей принимать во вниманіе отношеніе ихъ къ потребностямъ *по количеству или распространности ихъ въ природѣ*. Съ этой точки зрѣнія полезности раздѣляются на *свободныя* и *хозяйственныя*. Свободныя полезности, суть тѣ, которыя вездѣ и всегда въ природѣ находятся если не въ неограниченномъ, то въ болѣе чѣмъ достаточномъ количествѣ. Таковы на примѣръ, воздухъ, солнечный свѣтъ, солнечная теплота, вода въ моряхъ и океанахъ и т. п. Но тотъ же воздухъ становится хозяйственной полезностью въ закрытомъ помѣщеніи (и даже цѣнностью).

Свободныя полезности не могутъ быть предметами исключительной ихъ эксплуатаціи кѣмъ либо въ свою пользу. Но насколько такого рода полезностей начнетъ не доставать, онѣ могутъ получить условное значеніе другого вида полезностей, а именно хозяйственныхъ, которыя такъ называются потому, что только онѣ въ сущности и играютъ роль въ хозяйствѣ.

Такъ, вода въ океанѣ есть свободная полезность; но уже вода въ рѣкахъ и озерахъ можетъ подлежать ограниченію въ этомъ отношеніи. Она можетъ сдѣлаться чьей либо собственностью и тогда напр., движеніе по рѣкамъ можетъ быть ограничено или стѣснено и будетъ источникомъ особыхъ выгодъ или дохода. Тоже самое можно сказать и о рыбахъ въ океанѣ или въ открытомъ морѣ въ сравненіи съ рѣками и озерами, или у береговъ тѣхъ или другихъ, гдѣ онѣ могутъ составлять частную собственность, выражаясь въ исключительномъ правѣ ея ловли. Впрочемъ трудно установить гра-

ницу между полезностями всеобщими, свободными, которыя не могут переходить въ хозяйственныя, и тѣми полезностями, которыя могутъ ими быть или не быть и даже переходить въ цѣнности. Постепенно происходитъ переходъ изъ одного разряда полезностей въ другой. Различіе между ними зависитъ отъ того, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на нихъ. Мы можемъ стать на точку зрѣнія чело- вѣчества, какъ цѣлаго, т.-е. разсматривать полезности съ *космопо- литической* точки зрѣнія, или-же мы смотримъ на нихъ съ *соціальной* и правовой точки зрѣнія, при чемъ тогда опредѣляется взаимо- отношеніе отдѣльныхъ личностей между собою или взаимоотношеніе отдѣльныхъ группъ населенія и классовъ внутри одной страны и цѣлыхъ странъ и народовъ между собою. Тутъ мы встрѣчаемся уже не съ чисто экономическими условіями, но съ условіями юри- дическими, политическими и соціальными, въ обширномъ смыслѣ слова.

Если мы будемъ разсматривать свободныя полезности съ первой точки зрѣнія,—болѣе абстрактной или абсолютно-экономической,—то онѣ подлежатъ раздѣленію на два класса. Во-первыхъ полезности безусловно свободныя, т.-е. такія, которыя не могутъ быть при- сваиваемы ни отдѣльными личностями, ни общественными союзами. Сюда относятся воздухъ, солнечный свѣтъ и теплота, вода вообще въ океанахъ и т. д. Во вторыхъ такія, которыя, хотя и могутъ быть присвоены отдѣльными лицами, но въ дѣйствительности не присвоиваются, пока онѣ находятся въ достаточномъ количествѣ для всѣхъ въ природѣ. Такого рода полезности образуютъ уже переходную группу отъ свободныхъ полезностей къ хозяйственнымъ. Такъ, при извѣстномъ отношеніи количества населенія къ простран- ству земли, земля можетъ не составлять хозяйственной полезности, именно, когда очень много свободной, т.-е. никѣмъ не занятой земли. Но по мѣрѣ возрастанія населенія, земля также становится хозяйственной полезностью, потому что ея начинаетъ не доставать и приобрѣтаетъ особенное значеніе мѣстоположеніе опредѣленныхъ участковъ земли тамъ, гдѣ сосредоточивается населеніе. Разви- вается вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе особой сравнительно большей по- лезности земли по степени большаго или меньшаго плодородія ея почвы (опять свойство чисто объективное). Точно также и нѣко- торые непосредственно связанные съ землей растенія, какъ напр., лѣса, становятся хозяйственной полезностью изъ свободной только съ возрастаніемъ населенія и развитіемъ промышленности, въ зави- симости отъ чего количество ихъ оказывается уже ограниченнымъ по отношенію ко всему населенію даннаго мѣста, тогда какъ на какомъ-нибудь крайнемъ сѣверѣ это полезности свободныя.

Со второй точки зрѣнія различіе между полезностями обуславливается уже всегда извѣстнымъ правовымъ отношеніемъ людей къ природѣ и другъ къ другу. Нѣкоторыя полезности становятся объектомъ собственности отдѣльныхъ народовъ, цѣлыхъ общественныхъ классовъ, или отдѣльныхъ лицъ. Такъ, одна страна можетъ обладать въ силу географическихъ и климатическихъ условій нѣкоторыми преимуществами передъ другой. Внутри страны напр., можетъ быть достаточно свободныхъ полезностей для своего населенія, но является возможность пользоваться этимъ преимуществомъ при сбытѣ ихъ въ другія страны.

Такъ тропическія страны поставляютъ колониальные товары въ другія страны, гдѣ эти продукты не могутъ быть вовсе производимы; въ самихъ же тропическихъ странахъ ихъ можетъ быть болѣе, чѣмъ достаточно. Сюда же относятся вообще всякія благоприятныя условія для сбыта продуктовъ или для ихъ перевозки.

Затѣмъ съ точки зрѣнія отдѣльныхъ общественныхъ классовъ и особыхъ условій распредѣленія даровъ природы внутри самой страны—однѣ мѣстности пользуются большимъ плодородіемъ почвы, а другія меньшимъ, отсюда преимущества однихъ мѣстностей передъ другими. Владѣльцы лучшихъ участковъ извлекаютъ для себя больше выгодъ, чѣмъ владѣльцы худшихъ. Наконецъ, земли можетъ быть достаточно для всего населенія страны, но вся земля захватывается въ частную собственность нѣкоторою частью населенія, и тогда эта часть населенія можетъ безъ всякаго труда со своей стороны извлекать пользу изъ этихъ полезностей,—свободныхъ съ первой точки зрѣнія—чисто экономической, но не свободныхъ съ точки зрѣнія соціальной и правовой.

Многіе изъ прежнихъ экономистовъ, особенно Ж. Б. Сэй и его школа, а нѣкоторые еще и теперь, къ категоріи благъ или полезностей относятъ еще полезныя свойства и дѣйствія самихъ людей, называя ихъ *услугами*. Но мы не можемъ допустить такого расширенія понятія полезности за предѣлы его чисто матеріальнаго смысла и значенія. Для услугъ вполне достаточно мѣста находится въ понятіи труда, такъ какъ это тоже дѣйствія людей. Если услуги, какъ это и болѣе правильно, противопоставить труду хозяйственному, носящему болѣе матеріальный характеръ, то они и тамъ легко подойдутъ подъ тѣ или другіе виды труда не хозяйственнаго или не производительнаго, о чемъ въ ученіи о трудѣ было уже достаточно разъяснено.

Наконецъ, нѣкоторые экономисты идутъ еще далѣе и подъ понятіе благъ или полезностей подводятъ даже то, что они называютъ *отношеніями*, понимая подъ ними, на примѣръ, фирмы предпріятій, могущія быть приобрѣтаемы за деньги и т. п. Но объ этихъ явле-

ніяхъ, какъ связанныхъ съ тѣмъ или инымъ правовымъ строемъ и формами предпріятій, мы пока ничего еще не будемъ говорить.

Вообще вопросъ о томъ, что относится къ благамъ и полезностямъ принадлежитъ къ числу наиболѣе спорныхъ и наименѣе установленныхъ въ нашей наукѣ. Даже въ довольно сплоченной средѣ австрійскихъ экономистовъ нѣтъ по этому поводу полного единодушія. Такъ большинство изъ нихъ—*Филиповичъ*, *Заксъ*, *Визеръ* и др. понимаютъ благо только въ матеріальномъ смыслѣ, а *К. Менгеръ* включаетъ сюда и услуги и отношенія; также и *А. Вагнеръ*, вовсе не принадлежащій къ этой школѣ, у котораго мы взяли систему и классификацію полезностей, но не пошли за нимъ въ признаніи полезностями услугъ и отношеній. *Шеффле* въ первыхъ своихъ трудахъ признавалъ такое двойное значеніе, а въ позднѣйшихъ ограничивается признаніемъ только матеріальнаго ихъ характера.

Цѣнность и богатство.

Цѣнность. Общія основанія потребительной цѣнности субъективныя и объективныя.—Субъективныя основанія исключительныхъ видовъ цѣнности.—Краткая сущность теоріи предѣльной полезности.—Мѣновая цѣнность, какъ форма условная или историческая.—Трудовое основаніе цѣнности.—Средній общественно-необходимый трудъ, какъ мѣрило цѣнности.—Отклоненія цѣнностей отъ трудового ихъ основанія подъ вліяніемъ монополій.—Вліяніе юридическихъ факторовъ и условий на мѣновую цѣнность и цѣны вообще. *Богатство.* Противоположеніе понятій цѣнности и богатства.—Богатство съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, способы его измѣренія и условия его увеличенія или роста.—Богатство съ частно-хозяйственной точки зрѣнія, какъ имущество и имущественныя отношенія.

Цѣнность.

Приступая къ разсмотрѣнію понятій цѣнности, мы должны оговориться, что здѣсь, въ этой общей части курса, въ отдѣлѣ основныхъ элементовъ хозяйства, мы ограничимся установленіемъ лишь наиболѣе общихъ или элементарныхъ понятій и свойствъ цѣнности, отлагая болѣе подробное изложеніе этого вопроса до ученія о цѣнахъ товаровъ и до процесса обращенія, въ которомъ понятіе это теперь имѣетъ особенно крупное значеніе.

Нельзя даже задаваться цѣлью установить здѣсь такъ называемыя *общепризнанныя* основанія и опредѣленія цѣнности, такъ какъ до сихъ поръ ведется еще упорная борьба между представителями разныхъ теорій цѣнности, особенно между такъ называемой *трудо­вой*, съ одной стороны, и *предѣльной полезности*, съ другой. Тутъ нѣтъ ничего безспорнаго въ смыслѣ общепризнаннаго; а потому надо прежде всего какъ бы условиться на счетъ того, въ какомъ смыслѣ понятіе цѣнности будетъ фигурировать въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Со временъ еще *А. Смита* и у большинства классическихъ экономистовъ установилось двойное понятіе цѣнности—*потребительная и мѣновая*, на что вкратцѣ уже и было указано въ предпосланномъ курсу историческомъ очеркѣ развитія хозяйства.

Первичное представленіе о цѣнности,—если оно вообще возникло у лицъ, живущихъ на нисшихъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія,—могло быть только въ первомъ смыслѣ, т.-е. какъ цѣнность *потребительная* (см. выше стр. 96). Какъ указываетъ самое названіе, тутъ оцѣнка производится по *способностямъ предметовъ лучше или хуже, больше или меньше удовлетворять какую нибудь потребность*, т.-е. съ точки зрѣнія ихъ *полезности*. Это значитъ, что мясо однихъ звѣрей или птицъ, тѣ или другіе плоды—признаются вкуснѣе или питательнѣе, кожа ихъ или мѣхъ данныхъ звѣрей прочнѣе и теплѣе, перья такихъ-то птицъ—красивѣе, чѣмъ у другихъ и т. д.

Значитъ, предметы сравниваются или по присущей имъ естественной способности ихъ удовлетворять одну и ту-же потребность—въ пищѣ или въ одеждѣ и украшеніи и т. д.; или-же различныя потребности сравниваются между собою по ихъ степенямъ въ смыслѣ значенія ихъ для человѣка, а это и служитъ основаніемъ для сравнительной оцѣнки предметовъ ихъ удовлетворяющихъ. Въ первомъ случаѣ сказываются болѣе объективныя свойства самыхъ цѣнностей, во второмъ—субъективныя основанія, связанныя съ человѣкомъ, т.-е. съ его вкусами и потребностями.

Вкусы людей на этой ступени хозяйства могутъ расходиться или-же, что пожалуй бываетъ чаще, они сходятся, вслѣдствіе того, что условія и образъ жизни у большинства одинаковы, а различія въ рангахъ и положеніяхъ тоже не особенно велики. И тогда оцѣнки отдѣльныхъ лицъ или *индивидуальныя* будутъ такъ совпадать между собою, что они могутъ считаться болѣе или менѣе общими для всѣхъ или *общественными*.

Но спрашивается—могутъ-ли имѣть какое-нибудь хозяйственное значеніе такія оцѣнки?—Сами по себѣ—едва-ли, ибо всѣ эти такъ или иначе оцѣниваемые предметы добываются тѣми-же самыми лицами, которыя ихъ-же и потребляютъ. Другими словами, одни изъ этихъ предметовъ люди любятъ больше, другіе меньше, а къ нѣкоторымъ, можетъ быть только крайняя необходимость заставляетъ прибѣгать за неимѣніемъ лучшаго. Но то-же самое явленіе—различная оцѣнка разныхъ предметовъ—сейчасъ-же приобрѣтаетъ серьезное хозяйственное значеніе, *если сообразно съ ней люди начинаютъ соразмѣрять свои трудовыя или хозяйственныя усилія и прилагать ихъ въ большемъ количествѣ для добыванія предметовъ болѣе желательныхъ и наоборотъ*. Только съ этого момента оцѣнка эта приобрѣтаетъ хозяйственное или экономическое значеніе, а предметы такъ оцѣниваемые и добываемые становятся *цѣнностями*. Понятіе цѣнности въ примѣненіи къ какимъ нибудь предметамъ въ

особенности вполнѣ на своемъ мѣстѣ только именно въ экономикѣ; въ другихъ-же областяхъ жизни или въ другихъ наукахъ это скорѣе матафорическое выраженіе. Потому-то обыкновенно не противоплагаютъ цѣнностей хозяйственныхъ нехозяйственнымъ; между тѣмъ какъ относительно полезностей большинство экономистовъ держится такого именно дѣленія, подобно тому какъ и трудъ можетъ быть хозяйственнымъ или нѣтъ.

Хозяйственный, неразрывно связанный съ понятіемъ цѣнности, смыслъ ея естественно поэтому болѣе или менѣе совпадаетъ съ самаго начала возникновенія этого понятія съ тѣмъ, что называется *стоимостью*. Последнее-же понятіе прямо выражаетъ собою то, во что обошелся данный предметъ пріобрѣтателю его. А это въ періодѣ натурального хозяйства можетъ обозначать только количество трудовыхъ усилій, потраченныхъ на добываніе предмета или на его обработку, если вообще таковая производилась. Въ современномъ-же хозяйствѣ, покоящемся на общественномъ раздѣленіи труда и вытекающемъ изъ него обмѣнѣ, подъ стоимостью понимается или тоже то, во что обходится непосредственное производство какого-либо предмета, или-же—за что пріобрѣтается данный предметъ изъ другихъ рукъ, стало быть, или опять таки личные усилія, т.-е. трудъ, или другіе предметы, или-же, наконецъ, чаще всего деньги. Изъ этого слѣдуетъ, что стоимость—это еще болѣе хозяйственное понятіе, чѣмъ цѣнность.

Но цѣнность есть понятіе болѣе общее и широкое; потому-то оно больше и употребляется въ нашей наукѣ; стоимость-же—только тамъ, гдѣ она имѣетъ свое специфическое значеніе.

Чтобы покончить съ первоначальнымъ представленіемъ о цѣнности, слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что большая или меньшая полезность естественныхъ даровъ природы находится въ зависимости и отъ большей или меньшей ихъ *распространенности*. Поэтому, тѣ, которыхъ вообще болѣе чѣмъ достаточно, имѣютъ значеніе полезности свободной, а не хозяйственной. Последняя-же, какъ уже сказано, становится цѣнностью лишь по мѣрѣ необходимости прилагать трудъ для ея добыванія, какъ въ послѣдствіи и для обработки или переработки. Но эта большая или меньшая распространенность какихъ либо полезностей въ природѣ не есть начало или основаніе, противоположное труду или отрицающее его, какъ основу цѣнности. Рѣдкій предметъ—это такой, котораго приходится долго искать, т.-е. много трудиться, чтобы его найти. Въ качествѣ-же вполнѣ самостоятельнаго основанія цѣнности эта *сравнительная рѣдкость* является только въ тѣхъ дѣйствительно рѣдкихъ или скорѣе исключительныхъ случаяхъ, когда никакимъ трудомъ при всемъ жела-

ни нельзя создать или найти желанный предметъ. Сюда могутъ относиться только такіе предметы, какъ картина, написанная извѣстнымъ, но уже умершимъ художникомъ, вообще какое нибудь старинное издѣліе, дорого цѣнимое именно за свою старину, хотя оно и могло бы быть точно скопировано. Отчасти, но не вполнѣ, сюда-же относятся рѣдкіе естественные драгоценные камни; но въ сущности, и ихъ высокая цѣнность можетъ быть сведена къ тому большому количеству труда, которое затрачивается на поиски этихъ камней. Но вообще число такихъ примѣровъ или соотвѣтственныхъ имъ предметовъ можетъ быть только весьма ограниченнымъ. И потому всякія такія исключительныя основанія оцѣнки только и могутъ объяснять исключенія изъ общаго правила, вообще его не опровергающія, а скорѣе даже подтверждающія, разъ что находится объясненіе этихъ отклоненій отъ общаго правила. А таковымъ въ данномъ случаѣ является *признаніе за основу цѣнности количества потраченного на ея производства труда*, конечно, при условіи, чтобы продуктами этого труда являлись предметы, имѣющія свойства полезности. Но хозяйственный трудъ къ производству только такихъ предметовъ и прилагается; и мы здѣсь говоримъ конечно о трудѣ только хозяйственномъ.

Противники трудовой теоріи цѣнности всегда обнаруживали большую изобрѣтательность по части примѣровъ другихъ обоснованій цѣнности, кромѣ труда или противъ него. Но тутъ именно играетъ роль эта *изобрѣтательность*, такъ какъ примѣры выдумываются, а не берутся изъ жизни. Такъ, очень охотно явленія изъ условій современнаго сложнаго хозяйства культурныхъ націй переносятся въ пустыню Сахару или на необитаемый островъ, гдѣ дѣйствующими лицами являются: сперва одинъ Робинзонъ, а затѣмъ и его слуга Пятница, но никого больше, и т. п. Вообще-же всѣ эти Робинзоніады клонятся къ тому, чтобы какъ можно больше вырвать явленіе изъ его дѣйствительной общественной среды, т.-е. какъ можно больше его абстрагировать, о чемъ было уже достаточно говорено въ методологической главѣ курса. Сюда-же относятся и перенесеніе дѣйствія изъ той-же фактической общественной среды въ сферу процессовъ, совершающихся только *въ головѣ или умѣ* чловѣка и не имѣющихъ почти никакого отношенія къ хозяйственной жизни и дѣятельности. Ну что, на примѣръ, можно доказать или отвергнуть тѣмъ, что многіе *очень дорожатъ* и потому *высоко цѣнятъ*, (но только въ метафорическомъ смыслѣ), какія нибудь фамильныя драгоценности или даже простые предметы, но дорогіе по воспоминаніямъ съ ними связаннымъ? Если это настоящіе драгоценные камни, то они и на рынкѣ, т.-е. если ихъ про-

дать, будутъ имѣть большую или соответствующую ихъ размѣрамъ и качествамъ цѣну. Если-же это фамилные портреты, да еще нарисованные неизвѣстнымъ и неважнымъ художникомъ, то за нихъ можно иногда ничего не получить или лишь стоимость рамы. А между тѣмъ собственники или владѣльцы такихъ предметовъ въ своемъ умѣ, или еще болѣе въ душѣ своей, цѣнятъ ихъ чрезвычайно высоко; и конечно тутъ трудъ нисколько не является основаніемъ такой условной цѣнности.

Если не продаются фамилные предметы не имѣющіе настоящей цѣнности, то тутъ поэтому даже и никакой семейной добродѣтели нѣтъ; если-же воздерживаются отъ продажи фамилныхъ драгоценностей настоящихъ, въ родѣ брилліантовъ и т. п., когда приходится чуть не умирать съ голоду, то съ житейской точки зрѣнія это можетъ быть и большое самоотреченіе или достоинство, но съ экономическими явленіями оно не имѣетъ ничего общаго, ибо тутъ люди добровольно отказываются отъ возможности удовлетворить свою насущную потребность, что только и составляетъ предметъ или задачу хозяйственной дѣятельности.

Это наиболѣе яркій примѣръ того, что называется *субъективной* оцѣнкой и что служитъ основаніемъ *субъективныхъ-же* теорій цѣнности. Примѣры эти можно разнообразить, при желаніи ихъ выдумывать, чуть не до безконечности, при чемъ рѣдкіе предметы могутъ замѣняться обыкновенными и наоборотъ; можно также мысленно измѣнять количество однихъ и тѣхъ-же предметовъ, находящихся въ обладаніи у какого-либо лица и т. д. Такъ, главный примѣръ, лежащій въ основѣ вводимой у насъ въ моду чисто субъективной *теоріи предѣльной полезности* заключается въ томъ, что если у бѣдняка имѣется одинъ кусокъ или фунтъ хлѣба, которымъ онъ только и можетъ утолить свой голодъ, то онъ будетъ цѣнить его очень высоко, (какъ и за глотокъ воды въ Сахарѣ заблудившійся путешественникъ отдастъ груду золота), владѣлецъ-же большихъ запасовъ хлѣба ни въ грошъ не оцѣнитъ того-же куска хлѣба, и даже гораздо большее его количество выбрасываетъ чуть не на вѣтеръ, кормя имъ попугаевъ или голубей. Еще короче эта мысль можетъ быть выражена такъ, что бѣднякъ дорожитъ каждой копейкой и грошемъ въ своемъ бюджетѣ, а богатый человѣкъ швыряетъ сотнями и тысячами рублей на свои прихоти. По этой теоріи выходитъ, что не той массой людей, которая пользуется хлѣбомъ только для своего пропитанія, опредѣляется или устанавливается его цѣнность, а тѣми немногочисленными счастливыми, которые, имѣя избытки хлѣба, могутъ разводить попугаевъ и кормить ихъ. Это и значитъ, что цѣнность устанавливается *предѣльной, т.-е. наименьшей полезностью даннаго рода благъ или предметовъ.*

Съ точки-же зрѣнія не внутренняго психологическаго процесса оцѣнки, а практической и чисто-экономической важно то, что каждый фунтъ того-же хлѣба, независимо отъ того, въ какомъ онъ количествѣ находится у тѣхъ или другихъ лицъ, т.-е. въ одиночествѣ или въ большой компаніи, стѣитъ одинаковую сумму денегъ и съ точки зрѣнія стоимости его производства, и въ моментъ его обращенія на рынкѣ. И это совершенно такъ-же, какъ каждый рубль или копейка имѣютъ свою собственную одинаковую цѣнность независимо отъ того, въ рукахъ бѣдняка или богача они находятся. То, что тотъ или иной человѣкъ думаетъ о цѣнности тѣхъ или другихъ предметовъ и пока эти «думы» не переходятъ въ проявленія воли человѣческой въ дѣйствіяхъ—созданіе этихъ предметовъ путемъ ихъ производства или приобрѣтеніе ихъ путемъ обмѣна,—все это не имѣетъ никакого экономическаго значенія. Если-же дѣйствія этого человѣка выражаются въ томъ или иномъ распоряженіи этими предметами, какъ находящимися уже въ его полномъ обладаніи, то это будетъ относиться къ процессу *потребленія*, откуда и правильно выводится названіе такой оцѣнки и такой-же цѣнности — *потребительной*. Да и то это основаніе не всегда исключительно *субъективно*, такъ какъ въ основѣ той или другой оцѣнки могутъ лежать и *объективныя* основанія большей или меньшей полезности предмета, (о чемъ говорилось уже выше и приводились примѣры, въ родѣ свойства тѣхъ или другихъ дровъ горѣть лучше или хуже). Потому-же и терминъ «потребительная» цѣнность шире и правильнѣе, чѣмъ «субъективная» цѣнность и связанныя съ нею такія-же теоріи, оцѣнки и основанія.

Еще если при оцѣнкѣ предметовъ непосредственнаго потребленія эта субъективная или «психологическая» теорія предѣльной полезности можетъ имѣть нѣкоторое,—но отнюдь не первенствующее или рѣшающее значеніе, то при оцѣнкѣ такъ называемыхъ *средствъ производства* теорія эта по просту говоря, пытается перевернуть обычныя представленія и объясненія вверхъ ногами. Обычное объясненіе ихъ цѣнности, какъ впрочемъ и предметовъ потребленія, заключается въ сведеніи ихъ цѣнностей къ труду, потраченному на ихъ производство; а такъ какъ кромѣ труда въ цѣнности готовыхъ продуктовъ иногда должна еще быть воспроизведена цѣнность и матеріала, изъ котораго они выдѣлываются, и орудій ихъ производства (капитала), то всѣ эти затраты вмѣстѣ взятыя и составляютъ такъ называемыя *издержки производства*. Но цѣнность послѣднихъ тоже вся можетъ быть сведена къ труду, такъ какъ и матеріаль стоитъ того количества труда, который затраченъ на его производство, и орудія тоже суть сами продукты труда. Такъ что въ концѣ канцовъ обоснованіе цѣнности на трудѣ есть почти то же что и на издержкахъ производства ¹⁾. По мнѣнію же сторон-

¹⁾ Болѣе тонкія отличія, какъ и вообще всѣ подробности вопроса о цѣнности, какъ уже сказано, будутъ приведены позднѣе, въ отдѣлѣ „обращенія“.

никовъ теоріи предѣльной полезности «не средства производства являются источникомъ цѣнности предметовъ потребленія, а цѣнность предметовъ потребленія является, въ окончательномъ итогѣ, источникомъ цѣнности средствъ производства ¹⁾. А какъ это происходитъ, тому приводятся слѣдующіе примѣры: «цѣнность виноградника опредѣляется цѣнностью вина, цѣнность желѣза опредѣляется цѣнностью продуктовъ, которые выдѣлываются изъ желѣза» ²⁾. Точнѣе еще это сводится къ слѣдующему: «Цѣнность средства производства опредѣляется предѣльной полезностью того предмета, изъ числа всѣхъ изготовляемыхъ при помощи даннаго средства производства, предѣльная полезность котораго является наименьшей», ³⁾ (т. е. предмета наименѣе необходимаго)

Ну развѣ это не перевертываніе здраваго смысла вверхъ ногами? Сырое желѣзо, какъ товаръ обращающійся на рынкѣ, имѣетъ извѣстную цѣнность раньше, чѣмъ изъ него сдѣлаютъ какіе-либо предметы, т. е. когда даже еще и неизвѣстно, на что оно пойдетъ—на предметы первой необходимости или условной, или на предметы роскоши. Не вѣрнѣе-ли сказать, что изъ него,—какъ изъ серебра или золота,—будутъ дѣлать и предметы менѣе необходимые, если матеріаль (средство производства) будетъ дешевле? Такъ по крайней мѣрѣ въ дѣйствительной хозяйственной жизни бываетъ, а по данной теоріи наоборотъ. Приведемъ отъ себя еще слѣдующій примѣръ: можно допустить, что оборудованіе или устройство ситцевыхъ и шелковыхъ фабрикъ, (стоимость зданій и машинъ), какъ и обработка того и другого матеріала на этихъ фабрикахъ будутъ представлять собою одинаковую цѣнность. Разница-же въ стоимости продуктовъ ихъ производства будетъ обуславливаться различіемъ только цѣнности матеріала—хлопка и шелка. Послѣдній стоитъ гораздо дороже хлопка, потому что гораздо больше труда надо потратить на добычу шелка—развести тутовые деревья и взростить на нихъ шелковичныхъ червей, изъ коконовъ коихъ и получается шелкъ,—чѣмъ на добычу хлопка—только засѣять имъ соотвѣтственныя плантаціи и собрать его. По данной-же теоріи пожалуй выйдетъ, что цѣнность ситцевой фабрики, какъ составной части средствъ производства вообще, будетъ меньше, чѣмъ шелковой, потому что ситецъ дешевле шелковой матеріи.

Большинство иностранныхъ сторонниковъ теоріи предѣльной полезности прямо считаютъ ее единой правильной и прямо противорѣчащей теоріи трудовой, которую они совершенно отрицаютъ и даже считаютъ однимъ недоразумѣніемъ или заблужденіемъ и т. п. (Визеръ и К^о). Нашъ русскій ея защитникъ и представитель—М. И. Туганъ-Барановскій, думаетъ, что теоріи эти только «противоположны, но отнюдь не противорѣчивы» ⁴⁾. И онъ ищетъ возможности примирить ихъ другъ съ другомъ, считая, что первая выражаетъ собою «субъективные моменты оцѣнки», а вторая опредѣляетъ «объективные факторы цѣнности» ⁵⁾. Но, выдвигая всячески на первый планъ значеніе первой теоріи, онъ въ то-же время самъ себѣ противорѣчитъ, когда говоритъ,—и совершенно правильно,—«что при составленіи хозяйственнаго плана опредѣляющимъ моментомъ должна быть трудовая стоимость, а опредѣляемымъ — предѣльная полезность. Говоря математическимъ языкомъ, предѣльная полезность должна быть функціей трудовой стоимости» ⁶⁾. Но въ

¹⁾, ²⁾ и ³⁾ Туганъ-Барановскій. Основ. Пол. Экон., стр. 44 и 45.

⁴⁾, ⁵⁾ и ⁶⁾ Тамъ-же, стр. 46 и 47.

этомъ-то вѣдь и главная суть, такъ какъ наука наша изучаетъ прежде всего хозяйственную дѣятельность, въ которой составленіе хозяйственнаго плана — самое главное дѣло. И вообще путь ихъ примиренія и согласованія найденъ, особенно если сдѣлать маленькое измѣненіе въ выраженіяхъ — оставить цѣнность при предѣльной полезности, а вмѣсто трудовой цѣнности говорить — трудовая стоимость. При такихъ условіяхъ все кончается самымъ благополучнымъ образомъ, такъ что получается, что «предѣльная полезность послѣднихъ единицъ свободно воспроизводимыхъ продуктовъ каждаго рода... должна быть прямо пропорціональна трудовой стоимости тѣхъ-же продуктовъ» ¹⁾.

Конечно, отчего не замѣнить слово цѣнность стоимостью, если такимъ путемъ можетъ восторжествовать новая эклектическая теорія, объединяющая огонь и воду и стремящаяся «объять необъятное». Мириться лучше, чѣмъ ссориться; но только Рикардо и К. Маркъсъ, (г. Туганъ-Барановскій беретъ подъ свою защиту только перваго), оба въ сущности говорили почти одно и то-же и сознательно создавали трудовую теорію *цѣнности*, (*Werth, valeur, value*), а не стоимости (*Kosten, cost*), но, гдѣ надо, говорили и о послѣдней. Ихъ терминологія, какъ и вообще болѣе у насъ общепринятой, мы и будемъ впредь придерживаться; что-же касается до теоріи предѣльной полезности, то вообще ея мѣсто, во первыхъ, въ ученіи о цѣнности потребительной, а во вторыхъ, она можетъ отчасти входить въ составъ элементовъ «спроса», вмѣстѣ съ «предложеніемъ» вліяющихъ на то, что называется рыночными цѣнами товаровъ; но меньше всего теорія эта имѣетъ отношеніе къ цѣнности мѣновой, къ разсмотрѣнію которой мы и переходимъ.

Если цѣнность потребительная есть понятіе абсолютно-экономическое, (или какъ теперь нѣкоторые любятъ выражаться — категорія логическая), то это потому, что потребление, какъ хозяйственный процессъ, существовало всегда и вездѣ, т. е. при всякихъ формахъ и на всѣхъ ступеняхъ хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ потребительная цѣнность это *реальная* сущность соотвѣтственной вещи или *вещь сама по себѣ*. Потому по отношенію къ ней и возможны различныя оцѣнки ея съ точки зрѣнія разныхъ людей, отличающихся другъ отъ друга своими вкусами или потребностями, а также и степенью своей состоятельности или богатствомъ. Цѣнность-же *мѣновая* есть понятіе болѣе условное или историческо-экономическое, какъ связанное съ такой только системой хозяйства, въ которой обмѣнъ или обращеніе играетъ уже значительную роль. Особенное-же, и не только теоретическое, но и чрезвычайно важное *практическое*, значеніе мѣновая цѣнность принимаетъ съ того времени, когда хозяйство главнымъ образомъ направляется на созданіе *товаровъ*, т. е. предметовъ, производимыхъ исключительно для *цѣлей сбыта или продажи ихъ*. А это есть явленіе, присущее главнымъ образомъ современной капиталистической системѣ. Товаръ есть предметъ соз-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 47.

даваемый капиталистом-производителем (фабрикантом) или покупаемый торговцем для цѣлей продажи и выручки изъ этой операціи возможно большей прибыли, и притомъ по возможности непрерывно, т.-е. постоянно превращая свой капиталъ въ товаръ и товаръ въ капиталъ, въ этомъ случаѣ—деньги, обращающіяся съ этой цѣлью въ производствѣ и обращеніи. Такого производителя или торговца интересуетъ тогда не товаръ, какъ вещь сама по себѣ, а то, что онъ за нее выручитъ, т.-е. получить въ обмѣнъ на нее, а именно—сколько какихъ нибудь другихъ товаровъ. Ближайшимъ образомъ обыкновенно за товары теперь платятъ деньгами; но и послѣднія сами по себѣ суть, до извѣстной степени, тоже товаръ, такъ какъ заключающееся въ нихъ золото или серебро, цѣнятся настолько, насколько за него можно приобрести, т.-е. купить, другихъ товаровъ.

Но въ деньгахъ выражается особая, тоже еще болѣе условная или историческая форма цѣнности, называемая *денежною цѣной* или просто *цѣной* (le prix—у французовъ, Preis—у нѣмцевъ, price—у англичанъ).

Многіе экономисты впрочемъ цѣной называютъ фактическое количество всякихъ другихъ товаровъ, которое получается за какой-нибудь данный, когда совершается какая нибудь конкретная мѣновая сдѣлка.

Наконецъ, *рыночными цѣнами* называются тѣ, по которымъ фактически товары *обращаются на рынкѣ*, т.-е. покупаются и продаются. Рыночныя цѣны отклоняются по разнымъ причинамъ отъ своей нормальной или основной цѣнности, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ *спроса и приложенія*.

Объ этихъ двухъ послѣднихъ формахъ цѣнности будетъ говорить подробнѣе впоследствии; теперь-же мы остановимся только на самыхъ общихъ основаніяхъ мѣновой цѣнности. Подъ ней вообще понимается *пропорція или отношеніе*, въ которой товары между собою обмѣниваются. Это можетъ быть выражено въ слѣдующей формулѣ, имѣющей видъ безконечнаго ряда, въ которомъ товары обозначаются буквами, а цифрами количество ихъ единицъ, а именно: $1A = 2B = 3C = 4D = 5E...$ и т. д. (здѣсь мѣсто одного изъ товаровъ могутъ занимать и деньги). Такъ, 1 фунтъ чая = 2 ф. кофе = 3 рублямъ = 20 фунт. сахара и т. д.

Но монета—рубль, какъ извѣстное количество серебра, есть величина сама по себѣ измѣнчивая, и потому она есть тоже условная мѣра цѣнности или то, что называется просто цѣной. Намъ-же надо найти какую-то главную общую причину, обуславливающую мѣновую цѣнность самую по себѣ, т.-е. причину, отъ которой зависитъ ея

величина и то, отъ чего одинъ товаръ стоитъ больше другого въ два или въ три раза или болѣе. Товары сами по себѣ суть вещи, физически-осязательныя, какъ потребительныя цѣнности; всѣ они обладаютъ совершенно различными свойствами по способности удовлетворять тѣ или другія потребности. Когда-же они (товары) сравниваются между собою съ точки зрѣнія цѣнности мѣновой, то тутъ ихъ матеріальныя свойства отступаютъ на второй планъ, т.-е. мы отвлекаемся отъ ихъ потребительной цѣнности, и относимъ ихъ къ какому то общему всѣмъ имъ свойству или единицѣ ихъ измѣренія.

Этой единицей по трудовой теоріи и является *трудъ*, употребленный на производство тѣхъ или иныхъ товаровъ въ различномъ количествѣ для каждаго изъ нихъ.

Но трудъ самъ по себѣ проявляется въ очень разнообразныхъ видахъ и формахъ—начиная отъ самаго простаго механическаго труда чернорабочаго поденщика, кончая высшимъ такъ называемымъ *квалифицированнымъ* или *коньектуральнымъ* трудомъ инженера, архитектора или художника, въ которомъ умственное начало преобладаетъ надъ физическимъ. Нельзя, конечно, сравнивать между собою эти различные виды труда непосредственно по одному масштабу—*времени или продолжительности работы*. Одинъ часъ труда архитектора, составлявшаго планъ возводимаго зданія, равняется по своей цѣнности можетъ быть двумъ-тремъ днямъ работы плотника или каменщика и четыремъ или пяти днямъ труда простаго чернорабочаго.

Соотношеніе цѣнности этихъ различныхъ видовъ труда устанавливается самой жизнью; оно находится въ зависимости отъ требованій подготовки—выучки или спеціальнаго образованія, отъ личной ловкости и напряженности труда отдѣльныхъ лицъ и многихъ другихъ причинъ, вліяющихъ на вознагражденіе за трудъ, въ томъ числѣ и отъ количества представителей того или другого вида труда въ данномъ мѣстѣ и въ данное время. Но обо всемъ этомъ подробно говорится въ ученіи объ условіяхъ вознагражденія за трудъ или о заработной платѣ. Здѣсь-же только констатируется, что сама жизнь, а не какой-либо законъ, устанавливаетъ эту *сравнительную расцѣнку труда*, которая отъ времени до времени сама по себѣ измѣняется.

Во всякое-же данное время всѣ виды труда могутъ быть сведены къ нѣкоторому простѣйшему его виду, принимаемому за единицу его количества, т.-е. къ единицѣ продолжительности его—дню, часу и т. д. Понятно, что, если этотъ низшій простѣйшій видъ труда принимается за единицу, то всѣ остальные высшіе виды будутъ имѣть коэффиціенты въ цѣлыхъ, стало быть, бѣльшихъ цифрахъ.

Затѣмъ въ каждой изъ отдѣльныхъ отраслей промышленности, или въ каждомъ изъ спеціальныхъ видовъ труда, устанавливается понятіе его *средней величины*, подъ которой понимается извѣстная степень производительности труда, самаго обыкновеннаго, т.-е. *средняго по своимъ силамъ и способностямъ, работника*. Только при такомъ условіи трудъ можетъ быть основой и мѣриломъ цѣнности, такъ какъ иначе выходила бы такая нелѣпость, что чѣмъ лѣнивѣе работникъ, т.-е. чѣмъ болѣе онъ употребитъ времени на производство какого-нибудь товара, тѣмъ будто бы послѣдній долженъ стоять дороже. Если-же принимается за основу цѣнности трудъ такой средней, то осуществляется слѣдующая справедливость: на производство какого-нибудь предмета, скажемъ стола, для обычнаго средняго работника понадобится два дня работы; для особенно лѣниваго—четыре дня и для особенно энергичнаго и ловкаго достаточно одного дня. Однородные предметы, будучи товарами на рынкѣ, всѣ продаются по одной цѣнѣ, такъ какъ, они, по качеству будучи одинаковыми, не носятъ слѣдовъ своего индивидуальнаго происхожденія—отъ лѣниваго или старательнаго работника. Поэтому всѣ столы въ данномъ случаѣ будутъ имѣть цѣнность равную двумъ днямъ работы средняго работника. Значитъ, въ видѣ цѣнности каждаго стола, лѣнивый работникъ получитъ за свои четыре дня работы такое-же вознагражденіе, какъ средней за два дня, а энергичный за одинъ день.

Но этого еще мало. Кромѣ личныхъ свойствъ работниковъ ихъ ловкости или искусства и напряженности ихъ труда, на конечный результатъ или производительность ихъ труда (см. выше вообще) вліяютъ еще другія условія работъ, а именно данныя внѣшней природы, напр., то или иное плодородіе почвы и т. п., и условія техническія — тѣ или иныя орудія и другія средства производства. Поэтому если, напримѣръ, при ручномъ способѣ производства, какъ это было и есть у ремесленниковъ, требуется нѣсколько дней труда для производства какой-нибудь вещи, то при машинномъ способѣ для этого можетъ быть достаточнымъ одного дня или даже нѣсколькихъ часовъ работы. Отсюда слѣдуетъ, что необходимое, т.-е. большее или меньшее количество труда или времени работы, находится въ зависимости отъ наличности тѣхъ или другихъ условій производства. Значитъ, когда мы говоримъ объ измѣреніи цѣнности количествомъ труда, то мы должны также его обозначить какъ *средній общественно-необходимый трудъ* или *среднее общественно-необходимое время работы*.

Всѣхъ этихъ длинныхъ разсужденій о столь простыхъ и понятныхъ вещахъ можетъ быть вовсе не понадобилось бы, если бы не дѣлались воз-

раженія противъ этой трудовой теоріи цѣнности. Отсюда и необходимость этого сложнаго опредѣленія труда производящаго цѣнность. Такъ въ этихъ возраженіяхъ много изощрялись французскіе экономисты, особенно Сэй и Бастіа, — будто бы ученики А. Смита, а въ сущности его разводятели, какъ ихъ называли нѣмцы. Бастіа, напимѣръ, такъ по своему острилъ: если цѣнность зависитъ отъ количества труда, въ томъ числѣ и идущаго на перемѣщеніе товаровъ, то владѣлецъ оливковаго масла въ г. Марселѣ, гдѣ оно производится на мѣстѣ, можетъ произвольно повышать его цѣну въ Парижѣ, привозя его туда не одинъ разъ, а нѣсколько разъ возя его туда и обратно. Или онъ же совѣтовалъ временному французскому правительству во время февральской революціи облагодѣтельствовать рабочихъ декретомъ, которымъ повелѣвалось бы впредь работать лѣвою рукой вмѣсто правой, что вызвало бы значительно большее количество времени работы; но отъ того и другого, говоритъ Бастіа, въ дѣйствительности товары, увы, не вздорожали бы! Вотъ противъ подобныхъ-то остроумцевъ и приходится принимать мѣры и добавлять то, что и такъ само собой разумѣлось бы, т.-е. что трудъ здѣсь вообще имѣется въ виду *хозяйственный*, и въ такомъ видѣ и количествѣ, *безъ котораго нельзя обойтись*. Въ хозяйствѣ же это вообще основной принципъ — достигать наибольшихъ результатовъ съ наименьшими возможными усиліями; а потому всякій *излишній* трудъ и не можетъ увеличить цѣнность, потому что онъ будетъ непроизводительнымъ.

И такъ все, отъ чего зависитъ увеличеніе производительности труда, о чемъ частью уже было сказано (см. выше стр. 219—226), какъ равно улучшеніе или большее участіе орудій и способовъ производства, о чемъ подробнѣе будетъ говорить еще далѣе въ ученіи о капиталѣ, — все это вліяетъ на потребное въ данное время количество труда или время работы въ смыслѣ его уменьшенія. А потому и можно все это выразить въ такой формулѣ: *величина цѣнности товара прямо пропорціональна количеству и обратно пропорціональна производительности труда въ немъ овеществляющагося*. Марксъ даже самую мѣншую цѣнность называетъ *кристаллизированнымъ* или *створоженнымъ въ ней трудомъ*. А такъ какъ въ числѣ условій, увеличивающихъ производительность труда, не связанныхъ съ личностью самого трудящагося или работника, находятся *внѣшняя природа* (напр. земля) и *капиталъ* (орудія и матеріалы или вообще средства производства, созданныя самимъ человекомъ), то вліяніе этихъ двухъ послѣднихъ условій, (или какъ ихъ прежде тоже называли факторовъ производство), на цѣнность оказывается обратной, чѣмъ трудъ. Это значитъ что *цѣнность обратно-пропорціональна участію природы или капитала*, (а количеству труда она же прямо пропорціональна). Это такъ ясно, что едва ли нуждается въ подробномъ разъясненіи: хлѣбъ дешевле тамъ, гдѣ земля плодородна, т. е. гдѣ она болѣе содѣйствуетъ земледѣльческому труду или дѣлаетъ его болѣе производительнымъ; то-же и

относительно ископаемыхъ богатствъ — богатая руда даетъ болѣе дешевый продуктъ — напимѣръ, чугуна или желѣзо, чѣмъ бѣдная. Машины удешевили цѣнность продуктовъ фабричнаго производства по сравненію съ ручнымъ ремесленнымъ и мануфактурнымъ; и сдѣлали они это не столько сами по себѣ, какъ уменьшивъ необходимое для производства количество труда.

Всѣ приведенныя разсужденія о трудѣ, какъ главномъ основаніи цѣнности вообще и мѣновой въ частности и въ особенности, относятся къ самымъ обыкновеннымъ и потому самымъ распространеннымъ случаямъ производства и обращенія товаровъ, т.-е. къ допускающимъ наиболѣе широкое обобщеніе ихъ при подведеніи подъ типъ явленій и типическія между ними отношенія. А это, какъ извѣстно, и составляетъ задачу точной или болѣе абстрактной теоріи хозяйства. Товары-же эти и суть большими массами производимые предметы для массоваго-же ихъ потребленія. Это въ громадномъ большинствѣ случаевъ предметы, такъ и называемые въ гражданскомъ правѣ, *замѣнимыми*, т.-е. они настолько схожи другъ съ другомъ по своимъ качествамъ, что индивидуальныя особенности отдѣльныхъ штукъ, кусковъ и пр. не играютъ никакой роли (это вообще хлѣбъ такого-то вида и сорта, или дрова опредѣленной величины березовые, осиновые и т. п.; въ современныхъ элеваторахъ — зернохранилищахъ особенно успѣшно производится это *обезличеніе* складываемаго туда хлѣба). Такъ вотъ, всѣ построенія теоріи цѣнности вообще рассчитаны именно на такіе *массовые* продукты, которые и обращаются на рынкахъ по соответственнымъ общимъ или рыночнымъ цѣнамъ.

Забѣгая впередъ; т. е. въ ученіе о цѣнахъ, можно указать на то, что цѣны эти иногда настолько отвердѣваютъ или объективируются на рынкахъ, биржахъ и т. д., т. е. настолько эманципируются отъ производителей товаровъ, что даже начинаютъ надъ ними господствовать. Въ свое время Марксъ это назвалъ *фетишизмомъ* товарныхъ цѣнъ, т. е. что люди передъ ними склоняются, какъ передъ прежними языческими божествами и ихъ изображеніями. Это вообще явленіе наиболѣе противоположное капризамъ и фантазіямъ субъективныхъ оцѣнокъ и основаній цѣнности.

Отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы не существовало *особыхъ условий*, опредѣляющихъ цѣнность и цѣны совершенно отдѣльныхъ предметовъ, — такъ назыв. *уники* (единственные въ своемъ родѣ), и есть даже цѣлыя *группы особыхъ товаровъ*, производство или происхожденіе коихъ представляетъ собою нѣкоторыя особенности. Ихъ точно также можно подвести подъ нѣкоторыя особыя категоріи условий, опредѣляющихъ ихъ цѣнность, въ смыслѣ причинъ отклоненій отъ общаго ихъ правила или основанія. Къ нимъ относятся главнымъ образомъ три слѣдующія категоріи:

1) произведенія природы *сами по себѣ исключительно рѣдкія*, добываемыя лишь на вполнѣ опредѣленныхъ мѣстахъ и въ очень ограниченномъ количествѣ, или даже случайныя неправильности и уродства, 2) произведенія, отражающія на себѣ исключительное *дарованіе* или *талантъ* ихъ творца-художника подобно тому, какъ сюда-же можно помѣстить и исключительныя не вещи, а *услуги*, въ родѣ пѣнія или игры необычайныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ; 3) *издѣлія прежнихъ временъ*, особенно цѣнимыя какъ таковыя, а не за особыя ихъ качества и достоинства.

Цѣнность всѣхъ подобнаго рода продуктовъ не можетъ быть регулируема какими-либо общими нормами или условіями, а будетъ зависѣть только отъ *силы спроса* на нихъ, т. е. отъ потребности, соединенной съ соотвѣтственными покупными или платежными средствами. Но есть у всѣхъ подобныхъ предметовъ нѣчто общее, что можетъ быть выражено однимъ отрицательнымъ признакомъ: это все то, что *не можетъ быть произведено въ болѣе или менѣе произвольномъ или желанномъ количествѣ и обыкновенными средствами и усиліями* (трудомъ).

Короче все это можетъ быть выражено однимъ словомъ: *монополія*, которая можетъ быть двухъ родовъ—естественная и искусственная.

Переходя къ вопросу о вліяніи всякаго рода монополій на цѣнность вообще, мы снова должны его нѣсколько расширить, т. е. признать, какъ это въ свое время еще сдѣлалъ настоящій основатель трудовой теоріи цѣнности *Д. Рикардо*, а за нимъ впоследствии и Марксъ,—что монополія есть вообще условіе вліяющее на цѣнность товаровъ, но совершенно своеобразно, а именно, отклоняя, тамъ, гдѣ она имѣетъ мѣсто, цѣнность отъ нормальнаго ея уровня или величины, обусловливаемой въ обыкновенныхъ случаяхъ трудомъ.

Подъ монополіями *естественными* можно понимать всѣ исключительныя условія, обозначенныя выше подъ всѣми тремя пунктами, т. е. условія не дающія возможности по желанію производить соотвѣтственные предметы.

Если-же исключительность является результатомъ какихъ-либо дѣйствій людей, создающихъ себѣ сами или черезъ посредство правительства какія-либо особо благоприятныя условія—привиллегіи и монополіи, имѣвшія прежде вообще болѣе широкое распространеніе, чѣмъ теперь, то это будутъ уже монополіи *искусственныя*. Онѣ вытекаютъ уже изъ того или другого исторически слагающагося и измѣняющагося общественнаго, государственнаго, правоваго строя, т. е. относятся къ категоріи явленій не чисто экономическихъ, а социальныхъ или историческихъ-правовыхъ.

Понимая монополию въ такомъ болѣе широкомъ смыслѣ, ея же можно объяснить и такія довольно распространенныя явленія, что нѣкоторые предметы могутъ имѣть *значеніе цѣнности, не будучи вовсе продуктомъ труда*. Сюда и относятся всѣ вообще ограниченные въ своемъ количествѣ, а не особо исключительные, дары природы, которые являются не только хозяйственной полезностью, но и цѣнностью только потому, что они *могутъ быть кѣмъ-либо захвачены въ свою исключительную собственность*. На первомъ планѣ среди такихъ полезностей находится *земля*, которая есть даръ природы, а не продуктъ труда, хотя трудъ и прилагается къ ея обработкѣ и даже къ улучшенію ея. Но это все таки не производство самой земли, въ смыслѣ опредѣленнаго пространства ея съ опредѣленными же естественными качествами. Такъ же можетъ быть захвачена въ исключительную собственность вода въ рѣкахъ или озерахъ, хотя ея еще болѣе чѣмъ достаточно для пользованія всѣхъ мѣстныхъ жителей, и многіе другіе естественные «дары» природы. Значитъ, полезности даровыя или свободныя могутъ принимать значеніе цѣнности благодаря *монополизированію ихъ въ собственность*, а это есть основаніе уже не экономическое, а *юридическое или правовое*, къ разсмотрѣнію котораго въ еще болѣе общемъ смыслѣ его и значеніи мы и переходимъ.

Мѣновая цѣнность была уже опредѣлена какъ *форма условная и историческая*; а всѣ таковыя явленія въ хозяйствѣ обусловлены той внѣшней обстановкой, при которой они происходятъ на той или иной ступени хозяйственнаго развитія. Важнѣйшей изъ этихъ обстановокъ является тотъ или иной *правовой строй или порядокъ*. Имъ-то прежде всего и опредѣляется «*быть или не быть*» чему-либо мѣновой цѣнностью или товаромъ, такъ какъ вообще для этого надо, чтобы данный предметъ могъ продаваться и покупаться, чтобы онъ былъ предметомъ обмѣна или обращенія и, говоря языкомъ юридическимъ, чтобы онъ былъ *объектомъ гражданскаго оборота*. Пояснимъ это примѣрами. Пока существовало рабство, невольничество и крѣпостное право, можно было покупать и продавать людей, и они имѣли поэтому свою опредѣленную цѣну на ряду съ другими товарами. Но уничтожаются эти формы зависимости и исчезаютъ люди изъ числа предметовъ гражданскаго оборота. Да даже и когда люди въ составъ ихъ входили, не для всѣхъ они этими объектами являлись, такъ какъ, на примѣръ, владѣть крѣпостными людьми и землями, къ которымъ они были прикрѣплены, могли только дворяне. Точно также и сама земля то включается въ число объектовъ гражданскаго или мѣноваго оборота, то исключается. Такъ маіоратныя земли, а до новѣйшихъ въ Россіи земель-

ныхъ реформъ и всѣхъ крестьянскія, такъ называемыя, надѣльныя земли не могли отчуждаться, т. е. продаваться, стало быть онѣ и не могли имѣть значенія мѣновой цѣнности и имѣть ту или иную ея величину. Гораздо раньше, т. е. еще въ средніе вѣка, владѣніе землей вообще составляло привилегію дворянства и духовенства, хотя и существовали еще общинныя земли. Тѣ и другія совсѣмъ почти не могли продаваться и покупаться; а это уже явленіе сравнительно новѣйшаго времени то, что называется *мобилизаціей* земли, т. е. свободнымъ обращеніемъ ея, подобно другимъ товарамъ; (хотя все таки сдѣлки по куплѣ-продажѣ земли регулируются особыми законами и требуется заключеніе особыхъ актовъ, называемыхъ *крѣпостными*, для нихъ). Еще болѣе ясный примѣръ вліяніе юридическихъ факторовъ, — это когда цѣны за товары или услуги регулируются не свободнымъ соглашеніемъ сторонъ въ дѣлѣ, а законодательной или административной властью, устанавливающей *таксы, тарифы* и т. п. искусственныя или несвободныя цѣны.

Но вліяніе юридическихъ условій сказывается на цѣнности еще и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ если будемъ разсматривать составныя части того, что составляетъ *издержки производства*, которыми непосредственно гораздо болѣе чѣмъ трудомъ вообще опредѣляется мѣновая цѣнность, то среди нихъ мы найдемъ опять таки, статьи, обусловленныя только этими юридическими условіями, какъ-то: владѣлецъ предпріятія, напр., фабрики, если она построена на чужой землѣ, долженъ платить собственнику этой земли плату за пользованіе ею. Съ его *частно-хозяйственной* точки зрѣнія—это несомнѣнно одна изъ издержекъ производства; но ея нельзя считать таковой съ точки зрѣнія чисто-экономической или *народно-хозяйственной*. Точно также на этомъ основывается вообще уплата арендаторомъ платы за пользованіе обрабатываемой имъ землей. Наконецъ на этой-же юридической основѣ покоится и весь процессъ *разложенія цѣнности товаровъ на составныя ихъ части въ смыслъ долей дохода тѣхъ или иныхъ участниковъ въ производствѣ тѣхъ же товаровъ*.

Такъ, если два лица, совершенно равной силы, обрабатываютъ два совершенно одинаковыя во всѣхъ отношеніяхъ участка земли, то продукты ихъ труда будутъ имѣть одинаковую цѣнность. Но въ то время, какъ одинъ изъ нихъ, будучи собственникомъ своего участка земли, получитъ весь продуктъ своего труда въ свою пользу, другой, работавшій на чужомъ, арендованномъ участкѣ, долженъ будетъ отдать часть продукта своего труда въ видѣ арендной платы за землю ея собственнику. Вотъ наиболѣе простыя и на-

глядныя послѣдствія вліянія юридическихъ условій на распредѣленіе продуктовъ производства или доходовъ.

Когда-же дѣло коснется капитала въ смыслѣ современной его категоріи, то тутъ вопросы уже осложняются и даже не могутъ быть сейчасъ во всей своей полнотѣ разъяснены, въ смыслѣ вліянія юридическихъ условій на цѣнность, даже въ видѣ примѣровъ, такъ какъ для пониманія ихъ требуется болѣе полное знакомство съ видами и составными частями капиталовъ. Пока-же достаточно будетъ имѣть въ виду только слѣдующее: современный капиталистъ затрачиваетъ на производство не трудъ свой или своихъ рабочихъ, а свой капиталъ, состоящій изъ разныхъ частей, (средствъ производства), но прежде всего изъ денегъ, играющихъ эту роль капитала вообще. Для него важнѣе всего то, чтобы въ производимой въ его предпріятіи и затѣмъ черезъ посредство обмѣна отчуждаемой цѣнности былъ не только воспроизведенъ весь затраченный имъ капиталъ (часть сразу, а часть исподволь), но чтобы была создана еще и такъ называемая *прибавочная цѣнность*, изъ которой онъ и получить прибыль на свой капиталъ по крайней мѣрѣ равную прибылямъ въ другихъ предпріятіяхъ. Какъ это дѣлается и какъ все это рассчитывается, здѣсь не время еще объяснять; но когда мы, выяснивъ предварительно условія производства и распредѣленія, будемъ затѣмъ анализировать рыночныя цѣны товаровъ и говорить объ цѣнѣ послѣднихъ вообще, тамъ мы и увидимъ, что всѣ эти только что перечисленныя явленія настолько осложняютъ вопросъ о цѣнности, что нельзя будетъ считать, что товары всегда продаются по своей трудовой цѣнности, т.-е. по количеству потраченнаго на ихъ производствѣ труда, а съ нѣкоторыми отклоненіями отъ этого основного своего начала. Одной изъ этихъ причинъ явится выравниваніе средней прибыли на капиталъ, какъ результатъ дѣятельности капиталистовъ, покоящейся на началахъ конкуренціи.

Всего сказаннаго можно признать пока достаточнымъ для выясненія основного или элементарнаго понятія *цѣнности* вообще и для сознательнаго пользованія этимъ понятіемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Теперь-же перейдемъ къ разсмотрѣнію соотношеній между обоими понятіями цѣнности и богатствомъ.

Б о г а т с т в о .

Еще въ свое время А. Смитъ почти совершенно вѣрно разъяснилъ, что надо понимать подъ богатствомъ, когда онъ сказалъ: «Человѣкъ богатъ или бѣденъ, смотря по тѣмъ средствамъ, на которыя онъ можетъ пріобрѣсти предметы первой необходимости удобства или удовольствія въ жизни». Съ этихъ-же словъ начинается свою главу (XX-ю) «О противоположеніи цѣнности богатству» наиболѣе талантливый и послѣдовательный, какъ логическій мыслитель, ученикъ А. Смита—*Давидъ Рикардо*. И если можно сказать, что по какому-либо вопросу наука наша сказала свое послѣднее слово, то, пожалуй, именно и только по этому, если конечно держаться воззрѣнія на общее основаніе цѣнности, только что изложеннаго и

главнымъ образомъ по ученію того-же Рикардо, и которое сводилось къ труду, потраченному на ея производство.

Можно принять вышешприведенное опредѣленіе богатства А. Смита нѣсколько исправленное Давидомъ Рикардо, а именно: «Человѣкъ богатъ или бѣденъ, смотря по обилію предметовъ первой необходимости или удобства, которыми онъ располагаетъ, и они одинаково служатъ потребностямъ владѣльца, какъ бы мала или велика ни была ихъ мѣновая цѣнность, по сравненію съ деньгами, хлѣбомъ или трудомъ». Тогда становится уже совершенно яснымъ, что понятіе богатства и цѣнности мѣновой не только между собой не совпадаютъ, но даже отчасти какъ бы противоположны. Между тѣмъ многіе писавшіе послѣ Смита, какъ напр. Сэй и др. считали возможнымъ опредѣлять богатство даже всего народа, какъ сумму мѣновыхъ цѣнностей, принадлежащихъ гражданамъ, составляющимъ по своей совокупности этотъ народъ.

Говоря еще короче — богатство въ чисто экономическомъ или народно-хозяйственномъ смыслѣ есть совокупность *всѣхъ предметовъ и условій, при помощи которыхъ прямо или непосредственно (предметами потребленія) и косвенно (средствами производства) могутъ быть удовлетворяемы потребности.* Слѣдовательно богатство можетъ опредѣляться и измѣряться соответственными качествами и количествами этихъ предметовъ, напримѣръ: много есть въ странѣ или много уродилось въ ней хорошаго хлѣба, много произведено фабричныхъ и т. п. продуктовъ, много проведено быстрыхъ и удобныхъ путей сообщенія, много есть здоровыхъ жилищъ и т. д. Если же все это можетъ совпадать до извѣстной степени съ понятіемъ цѣнности, то развѣ только съ потребительнымъ ея видомъ и тѣмъ, что раньше названо полезностью. Но даже и это совпаденіе не будетъ полнымъ, если подъ потребительной цѣнностью понимать не только свойства или способность предметовъ удовлетворять потребности (чистая полезность), но еще и принимать во вниманіе ихъ количество. Въ послѣднемъ случаѣ увеличеніе количества этихъ предметовъ, (потребительныхъ цѣнностей) по сравненію съ данной суммой или величиной потребности въ нихъ будетъ въ то же время уменьшать ихъ цѣнность. (Положимъ, что это увеличеніе ихъ количества вообще не связано со свойствами или качествами этихъ предметовъ, а зависитъ отъ условій добыванія или производства, т. е. сводится къ трудовому ихъ основанію, а это имѣетъ большее отношеніе къ мѣновой цѣнности). Въ то же время увеличеніе количества тѣхъ-же предметовъ, разсматриваемыхъ, какъ составныя части богатства (а не цѣнности), есть несомнѣнное увеличеніе того-же богатства самого по себѣ, по этому чисто объективному его осно-

ванію и мѣрилу — съ точки зрѣнія хозяйства цѣлой страны или народа.

Между тѣмъ, говоритъ Рикардо, «мѣновая цѣнность, зависитъ не отъ изобилія, а отъ трудности или легкости производства».

«Трудъ милліона людей на фабрикахъ, продолжаетъ Рикардо, производить всегда одну и ту-же мѣновую цѣнность, но не всегда одно и то-же богатство.

Вслѣдствіе изобрѣтенія машинъ, развитія ловкости рабочихъ, лучшаго раздѣленія труда или открытія новыхъ рынковъ, на которыхъ можно выгоднѣе мѣнять товары, милліонъ людей можетъ, при одномъ состояніи общества, удвоить или утроить богатство, въ отношеніи «предметовъ необходимости, удобствъ или удовольствія въ жизни», сравнительно съ тѣмъ, что производилъ тотъ же милліонъ рабочихъ раньше. Но они все таки ничего не прибавятъ къ мѣновой цѣнности продуктовъ, потому что мѣновая цѣнность каждаго предмета возвышается или понижается соотвѣтственно легкости или трудности производства, или другими словами—соотвѣтственно количеству труда, употребленнаго на производство».

Нагляднѣе это можно выразить слѣдующимъ примѣромъ: если при извѣстныхъ данныхъ условіяхъ производства 1 пара сапогъ равна по цѣнности 1 дюжинѣ паръ чулокъ, то, при улучшеніи условій производства послѣднихъ (напр., введеніемъ вязальныхъ машинъ) и при примѣненіи того же количества труда, чулки подешевѣютъ, положимъ, вдвое и произведено ихъ будетъ тоже вдвое больше. Тогда за ту же пару сапогъ можно будетъ получить уже не одну дюжину паръ чулокъ, а цѣлыхъ двѣ. Спрашивается: что тутъ измѣнилось, т. е. какъ это отразилось на цѣнности и богатствѣ? Прежде всего, несомнѣнно, упала вдвое мѣновая цѣнность чулокъ; потребительная цѣнность—въ смыслѣ способности удовлетворять соотвѣтственную потребность и въ смыслѣ качества чулокъ—осталась той же самой. Но если принимать, что величина потребительной цѣнности предметовъ связана съ количествомъ ихъ или отношеніемъ ихъ къ суммѣ потребностей, остающейся той же самой, то упадетъ вдвое и потребительная цѣнность. (Въ первомъ случаѣ имѣетъ мѣсто противорѣчіе между мѣновой и потребительной цѣнностью, во второмъ—его нѣтъ). Сумма-же народного богатства во всякомъ случаѣ отъ такого удешевленія чулокъ и увеличенія ихъ количества только увеличится, такъ какъ единственный правильный способъ измѣренія его величины есть исчисленіе только количества всѣхъ производимыхъ или имѣющихся уже въ распоряженіи всего народа благъ или предметовъ,—какъ товаровъ, такъ и всего, что производится въ собственномъ хозяйствѣ не для цѣлей сбыта, а для собственного употребленія.

Совсѣмъ другое соотношеніе и выводъ получаютъ, если отождествлять понятія богатства съ мѣновой цѣнностью, такъ какъ тогда богатство уменьшилось бы съ паденіемъ цѣнности и наоборотъ;

между тѣмъ паденіе цѣнности обыкновенно совпадаетъ съ увеличеніемъ ихъ количества. И такое неправильное смѣшеніе этихъ двухъ понятій очень часто имѣетъ мѣсто, если на значеніе этихъ понятій смотрятъ съ *частно-хозяйственной точки зрѣнія*, т. е. отдѣльныхъ лицъ или владѣльцевъ отдѣльныхъ частныхъ предприятий. Съ точки зрѣнія послѣднихъ, смотрящихъ на всѣ эти цѣнности лишь, какъ на *товары*, т. е. вещи предназначенные не для собственнаго потребленія, а для сбыта, значеніе имѣетъ не столько количество этихъ предметовъ, какъ ихъ мѣновая цѣнность или еще вѣрнѣе рыночныя цѣны, по которымъ они фактически будутъ проданы. И тогда увеличеніе количества этихъ предметовъ можетъ разсматриваться чуть ли не какъ несчастіе или бѣдствіе, какъ напр., когда въ странѣ уродится много хлѣба и онъ отъ этого подешевѣетъ. (См. объ этомъ выше, въ методологическомъ отд. стр. 77 и слѣд., особенно стр. 82—83, гдѣ приводится тотъ же примѣръ—значеніе хлѣбныхъ цѣнъ).

Въ исторіи торговли приводится извѣстный примѣръ, какъ голландцы, державшіе одно время въ своихъ рукахъ чуть не всю колониальную торговлю, однажды, въ виду паденія цѣнъ на рисъ или на сахарный тростникъ, топили въ морѣ свои суда съ этими товарами, чтобы такимъ путемъ поднять на нихъ цѣны. Очевидно они знали, что дѣлали, дѣйствуя въ своихъ личныхъ интересахъ, какъ торговцы. Можетъ быть, они тоже знали или понимали, что тѣмъ самымъ они уменьшали общую величину богатства своей страны, но только до этого имъ не было дѣла. Въ такомъ-же родѣ дѣйствуютъ въ настоящее время многіе синдикаты предпринимателей, умышленно сокращая количество производимыхъ ими товаровъ, или хотя бы только ограничивая количество ихъ, допускаемое на внутренній рынокъ. Такъ это дѣлалъ одинъ изъ первыхъ русскихъ синдикатовъ—свеклосахарныхъ заводчиковъ и недалеко отъ чего уходитъ правительственная нормировка этого производства. Все это имѣетъ цѣлю—искусственное повышеніе цѣнъ на эти товары; но, разумѣется, это совершенно противоположно интересамъ страны, какъ вѣскога цѣлаго, въ смыслѣ величины ея богатства. Съ точки зрѣнія послѣдняго нежелательно только такое паденіе цѣнъ товаровъ, которое спускалось бы ниже ихъ стоимости или издержекъ производства плюсъ нормальная прибыль на капиталъ; но обыкновенно дѣло сводится къ обезпеченію не этой нормальной, а сверхнормальной прибыли.

Въ дѣйствительности богатство, по мнѣнію Рикардо, можетъ увеличиваться слѣдующими двумя способами:

- 1) употребленіемъ болѣе значительной части дохода (страны) на содержаніе производительныхъ рабочихъ, что не только увеличитъ количество, но и возвыситъ мѣновую цѣнность продуктовъ, или
- 2) увеличеніемъ не количества, а производительности труда, вслѣдствіе чего увеличится масса продуктовъ, но не возвысится ихъ мѣновая цѣнность.

«Въ первомъ случаѣ, говоритъ Рикардо, не только страна сдѣлается

богаче, но возрастетъ и мѣновая цѣнность ея богатства. Она разбогатѣетъ вслѣдствіе сбереженія, т. е. вслѣдствіе сокращенія расходовъ на предметы роскоши и удовольствія и вслѣдствіе употребленія сбереженныхъ средствъ на новое производство.

Во второмъ случаѣ можетъ и не быть сокращенія расходовъ на предметы роскоши и удовольствія, можетъ и не увеличиться количество употребленнаго въ дѣло производительнаго труда, но при томъ-же количествѣ труда увеличится количество продуктовъ, а слѣдовательно, умножится богатство, но не возрастетъ мѣновая цѣнность.

Изъ этихъ двухъ способовъ умноженія богатства, надо отдать (по мнѣнію Рикардо-же) предпочтеніе второму, потому что онъ производитъ одинаковое дѣйствіе, но при томъ не лишаетъ насъ нашихъ удовольствій и не сокращаетъ ихъ, что неизбѣжно при первомъ изъ способовъ».

Итакъ, при опредѣленіи богатства надо всегда ясно ставить вопросъ о томъ—съ какой точки зрѣнія мы желаемъ на него отвѣтить, а именно: съ народно-или съ частно-хозяйственной, такъ какъ отвѣты могутъ получаться различные, а часто и неизбѣжно должны быть даже совершенно противоположные.

Различіе этихъ двухъ точекъ зрѣнія, такъ прекрасно проведенное у Рикардо по отношенію къ разлитію цѣнности и богатства, по отношенію къ другимъ вопросамъ и явленіямъ у большинства прежнихъ экономистовъ и даже у самаго Рикардо или совершенно отсутствуетъ или еще неясно (см. выше стр. 77 и слѣд.).

Съ точки зрѣнія народно-хозяйственной вопросъ можетъ считаться теперь уже достаточно выясненнымъ, какъ отчасти и съ частно-хозяйственной. Но съ послѣдней необходимо еще обратить вниманіе на вліяніе того-же фактора или условія, о которомъ говорилось уже въ связи съ понятіемъ цѣнности, а именно—*правового порядка* и возникающихъ на этой почвѣ *юридическихъ отношеній*.

Такъ было выше (см. стр. 262) указано, что иногда значеніе цѣнности приобрѣтаютъ даровыя полезности, т. е. не созданныя трудомъ, а только въ силу принадлежности ихъ на частномъ правѣ тѣмъ или другимъ лицамъ или учрежденіямъ. Точно также и богатствомъ или его источникомъ можетъ служить такое исключительное право, которое какое-либо лицо приобрѣтаетъ на предметы, болѣе или менѣе ограниченные въ своемъ количествѣ или сравнительно рѣдкіе, какъ называлъ ихъ Рикардо. Но только это уже будетъ богатствомъ исключительно съ точки зрѣнія частно-хозяйственной, такъ какъ на всю сумму увеличенія такимъ путемъ богатства владѣльца этихъ вещей, напр. земли или воды, которыми другіе люди прежде пользовались даромъ, богатство послѣднихъ уменьшится, ибо они должны будутъ отдавать за пользованіе этой водой или землей части своихъ имуществъ или доходовъ, которыя иначе оставались бы въ ихъ распоряженіе. Значитъ, въ данномъ случаѣ про-

изошло не увеличеніе богатства, а только иное его распредѣленіе. Между тѣмъ прежніе экономисты и тутъ разсуждали неправильно, а именно, что если отъ этого увеличилось богатство одного частнаго лица,—такъ какъ земля или вода пріобрѣли значеніе мѣновой цѣнности, котораго раньше онѣ не имѣли,—то отъ этого умножится и народное богатство, которое будто бы состоитъ изъ суммы частныхъ богатствъ.

Такъ разсуждали, на примѣръ Лодердаль и Сэй, съ которыми по сему поводу полемизируетъ Рикардо въ разсматриваемой главѣ его сочиненія.

Слѣдовательно частныя права отдѣльныхъ лицъ и возникающія изъ нихъ отношенія могутъ быть источникомъ богатства или доходовъ однихъ лицъ, будучи статьей убытка или расхода въ то же время для другихъ. (Другой примѣръ—вексель или вообще долговое обязательство, имѣющееся у одного лица (кредитора), есть часть его богатства. Но если бы бумага эта почему либо исчезла, и должникъ не захотѣлъ бы уплачивать своего долга, то въ составѣ богатства страны не произошло бы никакого измѣненія, а измѣнились бы только взаимоотношенія этихъ лицъ и распредѣленіе между ними ихъ имущества).

Придавая такое преобладающее значеніе опредѣленію богатства съ точки зрѣнія народно-хозяйственной, которая является въ то же время наиболѣе матеріальной и объективной, мы тѣмъ самымъ отнюдь не умаляемъ значенія богатства съ точки зрѣнія частно-хозяйственной, т.-е. того его вида, въ которомъ оно фактически проявляется въ громадномъ большинствѣ взаимоотношеній въ современной системѣ хозяйствъ—по преимуществу частныхъ-же.

Но тогда богатство изъ чисто-экономическаго понятія переходитъ въ исторически-правовое, становясь тѣмъ, что называется уже *имуществомъ*,—терминомъ юридико-экономическимъ; къ разсмотрѣнію каковаго понятія вообще и особенно важнаго вида его *капитала* мы и перейдемъ.

Литература по вопросу о цѣнности будетъ указана въ спеціальной части курса въ связи съ ученіемъ о рыночныхъ и товарныхъ цѣнахъ.

Капиталъ и имущество.

Капиталъ.

Противоположеніе капитала потребительному имуществу и опредѣленіе послѣдняго.—Опредѣленія капитала съ частно-хозяйственной и народно-хозяйственной точки зрѣнія.—Прежнее и настоящее объясненіе происхожденія капитала, значеніе сбереженія и его условность.—Производительное назначеніе предметовъ, входящихъ въ составъ имущества.—Капиталъ какъ историческая категорія.—Виды и части капитала; постоянный и переменный, предпринимательскій и ссудный, основной и оборотный. Участіе послѣднихъ въ составѣ продуктовъ производства и въ ихъ цѣнности.—Роль и вліяніе машинъ на составъ рабочихъ и ихъ положеніе.—Періоды обращенія капитала.—Различное значеніе капитала въ обрабатывающей промышленности и земледѣліи.

Въ прежнее время велись такіе-же ожесточенные споры по поводу опредѣленія *капитала*, какъ до сихъ поръ ведутся еще, какъ мы только что видѣли, по поводу понятія цѣнности ¹⁾. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ наукѣ болѣе или менѣе утвердилась постановка вопросовъ на двѣ самостоятельныя точки зрѣнія—*народнаго* и *частнаго* хозяйства (см. выше стр. 77 и слѣд.), споры и разногласія почти совершенно исчезаютъ. Происходили-же они потому, что сознательно или безсознательно одни экономисты становились исключительно на одну какую-нибудь изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія, а другіе на другую, и потому соглашенія не могло быть. Теперь-же нечего и согласовать несогласимое, такъ какъ одно опредѣленіе другому нисколько не противорѣчитъ, разъ что они устанавливаются съ различныхъ точекъ зрѣнія. Попробуемъ-же теперь дать эти два опредѣленія, которыя можетъ быть даже придется дополнить еще и третьимъ, но не вполне самостоятельнымъ.

Начнемъ съ того, что капиталъ, какъ бы на него ни смотрѣть, есть часть или народнаго богатства, или имущества какихъ либо лицъ. Въ свою очередь и богатство, и имущество съ экономической точки зрѣнія, т. е. по роли и значенію ихъ въ хозяйствѣ, могутъ быть раздѣлены на двѣ части, изъ коихъ только одну и будутъ представлять собою капиталы. Другая-же часть есть то, что капиталамъ противопоставляется,—а именно, *предметы потребленія* или *потребительное имущество*. Такъ какъ эти послѣднія понятія гораздо болѣе простыя, чѣмъ капиталъ, то ихъ и слѣдуетъ раньше опредѣлить; а выдѣливши ихъ изъ всего богатства народа или имущества того

---

¹⁾ *Н. Зиберъ* въ своемъ сочин. „Д. Рикардо и К. Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ“. 3-е изд. 1898 г. приводитъ довольно полный перечень и разборъ этихъ многочисленныхъ опредѣленій капитала.

или другого лица, мы въ остаткѣ и получимъ то, что будетъ называться капиталомъ. Что-же называется потребительнымъ имуществомъ или предметомъ потребления?—Отвѣтъ простой: *все, что непосредственно удовлетворяетъ наши потребности*, (о дѣйствіяхъ другихъ людей, или такъ называемыхъ «услугахъ», мы въ данномъ случаѣ не говоримъ, такъ какъ имѣемъ въ виду только *предметы* или *вещи*). Очевидно, что подъ такое опредѣленіе подойдутъ вещи самыя разнообразныя, которыя можно было бы различными способами классифицировать. Но мы, по крайней мѣрѣ въ этомъ мѣстѣ, дѣлать этого не будемъ, ибо это скорѣе вопросъ, относящійся къ процессу *потребленія*, гдѣ объ этомъ и должно говоритья подробнѣе. Здѣсь-же достаточно только обратить вниманіе на то, что *характеръ пользованія* или *потребленія* не играетъ въ данномъ случаѣ большой роли, а именно: покаместъ будетъ безразличнымъ—уничтожается ли предметъ сразу при потребленіи, какъ напр. ѣда и питье, горючіе матеріалы и т. п., или-же вещь служитъ цѣлому ряду моментовъ потребленія, портясь, изнашиваясь или разрушаясь въ однихъ случаяхъ быстрѣе, въ другихъ медленнѣе. Такъ напр. одежда изнашивается быстрѣе, чѣмъ приходитъ въ негодность домашняя утварь (мебель, посуда и т. п.); но въ свою очередь эта утварь разрушается быстрѣе, чѣмъ жилище, а изъ послѣднихъ—деревянныя раньше каменныхъ.

Въ свое время, преимущественно среди нѣмецкихъ экономистовъ начала и середины XIX вѣка (Германнъ, Мангольдъ и др.), существовало причисленіе предметовъ потребленія, могущихъ долго сохраняться, къ особому виду капиталовъ, а именно *Nutz-Kapital*, т.-е. *находящихся въ непосредственномъ пользованіи*, а имъ противопоставались капиталы, доставляющіе доходы — *Erwerbs-Kapital*. Но теперь понятіе капитала въ пользованіи или потребительнаго признается совершенно излишнимъ, такъ какъ капиталъ противопоставляется потребительному имуществу. Стоя на этой устарѣлой точкѣ зрѣнія можно, пожалуй, спорить о томъ, что когда домовладѣлецъ самъ живетъ въ своемъ домѣ, то пользуется ли онъ имъ какъ потребителемъ имуществомъ, или же извлекаетъ изъ него доходъ, если не прямо, то косвенно, такъ какъ это избавляетъ его отъ расхода на наемъ для себя жилого помѣщенія. Иначе это споръ о томъ: равнозначуще ли непосредственное пользованіе имуществомъ съ полученіемъ отъ него дохода? Но въ чемъ съ чисто экономической точки зрѣнія разница между пользованіемъ домомъ для жилья или кроватью, какъ его принадлежностью? И почему пользованіе домомъ подводится иногда подъ доходъ, а кроватью—нѣтъ? Разница только въ продолжительности пользованія и въ размѣрѣ цѣнности пользованія, что не существенно само по себѣ. Споръ этотъ не имѣетъ серьезнаго значенія ни въ теоріи, ни на практикѣ; развѣ только онъ можетъ вызывать нѣкоторыя сомнѣнія и вопросы съ финансовой точки зрѣнія, т.-е. какъ облагать налогами такіе дома или квартиры, занимаемыя домовладѣльцами-собственниками ихъ. А Мангольдъ въ свое время еще до-

казывалъ, что печка—это капиталъ, а дрова—нѣтъ; но, какъ мы увидимъ далѣе, и въ составѣ настоящаго капитала находятся части, потребляющіяся сразу—какъ матеріалъ, напр., хлопокъ, шерсть, желѣзо и т. п., съ одной стороны, и части, служащія производству долго—фабричныя зданія, машины. Поэтому раздѣленіе вещей на эти двѣ категоріи—служащихъ для быстрого потребленія или сразу (*Verbrauch*) или для медленнаго постепеннаго (*Gebrauch*)—не имѣетъ значенія. Правъ отчасти поэтому проф. *Платтеръ*, говоря, что это различіе вытекаетъ больше «изъ разнородности потребностей и не создаетъ никакой разницы въ хозяйственной роли и функции данныхъ благъ» ¹⁾. Но это, пожалуй, опять излишняя уступка или кивокъ въ сторону теоріи предѣльной полезности, такъ какъ, и независимо отъ рода потребностей, есть вещи и болѣе, и менѣе прочныя сами по себѣ, т.-е. въ объективномъ смыслѣ, (металлическая посуда прочнѣе стеклянной, кожаная обувь прочнѣе парусиновой и т. д.).

Съ народно-хозяйственной точки противоположеніе предметовъ потребленія капиталамъ особенно просто: хлѣбъ и мясо—это пища; платье, обувь, шляпы и т. п.—предметы одежды; дома, палатки—жилье или жилища; значить, все это предметы потребленія и только. Имъ и противопологаются капиталы, какъ *средства производства*, которыя въ свою очередь по большей части не могутъ быть ничѣмъ инымъ, въ видѣ фабрикъ и заводовъ, машинъ и орудій, сырыхъ или полуобработанныхъ матеріаловъ.

Съ частно-же хозяйственной точки зрѣнія вопросъ уже осложняется тѣмъ, что вещи, по существу своему являющіяся предметами потребленія, находясь въ исключительномъ обладаніи у однихъ лицъ, т. е. составляя ихъ имущество или собственность, могутъ для нихъ служить и *источникомъ дохода*, будучи продаваемы другимъ лицамъ, какъ это дѣлаютъ купцы, торгующіе предметами потребленія,—или-же отдавая эти вещи въ пользованіе—сдавая жилища въ наймы или вещи на прокатъ—экипажи, костюмы, посуду и т. п. Во всѣхъ послѣднихъ случаяхъ вещи эти и пріобрѣтаются не для собственнаго потребленія, а именно для цѣли *извлеченія изъ нихъ дохода*; а какъ только это сознано, то уже это и есть наиболѣе общее, широкое и элементарное понятіе или представленіе частно-хозяйственное или обывательское—о капиталѣ, какъ *имущество, приносящемъ доходъ его владѣльцу*. Подъ него слѣдовательно могутъ быть подведены, какъ мы только что видѣли, самые разнообразныя предметы; при этомъ для получателя дохода отъ такого капитала совершенно безразлично—есть-ли этотъ доходъ результатъ производства, т. е. созданія или преобразования цѣнностей, или же—простое перемѣщеніе ранѣе существовавшихъ цѣнностей изъ однихъ рукъ въ другія, какъ напр. плата за квартиру—доходъ или приходъ съ точки

¹⁾ Ю. Платтеръ. Основы ученія Пол. Экон., русск. пер., т. I, стр. 185.

зрѣнія домовладѣльца и въ то-же время расходъ съ точки зрѣнія жильцевъ.

Точно также своимъ доходомъ будетъ считать фабрикантъ выручку отъ продажи его издѣлій и землевладѣлецъ — отъ продажи имъ своего хлѣба; но въ этихъ послѣднихъ случаяхъ доходы эти суть результаты производства, слѣдовательно они и доходы съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, которая всегда можетъ быть только *производственной*.

Говоря о составныхъ частяхъ, входящихъ въ понятіе частно-хозяйственнаго капитала, мы имѣли все время въ виду матеріальные предметы, изъ коихъ многіе могли быть и предметами потребленія. Но къ нимъ необходимо еще отнести и *деньги*, которыя сами по себѣ такого значенія имѣть не могутъ. Однако, именно, деньги, въ современномъ хозяйствѣ чаще всего принимаются за капиталъ, что и вѣрно, и невѣрно. Онѣ являются таковымъ, когда ими пользуются какъ своего рода *фондомъ* или *источникомъ дохода*; но вѣдь въ такихъ-же деньгахъ выражаются и самые доходы или заработки, которые часто проходятъ черезъ руки получателей, не оставляя никакого слѣда,—когда онѣ просто проживаются. Наконецъ, въ составъ такихъ-же капиталовъ входятъ всякіе долговые документы, которые сами по себѣ вещами въ обычномъ смыслѣ слова считаться не могутъ, да непосредственно и деньгами тоже. А между тѣмъ обладаніе ими равнозначуще обладанію деньгами, такъ какъ это—свидѣтельства или доказательства того, что владѣлецъ ихъ отдалъ кому-то свои деньги въ ссуду или имѣетъ ихъ получить за уступленный въ кредитъ товаръ и т. п. За пользованіе-же ссудой или кредитомъ приходится платить проценты. Всѣми этими примѣрами достаточно разъяснено понятіе капитала, для краткости иногда именуемаго просто *частнымъ*; перейдемъ-же теперь къ тому, который называется тоже кратко капиталомъ *народнымъ*, т. е. съ народно-хозяйственной точки зрѣнія.

Не только съ чисто-экономической точки зрѣнія, но и съ житейской или разговорной *средства производства считаются капиталомъ*. И нѣтъ надобности нарочно расходиться съ такимъ словоупотребленіемъ, тѣмъ болѣе, что и большинство прежнихъ экономистовъ преимущественно въ такомъ именно смыслѣ и понимали капиталъ, (какъ напр. Рикардо, Д. С. Милль и др., вообще стоявшіе въ этомъ отношеніи на *производственной* и даже на современно-капиталистической точкѣ зрѣнія, тогда какъ А. Смитъ стоялъ болѣе на частно-хозяйственной точкѣ зрѣнія—извлеченія дохода изъ имущества). Первичныя представленія о капиталѣ,—если вообще они слагались въ умахъ людей,—тоже сводились къ опредѣленію капи-

тала, какъ орудій производства (см. выше развитіе этого понятія въ первомъ схематическомъ очеркѣ развитія хозяйства, гдѣ были указаны стадіи развитія капитала на разныхъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія). Но конечно, одного понятія «средствъ производства» для опредѣленія капитала еще мало; его надо еще развить и кое-чѣмъ дополнить, а именно:

Въ составъ «средствъ производства» входятъ *матеріалы и орудія*, при томъ только такія, которые *созданы предшествовавшимъ трудомъ*, (человѣческимъ, конечно). Назначеніе ихъ—быть средствомъ для созданія новыхъ цѣнностей, т. е. раньше или вовсе не существовавшихъ, или-же преобразуемыхъ въ новый болѣе совершенный, а потому и болѣе цѣнный видъ. На этомъ основаніи земля, какъ и прочія полезности (естественные дары природы), хотя и могутъ служить цѣлямъ производства, но названія капитала *не заслуживаютъ*, такъ какъ онѣ *не продукты предшествоващаго труда*. Такимъ образомъ полнымъ опредѣленіемъ капитала съ чисто- или абсолютно-экономической и народно-хозяйственной точки зрѣнія будетъ слѣдующее: *средства (орудія и матеріалы) производства, (т. е. для созданія новыхъ цѣнностей), являющіяся продуктомъ предшествоващаго труда*.

Прежніе экономисты часто замѣняли слова: «созданныя трудомъ» выраженіемъ «*накопленные или сбереженные*» продукты, придавая особенное, и даже преобладающее, значеніе накопленію или сбереженію. Теперь же хотя значеніе этихъ процессовъ и не отрицается вполнѣ, но сравнительно уменьшается или вводится въ извѣстные рамки. Поэтому и необходимо выяснить значеніе этихъ дѣйствій—накопленія и сбереженія.

Начать съ того, что это моменты *не творческіе*, не активные, а пассивные, ибо сберегать можно только то, что само по себѣ вообще или раньше *уже существовало*. Правда, что предметы эти, если бы они не были сбережены, то могли бы быть истрачены или израсходованы, т. е. пошли бы на непосредственное удовлетвореніе потребностей ихъ обладателей. Въ этомъ только смыслъ и можно было говорить о бережливости или воздержаніи владѣльцевъ этихъ предметовъ, какъ о нѣкоей ихъ добродѣтели, въ награду за которую владѣльцы ихъ превращались въ капиталистовъ и получали съ этого имущества доходъ. Но вѣдь это опять только частно-хозяйственная точка зрѣнія,—*распределительная*,—какъ касающаяся перемѣщенія цѣнностей изъ однихъ рукъ въ другія и въ частности сводящаяся къ сохраненію какихъ-то предметовъ въ рукахъ опредѣленныхъ лицъ. Въ такомъ *объясненіи* происхожденія капитала заключается вмѣстѣ съ тѣмъ и попытка *оправданія* обладанія

капиталомъ и полученія на него дохода, часто безъ всякаго труда со стороны его владѣльца.

Чтобы рѣзче подчеркнуть эту добродѣтель (бережливость или воздержаніе), слѣдуетъ ей противопоставить соотвѣтственный порокъ, которымъ и явилась бы расточительность. И если капиталистъ образецъ воздержанія, то кто-же это лицо или лица ему противопоставляемыя въ качествѣ некапиталистовъ?

Очевидно, что это никто иные, какъ рабочіе. Мы, значитъ, должны были бы признать послѣднихъ за этихъ расточителей или по крайней мѣрѣ за лицъ, не обнаруживающихъ воздержанія въ своемъ образѣ жизни.

Не договорились-ли мы однако такимъ путемъ до абсурда или нелѣпости, обвиняя рабочихъ въ невоздержанности или чуть-ли не въ широкомъ, если не въ расточительномъ, образѣ жизни, капиталистовъ же,—обыкновенно болѣе или менѣе богатыхъ людей,—считая чуть-ли не за монаховъ или аскетовъ?

Опытъ постановки и разрѣшенія вопроса этого на такой этической почвѣ или точкѣ зрѣнія, очевидно, долженъ быть признанъ неудачнымъ. И если бы въ этомъ заключались научные приемы такъ называемой *этической* школы экономистовъ (см. выше методологію), то она вполнѣ заслуживала бы порицанія или отрицанія. Но такое объясненіе происхожденія капитала заключалось въ нѣдрахъ старой, такъ называемой *классической* школы, у «жестокихъ» экономистовъ въ родѣ Рикардо, Мальтуса и особенно *Сеньора*, этого наиболѣе рьянаго идеолога капитализма или, вѣрнѣе, капиталистовъ, которому обыкновенно и приписывается честь изобрѣтенія такого объясненія происхожденія капитала и дохода на него. Въ нѣмецкой же, собственно историко-этической, школѣ такого объясненія мы, однако, не встрѣчаемъ; слѣдовательно она не грѣшна противъ объективизма или чрезмѣрной идеализаціей существующаго порядка хозяйства.

Но, оставя эту этику, обратимся къ чисто объективному дальнѣйшему разбору этого объясненія. Поставимъ вопросъ о томъ,—*что можно и чего нельзя сберегать или накапливать?* Очевидно, что возможно это по отношенію лишь къ тому, что можетъ быть и растрачено. А такими предметами могутъ быть только предметы потребленія или деньги. Что же касается до матеріаловъ и орудій, то по отношенію къ нимъ совершенно не примѣнимо и не допустимо сбереженіе, такъ какъ прежде всего оно было бы нелѣпо по своей нехозяйственности. Что означало бы, наиримѣръ, сбереженіе орудій труда или машинъ?—Лишь то, что они стояли-бы безъ дѣла, т. е. были бы такъ называемымъ *мертвымъ* капиталомъ. Они отъ этого и не возрастали бы въ своемъ размѣрѣ, и не приносили бы дохода, такъ какъ не служили бы прямому своему назначенію—быть средствами производства. Значитъ, ихъ сберегать или воздерживаться отъ ихъ потребленія никакъ не возможно.

Слѣдовательно сберегать можно, какъ уже сказано, только предметы потребленія; но простое накопленіе ихъ само по себѣ тоже никакого интереса не представляло бы для лица, собирающагося такимъ путемъ превратиться въ капиталиста. Значитъ, ихъ надо не только сберечь, но и *дать имъ производительное назначеніе*, т. е. если это, на примѣръ, жизненные припасы, то кормить ими промышленныхъ или производительныхъ рабочихъ, которые,—какъ это раньше всѣхъ превосходно выяснилъ нашъ первоучитель А. Смитъ, разъясняя по своему значенію производительнаго труда (см. выше стр. 217),—своимъ трудомъ не только окупилъ бы свое содержаніе или, что все равно,—денежное вознагражденіе, если на нихъ были употреблены накопленные деньги, — но и создали бы еще для своего нанимателя нѣкоторую прибыль на капиталъ. И тутъ А. Смитъ не столько говорилъ о накопленіи этихъ предметовъ продовольствія или денегъ, сколько именно о производительномъ ихъ назначеніи, противопоставляя послѣднее непроизводительному, въ родѣ содержанія большого количества домашней прислуги и вообще тратъ на личное потребленіе. Вотъ въ этомъ-то и заключается настоящее объясненіе и происхожденія капитала, и дальнѣйшаго его возрастанія, да кстати уже и происхожденія дохода на него, къ чему также близко подходилъ и Рикардо, и Д. С. Милль, какъ мы увидимъ яснѣе, когда будемъ разбирать разныя теоріи происхожденія прибыли на капиталъ. Сейчасъ же изъ всего этого можно сдѣлать только слѣдующій заключительный выводъ: такъ какъ въ составъ капитала или средствъ производства могутъ входить, съ одной стороны, матеріалы и орудія, которыя ничѣмъ другимъ, какъ только капиталомъ быть не могутъ а, съ другой стороны,—средства для прокормленія рабочихъ или деньги, идущія на выдачу имъ заработной платы, то только эта вторая категорія предметовъ можетъ быть сбережена или неубережена отъ непосредственнаго потребленія ея владѣльцемъ-капиталистомъ.

Значитъ, только по отношенію къ этой части капитала или къ такимъ предметамъ можетъ быть поставленъ вопросъ: «быть или не быть» имъ капиталомъ? И этимъ исчерпывается или суживается значеніе сбереженія, какъ одного изъ условій образованія капитала; но и тутъ суть дѣла не столько въ самомъ сбереженіи или воздержаніи, сколько въ обращеніи этихъ предметовъ на производительное назначеніе или на ихъ *воспроизведеніе*, достигаемое наймомъ соотвѣтственныхъ рабочихъ, т. е. покупкой на эти средства ихъ труда. А отсюда конечный выводъ, что *капиталъ создается предшествующимъ и воспроизводится послѣдующимъ трудомъ*, а возрастаетъ онъ, если изъ произведенной такимъ путемъ, т. е. тру-

домъ рабочихъ, прибыли часть ея обращается на дальнѣйшее расширение производства.

Покончивъ съ этими общими конструкціями понятій капитала, т. е. независящими отъ внѣшнихъ формъ его проявленія, перейдемъ теперь къ тому, что называется *исторической категоріей* капитала. Подъ этимъ понимается внѣшнее проявленіе капитала въ современномъ хозяйствѣ, заимствующемъ отъ него даже свое названіе— *капиталистической системы*, что указываетъ на господствующую или преобладающую въ ней роль и значеніе капитала самого по себѣ, т. е. какъ нѣкоторой самостоятельной силы. Какъ это исторически произошло,—на это уже въ общихъ чертахъ и было указано въ историческомъ очеркѣ процесса развитія хозяйства; поэтому повторять здѣсь сказанное тамъ нѣтъ надобности. Но необходимо подчеркнуть еще разъ нѣкоторые наиболее важные моменты въ этой исторической роли капитала.

Такъ, если уже въ самыхъ первобытныхъ періодахъ или ступеняхъ хозяйства капиталъ проявлялся уже въ видѣ простыхъ орудій труда, то тогда онъ не игралъ еще никакой самостоятельной роли. Это были только простые средства и условія производства, увеличивавшія производительность труда. Орудія эти принадлежали тѣмъ людямъ, которые сами ими пользовались; и потому главнѣйшую роль игралъ трудъ, въ смыслѣ его напряженности и ловкости или искусства въ работѣ, въ томъ числѣ владѣнія этими орудіями труда (охотничьими, рыболовными, земледѣльческими и позднѣе ремесленными). Сами по себѣ орудія эти не могли поэтому служить *источниками дохода* для ихъ владѣльцевъ.

Это только въ умахъ и въ изложеніи представителей абстрактной или точной австрійской школы (у Бэмъ-Баверка и т. п.) для разъясненія *современной* роли капитала и дохода на него дѣлаются постоянныя ссылки на эти первобытныя ступени хозяйства, когда будто бы одни лица ссужали другимъ охотничьи и рыболовныя принадлежности, требуя себѣ за нихъ извѣстной доли въ соотвѣтственной добычѣ; этимъ и объясняли они яко бы естественность и абсолютность категоріи дохода на капиталъ. Но вѣдь это даже не отвлеченія отъ современной дѣйствительности, а экскурсіи и не историческія, а quasi-логическія въ формы хозяйства, ничего общаго съ современностью не имѣющія.

Если въ свое время, при существованіи рабства и крѣпостного права, трудъ соотвѣтственныхъ лицъ служилъ источникомъ дохода для ихъ владѣльцевъ, то это далеко еще не было капитализмомъ и вытекало не изъ него, а изъ другихъ соціальныхъ условій, именно—существованія такихъ общественныхъ формъ жизни, т. е. этихъ юридико-политическихъ основаній господства однихъ лицъ или группъ и зависимости отъ нихъ другихъ.

Точно также, когда позднѣе, съ развитіемъ общественнаго раздѣленія труда и вытекавшаго изъ него обмѣна, началось отчасти уже *простое* товарное производство и обращеніе, то капиталъ, въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ денежныхъ суммъ, сталъ проявляться лишь въ качествѣ *торговаго* и отчасти *ссуднаго-ростовщическаго*. Въ производствѣ-же онъ еще не могъ тогда играть настоящей современной своей роли по только что указаннымъ причинамъ.

И только съ осуществленіемъ началъ свободы и равноправности, т. е. съ уничтоженіемъ прежнихъ формъ личной или сословной зависимости, съ появленіемъ класса *свободныхъ вольнонаемныхъ рабочихъ*, создалась настоящая почва для капитализма.

Другимъ основаніемъ капитализма является *отдѣленіе средствъ производства отъ этихъ рабочихъ и сосредоточеніе ихъ въ рукахъ класса капиталистовъ*. При такихъ условіяхъ трудъ рабочихъ начинаетъ обращаться на рынкѣ въ видѣ особаго, условнаго конечно, *товара—работы*. Послѣдняя пріобрѣтается капиталистомъ нанимателемъ такъ-же, какъ и настоящія средства производства (орудія и матеріалы), на деньги ради извлеченія изъ всего этого дохода, называемаго *прибылью на капиталъ*. Таковая и создается трудомъ этихъ рабочихъ въ видѣ *прибавочной цѣнности*, такъ называемой потому, что она образуется сверхъ воспроизведенія рабочими стоимости ихъ средствъ существованія, равняющейся полученной ими заработной платѣ. Трудъ рабочихъ при этомъ пріобрѣтается по его *мѣншовой цѣнности* (стоимости воспроизведенія рабочей силы, не только наличной, но и въ слѣдующихъ поколѣніяхъ). А потребленіе того-же труда рабочихъ капиталистомъ, т. е. *пользованіе ихъ работой*, есть овеществленіе труда въ производимомъ продуктѣ или его (труда) *потребительная цѣнность*. Послѣдняя при этомъ оказывается болѣею, чѣмъ мѣншова ея цѣнность, въ чемъ и заключается основной источникъ прибыли на капиталъ. (Подробнѣе обо всемъ этомъ говорится въ ученіи о распредѣленіи доходовъ).

Всего-же сказаннаго достаточно для выясненія того, что такое капиталъ, какъ *историческая категория*, а именно: это средства производства дающія возможность владѣльцу ихъ получить доходъ, хотя бы безъ труда со своей стороны, но при помощи труда нанятыхъ рабочихъ. Какъ наиболѣе общая или внѣшняя его форма, это—денежныя суммы, ищущія и находящія себѣ прибыльное помѣщеніе въ хозяйствѣ вообще и въ производствѣ въ особенности, для чего онѣ превращаются въ соотвѣтственные товары. Это можетъ быть выражено въ слѣдующей формулѣ, (обозначая деньги буквой Д и товары—Т): $D—T—D'$, гдѣ $D' > D$, т. е. первоначальная сумма

денегъ превращается въ бѣольшую величину. Въ число-же товаровъ, пріобрѣтаемыхъ для этой цѣли капиталистомъ, входятъ, какъ простые или обыкновенные, въ видѣ матеріаловъ и орудій производства, такъ и этотъ особенный товаръ — работа. Первые играютъ роль такъ сказать *пассивную*, такъ какъ матеріалы служатъ предметомъ или объектомъ труда (онъ къ нимъ прилагается); орудія-же, будучи сами по себѣ созданы предшествующимъ трудомъ, только увеличиваютъ производительность того-же труда; и только самъ трудъ или вѣрнѣе его представители являются факторомъ *активнымъ* или творческимъ, такъ какъ трудъ создаетъ и цѣнность вообще, и прибавочную въ этомъ капиталистическомъ процессѣ производства въ особенности. Съ точки-же зрѣнія капиталиста и этотъ покупаемый имъ трудъ входитъ въ составъ средствъ производства.

Изъ этого видно, что капиталъ какъ бы распадается на двѣ части: одна, которая выражается въ средствахъ производства самихъ по себѣ (орудія и матеріалы),—это то что Марксъ называетъ *постояннымъ* капиталомъ, и другую, которая выражается въ трудѣ рабочихъ и соотвѣтствуетъ ихъ средствамъ существованія или денежной суммѣ, расходуемой на покупку труда рабочихъ или на ихъ заработную плату. Эта часть называется *переменнымъ* капиталомъ; и она заслуживаетъ такого названія, такъ какъ она измѣняется, воспроизводясь съ нѣкоторымъ излишкомъ противъ первоначальной своей величины въ видѣ прибавочной цѣнности.

Такъ какъ фабрикантъ или заводчикъ въ современномъ хозяйствѣ самъ не сбываетъ продуктовъ своего производства непосредственно потребителямъ, а они получаютъ ихъ черезъ посредство торговцевъ-посредниковъ, то съ послѣдними, какъ собственниками торговаго капитала, и приходится дѣлиться фабриканту частью своей прибыли за эту ихъ услугу. Точно также, если владѣлецъ предприятия имѣетъ въ своемъ дѣлѣ не исключительно свой собственный капиталъ, который называется *предпринимательскимъ*, а беретъ въ займы или въ ссуду капиталъ у другихъ лицъ (кредиторовъ), то этотъ послѣдній капиталъ и называется поэтому *ссуднымъ*. За пользование имъ заемщику приходится также уступать часть своей прибыли въ видѣ *процента* на ссудный капиталъ, какъ другого вида дохода на капиталъ.

Различіе между предпринимательскимъ и ссуднымъ капиталомъ, съ одной стороны, и между прибылью и процентомъ, съ другой, заключается въ слѣдующемъ:

Предпринимательскій капиталъ—это собственный владѣльца предприятия; ссудный же—чужой, занятый. На первый получается доходъ, называемый *прибылью* или *барышемъ предпринимателя*, а

на второй—процентъ или ростъ. Величина прибыли заранее неизвѣстна; она зависитъ отъ успѣха предпріятія, вмѣсто нея иногда можетъ быть даже и убытокъ. Процентъ-же есть выговоренная заранее плата за пользованіе чужимъ ссуднымъ капиталомъ; а потому высота процента есть величина заранее опредѣленная или постоянная. Роли владѣльцевъ этихъ двухъ видовъ капиталовъ также отличаются между собою, а именно: предпринимательскимъ капиталомъ распоряжается самъ собственникъ его, т.-е. онъ играетъ роль болѣе или менѣе активную; между тѣмъ, какъ ссудный капиталъ для того, чтобы приносить доходъ его собственнику долженъ перемѣнить своего владѣльца, т.-е. перейти изъ однихъ рукъ въ другія—отъ кредитора или вѣрителя къ заемщику или должнику. Собственникъ этого капитала играетъ поэтому роль чисто *пассивную*, такъ какъ онъ не участвуетъ въ распоряженіи своимъ капиталомъ, предоставляя эту роль заемщику.

Особенно рельефно роли этихъ двухъ видовъ капитала и соответственныхъ на нихъ доходовъ выступаютъ въ предпріятіяхъ акціонерныхъ. Въ нихъ совладѣльцы-пайщики, они же и акціонеры, вкладываютъ свои капиталы, въ удостовѣреніе чего имъ выдаются бумаги, называемыя *акціями*; на нихъ они получаютъ доходъ, именуемый *дивидендомъ*, котораго величина выясняется по составленіи годового отчета, и потому онъ относится къ типу прибыли. Лица же, ссудившіе этому предпріятію свои капиталы, получаютъ въ удостовѣреніе этого бумаги, называемыя *облигаціями* (обязательства), на которыя выплачивается заранее опредѣленный процентъ.

Кромѣ указанныхъ видовъ и подраздѣленій капитала есть еще одно, установленное еще Д. С. Миллемъ, имѣющее преимущественно *технико-экономическое* значеніе, а именно раздѣленіе капиталовъ на основной и оборотный. Тутъ части его различаются по непосредственной роли, которую онѣ играютъ въ производствѣ, а именно:

Подъ *основнымъ* капиталомъ подразумѣваются всѣ такія составныя части его, которыя, такъ сказать, заложены въ основу его и служатъ долго предпріятію, лишь медленно портясь и разрушаясь. Сюда относятся: 1) фабричныя зданія и постройки, въ которыхъ производятся работы или хранятся матеріалы и продукты; 2) орудія труда—инструменты, машины, двигатели, 3) въ сельскомъ хозяйствѣ всѣ искусственныя улучшенія, произведенныя трудомъ въ самой землѣ, въ родѣ искусственнаго орошенія или осушенія и т. п., 4) шахты и другія болѣе или менѣе постоянныя подземныя и надземныя сооруженія въ горнозаводскомъ дѣлѣ; 5) желѣзнодорожныя сооруженія и вообще искусственныя пути и средства сообщенія—дороги, каналы, шлюзы, суда и пр.

(Нѣкоторые экономисты называютъ эту часть или этотъ видъ капитала—*постояннымъ*, что допустимо вообще, но лучше этого избѣгать,

чтобы не смѣшивать этотъ видъ капитала—основной съ постояннымъ, какъ противоположнымъ переменному, какъ ихъ дѣлать на эти два вида К. Марксъ).

Оборотнымъ-же капиталомъ называются такія его составныя части, которыя служатъ только одинъ разъ производительному процессу или одному обороту, какъ-то: 1) *главный матеріалъ*, изъ котораго производятся или выдѣлываются продукты, какъ напр., хлопокъ, шерсть, шелкъ, желѣзо, дерево и т. д. (сырой матеріалъ или полуфабрикатъ въ видѣ бумажныхъ, шерстяныхъ или шелковыхъ нитей и т. п.), а также *вспомогательные* матеріалы, въ видѣ красильныхъ, дубильныхъ, смазочныхъ и т. п. веществъ, далѣе, различные виды топлива—дрова, уголь и нефть, (но не вода которою пользуются какъ двигательной силой или для паровыхъ котловъ изъ водопадовъ или изъ рѣкъ, озеръ и т. п., такъ какъ она является тутъ свободной или даровой полезностью, какъ находящаяся обыкновенно чуть-ли не въ неограниченномъ количествѣ, если только источникъ этой силы не захваченъ въ исключительную собственность какихъ-либо лицъ и учреждений); 2) сюда же, но только съ частно-хозяйственной или условной точки зрѣнія, относятся средства существованія (питательные продукты), которыми иногда снабжаютъ рабочихъ ихъ наниматели, (въ то время какъ съ народно-хозяйственной точки зрѣнія—это предметы потребленія); 3) наконецъ, такъ какъ всѣ эти предметы въ современномъ хозяйствѣ приобретаются обыкновенно на деньги (хотя бы и въ кредитъ), то и самыя деньги, идущія на всѣ эти цѣли, какъ и на расплату съ рабочими, тоже причисляются къ составу предпринимательскаго капитала. (Деньги при капиталистической системѣ хозяйства вообще непрерывно превращаются въ товары—средства производства, а при продажѣ продуктовъ производства снова превращаются въ деньги: Д—Т—Д', но только съ извѣстнымъ ихъ приращеніемъ).

Участіе каждаго изъ этихъ двухъ видовъ капиталовъ въ производствѣ продуктовъ и въ образованіи ихъ цѣнности неодинаково, а именно:

Въ составѣ самихъ продуктовъ производства (въ существо или вещество издѣлій) основной капиталъ самъ по себѣ не входитъ входитъ-же въ нихъ только оборотный капиталъ, да и то не весь, а только весь главный матеріалъ и часть вспомогательнаго, напр. красильныя вещества, но не смазочныя для зубчатыхъ колесъ и никакъ ужъ не топливо, которое сгораетъ въ печахъ, между тѣмъ какъ главный вспомогательный матеріалъ только преобразуются изъ сырого вида въ полусырой или изъ послѣдняго въ готовые продукты. Поскольку трудъ рабочихъ выражается въ этомъ пре-

образованіи матеріала, можно пожалуй считать, что и онъ входитъ въ продукты или въ издѣлія. Но, строго говоря, работа не есть настоящій товаръ, ибо она неотдѣлима отъ ея продавца-рабочаго, и потому въ буквальномъ смыслѣ въ составъ продуктовъ производства онъ не входитъ.

Совсѣмъ иначе рѣшается вопросъ, какъ входятъ въ составъ цѣнности продуктовъ тотъ и другой видъ капитала, а именно:

Оборотный капиталъ, т.-е. тотъ, который тратится или потребляется непрерывно, преобразуясь въ продуктъ производства или сгорая въ печахъ, онъ входитъ въ цѣнность продукта весь цѣликомъ и безъ всякаго измѣненія въ величинѣ своей цѣнности, такъ сказать, только перенося ее на цѣнность продукта. Это значитъ, что весь потребленный въ теченіе рабочаго дня или года оборотный капиталъ въ видѣ соответственныхъ матеріаловъ войдетъ въ цѣнность произведенныхъ въ это же время продуктовъ, а затѣмъ потребуются полное возобновленіе тѣхъ-же матеріаловъ; оттого этотъ капиталъ и называется оборотнымъ, что онъ какъ бы непрерывно обращается въ предпріятіяхъ, проходитъ черезъ него насквозь, служа каждый разъ только одному его обороту.

Не то относительно основнаго капитала: онъ, какъ уже было сказано, расходуется или потребляется лишь медленно, исподволь изнашивается, (истираются зубцы и другія, особенно трущіяся, части машинъ и орудій, зданія также медленно разрушаются и потому требуется непрерывный или періодическій ихъ ремонтъ).

Поэтому, если машины, напримѣръ, могутъ служить предпріятію 10 лѣтъ, а зданія 50, то на цѣнность годового продукта производства перейдетъ только $\frac{1}{10}$ часть цѣнности машинъ и $\frac{1}{50}$ —зданій; а на продуктъ одного рабочаго дня, если ихъ въ году 300,—перейдетъ $\frac{1}{10 \cdot 300} = \frac{1}{3000}$ часть цѣнности машинъ и $\frac{1}{50 \cdot 300} = \frac{1}{15000}$ зданій.

Что же касается до части капитала, истраченной на покупку труда или на наемъ рабочихъ, то она, (какъ *переменный* капиталъ), переходитъ въ цѣнность продукта съ нѣкоторымъ приращеніемъ.

Вслѣдствіе только что приведенныхъ условій перехода частей капитала въ цѣнность продуктовъ производства, какъ и въ самые продукты, могло бы казаться, что въ сущности выгода извлекается капиталистомъ только изъ одного переменнаго капитала, какъ переходящаго въ цѣнность съ приращеніемъ въ то время, какъ постоянный капиталъ переходитъ въ цѣнность безъ измѣненій—сразу весь, какъ оборотный, или по частямъ, какъ основной. Въ дѣйствительности-же и послѣдній, т.-е. основной, хоть и не прямо, такъ косвенно, тоже содѣйствуетъ образованію большей прибавочной цѣн-

ности, будучи однимъ изъ главнѣйшихъ техническихъ условій, увеличивающихъ производительность труда. А всякія улучшения, вводимыя въ способы производства, въ томъ числѣ въ особенности въ машины и орудія, относятся къ измѣненію и увеличенію основного капитала, составляющаго часть постояннаго. Трудъ-же дѣлаясь болѣе производительнымъ, создаетъ бо́льшую цѣнность въ прежній срокъ или прежнюю цѣнность въ меньшій срокъ; вслѣдствіе этого выгодно бываетъ переводить часть переменнаго капитала въ постоянный, когда это ведетъ къ лучшему оборудованію предпріятія введеніемъ усовершенствованныхъ машинъ и др. условій производства. Соотвѣтственно этому признается *высшимъ органическимъ строеніемъ* капитала такое, въ которомъ постоянный капиталъ сравнительно или относительно больше, а переменный меньше, нисшимъ же—обратное соотношеніе. А это *отражается непосредственно на составъ и положеніи рабочихъ*. На практикѣ, какъ мы видѣли уже это въ историческомъ очеркѣ, моментъ изобрѣтенія и введенія машинъ въ концѣ XVIII вѣка въ Англии, а затѣмъ и въ другихъ странахъ, сопровождался именно такимъ измѣненіемъ строенія капиталовъ. т.-е. бо́льшая часть суммъ стала тратиться на машины и меньшая на рабочихъ, частью сокращеніемъ числа послѣднихъ, частью замѣной взрослыхъ малолѣтними, несовершеннолѣтними и женщинами. Отсюда неблагопріятное вліяніе машинъ на благосостояніе рабочихъ, особенно въ первый самый острый періодъ этой промышленной революціи. Съ теченіемъ-же времени достигнутое благодаря всѣмъ этимъ переменамъ удешевленіе стоимости производства многихъ товаровъ, увеличивъ ихъ доступность для бо́льшихъ массъ населенія, вызвало такое дальнѣйшее расширение размѣровъ ихъ производства, что потребовалось еще больше рабочихъ, чѣмъ было занято раньше. Поэтому благосостояніе рабочихъ стало опять нѣсколько улучшаться. Но все таки увеличеніе производительности труда и упрощеніе самихъ работъ достигаемое машиннымъ и вообще механическимъ производствомъ, приводитъ къ тому, что и до послѣдняго времени замѣчается еще тенденція въ крупной промышленности быстрѣе увеличивать число занятыхъ въ ней женщинъ и несовершеннолѣтнихъ, чѣмъ взрослыхъ мужчинъ, и даже замѣчается преобладаніе первыхъ надъ вторыми въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности.

Въ очень живо и популярно-изложенномъ сочиненіи Гобсона; «Эволюція современнаго капитализма» приводится множество данныхъ, подтверждающихъ все только что высказанное, изъ коихъ наиболѣе типичны слѣдующія: въ Англии за время съ 1841—1891 г. во всѣхъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности число рабочихъ мужчинъ увеличилось только

на 53%, женщинъ же—на 221%; а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, какъ напр., въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ и въ приготовленіи одежды число мужчинъ даже и абсолютно уменьшилось. Такъ въ первой отрасли съ 1851—1881 г. число мужчинъ упало съ 394.400 на 345.000, а число женщинъ поднялось съ 390.000 до 505.200. Только въ хлопчато-бумажной промышленности съ 1881—1891 г. замѣчается опять нѣкоторое увеличеніе рабочихъ мужчинъ. Въ приготовленіи одежды съ 1851—1881 г. число мужчинъ упало съ 377.000 на 335.900, а женщинъ увеличилось съ 441.000 до 589.000. Къ 1891 г. число мужчинъ опять нѣсколько увеличилось, но гораздо меньше, чѣмъ женщинъ, а именно: первыхъ—до 408.000, а вторыхъ—до 691.000. Женщины завоевываютъ себѣ и новыя отрасли промышленности, какъ химическія, газовое, производство часовъ, игрушекъ и др. Только въ выдѣлкѣ и обработкѣ металловъ и вообще тамъ, гдѣ требуется большая сила или выдержка, мужчины еще преобладаютъ. Вообще, гдѣ и когда проявляется вполнѣ свободное развитіе экономическихъ силъ, машины также больше благопріятствуютъ труду дѣтскому, чѣмъ взрослыхъ. Такъ въ текстильныхъ отрасляхъ промышленности Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ трудъ женщинъ и дѣтей еще больше преобладаетъ, чѣмъ въ Англій, а именно въ 1881 г. число женщинъ и дѣтей было 112.859, а мужчинъ лишь 59.685; въ частности же въ Массачузетсѣ изъ 61.246 всѣхъ рабочихъ взрослыхъ мужчинъ было только 22.180 ¹⁾).

Будучи предоставлены собственному развитію, экономическія силы сами по себѣ приводили также *не къ сокращенію продолжительности рабочаго дня*,—какъ казалось бы должно было это вытекать изъ назначенія машинъ—облегчать трудъ,—а къ его удлинненію. Это вытекаетъ изъ естественнаго стремленія фабрикантовъ-капиталистовъ, которымъ принадлежатъ машины,—утилизировать возможно дольше въ теченіе дня свои машины, т.-е. чтобы онѣ какъ можно меньше пребывали въ роли *мертваго* капитала. И только развивающееся фабричное законодательство по сокращенію продолжительности работы явилось средствомъ противодѣйствія этому ходу развитія машиннаго производства. Но и эти мѣры вызываютъ дальнѣйшія усовершенствованія машинъ и обусловленную этимъ бѣольшую экономію заработной платы, привлеченіемъ большаго количества женщинъ и дѣтей, какъ болѣе дешевыхъ рабочихъ. Поэтому *экономія высшей заработной платы и болѣе короткаго рабочаго дня*, сознававшаяся и осуществлявшаяся при преобладаніи значенія *личныхъ* качествъ и усилій рабочихъ, т.-е. выгодность для фабриканта выше оплачиваемаго и потому лучшаго качества труда, не можетъ считаться *общей* тенденціей развитія современной промышленности.

Правда, Шульце-Геверницъ, въ цитированномъ уже нами его

¹⁾ Гобсонъ. Эволюція современнаго капитализма. 1898 г., русск. пер., стр. 319—326 и друг.

трудѣ о крупной промышленности, пытался въ свое время доказать такую тенденцію даже и во всѣхъ машинныхъ производствахъ, но Гобсонъ это опровергнулъ, сведя такую тенденцію лишь къ нѣкоторымъ производствамъ, гдѣ отъ рабочихъ безусловно требуется большое развитіе, вниманіе и пр. достоинства вслѣдствіе техническихъ трудностей работы, требованій точности (въ чисто механическихъ производствахъ). Въ другихъ-же отрасляхъ преобладаетъ тенденція къ экономіи нисшей заработной платы и тамъ-то преимущественно и замѣчается преобладаніе труда женскаго и дѣтскаго.

Въ Россіи съ ея сравнительно молодой и мало развитой обрабатывающей промышленностью число рабочихъ-женщинъ по сравненію съ мужчинами еще не велико. Такъ по даннымъ Центрального Статистическаго Комитета за 1906 г. (единственный наиболее полный сводъ данныхъ о числѣ рабочихъ въ Россіи) изъ общаго числа 3.221.556 рабочихъ (на фабрикахъ и заводахъ, въ горнозаводскомъ дѣлѣ, на желѣзныхъ дорогахъ и другихъ путяхъ сообщенія, въ строительныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ, чернорабочихъ и прислуги) мужчинъ было 2.776.503, а женщинъ—445.062, т.-е. первыхъ 86⁰/₀, а вторыхъ 14⁰/₀ или на 1.000 мужчинъ приходится только 160 женщинъ. Это несомнѣнно доказываетъ невысокій еще уровень техники нашей промышленности. Изъ отдѣльныхъ отраслей промышленности какъ и слѣдовало ожидать, всего больше процентное отношеніе женщинъ въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ, а именно болѣе 70⁰/₀ отъ числа мужчинъ (мужч. 310 тыс., а женщ. 219 тыс.), а въ табачномъ производствѣ женщинъ даже больше, а именно 17.371 противъ 10.620 мужчинъ, не говоря уже о скорѣе чисто домашнихъ промыслахъ—чистота тѣла и обезпеченіе гигиены, гдѣ женщинъ 30.744, а мужчинъ 11.751, т.-е. первыхъ больше почти втрое, но тутъ уже машины ровно не причемъ. Зато въ земледѣліи женщины составляютъ безъ малаго половину числа рабочихъ мужчинъ (45⁰/₀).

Вообще, конечно, нельзя отрицать роста и развитія русской обрабатывающей промышленности, особенно быстро въ силу чисто естественныхъ причинъ въ первое 20-лѣтіе послѣ освобожденія крестьянъ, когда увеличивалось не столько число промышленныхъ предпріятій—всего на какіе-нибудь 2—3⁰/₀ и число рабочихъ—на 25⁰/₀, а именно производительность фабрикъ и заводовъ поднялась немного болѣе, чѣмъ на 100⁰/₀.

Послѣдній вопросъ о *вліяніи машинъ на характеръ и быстроту обращенія* самага капитала сводится къ слѣдующему: вообще казалось бы осложненіе современнаго производства (сложное соединеніе или раздѣленіе труда) должно было удлиннить, а стало быть и замедлять этотъ процессъ. Не даромъ Бюхеръ даже и опредѣляетъ современное хозяйство, какъ такое, въ которомъ продуктъ проходитъ болѣе длинный путь отъ момента начала его производства до поступленія его къ потребителю. Въ дѣйствительности-же это не всегда такъ бываетъ. Во первыхъ потому, что усовершенствованіе способовъ производства приводитъ къ ускоренію темпа или времени

производства; такъ напримѣръ, переработка чугуна въ полосовое желѣзо и сталь продолжается:

при (старомъ) кричномъ способѣ	около	3 недѣль
» пудлингованіи	»	2 ¹ / ₂ дней
» бессемерованіи	»	20 минутъ.

Во вторыхъ, нечего и говорить о необычайномъ ускореніи обращенія капитала въ буквальномъ смыслѣ вслѣдствіе развитія и усовершенствованій въ транспортномъ дѣлѣ (желѣзныя дороги, паровые суда и т. п.), а также объ облегченіи и ускореніи денежнаго и кредитнаго оборота, при помощи банковыхъ и т. п. учреждений. Быстрый оборотъ капитала даетъ возможность довольствоваться меньшей прибылью на каждый отдѣльный оборотъ; но за то и затраченные въ дѣло большіе основные капиталы допускаютъ лишь *медленное ихъ погашеніе* или *амортизацію*.

Все, что до сихъ поръ говорилось о капиталѣ, относилось къ нему вообще, т.-е. безотносительно къ примѣненію его въ той или другой отрасли хозяйства. Нѣкоторые экономисты думаютъ, что роль или значеніе капитала дѣйствительно одинаковы всюду и всегда, разъ что рѣчь идетъ о системѣ капитализма. Она представляется тогда, какъ начало, проникающее собою *все* современное хозяйство. Капиталу приписывается нивелирующая роль, т.-е. подводящая все хозяйственное развитіе подъ одинъ уровень. Но это далеко не такъ. И самое рѣзкое противорѣчіе или различіе обнаруживается сразу же, если мы только въ самыхъ общихъ чертахъ *сравнимъ роль и значеніе капитала въ обрабатываемой промышленности и земледѣліи*.

Такъ, прежде всего въ земледѣліи самое главное средство или орудіе производства есть *сама земля*, которая не есть капиталъ, такъ какъ она не продуктъ предшествующаго труда, а даръ природы или готовая полезность. Конечно, это не свободная полезность, разъ что въ ней чувствуется уже недостатокъ, и потому она обыкновенно находится въ собственности или въ другихъ видахъ владѣнія у отдѣльныхъ частныхъ лицъ, у цѣлыхъ крестьянскихъ общинъ или у государства и другихъ общественныхъ учреждений и юридическихъ лицъ. Но кто ею владѣетъ и какъ, пусть это пока будетъ безразличнымъ. Важно лишь то, что въ то время какъ всѣ другіе виды настоящихъ капиталовъ создаются искусственно трудомъ, т.-е. какъ бы на нашихъ глазахъ появляются на свѣтъ, земля, въ смыслѣ опредѣленнаго ея пространства съ присущими ей естественными силами и свойствами, есть данная природой величина. Наоборотъ, фабрики и заводы со всѣми своими сооружениями суть

именно продукты капиталистическаго развитія или наиболѣе яркія его выраженія. Громадныя суммы денегъ давно уже затрачиваются на ихъ созданіе тамъ, гдѣ раньше ничего подобнаго не было. Вырастаютъ въ связи съ ними на нашихъ глазахъ новыя фабричныя поселенія и даже иногда цѣлые города. Но ни одной пяди земли самой по себѣ человѣкъ не могъ никогда создать.

Правда, въ разговорномъ языкѣ часто употребляется выраженіе: «*вложить капиталъ въ землю*», когда земля покупается кѣмъ либо на деньги. И тогда это дѣйствіе уподобляется вложенію денегъ въ фабрики или заводы. Но между тѣмъ тутъ громадное экономическое различіе: фабрики и заводы на эти деньги создаются, т.-е. выстраиваются и оборудуются; земля-же при этомъ отнюдь не создается какъ бы изъ ничего, ибо она и раньше существовала сама по себѣ. Она только мѣняется въ данномъ случаѣ своего собственника или владѣльца и больше ровно ничего. А потому съ чисто-экономической точки зрѣнія уплаченныя за данную землю деньги въ нее, т.-е. въ землю вообще, отнюдь не попадаютъ. А попали онѣ въ руки или въ карманъ ея продавца изъ рукъ ея покупателя. Въ народномъ хозяйствѣ, слѣдовательно, осталось столько-же денегъ и земли, сколько ихъ было и до этой купли-продажи. Полученныя за землю деньги, конечно, получаютъ какое-нибудь назначеніе; но какое — мы не знаемъ. Можетъ быть на нихъ будетъ выстроена какая-нибудь фабрика или куплены процентныя бумаги, можетъ быть онѣ будутъ просто прожиты въ свое удовольствіе, и если при томъ за границей, то отъ этого на всю сумму этихъ денегъ уменьшится богатство данной страны. Вотъ почему нельзя въ подобныхъ случаяхъ говорить въ серьезномъ экономическомъ смыслѣ о вложеніи такимъ способомъ денегъ въ землю. Онѣ въ нее могутъ вкладываться и дѣйствительно вкладываются, если деньги употребляются на всевозможныя улучшенія въ землѣ производимыя, на примѣръ, на систему орошенія или осушенія, на обзаведеніе болѣе совершенными сельскохозяйственными орудіями, хотя послѣднее въ строгомъ смыслѣ слова тоже будетъ вложеніемъ денегъ не въ самую землю, а въ соотвѣтственное хозяйство, такъ какъ орудія эти будутъ обыкновеннымъ или настоящимъ капиталомъ, только не фабричнымъ, а земледѣльческимъ. Но необходимость тратить деньги на приобрѣтеніе земли уменьшаетъ денежныя-же средства на приобрѣтеніе прочихъ улучшенныхъ средствъ производства.

Никто такъ ясно не выразилъ всего вышесказаннаго, какъ тотъ писатель, именемъ котораго особенно злоупотребляли его ученики, доказывавшіе полную тождественность капитализма въ обрабатывающей промышленности и земледѣліи и неизбежность капиталистической эволюціи въ послѣднемъ въ

совершенно томъ-же видѣ и смыслѣ какъ въ первой. И это былъ К. Марксъ, своимъ III томомъ «Капитала», совершенно разбившій своихъ учениковъ — «марксистовъ», отъ которыхъ онъ еще при жизни неоднократно отрещивался. «Ученики» вообще приписывали своему учителю, особенно послѣ его смерти, очень многое, чего онъ не думалъ и не говорилъ. Поэтому и выходя въ 1894 г. посмертнаго уже этого III тома, какъ громъ на голову упалъ на головы его учениковъ вообще и русскихъ въ особенности, доводившихъ до наибольшей крайности это отождествленіе капитализма въ промышленности и земледѣліи. (Много времени спустя, когда «марксизмъ» вышелъ у насъ изъ моды, нѣкоторые наиболѣе выдающіеся изъ русскихъ марксистовъ поспѣшили отречься отъ этихъ своихъ увлеченій, да кстати или некстати уже и отъ самого Маркса) ¹⁾.

Вотъ, что говоритъ Марксъ по этому поводу: «Употребленіе денежнаго капитала на покупку земли не есть слѣдовательно затрата земледѣльческаго капитала. Поскольку денежный капиталъ употребляется на покупку земли, постольку уменьшается тотъ капиталъ, которымъ мелкіе крестьяне могутъ располагать сами въ собственномъ производствѣ. Такое употребленіе настолько-же, (т. е. на величину уплаченной за землю суммы денегъ В. Я.), уменьшаетъ размѣръ ихъ средствъ производства и сѣуживаетъ поэтому хозяйственную основу для воспроизведенія (капитала В. Я.). Оно подчиняетъ крестьянина ростовщику, такъ какъ именно въ этой области меньше всего встрѣчается настоящій кредитъ. *Это есть препятствіе для культуры земли даже тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто покупка крупныхъ имѣній*» ²⁾. А раньше, въ томъ же III томѣ Марксъ выразилъ ту-же мысль еще рельефнѣе или общѣе, а именно: «Мораль исторіи,—которую можно извлечь, изслѣдуя земледѣліе съ иной точки зрѣнія,—заключается въ томъ, что капиталистическая система противодѣйствуетъ раціональному земледѣлію, или—раціональное земледѣліе несовмѣстимо съ капиталистической системой, (хотя послѣдняя и способствуетъ его техническому развитію), и требуетъ или рукъ самостоятельно работающихъ мелкихъ крестьянъ, или контроля объединенныхъ производителей» ³⁾ (кооперативныхъ или общинныхъ).

Указанная особенность земледѣлія отнюдь не единственная, а лишь одна изъ многихъ, къ которымъ мы и переходимъ, (отнюдь не имѣя, въ виду въ этомъ мѣстѣ разсматривать весь этотъ сложный вопросъ о земледѣліи и о его развитіи).

Вторая особенность заключается въ томъ, что въ то время какъ настоящіе капиталы, въ смыслѣ средствъ производствъ и главное—

¹⁾ Крайности русскихъ марксистовъ изложены въ направленной противъ нихъ брошюрѣ: *В. Яроуцкій*. Односторонняя теорія экономического развитія. 1896 (статья, помѣщенная въ журналъ „Новое Слово“ январь 1896 г.). Нашимъ взглядамъ не было надобности измѣняться.

²⁾ *К. Марксъ*. Капиталъ. Т. III первый рус. пер. 1896 г., стр. 670, при чемъ по странной прони судьбы въ переводѣ, вообще очень точномъ, выпала приведенная тутъ курсивомъ фраза, распространяющая основную мысль и на крупныя хозяйства, которые могли бы быть настоящими капиталистическими. Въ нѣмецкомъ подлинникѣ изданія 1894 г., стр. 345, ч. 2, т. III фраза эта есть такая, какъ у насъ она переведена.

³⁾ Тамъ-же, русск. перев. стр. 83, нѣмецк. подлин. III т., 1 ч., стр. 98.

орудій, постепенно совершенствуются и улучшаются, земля какъ орудіе сама по себѣ не только не улучшается, но еще и ухудшается, въ смыслѣ уменьшенія ея плодородія. Производимыя на нее затраты, напр. въ смыслѣ ея удобренія и пр., хотя и поднимаютъ ея производительность, но медленнѣе, чѣмъ растутъ сами эти затраты (см. выше законъ убывающаго плодородія почвы стр. 242). И вообще, насколько человѣкъ воленъ измѣнять и улучшать обыкновенныя средства производства, настолько тутъ онъ всецѣло зависитъ отъ земли, будучи обязанъ считаться съ тѣми качествами ея, которыя есть на лицо, какъ и вообще съ капризами природы въ видѣ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ климатическихъ, метеорологическихъ, почвенныхъ и др. естественныхъ условій.

Третья особенность относится къ самимъ земледѣльческимъ орудіямъ и причинамъ, почему они здѣсь не могутъ играть такой преобладающей роли, какъ въ промышленности. Такихъ причинъ въ свою очередь нѣсколько, изъ коихъ главнѣйшія слѣдующія:

Продолжительность пользованія земледѣльческими орудіями очень коротка, такъ какъ каждое изъ нихъ работаетъ лишь опредѣленный срокъ въ нѣсколько недѣль, если не дней, какъ-то: сѣнокосилка только во время косыбы сѣна,—жатвенная машина—во время жатвы, плуги—во время пахоты, молотилки—во время молотбы и т. д. Все остальное время года всѣ эти машины стоятъ безъ всякаго дѣла въ видѣ мертваго капитала. А потому очень удлинняется срокъ погашенія ихъ стоимости, и очень коротокъ періодъ ихъ производительнаго участія въ производствѣ; между тѣмъ какъ всѣ фабричныя машины обыкновенно работаютъ круглый годъ и даже иногда круглые сутки.

Изъ этого уже ясно, насколько выгоднѣе примѣненіе машинъ въ промышленности, чѣмъ въ земледѣліи. Въ данномъ случаѣ, какъ впрочемъ и вообще, выгодность машинъ обусловливается экономіей отъ замѣны ими дорогаго человѣческаго труда; а потому если трудъ земледѣльческихъ рабочихъ дешевъ, то замѣна его машиннымъ далеко не всегда себя оправдываетъ.

Наконецъ, земледѣльческія орудія или машины никогда не могутъ быть такъ грандіозны, сильны и сложны, а потому и совершенны, какъ фабричныя, такъ какъ почти *всѣ онѣ должны быть легко подвижны*, т.-е. чтобы онѣ могли передвигаться по неровностямъ полей; между тѣмъ какъ фабричныя стоятъ всѣ на мѣстѣ и приводятся въ движеніе двигателями огромной силы, стоящими твердо на мѣстѣ, даже на особыхъ солидныхъ фундаментахъ и съ тягой въ громадныхъ фабричныя трубы.

Другія отличія земледѣлія отъ промышленности будутъ указаны далѣе въ связи съ формами и размѣрами предпріятій. Условія-же пользованія капиталомъ вообще, т.-е. не только въ сельскомъ хозяйствѣ находятся въ тѣсной связи съ различными правовыми нормами и цѣлыми институтами, къ разсмотрѣнію вліянію которыхъ на хозяйство и обратно мы и переходимъ.

Литература о капиталѣ спеціальная не велика; но почти въ каждомъ крупномъ курсѣ полит. экономіи излагается болѣе или менѣе своеобразно ученіе о капиталѣ. Изъ спеціальныхъ сочиненій безспорно самымъ крупнымъ и по размѣру и по своему значенію—это 3 тома „Капитала“ *К. Маркса*, отвѣчающіе на вопросы гораздо болѣе широкіе, чѣмъ это заглавіе. И есть цѣлая литература о самомъ Марксѣ и всѣхъ его трудахъ, которая очень обширна, но къ ученію о капиталѣ прямого отношенія не имѣющая. Самое краткое изложеніе общаго ученія Маркса находится въ маленькой брошюрѣ *Гросса*: Экономическая система К. Маркса, перев. съ нѣм., изд. Ф. Павленкова 1895 г. (чисто объективное изложеніе сущности 1-го тома „Капитала“). *К. Каутскій*. Экономическое ученіе К. Маркса (нѣсколько русск. перев.), то-же изложеніе только по первому тому. *Туг.-Барановскій*. Теоретическія основы Марксизма 1907 г. (изложеніе, критика и поправки). *Родбертусъ-Ягетцовъ*. Соціальныя письма къ Кирхману 1 и 4^о 1906. 2-е и 3-е—изд. 1894 г.—Сокращенное и систематизированное изложеніе всѣхъ 4 писемъ у *А. Кауфмана* подъ заглавіемъ: Родбертусъ. Теорія ренты и изслѣдованіе о капиталѣ. 1908. *Н. Зиберъ*, Д. Рикардо и К. Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ, 3-е изд. 1898. Другія сочиненія, касающіяся капитала и ученія о прибыли на него, будутъ приведены въ соответственной главѣ ученія о распредѣленіи доходовъ.

Имущество

и взаимоотношенія между хозяйствомъ и правомъ.

Различныя объясненія взаимоотношеній между хозяйствомъ и правомъ.—Теоріи для обоснованія права собственности.—Классификація объектовъ собственности (по А. Вагнеру).—Оцѣнка значенія собственности съ точки зрѣнія ея экономической цѣлесообразности и вытекающее отсюда опредѣленіе объема правъ собственниковъ по отношенію къ различнымъ объектамъ собственности.—Разграниченіе правъ частныхъ и публичныхъ.—Роль свободы воли въ договорахъ и обязательствахъ вообще и въ договорѣ найма на работу въ частности.

Неоднократно уже для объясненія нѣкоторыхъ экономическихъ понятій и явленій намъ приходилось сводить дѣло къ вліянію *юридическихъ факторовъ или условій*. Такъ по отношенію къ понятію цѣнности вообще и мѣновой въ особенности пришлось указать на то, что такое значеніе могутъ имѣть только предметы *допущенные правомъ или правовымъ порядкомъ* въ гражданскій оборотъ. Еще раньше говорилось, что хозяйственное значеніе пріобрѣтаютъ полезности, ограниченныя въ своемъ количествѣ вообще или въ данной

какой-нибудь мѣстности въ особенности, когда они находятся въ *исключительномъ обладаніи или въ собственности* какихъ либо опредѣленныхъ лицъ, (какъ напр. земля). Наконецъ, опредѣленія капитала въ частно-хозяйственномъ смыслѣ и какъ исторической категоріи въ особенности покоились на юридическихъ основаніяхъ, а именно, какъ вообще имущества, приносящаго доходъ его владельцу, въ первомъ случаѣ, и какъ средствъ производства, отдѣленныхъ отъ свободныхъ рабочихъ, трудомъ которыхъ создается прибыль на этотъ капиталъ, во второмъ случаѣ. Только становясь на болѣе отвлеченную абсолютно-экономическую или народно-хозяйственную точку зрѣнія можно было говорить объ экономическихъ явленіяхъ и понятіяхъ самихъ по себѣ, т.-е. независимо отъ облеченія ихъ въ эти внѣшне-бытовые и историческія формы; послѣднія-же всегда являются чисто юридическими или юридико-экономическими.

Теперь, переходя къ изслѣдованію понятія *имущества вообще* и особенно важнаго съ экономической точки зрѣнія *капитального въ особенности*, мы и должны выяснить болѣе или менѣе самостоятельное значеніе этихъ юридическихъ формъ или оболочекъ экономическихъ явленій самихъ по себѣ. Вопросъ можетъ быть поставленъ прежде всего въ такой общей его формѣ: *имѣютъ-ли эти юридическія формы значеніе основаній самостоятельныхъ*, т.-е. слѣдуетъ-ли съ ними считаться, какъ съ нѣкоторыми основаніями подобными тѣмъ, которыя называются въ математикѣ или естественныхъ наукахъ величинами или условіями данными, опираясь на которыя рѣшаютъ вопросы о величинахъ или результатахъ искомымъ или неизвѣстныхъ?

На вопросъ этотъ давались и даются два отвѣта совершенно противоположные, а именно: первоначальные экономисты и большинство юристовъ отвѣчали и отвѣчаютъ на это въ смыслѣ утвердительномъ, т.-е. что экономическія явленія совершаются на готовой или данной юридической почвѣ вообще и на основахъ современнаго гражданско-правового строя въ особенности. Существеннѣйшими и наиболѣе типичными основами послѣдняго, имѣющими особенное значеніе для явленій хозяйственныхъ, признаются: *частная собственность*, связанная съ извѣстнымъ порядкомъ *наслѣдованія имущества*, и *обязательства*, *вытекающія главнымъ образомъ изъ свободно заключенныхъ договоровъ*. Только на такой именно почвѣ могла-де развиться и расцвѣсть современная капиталистическая система хозяйства, привлекающая къ себѣ главнѣйшее вниманіе экономистовъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, (съ нашей точки зрѣнія неправоначальному),—изученіемъ которой и долженъ ограничиваться предметъ

нашей науки. Никакой-де критикѣ и оцѣнкѣ эти гражданско-правовыя основы хозяйства не подлежатъ. Однимъ словомъ—онѣ суть извѣстныя данныя величины.

Противоположный отвѣтъ давался, и отчасти дается еще, представителями такъ называемаго *экономическаго* или *историческаго материализма*, сущность котораго сводится къ тому, что главнымъ, если даже не исключительнымъ, *базисомъ всякаго общественнаго строя*, т.-е. всѣхъ сторонъ жизни общества, *служитъ тотъ или иной строй хозяйства* вообще или какія нибудь стороны или процессы послѣдняго въ особенности, чаще всего—производство. Правовой-же строй вообще, въ томъ числѣ и гражданско-правовой, и государственный (или политическій), а пожалуй даже и умственный, и нравственный,—все это будто бы лишь *надстройки* подъ даннымъ экономическимъ фундаментомъ или основаніемъ. Слѣдовательно правовыя или юридическія нормы являются условіями хозяйства, не опредѣляющими хозяйственную дѣятельность, а вытекающими изъ процесса развитія хозяйства и тѣхъ или иныхъ формъ производства или производственныхъ отношеній и т. д.

Насколько оба эти отвѣта, столь категорическіе по существу, неправильны, мы это должны отчасти уже знать изъ второго, болѣе реалистическаго очерка развитія хозяйства, въ которомъ было обращено вниманіе на взаимоотношеніе между этими двумя организационными общественными началами—юридическимъ и политическимъ, съ одной стороны, и экономическимъ или хозяйственнымъ съ другой. При этомъ оказалось возможнымъ придти къ такому болѣе общему выводу, что сперва въ общественномъ развитіи преобладающее значеніе имѣло первое изъ этихъ началъ, а позднѣе и теперь—второе (сравни выше между прочимъ теорію Шееля, стр. 177 и сл.). Вообще же нѣтъ абсолютнаго преобладанія одного изъ этихъ началъ надъ другимъ, а есть только между ними извѣстное *взаимодѣйствіе*. Возможно, поэтому отчасти допускать и обратное только что сдѣланному общему выводу положеніе, на примѣръ, что на нѣкоторыхъ ступеняхъ общественнаго развитія измѣненія въ формахъ и способахъ веденія хозяйства вызывали необходимость въ новыхъ юридическихъ установленіяхъ и отдѣльныхъ правовыхъ нормахъ или въ измѣненіи прежнихъ. Такъ можно предположить, что раздѣльная частная собственность вообще и на землю въ особенности явилась результатомъ не только развитія идеи и цѣнности человеческой личности самой по себѣ и средствомъ защиты ея противъ поглощенія ея началомъ государственнымъ, какъ это было въ древней Греціи и особенно въ Римѣ, но и вслѣдствіе перехода къ болѣе интенсивнымъ формамъ земледѣлія, на примѣръ, огородничеству, вино-

градарству и т. п. Тогда-то и понадобилось даже изобрѣтеніе особыхъ божествъ — термусовъ, охраняющихъ границы земельныхъ участковъ, чтобы освятить этотъ новый юридическій институтъ. Въ основѣ его такимъ образомъ была извѣстная цѣль—*разграниченіе и охрана интересовъ земельныхъ собственниковъ*, какъ одно изъ важнѣйшихъ условій обезпеченія условій мирной совмѣстной жизни и высшихъ формъ хозяйства. Но, возникая первоначально въ качествѣ такого средства обезпеченія одного изъ условій общежитія, этотъ правовой институтъ и соотвѣтственные ему другіе, равно какъ и отдѣльныя правовыя нормы, затѣмъ становятся самостоятельными факторами общественнаго развитія. Приобрѣтая извѣстную степень устойчивости, они сами по себѣ образуютъ тогда уже почву, на которой совершается дальнѣйшее общественное развитіе. Дѣлаясь достояніемъ народнаго правосознанія, правовыя понятія отвердѣваютъ настолько, что *представленія о цѣли*, созидавшей ихъ первоначально, отступаютъ на задній планъ; а потомъ они настолько забываются, что право начинаетъ существовать, какъ *нѣчто самоцѣльное*. Постепенно слагаясь въ болѣе или менѣе стройную систему нормъ, право уже само регулируетъ взаимоотношенія людей между собою и служитъ ихъ внѣшнимъ выраженіемъ или формой. Все-же, что не поддается точному юридическому формулированію, тѣмъ самымъ какъ бы уже выходитъ за предѣлы правовой жизни общества и управляется своими собственными законами или просто чувствуется отсутствіе таковыхъ. Задача упорядоченія такихъ внѣправовыхъ отношеній сводится или къ постепенной выработкѣ новыхъ правовыхъ нормъ или къ распространенію прежняго правового порядка на чуждую ему до этого момента область. При этомъ однако обнаруживается, что жизнь (хозяйственная напримѣръ), выработала такія новыя отношенія, которыя уже не могутъ быть подведены подъ ранѣе установившіеся правовыя нормы, становящіяся для нихъ слишкомъ узкими. Тогда снова возникаетъ работа тѣхъ жизненныхъ общественныхъ силъ, которыя въ свое время произвели на свѣтъ извѣстный правовой порядокъ, оказывающійся уже неудовлетворяющимъ новымъ выросшимъ жизненнымъ потребностямъ.

Такимъ образомъ измѣненіе прежняго или подготовленіе новаго правового порядка отношеній есть безостановочное движеніе общественно-историческихъ силъ. Правовыя нормы то даютъ защиту новымъ взаимоотношеніямъ, возникая специально для этой цѣли, то, отвердѣвая какъ нѣчто самоцѣльное, начинаютъ тормозить дальнѣйшее жизненное развитіе, требующее поэтому себѣ новыхъ формъ для своего юридическаго выраженія. И только внѣшнее выраженіе силы правовыхъ установленій, олицетворяющееся въ формѣ поло-

жительнаго права или закона, можетъ опредѣлять самостоятельные моменты въ жизни самого права, тогда какъ корни обычнаго права теряются въ глубинѣ отдаленнаго прошлаго. Съ одной стороны само право вноситъ элементы порядка въ область новыхъ общественныхъ отношеній, съ другой-же, — дѣйствительной работѣ живыхъ общественныхъ силъ приходится вліять на правообразованіе и нерѣдко вступать въ прямую борьбу съ матеріальнымъ содержаніемъ прежнихъ правовыхъ нормъ и цѣлыхъ институтовъ. Незыблемымъ-же основаніемъ и содержаніемъ права остается только общее его назначеніе—служить *средствомъ обезпеченія условій общежитія въ видѣ обязательной силы правовыхъ установленій.*

Высказанныя только что положенія о роли и значеніи правовыхъ установленій въ процессѣ общественнаго развитія по своей общности и растяжимости едва-ли могутъ встрѣтить какія либо существенныя возраженія. Но, конечно, для юристовъ, приходящихъ въ ужасъ, когда вообще ведется рѣчь о цѣли права и о защищаемыхъ или разграничиваемыхъ имъ интересахъ, все сказанное можетъ казаться или неправильнымъ, или касающимся какой то низменной стороны жизни права, называемой ими иногда *бытовой* его теоріей, куда, такъ и быть, допускаются эти будто бы чуждыя самому праву цѣли и интересы. Точно также и по поводу обязательности соблюденія правовыхъ установленій можетъ быть возбуждаемо сомнѣніе—есть-ли это существенный признакъ права вообще, т. е. можно ли правовой порядкъ опредѣлять какъ *систему дѣйствующихъ обязательныхъ или даже принудительныхъ нормъ?* Но мы считаемъ излишнимъ вдаваться здѣсь въ этотъ безконечный споръ о сущности права вообще, ограничиваясь установленіемъ своего личнаго отношенія къ рѣшенію этого общаго вопроса, кающемуся намъ болѣе правильнымъ и исходя изъ котораго можно уже перейти отъ этихъ общихъ философско-правовыхъ вопросовъ къ тѣмъ болѣе опредѣленнымъ и конкретнымъ, которыя имѣютъ наибольшее касательство къ сферѣ хозяйственной жизни общества. Интересующихся-же этимъ болѣе общимъ и широкимъ вопросомъ объ отношеніи права и хозяйства вообще и нашимъ личнымъ къ нему отношеніемъ позволяемъ себѣ отослать ко II главѣ нашего труда: «Экономическая отвѣтственность предпринимателей», гдѣ вопросъ этотъ изложенъ гораздо полнѣе, чѣмъ здѣсь, и откуда взяты нѣкоторые изъ изложенныхъ уже и изъ слѣдующихъ далѣе положеній. Съ изданія той книги прошло уже около 25 лѣтъ, но основныя взгляды наши по данному вопросу сколько-нибудь существенно не измѣнились, хотя послѣ изданія той книги (въ 1887 г.) и появились нѣкоторыя новыя теоріи права; но онѣ почти не касаются тѣхъ практическихъ вопросовъ, которые болѣе интересуютъ въ этомъ взаимодействіи права и экономіи экономистовъ.

Такъ самую оригинальную попытку разрѣшить этотъ вопросъ представляетъ крупное сочиненіе *Р. Штамлера*, носящее соотвѣтственное названіе: «Хозяйство и право съ точки зрѣнія материалистическаго пониманія исторіи» ¹⁾. Тутъ авторъ этотъ не задается цѣлью разрѣшать какіе-либо во-

¹⁾ *R. Stammler. Wirtschaft u. Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung. 1896.* Въ 1907 г. появился очень хорошій русскій переводъ,

просы по ихъ существу или содержанию, а главнымъ образомъ разработываетъ научно-философскій методъ изслѣдованія общества и его развитія, методъ, который былъ бы единъ самъ по себѣ, но объединялъ бы постановку вопросовъ одновременно съ точки зрѣнія формы и матеріи, причины и цѣли. Въ основу его кладется *монистическій* приѣмъ изслѣдованія историческаго матеріализма, дополняемый включеніемъ въ него болѣе или менѣе сознательныхъ и свободно полагаемыхъ себѣ людьми цѣлей. Подъ матеріей же соціальной жизни Штаммлеръ понимаетъ главнымъ образомъ хозяйственную дѣятельность, понятіе о которой однако у него расширяется на столько, что подъ нею подводится чуть не всякая совмѣстная дѣятельность людей, направленная на достиженіе опредѣленныхъ цѣлей, а въ этомъ и заключается, по его мнѣнію, соціальная жизнь и дѣятельность. Такимъ образомъ хозяйственной дѣятельности приписывается здѣсь черезчуръ широкое и всеобъемлющее значеніе ради единства формальнаго метода. Подъ правомъ же понимается *внѣшнее регулированіе* совмѣстной дѣятельности людей, при чемъ подъ право въ широкомъ смыслѣ подводятся какъ нормы *юридическія-принудительныя*, относящіяся къ положительному праву или законодательству и отчасти къ обычаю, такъ и нормы, называемыя имъ *конвенціональными*, т. е. согласительныя или условныя, въ родѣ правилъ моды, этикета, вѣжливости, общепринятыхъ обычаевъ, чести и т. п.

Право, будучи *формой* общественнаго бытія, и является *основой его закономѣрности*. Последняя открывается при помощи двоякаго метода мышленія, а именно: каузальнаго (причиннозависимаго) и телеологическаго (съ точки зрѣнія цѣлей), объединяемыхъ въ человѣческомъ сознаніи чѣмъ-то финально единымъ.

На почвѣ такой закономѣрности становится возможнымъ вывести соціальный или общественный *идеаль*, который, по Штаммлеру, представляетъ собою «единую формальную мысль или идею, задача которой—служить указателемъ и путеводной звѣздой для всевозможныхъ эмпирическихъ возникающихъ стремленій въ соціальной жизни. При преслѣдованіи ихъ конкретное желаніе, направленное на осуществленіе, сохраненіе или измѣненіе дѣйствующихъ правовыхъ положеній, становится закономѣрнымъ и объективно управомоченнымъ; но идея эта сама по себѣ никогда не можетъ выступить и не выступаетъ въ видѣ эмпирическаго факта въ дѣйствительности общественнаго бытія людей».

Въ дальнѣйшемъ объясняется, что всѣ такія конкретныя человѣческія стремленія, возникающія въ исторіи, вырастаютъ эмпирически изъ конкретнаго осуществленія опредѣленной общественной жизни и урегулированнаго совмѣстнаго дѣйствія. Преобразования въ соціальномъ порядкѣ не суть каузально свободныя дѣйствія умственно высоко развитыхъ законодателей, а обусловлены опредѣленнымъ историческимъ урегулированнымъ строемъ общежитія. Соціальный же идеаль долженъ быть чѣмъ-то *всеобще пригоднымъ* (*allgemeingültig*), и объективно-правомѣрнымъ; а таковымъ онъ можетъ быть лишь въ качествѣ *идеи формальной* и «идеаль этотъ долженъ стоять внѣ рамокъ особаго содержанія историческихъ или исторически возможныхъ правовыхъ институтовъ. Онъ даетъ лишь планъ компаніи и

подъ приведеннымъ въ текстѣ заглавіемъ подъ редакціей І. Давыдова, со вступительной статьей послѣдняго (передъ II томомъ) сжато, но ясно излагающей основную суть теоріи Штаммлера.

руководить битвой, но самъ не вмѣшивается въ ряды въ качествѣ простаго солдата; по плоти и кости онъ не воинъ, а лишь знаніе искусства, помогающаго вести войну» ¹⁾).

Все это, какъ настоящее философствованіе, конечно, очень расплывчато, обще и туманно; но важно то, что принципъ дѣловыхъ представленій и стремленій находитъ себѣ официально мѣсто и признаніе въ методологій и философій права на ряду съ принципомъ одной каузальности или причинности.

Кантъ въ свое время тоже говорилъ о разумѣ чистомъ и практическомъ; значить, и Штаммлеру и неокантіанству есть на что въ данномъ случаѣ опереться; а матеріалистическая основа взята у Маркса; и потому все это можетъ быть сведено къ философскому объединенію основныхъ идей этихъ двухъ крупныхъ ученыхъ.

Разсматривая правовой порядокъ и его установленія, какъ нѣкоторое основаніе для хозяйственной дѣятельности, экономисты въ то-же время въ правѣ или даже обязаны подвергать его критикѣ и опѣнкѣ постольку-же, поскольку они дѣлаютъ это по отношенію къ непосредственно экономическимъ или чисто хозяйственнымъ явленіямъ. Насколько послѣднее входитъ въ предметъ и задачу экономической науки, было уже достаточно выяснено въ методологической главѣ. Поскольку-же это относится къ связаннымъ съ хозяйствомъ правовымъ явленіямъ и понятіямъ—это мы сейчасъ разъясимъ на нѣсколькихъ примѣрахъ, которые въ то-же время и опредѣляютъ объемъ и задачи этого критико-экономическаго отношенія къ правовымъ установленіямъ.

Такъ современное хозяйство вообще, а капиталистическая система его въ особенности, покоится прежде всего на болѣе или менѣе равномъ для всѣхъ *вещномъ или имущественномъ правѣ*, наиболѣе типичнымъ выраженіемъ котораго и является *частная собственность*. Вотъ экономиста и должно интересовать—насколько пользование своимъ имуществомъ на началахъ болѣе или менѣе полной или неограниченной собственности содѣйствовало раньше или содѣйствуетъ теперь *наиболѣе полному исползованію богатствъ, даруемыхъ намъ самой природой?* или — насколько превращеніе средствъ производства, какъ капитала вообще или съ народнохозяйственной точки зрѣнія,—въ историческую или юридико-экономическую категорію капитала,—какъ средствъ производства, отдѣленныхъ отъ рабочихъ и служащихъ въ рукахъ ихъ собственниковъ источникомъ дохода, извлекаемаго при помощи труда рабочихъ,—служитъ наилучшимъ способомъ для обезпеченія наибольшей производительности труда и для обезпеченія странъ или народу *наибольшаго или болѣе успешнаго производства продуктовъ и удовлетворенія потребностей ея населенія?*

¹⁾ *Stammler* н. с. § 102, стр. 588 и слѣд.

Въ этой возможности такимъ путемъ извлекать доходъ изъ капитала заключается *мотивъ стремленія къ приобрѣтенію капитала*, отчасти даже и путемъ сбереженія или накопленія нѣкоторыхъ изъ его составныхъ частей. А потому и интересно прослѣдить—является ли эта капиталистическая система; какъ покоящаяся на данномъ правовомъ началѣ, наиболѣе совершенной по сравненію съ другими способами производства и вообще веденія хозяйства, на примѣръ съ системой *общественныхъ хозяйствъ*, какъ противопологаемой частнымъ.

И если при такомъ изслѣдованіи окажется, что нѣкоторые дефекты частно-хозяйственной системы или капитализма въ особенности обусловливаются существомъ самого права собственности, на примѣръ, возможными злоупотребленіями со стороны собственника своими неограниченными правами, то отсюда можетъ получиться выводъ, что тогда это право подлежитъ нѣкоторому ограниченію или пользованіе имъ должно быть урегулировано правительствомъ или законодательствомъ. Послѣднее выступить тогда въ роли защитника того широкаго общественнаго интереса, наличностью котораго только и можетъ быть обоснована защита частной собственности вообще, какъ института отъ котораго для общества въ его цѣломъ ожидается польза, а не вредъ. (Какъ наиболѣе наглядный примѣръ приведемъ всеобщее теперь признаніе необходимости регулировать права собственниковъ лѣсныхъ угодій по части ихъ эксплуатаціи во избѣжаніе черезъ чуръ быстрого и непоправимаго истребленія ими своихъ лѣсовъ къ ущербу для цѣлаго народнаго хозяйства).

Будучи такъ поставленнымъ вопросъ этотъ приводитъ къ необходимости пересмотрѣть различныя обоснованія, во первыхъ, самого по себѣ *права собственности*, а во вторыхъ и болѣе общаго вопроса о *разграниченіи интересовъ частныхъ и публичныхъ*, поскольку осуществленіе первыхъ можетъ вступать въ противорѣчіе со вторыми.

Изъ этого второго, болѣе общаго вопроса вообще, можетъ въ свою очередь вытекать и такая-же провѣрка вопросовъ о *существованіи такъ называемыхъ свободныхъ договоровъ и вытекающихъ изъ нихъ обязательствъ* вообще и особенно интересующихъ экономистовъ *договоровъ о наймѣ на работу*, заключаемыхъ владѣльцами капитальныхъ имуществъ или капиталистическихъ средствъ производства со свободными нынѣ вольнонаемными рабочими. Возможно, что и тутъ обнаружатся какіе нибудь недостатки этихъ взаимоотношеній лицъ и интересовъ совершенно частныхъ, но приводящихъ къ результатамъ почему-либо несогласнымъ съ правильно и широко понимаемыми общественными интересами. И тогда закономъ будутъ

установлены известныя рамки или условія, въ предѣлахъ или съ соблюденіемъ которыхъ будутъ признаваться дѣйствительными эти договоры и вытекающія изъ нихъ обязательства. (На этомъ, напримѣръ, основываются многоразличныя задачи быстро развивающаго фабричнаго законодательства и вообще области регулированія вопросовъ наемнаго труда).

Наконецъ, условія пользованія своимъ имуществомъ вообще и капиталомъ въ особенности могутъ вызывать появленіе такихъ *новыхъ формъ предпріятій*, которыя не укладываются въ рамки прежняго права; тогда то и возникаетъ эта борьба между старымъ и нарождающимся новымъ правомъ, встрѣчающимъ препятствія въ известной косности юридическаго мышленія законодателей, какъ юристовъ какой нибудь старой школы.

Такой примѣръ рисуется долгой борьбой, которую пришлось вести акціонернымъ обществамъ, когда они только что стали зарождаться и пробиваться въ жизнь, съ недовѣріемъ къ нимъ правительствъ и законодательствъ разныхъ странъ. Последнее же, т. е. недовѣріе это, покоилось на томъ, что этотъ новый видъ или вѣрнѣе форма предпріятій не укладывалась въ Прокрустово ложе теорій, установленныхъ еще римскими юристами, не допускавшими и мысли объ *обезличенномъ имуществѣ* или капиталѣ, какъ самостоятельной новой общественно-экономической силѣ.

Теоріи для обоснованія права собственности.

Всѣ существующія теоріи для обоснованія права собственности вообще проф. А. Вагнеръ сводитъ къ тремъ главнымъ группамъ, раздѣляя ихъ потомъ на подгруппы.

I. *Первая группа*—это такъ назыв. *естественныя теоріи*, выводящія институтъ собственности или изъ *общихъ свойствъ природы человека*, т. е. личности самой по себѣ, или же изъ отдѣльныхъ его свойствъ, а именно *хозяйственной стороны* его жизни.

Чистая или общая естественная теорія, развивавшаяся на почвѣ школы естественнаго права, считаетъ, что нельзя представить себѣ полного развитія силъ и способности личности безъ существованія вытекающей изъ понятія самой личности частной собственности. Но теорія эта не дѣлаетъ различія между объектами собственности, играющими совершенно различныя роли въ хозяйствѣ, а именно, между предметами потребленія и средствами производства. На сколько дѣйствительно трудно представить себѣ самостоятельнаго человека безъ самыхъ необходимыхъ для него предметовъ потребленія, на которые онъ имѣлъ бы исключительное право (соб-

ственная одежда, собственный домашній очагъ и т. п.), настолько же трудно обосновывать на томъ же общемъ свойствѣ личности исключительное и главное неограниченное право на средства производства, да еще въ любомъ количествѣ. Еще пожалуй можно было на такомъ началѣ строить вообще такъ называемыя «естественныя права человѣка» въ началѣ великой французской революціи и въ томъ числѣ, напримѣръ, право каждаго гражданина на такую долю земли изъ общаго ея количества въ странѣ, которая соотвѣтствовала бы силамъ и потребностямъ одного человѣка. Но это право должно было бы быть признано за всѣми гражданами, и тогда немислимымъ оказалось бы существующее распредѣленіе земель, т. е. такое, что одни лица обладаютъ огромными пространствами земель, другіе—очень малыми, а остальные никакими... Отсюда видно, что теорія эта есть орудіе обоюдоострое, и пожалуй даже она скорѣе можетъ служить средствомъ для отрицанія существующаго порядка владѣнія землей, чѣмъ для его защиты.

Естественно-экономическая теорія есть частичное видоизмѣненіе предъидущей для устраненія чрезмѣрной широты послѣдней. Точкою опоры ея служитъ *хозяйственная жизнь и дѣятельность* человѣка, а именно проявляющіяся въ ней чувства эгоизма и самосохраненія. Частная собственность и есть несомнѣнно чистѣйшее выраженіе эгоизма личности. И потому, насколько вся хозяйственная дѣятельность считалась бы наиболѣе совершенной, если она строится на однихъ эгоистическихъ интересахъ, настолько частная собственность находила бы себѣ въ этомъ обоснованіе. Но для полноты его слѣдовало бы признать, что только такое хозяйство и совершенно, и естественно, что и старались доказать первоначальные экономисты (см. выше методологію Пол. Эк.); но это имъ не удалось, такъ какъ теперь признатся, что успѣшно дѣйствовать могутъ на ряду съ частными и хозяйства общественныя (государственныя, городскія, земскія и т. п.). Теорія эта, слѣдовательно, слишкомъ узка или одностороння, разрѣшая вопросъ исключительно съ точки зрѣнія частнаго хозяйства и въ пользу только послѣдняго, предполагая всегдашнюю солидарность или совпаденіе интересовъ частныхъ и народно-хозяйственныхъ, что далеко не всегда такъ бываетъ. Вообще объ эти естественныя теоріи совершенно игнорируютъ точку зрѣнія историческую или относительную, которая несомнѣнно играетъ огромную роль въ развитіи и права, и хозяйства.

II. Слѣдующая группа теорій имѣетъ между собою общимъ попытку обосновать собственность на какомъ-нибудь *одномъ аксіоматическомъ принципѣ или моментѣ дѣйствія* чловѣка, каковыми являются въ первой изъ нихъ завладѣніе, а во второй трудъ. Но

одни голые факты не могутъ быть исходными пунктами для права, будучи только моментами установленія или приобрѣтенія права, такъ какъ признаніе извѣстной причинной связи, вызванной даннымъ фактомъ, между субъектомъ и объектомъ права лежитъ внѣ самаго факта. Соединеніе же факта и права совершается путемъ правообразования, выражающагося, съ одной стороны, во внутреннихъ психическихъ актахъ нашего сознанія, а съ другой стороны, въ актахъ положительнаго правового творчества законодательнаго или обычно-правового.

Теорія завладѣнія въ противоположность естественнымъ теоріямъ, есть прежде всего историческая, такъ какъ она выводитъ частную собственность изъ *первичнаго захвата* какихъ-либо предметовъ, напр., земли тѣмъ или другимъ лицомъ, этимъ актомъ обосновывавшимъ свое право на эту вещь. Но для этого надо, чтобы эта вещь раньше или въ моментъ завладѣнія ею никому не принадлежала, т. е. была бы тѣмъ, что у римскихъ юристовъ называлось *res nullius*. И пожалуй, въ началѣ исторической эры какого-либо народа такъ дѣло дѣйствительно и происходило, т. е. когда было много никому не принадлежавшей земли. Ее бралъ для себя каждый желающій сколько могъ захватить. Въ исторіи русскаго права это выражалось въ извѣстной формулѣ: «Куда моя соха или топоръ ходили, та и моя земля» (пахатная или лѣсъ). Но съ теченіемъ времени такихъ никому не принадлежащихъ земель уже не оказывалось и потому такимъ путемъ завладѣвать было и нечѣмъ. Съ сокращеніемъ количества такихъ свободныхъ земель и русская вышеприведенная формула должна была измѣниться и перешла въ такую, которая выражала необходимость *длящагося приложенія труда*, а не однократнаго захвата, а именно: «*Покуль* моя соха или топоръ куда ходятъ, та и земля моя». Такимъ образомъ захватная теорія переходитъ въ трудовую. Но какъ та, такъ и другая не объясняютъ намъ, почему права перваго захватившаго или обработавшаго данный кусокъ земли переходили на потомковъ, которые сами ни того, ни другого не дѣлали? Очевидно они эту землю или вообще захваченныя вещи наслѣдовали; а это уже совсѣмъ другой и фактической, и юридической моментъ, съ первымъ не имѣющій ничего общаго и потому требующій себѣ особаго обоснованія и признанія со стороны закона или обычая. Теорія эта, наконецъ, не совсѣмъ правильна и съ точки зрѣнія исторической правды, такъ какъ первоначальный захватъ земель происходилъ не столько отдѣльными лицами, сколько различными группами общинъ, какъ на примѣръ, — переселяющимися, колонизирующими или покоряющими племенами, устанавливавшими прежде всего извѣстныя внѣшнія границы но-

выхъ владѣній, а внутри владѣвшіе землей тоже группами—семейными, родовыми и общинными. Настоящая же частная собственность возникаетъ обыкновенно значительно позже. Нечего говорить о томъ, что по отношенію къ современности завладѣніе, какъ обоснованіе собственности, не можетъ имѣть мѣста, за исключеніемъ вновь открываемыхъ земель; да и то послѣднія прежде захватываются въ собственность государственную, когда на нихъ водружается соотвѣтственный флагъ.

Трудовая теорія первая изъ вышепересмотрѣнныхъ, которая старается не только юридически обосновать, но и этически оправдать собственность, т. е. связать возникновеніе ея съ требованіями справедливости. Суть ея заключается въ томъ, что будто бы собственность на вещи или предметы возникаетъ изъ созданія ихъ трудомъ или изъ приложенія къ нимъ труда лица, становящагося затѣмъ собственникомъ этихъ вещей. Пожалуй, поскольку это сводилось къ первичнымъ моментамъ, въ родѣ только что рассмотрѣнныхъ въ теоріи завладѣнія, это отчасти такъ и бывало по отношенію къ землѣ; этому же соотвѣтствуетъ и вышеприведенная русская историческая формула на счетъ приложенія сохи или топора. Но, во-первыхъ, такимъ путемъ могла обосновываться земельная собственность только самихъ земледѣльцевъ или землеробовъ, а не сколько нибудь крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ лицъ, которые сами земли своей никогда не обрабатывали, а или сдавали ее въ арендное пользованіе земледѣльцу или обрабатывали трудомъ рабовъ, колонновъ, крѣпостныхъ или невольниковъ. Въ обрабатывающей промышленности при системѣ еще домашняго замкнутаго хозяйства, пожалуй продукты производства принадлежали ихъ производителямъ—членамъ одной и той же семьи, и то, если не одному главѣ семьи, какъ это было у римлянъ. Также и средневѣковый ремесленникъ былъ творцомъ и собственникомъ своихъ издѣлій, хотя и ему не мало помогали въ производствѣ ихъ его подмастерья.

Но какъ возможно примѣнить всѣ такія разсужденія по отношенію къ наиболѣе распространеннымъ формамъ и способамъ современнаго производства на всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ фабрикахъ и заводахъ или хотя бы на прежнихъ мануфактурахъ? Теперь вообще почти уже не встрѣчается этотъ уединенный отъ орудій производства и общественной среды трудъ человѣка. Представители труда постоянно наталкиваются на находящіеся въ обладаніи у другихъ лицъ орудія или матеріалы и вообще средства производства; прилагая же къ нимъ свой трудъ, т. е. фактически производя самые продукты своего труда и ихъ цѣнность, эти работники вовсе не приобрѣтаютъ права на эти продукты, ибо они

принадлежать обыкновенно тѣмъ, кто нанималъ рабочихъ, а не сами работаютъ. Правъ поэтому проф. Вагнеръ, считая такое обоснованіе собственности лишь за нѣкоторый постулатъ для установленія такого болѣе идеальнаго порядка владѣнія или собственности (Eigentumsordnung) въ будущемъ, да и то не вполне, такъ какъ трудно не только рассчитать, но даже и точно опредѣлить—какую долю цѣнности продукта создалъ тотъ или другой рабочій изъ сотенъ или тысячъ участвующихъ въ совмѣстномъ производствѣ и при содѣйствіи въ немъ сложныхъ орудій и общественныхъ условій. Потому то и трудно осуществимъ одинъ изъ вышеуказанныхъ (см. стр. 173) социалистическихъ идеаловъ или началъ распределенія, а именно, чтобы каждый получалъ полный продуктъ своего труда. По отношенію же къ современной дѣйствительности трудовая теорія является скорѣе злой насмѣшкой надъ нею, чѣмъ отраженіемъ того, что есть на самомъ дѣлѣ. Заключаетъ же пр. Вагнеръ оцѣнку этой теоріи слѣдующими словами: «Не трудъ, поэтому, устанавливаетъ тутъ частную собственность, а правовой порядокъ установившій уже, на примѣръ, институты давности и наследованія и такимъ образомъ предоставивъ право частной собственности отдѣльнымъ лицамъ на предметы не ими самими захваченныя или сработанныя. Тотъ же правовой порядокъ установилъ, въ какомъ объемѣ опредѣленный трудъ въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ быть средствомъ приобрѣтенія собственности въ сложной системѣ современнаго производства и хозяйства, основаннаго на раздѣленіи труда и раздѣльной собственности»¹⁾. Тутъ же Вагнеръ указываетъ, что не на трудѣ, а на договорномъ правѣ и спецификаціи²⁾ основываются права собственности отдѣльныхъ лицъ участвующихъ въ производствѣ на его продукты.

Итакъ нельзя найти какое-нибудь абсолютное обоснованіе для частной собственности ни въ тѣхъ или другихъ свойствахъ человеческой природы, ни въ какихъ либо моментахъ человеческихъ дѣйствій, въ родѣ завладѣнія или труда. Приходится поэтому искать этого обоснованія въ болѣе широкихъ условіяхъ общежитія въ которыхъ выражается вообще такъ называемый *правовой порядокъ* (Rechtsordnung). Всякій же процессъ созданія или производства цѣнности есть въ то же время возникновеніе новыхъ объектовъ

¹⁾ А. Wagner. Lehrbuch der Pol. Oekon., Grundlegung. изд. 1879 г., стр. 555 и слѣд.

²⁾ Подъ спецификаціей понимается у римскихъ юристовъ спорный вопросъ о томъ, кто имѣетъ большее право на продуктъ труда—представитель ли послѣдняго или владѣлецъ матеріала? См. объ этомъ въ интересной книгѣ Р. Орженскаго: Ученіе о цѣнности у классиковъ и канонистовъ. 1896.

собственности, распределяющихся тутъ же между производителями. Въ этомъ моментѣ заключается разрѣшеніе двухъ вопросовъ: экономическаго—*распределенія* цѣнностей (или доходовъ) и юридическаго *приобрѣтенія правъ* на произведенные продукты. Личные представители каждаго изъ трехъ основныхъ условій производства (прежнихъ факторовъ)—труда, природы и капитала, въ этотъ моментъ предъявляютъ свои претензіи на доли произведенныхъ продуктовъ или ихъ цѣнностей, соотвѣтствующія, по ихъ мнѣнію, участию въ созданіи этихъ продуктовъ каждаго изъ этихъ факторовъ или условій. И уже конечно не представителямъ труда принадлежитъ главное рѣшающее значеніе, а владѣльцамъ тѣхъ или иныхъ средствъ производства.

Неудовлетворительность всѣхъ этихъ разсмотрѣнныхъ теорій приводитъ проф. Вагнера къ обоснованію собственности на такъ называемой *легальной теоріи*, выводящей собственность *изъ признанія ея закономъ* или раньше—обычаемъ, какъ установленія, заслуживающаго такой же защиты, на ряду съ другими условіями общежитія гражданъ, организованная защита которыхъ составляетъ и сущность права вообще и одну изъ главнѣйшихъ задачъ государства въ частности и въ особенности.

Институтъ частной собственности, будучи поставленъ на такое основаніе, представляется уже категоріей не чисто логической, а *исторической*, какъ сложившаяся во времени форма отношеній, способная соотвѣтствовать условіямъ общежитія иногда болѣе, иногда менѣе. Потому и значеніе этого института, какъ категоріи исторической, можетъ подлежать оцѣнкѣ съ точки зрѣнія его относительной, т. е. большей или меньшей *цѣлесообразности*.

Наиболѣе нагляднымъ доказательствомъ этой мысли можетъ послужить разсмотрѣніе значенія института *давности*, сводящагося къ слѣдующему: если кто либо пользовался или фактически владѣлъ не принадлежащей ему землей въ теченіе такого-то срока (давности), а настоящій собственникъ этой земли въ теченіе того-же срока не протестовалъ противъ этого, то земля эта «по давности владѣнія ею» можетъ перейти къ завладѣвшему ею, хотя бы собственникъ впоследствии и сталъ требовать возстановленія его въ своихъ безспорныхъ первоначальныхъ правахъ. На чемъ-же основывается такая съ перваго взгляда несправедливость по отношенію къ настоящему собственнику и какъ бы пристрастіе къ завладѣвателю чужой земли?—Съ точки зрѣнія *абсолютныхъ* теорій собственности это и недопустимо, и необъяснимо; а по разсматриваемой легальной теоріи или съ точки зрѣнія относительной *цѣлесообразности*—совершенно правильно и понятно, что законъ и судъ берутъ подъ свою защиту

завладѣвателя и вотъ почему: въ признаваемомъ за нимъ правѣ защищается не столько личный его интересъ, сколько *общественный* выражающійся въ томъ, чтобы земля вообще не пустовала, т. е. не пропадала бы непроизводительно для общества или для народнаго хозяйства въ его цѣломъ. Собственникъ же въ настоящемъ случаѣ пренебрегалъ своимъ правомъ, т. е. землей этой не пользовался и даже не защищалъ своего права на нее; а завладѣвшій, извлекая пользу изъ этой земли для себя, тѣмъ самымъ служилъ и общественнымъ интересамъ или всему народному хозяйству, увеличивая народное богатство на всю сумму создаваемыхъ имъ продуктовъ земледѣлія съ этого куска земли. Слѣдовательно законъ, какъ и раньше обычай, становятся на сторону лица дѣятельнаго, а не бездѣятельнаго, не формальнаго собственника, а производительно трудящагося, въ данномъ случаѣ своимъ трудомъ или эксплуатаціей этой земли обосновывающаго свое право на нее.

Можно указать и на другіе примѣры преимущества обоснованія собственности или владѣнія на такомъ трудовомъ началѣ, отступленіе отъ котораго и установленіе болѣе абсолютной собственности приноситъ ущербъ народному хозяйству и богатству страны. Такъ въ русско-азіатскихъ владѣніяхъ—Туркестанѣ и т. п., раньше въ основѣ землевладѣнія лежало мусульманское право, признававшее право владѣнія землей лишь за тѣми лицами, которыя ее орошали,—по большой части отводя соотвѣтственныя арыки или канавки отъ разливающихся весной рѣкъ, несущихъ плодородный илъ. Безъ этого земля тамъ ничего родить не можетъ. А когда владѣніе землей стало покоиться на болѣе абсолютныхъ началахъ нашего гражданскаго права, (въ основѣ своей римскаго), то многія бывшія цвѣтуція и плодородныя мѣстности пришли въ заустѣніе, ибо обязанность орошать землю не связана съ обыкновеннымъ правомъ собственности. И потому нельзя считать доказаннымъ часто приводимое общее положеніе, что только абсолютное, т. е. наиболѣе полное и безусловное право собственности само по себѣ гарантируетъ, на примѣръ, наилучшее использованіе земли. Если бы это было такъ, то не было бы и того, что только что изложено, и не сложился бы разсмотрѣнный институтъ земской давности, который имѣетъ значеніе какъ бы поправки или дополненія къ институту собственности, самого себя не всегда оправдывающему на дѣлѣ.

Вообще если юристамъ позволительно или свойственно довольствоваться разсмотрѣніемъ правовыхъ явленій съ чисто формальной стороны—объема права, и вообще одной логической конструкціей юридическихъ понятій, то это недопустимо для экономистовъ, которыхъ не только можетъ, но и должно особенно интересовать это *общественно-экономическое значеніе правовыхъ установленій*, т. е. съ точки зрѣнія ихъ вліянія на хозяйство и соотвѣтствія ихъ интересамъ послѣдняго. Это отнюдь не значитъ, что *всѣ* правовыя явленія должны находить себѣ объясненія или оправданія съ хозяйственной или экономической точки зрѣнія; но что очень многія изъ

нихъ,—и преимущественно относящіяся къ области именно гражданскаго права, а въ немъ—вещное и обязательственное право, въ особенности—должны быть объясняемы и оцѣниваемы съ такой точки зрѣнія, это не должно подлежать сомнѣнію. И если этимъ не хотятъ заниматься сами юристы, то приходится братья за это экономистамъ,—образцомъ для коихъ и послужилъ тотъ-же берлинскій профессоръ А. Вагнеръ, къ классификаціи объектовъ собственности котораго мы сейчасъ и перейдемъ, такъ какъ въ ней-то и выясняется *практическо-экономическое значеніе* собственности по отношенію къ различнымъ ея объектамъ, допускающее различную-же, т. е. большую или меньшую, полноту правъ собственника, а вовсе не одинаково равное какое-то абсолютное право, въ смыслѣ его неограниченности.

О полномъ, т. е. вполнѣ неограниченномъ, правѣ собственности, какъ понятіи прочно установившемся со временемъ римскаго права, существуетъ вообще неправильное представленіе или злоупотребленіе этимъ терминомъ (полноты и неограниченности). Дѣйствительно, римско-правовое опредѣленіе собственности, по первому впечатлѣнію, какъ будто признаетъ именно такое широкое право, ибо говоритъ о правѣ не только пользованія но и *злоупотребленія* этимъ правомъ по отношенію къ его объекту—*jus utendi et abutendi re sua*, ибо слово *abutendi* трудно иначе понять и перевести, какъ злоупотребленіе; *abutere* по латыни то же самое, что *abuser* по французски, и потому эта вся фраза по французски и звучитъ также: *droit d'user et d'abuser de sa chose*. Но, во первыхъ, едва-ли вообще допущеніе «злоупотребленія» въ настоящемъ дурномъ смыслѣ этого слова могло имѣться въ виду въ юридическомъ значеніи этой фразы; вѣроятно этимъ желательно было только усилить вообще значеніе права собственности по сравненію съ другими видами владѣнія, а, во вторыхъ, общій смыслъ этого опредѣленія заключается не въ одной вышеприведенной фразѣ, но и въ ея непосредственномъ продолженіи или окончаніи, которое гласило, что все сіе допускается *лишь въ предѣлахъ разума закона* — *quatenus juris ratio patitur*. А подъ послѣднимъ и понимаются всѣ тѣ ограниченія правъ собственниковъ или даже прямо обязанности, подъ условіемъ соблюденія которыхъ или въ предѣлахъ которыхъ допускается это сравнительно или относительно наиболѣе полное право пользованія и распоряженія своей вещью. Величайшій знатокъ римскаго права знаменитый проф. Рудольфъ Герингъ въ своемъ крупнѣйшемъ произведеніи: «Цѣль въ правѣ», помимо такой общей постановки вопроса о значеніи права вообще, (возбудившей въ свое время противъ него страшную ненависть и озлобленіе, даже прежнихъ его поклонниковъ), приводитъ массу примѣровъ болѣе правильнаго,—въ смыслѣ нѣкоторой ограниченности права собственности,—пониманія этого права самими римскими юристами въ сравненіи съ ихъ слѣпыми иногда поклонниками ¹⁾.

¹⁾ R. Thering. Zweck im Recht. 1877, есть русскій переводъ. Интересующіеся этимъ вопросомъ найдутъ много примѣровъ самого Геринга въ нашемъ соч. Экономич. отвѣтственность предпринимателя, глава, II, стр. 111 и слѣд.

Классификація объектовъ собственности (по А. Вагнеру).

Въ основу этой классификаціи кладется обычное и у юристовъ раздѣленіе имуществъ на движимое и недвижимое; по на ряду съ этимъ тутъ выдвигается значеніе объектовъ собственности съ экономической точки зрѣнія, какъ *потребительныхъ имуществъ* и какъ *средствъ производства* или *капиталовъ*. Различіе точекъ зрѣнія частнаго и народнаго хозяйства здѣсь отступаетъ на второй планъ, такъ какъ въ вопросахъ о составныхъ частяхъ частныхъ имуществъ естественно будетъ преобладать частно,—а не народно-хозяйственная точка зрѣнія, и потому въ составъ частнаго капитала входятъ многіе такіе предметы, какъ на примѣръ средства существованія для производительныхъ рабочихъ, которыя съ народно-хозяйственной точки зрѣнія суть только предметы потребленія. Самая *схема* заключается въ слѣдующемъ:

I. Собственность на потребительное имущество:

А. Движимое, распадающееся на:

- 1) предметы, уничтожаемые сразу при потребленіи (пища, топливо и т. п.);
- 2) предметы болѣе или менѣе продолжительнаго пользованія (одежда, мебель и пр.).

Б. Недвижимое, состоящее изъ слѣдующихъ видовъ его:

- 1) Дворы, сады, парки.
- 2) Пространства подъ жилыми строеніями.
- 3) Жилыя строенія.

Съ другой стороны, существенно еще подраздѣленіе того же потребительнаго имущества по видамъ потребностей въ нихъ и по размѣрамъ необходимости въ нихъ—на предметы: первой необходимости, условной и роскоши, а равно и для потребностей культурныхъ.

II. Собственность на средства производства:

А. Капиталистическая собственность на

1. Движимыя средства производства, въ томъ числѣ
  - а) собственность на денежный капиталъ, какъ капиталъ для *всѣхъ* видовъ приложенія его,
  - б) собственность на остальные движимыя средства производства какъ капиталъ для спеціальнаго пользованія имъ, а именно:
    - а) на *основной* капиталъ, въ особенности машины,

β) на оборотный капиталъ, въ особенности главный и вспомогательный материалъ и затѣмъ—средства существованія для рабочихъ во время производства.

2. Собственность на капиталы болѣе или менѣе неразрывно *связанныя съ землей*, а именно: зданія и различныя служащія для производства техническія приспособленія на землѣ и въ самой землѣ.

Б. Поземельная собственность.

1. На площади земли подъ зданіями и вообще какъ мѣста для производства; особенно существенна тутъ *городская* земельная собственность, съ подраздѣленіемъ ея по городамъ большимъ и малымъ.

2. Поземельная собственность на участки земли для нахождения въ нихъ и извлеченія такихъ *неорганическихъ* веществъ, которыя въ ихъ естественномъ видѣ служатъ цѣлямъ производства, но иногда и какъ непосредственно предметы потребленія, *не увеличивающіеся сами по себѣ* и подъ вліяніемъ человѣка въ своемъ числѣ и количествѣ, т.-е. не воспроизводясь снова,—главнымъ образомъ собственность на *минеральныя или ископаемыя* богатства земли.

3. Земельная собственность на пространства, служащія для *присвоенія* (посредствомъ охоты, рыбной ловли, собиранія и т. п.) такихъ *органическихъ* веществъ (животныя и растенія), которыя въ ихъ естественномъ видѣ служатъ цѣлямъ производства и потребленія, но уже сами по себѣ вновь *воспроизводятся* природой, въ томъ числѣ первобытныя или естественныя лѣса, рыбныя богатства и т. п.

4. Земельная собственность на участки съ цѣлью *добыванія и переработки* на нихъ *при участіи труда и капитала* естественныхъ продуктовъ земли и воздуха въ соотвѣтствующую удовлетворенію *человѣческихъ потребностей* растительную форму, а именно:

а) *сельскохозяйственная и земледѣльческая* земельная собственность на поля и луга,

б) собственность на *лѣсную* площадь, искусственные и культурные лѣса.

5. Собственность на пространства земли, служащія для *сообщенія*,—дороги и улицы. Она распадается еще на два вида по техническому способу пользованія путями сообщенія, а именно:

а) пути допускающіе произвольное пользованіе ими, какъ обыкновенныя сельскія дороги, рѣки и моря,

б) пути, способы сообщенія по которымъ такъ организованы, что допускаютъ движеніе только по рельсамъ ¹⁾.

Эта классификація очень наглядно показываетъ всю многогранность объектовъ собственности и потому совершенно различный

¹⁾ А. Wagner, н. с. стр. 529—532.

объемъ правъ собственника, который можетъ быть допущенъ по отношенію къ нимъ со стороны закона. Такъ выше уже приведено было указаніе на значеніе лѣсныхъ богатствъ, которыя могутъ подвергаться опасности полнаго и неисправимаго ихъ уничтоженія по произволу собственника. Относительно-же ископаемыхъ богатствъ возможно обратное,—что они, по капризу, по неумѣнью воспользоваться ими или по недостатку средствъ у ихъ собственника, останутся неиспользованными и потому недоступными для народнаго хозяйства. Поэтому по отношенію къ нимъ издавна и даже издревле иногда практиковалась система такъ называемой *государственной регалии*, т.-е. признаніе нѣдръ земли принадлежащими не собственнику поверхности ея, а государству. Въ новѣйшее-же время съ успѣхомъ проводится другое начало — *горная свобода*, т.-е. предоставленіе однимъ лицамъ права извлекать эти богатства изъ земли, принадлежащей не имъ, а другимъ лицамъ, за нѣкоторое вознагражденіе послѣднихъ. И такъ можно было бы объяснить особое значеніе каждой изъ приведенныхъ категорій объектовъ собственности. Но достаточно и приведенныхъ примѣровъ разъясненій, чтобы сдѣлать слѣдующіе болѣе общіе выводы:

во-первыхъ, что вообще можно допустить *болѣе широкое* пользованіе правами собственности по отношенію къ имуществамъ *потребительнымъ*, чѣмъ средствамъ производства или капиталамъ, въ томъ числѣ наиболѣе широкое—по отношенію къ имуществамъ движимымъ, чѣмъ недвижимымъ;

во-вторыхъ, что особенныя заботы о возможно лучшемъ и полномъ использованіи ихъ должны вызывать объекты собственности *недвижимые*, служащіе для производства на нихъ или при помощи ихъ и обладающіе независимыми отъ воли и сознанія людей свойствами и размѣрами или количествами, какъ тѣ или другіе дары природы.

А потому и наиболѣе общій выводъ будетъ тотъ, что подъ правомъ частной собственности слѣдуетъ понимать на какое-то абсолютное или неограниченное право собственника дѣлать со своими вещами произвольныя распоряженія и пользованія, а право лишь *относительно* наиболѣе полное или защиту его отъ посягательствъ со стороны третьихъ лицъ, но все это въ предѣлахъ ограниченій и обязанностей налагаемыхъ на это пользованіе закономъ въ виду общественнаго интереса ¹⁾. Также опредѣляетъ частную собствен-

¹⁾ Ю. Гамбаровъ. Добровольная и безвозмездная дѣятельность въ чужомъ интересѣ, т. I, стр. 114. См. также издан. подъ его редакціей „Сборникъ общихъ юридическихъ знаній“, изд. 1899 г., гдѣ есть рядъ популярныхъ статей по данному вопросу, въ томъ числѣ самого Ю. Гамбарова „Право въ его основныхъ моментахъ“, С. Булгакова—„Хозяйство и право“ и др.

ность и проф. Вагнеръ, а именно, какъ «высшую допускаемую правомъ (закономъ) форму правового господства личности надъ внѣшними благами».

Проф. *Р. Герингъ* въ своемъ опредѣленіи идетъ еще дальше и говоритъ слѣдующее: «Всѣ права гражданскаго права, хотя и имѣютъ цѣлью отдѣльное лицо, но находятся подъ вліяніемъ и обусловливаются ихъ отношеніемъ къ обществу; нѣтъ ни одного права, относительно котораго субъектъ могъ бы сказать: это (право) я имѣю исключительно для одного себя и вытекаетъ какъ слѣдствіе изъ понятія права, что общество не можетъ меня ограничить... Если все сказанное вѣрно и если правда восторжествуетъ въ мірѣ, то придетъ время, когда собственность приметъ другой видъ, чѣмъ теперь, и общество будетъ такъ-же мало признавать мнимое право собственника дѣлать такое-же произвольное употребленіе изъ своей собственности, какъ уже не признается болѣе право древне-римскаго отца надъ жизнью и смертью своихъ дѣтей, кулачная расправа и публичный грабежъ рыцарей и береговое право среднихъ вѣковъ».

Частная собственность и наследственное право будутъ продолжать существовать; но надо имѣть слишкомъ мало довѣрія къ финансовому искусству, если не допускать мысли, что ему удастся посредствомъ налоговъ прогрессивно подоходнаго, на наследство и роскошь, какъ и другими способами, произвести такое давленіе на частную собственность, которое будетъ противодействовать чрезмѣрному накопленію ея въ отдѣльныхъ пунктахъ и, отводя избытки въ государственную кассу, тѣмъ ослаблять давленіе на остальные части общественнаго тѣла, вводя такимъ образомъ болѣе соответствующее, т. е. болѣе справедливое распредѣленіе жизненныхъ благъ, чѣмъ какъ оно совершается и было единственно возможнымъ подъ вліяніемъ такой собственности, называя которую настоящимъ именемъ, слѣдовало бы признать ее за ненасытность эгоизма» ¹⁾).

Указанная возможность злоупотребленія со стороны собственника своимъ правомъ и вызываемая этимъ, необходимость законодательнаго регулированія условій пользованія собственностью нисколько не умаляетъ исторической роли самого института собственности, какъ начала весьма содѣйствовавшаго развитію хозяйства вообще и увеличенію производительности труда въ частности. Несомнѣнно, что возникновеніе и укрѣпленіе частной собственности, на примѣръ, на землю, было связано съ введеніемъ болѣе интенсивныхъ формъ земледѣлія, такъ какъ въ землю будутъ вкладываться затраты только при увѣренности, что онѣ не пропадутъ; а въ этомъ всего болѣе конечно гарантированъ земледѣлецъ-собственникъ, особенно, если имѣются въ виду затраты болѣе или менѣе капитальныя, т. е. дающія долго длящіяся результаты. Не даромъ давно уже сдѣлалось ходячимъ выраженіе: «дайте въ собственность кусокъ голой скалы и она будетъ превращена въ цвѣтуцій садъ или огородъ».

¹⁾ *R. v. Ihering. Zweck im Recht, т. I, стр. 520.*

Разграниченіе правъ частныхъ и публичныхъ.

На институтъ собственности въ его исторической роли можно и должно однако смотрѣть не только съ точки зрѣнія чисто хозяйственной. Несомнѣнно, что институтъ этотъ, когда онъ сформировывался въ Римѣ, особенно въ эпоху имперіи, имѣлъ и болѣе широкое соціальное значеніе, а именно — *средства обезпеченія для гражданина нѣкоторой сферы или оболочки свободы и неприкосновенности*, какъ гарантія противъ чрезмѣрнаго развитія тогдашней государственности, поглощавшей личность. И такую роль въ дѣйствительности въ свое время и съиграли всѣ вообще институты гражданскаго права, какъ нѣкоторое *противоположеніе институтамъ права публичнаго*, въ то время даже слишкомъ рѣзко проводившееся. Именно, на противоположеніи *существа интересовъ общественныхъ и частныхъ* обосновано было еще знаменитое Ульпіановское римско-правовое разграниченіе права публичнаго и гражданскаго (*Sunt enim quaedam publice utilia quaedam privatim*).

Основаніе это однако не достаточно ясно и устойчиво, такъ какъ понятіе *общаго блага* или *общественнаго интереса* въ разныя историческія эпохи было весьма различнымъ. Такъ на примѣръ эти понятія существенно различались въ Римѣ и въ послѣдующую средне-вѣковую эпоху.

Римъ значительно опередилъ собою средніе вѣка въ развитіи понятія публичнаго интереса въ смыслѣ общегосударственнаго; хотя и тутъ государство относилось не одинаково безпристрастно ко всѣмъ своимъ подданнымъ, а принимало ближе къ сердцу интересы полноправныхъ гражданъ, чѣмъ плебеевъ, не говоря уже о рабахъ, не бывшихъ вообще субъектами правъ. Въ средніе-же вѣка, при очень слабомъ развитіи началъ государственности, понятія общаго блага или интереса почти не существовало; замѣнялось-же оно групповыми интересами сословій, на которыя раздѣлялось все населеніе и которыя представляли собою каждое рѣзко обособленные другъ отъ друга нѣкоторыя цѣлыя. Въ послѣдовавшую затѣмъ эпоху развитія абсолютизма королевской власти хотя и выдвигается съ новою силой понятіе общегосударственнаго интереса, но таковымъ оно было больше лишь по названію, такъ какъ въ то время сохранялось еще довольно рѣзкое раздѣленіе общества на сословія, при чемъ высшія изъ нихъ пользовались огромными привилегіями и преимуществами по сравненію со средними, не говоря уже о безправіи нисшихъ сословій. Интересы государственные поэтому сливались больше съ интересами королей и этихъ высшихъ сословій. Наконецъ, наступившая

эпоха равенства въ правахъ хотя и привела къ упраздненію словныхъ привилегій, но, во первыхъ, не вездѣ и не вполне еще, а, во вторыхъ, и на началахъ всеобщаго и равнаго для всѣхъ гражданскаго права сохранились и даже иногда еще больше развиваются неравенства въ положеніи разныхъ группъ населенія, вытекающія изъ фактическихъ различій въ размѣрахъ обладаемыхъ имуществъ вообще и средствъ производства или капитальныхъ имуществъ въ особенности. Различіе это, правда, уже не сословное, а классовое; но въ немъ-то и заключается основа такъ называемыхъ *соціальныхъ противорѣчій* или *борьбы классовъ*, не дающая возможности признавать это формально равное для всѣхъ гражданское право по своимъ фактическимъ результатамъ одинаково благоприятнымъ для всѣхъ классовъ общества вообще. Вѣдь только на почвѣ этого права получается дѣленіе классовъ на имущіе и неимущіе (*besitzlose* у немцевъ), т. е. владѣющіе и не владѣющіе имуществомъ въ сколько нибудь значительномъ размѣрѣ или въ такомъ, который самъ по себѣ сколько нибудь обезпечивалъ бы ихъ существованіе. Отсутствие такого имущества у большинства населенія и создаетъ изъ него классъ лицъ, вынужденныхъ продавать свой трудъ въ качествѣ особаго товара владѣльцамъ средствъ производства и жить только на плату, получаемую за этотъ трудъ.

Поэтому теперь тѣ-же начала гражданскаго права уже не могутъ играть той роли, которую въ свое время они играли въ Римѣ, т. е. средства обезпеченія свободы и неприкосновенности отдѣльныхъ гражданъ. Настоящее же обезпеченіе такихъ интересовъ заключается теперь гораздо болѣе въ чисто политическихъ условіяхъ или гарантіяхъ, напримѣръ, конституціонныхъ, а не въ этихъ гражданско-правовыхъ.

Различное значеніе для имущихъ и неимущихъ классовъ гражданскаго права вообще и въ концѣ лишь XIX вѣка составленнаго наконецъ для Германіи новаго гражданскаго кодекса особенно хорошо выяснено въ спеціально посвященномъ этому вопросу сочиненіи не такъ давно умершаго профессора цивилиста *Антоня Менгера*, (не смѣшивать съ экономистомъ К. Менгеромъ): «Гражданское право и неимущіе классы населенія», гдѣ имъ высказываются между прочимъ слѣдующія соображенія и мысли:

Менгеръ исходитъ изъ того положенія, что системы всякаго права вообще и германскаго гражданскаго въ частности сложились въ силу или на почвѣ древнихъ *обычаевъ*. Когда въ качествѣ правосозидающихъ факторовъ въ послѣдствіи выступали государство и законодательство, то имъ предоставлялась одна задача—заполнить уже сложившіяся такимъ путемъ рамки и дать имъ болѣе точное опредѣленіе. Между тѣмъ обычаи эти слагались подъ вліяніемъ борьбы, происходившей на прежнихъ ступеняхъ общественнаго развитія, когда еще не было общепризнаннаго правового порядка и за личностью не признавалось никакихъ защищенныхъ правъ. «Въ этой борьбѣ

между противоположными интересами, говорит Менгеръ, сильные и власть имущіе всегда одерживали верхъ надъ громадной массой слабыхъ и безвластныхъ. Сначала власть обуславливалась исключительно выдающимися личными качествами, мужествомъ и физическими или умственными способностями,—впослѣдствіи, послѣ упроченія правового порядка, эти личные качества стали подкрѣпляться, а затѣмъ были окончательно *замѣнены уже приобретенными правами*... Въ настоящее время тоже можно еще убѣдиться на опытѣ всѣхъ государствъ, что интересы классовъ, располагающихъ властью, превращаются послѣ конфликтовъ въ права, при чемъ конечно въ настоящее время для достиженія этой цѣли служить по большей части путь законодательства. Такъ какъ основы нашей правовой системы зиждутся на обычномъ правѣ, а это послѣднее представляетъ въ существенныхъ чертахъ результатъ побѣдоносной борьбы интересовъ сильныхъ противъ слабыхъ, то безусловно надо ожидать напередъ, что возникшій такимъ образомъ правовой порядокъ долженъ былъ оказаться невыгоднымъ для низшихъ классовъ населенія» ¹⁾. (Въ сочиненіи этомъ и указывается цѣлый рядъ неблагоприятныхъ условій по различнымъ отдѣламъ гражданскаго права—вещнаго, обязательственнаго и т. д. и даже чисто процессуальнаго или формальнаго. Такое же движеніе начинается и на чисто практической почвѣ въ области австрійскаго права и процесса, въ смыслѣ сознанія необходимости представительства въ нихъ общественнаго интереса ²⁾).

Разбирая далѣе въ общихъ чертахъ разныя другія ученія о происхожденіи права и государства вообще, Менгеръ говоритъ, что, ученія эти создавались до сихъ поръ преимущественно для оправданія опредѣленныхъ государственныхъ формъ, напр. наследственной монархіи, къ которымъ они болѣе или менѣе и приложимы; напротивъ того «частное-же (т. е. гражданское) право, которое, почти не было затронуто даже великой французской революціей, повидимому не нуждалось въ такой поддержкѣ. Однако каковъ бы ни былъ политическій строй государства, государственная власть въ дѣйствительности неизбѣжно должна находиться въ рукахъ относительно тѣснаго кружка людей, и организація ея имѣетъ относительно малое значеніе для большихъ массъ населенія, лишь бы государство управлялось сообразно съ интересами народа. Потому-то и могли высказываться о самыхъ глубокихъ основахъ государства и права такіе взгляды, которые ни въ коемъ случаѣ неприменимы къ частному праву, регулирующему важнѣйшіе жизненные интересы всѣхъ, не исключая низшихъ классовъ населенія». И далѣе, разбирая основы ученія о правѣ школъ исторической и естественно-правовой (о духѣ народа или о свободномъ договорѣ), Менгеръ, продолжаетъ: «Заблужденіе, лежащее въ основѣ этихъ теорій обнаруживается немедленно и становится нестерпимымъ, какъ только пытаются примѣнить ихъ къ частному праву.

Кто посмѣетъ утверждать съ претензіей на правдоподобіе, что духъ всей націи въ совокупности породилъ такой частно-правовой порядокъ, которымъ $\frac{4}{5}$ или даже $\frac{9}{10}$ всѣхъ членовъ государства отстранены на всю жизнь отъ большей части благъ и преимуществъ? Абсурднымъ было бы и

¹⁾ *Ант. Менгеръ*. Гражданское право и неимущіе классы, русск. пер. стр. 4—6.

²⁾ *E. Steinbach*. Vertretung der öffentlichen Interessen auf dem Gebiete des Privatrechts. 1902.

такое допущеніе, что громадное большинство народа дало свое согласіе на подобное самоограниченіе посредствомъ явнаго или молчаливаго договора. А то воззрѣніе, которое я (Менгеръ) отстаиваю въ настоящемъ трудѣ въ противоположность всѣмъ господствовавшимъ до сихъ поръ, заключается въ сущности въ слѣдующемъ: современныя системы частнаго права представляютъ повсюду духовный продуктъ не всего народа, а только привилегированныхъ круговъ населенія, которыя навязали ихъ неимущимъ классамъ посредствомъ борьбы, длящейся уже тысячи лѣтъ. Сущность и значеніе этой борьбы не умаляется отъ того, что она распадается отчасти на безчисленное множество отдѣльныхъ стычекъ, не поддающихся наблюденію изслѣдователей»¹⁾).

Приведенные взгляды проф. А. Менгера не вполне оригинальны такъ какъ они очень напоминаютъ объясненіе происхожденія права вообще и гражданскаго въ частности путемъ борьбы интересовъ, данное еще *Герингомъ*, представителемъ направленія въ наукѣ о правѣ, могущаго быть названнымъ *историко-реалистическимъ*, въ параллель съ такимъ-же направленіемъ въ политической экономіи. Имѣя за себя очень многое въ смыслѣ соотвѣтствія дѣйствительному ходу событій, направленіе это раздѣляется большинствомъ современныхъ экономистовъ, какъ имѣющее съ ними много точекъ соприкосновенія. Но необходимо имѣть въ виду, что на ряду съ такимъ ученіемъ въ настоящее время возсоздается прежнее ученіе о происхожденіи права, какъ бы объединяющее въ себѣ школы—старую историческую и естественно-правовую. Это новыя такъ называемыя *психологическія теоріи* въ ученіи о правѣ. Онѣ берутъ изъ исторической школы то, что тамъ приписывалось безсознательному творчеству духа *всего народа*, и переносятъ это, согласно школѣ естественнаго права, *въ отдѣльную личность*, т. е.

---

¹⁾ *Ант. Менгеръ*. Назв. соч. стр. 7—9. Въ другомъ сочин. того-же автора: „Новое ученіе о государствѣ“, (русск. пер. изд. 1905 г.). Тѣ-же мысли проводятся по отношенію къ возникновенію государства. Такъ напримѣръ А. Менгеръ слѣдующими словами начинаетъ это второе свое сочиненіе. „Всякій, существовавшій до сихъ поръ, правовой порядокъ проистекалъ въ послѣднемъ счетѣ изъ того или иного соотношенія силъ и, какъ таковой, всегда имѣлъ цѣлью защиту интересовъ могущественнаго меньшинства на счетъ широкихъ народныхъ массъ. Правовыя системы древности—греческое и римское право—открыто выражали эти соотношенія, предоставляя, посредствомъ института рабства, громаднѣйшую часть населенія неограниченной эксплуатаціи господъ. Точно также, господствовавшій въ теченіе среднихъ вѣковъ вплоть до XVIII и XIX столѣтій, феодальный общественный строй владѣлъ въ видѣ крѣпостнаго состоянія и другихъ формъ зависимости, правовыми институтами, имѣвшими тѣ же цѣли и послѣдствія. Даже великая французская революція, на почвѣ которой мы стоимъ и въ настоящее время, не уничтожила этого соотношенія, а только скрыла его“ и т. д.

въ область индивидуальной ея психологіи. Центр тяжести права изъ сферы положительнаго законодательства переносится въ сферу этихъ присущихъ человѣку и живущихъ въ его душѣ или умѣ *представлений* о правѣ, и соответственныхъ убѣжденій, выражающихся въ правовыхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ. Нормамъ положительнаго права присвоивается понятіе или названіе нормъ *позитивныхъ*, а этимъ представленіямъ — нормъ *автономныхъ* или *интуитивныхъ*. Только первыя представляются заключающими въ себѣ *внѣшнія* или *чужія велѣнія*, между тѣмъ какъ вторыя вытекаютъ изъ *представлений и убѣжденій самихъ людей*, т. е. отдѣльныхъ личностей, какъ источниковъ права самихъ по себѣ. Примѣненіе этихъ живущихъ въ человѣкѣ убѣжденій и представлений о должномъ и справедливомъ къ человѣческимъ правоотношеніямъ происходитъ на почвѣ развитія соответственныхъ *эмоцій* (императивно-аттритивныхъ). Эти же послѣднія включаютъ въ себѣ психически сознаніе обязанностей—нашихъ по отношенію къ другимъ какимъ либо лицамъ или ихъ обязанностей по отношенію къ намъ самимъ. (Говоря обыкновеннымъ юридическимъ языкомъ, первое—это вообще наши обязанности и права другихъ лицъ, напримѣръ наша, какъ впрочемъ и всякаго лица, обязанность не нарушать чужой собственности или уплачивать долги и т. п., а второе—это наше (субъективное) право, напр. какъ собственника, которое обязаны чтить или признавать и потому не нарушать всѣхъ другихъ лицъ). Значеніе этого сознанія права можетъ быть конечно очень велико и въ значительной степени объяснять соответственное правовое поведеніе людей. Но сфера этого сознанія *ограничивается лишь самыми общими представленіями и понятіями о правѣ*, какъ напр. о собственности вообще. Всѣ же частности и подробности правовыхъ нормъ и институтовъ, которыми регулируются взаимоотношенія людей, не заложены—сразу въ головахъ или умахъ людей, а заключаются въ обширныхъ юридическихъ кодексахъ, одно изученіе которыхъ составляетъ не малый трудъ для людей, даже специально изучающихъ юриспруденцію. Ихъ всѣхъ мало, кто знаетъ, а незнаніемъ закона въ то-же время нельзя оправдывать свои ошибки и проступки.

Но пусть лучше идеи эти будутъ выражены самымъ оригинальнымъ и выдающимся представителемъ или даже творцомъ этой теоріи профессоромъ *Л. І. Петражицкимъ* по вопросу насъ здѣсь специально интересующему о правѣ собственности, а именно ¹⁾:

«Для созданія научной теоріи собственности нужно прежде всего исхо-

¹⁾ *Л. Петражицкій*. О мотивахъ человѣческихъ поступковъ и пр., гдѣ въ приложеніи есть глава: „Право собственности и социальное распределеніе благъ“. 1904 г., стр. 67 и сл. приложенія.

дѣть изъ того, что собственность не есть явленіе внѣшняго и объективнаго міра; она состоитъ отнюдь не во власти человѣка надъ вещью и не въ совокупности запрещеній къмъ бы то ни было по чьему бы то ни было адресу изданныхъ. Она есть психическое эмоціонально-интеллектуальное явленіе и существуетъ единственно въ психикѣ того, кто приписываетъ себѣ или другому право собственности. Кто приписываетъ другому право собственности, тотъ считаетъ себя (и другихъ) обязанными терпѣть любое отношеніе къ вещи (всякое воздѣйствіе на нее, употребленіе и злоупотребленіе *uti et abuti*) со стороны этого другого и съ своей стороны воздерживаться отъ всякаго воздѣйствія на вещь (безъ дозволенія другого, собственника), и при томъ эти обязанности переживаются императивно-аттритивно, т. е. предоставляемое пользованіе и свобода отъ вмѣшательства со стороны другихъ лицъ переживаются, какъ *причитающееся* (т. е. аттритивное) собственнику.

Кто приписываетъ *себѣ* право собственности на данное имѣніе или иной предметъ, тотъ считаетъ другого обязаннымъ терпѣть любое хозяйничаніе, обращеніе съ вещью, и воздерживаться отъ вмѣшательства («не вступаться») и притомъ переживаетъ эти психическіе акты съ аттритивною силою: любое и исключительное (свободное отъ вмѣшательства другихъ) хозяйничаніе ему причитается и этому должны другіе подчиняться». Такими эмоціями и объясняется обезнечивающее свойство *поведеніе* какъ собственниковъ, такъ и несобственниковъ, какъ «само собою разумѣющееся», «эпидемическое» и «несоблюдаемое-же лишь спорадически и довольно рѣдко нѣкоторыми субъектами исключительнаго свойства, этически недоразвитыми или дегенерантами, ворами, грабителями и т. п.» «Получается въ результатъ такой соціальной процессъ, какъ если бы имѣнія, орудія производства и т. д. были какими то невидимыми цѣпями закрѣплены за одними и какими то невидимыми стѣнами отдѣлены отъ другихъ; соотвѣтственныя явленія кажутся вслѣдствіе ихъ обычности естественными и не требующими особыхъ объясненій».

Заключительная теорема сводится къ слѣдующему:

«Соціальное распредѣленіе благъ (*distributio*), дистрибутивныя соціальныя явленія имѣютъ въ своей основѣ аттритивную психику; безъ надѣлительныхъ, аттритивныхъ эмоцій правовой психики нѣтъ соціальнаго закрѣпленія матеріальныхъ и идеальныхъ благъ за индивидами и коллективными соціальными единицами. (Въ частности: чисто императивная психика морали по природѣ своей не создаетъ соціальной принадлежности благъ и поэтому не можетъ исполнять въ обществѣ функціи распредѣленія)»¹⁾.

Согласно этой теоріи выходитъ, что надѣляютъ собственниковъ имѣніями, землями, средствами производства и прочими видами имущества и богатства несобственники, считающіе такой порядокъ владѣнія имущества, «само собою разумѣющимся или естественнымъ». Ну чѣмъ же это не вышеразсмотрѣнная чистая естественно правовая теорія собственности? И развѣ это не тотъ же духъ народа или свободный, хотя и молчаливый, договоръ, о которомъ говорилъ выше А. Менгеръ, согласно которому $\frac{4}{5}$ или $\frac{9}{10}$ населенія добро-

1) Л. Петражицкій, тамъ же, стр. 75 приложенія.

вольно отрекаются отъ земли и прочихъ благъ земныхъ въ пользу соотвѣтственнаго меньшинства? Какъ будто, однако, всеэтого не вяжется съ историческими фактами, какъ-то: покореніе однихъ народовъ другими и присвоеніе себѣ первыми земель послѣднихъ, съ превращеніемъ бывшихъ свободныхъ жителей въ рабовъ или крѣпостныхъ, послѣ чего, много времени спустя, происходили возстанія рабовъ въ Римѣ, крестьянскія войны въ средней Европѣ, (слѣды которыхъ въ видѣ художественныхъ развалинъ многочисленныхъ замковъ до сихъ поръ привлекаютъ къ себѣ вниманіе путешественниковъ), да хотя бы и совсѣмъ недавнія печальныя событія въ нашемъ отечествѣ, когда сжигались и разграблялись помѣщичьи усадьбы и когда внѣдреніе или возстановленіе понятій собственности осуществлялось карательными экспедиціями и т. п. рѣшительными и внушительными мѣрами. Можно возразить сейчасъ, что все это были моменты исключительные, (какъ факты въ томъ же родѣ, предшествовавшіе освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости), и что нельзя же считать эти исключительныя мѣры принужденія источниками или основами правосознанія вообще и признанія собственности въ частности. — Конечно, слѣдуетъ признать и исключительность этихъ моментовъ, и недопустимой мысль, что только такими суровыми мѣрами обезпечивается признаніе чужой собственности и вообще правовой порядокъ. Это все вѣрно, конечно, но только не слѣдуетъ впадать въ каждую изъ этихъ противоположныхъ крайностей — въ идилію психологическихъ теорій или въ суровый тонъ теоріи грубой силы или принужденія, какъ единственнаго источника права вообще. Въ дѣйствительной жизни общества процессъ образованія права и государства шелъ именно двоякимъ путемъ, а именно во-первыхъ: право могло возникать на почвѣ добровольныхъ соединеній отдѣльныхъ лицъ въ группы общенія для совмѣстной защиты своихъ интересовъ, путемъ созданія собственными силами правилъ и законовъ (напр. цеховыя и общинныя мѣры и законодательство).

Сюда же относится и возникновеніе такихъ нормъ, которыя *Р. Штаммлеръ*, противопоставляетъ чисто юридическимъ подъ названіемъ *конвенціональныхъ*, т. е. основанныхъ на *согласіи съ ними исполняющихъ ихъ лицъ*, живущихъ при данныхъ общественныхъ условіяхъ. Сюда относятся требованія приличія, этикета, моды, чести и т. п., санкціонированныя не правомъ, а установившимися нравами и обычаями. Но согласіе исполнять эти нормы еще не означаетъ внутренняго одобренія или признанія ихъ всеми исполняющими ихъ; такъ что и эти нормы такъ сказать скорѣе *извне* — изъ общественной среды дѣйствуютъ на волю людей; *изнутри же* дѣйствуютъ по Штаммлеру только чисто *нравственныя и религіозныя* нормы.

Юридическія же нормы — это уже настоящія или безусловно обязательныя, *извне* регулирующія человѣческія отношенія, совершенно не-

зависимо отъ согласія съ ними или отъ признанія ихъ лицами обязанными ихъ исполнять ¹⁾).

Второй путь это было насильственное подчиненіе одной большей группы другою меньшею, но болѣе сильной. Послѣдняя, послѣ примѣненія въ теченіе нѣкотораго времени грубаго произвола въ управленіи и эксплуатаціи покоренныхъ лицъ, затѣмъ постепенно вносила въ свои отношенія къ нимъ нѣкоторую закономѣрность, точнѣе и заранѣе опредѣлявшую взаимныя права и обязанности. Это моментъ, съ котораго правовая норма начинаетъ дѣлаться двусторонней изъ *односторонне*-обязательной, какой она является сперва, превращаясь вообще въ *норму* изъ предшествовавшаго ей грубаго *индивидуальнаго повелѣнія* какого-либо деспота или такого-же приговора первобытнаго судьи. Настоящей-же обоюдосвязывающей юридической нормой становится она лишь тогда, когда устанавливающая ее власть признаетъ эту норму и для себя обязательной, впредь до закономѣрной отмѣны или измѣненія ея, и дѣлаетъ это не только «изъ экономіи своихъ силъ», но и изъ признанія необходимости самоограниченія, частью какъ выраженіе разумной политики силы, частью-же подъ напоромъ требованій со стороны подчиненныхъ или управляемыхъ лицъ. Требования-же эти изъ простыхъ пожеланій большей свободы или закономѣрности превращаются въ реальную силу путемъ объединенія или организациі массъ и тоже нѣкотораго самоограниченія составляющихъ ихъ единицъ въ интересахъ всей борющейся массы населенія, какой-либо группы или класса. Установленіе послѣ этого мирнаго порядка сосуществованія или просто правового строя и порядка явилось несомнѣнно результатомъ нѣкоторой борьбы. Поддержаніе этого-же правового строя или порядка также и въ дальнѣйшемъ нуждается до извѣстной степени въ *принужденіи* къ соблюденію этого порядка, по крайней мѣрѣ для непокорныхъ или для такихъ, которымъ не всѣ составныя части этого порядка по душѣ, (а не только для отрицающихъ частную собственность дегенерантовъ, какъ думаетъ психологическая теорія). Но наличность въ правѣ этой силы или принужденія, сводящагося большею частью лишь къ одной угрозѣ наказаніемъ въ случаѣ несоблюденія правовыхъ нормъ, т.-е. въ сущности къ принужденію, такъ и называемому *психическому*, — означаетъ-ли все это, что *правосознаніе*, какъ основа права психическая, роли совсѣмъ не играетъ? — Отнюдь нѣтъ, какъ это признаетъ и говоритъ тотъ-же Терингъ, чуть не буквальными сло-

¹⁾ R. Stammler. Wirthschaft und Recht. 1896, стр. 125 и слѣд., а также 487 и слѣд.

вами котораго было изложено все только что сказанное о происхожденіи права; а говоритъ онъ, что лучшими гарантіями права противъ нарушеній его со стороны законодателя и другихъ органовъ власти служатъ индивидуальныя права свободы и обезпечивающее эти послѣднія твердо сложившееся общественное сознаніе своего права. Мысль эта выражена у Геринга слѣдующими словами:

«Послѣдній пунктъ правового развитія есть слѣдующій: право и правосознаніе (или чувство права—*Rechtsgefühl*) на одной и той же высотѣ, оба взаимно другъ друга обусловливая и поддерживая.

Только тамъ, гдѣ народное *чувство (или сознаніе) права* становится непреодолимой силой, право можетъ считаться обезпеченнымъ противъ всѣхъ посягательствъ и угрозъ его нарушенія; на этой гарантіи основано въ послѣдней инстанціи всякая обезпеченность права. Такой гарантіи не дастъ конституція, какъ бы искусно она ни была составлена, такъ какъ нельзя представить себѣ конституцію, которая лишала бы государственную власть возможности затоптать ее ногами. Этой гарантіи не представляетъ собою и присяга, такъ какъ опытъ показываетъ, какъ часто и она нарушается.

Нѣтъ такой гарантіи также въ ореолѣ святости и неприкосновенности, которымъ законы облакаются наукой; это—академическая неприкосновенность, не внушающая произволу никакого къ себѣ страха. Ему импонируетъ только реальная сила, стоящая за закономъ, народъ, который видитъ въ правѣ условіе своего существованія и чувствуетъ нарушеніе его, какъ смертельное оскорбленіе самого себя,—народъ, отъ котораго можно, ожидать, что онъ выступитъ на защиту своего права» ¹⁾).

Трудно лучше и сильнѣе выразить значеніе *сознанія или чувства права*, чѣмъ какъ это только что сдѣлано у Геринга; несправедливы поэтому обвиненія его въ томъ, что онъ превозноситъ силу и ставитъ ее выше права. Онъ, будучи реалистомъ, говоритъ только, что право, не опирающееся на силу, еще не право, а мораль или нравственность, право-же есть то, что люди *обязаны соблюдать*, т.-е. исполненіе чего можетъ быть вынуждено независимо отъ того—совпадаетъ это вообще или нѣтъ съ интересами тѣхъ или другихъ лицъ или цѣлыхъ группъ классовъ и т. д. (Такъ-же опредѣляетъ право и значеніе принужденія и *Штаммлеръ*). А такъ какъ интересы разныхъ группъ и классовъ общества очень часто бываютъ даже прямо противоположны, то и должно быть что то такое въ правѣ вообще, что заставляетъ государственную власть поддерживать и защищать его, не смотря на взаимное противорѣчіе сталкивающихся на этой правовой почвѣ интересовъ. Мысль эта хорошо выражена покойнымъ профессоромъ Муромцевымъ слѣдующимъ образомъ:

«Все право служить общему благу; конечно юридическое сознаніе общества, опредѣляя тотъ или иной порядокъ, не въ состояніи предвидѣть всѣхъ отношеній, которыя ему придется защищать на основаніи этого порядка.

¹⁾ *R. v. Ihering. Zweck im Recht*, т. 1, стр. 371.

Поэтому юридическая защита рассчитывается не на отдѣльные отношенія, а на институты. Можетъ случиться, что въ отдѣльныхъ случаяхъ защищенное отношеніе будетъ враждебно общему благу, но цѣлый институтъ согласуется съ нимъ. Такъ, отдѣльный собственникъ, владѣлецъ, кредиторъ и т. п. могутъ вести себя совершенно несогласно съ видами общаго блага. Но общество (вѣрнѣе—государство) защищаетъ институтъ собственности, владѣнія, долговыхъ требованій потому, что ожидаетъ отъ ихъ защиты вообще болѣе пользы, нежели зла. Таково требованіе принципа относительной пользы»¹⁾.

На основаніи этого принципа относительной пользы или цѣлесообразности становится иногда замѣтнымъ, что нѣкоторые частные интересы, въ свое время совпадавшіе въ громадномъ большинствѣ случаевъ съ понятіемъ общаго блага или съ интересами общественными въ широкомъ смыслѣ этого понятія, затѣмъ вступаютъ съ нимъ въ противорѣчіе. Отдѣльные случаи защиты такихъ частныхъ интересовъ вопреки требованіямъ общаго блага могутъ затѣмъ становиться явленіемъ уже болѣе общимъ, переходя тогда въ защиту особой категоріи интересовъ, уже дѣлающихся неправомѣрными или по крайней мѣрѣ нецѣлесообразными. А такъ какъ по существу своему частные интересы подлежатъ правовой защитѣ лишь постольку, поскольку они не противорѣчатъ общему благу, то какъ только это осознается, то и наступаетъ моментъ или преобразованія даннаго правового института, или полной его отмѣны. Такъ отмѣнены были вполнѣ институты рабства, невольничества и крепостного права цѣликомъ и постепенно преобразуются права собственности на тѣ или другіе отдѣльные виды имущества, въ смыслѣ возможно большаго согласованія ихъ съ этимъ общимъ благомъ, какъ напр. разрѣшается или запрещается продажа тѣхъ или иныхъ земель вообще, налагаются ограниченія на права распоряженія собственниковъ ихъ лѣсными, ископаемыми и другими земельными имуществами, создаются или уничтожаются сервитуты, т.-е. права пользованія въ чужихъ имуществѣхъ и т. п.

При рѣшеніи всѣхъ такихъ вопросовъ самое главное дѣло—это доказать наличность противорѣчія такихъ-то частныхъ интересовъ этому общему благу, и тогда вопросъ объ отмѣнѣ или преобразованіи соответственнаго правового института или отдѣльной нормы рѣшается легко. Но все это такъ просто, если, во-первыхъ, будетъ признано, что нельзя допускать прямого противоположенія частныхъ и публичныхъ интересовъ, какъ чего-то долженствующаго быть въ разѣ на всегда установленномъ видѣ, и во-вторыхъ, если будетъ

---

¹⁾ С. А. Муромцевъ. Опредѣленіе и основное раздѣленіе права, 1879, стр. 188.

отвергнуть принципъ абсолютности частныхъ правъ, въ смыслѣ неприкосновенности ихъ не только для всѣхъ третьихъ или частныхъ лицъ, но даже и для государственной законодательной власти. Относительно послѣдняго пункта можно считать вопросъ уже достаточно выясненныхъ при разсмотрѣніи понятія собственности вообще и разныхъ видовъ ея въ частности. Права эти признаны неприкосновенными для государственной власти, пока не измѣнены законодательнымъ путемъ нормы, регулирующіе это право или пока не встрѣтилось надобности въ отчужденіи объектовъ собственности на потребности чисто общественныя (публично-правовая экспроприация, производимая тоже на основаніи особыхъ ранѣе изданныхъ узаконеній о ней).

По первому-же изъ этихъ условій тоже болѣе или менѣе достигнуто соглашеніе въ томъ смыслѣ, что больше уже не допускается прежнее рѣзкое разграниченіе публичныхъ и частныхъ интересовъ по различію ихъ матеріальнаго содержанія, какъ равно и по различію ихъ субъектовъ (государства или общества въ однихъ случаяхъ и частныхъ лицъ— физическихъ или юридическихъ все равно— съ другой стороны).

Противъ такого разграниченія по субъектамъ правъ въ свое время особенно энергично выступалъ знаменитый нашъ профессоръ *К. Д. Кавелинъ*, указывая, на примѣръ, на государственныя имущества, по поводу распоряженія и управленія которыми государство или казна, какъ хозяинъ или субъектъ ихъ, вступаетъ со своими гражданами въ сдѣлки и отношенія совершенно такого-же частнаго характера, какъ и купля-продажа, подряды, поставки, аренды и т. п. сдѣлки, относящіяся къ обыкновеннымъ частнымъ имуществамъ. Рѣшающую роль въ такихъ случаяхъ играетъ существо самихъ сдѣлокъ или отношеній, а не различіе ихъ субъектовъ. Сущность-же публичнаго права сводится къ условіямъ, вносимымъ юридическимъ государственнымъ началомъ въ гражданскій бытъ, (въ родѣ акта 19 февраля 1861 г., которымъ отмѣнялось крѣпостное право и устанавливались новыя формы отношеній между крестьянами и помѣщиками—отношенія, которыя по существу своему, какъ и имущественныя, и обязательственныя сами по себѣ, были частными и таковыми-же остались).

Но пусть лучше мысль эта будетъ выражена словами самого пр. *Кавелина*: «Вслѣдствіе внесенія этихъ условій частные элементы и отношенія комбинируются извѣстнымъ образомъ, являются въ извѣстныхъ формахъ и сочетаніяхъ, которыя указываютъ на участіе въ гражданской жизни, кромѣ отдѣльныхъ лицъ, еще особаго дѣятеля,—невидимаго, п. ч. онъ является лишь въ формахъ частнаго быта, но повсюду и во всемъ обнаруживающаго свое вліяніе,—даже въ такихъ отношеніяхъ, которыя кажутся

исключительно частными, приватными, гражданскими. Государство, какъ единство общественнаго организма, проникающее въ гражданское общество и всё гражданскія отношенія, есть въ человѣческомъ обществѣ, въ юридическомъ смыслѣ, то-же, что душа въ человѣкѣ; ея нигдѣ не видно, но она чувствуется во всемъ, ее можно услѣдить въ безчисленныхъ физическихъ и психологическихъ движеніяхъ человѣка по тѣмъ особымъ условіямъ, которыя она вноситъ въ каждое изъ нихъ, хотя эти условія и не измѣняютъ ихъ законовъ. Продолжая говорить сравненіями, можно сказать, что юридическое начало государства дѣйствуетъ въ человѣческомъ обществѣ точно также, какъ человѣкъ въ окружающей его внѣшней природѣ: покоряя ее, заставляя ее служить своимъ цѣлямъ, онъ не измѣняетъ и не можетъ перемѣнить ея законовъ, но даетъ условіямъ ея дѣятельности такое сочетаніе, что природа, продолжая дѣйствовать со своими неизмѣнными законами, производитъ то, что нужно и желательно человѣку» ¹⁾.

Другой принципъ для разграниченія права публичнаго и гражданскаго сводится къ различію въ способахъ защиты правъ и интересовъ,—пріемъ въ русской юриспруденціи особенно выдвинутый тѣмъ же проф. Муромцевымъ. Частными правами тогда будутъ считаться такіа, починъ въ защитѣ и дальнѣйшее отстаиваніе которыхъ составляетъ право, если даже не обязанность, самихъ заинтересованныхъ частныхъ-же лицъ. (Послѣднее особенно наглядно подтверждается разсмотрѣннымъ уже примѣромъ завладѣнія землей по давности пользованія ею, т. е. когда настоящій собственникъ въ теченіе даннаго срока не защищалъ своего права). Публичными-же правами съ этой формальной разграничительной точки зрѣнія будутъ тѣ, на защиту которыхъ выступаютъ органы государственной власти. Но нельзя признать и такой критерій вполне удовлетворительнымъ, такъ какъ отъ него приходится допускать много отступленій въ ту и другую стороны. Такъ можно указать на различные случаи признанія безсилія частныхъ лицъ въ дѣлѣ самозащиты, какъ на примѣръ относительно малолѣтнихъ, слабоумныхъ и вообще недѣеспособныхъ или неправоспособныхъ, защищать интересы коихъ поручается опекунамъ, попечителямъ и т. п., назначаемымъ государствомъ или сословно-общественными учрежденіями. Но наряду съ этимъ существуетъ цѣлая область отношеній, по внѣшнему виду совершенно частныхъ или гражданско-правовыхъ, которая однако регулируется даже въ очень мелкихъ частностяхъ и подробностяхъ государствомъ и законодательствомъ. Это именно особенно интересующая насъ экономистовъ область взаимоотношеній

¹⁾ К. Д. Кавелинъ. Что есть гражданское право и гдѣ его предѣлы? 1864, стр. 58 и сл. Полнѣе тѣ-же мысли были выражены и положены въ основу того курса гражданскаго права, который читался до момента его смерти въ 1885 г. въ Военно-Юридической Академіи. Курсъ этотъ даже носилъ соотвѣтствующее названіе: „Права по имуществамъ и обязательствамъ“.

хозяевъ и рабочихъ. Поэтому даже самъ проф. Муромцевъ, отстаивая, съ одной стороны, это формальное разграниченіе, долженъ былъ допустить въ то же время разграниченіе тѣхъ-же областей и по существу интересовъ, а именно относя частные интересы главнымъ образомъ въ сферу имущественныхъ отношеній (хотя не исключительно), общественнымъ-же интересамъ, придавая неимущественную, идеальную цѣнность; а вообще онъ говорилъ по этому поводу слѣдующее:

«Одно и то же отношеніе можетъ служить одновременно объектомъ защиты обоюдо рода. Не каждый общественный интересъ близокъ частнымъ лицамъ настолько, чтобы возбудить въ нихъ самостоятельную защиту. Но каждая группа частныхъ интересовъ, вошедшая въ систему общаго блага, eo ipso способна возбудить относительно себя охранительныя защиты органовъ власти, помимо требованія заинтересованныхъ лицъ. Въ подобныхъ случаяхъ охраняемая группа или вовсе изъимлетъ изъ юридическаго вѣдѣнія частныхъ лицъ и такимъ образомъ всецѣло переносится въ область публичнаго права; или это происходитъ только отчасти (отношенія частныхъ лицъ къ крупнымъ предпринимателямъ, рабочихъ къ хозяевамъ); или-же отдѣльныя отношенія оставляются всецѣло въ вѣдѣніи частныхъ лицъ, но касательно цѣлой группы такихъ отношеній власть принимаетъ извѣстныя охраняющія мѣры»¹⁾.

Мы остановились сравнительно такъ долго на всѣхъ этихъ юридическихъ вопросахъ потому, что они имѣютъ не только то или иное теоретическое, но и громадное практическое значеніе, съ которымъ придется въ дальнѣйшемъ постоянно считаться. А потому и необходимо покончить со всѣми этими вопросами сейчасъ, чтобы потомъ къ принципиальной ихъ сторонѣ болѣе уже не возвращаться.

Такъ, вопросъ о разграниченіи публичныхъ и частныхъ правъ и интересовъ, будучи неправильно разрѣшенъ въ смыслѣ полного противоположенія ихъ другъ другу, является нерѣдко серьезнымъ принципиальнымъ тормазомъ или препятствіемъ для законодательнаго вмѣшательства въ частныя правоотношенія гражданъ во имя интересовъ общественныхъ, которымъ будто-бы здѣсь нѣтъ мѣста. Много очень громкихъ, и съ внѣшней стороны хорошихъ, словъ тогда говорится на тему о выражающихся въ этомъ стѣсненіяхъ свободныхъ гражданъ въ дѣлѣ заключенія между ними тѣхъ или другихъ договоровъ и принятія на себя тѣхъ или иныхъ обязательствъ и даже объ оскорбленіи ихъ гражданскаго достоинства. Если-же не допускать такого рѣзкаго разграниченія этихъ областей правъ, то возраженія подобнаго рода теряютъ свою силу или значеніе, чего мы и старались достигнуть, приводя мнѣнія выдающихся юристовъ въ пользу такого рѣшенія вопроса.

¹⁾ С. Муромцевъ, тамъ же стр. 201.

Роль свободной воли въ договорахъ и обязательствахъ.

Намъ остается закончить все это разсмотрѣніемъ еще одного только вопроса о томъ — *дѣйствительно-ли только свободная воля обѣихъ сторонъ въ договоръ творитъ его обязательную для нихъ силу?*

Согласно наиболѣе общему опредѣленію понятія договора индивидуалистическихъ теорій права — «договоръ есть согласное изъясненіе воли двухъ или нѣсколькихъ лицъ, которымъ опредѣляются ихъ юридическія отношенія». Далѣе, «обязательная сила договоровъ» заключается опять таки въ этомъ-же — «согласномъ объявленіи воли двухъ сторонъ въ дѣлѣ». Возникающее отсюда обязательство является «правомъ на дѣйствіе другого лица» или «подчиненіемъ свободной воли обязывающагося лица волѣ лица управомоченнаго».

Признавая *свободную волю* основаніемъ всякаго дѣйствія чело-вѣка, въ томъ числѣ и заключенія договора или обязательства, надо допустить и то, что, при наступленіи момента исполненія этого договора, воля обязавшагося лица находится уже въ состояніи *несвободномъ*, т. е. подчинена волѣ другого лица. Достаточно-ли все это объясняетъ, какимъ образомъ одна и та же воля доходитъ до такого самоотрицанія, и составляетъ ли послѣднее главную сущность правъ по обязательствамъ, юридическую возможность осуществленія этого права вообще?—Едва-ли! Несомнѣнно одно, что типичнѣйшимъ признакомъ этого вида правоотношеній является въ конечномъ счетѣ обязательность или ихъ *принудительность*, на что указываетъ и самое названіе ихъ—*обязательства*. Мы примыкаемъ къ мнѣнію тѣхъ юристовъ, которые полагаютъ что средствомъ обезпеченія выполненія обязательствъ является главнымъ образомъ положительное законодательство, т. е. сила закона теперь, какъ обычая раньше, такъ какъ воля обязывающагося лица при наступленіи момента исполненія обязательствъ оказывается иногда строптивой, т. е. не желаетъ этого дѣлать. Тогда-то законъ, совпадая съ понятіемъ юридической нормы, вынуждаетъ требуемое дѣйствіе, т. е. какъ будто бы осуществляетъ однажды, т. е. раньше, выраженную волю обязавшагося лица.

Одинъ изъ противниковъ такой теоріи свободного договора, какъ единственнаго основанія обязательствъ, проф. Шлосманъ въ слѣдующей остроумной формѣ или картинѣ выражаетъ этотъ моментъ: «Государство (въ лицѣ закона) должно - ли сказать: Я признаю волю, которая кѣмъ - либо объявляется, такъ какъ эта воля есть доказательство самостоятельности субъекта правъ, который долженъ быть защищенъ въ преслѣдо-

ваніи своихъ цѣлей? — Тому-же, кто обязался и не хочетъ исполнить того, въ чему онъ теперь долженъ быть принужденъ силою, мы должны были бы въ утѣшеніе сказать: этимъ принужденіемъ государство признаетъ и чтитъ твою собственную свободную волю, тебя самого, какъ лицо, свободно и неограниченно располагающее собою во всѣхъ своихъ обстоятельствахъ! Я не могу себѣ представить болѣе ѣдкой ироніи и никакой болѣе подходящей иллюстраціи для «тріумфа суверенной частной воли», какъ картина римскаго должника закованнаго въ цѣпи и кандалы» ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, если власть автономную волю въ основу обязательства, то почему-же ее отрицать въ тотъ моментъ, когда обязавшійся говорить: «я не хочу отдавать» (долга, платить за товаръ и т. п.). Сила отмѣны самимъ собою изданныхъ законовъ лежитъ въ основѣ понятія автономіи.

Въ виду неудовлетворительности подобныхъ индивидуалистическихъ объясненій обязательныхъ послѣдствій договоровъ, приходится прибѣгать къ такому-же основанію, какое было принято по легальной теоріи и для собственности, т. е. къ *общественному значенію или цѣли* договоровъ и обязательствъ, какъ необходимыхъ основаній гражданскаго оборота.

И опять таки эта мысль прекрасно выражена тѣмъ-же Терингомъ, а именно: «Если обѣщаніе (обязательство) не обладало бы обязательной силой, то ссуда не могла бы существовать въ гражданскомъ оборотѣ; только друзьямъ можно было бы давать въ долгъ деньги. Личныя услуги и наемъ были бы вычеркнуты изъ области договоровъ, ибо кто-же былъ бы настолько глупъ, что сталъ бы принимать на себя исполненіе обязанностей или отдавать другому въ пользованіе свои вещи, если бы не было увѣренности получить заработную или наемную плату? Или кто сталъ бы уплачивать ихъ впередъ, если бы могъ сомнѣваться, что обѣщанная услуга или взаимодействие (Gegenleistung) будетъ исполнено? Только обмѣнъ и покупка были бы тогда возможны въ весьма суженной формѣ немедленной уплаты стоимости или непосредственной реализаціи обмѣна» ²⁾. «Насколько не существуетъ абстрактнаго вѣчно неизмѣннаго міра, точно также не можетъ быть абстрактной формулы обязательной силы договоровъ. Договорное право измѣняется вмѣстѣ съ міромъ, т. е. обществомъ и его цѣлями; желать абстрактно разрѣшить этотъ вопросъ все равно, что дѣлать это по отношенію къ лучшему государственному устройству (Verfassung—по нѣмецки то-же, что и конституція). То и другое суть факты или явленія исторіи, которые понять можно только въ ихъ зависимости отъ исторіи» ²⁾.

Приданіе столь важнаго значенія дарованію принудительной санкціи договорамъ и обязательствамъ со стороны закона вовсе не означаетъ отрицанія исполненія ихъ совершенно добровольно, т. е. по внутреннему убѣжденію въ необходимости или справедливости

¹⁾ S. Schlossman. Der Vertrag, стр. 89. Желаящіе могутъ найти болѣе подробное изложеніе всего этого вопроса въ нашемъ сочин. „Эконом. отвѣтственность предпринимателей“, глава II, стр. 133—145, гдѣ приводятся любопытныя цитаты того же Шлоссмана изъ римскаго права.

²⁾ и ²⁾ R. v. Ihering. Zweck. стр. 264 и 266.

этого. Но важно то, что должно существовать *убѣжденіе въ возможности примѣненія* этого принужденія въ случаяхъ надобности въ немъ, такъ какъ только тогда соотвѣтственныя нормы будутъ настоящими юридическими, а не только нравственными или конвенціональными (по Штаммлеру).

По опредѣленію проф. *Муромцева* подь правовымъ отношеніемъ слѣдуетъ понимать *защищаемое* (право въ субъективномъ смыслѣ); подь *юридическимъ*—*вынудительное* или *защищающее*, при общемъ опредѣленіи этихъ отношеній какъ *принудительныхъ*, вытекающихъ изъ юридической санкціи, преобразующей въ нихъ отношенія *фактическія* ¹⁾.

Даруя тѣмъ или другимъ договорамъ такую защиту, право дѣлаетъ это конечно по соображеніямъ согласованія ихъ съ общественными цѣлями и интересами, которыя сами по себѣ, какъ и относительно права собственности, могутъ мѣняться и дѣйствительно мѣнялись. Такъ на примѣръ въ настоящее время не защищаются такіе договоры, которыми раньше можно было закабалить себя самого или когда одно лицо могло продавать другому рабовъ, невольниковъ и крѣпостныхъ. Но существеннымъ отличіемъ правъ по обязательствамъ служитъ то, что объектомъ правового отношенія является въ нихъ не вещь, а лицо или точнѣе *право на дѣйствіе другого лица*.

Примѣненіе въ данномъ случаѣ принужденія для осуществленія права, вытекающаго изъ обязательства особенно затруднительно, когда имѣется въ виду вынудить буквально какое-нибудь дѣйствіе обязавшагося лица, какъ напр., исполненіе какой-либо принятой на себя работы. Между тѣмъ довольно легко взыскать долгъ изъ имущества должника—всякаго вообще или служившаго залогомъ или залогомъ, какъ и вообще возмѣстить какіе-нибудь понесенные матеріальные потери или убытки; когда-же дѣло сводится къ вынужденію дѣйствія, то принужденіе тутъ возможно только такъ называемое *компульсивное*, противопоставляемое *пропульсивному*. Последнее есть форма отстранительная и ее-то сравнительно и легко осуществить, на примѣръ, отстраняя лицъ отъ пользованія чужимъ имуществомъ и вообще устраняя посягательства на то или другое право субъекта. Компульсивное-же принужденіе за очень рѣдкими исключеніями не допускаетъ примѣненія физической силы и потому сводится въ сущности лишь къ угрозѣ наказаніемъ (или принужденію психическому) или къ возмѣщенію изъ имущества обязаннаго лица убытковъ, послѣдовавшихъ отъ неисполненія работы по договору. Но последнее бываетъ возможно, если есть изъ чего ихъ взыскать.

Вообще въ рассматриваемыхъ отношеніяхъ нѣтъ полного совпаденія отношеній защищаемаго и защищающаго и вотъ почему:

Могущество кредитора, на примѣръ, простирается далѣе, въ

¹⁾ С. *Муромцевъ*, н. с., стр. 75.

смыслѣ давленія его на должника, чѣмъ насколько оно защищается правомъ, т. е. оно сильнѣе *юридическаго* на него воздѣйствія, а это уже выходитъ за предѣлы защищаемыхъ отношеній, составляя злоупотребленія, и потому противорѣчитъ существу права съ точки зрѣнія его общественнаго значенія и назначенія. И такъ какъ право не есть односторонняя защита одного изъ субъектовъ правоотношенія, то это и не исключаетъ заботъ закона о предотвращеніи такихъ злоупотребленій фактическимъ могуществомъ кредиторовъ. На этомъ основывались возродившіяся въ концѣ XIX вѣка мѣры борьбы съ ростовщичествомъ, отъ которыхъ казалось совершенно отказались правительства разныхъ странъ, убѣдившись и въ ихъ безуспѣшности, и въ противорѣчій ихъ принципамъ свободы воли, лежащимъ въ основѣ всякихъ договоровъ вообще.

Но возродились эти мѣры не въ прежней своей грубой формѣ, когда рѣшающимъ моментомъ была только высота ссуднаго процента, превышающая допущенную ея норму. Теперь же стали обращать особое вниманіе именно на эти бытовые—*внѣшнія* съ точки зрѣнія юристовъ-догматиковъ—стороны такихъ сдѣлокъ, а именно: поскольку въ нихъ проявляется вышеуказанное *фактическое* засилье ростовщиковъ, выражающееся и въ пользованіи завѣдомымъ стѣсненнымъ положеніемъ заемщика, и въ занятіи этимъ дѣломъ въ видѣ промысла, и съ принятіемъ во вниманіе по русскому законодательству различій ростовщичества городского отъ сельскаго, въ виду возможности особыхъ злоупотребленій въ послѣднемъ быту путемъ замаскированныхъ процентовъ въ видѣ отработокъ въ натурѣ, колеблющихся цѣнъ хлѣба и т. д.

Все это условія въ отдѣльности взятая довольно мелкія, которыхъ наличность требуется доказать, чтобы ссуда была признана дѣяніемъ преступнымъ въ смыслѣ настоящаго современнаго ростовщичества, какъ особаго вида соціальнаго зла. Но откуда же взять было эти признаки, какъ не изъ изученія самой жизни въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, въ частности въ данномъ случаѣ чисто хозяйственныхъ? Но въ нихъ, по прежнимъ и юридическимъ, и экономическимъ теоріямъ, должны были проявляться только однѣ свободныя воли эгоистически заинтересованныхъ или настроенныхъ лицъ. И по тому-то долгое время и казалось, что тутъ нѣтъ мѣста ни для какого государственнаго законодательнаго вмѣшательства въ эту сферу совершенно частныхъ интересовъ. Между тѣмъ оно проявилось чуть не одновременно во всѣхъ европейскихъ странахъ въ концѣ XIX вѣка; значитъ, въ этомъ признана была общественная необходимость, т. е. соотвѣтственныя цѣли и интересъ. Въ основу ихъ положены были соображенія о различіи значенія кредита коммерческаго или *производительнаго*, съ одной стороны, и *потребительнаго*, съ другой, при чемъ послѣдній и былъ признанъ этой наиболѣе угрожаемой средой; между тѣмъ въ сферѣ перваго вмѣшательства это было признано не необходимымъ, ибо тамъ гораздо больше можно было признать не только формальное, но и фактическое равенство въ правахъ и въ положеніяхъ кредитора и должника.

Насколько-же въ гораздо большей степени умѣстно принятіе во вниманіе различій въ фактическомъ положеніи лицъ такихъ, какъ

напримѣръ фабрикантъ и обыкновенный наемный рабочий, которые заключаютъ, съ внѣшней стороны тоже свободные, договоры о наймѣ на работу на почвѣ равнаго для всѣхъ гражданскаго права. А въ договорахъ этихъ точно также проявляется какъ будто вполнѣ свободная воля этихъ двухъ сторонъ, творящая обязательную силу этихъ договоровъ. Между тѣмъ тутъ обнаруживается еще гораздо большая фактическая зависимость однихъ лицъ отъ другихъ, и при томъ не случайнаго личнаго характера, а легко поддающаяся обобщенію, въ формѣ противоположенія классовъ, характерныхъ для современной капиталистической системы хозяйства. Затѣмъ, тутъ-же вліяютъ въ отрицательномъ смыслѣ на ту-же свободную волю нанимающагося особенности, присущія работѣ, если ее разсматривать какъ товаръ, ставящія продавца ея въ положеніе гораздо худшее продавцовъ обыкновенныхъ или настоящихъ товаровъ. (Въ чемъ заключаются эти особенности, будетъ указано въ своемъ мѣстѣ). Потому-то и долженъ былъ наступить конецъ построенію взаимоотношеній этихъ двухъ категорій лицъ на почвѣ одного чистаго гражданскаго права, такъ какъ послѣднее, при извѣстномъ узкомъ и отвлеченномъ его пониманіи, не давало мѣста никакому регулированію этихъ взаимоотношеній. И это было потому, что господствующія начала гражданскаго права суть не что иное, какъ весьма мало измѣненные начала римскаго права; послѣднее-же слагалось при совершенно иныхъ общественныхъ и экономическихъ условіяхъ. Прежде всего право это было создано для полноправныхъ гражданъ, откуда и названіе его—*jus civile*—отъ *civis*—гражданинъ. Между тѣмъ представителями труда въ то время были не столько сами граждане, какъ другія составныя части населенія—неполноправные лица въ родѣ плебеевъ, а главнымъ образомъ совсѣмъ безправные—рабы и вполнѣ въ послѣдствіи колонны, — нѣсколько смягченная форма рабства. Потому-то изъ всѣхъ отдѣловъ римскаго права и осталась самой неразработанной частью отдѣлъ о договорѣ найма на работу, какъ имѣвшій наименьшее практическое значеніе и примѣненіе. Отсутствие современнаго типа свободнораемныхъ рабочихъ, съ одной стороны и современныхъ средствъ производства, въ видѣ часто совершенно обезличеннаго капитала, выражалось въ отсутствіи въ то время даже начатковъ современнаго капитализма; съ формальной-же стороны онъ базируется однако и теперь на почвѣ того же римскаго гражданскаго права. Въ этомъ и заключается то глубокое внутреннее противорѣчіе, которое облекается въ форму современнаго соціальнаго вопроса, какъ объ этомъ уже было раньше достаточно говорено. Ясное дѣло, что должны были создаться совершенно новыя не только отдѣльныя нормы гражданскаго права, но и цѣлыя особыя его

отрасли, вызванныя новыми формами и требованіями жизни, не укладывавшимися въ Прокрустово ложе римско-правовыхъ положеній. Такъ явилось въ свое время торговое, морское, вексельное и конкурсное право; а въ настоящее время еще только слагается обширная отрасль—*права промышленнаго труда*, на необходимость и значеніе котораго однимъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе крупный экономистъ и юристъ второй половины XIX вѣнскаго профессоръ *Лоренцъ фонъ Штейнъ* въ своемъ сочиненіи, въ свое время надѣлавшемъ много шума и нажившемъ ему много враговъ среди юристовъ-догматиковъ, а именно, «Настоящее и будущее науки о правѣ и государствѣ». Предоставимъ ему выразить эти мысли собственными словами:

«Та самая сила, которая создала принципъ равнаго для всѣхъ гражданскаго права (*des staatsbürgerlichen gleichen Privatrechts*), создаетъ въ то-же время и принципъ образованія капитала; первый — какъ отрицательный, второй — какъ положительный элементъ, первый — какъ основную мысль освобожденія собственности отъ сословнаго господства, второй—какъ основаніе хозяйственнаго и общественнаго возвышенія любой отдѣльной личности...

Такъ какъ капиталъ есть понятіе собственности не родового или сословнаго быта, а современнаго государственно-гражданскаго, будучи производимъ, поддерживаемъ и развиваемъ трудомъ, то отсюда слѣдуетъ, что права труда и капитала должны быть одинаковы, и все преобразование промышленнаго труда юридически возможно только въ тѣсныхъ границахъ, устанавливаемыхъ правомъ собственности. Вслѣдствіе этого правосознаніе промышленнаго труда вырабатываетъ взглядъ, что область этого *права* труда есть только *отношеніе къ прибыли*, а не къ самому прибрѣтенному капиталу. Право однако защищаетъ только послѣдній; по отношенію-же къ прибыли, какъ явленію будущаго и зависящаго отъ факторовъ хозяйственнаго общежитія, господствуетъ только *интересъ*.

Борьба платы за трудъ съ прибылью на капиталъ есть поэтому *борьба интересовъ*, а не правовыхъ понятій; и правовое отношеніе вытекающее изъ этой борьбы не можетъ быть всеобще примѣнимымъ. Оно устанавливается формально для каждаго отдѣльнаго случая, и каждый изъ этихъ случаевъ есть борьба между простымъ гражданскимъ правомъ, остающимся послѣднимъ правовымъ основаніемъ, и интересомъ рабочихъ, стремящихся къ образованію новаго права. Мы находимся въ началѣ этого движенія; относительно его можно сказать, какъ и обо всякомъ другомъ движеніи, что оно только тогда достигнетъ прочной формы, когда отношеніе не будетъ колебаться подъ вліяніемъ точекъ зрѣнія классовъ и интересовъ, а сдѣлается доступнымъ юридическому (общему) пониманію» ¹⁾.

Задача такого формулированія сводится къ образованію иногда совершенно новыхъ юридическихъ категорій, выходящихъ за узкіе предѣлы, предначертанные гражданскому праву постановленіями

¹⁾ *Lor. v. Stein. Gegenwart und Zukunft der Rechts—u. Staatswissenschaft, отдѣлъ: Das Recht der gewerblichen Arbeit, стр. 265—271.*

римскаго кодекса. Число этихъ новыхъ юридическихъ категорій на нашихъ глазахъ довольно быстро растетъ путемъ преобразованія ихъ изъ чисто промышленныхъ и торговыхъ въ юридическія и, какъ уже сказано, не только въ области одного права промышленнаго труда или рабочаго вопроса. Такъ добавимъ къ прежде упомянутымъ—измѣненія въ области различныхъ кредитныхъ сдѣлокъ, въ расширяющемся обращеніи,—кромѣ давнишнихъ векселей—современныхъ чековъ, въ крупныхъ оборотахъ совершенно устраняющихъ наличныя денежныя расплаты и т. д.

Но особенно много новшествъ происходитъ, и еще болѣе предстоитъ, именно въ области *взаимоотношеній труда и капитала*. Сюда относятся между прочимъ или въ видѣ примѣровъ: различныя виды рабочихъ книжекъ, общія и спеціальныя правила найма на работу и условія этихъ работъ (сроки, возрастъ, полъ рабочихъ и т. д.) въ томъ числѣ совершенно новыя формы *коллективныхъ* договоровъ вмѣсто прежнихъ чисто индивидуальныхъ, условія нарушенія договоровъ найма, пользование штрафами, какъ мѣрами дисциплины и порядка, особые законы объ отвѣтственности владѣльцевъ предпріятій за несчастные случаи съ рабочими, отчасти переходящіе въ различныя виды обязательнаго страхованія рабочихъ, сложный вопросъ о правѣ устройства стачекъ и рабочихъ союзовъ, рѣшеніе этихъ какъ и другихъ индивидуальныхъ и коллективныхъ спорныхъ вопросовъ при помощи новѣйшихъ видовъ спеціальныхъ промышленныхъ и третейскихъ судовъ и примирительныхъ палатъ, берущихся даже за рѣшеніе даже столь деликатныхъ вопросовъ, какъ установленіе минимальныхъ и нормальныхъ заработныхъ платъ.

Можно считать, что всѣмъ сказаннымъ въ этой главѣ достаточно выяснено значеніе юридическихъ факторовъ и условій съ одной стороны, какъ почвы, на которой происходятъ хозяйственныя явленія, а съ другой стороны, насколько послѣднія сами по себѣ служатъ основаніемъ для измѣненій отдѣльныхъ правовыхъ нормъ и цѣлыхъ институтовъ. Измѣненія эти совершаются различными путями или въ разныхъ сферахъ жизни общества. Частью онѣ являются результатомъ новыхъ способовъ и условій веденія хозяйства, слагаясь въ формѣ новыхъ видовъ взаимоотношеній или обычаевъ, частью они возникаютъ въ сферѣ такъ называемаго внутренняго управленія, какъ мѣръ экономической политики и административнаго права, а затѣмъ уже становясь самостоятельными элементами права вообще, хотя и носящими характеръ особыхъ правъ для извѣстныхъ группъ или классовъ. Такой нѣсколько обособленный характеръ этихъ правъ выставляется нерѣдко, какъ одно изъ средствъ борьбы противъ введенія ихъ въ общее право въ видѣ

противорѣчія основной идеи общественнаго развитія, клонящейся къ уничтоженію всякихъ сословныхъ и классовыхъ отличій и пергородокъ. Но увлеченіе абстрактной идеей *формальнаго равенства въ правахъ* всѣхъ гражданъ не можетъ выдерживать напора требованій реальной жизни, стремящейся къ установленію *дѣйствительнаго равенства условій борьбы* для лицъ разныхъ общественно-экономическихъ классовъ и положеній. И это особенно необходимо бываетъ тамъ, гдѣ силы отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ классу фактически болѣе зависящему или слабому, оказываются недостаточными для пользованія гражданской свободой и равноправностью. Только беря на себя защиту такихъ лицъ или ихъ группъ и классовъ, современное государство можетъ оказаться на надлежащей высотѣ своего культурнаго назначенія и такимъ характеромъ своей дѣятельности привлечь къ себѣ сочувствіе большинства своихъ гражданъ, т. е. задаваясь цѣлями общественнаго блага въ самомъ широкомъ и правильномъ смыслѣ этого слова. Между тѣмъ какъ предшествовавшія нынѣшнимъ формамъ государственнаго строя прежнія его основы слишкомъ рѣзко выражали идею и организацію господства привилегированнаго меньшинства надъ безправнымъ или неполноправнымъ большинствомъ¹⁾.

Защита настоящаго общественнаго блага или интереса, какъ высшая задача общественнаго развитія, а потому и права, и государства, только тогда окажется на настоящей своей высотѣ, когда она будетъ принимать во вниманіе фактическія отношенія и положенія, вытекающія изъ отношеній юридическихъ, хотя-бы формально и равноправныхъ. А это и приводитъ къ необходимости разсматриванія гражданско-правовыхъ отношеній въ области имущественнаго и обязательственнаго права не исключительно только какъ сферы интересовъ отдѣльныхъ лицъ, а и какъ извѣстныхъ общественныхъ интересовъ. Въ новѣйшей литературѣ мысль эта особенно хорошо развита въ упомянутомъ уже сочиненіи *Штаммлера* «Хозяйство и право»²⁾. Иначе всякое измѣненіе, напимѣръ, правъ и обязанностей собственниковъ имущества будетъ казаться посягательствомъ на сферу свободы гражданъ, будто-бы противорѣча незыблемымъ основамъ и понятіямъ права вообще и гражданского въ частности. Въ особенности все это и относится къ той важнѣйшей категоріи имущества, которая теперь играетъ такую самостоя-

1) *А. Менгеръ*. Новое ученіе о государствѣ, стр. 6 и слѣд.

2) *Stammler*. *Wirtschaft und Recht*. кн. IV, отд. III. Принципъ соціальной законности, § 80.—Непригодность единичныхъ цѣлей, какъ высшаго соціальнаго принципа.

тельную роль въ хозяйствѣ, какъ средства производства или капиталъ въ смыслѣ современной исторической его категоріи.

Владѣльцы этого вида имуществъ являются передъ обществомъ какъ бы отвѣтственными распорядителями за то направленіе, которое они даютъ процессу производства и насколько оно согласуется съ интересами всего народнаго хозяйства, а не только ихъ самихъ какъ собственниковъ. Но наиболѣе полное развитіе одного процесса производства самого по себѣ не можетъ считаться конечною цѣлью общественнаго развитія, какъ это неправильно ставится такою цѣлью въ ученіи историческаго или экономическаго матеріализма. Съ производствомъ въ тѣсной связи долженъ находиться и дѣйствительно находится порядокъ распредѣленія продуктовъ того-же производства или доходовъ въ объективномъ смыслѣ слова (*produit* у французовъ и *Ertrag*—у нѣмцевъ). Будучи же предоставленъ только самому себѣ въ этой «системѣ самому себѣ предоставленнаго оборота» или «системѣ свободной борьбы интересовъ»—конкуренціи тожъ, процессъ этотъ далеко не представляетъ собою совершенства и потому нуждается въ многоразличныхъ поправкахъ и дополненіяхъ при помощи мѣръ такъ называемой *соціальной политики*, о сущности и задачахъ которой говорилось и въ методологической главѣ и въ концѣ историческаго отдѣла. Мѣры эти съ *внѣшней* стороны всегда имѣютъ видъ тѣхъ или иныхъ формальныхъ условій или юридическихъ нормъ, *внѣшнимъ образомъ*, какъ выражается *Штаммлеръ*, *регулирующихъ* взаимоотношеній людей. *Внутреннее-же* ихъ содержаніе или цѣль обусловливается фактическими или матеріальными хозяйственными явленіями и взаимоотношеніями.

(Мы не говоримъ этого обо всѣхъ юридическихъ нормахъ вообще, ибо если до извѣстной степени правильно, что всѣ экономическія отношенія могутъ или должны быть выражены въ формахъ и нормахъ юридическихъ, то нельзя утверждать обратное — что всѣ юридическія отношенія суть въ то-же время экономическія, ибо право регулируетъ и такія стороны жизни общества, которыя не имѣютъ прямого или даже косвеннаго отношенія къ хозяйству, какъ на примѣръ, семья, церковь и само государство. Распространять-же понятіе хозяйства такъ широко, какъ это дѣлаетъ *Штаммлеръ*, мы считаемъ, какъ уже и было выяснено, не правильнымъ).

Изученіе этихъ мѣръ въ качествѣ *средствъ*, которыми достигаются хозяйственныя, а иногда и высшія *цѣли* человѣческаго общежитія, — это и составляетъ задачу экономики въ тѣсной связи съ правовѣдѣніемъ. Здѣсь и примѣнимъ до извѣстной степени *единый*, по крайней мѣрѣ съ *формальной* стороны, *методъ*, какъ теперь на этомъ особенно настаиваетъ *Штаммлеръ*. Но его взгляды по существу тоже не вполне новы и оригинальны, будучи таковыми лишь съ точки зрѣнія болѣе философской ихъ конструкціи и обосно-

ванія. О необходимости-же совмѣстнаго изученія права и хозяйства раньше даже Геринга говорилъ теперь забытый юристъ *Данквардтъ*, словами котораго мы и закончимъ изложеніе этого вопроса. Онъ тоже признавалъ возможнымъ и правильнымъ объединеніе методовъ причинности и цѣлесообразности, т.-е каузальныхъ и телеологическихъ и именно въ сферѣ взаимоотношенія права и хозяйства, отводя особенно значеніе послѣднимъ въ качествѣ *мотивовъ* или цѣлей юридическихъ нормъ; причинность-же какъ исключительное обоснованіе для выводовъ, онъ относилъ только къ явленіямъ неодушевленной природы. Какимъ-же образомъ экономическая основа является отчасти причиной, отчасти мотивомъ возникновенія правовыхъ нормъ *Данквардтъ* объяснялъ это такъ:

«Государство образуетъ организмъ, подобный тому, какимъ является человеческое тѣло... Этотъ организмъ рождаетъ законы, которые дѣйствуютъ съ такой-же неотразимой необходимостью, какъ и законы природы, и съ диктаторской властью требуютъ пріостановленія, измѣненія и уничтоженія права; слѣдовательно законодатель не можетъ выбирать между дѣятельностью и бездѣйствіемъ, — онъ *вынуждается*. Если же на волю его дѣйствуетъ принужденіе, то юридическая норма не можетъ уже считаться (только) актомъ дѣйствія (свободнаго); на нее, какъ и на измѣненія въ органической природѣ, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на совершившееся явленіе въ объективномъ мірѣ, — явленіе, которое должно быть сведено не къ мотиву, а къ причинѣ. Эти *причины* и изучаетъ экономическая наука, которую можно назвать физиологіей общественнаго организма... Умный законодатель не станетъ однако дожидаться, пока его вынудитъ къ чему нибудь напоръ отношеній, но всегда будетъ предусматривать и дѣлать по собственной волѣ то, что рано или поздно сдѣлаютъ за него сами обстоятельства. (Рѣдкій примѣръ противоположнаго случая представляетъ рецепція или введеніе римскаго права въ Германію). Область *причинъ* въ правѣ даннаго народа дѣлается тѣмъ *тѣснѣе*, а область *мотивовъ* становится тѣмъ *шире*, чѣмъ умнѣе и осмотрительнѣе его законодательство... Въ неорганической природѣ причины явленій открываются только путемъ эмпирическимъ, и все таки найденныя причины не имѣютъ аподиктической вѣрности. Иное дѣло причины, вызывающія перемѣны въ юридическомъ быту. Когда фактическія отношенія рождаютъ юридическія нормы, то все таки въ сущности это результатъ дѣятельности людей. Масса движимая эгоизмомъ требуетъ данной юридической нормы и дѣйствуетъ или на законодателя, или создаетъ такую норму путемъ обычнаго права. Вотъ почему мы въ состояніи отереть съ аподиктической точностью причины измѣненій въ правѣ, именно можемъ это сдѣлать путемъ телеологіи, что не возможно въ области изслѣдованія природы» ¹⁾.

¹⁾ *Данквардтъ*, соч. въ русск. переводѣ озаглавленное: „Гражданское право и общественная экономія“ по нѣмецки-же National-ökonomisch-civiltische Studien, русскому же заглавію соответствуетъ другое сочиненіе того же автора.

Л и т е р а т у р а по вопросамъ здѣсь затронутымъ относится болѣе къ

Условія предпринимательской дѣятельности.

Обыкновенныя и исключительныя.

Свобода хозяйственной дѣятельности, условія ея развитія и отдѣльные виды.—*Конкуренція* или соперничество, виды условія и предѣлы ея развитія и превращенія въ монополіи и синдикаты; достоинства и недостатки конкуренціи.—*Спекуляція*, ея виды и значенія.—*Конъюнктура*, составные ея элементы и значеніе.—Предпринимательскій *рискъ*, какъ результатъ всѣхъ этихъ условій.

Лица осуществляющія на свой страхъ, рискъ и отвѣтственность хозяйственную дѣятельность называются *предпринимателями*, а ведомыя ими хозяйства, рассчитанныя на сбытъ своихъ произведеній,—*предпріятіями*. Формы и размѣры послѣднихъ весьма разнообразны, и потому изученіе ихъ составитъ предметъ дальнѣйшаго болѣе спеціальнаго изслѣдованія. Но независимо отъ формъ и цѣлей предпріятій, (преслѣдующихъ преимущественно, но не исключительно цѣли производства, ибо есть кромѣ того предпріятія торговыя, транспортныя, кредитныя, страховыя и т. д.), дѣятельность ихъ владѣльцевъ или самихъ предпринимателей протекаетъ въ современномъ хозяйствѣ при наличности многообразныхъ внѣшнихъ *условій* и *обстоятельствъ*, частью юридическихъ, и частью экономическихъ. Большая или главнѣйшая часть первыхъ были только что разсмотрѣны; теперь мы обратимъ вниманіе на условія экономическія, хотя точное проведеніе границъ между тѣми и другими не всегда возможно. Въ прямой или косвенной зависимости отъ этихъ условій и обстоятельствъ находится успѣшность предпріятій, т.-е. насколько

юриспруденціи, чѣмъ къ политической экономіи; она сама по себѣ чрезвычайно обширна, а потому здѣсь и не приводится. Поэтому мы ограничиваемся здѣсь повтореніемъ сочиненій приведенныхъ въ текстъ и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, а именно: *Данквардтъ*. Гражданское право и общественная экономія (рус. пер.).—*Герингъ*. Цѣль въ правѣ (руск. перев.).—*С. Муромцевъ*. Определеніе и основное раздѣленіе права. 1879.—*К. Кавелинъ*. Что есть гражданское право и гдѣ его предѣлы? 1864.—*Ю. Гамбаровъ*. Добровольная и безвозмездная дѣятельность въ чужомъ интересѣ, т. I. Его-же статья „Право въ его основныхъ началахъ“ въ Сборникъ по общественно-юридическимъ наукамъ. вып. I. 1899.—*Р. Штаммлеръ*. Хозяйство и право съ точки зрѣнія материалистическаго пониманія исторіи (рус. пер.) 1907 г.—*А. Менгеръ*. Гражданское право и неимущіе классы (рус. пер.). Его-же. Новое ученіе о государствѣ (рус. пер.) 1905.—*Л. Петражицкій*. О мотивахъ человѣческихъ поступковъ. 1904.—*А. Wagner*. Lehrbuch der Pol. Oekon. 1879.—*L. v. Stein*. Gegenwart und Zukunft der Rechts n. Staatswissenschaft. 1879.—*Schlossmann*. Der Vertrag.—*Steinbach*. Vertretung der öffentlichen Interessen auf dem Gebiete des Privatrechts. 1902.

предприниматели съумѣли воспользоваться тѣми или другими условіями или послѣднія сами по себѣ сложатся для нихъ болѣе или менѣе благопріятно. Трудно не только разсмотрѣть, но даже и перечислить всѣ эти условія, все болѣе и болѣе осложняющіяся по мѣрѣ развитія современныхъ формъ хозяйства. Но подвести ихъ подъ нѣкоторыя болѣе или менѣе общіе типы не только возможно, но и необходимо и именно въ концѣ этой общей части курса, чтобы въ дальнѣйшемъ къ нимъ не возвращаться и пользоваться ими, какъ извѣстными уже явленіями и понятіями. Конечно здѣсь рѣчь пойдетъ только объ условіяхъ главнѣйшихъ или болѣе общихъ, къ числу коихъ принадлежатъ слѣдующія: *свобода* хозяйственной дѣятельности вообще и выражающаяся въ *конкуренціи* въ частности и въ особенности; затѣмъ, различныя формы объединенія отдѣльныхъ предпріятій въ союзы въ родѣ синдикатовъ и т. п. учреждений, переходящія уже въ нѣчто противоположное началамъ свободы и конкуренціи, а именно въ полныя или неполныя *монополіи*; далѣе различныя обстоятельства такъ называемой *конъюнктуры*, вмѣстѣ съ конкуренціей и *спекуляціей* порождающія то, что представляетъ собою *рискъ* предпріятій.

Только изучивъ свойство всѣхъ этихъ условій и обстоятельствъ самихъ по себѣ и по ихъ вліянію на предпріятія вообще, можно будетъ вслѣдъ за тѣмъ подвергнуть сравнительно критической оцѣнкѣ разные виды и формы предпріятій, съ точки зрѣнія болѣе или меньшей приспособляемости ихъ къ этимъ внѣшнимъ условіямъ ихъ существованія и дѣятельности. Многія изъ этихъ условій оказываютъ свое вліяніе на хозяйственную дѣятельность не только лицъ, именуемыхъ предпринимателями, но и вообще, какъ напримѣръ, рабочихъ и владѣльцевъ такихъ хозяйствъ, которыя, замѣтно сохраняя еще черты прежнихъ домашнихъ или натуральныхъ формъ, напримѣръ, производя что-либо не столько для сбыта, какъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей производителей, — сравнительно менѣе вовлечены въ систему современной конкуренціи и капитализма и потому не вполне даже заслуживаютъ наименованія ихъ предпріятіями. Главнымъ же образомъ это—условія, вліяющія на предпринимательскую дѣятельность въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Свобода хозяйственной дѣятельности вообще ¹⁾.

Подъ *свободою* вообще понимается та *независимость*, съ которою *человѣкъ* можетъ *проявлять* свою *личную волю*. Оставляя въ

¹⁾ Одно изъ наиболее полныхъ изложеній положительнаго значенія и видовъ свободы въ хозяйственной дѣятельности можно найти въ курсѣ *Зелиг-*

сторонѣ чисто философскій вопросъ о понятіи и предѣлахъ свободы воли вообще, слѣдуетъ признать, что нѣтъ и не было такого общественнаго состоянія, когда для проявленія этой воли въ какихъ либо дѣйствіяхъ не существовало-бы никакихъ внѣшнихъ границъ. Полная свобода человѣка, положенная въ основу ученій Г. Гроція и Гоббса раньше, Канта и Руссо позднѣе, не существовала въ качествѣ доказаннаго отправнаго факта первоначальнаго существованія человѣчества. Это было лишь абстрактнымъ предположеніемъ или утверженіемъ названныхъ и подобныхъ имъ ученыхъ, изъ котораго они выводили яко-бы добровольное ограниченіе людьми врожденной имъ свободы или даже отказъ отъ нея въ пользу физическихъ или юридическихъ лицъ, цѣлаго общества или государства. Они строили на этой предпосылкѣ свои теоріи общественнаго договора или основъ государственной или княжеской власти, возникшихъ для прекращенія предполагаемой войны всѣхъ противъ всѣхъ или хотя и свободнаго, но неорганизованнаго общественнаго состоянія. Нѣтъ никакой надобности, да и нельзя представлять себѣ первобытныхъ дикарей индивидуально совершенно свободными людьми, ибо каждый изъ нихъ, являлся членомъ какого-нибудь племени, рода или семьи, т. е. общественныхъ учрежденій или видовъ общенія, которыя всегда свободу его болѣе или менѣе связывали. Затѣмъ, всѣ они были рабами внѣшней природы, отъ которой всецѣло зависѣли въ дѣлѣ удовлетворенія своихъ потребностей; кромѣ того каждый изъ нихъ въ отдѣльности или цѣлыя группы сразу подвергались постоянной опасности быть убитыми, и даже съѣденными, другими болѣе сильными лицами или группами. Наконецъ всѣ они тогда, благодаря своему полному невѣжеству и предразсудкамъ, находились въ рукахъ у различныхъ кудесниковъ, знахарей, жрецовъ и т. п.

Нельзя также говорить о свободѣ, какъ о первоначальномъ естественномъ состояніи людей въ тѣ продолжительныя эпохи, когда, какъ на примѣръ, въ древнихъ Греціи и Римѣ, а равно раньше, и позже въ другихъ странахъ существовалъ узаконенный правомъ и обычаемъ институтъ *рабства*, въ которомъ пребывала даже большая часть всего населенія. Выдающіеся-же философы того времени, въ родѣ Аристотеля, считали рабство естественнымъ состояніемъ части человѣчества. У насъ въ Россіи съ небольшимъ 50 лѣтъ тому назадъ и крѣпостное состояніе крестьянъ считалось тоже состояніемъ

мана: Основы полит. экономіи 1908 (русск. перев.), книга II, глава XI. Необходимость ея ограниченій у Мауруса: „О свободѣ въ полит. экономіи“, русск. пер. 1875.

естественнымъ, какъ до того-же приблизительно времени официально существовалъ торгъ невольниками въ Америкѣ, какъ сохраняется онъ еще и теперь въ нѣкоторыхъ нецивилизованныхъ странахъ.

И потому не будемъ ходить далеко назадъ въ поискахъ этой свободы, личной или хозяйственной—все равно, а признаемъ это состояніе свободы не естественнымъ или прирожденнымъ человѣку вообще, а завоевываемымъ путемъ долгой борьбы, нерѣдко кровавой, но еще болѣе культурной. Развитіе знаній и цивилизаціи освобождаетъ людей отъ гнета суевѣрій и предрасудковъ какъ тирановъ духовныхъ; правовой строй кладетъ предѣлъ произволу и насилію прежнихъ деспотовъ и вообще лицъ сильныхъ надъ слабыми и создаетъ нѣкоторую сферу свободы, опредѣляя ее однако извѣстными границами—кругомъ свободы или интересовъ другихъ лицъ, котораго нельзя переступать. Не даромъ прежде само право вообще называли «мѣрой свободы въ общежитіи» или ея «гранью», «объемомъ», «величиною» и т. п. Вообще-же политическія свободы—мысли, слова, печати, союзовъ и собраній и т. д.,—какъ равно и экономическая или хозяйственная появляются и развиваются лишь на позднѣйшихъ болѣе прогрессивныхъ ступеняхъ общественнаго развитія не безъ борьбы за нихъ.

Въ области правовыхъ взаимоотношеній людей границы свободы опредѣляются болѣе или менѣе ясно обязательными законами и обычаями, свободными или условными соглашениями, внутренними убѣжденіями и представленіями о правѣ и справедливости. Въ области-же своей хозяйственной дѣятельности человѣкъ постоянно наталкивается на препятствія иного рода—фактическія, которыя ставятся ему прежде всего внѣшней природою, а затѣмъ и другими людьми; препятствія, эти всегда ограничиваютъ его свободную волю въ большей или меньшей степени. Первоначальную наиболѣе суровую свою зависимость отъ природы люди смягчаютъ путемъ соподчиненія своихъ интересовъ и дѣйствій другъ другу, изъ чего въ сущности и начинается развиваться настоящая хозяйственная дѣятельность, т. е. взаимоотношенія людей на почвѣ этой хозяйственности развивающіеся. Отъ этого увеличивается, какъ мы уже знаемъ общая производительность труда (вслѣдствіе его соединенія и раздѣленія); но несомнѣнно увеличивается вмѣстѣ съ тѣмъ и взаимное соподчиненіе людей или даже прямое подчиненіе однихъ другимъ. Формы послѣдняго, равно какъ и источники послѣдняго, были различны, на что своевременно въ историческомъ очеркѣ и было указываемо; поэтому здѣсь мы не будемъ останавливаться ни на исторіи рабства и крѣпостного права и ихъ отмѣны, ни на малой производительности труда рабовъ, какъ и другихъ зависимыхъ лицъ, о чемъ

говорилось въ ученіи объ условіяхъ увеличивающихъ производительность труда вообще. Здѣсь-же мы сосредоточимъ свое вниманіе на *видахъ, условіяхъ и границахъ свободы хозяйственной дѣятельности* и вытекающихъ изъ нея результатахъ.

Эта свобода явилась тоже не сразу, такъ какъ хозяйственная дѣятельность людей, въ личномъ или сословномъ отношеніи вообще свободныхъ, долго не была таковой, пока господствовали въ государственномъ устройствѣ начала полицейско-правовыя, а въ хозяйственной организаціи гильдейское и особенно корпоративно-цеховое устройство, а затѣмъ правительственная регламентація промышленности на почвѣ меркантильной теоріи или независимо отъ нея. Настоящая экономическая свобода осуществляется въ общественной жизни вмѣстѣ съ признаніемъ ее экономической теоріей и политикой за *лучшее условіе хозяйственной дѣятельности*. Съ формальной стороны торжество началъ такой свободы связывается съ политикой невмѣшательства государственной власти въ хозяйство и съ распространеніемъ на гражданъ общихъ для всѣхъ началъ частнаго или гражданскаго права и вообще равенства всѣхъ передъ закономъ.

Такимъ образомъ съ понятіемъ *свободы* стало естественно связываться понятіе *равенства*, хотя бы въ смыслѣ *формальномъ*, такъ какъ абсолютное равенство людей самихъ по себѣ и фактическое полное равенство ихъ имуществъ—это идеи, присущія только грубымъ ученіямъ коммунизма, не находяція себѣ признанія ни въ теоріи, ни на практикѣ. Но и одно это формальное равенство въ правахъ, какъ мы только что видѣли въ предъидущей главѣ, далеко еще не обезпечиваетъ фактическаго равенства хотя бы только *условіи веденія борьбы за существованія*, допуская весьма значительный перевѣсъ силъ одной стороны или цѣлаго общественнаго класса ¹⁾. Хозяйственная дѣятельность вообще регулируется отнюдь

---

¹⁾ *Генр. Маурюзъ* въ своемъ трудѣ подъ названіемъ: „О свободѣ въ полит. экономіи“ (русск. пер., изд. 1875 г.), стр. 8—10, говоритъ объ этомъ между прочимъ слѣдующее: „Преобладающее могущество социальнихъ экономическихъ силъ, (теперь—это капиталистическія средства производства), обнаруживается не только тѣмъ, что частное хозяйство каждаго зависитъ отъ дѣятельности другихъ, но и тѣмъ, что личныя силы человѣка вполне подвластны все болѣе развивающемуся могуществу социальнихъ силъ и находятся въ ихъ полномъ распоряженіи... Изъ того факта, что социальныя экономическія силы возникаютъ изъ общаго труда, что они представляютъ общую собственность всѣхъ членовъ, слѣдуетъ, что нельзя предоставить на произволь обладателей социальнихъ силъ употребленіе ихъ вообще или какое угодно... Въ томъ фактѣ, что упускаютъ изъ виду необходимость полезнаго для всѣхъ ограниченія въ употребленіи социальнихъ силъ,—огра-

не одними только общими и равными для всѣхъ началами гражданского права, а и цѣлымъ рядомъ другихъ нормъ—административнаго права или права управленія, различными мѣрами экономической политики, такъ какъ на дѣлѣ никогда и нигдѣ не было достигнуто полное торжество началъ невмѣшательства государственной и законодательной власти въ сферу хозяйства. Поэтому и понятіе экономической свободы изъ понятія общаго и неограниченнаго переходитъ въ рядъ отдѣльныхъ видовъ свободъ, касающихся прямо или косвенно отдѣльныхъ видовъ и моментовъ хозяйственной дѣятельности. Разсмотримъ-же главнѣйшія изъ этихъ отдѣльныхъ видовъ свободъ.

1) Свобода или *право передвиженія* для собственныхъ гражданъ или подданныхъ, какъ внутри страны, такъ и относительно ихъ выѣзда за границу—временно или навсегда—*эмиграція*; относительно-же иностранцевъ—право въѣзда ихъ въ страну и пребыванія въ ней временно или навсегда—*иммиграція*. Свобода въ этомъ отношеніи вообще можетъ считаться теперь болѣе или менѣе общимъ правиломъ и даже у насъ въ Россіи, гдѣ долгое время она стѣснялась *паспортной* системой, значительно ослабленной для внутренняго передвиженія, но остающейся еще въ полной силѣ для выѣзда за границу. Раньше ограниченія этой свободы почти во всѣхъ странахъ связаны были еще съ дѣломъ *общественнаго призрѣнія*, обусловленнымъ мѣстомъ постоянной осѣдности. Что-же касается до права въѣзда иностранцевъ, то это вопросъ, рѣшаемый еще весьма различно и иногда весьма рѣшительно въ отрицательномъ смыслѣ,

---

ниченія, предупреждающаго мононолію,—и что не обращаютъ вниманія на тотъ фактъ, что силы эти должны быть употребляемы ихъ обладателями *вполнѣ и наилучшимъ образомъ* (въ интересахъ всего общества)—кроется причина того явленія, что въ настоящемъ вѣкѣ все рѣзче выступаетъ требованіе „равенства“, какъ противоположность требованіямъ „свободы“, возникшимъ въ прошломъ столѣтіи. Та свобода, которая существуетъ въ экономической области въ настоящее время и которая развивается безъ пониманія происхожденія и сущности соціальныхъ силъ, не есть истинная свобода, т. е. не *равноправность*, а привилегія отдѣльныхъ классовъ общества на счетъ несвободности остальныхъ... Въ своихъ возгласахъ противъ всякаго ограниченія въ пользованіи соціальными силами либерализмъ игнорируетъ то экономическое рабство, въ которомъ находится наибольшая часть людей въ современныхъ государствахъ... Если мы утверждаемъ, что этому злу можно помочь ограниченіемъ свободы въ способахъ употребленія соціальныхъ силъ, то это не одно и то же, что установленіе *матеріальнаго равенства* котораго требуетъ коммунизмъ... Стремленіе къ установленію такого равенства между людьми всегда останется тщетнымъ, п. ч. оно потерпитъ крушеніе вслѣдствіе различій индивидуальной человеческой природы“.

какъ напимѣрь, въ Сѣв. Амер. Соедин. Штатахъ, а съ 1905 г. и въ Англии относительно всѣхъ иммигрантовъ вообще, не имѣющихъ нѣкотораго минимальнаго обезпеченія, а въ первой изъ этихъ странъ и относительно китайскихъ рабочихъ—*кули* въ особенности. Недопущеніе послѣднихъ имѣеть цѣлью предупрежденіе чрезмѣрной ихъ конкуренціи съ мѣстными рабочими, такъ какъ первые довольствуются слишкомъ ничтожной заработной платой и, даже живя уже постоянно въ этой странѣ, не воспринимаютъ американскихъ довольно высокихъ требованій къ жизни.

2) *Свобода занятій и ихъ выборъ* въ настоящее время хотя тоже считается общепризнанной, но не безусловно; такъ напр., для извѣстныхъ занятій и профессій требуется обладаніе соотвѣтственнымъ знаніямъ или подготовкой, удостовѣряемое особыми испытаніями или свидѣтельствами, аттестатами и т. п., какъ напр. въ особенности для профессій врачебныхъ, нѣкоторыхъ техническихъ, и вообще такихъ, въ которыхъ незнаніе своего дѣла можетъ быть вреднымъ и даже гибельнымъ для лицъ пользующихся ихъ услугами. Съ другой стороны въ нѣкоторыхъ странахъ, и у насъ въ особенности, усиливаются различныя ограниченія въ правахъ на занятіе тѣмъ или другимъ промысломъ, на приобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ и участіе въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ для различныхъ такъ назыв. «инородцевъ» и евреевъ въ особенности.

3) *Свобода производства* какъ въ смыслѣ примѣненія тѣхъ или иныхъ техническихъ приемовъ, такъ и въ особенности въ сферѣ договоровъ о наймѣ на работу и установленія условій послѣдней, теперь можетъ считаться характернымъ признакомъ современной хозяйственной системы, но тоже не въ смыслѣ свободы полной или неограниченной, какая напимѣрь грезилась первоначальнымъ экономистамъ и фізіократамъ въ видѣ лозунга Гурнэ: «laissez faire, laissez passer». Вмѣшательство современнаго государства въ эту сторону хозяйства, конечно, существенно отличается отъ средневѣковаго или полицейско-правового, ограничиваясь предѣлами признанной на опытѣ необходимости и не стремясь вовсе устранить или стѣснить свободную конкуренцію, какъ это было раньше. Но горькій опытъ временно допущенной чуть не абсолютной или полной свободы доказалъ, что нельзя оставлять безъ всякаго контроля производство, напимѣрь, разныхъ питательныхъ продуктовъ, и что нельзя полагаться на достаточность однихъ карательныхъ мѣръ, а необходимы иногда и предупредительныя. Точно также и совсѣмъ въ другихъ отрасляхъ хозяйства, какъ напр. въ банковомъ, страховомъ, транспортномъ и т. п. дѣлахъ для огражденія интересовъ

публики, т.-е. лицъ пользующихся услугами такихъ учреждений, устанавливаются нормальныя условія ихъ дѣятельности, требованія обезпеченія или гарантій, производится тарификація платъ за услуги, какъ бы вопреки болѣе общему принципу — свободы договоровъ и соглашеній о цѣнахъ за товары и услуги. Въ особенности развивается ограниченіе этой свободы установленія условій производства въ области регулированія отношеній хозяевъ и рабочихъ.

4) *Свобода торговли*, если ее считать за самостоятельный видъ свободъ, т.-е. не относящейся къ предъидущему пункту, — тоже признается лежащей въ основѣ современнаго хозяйства; но и это относится главнымъ образомъ лишь къ торговлѣ внутренней; что же касается до внѣшней или международной, то тутъ далеко еще нельзя считать оконченнымъ давнишній теоретическій споръ сторонниковъ свободы съ протекціонистами, — споръ, находящій себѣ совершенно различное разрѣшеніе и въ практикѣ разныхъ странъ до самаго послѣдняго времени.

5) *Свобода потребленія* можетъ считаться наиболѣе общепризнанной, такъ какъ давно уже нѣтъ никакихъ слѣдовъ прежнихъ ея ограниченій въ видѣ преслѣдованій роскоши и т. п. мѣръ. И нельзя видѣть ограниченій этой свободы по существу въ видѣ практикуемаго обложенія предметовъ роскоши налогами, такъ какъ цѣль, преслѣдуемая послѣдними, такая же, какъ и у другихъ налоговъ, т.-е. прежде всего чисто финансовая или доставленіе доходовъ казнѣ или другимъ общественнымъ учрежденіямъ. Если же видѣть въ налогахъ нѣчто большее, а именно, какъ дѣлаетъ это *пр. Вагнеръ*, — средство исправленія недостатковъ системы распределенія доходовъ, (см. выше стр. 47), то это уже будетъ относиться не только къ области потребленія, но и къ распределенію доходовъ и имущества, этимъ не прямо, а косвенно, но сознательно регулируемому при помощи всей налоговой системы вообще.

6) *Свобода соединеній*, т.-е. право устройства различныхъ обществъ и союзовъ, всегда представляла собою наиболѣе спорный видъ свободы. Такъ въ разгаръ великой французской революціи, подъ вліяніемъ господствовавшихъ тогда и въ правѣ, и въ экономіи либерально-индивидуалистическихъ идей, на примѣръ закономъ 1791 года особенно сурово преслѣдовались всякія попытки объединенія лицъ однородныхъ профессій, хотя бы даже въ самыя невинныя общества для взаимнаго вспомошествованія, не говоря уже объ учрежденіяхъ для борьбы труда съ капиталомъ. Въ нихъ видѣли угрозу или препятствіе для осуществленія личной свободы вообще; поэтому понадобился довольно продолжительный жизненный опытъ и упорная борьба, чтобы побороть предубѣжденіе противъ

такого рода соединеній вообще, въ средѣ какъ хозяевъ, такъ и рабочихъ. И если это право въ настоящее время включается въ циклъ такъ называемыхъ «гражданскихъ свободъ» вообще, то во всякомъ случаѣ не въ смыслѣ права или свободы безусловной, а ограниченной соблюденіемъ условій, которыя гарантировали-бы обществу нѣкоторое обезпеченіе противъ возможныхъ злоупотребленій такими правами. Такъ это относится въ особенности къ устройству *союзовъ предпринимателей* (синдикатовъ, трэстовъ и т. п.), грозящихъ *монополизацией* цѣлыхъ отраслей промышленности; а также и къ союзамъ рабочихъ, поскольку послѣдніе, опираясь на такую свою силу, угрожаютъ обществу устройствомъ забастовокъ въ такихъ отрасляхъ хозяйства, остановка которыхъ представляетъ собою особія опасности и лишенія для всѣхъ гражданъ вообще, какъ напр. въ области средствъ сообщенія, водоснабженія, освѣщенія и т. п. Слѣдуетъ впрочемъ прибавить, что стачки и забастовки могутъ происходить, и дѣйствительно неоднократно всюду происходили, независимо отъ рабочихъ союзовъ, т. е. при отсутствіи такихъ организацій; и въ послѣднихъ случаяхъ онѣ принимали тогда даже болѣе грубыя и тяжелыя формы. Посему вопросъ о *правѣ стачекъ и забастовокъ* правильнѣе выдѣлять въ особый видъ соотвѣствующихъ вопросовъ.

Означенными видами свободы далеко не ограничивается благотворное значеніе этого начала въ хозяйственной дѣятельности. На ряду съ этими болѣе специфическими экономическими свободами не меньшую роль играютъ вообще виды свободы политическихъ, если и не столь прямо, такъ косвенно вліяющихъ на успѣхъ хозяйственной дѣятельности. Надо-ли говорить о томъ, какое громадное вліяніе оказало у насъ въ Россіи на общій подъемъ промышленности непримѣрно широкое и великодушное рѣшеніе крестьянскаго вопроса въ смыслѣ уничтоженія крѣпостного права въ связи съ надѣленіемъ крестьянъ землей? Но и другія великія реформы того-же времени и нынѣшняго царствованія имѣютъ, разумѣется, не одно только политическое значеніе, а и громадное народно-хозяйственное, въ видѣ судебныхъ учрежденій новаго типа, т. е. суда скорога, праваго и милостиваго, развитія самостоятельности органовъ мѣстнаго самоуправленія, (городскихъ и земскихъ учрежденій), призванныхъ на первомъ планѣ заботиться о мѣстныхъ и хозяйственныхъ нуждахъ. И вообще всѣ мѣры, поднимающіе сознание нравственнаго достоинства всякой личности гражданина, независимо отъ ея ранга и положенія, упроченіе закономѣрности въ области внутренняго управленія, все болѣе и болѣе обезпечивая и упрочивая сознание своихъ правъ и увѣренность въ ихъ ненарушимости, оказываетъ несомнѣнное вліяніе на успѣшность хозяйственной дѣятельности. Нечего и говорить о томъ, что все это кромѣ того, — цѣли стремленій сами по себѣ, направленныхъ къ достиженію такихъ идеаловъ правового порядка, которыя, будучи благомъ или идеаломъ формальнымъ, въ смыслѣ тѣхъ или другихъ видовъ свободъ, въ то-же время служатъ основою упроченія и развитія матеріальнаго и духовнаго благосостоянія.

Конкуренція.

Конкуренція есть видъ борьбы или соперничества между отдѣльными лицами или группами ихъ, занимающимися однороднымъ хозяйственнымъ дѣломъ. Конкуренція полная или вполнѣ свободная есть настолько общее и типичное условіе и въ то-же время основаніе современнаго хозяйства, что послѣднее нерѣдко такъ и характеризуется, какъ именно «система свободной конкуренціи», съ точки зрѣнія которой устанавливаются наиболѣе точныя и абстрактныя научныя понятія и положенія, какъ это уже было выяснено въ методологической нашей главѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ конкуренція есть явленіе исторически разившееся, а не абсолютная логическая категорія даже въ предѣлахъ современной хозяйственной системы. Полнаго своего развитія конкуренція могла достигнуть лишь на почвѣ равнаго для всѣхъ гражданскаго права, въ частности-же на почвѣ частной собственности и свободы договоровъ и обязательствъ, при условіи вообще свободы и равноправности человѣческой личности, т.-е. при отсутствіи прежнихъ сословныхъ привилегій и преимуществъ у однихъ группъ населенія и отсутствія ихъ у другихъ. А такъ какъ всѣ эти условія осуществленія конкуренціи наступили въ сравнительно не особенно отдаленное отъ насъ время, то и сама конкуренція есть явленіе, достигшее своего полного и пожалуй даже максимальнаго предѣльнаго развитія лишь въ минувшемъ XIX вѣкѣ.

Мы знаемъ изъ историческаго очерка, какія причины и условія безсознательно и сознательно препятствовали осуществленію началъ конкуренціи въ періоды, предшествовавшіе современному строю хозяйства. Такъ въ древнихъ классическихъ государствахъ—опасенія, чтобы въ погонѣ за личными интересами, особенно разыгрывающейся на почвѣ конкуренціи, граждане не отвлекались отъ болѣе приличествовавшихъ имъ заботъ объ общегосударственномъ благѣ или интересѣ. А раньше, еще въ полудикомъ состояніи, вслѣдствіе всеобщей необезпеченности, конкуренція если и появлялась, то не между отдѣльными лицами, а между различными группами—племенами, родами, семьями и т. д.; внутри-же этихъ группъ, связанныхъ первоначально единствомъ кровнаго родства или общностью своего происхожденія, царили начала взаимопомощи. Гораздо больше благодаря послѣдней, чѣмъ конкуренціи или точнѣе—грубой взаимной борьбы того времени,—люди торжествовали въ своей основной или первичной борьбѣ за существованіе—съ природой, особенно тамъ, гдѣ послѣдняя наименѣе щедро расточала свои дары

человѣку. И только съ развитіемъ или расширеніемъ и дифференціаціей этихъ первичныхъ группъ общенія, въ силу естественнаго подбора, развивается соревнованіе между членами этихъ группъ, переходящее уже въ форму соперничества и затѣмъ конкуренціи въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Но развитіе этого начала происходило очень медленно, такъ какъ очень долго интересы отдѣльныхъ лицъ занимаютъ мѣсто, подчиненное интересамъ общественнымъ или благосостоянію цѣлаго. Потому-то и въ средневѣковую эпоху развитіе гильдій и цеховъ обуславливалось прежде всего ихъ групповыми или корпоративными интересами, которые надо было защищать прежде всего и больше всего, такъ какъ только внутри этихъ группъ отдѣльныя лица могли находить себѣ защиту отъ царившаго въ то время общаго безправія и произвола или торжества всякихъ сильныхъ надъ слабыми, въ смыслѣ привилегированности положенія или грубой физической силы въ періодъ такъ называемаго кулачнаго права. Изъ этого ясно, что конкуренція не только не поощрялась со стороны цеховъ и гильдій, но къ ея ослабленію, если не полному устраненію, направлялись большинство мѣръ цеховой регламентации и къ упроченію духа или сознанія солидарности интересовъ своихъ сочленовъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи конкуренціи сдерживалось правительственной опекой надъ гражданами вообще въ эпоху государствъ полицейско-правового типа, создававшихъ различныя искусственныя монополіи и привилегіи. Однимъ словомъ конкуренція, какъ уже сказано въ самомъ началѣ, развивается въ связи съ обезпеченіемъ личныхъ правъ и разныхъ видовъ свободы гражданъ, разсмотрѣніе которыхъ только что было закончено. Другими словами, конкуренція внутри каждой группы усиливается по мѣрѣ ослабленія давленія на нее извнѣ, вызывающаго необходимость борьбы съ врагомъ внѣшнимъ; при усиленіи-же послѣдней стихаетъ борьба внутренняя или конкуренція. И потому конкуренція есть наиболѣе пышный цвѣтокъ, расцвѣтшій на почвѣ осуществленія свободы хозяйственной дѣятельности вообще, т.-е. когда прекратились или сократились заботы объ обезпеченіи групповыхъ интересовъ, стоявшія раньше на первомъ планѣ. Въ частности и въ особенности конкуренція явилась одновременно и спутникомъ, и результатомъ развитія денежнаго хозяйства и капитализма, какъ основаннаго тоже на почвѣ болѣе или менѣе неограниченной частной собственности и свободнаго труда.

Разсмотримъ-же теперь главные виды конкуренціи и затѣмъ произведемъ экономическую оцѣнку присущихъ ей достоинствъ и недостатковъ.

Конкуренція и въ настоящее время есть, съ одной стороны,

борьба *единичныхъ интересовъ*, а съ другой—борьба *однородныхъ группъ производителей или продавцовъ*, въ свою очередь имѣющихъ различныя виды или формы. Такъ соперничаютъ между собою внутри одной и той-же страны различныя *мѣстности или отдѣльные города*, а въ міровой торговлѣ—*отдѣльные народы или страны*. И каждой изъ этихъ конкурирующихъ между собою единицъ присущи особыя качества или свойства.

Конкуренція *отдѣльныхъ лицъ (или единичныхъ предпріятій)* можетъ развиваться въ *совершенно однородной средѣ*; такъ, соперничаютъ производители или продавцы товаровъ *однородныхъ или въ крайнемъ случаѣ замѣняющихъ другъ друга*, какъ имѣющихъ одинаковое назначеніе въ *качествѣ предметовъ потребленія или средствъ производства (портные съ портными-же, булочники съ булочниками-же, и т. д., или предметы одежды съ таковыми-же, хотя-бы иногда и изъ разныхъ матеріаловъ и т. п.)*.

Когда же конкурируютъ между собою различныя *мѣстности одной и той-же страны или цѣлыя страны въ дѣлѣ завоеванія рынковъ въ міровой торговлѣ*, то соперничество распространяется сразу на большую или меньшую совокупность *всѣхъ предметовъ, производимыхъ въ тѣхъ или иныхъ частяхъ страны или въ странахъ въ ихъ цѣломъ взятыхъ*. Такъ города или курорты соперничаютъ другъ съ другомъ *всей совокупностью доставляемыхъ ихъ жителямъ или посѣтителемъ жизненныхъ удобствъ*; Германія и Англія соперничаютъ въ своей борьбѣ за рынки чуть не на *всемъ земномъ шарѣ вообще продуктами всей своей обрабатывающей промышленности и предметами торговли*.

И въ то-же время, какъ *однородность среды или сферы хозяйственной дѣятельности* является естественной и единственно возможной *почвой для конкуренціи*,—та-же самая среда порождаетъ и до настоящаго времени *общность интересовъ*, присущую только ей самой или ея членамъ. Такъ, только производителямъ *однородныхъ товаровъ* присуще сознаніе общности ихъ интересовъ, какъ представителямъ данной отрасли промышленности, напимѣръ, *железнодорожной, свеклосахарной, текстильной и т. д., или еще больше какъ представителямъ вообще промышленности обрабатывающей, по противоположенію ея добывающей, напр. сельскому хозяйству или земледѣлію*. На почвѣ этой общности интересовъ и находятъ конечный предѣлъ своему развитію сама конкуренція, замѣняясь *объединеніемъ этихъ однородныхъ производителей и торговцевъ въ соотвѣтственные синдикаты, трэсты и т. п. соединенія*.

Происходитъ послѣднее теперь на почвѣ естественнаго такъ сказать *саморазвитія начала конкуренціи самой по себѣ*; между

тѣмъ какъ раньше такое объединеніе интересовъ возникало на почвѣ необезпеченности правъ, т.-е. въ борьбѣ съ извнѣ грозившими членамъ такихъ однородныхъ группъ опасностями. Теперь послѣднихъ, какъ политическихъ или юридическихъ неблагопріятныхъ условій, уже нѣтъ; а потому и процессъ объединенія интересовъ развивается на почвѣ уже чисто-экономической.

Почва эта выражается въ слѣдующемъ: конкуренція приводитъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ къ побѣдѣ болѣе совершенныхъ способовъ производства и формъ предпріятій надъ менѣе совершенными. Болѣе совершенными опять таки по большей части являются предпріятія болѣе крупныя, какъ напримѣръ въ свое время мануфактуры по сравненію съ ремесленными мастерскими, — фабрики по сравненію съ мануфактурами, и внутри этихъ типовъ болѣе совершенные по своему техническому оборудованію, доступному крупнѣйшимъ изъ нихъ. И тогда на поляхъ этихъ битвъ надъ трупами побѣжденных болѣе слабыхъ и мелкихъ конкурентовъ въ качествѣ побѣдителей какъ бы возвышаются болѣе крупные, отъ чего общее число сражающихся все болѣе и болѣе уменьшается. Въ концѣ концовъ тамъ, гдѣ прежде существовали однородныя лица или предпріятія, считавшіяся тысячами, (когда они всѣ были болѣе или менѣе мелкими), остаются сперва сотни, а затѣмъ можетъ быть и десятки, но уже крупныхъ. И вотъ, когда число комбатантовъ такъ значительно сократится, то у нихъ естественно и рождается мысль — не пора-ли борьбу эту прекратить и направить свои дружныя усилія на другого врага, — конечно не настоящаго, а такого, безъ котораго они сами въ сущности и жить бы не могли, — это *на потребителей ихъ товаровъ*. Тогда безспорныя достоинства конкуренціи, сводящіяся къ улучшенію способовъ производства ради удешевленія его продуктовъ и обезпеченія имъ наиболѣе широкаго сбыта, а стало быть и ради расширенія размѣровъ производства, — все это замѣняется стремленіемъ заставить потребителей платить дороже за тѣ-же самые продукты или товары. Цѣль эта тогда и достигается — соотвѣтственными соглашениями этихъ однородныхъ производителей или торговцевъ о томъ, чтобы больше не сбивать конкуренціей другъ другу цѣны, а держать ихъ на настолько высокомъ уровнѣ, чтобы потребленіе только бы не сокращалось.

Въ крайнемъ же случаѣ пускай даже оно и сократится, особенно если дѣло идетъ о потребителяхъ своей-же страны, власть надъ которыми у такихъ соединеній всегда больше, чѣмъ надъ иностранными. Послѣднимъ-же можно бываетъ продать и подешевле за счетъ этихъ внутреннихъ потребителей, т.-е. перелая на по-

слѣднихъ часть стоимости или издержекъ производства своихъ товаровъ, вывозимыхъ за границу.

Такова обычная или наиболѣе распространенная схема превращенія широкой свободной конкуренціи въ естественную или экономическую ея противоположность — *монополию торжествующихъ на поляхъ этихъ битвъ побѣдителей* — болѣе крупныхъ и потому болѣе малочисленныхъ владѣльцевъ однородныхъ предприятий. — Такова-же и наиболѣе общая основа подобнаго рода соединеній. Въ дѣйствительности, правда, цѣли и способы дѣйствія послѣднихъ бывають иногда не столь узко эгоистичны и потому не такъ вредны для народнаго блага въ его цѣломъ, какъ въ только что приведенномъ примѣрѣ (подъ который вполне подходилъ первый изъ возникшихъ въ Россію синдикатовъ — свекло-сахарныхъ заводчиковъ, нынѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ замѣненный правительственной нормировкой этой отрасли промышленности). Но объ этихъ лучшихъ цѣляхъ и средствахъ соединеній мы будемъ говорить подробнѣе, когда перейдемъ къ разсмотрѣнію ихъ формъ и видовъ самихъ по себѣ.

Своеобразный взглядъ на конкуренцію вообще и на взаимоотношенія производителей или продавцевъ съ одной стороны и потребителей и покупателей — съ другой высказываетъ авторъ вообще очень интереснаго изслѣдованія: «Продавцы и покупатели» *Ф. Оппенгеймеръ*¹⁾. Онъ чуть ли не всю исторію развитія хозяйства, если не общества вообще пытается вывести изъ противоположности интересовъ этихъ двухъ группъ. При этомъ онъ считаетъ, что у покупателей больше развитъ одинаковый или даже общій имъ интересъ, чѣмъ у продавцевъ. Такъ, если цѣны на какія нибудь товары поднимаются, то всѣ покупатели имѣють интересъ къ сокращенію закупокъ; ихъ единичные интересы совпадаютъ съ общими, у продавцевъ же наоборотъ этого совпаденія единичныхъ и общихъ интересовъ нѣтъ; такъ, вмѣсто общаго сокращенія производства, нѣкоторыя изъ нихъ при паденіи цѣнъ стараются изъ расширенія его и изъ большого оборота товаровъ извлечь прежнюю или даже большую прибыль; наконецъ, сильнѣйшіе изъ конкурентовъ прямо извлекають изъ этого выгоды, такъ какъ они могутъ выдержать такое паденіе цѣнъ, а болѣе слабые нѣтъ, и потому послѣдніе гибнутъ, а первые торжествуютъ. Отчасти Оппенгеймеръ дѣлаетъ тотъ конечный выводъ, что покупатели или потребители находятся между собою всегда въ дружескомъ и мирномъ совмѣстномъ дѣйствіи, продавцы же во враждебномъ соперничествѣ. Съ этимъ едва-ли вполне можно согласиться. Вѣрно отчасти то, что между покупателями не можетъ быть конкуренціи въ такой степени или даже вообще, какъ у продавцевъ; потому и у насъ все время рѣчь идетъ о конкуренціи послѣднихъ, а не первыхъ. Но, съ другой стороны, никакого единства дѣйствія у покупателей обыкновенно не бываетъ; наоборотъ, на раздробленности ихъ силъ и дѣйствій построены

¹⁾ *F. Oppenheimer. Käufer und Verkäufer* въ журналѣ *Jahrbuch für Gesetzgebung Verwaltung u. Volkswirtschaft* издав. Шмоллеромъ. 1900 г.

часто всё расчеты и побѣды продавцевъ, (если только покупатели и потребители не объединяются въ спеціальныя кооперативныя учрежденія—потребительскія общества или товарищества, о которыхъ сейчасъ еще нѣтъ рѣчи). Продавцы-же и производители, какъ только что было указано, отнюдь не безгранично и не безконечно враждуютъ или конкурируютъ между собой, а замѣняютъ эту борьбу взаимными соглашеніями.

Крупнѣйшее *достоинство или заслуга* конкуренціи заключается въ томъ, на что уже вкратцѣ было указано, т.-е. въ вызываемомъ ею *усовершенствованіи способовъ производства*, какъ лучшимъ средствомъ этой взаимной борьбы. Это какъ разъ то, что составляло недостатокъ цеховой организаціи, не допускавшей новыхъ и лучшихъ пріемовъ производства изъ боязни паденія отъ этого цѣнности продуктовъ. Но тогда и лозунгъ промышленности былъ другой, обратный современному—*производить какъ можно больше и дешевле*. Прежде онъ не могъ быть таковымъ прежде всего потому, что расширеніе размѣровъ производствъ и сбыта совсѣмъ не зависѣло отъ производителей, ибо работа происходила почти вся исключительно *на заказъ*, а не на широкой и часто заранѣе даже неизвѣстный рынокъ, какъ это есть теперь. Освободившись отъ этихъ прежнихъ путей и стѣсненій, современный конкурирующій производитель можетъ поэтому производить товаровъ сколько угодно, какъ и совершенствовать свои способы производства, почему о присущей цеховому производству рутинѣ или косности не можетъ быть болѣе и рѣчи. И когда такимъ именно путемъ достигается удешевленіе товаровъ и расширеніе ихъ производства, то это главнымъ образомъ и ставится въ активъ или въ заслугу свободной конкуренціи, явившейся въ этомъ отношеніи безусловно прогрессивнымъ условіемъ развитія современной промышленности, какъ оживляющимъ ее средствомъ и развивающимъ энергію и предприимчивость предпринимателей.

Но,—и къ сожалѣнію этихъ «но» есть не одно,—конкуренція прибѣгаетъ и къ другимъ средствамъ борьбы, иногда индифферентнымъ съ точки зрѣнія интересовъ общаго блага, а иногда и прямо ему противоположнымъ.

Такъ конкуренты прибѣгаютъ ко всевозможнымъ *приманкамъ и соблазнамъ*, на которые ловится неопытная и довѣрчивая публика—потребители. Сюда относятся различныя преміи, выдаваемые въ придачу къ главному товару, формы укупорки товаровъ, широко-вѣщательныя рекламы и т. п. мѣры, при помощи которыхъ одни изъ конкурентовъ перебиваютъ покупателей у другихъ, нерѣдко даже болѣе добросовѣстныхъ. Эти преміи и рекламы могутъ ocupar главнымъ образомъ за счетъ сравнительнаго ухудшенія каче-

ства продаваемыхъ товаровъ, частью-же благодаря вызываемому ими расширенію размѣровъ производства и торговли, дающему возможность быстрѣе оборачивать капиталъ и потому довольствоваться меньшей прибылью на него при каждомъ отдѣльномъ оборотѣ, но большею въ теченіе цѣлаго года или нѣсколькихъ цикловъ оборотовъ.

Безусловно-же дурныя качества и слѣдствія конкуренціи выражаются въ томъ, что дешевизна товаровъ достигается *ухудшеніемъ ихъ качества*, разными *фальсификаціями* и т. п. мѣрами, хорошо характеризуемыми поговоркой: «дорого да мило, дешево—да гнило». И къ сожалѣнію съ теченіемъ времени эти послѣдніе приемы дѣлаются все болѣе и болѣе распространенными, будучи особенно вредными, когда они примѣняются къ поддѣлкамъ и вреднымъ для здоровья примѣсямъ въ питательныхъ продуктахъ.

Здѣсь не мѣсто перечислять всевозможныя злоупотребленія, развивающіяся на почвѣ обостренія конкуренціи, переходящей въ такъ называемую *недобросовѣстную*. Борьба съ послѣдней составляетъ одну изъ серьезныхъ задачъ специальной *политики торговли*, о которой поэтому и будетъ говорить въ ученіи о торговлѣ вообще. Но и независимо отъ этой недобросовѣстной конкуренціи нельзя сказать, чтобы теперь вполнѣ торжествовала *неограниченная* конкуренція и чтобы таковая признавалась за послѣднее слово экономического развитія.

Такой оптимистическій взглядъ на значеніе конкуренціи вообще присущъ былъ только первоначальнымъ экономическимъ, писавшимъ въ моментъ зарожденія этого новаго строя хозяйства и возлагавшимъ всѣ свои надежды на принципъ свободы, какъ единое руководящее въ немъ начало. И можно только удивляться, если такой оптимизмъ встрѣчается еще у современныхъ экономистовъ, какъ на примѣръ у *Зелигмана*, говорящаго между прочимъ слѣдующее: «При нормальныхъ условіяхъ конкуренція есть жизненный нервъ торговли. Отдѣльный предприниматель можетъ разбогатѣть, но если онъ разбогатѣлъ честнымъ путемъ (безчестность свойство не богача, а даннаго лица, безразлично, бѣднаго или богатаго), то только оказывая обществу большія выгоды»¹⁾. Дѣйствительная жизнь обнаружила довольно скоро обратную сторону медали; рѣзче всего это выразилось въ конкуренціи между рабочими по продажѣ ими своего единственнаго, особаго товара—работы. Поэтому немудрено, что въ появившихся вслѣдъ за тѣмъ ученіяхъ коммунизма и социализма на конкуренцію вообще установился взглядъ совершенно протівоположный—какъ на корень всего зла въ современной хозяйственной системѣ. Такъ на примѣръ знаменитое сочиненіе *Луи Блана*: «Организація труда»²⁾, начинается прямо съ беспощадной критики начала конкуренціи вообще и между рабочими въ частности и въ особенности, а далѣе излагаются проекты замѣны хозяйства, построеннаго на этомъ началѣ

¹⁾ *Зелигманъ*. Основы пол. экономіи, стр. 122.

²⁾ *Louis Blanc*. Organisation du travail, 1-е изданіе вышло въ 1846 или 47 г.

инымъ,—основаннымъ на продуктивныхъ ассоціаціяхъ рабочихъ, постепенно исключаютъ и конкуренціи, и предпринимательскій рискъ.

Въ настоящее время конкуренція рабочихъ если не устраняется вполне, то во всякомъ случаѣ ослабляется соединеніемъ ихъ въ союзныя организаціи, замѣняющія индивидуальныя договоры найма на работу болѣе или менѣе коллективными.

Въ остальныхъ областяхъ промышленности и торговли достаточно для характеристики ограниченія конкуренціи указать на цѣлый рядъ такихъ мѣръ, какъ утвержденіе правъ на патенты и привилегіи, преслѣдованіе поддѣлокъ издѣлій и фирмовыхъ знаковъ (клеймъ и т. п.), требованія обозначенія пробы, вѣрныхъ измѣрительныхъ приборовъ, съ одной стороны, и на скорѣе опять расширяющуюся сферу законодательной или административной таксировки и тарификаціи различныхъ товаровъ и услугъ, въ особенности въ случаяхъ ослабленія конкуренціи или перехода ея въ монополіи и ея подобія, съ другой.

Спекуляція.

Конкуренціи сама по себѣ нерѣдко переходитъ въ среднее или близкое къ ней явленіе, носящее общее названіе *спекуляціи*, принимающее тоже разнообразныя формы, на подробностяхъ которыхъ здѣсь не мѣсто останавливаться, но въ общихъ чертахъ можетъ и должно быть сейчасъ-же указано.

Спекуляція можетъ быть *производственной*, когда она выражается въ измѣненіи различныхъ приѣмовъ производства и сбыта товаровъ, въ томъ числѣ и путемъ только что указанныхъ приѣмовъ соблазновъ покупателей, но съ другой стороны и посредствомъ пользованія вообще какими нибудь благопріятными условіями конъюнктуры (см. далѣе) и вообще въ видѣ болѣе ловкой и энергичной дѣятельности однихъ предпринимателей по сравненію съ другими, за счетъ которыхъ первые главнымъ образомъ и получаютъ нѣсколько большую прибыль. Публика-же въ широкомъ смыслѣ или потребитель отъ такой спекуляціи или вовсе не страдаетъ, или сравнительно незначительно.

Спекуляція можетъ быть *чисто торговой*, когда она происходитъ въ области одного только обращенія товаровъ, т.-е. осуществляется напримѣръ закупкой товаровъ или вообще ихъ сосредоточеніемъ въ рукахъ немногихъ торговцевъ въ видѣ большихъ ихъ запасовъ, чтобы имѣть возможность потомъ болѣе или менѣе произвольно назначать имъ цѣны и конечно по возможности наивысшія. Это уже болѣе вредная для общества въ его цѣломъ форма спекуляціи, какъ превращающая конкуренцію въ монополію или въ

соотвѣтственные виды чисто торговыхъ синдикатовъ. Но и тутъ приговоръ можетъ быть вынесенъ не всегда безусловно отрицательный, такъ какъ онъ можетъ зависѣть отъ *направленія* такой спекуляціи, бывающаго троякимъ самимъ по себѣ, а именно: спекулировать можно на *повышеніе*, на *пониженіе* и на *уравненіе цѣнъ*. Первое есть только что разсмотрѣнный примѣръ — сосредоточенія въ немногихъ рукахъ какихъ либо товаровъ, (а въ производственной спекуляціи и какого-нибудь производства самого по себѣ), чтобы потомъ продавать товары или продукты, какъ можно дороже. Спекулированіе на пониженіе цѣнъ рѣдко бываетъ самостоятельной цѣлью; а это скорѣе есть одно изъ средствъ борьбы въ конкуренціи, ибо оно сводится къ тому, что какія нибудь болѣе сильныя предпріятія, временно даже себѣ въ ущербъ, продаютъ слишкомъ дешево свои товары, чтобы тѣмъ самымъ убить своихъ болѣе слабыхъ конкурентовъ, не могущихъ выдержать столь низкихъ цѣнъ, какъ напримѣръ не имѣющихъ для этого достаточнаго запаснаго или резервнаго капитала. Когда-же эти болѣе слабые конкуренты будутъ устранены съ поля сраженія, то побѣдители сторицею возмѣстятъ себѣ эти временныя потери за счетъ потребителей, заставивъ послѣднихъ платить себѣ искусственно возвышенныя цѣны.

Наиболѣе сравнительно полезна спекуляція на *уравненіе цѣнъ*, выражающаяся въ томъ, что товары закупаются во время ихъ особенной дешевизны, какъ напр. хлѣбъ въ години особенно хорошихъ урожаевъ; затѣмъ товары нѣкоторое время держатся въ запасахъ и наконецъ распродаютъ, когда цѣны на нихъ вполнѣдствіи поднимутся.

Наиболѣе вредными видами спекуляціи являются направленные на постоянныя *колебанія цѣнъ* въ ту и другую стороны, что въ сущности и служитъ основаніемъ для третьяго вида спекуляціи вообще и самаго вреднаго — *биржевой игры*. Суть ея заключается въ томъ, что, въ противоположность предъидущей спекуляціи торговой, тутъ вовсе не происходитъ дѣйствительной закупки и продажи товаровъ, а просто ведется нѣчто въ родѣ азартной игры или держатся пари на разницу въ будущей цѣнѣ товаровъ и при томъ, главнымъ образомъ, наиболѣе колеблющихся въ своей цѣнѣ бумажныхъ цѣнностей—акцій и т. п. бумагъ, приносящихъ колеблющейся видъ дохода—прибыль въ противоположность проценту. Для достиженія этихъ колебаній въ цѣнѣ бумагъ или товаровъ распускаются различныя, часто умышленно ложныя, слухи объ успѣшности или неуспѣшности тѣхъ или иныхъ предпріятій, — слухи часто подрывающіе ихъ кредитъ и приводящія къ дѣйствительному разстройству предпріятія въ сущности солидныя. Послѣдняго рода спекуляція — биржевая игра — иногда отвлекаетъ очень много

капитала въ видѣ денегъ отъ настоящаго производительнаго ихъ помѣщенія въ тѣ или другія промышленныя или торговыя предприятия и вообще пользуется довольно нечистоплотными средствами, вовлекаетъ массу лицъ въ этотъ биржевой азартъ и потому должна считаться явленіемъ безнравственнымъ и вреднымъ съ народно-хозяйственной точки зрѣнія. Къ сожалѣнію, мѣры борьбы съ ней и прямыя преслѣдованія такой спекуляціи мало успѣшны или просто неосуществимы.

Этимъ различнымъ видамъ спекуляціи соотвѣтствуютъ, такіе-же виды *кризисовъ* — производственные, торговые и биржевые. Но о нихъ, какъ объ явленіяхъ вообще очень сложныхъ, теперь еще рано говорить; сейчасъ-же мы перейдемъ къ разсмотрѣнію того, что называется конъюнктурой и ея составнымъ частямъ.

Конъюнктура.

Подъ конъюнктурой подразумѣвается *совокупность весьма разнообразныхъ внѣшнихъ для предприятий условій и обстоятельствъ, случайныхъ или исключительныхъ* по своему характеру, вліяющихъ благопріятно или неблагопріятно на доходность предприятий. Чѣмъ дальше произошло въ хозяйствѣ общественное раздѣленіе труда и вообще чѣмъ оно сложнѣе, тѣмъ многообразнѣе эти составныя части или элементы конъюнктуры. И потому значеніе ихъ особенно велико въ современномъ хозяйствѣ, связывающемъ въ тѣсное взаимодействіе между собою всю совокупность отдѣльныхъ хозяйствъ внутри одной и той-же страны и чуть-ли не во всемъ болѣе или менѣе цивилизованномъ мірѣ. Конкуренція и конъюнктура вмѣстѣ взятая онѣ-то и создаютъ главнымъ образомъ *рискъ* для современныхъ предприятий, т.-е. подвергаютъ ихъ различнымъ непредвидѣннымъ случайностямъ, колебаніямъ ихъ оборота, сбыта и доходности, а часто приводятъ и къ полному раззоренію.

Называя составные элементы или условія конъюнктуры *случайными и исключительными*, мы имѣли въ виду противопоставить ихъ такимъ, значеніе и вліяніе которыхъ болѣе обыкновенно, какъ на примѣръ, обычныя повышенія цѣнъ товаровъ подъ вліяніемъ болѣе или менѣе послѣдовательно растущаго спроса на нихъ или какъ результатъ увеличенія издержекъ производства, какъ и наоборотъ — паденіе цѣнъ подъ вліяніемъ увеличенія предложенія ихъ; но это явленія болѣе или менѣе предвидимыя исподволь или заранѣе, съ которыми потому сравнительно легко считается. Для характеристики-же элементовъ конъюнктуры слѣдуетъ поэтому прибавить слово обычно *непредвидимые*, а также и въ большинствѣ случаевъ

независяція отъ воли самихъ владѣльцевъ *предпріятій* и къ тому же *внѣшніе*, т.-е. сами по себѣ лежащіе внѣ самихъ *предпріятій*, на которыя они вліяютъ.

Только этими элементами конъюнктуры возможно будетъ въ свое время объяснить отклоненіе дохода на капиталъ отъ обычной средней и одинаковой для всѣхъ отраслей промышленности нормы его прибыли, или противорѣчіе хотя бы тенденціи къ уравнию этихъ прибылей. Поэтому конъюнктура и создаетъ ту составную часть предпринимательской прибыли, которая называется иногда *рентой* (предпринимательской) и представляетъ собою именно наиболѣе колеблющуюся ея часть и связанную съ рискомъ предпринимателей вообще.

Первыми изъ экономистовъ, обратившихъ свое вниманіе на конъюнктуру, были проф. *Шеффле* и извѣстный германскій общественный дѣятель и отчасти тоже ученый, и даже очень талантливый, — *Фердинандъ Лассаль*. Шеффле еще въ одномъ изъ первыхъ, прославившихъ его сочиненій подъ названіемъ «Теорія исключяющихъ отношеній (или условій) сбыта»¹⁾ призналъ широкое значеніе этихъ обстоятельствъ конъюнктуры и ими то и объяснялъ исключительный доходъ однихъ предпринимателей по сравненію съ другими, названный имъ *рентою* и даже *всеобщей*, по противоположенію ея специальной *поземельной*, вытекающей изъ различій въ естественныхъ свойствахъ различныхъ участковъ земли. Шеффле сперва считалъ, что рента есть какъ бы вполне заслуженное вознагражденіе тѣхъ предпринимателей, которые лучше другихъ сумѣли воспользоваться благопріятными для нихъ обстоятельствами конъюнктуры. Впослѣдствіи же Шеффле призналъ, что въ большинствѣ случаевъ это доходъ не столько заслуженный, какъ именно наиболѣе случайный и не обусловленный волей или умѣньемъ предпринимателей. И въ такомъ смыслѣ теперь и принято говорить, напри- мѣръ, о *конъюнктуральномъ приростѣ цѣнностей*, т.-е. необусловленномъ нормальнымъ ея источникомъ или мѣриломъ—трудомъ, и вызванномъ именно стеченіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ отъ воли предпринимателей собственниковъ участка земли не зависящихъ. Въ такомъ именно значеніи и установилъ понятіе конъюнктуры *Лассаль* въ одномъ изъ наиболѣе крупныхъ и научныхъ его сочиненій — «Капиталъ и Трудъ», гдѣ онъ и доказалъ, что въ составѣ ея элементовъ гораздо больше такихъ, которые не поддаются сознательному воздѣйствію на нихъ отдѣльныхъ предпринимателей: «Сумма обстоятельствъ неизвѣстныхъ (непредвидимыхъ) во всякое время безконечно превышаетъ сумму извѣстныхъ»¹⁾.

¹⁾ *F. Lassalle. Capital u. Arbeit. 1864, стр. 28. „Конъюнктура и спекуляція господствуютъ надъ всѣмъ нашимъ хозяйственнымъ бытіемъ“, стр. 27.*

Наиболѣе совершенная попытка систематизировать составные элементы конъюнктуры сдѣлана проф. *Ад. Вагнеромъ*, который сводитъ ихъ къ слѣдующимъ 8 группамъ, конечно не исчерпывающимъ всѣхъ ихъ вполнѣ, но дающимъ болѣе или ясное представленіе объ отдѣльныхъ ихъ видахъ и условіяхъ вліянія ¹⁾:

1) *Колебанія урожаевъ* подъ вліаніемъ чисто внѣшнихъ или стихійныхъ условій (погоды и т. п.), а также иногда гибель посѣвовъ вслѣдствіе нашествія непріятеля, возстаній и т. п. тоже внѣшнихъ, но скорѣе политическихъ причинъ. Предусмотрѣть такія обстоятельства вообще трудно, и потому такъ и великъ рискъ сельскохозяйственныхъ предпріятій, хотя болѣе высокая сельскохозяйственная культура отчасти ослабляетъ эти случайныя невзгоды. На бѣдствіи, постигающемъ однихъ лицъ — плохомъ урожаѣ или полномъ неурожаѣ у нихъ хлѣба, другія строятъ свое благополучіе, такъ какъ даже отъ частичнаго, но болѣе или менѣе значительнаго, неурожая цѣны хлѣба растутъ, чѣмъ они и пользуются и притомъ вполнѣ незаслуженно.

2) *Измѣненія въ технику и экономіи производства*, выражающіяся въ улучшеніи прежнихъ или въ введеніи совершенно новыхъ приемовъ и способовъ производства, производяція иногда цѣлый переворотъ въ цѣнахъ соотвѣтственныхъ товаровъ. Это, пожалуй, единственное изъ всѣхъ обстоятельствъ конъюнктуры, которое можетъ быть сведено къ личнымъ заслугамъ тѣхъ предпринимателей, которые ввели первые у себя эти нововведенія и сами ими-же и воспользовались, въ то время какъ остальные, не зная объ этомъ и не имѣя на это средствъ, терпятъ убытки, впрочемъ временныя, если они впоследствии заведутъ у себя эти улучшения.

3) *Измѣненія въ средствахъ сообщенія и перевозки*, значительно вліяющія на цѣнность земель и товаровъ, особенно самыхъ дешевыхъ, выносящихъ только небольшую стоимость ихъ перевозки на дальнія разстоянія. Примѣръ — вовлеченіе въ общенародную или даже международную торговлю хлѣбомъ, благодаря новымъ желѣзнымъ дорогамъ, мѣстностей отдаленныхъ и прежде лишенныхъ средствъ сообщенія, угрожающихъ своимъ хлѣбамъ прежнимъ, такъ сказать привилегированнымъ по его сбыту мѣстностямъ.

4) *Измѣненія во взглядахъ людей на степень полезности различныхъ предметовъ*, сводящіяся къ колебаніямъ вкусовъ, моды и другихъ общественныхъ условій, отъ чего производители или торговцы товаровъ, напр. сдѣлавшихся модными, сразу выигрываютъ, а другіе теряютъ. Но тутъ возможно конечно приспособленіе къ

¹⁾ *A. Wagner. Lehrbuch der Pol. Oekon.*, стр. 106 и слѣд.

этимъ измѣняющимся потребностямъ или даже сознательное воздѣйствіе на ихъ измѣненіе со стороны, на примѣръ, законодателей модъ.

5) Измѣненія въ *общихъ условіяхъ производства и сбыта товаровъ и въ сферахъ денежнаго и кредитнаго обращенія*, вытекающія изъ состоянія политическаго горизонта въ международныхъ отношеніяхъ и вообще изъ опасеній какихъ-либо въ нихъ перемѣнъ, отражающихся на ростѣ на примѣръ военныхъ расходовъ и т. п. Это обстоятельства преимущественно чисто случайныя и непредвидимыя, слѣдующія-же, по противоположенію имъ будутъ уже болѣе сознательныя, но не по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, а именно:

6) Измѣненія въ *экономической политикѣ* отдѣльныхъ странъ, поскольку она отражается на международныхъ торговыхъ сношеніяхъ — свобода торговли или протекціонизмъ, или же создаваемое искусственное поощреніе тѣмъ или инымъ отраслямъ народнаго хозяйства посредствомъ политики *аграрной, промышленной или торговой*.

7) Измѣненія въ *пространственномъ распредѣленіи или размѣщеніи населенія* во всей странѣ или въ отдѣльныхъ частяхъ, т.-е. сгущеніе или разрѣженіе населенія, увеличеніе или уменьшеніе благосостоянія отдѣльныхъ мѣстностей, образованіе новыхъ промышленныхъ центровъ, ростъ городовъ и отдѣльныхъ частей въ нихъ, вліяніе эмиграціи, иммиграціи, переселеній и т. п. (Явленія эти особенно отражаются на подъемѣ или паденіи цѣнности земель, на оживленіи оборотовъ въ торговлѣ и въ производствѣ — мѣстныхъ, на подъемѣ квартирныхъ цѣнъ и т. д.).

8) Измѣненія въ *экономическомъ и социальномъ положеніи цѣлыхъ классовъ и группъ населенія*, вліяющія—на иное распредѣленіе доходовъ между тѣми-же или другими группами населенія, что, въ свою очередь измѣняя величину и характеръ спроса на тѣ или другіе товары, вліяетъ на измѣненія въ характерѣ и размѣрѣ различныхъ производствъ. Сюда относятся на примѣръ, измѣненія въ законодательствѣ, регулирующемъ взаимоотношенія труда и капитала, на примѣръ, законодательство фабричное или касающееся права устройства рабочихъ союзовъ, страхованія рабочихъ, а для Россіи самый крупный примѣръ—освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости съ надѣленіемъ ихъ землей.

Умѣнье пользоваться этими и иными условіями конъюнктуры и противопоставленіе ряду этихъ случайныхъ обстоятельствъ собственного *сознательнаго плана дѣйствія* есть составленіе такъ называемой *конъектуры*, (откуда и высшій видъ труда — конъектуральный). Современные биржи, какъ мѣста совершенія различныхъ

коммерческихъ сдѣлокъ, въ которыхъ сосредоточиваются свѣдѣнія о положеніи торговли и промышленности, будучи съ одной стороны ареною наиболѣе ожесточенной борьбы—конкуренціи и спекуляціи, являются въ то-же время и своеобразными обсерваторіями, наблюдающими за этой перемѣнчивой погодой и пытающимися иногда ея предсказывать и тѣмъ предупреждать слишкомъ большія случайности и неожиданности. Но вообще полный учетъ заранѣе всѣхъ обстоятельствъ конъюнктуры въ современномъ сложномъ хозяйствѣ есть дѣло не осуществимое; и потому случайности эти всегда будутъ играть большую роль и вліять на неизбѣжность риска въ современныхъ предпріятіяхъ.

Рискъ.

Рискъ есть типичнѣйшая черта *современнаго* хозяйства, какъ «системы свободной конкуренціи». Онъ присущъ отчасти и всѣмъ хозяйствамъ вообще, т.-е. и такимъ, которыя еще мало или даже совсѣмъ почти не работаютъ на сбытъ, т.-е. не производятъ своихъ продуктовъ на продажу, какъ наиримѣръ, въ особенности у насъ въ Россіи мелкія крестьянскія хозяйства, работающія почти исключительно для непосредственнаго удовлетворенія собственныхъ потребностей. Большинство изъ нихъ кое-что производятъ однако и на продажу, чтобы получить деньги необходимыя для пріобрѣтенія того, что не производится въ собственномъ хозяйствѣ, или для уплаты податей или налоговъ. Но эти денежныя средства пріобрѣтаются часто и наемной работой на сторонѣ или отхожими промыслами части членовъ данной семьи. Рискъ такихъ хозяйствъ—это такой, который присущъ былъ и еще болѣе примитивнымъ формамъ хозяйства, выражаясь въ простой неудачѣ охоты, рыбной ловли или въ неурожаѣ хлѣба. Его можно назвать *техническимъ*, ибо онъ обусловленъ самой техникой производства, а не экономическими взаимоотношеніями людей. Онъ былъ присущъ, пожалуй, и ремеслу, въ видѣ неудачной выдѣлки заказанныхъ предметовъ. Но уже одинъ тотъ фактъ, что настоящіе ремесленники работаютъ *на заказъ*,—это устраняетъ вопросъ о рискѣ *связанномъ со сбытомъ* продуктовъ производства. А это послѣднее и есть самый общій и потому *типичный* видъ и условіе риска въ настоящихъ современныхъ предпріятіяхъ, работающихъ исключительно на сбытъ. Этотъ рискъ является потому уже чисто *экономическимъ* или *предпринимательскимъ*, и онъ то и обусловленъ, какъ мы только что видѣли, конкуренціей и конъюнктурой въ особенности, въ составѣ элементовъ которой неурожаи занимаютъ мѣсто лишь одного изъ много-

численныхъ условій и обстоятельствъ. Да и то неурожай тутъ вліяетъ не только непосредственно на тѣхъ, у кого онъ случился, какъ и косвенно,—увеличивая шансы выгодной продажи хлѣба для тѣхъ, кого онъ не постигъ.

Вслѣдствіе этого современнаго *экономическаго* риска, какъ результата сцѣпленія цѣлаго ряда сложныхъ обстоятельствъ, дѣятельность настоящихъ предпринимателей требуетъ отъ нихъ большаго напряженія ума и способностей въ веденіи своихъ хозяйствъ. Но какъ бы планомѣрно ни велось каждое изъ нихъ въ отдѣльности или внутри самого себя, разъ что дѣйствія отдѣльныхъ предпринимателей между собою несогласованы, — когда они взаимно конкурируютъ, то этимъ и создается такъ называемый анархическій строй современнаго хозяйства, въ которомъ нерѣдко страдаютъ лица и предпріятія такъ сказать «безъ вины виноватые». Въ сторонѣ же отъ такого риска стоятъ лишь лица, получающія заранѣе выговоренный опредѣленный доходъ отъ отдачи въ ссуду своихъ капиталовъ (процентъ) или въ аренду своихъ земель (рента).

Но и роль настоящихъ предпринимателей, т.-е. рискующихъ своими капиталами и получающихъ колеблющійся доходъ—прибыль, далеко не одинаково активна въ различныхъ *формахъ предпріятій*, что и выяснится при разсмотрѣніи послѣднихъ самихъ по себѣ. Забѣгая же нѣсколько впередъ, можно сказать, что активность роли и дѣятельности капиталистовъ, какъ болѣе или менѣе *личной или индивидуальной*, скорѣе уменьшается, чѣмъ увеличивается; а это и выражается въ томъ, что можетъ быть названо *обезличеніемъ* капитала, становящагося какъ бы нѣкоей самостоятельной соціальной силой.

Л и т е р а т у р а. *Маурусъ*. О свободѣ политич. экономіи (русск. перев.). 1875.—*Зелигманъ*. Основы политич. экономіи 1908 г. книга II, гл. X, и XI.—*Ad. Wagner*. Lehrbuch der Pol. Oekon.—*G. Schmoller*. Grundriss der allgem. Volkswirtschaftslehre, в. II. 1904 г.—*A. Schaeffle*. Die nation. oekon. Theorie der ausschliessenden Absatz-Verhältnisse. 1867.—*F. Lassalle*. Capital u. Arbeit. 1864.—*F. Oppenheimer*. Käufer u. Verkäufer. Jahrb. Gesetzgeb., Verw. u. Volkswirtschaft. Schmoller'a. 1900.

Часть вторая.

Организація хозяйства и хозяйственные процессы.

ОТДѢЛЪ I.

Формы хозяйствъ и производственныя отношенія.

Предварительное замѣчаніе.

Разсмотрѣніе организаціи хозяйства вообще и формъ промышленности и видовъ предпріятій въ частности должно быть построеннымъ на какой-либо заранѣ установленной системѣ. Въ такомъ только случаѣ изложеніе вопроса можетъ быть признано строго *догматическимъ*. Но таковъ уже предметъ или содержаніе нашей науки, что провести такое заданіе со всей строгой послѣдовательностью невозможно. Задача эта, повидимому, могла бы быть значительно облегчена сведеніемъ въ какую-нибудь систему формъ хозяйства или предпріятій исключительно въ современномъ ихъ видѣ или въ въ такъ называемомъ *статическомъ* моментѣ. Однако и это неосуществимо, такъ какъ совершенно невозможно уловить этотъ моментъ покоя или неподвижности, разъ что хозяйство во всей своей совокупности есть явленіе непрерывно измѣняющееся или развивающееся. Сдѣлать это такъ же трудно, какъ трудно было раздѣлить исторію хозяйства на болѣе или менѣе точно или рѣзко разграниченные періоды. Последнее все-таки было сдѣлано, но съ оговоркой, что, всякое подобное раздѣленіе есть всегда болѣе или менѣе искусственное или тоже не строго выдержанное. И это всецѣло примѣнимо къ установленію какой бы то ни было системы современныхъ хозяйствъ и предпріятій, такъ какъ и тутъ мы все время должны будемъ имѣть дѣло съ непрерывнымъ переходомъ однихъ формъ хозяйствъ и предпріятій въ другія, хотя бы въ смыслѣ тенденціи къ увеличенію ихъ размѣровъ, если и не во всѣхъ отрасляхъ промышленности, то хотя бы и въ большинствѣ изъ нихъ. Особенно затруднительно, а, пожалуй, и невозможно будетъ установить одну какую-нибудь *общую* систему или классификацію и даже общія черты послѣдовательнаго развитія, по отношенію къ промышленности въ тѣсномъ смыслѣ слова (обрабатывающей) и сельскому хозяйству или земледѣлію. Поэтому мы прежде попытаемся установить возможно болѣе общіе типы и формы для первой, выдѣляя изслѣдованія второго въ особый отдѣлъ, а передъ тѣмъ будутъ установлены самыя общія типы хозяйства вообще.

Наконецъ, хотя мы болѣе или менѣе связываемъ эти формы хозяйства съ изложеніемъ процесса *производства*, но и это дѣлаемъ съ нѣкоторыми оговорками, такъ какъ далеко не всѣ эти формы связаны только съ этимъ процессомъ, а многіе имѣютъ почти совершенно одинаковое примѣненіе и къ процессу обращенія или обмѣна, какъ, на примѣръ, акціонерныя пред-

пріятія возникаютъ и существуютъ одинаково, какъ для производства различныхъ товаровъ, такъ и для кредитнаго посредничества или для цѣлей торговли и транспорта. Общимъ или всѣмъ связующимъ началомъ служить только конечная цѣль—доставленіе возможно большей прибыли своимъ членамъ-акціонерамъ; ученіе же о доходахъ относится къ процессу ихъ распредѣленія.

Во всякомъ случаѣ, однако, первенствующимъ и рѣшающимъ тутъ началомъ служатъ такъ называемыя *производственныя отношенія*, такъ какъ они-то и являются во всемъ этомъ дѣлѣ главнѣйшими опредѣляющими моментами, подобно тому, какъ и самый процессъ производства есть отправной, лишь косвенно обратно обусловливаемый процессами распредѣленія и обращенія. Самый же процессъ производства мы здѣсь понимаемъ и излагаемъ въ болѣе узкомъ, а не общепринятомъ смыслѣ, такъ какъ вопросы о трудѣ, природѣ и капиталѣ, о конкуренціи и пр., обыкновенно разсматриваемые при этомъ процессѣ, нами отнесены были къ общей части, въ качествѣ основныхъ элементовъ и условій хозяйства. Выдѣляя затѣмъ изъ производства все то, что относится по существу къ его техникѣ, а не экономикѣ, мы и получаемъ для него въ остаткѣ только вопросы о формахъ хозяйствъ и предпріятій и о производственныхъ отношеніяхъ участвующихъ въ нихъ лицъ.

ГЛАВА I.

Общіе типы хозяйствъ:

Частныя и общественныя, капиталистическія и кооперативныя.

Отличія ихъ между собою по условіямъ вступленія въ нихъ, по субъектамъ, цѣлямъ и средствамъ и по взаимоотношеніямъ участвующихъ въ нихъ лицъ.

Основные типы хозяйства вообще могутъ быть сведены прежде всего къ двумъ — хозяйства *частныя* и *общественныя*, о чемъ уже говорилось въ методологической главѣ. Ради большей послѣдовательности изложенія здѣсь придется повторить часть изъ сказаннаго уже и дополнить кое-чѣмъ новымъ. Противоположеніе этихъ двухъ типовъ сводится къ тремъ главнымъ элементамъ: *субъектамъ, цѣлямъ и средствамъ*.

Субъектами частныхъ хозяйствъ являются частныя-же лица, — отдѣльныя или физическія и юридическія все равно; субъектами-же общественныхъ хозяйствъ — такъ называемыя *учрежденія* и *корпорации* (государство, земства, города, отдѣльныя сословныя или мѣстныя группы населенія и т. п.), стало быть субъекты только коллективныя. При этомъ и самыя условія *вступленія* въ такія группы существенно отличаются другъ отъ друга, а именно: вступленіе въ первыя въ настоящее время по общему правилу *вполнѣ свободно*, между тѣмъ какъ во вторыя (общественныя) далеко не

вполнѣ свободно, а иногда и прямо *принудительно* или *обязательно*, какъ на примѣръ: люди *по общему правилу* рождаются гражданами того или иного государства. Хотя въ исключительныхъ случаяхъ могутъ добровольно переходить въ другое подданство, но въ томъ и другомъ случаѣ они безусловно подчиняются заранѣе и общимъ образомъ устанавливаемымъ для всѣхъ гражданъ обязанностямъ. Люди, далѣе, дѣлаются членами земскихъ или городскихъ единицъ самоуправленія или потому, что они живутъ въ предѣлахъ данныхъ ихъ территорій, или какъ владѣющіе въ нихъ тѣми или другими имуществами. Между тѣмъ не только вступленіе въ частныя общества, союзы, компаніи, товарищества и т. п., но и самыя организаціи ихъ, уставы и договоры или вообще условія дальнѣйшей ихъ дѣятельности устанавливаются тоже совершенно добровольно или по взаимному соглашенію.

Цѣли обоого вида хозяйствъ хотя въ конечномъ счетѣ сводятся къ одному и тому же—*удовлетворенію потребностей* ихъ членовъ, но ближайшимъ образомъ и по связи со *средствами ихъ достиженія* существенно различаются, а именно:

Преобладающій типъ современныхъ *частныхъ* хозяйствъ,—т.-е. поскольку они уже не носятъ слѣдовъ прежняго натурального хозяйства, это производство товаровъ на сторону (на сбытъ или на заказъ) или оказаніе услугъ постороннимъ лицамъ, *ради извлеченія изъ этого прибыли или вообще дохода*, обыкновенно въ деньгахъ, на которыя потомъ уже и приобрѣтаются всѣ средства для удовлетворенія потребностей. *Общественныя-же* хозяйства по ихъ цѣли какъ будто приближаются къ первичнымъ формамъ хозяйства, именно — задаваясь цѣлью болѣе непосредственнаго удовлетворенія потребностей своихъ сочленовъ или оказанія имъ какихъ либо услугъ такъ, чтобы пользованіе ими обходилось возможно дешевле или удовлетвореніе потребностей было какъ можно шире и полнѣе. Хотя нѣкоторыя общественныя хозяйства иногда и продаютъ производимыя ими цѣнности или оказываютъ свои услуги за плату, на подобіе частныхъ хозяйствъ, но это не столь типично для нихъ, какъ таковыхъ, а выражаетъ тогда лишь одну изъ ихъ задачъ и не конечную, а именно—это цѣль такъ называемая *финансовая*, которая и сводится къ добавленію этимъ способомъ средствъ для цѣли конечной—удовлетворенія потребностей. И даже такой способъ добыванія средствъ такъ и называется *частно-хозяйственнымъ или механическимъ*, такъ какъ онъ напоминаетъ собою такія же средства въ хозяйствахъ настоящихъ частныхъ, (какъ на примѣръ, продажа продуктовъ и услугъ казеннаго лѣсного, горнаго, транспортнаго, винно-монопольнаго и т. п. хозяйства).

Вообще-же приобрѣтеніе *средствъ* въ частныхъ хозяйствахъ сводится, какъ уже сказано, къ производству товаровъ или къ оказанію услугъ *за плату*, т.-е. на началахъ свободнаго эквивалентнаго обмѣна цѣнностей и услугъ; между тѣмъ какъ *типичными* для общественныхъ хозяйствъ средствами или источниками дохода являются такъ называемыя *общественно-правовыя* или *принудительныя*—подати, налоги, и пошлины, т.-е. на правовыхъ требованіяхъ государства основанные платежи гражданъ, составляющіе правовую-же обязанность послѣднихъ. Въ виду такого особаго характера источника дохода у общественныхъ хозяйствъ и самое оказаніе ими услугъ своимъ сочленамъ происходитъ въ моментъ пользованія ими часто какъ бы безвозмездно, или во всякомъ случаѣ не въ прямомъ соотвѣтствіи съ ихъ оплатой. — болѣе прямой, называемой тогда *пошлинами*, или косвенной—въ формѣ уплачиваемыхъ вообще *налоговъ*.

Общественныя хозяйства могутъ браться поэтому за оказаніе такихъ услугъ, которыя имъ самимъ обходятся дороже, чѣмъ что за нихъ выручается. Такъ на примѣръ, средства сообщенія—желѣзныя дороги, трамваи или почта и телеграфъ и т. п. могутъ приносить казнѣ, городамъ или земствамъ убытки, и все таки учрежденія эти будутъ вести такія дѣла, такъ какъ недостающія для покрытія соотвѣтственныхъ расходовъ средства могутъ быть собраны путемъ налоговъ; уплачиваются-же послѣднія въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и безъ всякаго соотношенія съ пользованіями услугами этихъ транспортныхъ или другихъ общественныхъ предпріятій.

Ничего подобнаго въ частныхъ хозяйствахъ чистаго ихъ типа быть не можетъ, такъ какъ они берутся только за дѣла обѣщающія принести извѣстныя выгоды или доходы, а завѣдомо себѣ въ убытокъ работать не будутъ, (если только казна или городъ не гарантируютъ имъ дохода, средства для доставленія котораго будутъ собраны опять таки въ формѣ налоговъ). Въ то-же время современныя частныя хозяйства никакими законѣрными принудительными источниками дохода не пользуются, хотя раньше они у нихъ были въ видѣ обязательной работы рабовъ, крѣпостныхъ или невольниковъ.

Указанныхъ особенностей пока можно считать достаточнымъ для различенія видовъ хозяйствъ частныхъ и общественныхъ, хотя это далеко еще не всѣ; но о другихъ будетъ еще рѣчь впереди, когда мы перейдемъ къ опѣнкѣ или сравненію достоинствъ и недостатковъ тѣхъ и другихъ хозяйствъ. Пока же мы только общимъ образомъ опредѣляемъ ихъ типы и взаимныя *отличія*, необходимо въ то-же время указать и на нѣкоторыя присущія имъ *общія свойства*, а

именно: въ тѣхъ и другихъ непосредственная работа служащихъ и рабочихъ обыкновенно имѣетъ видъ наемнаго или *платнаго труда*, отличающагося лишь нѣкоторыми специфическими особенностями на государственной или общественной службѣ, въ родѣ связанныхъ съ послѣдней почета, внѣшнихъ отличій и наградъ въ видѣ чиновъ и орденовъ или лучшихъ пенсіонныхъ обезпеченій. Но, кромѣ этихъ отличій службы и работы частной и общественной, есть еще и другое по существу, заключающееся въ томъ, что общественныя учрежденія не преслѣдуютъ подобно частнымъ прямой обычной цѣли послѣднихъ—извлеченія дохода изъ труда своихъ служащихъ и рабочихъ. Потому-то часто рабочіе въ общественныхъ хозяйствахъ находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ частныхъ. Если-же доходъ такимъ путемъ, все таки иногда получается, то онъ если не прямо, такъ косвенно возвращается этимъ лицамъ, какъ и всѣмъ вообще гражданамъ, въ видѣ тѣхъ услугъ, ради оказанія которыхъ и ведутся сами по себѣ эти общественныя хозяйства и пользованіе которыми происходитъ или совершенно безвозмездно, или за плату, не покрывающую издержекъ производства.

Но есть на ряду съ разсмотрѣнными двумя формами хозяйства еще одна третья, которая занимаетъ особое положеніе, а именно:

учрежденія или предпріятія *кооперативныя*, отличающіяся отъ первыхъ двухъ типовъ слѣдующими особенностями:

это, съ одной стороны, учрежденія частныя и возникающія по свободной инициативѣ вступающихъ въ нихъ лицъ; они въ основѣ своей задаются иногда цѣлями извлеченія выгодъ или дохода изъ своего общаго дѣла, въ томъ числѣ нерѣдко и путемъ отчужденія производимыхъ ими товаровъ или оказанія услугъ постороннимъ лицамъ за плату или за деньги, если они возникаютъ въ сферѣ производства; но оперируютъ они также и въ области обращенія и потребленія, какъ на примѣръ, кредитныя и потребительныя кооперативы, преслѣдующія болѣе непосредственное удовлетвореніе потребностей своихъ сочленовъ въ кредитъ или удешевленіе средствъ существованія, въ послѣднихъ случаяхъ по цѣлямъ приближаясь къ общественнымъ.

Съ другой-же стороны, учрежденія или предпріятія кооперативныя существенно отличаются отъ современныхъ общественныхъ и частныхъ тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ *противоположенія хозяевъ съ одной стороны и служащихъ или рабочихъ съ другой*. И потому въ нихъ по общему правилу, нѣтъ *наемно-платныхъ отношеній*, ибо *всѣ члены* въ одно и тоже время являются и *хозяевами и рабочими*, такъ какъ всѣмъ имъ вмѣстѣ или сообща принадлежатъ средства производства и весь выражаемый отъ ихъ общаго

дѣла барышъ или доходъ. Въ нихъ *нѣтъ*, другими словами основаннаго на современномъ капиталистическомъ началѣ *противоположенія интересовъ труда и капитала*, столь типичнаго для почти всѣхъ современныхъ частныхъ предпріятій, въ которыхъ есть хоть небольшой, но настоящій въ смыслѣ исторической его категоріи, капиталъ и наемный трудъ. Хотя этого противоположенія интересовъ по существу дѣла нѣтъ и въ настоящихъ общественныхъ предпріятіяхъ, но по формѣ оно бываетъ и здѣсь, такъ какъ и тутъ иногда возникаетъ борьба за тѣ или иные размѣры вознагражденія служащихъ и рабочихъ и вообще изъ-за условій работы. И все это потому, что въ юридическомъ смыслѣ служащіе и рабочіе не суть хозяева, т. е. они не собственники тѣхъ предпріятій, въ которыхъ они работаютъ, между тѣмъ какъ они же являются по общему правилу таковыми, какъ члены тѣхъ или другихъ кооперативовъ. Въ этомъ и заключается существенное отличіе этихъ еще развивающихся формъ хозяйства, которымъ вѣроятно принадлежитъ широкая будущность даже въ системѣ современнаго хозяйства, не говоря уже о возможности широкихъ его преобразованій на этихъ или на схожихъ съ ними началахъ въ будущемъ вообще.

Сводя теперь во едино установленные типы хозяйствъ къ нѣкоторой системѣ или общей пока классификаціи ихъ, мы такимъ образомъ устанавливаемъ слѣдующіе типы или основныя формы:

- по одному признаку—*частныя и общественныя*,
- по другому—*капиталистическія и кооперативныя*.

Предметомъ нашего спеціальнаго изученія послужатъ хозяйства только частныя, такъ какъ изученіе общественныхъ составляетъ предметъ особой части ученія о хозяйствѣ вообще именно—*финансовой науки* или *финансоваго права*, а отчасти и такъ называемаго у насъ *полицейскаго права*, поскольку въ послѣднемъ изучаются общественныя хозяйства независимо отъ цѣлей доставленія ими дохода, а лишь съ точки зрѣнія возможно болѣе широкаго и совершеннаго оказанія ими услугъ гражданамъ или въ интересахъ непосредственнаго общаго блага. Въ то же время однако и намъ придется, какъ уже сказано, проводить иногда параллели между всѣми этими типами хозяйствъ, ради сравнительной ихъ между собою оцѣнки, а также и потому, что на нашихъ даже глазахъ совершается переходъ чаще хозяйствъ частныхъ въ общественныя, чѣмъ наоборотъ.

Но и въ такія общія и широкія рамки нельзя будетъ уложить всѣ въ наличности существующія формы хозяйствъ и предпріятій, такъ какъ въ значительной степени особо должны быть поставлены

хозяйства земледѣльческаго, представляющія какъ по формамъ, такъ и по размѣрамъ ихъ такія особенности, которыя обусловливаются совершенно исключительными, имъ только присущими причинами, характера историческаго, политическаго и юридическаго, повліявшими на многовѣковое сохраненіе въ разныхъ странахъ весьма отличающихся другъ отъ друга формъ и условій землевладѣнія и землепользованія.

Непризнаніе особенностей этой отрасли хозяйства приводитъ обыкновенно или къ насильственному и неправильному втискиванію разнообразныхъ формъ сельскаго хозяйства въ Прокрустово ложе отвлеченныхъ теорій или системъ, выведенныхъ изъ свойствъ чисто промышленнаго развитія и къ умышленному замалчиванію этихъ особенностей, или же просто къ устраненію изъ общихъ курсовъ и учебниковъ нашей науки этихъ безусловно относящихся къ ея вѣдѣнію и важнѣйшихъ, особенно для Россіи, вопросовъ, какъ это, на примѣръ, дѣлается въ которомъ уже изданіи вообще одного изъ лучшихъ и популярныхъ курсовъ или учебниковъ политической экономіи—проф. Желъзнова¹⁾, и что составляетъ единственный его крупный недостатокъ, передъ которымъ блѣднѣютъ нѣкоторые менѣе существенные его пробѣлы, какъ, на примѣръ, въ области кредита, торговли и др.

Г Л А В А II.

Формы промышленности.

I. Домашнее производство. II. Ремесло, домашняя и кустарная промышленность.
III. Мануфактуры и фабрики.

Приступая къ изложенію формъ промышленности, считаемъ долгомъ еще разъ оговориться, что и при ихъ систематикѣ нельзя отрѣшиться отъ исторической постановки вопроса, такъ какъ она, во-первыхъ, сама по себѣ обусловливается ихъ историческимъ развитіемъ, а, во-вторыхъ, и до настоящаго времени существуютъ почти повсюду какъ первичныя, такъ и послѣдующія ихъ формы вплоть до самоновѣйшихъ. Подобно тому, какъ и при переживаніи цѣлыхъ хозяйственныхъ періодовъ, не во всѣхъ странахъ былъ одинаковый послѣдовательный переходъ черезъ всѣ періоды, такъ и тутъ нѣкоторыя формы какъ бы перескакивали другъ черезъ друга или недоразвивались до самостоятельной ихъ роли и значенія, въ зависимости отъ различныхъ общихъ условій развитія хозяйства тѣхъ или иныхъ странъ. Потому-то и творецъ одной изъ наиболѣе общихъ схемъ промышленнаго развитія—К. Марксъ, въ противоположность своимъ слишкомъ смѣлымъ и яркимъ послѣдова-

¹⁾ В. Желъзновъ. Очерки полит. экономіи, 1-е изд. 1901 г. есть пятое.

телямъ, особенно у насъ въ Россіи, не выдавалъ ее за абсолютно непреложную и одинаково примѣнимую ко всѣмъ странамъ вообще, не говоря уже о навязываніи схемы чисто промышленнаго развитія для сельскаго хозяйства или земледѣлія, противъ чего онъ особенно протестовалъ въ III т. «Капитала», и на что нами было уже указано еще при изложеніи вопроса о капиталѣ вообще (см. выше стр. 288).

Построенная яко бы на словахъ самого «учителя» шаблонная схема хозяйственнаго развитія опирается не на крупное и законченное сочиненіе Маркса—«Капиталъ» въ трехъ томахъ, да еще съ прибавленіемъ «Исслѣдованія о теоріяхъ цѣнности», а на первоначальную редакцію небольшой части перваго тома капитала, выпущенную подъ названіемъ: «Къ критикѣ политической экономіи»¹⁾, но незаконченную, такъ какъ самъ авторъ предпочелъ существенно передѣлать ее и дополнить. Вотъ тутъ то въ коротенькомъ предисловіи Марксъ и высказалъ свои наиболѣе широкіе основныя положенія или выводы, которыхъ онъ, однако, не пожелалъ повторить ни въ предисловіи, ни въ текстѣ своего «Капитала», вѣроятно считая, что для столь широкаго обобщенія нѣтъ достаточныхъ основаній. Главная суть выражалась въ слѣдующихъ словахъ: «Въ отправленіи своей общественной жизни люди вступаютъ въ опредѣленные, неизбѣжныя, отъ ихъ воли независящія отношенія—производственныя отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ. Сумма этихъ производственныхъ отношеній составляетъ экономическую структуру общества, реальное основаніе, на которомъ возвышается правовая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленные формы общественнаго сознанія». Въ качествѣ же періодовъ или, какъ онъ говорилъ—«эпохъ», хозяйственнаго развитія тамъ же Марксъ указалъ на слѣдующія, которыхъ, однако, онъ не развилъ на дѣлѣ ни въ «Критикѣ», ни въ «Капиталѣ», а именно: «азиатскій, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства».

Когда въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія у насъ впервые заговорили о Марксѣ, но только скорѣе въ смыслѣ отрицанія всеобщей примѣнимости его историко-философской теоріи развитія, то узнавъ объ этомъ Марксъ даже обидѣлся на такое навязываніе ему слишкомъ большихъ претензій или «слишкомъ много чести» и написалъ письмо, помѣщенное въ журналѣ «Юридическій Вѣстникъ». Здѣсь онъ рядомъ историческихъ примѣровъ (особенно изъ жизни Рима и Италіи) опровергаетъ шаблонность своей теоріи и говоритъ въ заключеніе слѣдующее: «Событія поразительно аналогичныя, но происходящія въ средѣ исторически различной, приводятъ къ результатамъ совершенно не сходнымъ. Изучая каждую изъ этихъ эволюцій въ отдѣльности и затѣмъ сравнивая ихъ, легко найти ключъ къ этимъ явленіямъ; но никогда нельзя придти къ пониманію ихъ, имѣя въ рукахъ *passé par tout* историко-философской теоріи, высшее достоинство состоитъ въ томъ, чтобы быть надъ-исторической (*Supra-historique*)»²⁾.

¹⁾ *K. Marx. Zur Kritik der Pol. Oekonomie.* 1859 г., есть русскій переводъ подъ ред. проф. А. Мануилова подъ названіемъ: „Критика нѣкоторыхъ положеній Пол. Экон.“ 1896 г.

²⁾ Журналъ „Юридическій Вѣстникъ“, октябрь, 1888 г., стр. 273.

Въ основу классификаціи формъ промышленности мы кладемъ ту, которая въ общихъ чертахъ была проведена въ нашихъ историческихъ очеркахъ развитія хозяйства; пользуясь-же послѣдними, мы здѣсь можемъ значительно сократить ихъ изложеніе, останавливаясь на наиболѣе существенныхъ ихъ признакахъ и дополняя ихъ тѣми чертами и отчасти подробностями, которыя были неумѣстны въ сжатыхъ историческихъ очеркахъ. Въ послѣднихъ мы придерживались общей схемы К. Бюхера, развитой имъ въ его: «Возникновеніи народнаго хозяйства». Большія - же подробности развитія далъ Бюхеръ въ своей статьѣ: «Промышленность» (Gewerbe), помѣщенной въ словарь Конрада ¹⁾. Не раздѣляя всей этой схемы во всѣхъ ея подробностяхъ, мы пользуемся главнымъ образомъ богатымъ матеріаломъ, собраннымъ въ этомъ трудѣ Бюхера и на основаніи его устанавливаемъ слѣдующія формы промышленности: I. Домашнее производство. II. Мелкая промышленность: 1) ремесленная; 2) домашняя и 3) кустарная. III. Крупная промышленность: мануфактуры и фабрики.

I. Домашнее производство (Hausfleiss у нѣмцевъ).

Это есть первичная форма всякаго хозяйства вообще, а не только промышленности, такъ какъ очень долгое время ни въ домашнемъ, ни въ народномъ хозяйствѣ не было сколько нибудь развитого общественнаго раздѣленія труда, значитъ, и не могло быть никакого противоположенія обрабатывающей промышленности добывающей (земледѣлію, рыбнымъ и звѣринымъ промысламъ, скотоводству и т. п.). Но съ чисто технической точки зрѣнія моменты добыванія полезностей и ихъ переработки въ цѣнности отдѣлялись уже очень давно какъ въ смыслѣ времени, такъ и дѣйствій различныхъ членовъ той многообразной домашней единицы, которая принимается за первичную ячейку развитія всякаго хозяйства.

Это не семья въ смыслѣ патріархальной и болѣе ранней матриархальной, или современной, а болѣе собирательное понятіе, объемлющее собою какъ всякій союзъ людей, основанный на кровной связи или родствѣ, существовавшій въ разныхъ видахъ у дикарей, такъ и ойкосъ или домашнее хозяйство въ древне-греческой жизни, фамилію—въ римской, въ составъ коихъ входили и рабы, а далѣе—крупное феодальное помѣстье средневѣковой Европы и даже отчасти

---

¹⁾ Съ нѣкоторыми сокращеніями статья—эта переведена и издана М. И. Водовозовой въ сборникъ подъ заглавіемъ: „Исторія труда въ связи съ исторіей нѣкоторыхъ формъ промышленности“, 1897 г.

наше, еще недавно отошедшее въ область исторіи, крѣпостное помещичье хозяйство.

Общая характеристика этого хозяйства — *производство для собственного потребленія*, а также и *переработка* почти исключительно *материаловъ и продуктовъ, добытыхъ въ этомъ-же самомъ хозяйствѣ*. Что это за материалы и какова эта переработка или обработка ихъ — это въ сущности вопросы техники, а не экономики, такъ какъ только этой стороною дѣла обуславливалось и то внутреннее, техническое, раздѣленіе труда, которое у многихъ народовъ существовало гораздо раньше, чѣмъ произошло раздѣленіе труда общественное. Только силы и способности членовъ этой домашней хозяйственной единицы, обусловленные главнымъ образомъ ихъ возрастомъ и поломъ предопредѣляли ту или другую роль ихъ въ хозяйствѣ, въ родѣ того, что на охоту и рыбную ловлю ходили мужчины или они-же производили болѣе тяжелыя работы по камню, желѣзу, и т. п., а женщины занимались пряжей, вязаньемъ, приготовленіемъ пищи и одежды и т. п. Но это различіе занятій внутри такого домашняго хозяйства не порождало сколько нибудь своеобразныхъ *производственныхъ отношеній*, изъ которыхъ вытекали бы формы господства однихъ и зависимости другихъ участниковъ въ такихъ хозяйствѣ. Скорѣе наоборотъ, — господство и зависимость вытекали изъ того или другого положенія лицъ, какъ членовъ одной и той-же семьи, или-же какъ рабовъ и крѣпостныхъ въ соответственныхъ крупныхъ и потому болѣе сложныхъ типахъ этихъ хозяйствъ.

На послѣдующей стадіи или ступени своего развитія такое домашнее хозяйство сперва сбываетъ на сторону случайные избытки своего производства, а затѣмъ уже дѣлаетъ это болѣе или менѣе систематически, если образуются постоянные излишки производства надъ потребленіемъ, а также, если не всѣ предметы послѣдняго могутъ производиться въ собственномъ хозяйствѣ и ихъ приходится пріобрѣтать со стороны путемъ обмѣна на свои произведенія.

Общія условія производства этой формы промышленности проявлялись въ исторіи въ разнообразныхъ видахъ и размѣрахъ на разныхъ своихъ ступеняхъ. Въ формахъ болѣе крупныхъ и сложныхъ, какъ въ Греціи и Римѣ, такія домашнія хозяйства иногда даже болѣе заслуживали бы признанія ихъ за настоящія предпріятія, работающія на сбытъ, чѣмъ крупныя феодальныя помѣстья, вслѣдствіе роскошнаго образа жизни своихъ владѣльцевъ, долго потреблявшія все, что въ нихъ производилось, такъ какъ среди своихъ крѣпостныхъ, какъ раньше и рабовъ, бывали всякіе искусные мастера по производству даже предметовъ роскоши.

Въ *настоящее время* эта форма промышленности встрѣчается почти исключительно въ *мелкихъ крестьянскихъ хозяйствахъ* вообще и Россіи въ особенности, и не только въ наиболѣе отдаленныхъ «медвѣжьихъ углахъ», но и почти повсемѣстно. Причинъ сохраненія этой формы у насъ есть нѣсколько, а именно:

1) Краткость періода лѣтнихъ сельскохозяйственныхъ работъ, оставляющая много свободного времени для всѣхъ членовъ семей въ остальное время года.

2) Мало развитая крупная обрабатывающая промышленность, не могущая давать заработки всѣмъ этимъ свободнымъ рукамъ хотя бы въ нестрадную пору.

3) Отсутствие или малое развитіе средствъ сообщенія, оставляющее въ сторонѣ не только отъ международнаго, но и внутренняго товарообмѣна цѣлыя края земли, особенно отдаленные отъ центровъ промышленной жизни и вѣшнихъ границъ.

Потому-то у насъ появленіе на стоянку какихъ-либо полковъ или ихъ частей есть уже крупное хозяйственное событіе, какъ обезпеченіе сбыта нѣкоторыхъ продуктовъ сельскаго и вообще домашняго хозяйства, а отчасти и поводъ для расширенія ихъ производства. Точно также какъ наши мелкіе города—чуть не деревни—радуются появленію въ нихъ какихъ либо новыхъ «управленій» административныхъ или частно-хозяйственныхъ, такъ какъ и ихъ небольшой составъ служащихъ—это уже новый рынокъ для сбыта разныхъ мѣстныхъ произведеній.

Въ результатѣ всѣхъ такихъ главнѣйшихъ и другихъ побочныхъ причинъ въ крестьянскихъ домашнихъ хозяйствахъ до сихъ поръ сохраняется еще эта первичная форма промышленности, такъ какъ большинство крестьянъ живутъ еще въ домахъ, построенныхъ собственными руками, дома пекутъ хлѣбъ изъ своего зерна и муки, одѣваются еще частью въ одежды, сшитыя своими руками изъ собственного, дома приготовленнаго матеріала и т. д. Сбываются-же продукты такого домашняго производства одни болѣе крупными и богатыми дворами бѣднѣйшимъ, другіе-же — наоборотъ; въ послѣднемъ случаѣ первые выступаютъ уже въ роли *скупщиковъ*. Укорененіе-же и развитіе въ той или другой мѣстности такой домашней промышленности ведетъ къ превращенію ея въ особые слѣдующіе виды или ступени ея — деревенское ремесло и кустарную промышленность.

II. Ремесло, домашняя и кустарная промышленность.

Много потрачено силъ и стараній на установленіе признаковъ и опредѣленій этихъ трехъ мелкихъ формъ промышленности; и послѣ долгихъ споровъ единодушнаго или общепризнаннаго рѣшенія все еще нѣтъ. Вопросы

эти и рѣшенія ихъ осложняются нерѣдко тѣмъ, что, какъ говорилъ Марксъ, «явленія поразительно аналогичныя, но происходящія въ средѣ исторически различной, приводятъ къ результатамъ совершенно не сходнымъ». Это особенно примѣнимо къ этимъ мелкимъ формамъ промышленности, проявляющимся далеко не одинаково въ разное время и въ разныхъ странахъ, между тѣмъ какъ общія черты крупной капиталистической промышленности—фабрично-заводской—совершенно схожи какъ въ области техники, такъ и экономіи во всѣхъ странахъ; различія-же сводятся больше къ степени или размѣрамъ ихъ развитія и распространенія.

Особое затрудненіе при рѣшеніи этихъ вопросовъ состоитъ еще въ томъ, что эти виды и формы мелкой промышленности являются частью исторически переходными или промежуточными, частью-же вообще неустойчивыми во всякомъ данномъ мѣстѣ и времени, измѣняясь, т. е. расцвѣтая или погибая, въ борьбѣ съ другими формами промышленности, большей частью крупными. Поэтому всѣ эти дальнѣйшія формы вытекали такъ или иначе изъ этой первоначальной, но нѣкоторыя прямо или непосредственно, а другія черезъ посредство промежуточныхъ. Въ большинствѣ западно-европейскихъ странъ раньше другихъ формъ возникло ремесло, въ его разныхъ видахъ, а у насъ въ Россіи болѣе непосредственно изъ домашняго производства развилась кустарная промышленность. Начнемъ поэтому съ ремесла.

1. Ремесло.

Ремесло въ широкомъ или общемъ смыслѣ есть мелкое производство, а иногда и просто видъ промышленнаго труда, *на потребителя*, болшею частью являющагося въ лицѣ *заказчика* или *прямого покупателя*. Въ своемъ историческомъ развитіи ремесло переживало разныя стадіи, прототипомъ которыхъ служило еще въ древнемъ римскомъ правѣ установившееся раздѣленіе этихъ работъ на два типа: *locatio conductio*: 1 — *operatum* и 2 — *operis*. Первое есть приглашеніе ремесленника *на домъ къ заказчику* для исполненія *различныхъ работъ* по его специальности (отъ того и множественное число — *operatum*), подобно тому какъ мы и теперь приглашаемъ въ домъ слесарей, печниковъ, штукатуровъ, монтеровъ и т. п., или какъ различные ремесленные рабочіе ходятъ по селамъ и деревнямъ предлагая свои услуги, (точильщики, стекольщики, шерстобиты и т. п.), второе-же—отдача какого-либо *опредѣленнаго матеріала* въ домъ или *мастерскую ремесленника для обработки* и выдѣлки изъ него готовой вещи. Это бываетъ болше тамъ, гдѣ сложнѣе орудія производства, гдѣ требуются напр. кузнечные горны, ткацкіе станки, мельницы и т. п. Въ первомъ случаѣ ремесленный трудъ имѣетъ видъ *перехожаго или бродячаго*, называемаго у нѣмцевъ *Stör* или *Störer*, а во второмъ—*домашняго* или *осѣдлаго* (*Hiemwerk*). Матеріаль долгое время доставлялся исключительно заказчикомъ; и только значительно позже во второмъ видѣ такого

труда самъ ремесленникъ предлагаетъ уже и свой матеріаль заказчику. Раньше это развивается въ такихъ отрасляхъ ремесла, въ которыхъ матеріаль не добывается въ хозяйствѣ заказчика или когда оцѣнка качества матеріала для заказчика или потребителя бывала затруднительнѣе, какъ напимѣрь, труднѣе разбираться въ кожѣ для обуви, чѣмъ въ матеріяхъ для платья.

Матеріаль, прежде вообще чаще производившійся въ собственномъ хозяйствѣ заказчика, иногда проходилъ черезъ руки нѣсколькихъ ремесленниковъ, прежде чѣмъ превратиться въ готовый предметъ потребленія. Но въ это время матеріаль или предметъ этотъ не является въ формѣ *товара*, какъ напр., добытый въ крестьянскомъ хозяйствѣ ленъ дома же превращался въ пряжу, а для дальнѣйшей обработки отдавался ткачу; затѣмъ полотно это бѣлилось, можетъ быть, опять дома, а въ окраску матерія отдавалась другому ремесленнику, какъ и шитье изъ нея платья или бѣлья производилось иногда дома, а иногда для этого приглашалась въ домъ портниха или работа отдавалась ей на домъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ образцы промышленнаго труда, который Бюхеръ называетъ *платной работой* (Lohnwerk). (часто переводимой на русскій языкъ работой на заказъ или наемной, что едва ли правильно), и который въ сущности и есть само ремесло или его предтеча. Слѣдующій видъ ремесленной работы Бюхеръ называетъ Preiswerk, по буквальному переводу—*работа за цѣну*, характеризуемая по существу тѣмъ, что тутъ уже матеріаль въ большинствѣ случаевъ принадлежитъ самому ремесленнику или поставляется имъ заказчику, а издѣлія иногда уже сбываются самими ихъ производителемъ на рынокъ, гдѣ приобрѣтаются прямо потребителями ихъ. Но то и другое и есть настоящее уже ремесло (Handwerk).

Общимъ обѣимъ его формамъ свойствомъ являлось то, что *орудія производства* или просто инструменты, исключительно простыя или ручныя, принадлежали всегда самому ремесленнику, а равно и явившимся нѣсколько позднѣе *подмастерьямъ*, этому прототипу послѣдующаго наемнаго рабочаго.

Что подмастерье не было сразу таковымъ, это видно даже изъ обоихъ названій: Geselle у нѣмцевъ и compagnon—у французовъ, ясно указывающихъ, что сперва это были скорѣе *сотоварищи* по работѣ, чѣмъ подчиненныя или зависящія лица. Таковыми они вѣроятно стали дѣлаться тогда, когда ряды ихъ стали пополняться изъ *учениковъ*, а не со стороны, какъ могло быть раньше, и кромѣ того, когда у ремесленника—хозяина или мастера сталъ большую роль играть оборотный капиталъ въ видѣ матеріала для производства, которымъ обладалъ уже онъ одинъ, тогда какъ орудія труда обыкновенно имѣлись собственные и у подмастерьевъ.

Все это такъ установилось далеко не сразу, такъ какъ ремесло долго было только соотвѣтственнымъ трудомъ или работой и ничѣмъ больше, т.-е. даже и ремесленныхъ мастеровъ или хозяевъ долго совсѣмъ нельзя было считать даже за маленькихъ капиталистовъ и хозяйство ихъ за полное предпріятіе, ибо они не подвергались почти никакому риску. Вообще условія развитія ремесла, какъ одной изъ ступеней промышленности, было уже изложено у насъ въ историческомъ очеркѣ, гдѣ было указано и на происхожденіе ремесленныхъ рабочихъ изъ бывшихъ дворовыхъ крестьянъ, бѣжавшихъ въ города, и на значеніе цеховыхъ корпорацій, какъ не только хозяйственныхъ, но и общественныхъ учрежденій, игравшихъ довольно большую политическую роль въ средніе вѣка и позднѣе. Но именно потому, что сила этихъ корпорацій въ цѣломъ была велика, роль отдѣльныхъ хозяевъ ремесленниковъ была мала и не могла достигнуть полного своего развитія, такъ какъ цеховая регламентація ставила этому извѣстные предѣлы. Сами же цехи, какъ цѣлое, или городское управленіе отдѣльно или вмѣстѣ съ ними, брались за осуществленіе крупныхъ работъ, заказовъ и подрядовъ по постройкамъ и другимъ общественнымъ работамъ. И ими же, а не отдѣльными ремесленниками, строились болѣе крупныя учрежденія, какъ бойни, кожевенные заводы, крупныя мельницы, сукновальни, точильни и т. п., какъ общественными же являлись долгое время склады суконъ, полотенъ, и т. п., или отъ цеха отдѣльные мастера получали иногда сырые матеріалы для своего производства.

Всѣ такія мѣры долго поддерживали демократическій духъ равенства въ средѣ ремесленного сословія или общность интересовъ всѣхъ участниковъ ремесленного предпріятія, т.-е. хозяевъ, съ одной стороны, и подмастерьевъ съ учениками, съ другой. Когда же упрочено было положеніе этого сословія и опасность со стороны враговъ внѣшнихъ (высшихъ сословій) уменьшилась или исчезла, то тогда-то и началось разложеніе этой цѣльной группы на части болѣе мелкія по роду различныхъ мелкихъ спеціальностей, съ одной стороны, и по противоположенію интересовъ хозяевъ-мастеровъ и подмастерьевъ, съ другой. Тогда-то и начинается паденіе ремесла, въ смыслѣ прежней его исключительности, какъ формы промышленности, и замѣна или вѣрнѣе, дополненіе его новыми формами, къ которымъ мы сейчасъ и перейдемъ, указавъ еще только на современное значеніе ремесла вообще и въ Россіи въ частности.

Ремесла, какъ предпріятія работающіе уже на рынокъ, а не на заказчика, должны были погибнуть въ первую голову при развившейся съ ними конкуренціи не только позднѣйшихъ мануфактуръ и фабрикъ, но даже и мелкой домашней индустріи, какъ первой ступени капиталистическаго производства. И городскія ремесленники дѣлаются жертвами грубой эксплуатаціи скупщиковъ и раздатчиковъ, о которыхъ мы далѣе говоримъ особо, превращаясь въ такъ называемыхъ «штучниковъ», работающихъ на соотвѣтственные магазины, напр. бѣлья, готоваго платья, обуви и т. п. Въ то же время ремесла, сосредоточенныя главнымъ образомъ въ городахъ и работающія на опредѣленныхъ заказчиковъ—потребителей, желающихъ имѣть сшитые по мѣркѣ предметы одежды и вообще

вещи заказныя, не только не сокращаются, но численно даже растутъ, хотя конечно не столь быстро, какъ расширяются крупныя промышленныя предпріятія. Затѣмъ, растетъ постоянно потребность въ ремесленникахъ, производящихъ различныя *ремонты* домашней обстановки, средствъ сообщенія (велосипедовъ, моторовъ), водоснабженія, освѣщенія (монтеры и т. п.). Поэтому отнюдь нельзя считать ремесло лишь какой-то исторической промежуточной формой промышленности, подлежащей будто бы полной замѣнѣ ея крупно капиталистическими предпріятіями.

Что касается до *Rossii*, то у насъ ремесло совсѣмъ не имѣло тѣхъ глубокихъ историческихъ корней, изъ которыхъ оно развилось и въ свое время даже пышно расцвѣло въ Зап. Европѣ. Общія причины этого были указаны въ историческомъ очеркѣ, и въ числѣ ихъ главнѣйшія заключались въ отсутствіи у насъ той общей роли и значенія, которую тамъ играли *города*, въ которыхъ главнымъ образомъ и развились ремесла.

Попытки искусственнаго насажденія ремеслъ не только какъ видовъ производства, но и какъ *цеховой организациіи* дѣлались у насъ Петромъ I и Екатериной II. Но прочно привить къ намъ искусственно эти чуждыя растенія, въ особенности, въ то время, когда они сами уже отцвѣтали на своей родинѣ въ средней Европѣ, конечно не удалось. Въ городахъ съ того времени появились и остались различныя цеховыя ремесленники, и судьба ихъ тутъ такая же, какъ было сказано о нихъ вообще. Жизни-же какъ ремесленнаго сословія или отдѣльныхъ группъ въ немъ, подобной бывшей когда то ключемъ въ Зап. Европѣ, у насъ никогда не было, не смотря на дѣлавшіяся попытки пробужденія къ ней въ видѣ ремесленныхъ съѣздовъ и нѣкоторыхъ другихъ ихъ организациій. Отчасти ремесла еще сами по себѣ развиваются въ селахъ и деревняхъ, по мѣрѣ того, какъ постепенно сокращаются у насъ нѣкоторые виды домашняго производства. Но это такой видъ промышленности, который у насъ скорѣе подходитъ подъ типъ кустарной, чѣмъ ремесленной, по существу своему всюду и всегда бывшей преимущественно городской. Бывшіе же и въ Зап. Европѣ бродячіе ремесленники въ Россіи представлены и въ настоящее время чрезвычайно развитыми *отхожими промыслами*, очень разнообразными и имѣющими какія то какъ бы мѣстно-наслѣдственныя черты, какъ напримѣръ, костромскіе плотники, романовскіе огородники, бѣлорусскіе землекопы, ярославскіе торговцы и половые и т. п.

2. **Мелкая домашняя промышленность** (*Hausindustrie*) есть децентрализованное по мѣсту своего дѣйствія мелкое производство, но объединенное иногда въ довольно крупное цѣлое предпріятіе—тѣмъ

скупщикомъ, на котораго въ сущности и работаютъ всѣ эти мелкіе домашніе рабочіе и являющагося въ сущности капиталистомъ-предпринимателемъ. Поэтому такую форму промышленности многіе и называютъ домашней системой крупной промышленности или-же *производствомъ (работой) на скупщика*, являющагося обыкновенно въ то-же время и *раздатчикомъ* сырого матеріала, откуда и нѣмецкое названіе этой системы—*Verlagsystem* (Бюхеръ). Эта система довольно давно развилась въ Зап. Европѣ по мѣрѣ паденія прежняго настоящаго городского ремесла и какъ первые шаги капиталистическаго производства. По технику это то же прежнее ремесло, такъ какъ здѣсь преобладаетъ работа ручная и при помощи простыхъ ручныхъ и домашнихъ инструментовъ, станковъ и т. п. орудій труда. По сбыту-же это совсѣмъ иная форма, развившаяся прежде всего въ деревняхъ и селахъ, гдѣ такіе работники не могли имѣть дѣла ни съ заказчикомъ, ни съ мѣстными потребителями — деревенскими жителями. Поэтому работа тутъ производится на неопредѣленный или отдаленный рынокъ, но сбываются непосредственно продукты опредѣленному лицу; сперва, какъ сказано, только какъ скупщику, а затѣмъ почти всегда и ему-же, какъ раздатчику матеріала, а иногда даже и какъ поставщику орудій производства. Отсюда и двѣ системы этой промышленности: первая—*скупческая* (*Kaufsystem*), вторая—*платная* или *наемная* (*Lohnsystem*).

Такимъ образомъ непосредственные представители этой формы промышленности не несутъ никакого почти предпринимательскаго риска и потому являются какъ бы простыми наемными рабочими настоящаго предпринимателя,—этого скупщика. Отличаются же они отъ настоящихъ наемныхъ рабочихъ только тѣмъ, что работаютъ у себя на дому, а не въ мастерской хозяина и не на мануфактурѣ или фабрикѣ.

По происхожденію своему эта форма промышленности двоякая: частью она образуется изъ расширяющейся первичной формы—домашняго производства, преслѣдовавшаго цѣль удовлетворенія собственныхъ лишь потребностей предметами своего же производства. И вотъ она зарождается, когда образуются уже постоянные излишки этого производства, а созрѣваетъ, когда само оно, изъ прежняго побочнаго или подспорнаго при земледѣліи, превращается въ *главное* и наконецъ *исключительное*. А дѣлается оно такимъ или вслѣдствіе постепеннаго прироста сельскаго населенія при прежнемъ количествѣ земли, или-же вслѣдствіе потери послѣдней, что нерѣдко происходило въ Зап. Европѣ въ связи съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной или другихъ формъ зависимости ихъ отъ помещиковъ, но съ потерей при этомъ всей находившейся въ ихъ пользо-

ваніи земли или только полевыхъ угодій (пахотной и т. п.), съ сохраненіемъ за собою иногда однихъ усадебныхъ и огородныхъ участковъ.

Другой путь—это перенесеніе части городскихъ ремеслъ въ деревни. Это происходило подъ вліяніемъ стѣснявшей свободу промышленности цеховой регламентаціи, между прочимъ не допускавшей увеличеніе числа подмастерьевъ и учениковъ у одного хозяина—мастера и вообще запрещавшей занятія ремесломъ кому-либо, кто не былъ записанъ въ цеховыя корпораціи. (Борьба съ переходящими ремесленниками—Störer'ами). Тогда, частью болѣе предпріимчивые изъ самихъ ремесленныхъ мастеровъ, частью-же торговцы стали раздавать работу деревенскимъ людямъ, занимавшимся этимъ дѣломъ. И тоже самое отчасти происходитъ и теперь, когда этимъ занимаются уже довольно крупные предприниматели, предпочитающіе имѣть дѣло съ разбросанными по собственнымъ домамъ рабочими, чѣмъ съ объединенными на одной крупной фабрикѣ, а также и съ цѣлью избавиться отъ фабричной инспекціи, стѣсняющей грубую эксплуатацію рабочихъ. Оттого-то послѣдняя особенно и сильна именно въ этой мелкой домашней промышленности, называемой въ Англии «системой выжиманія пота» (Sweating System). Конечно, это возможно главнымъ образомъ въ такихъ лишь отрасляхъ промышленности, гдѣ не играютъ главной роли крупныя фабричныя машины и сильные ихъ двигатели. Надзоръ надъ такой домашней промышленностью тоже начинаетъ уже однако распространяться, и примѣромъ послужила новѣйшая часть свѣта—Австралія, а съ 1909 г. отчасти ей послѣдовала и Англія, о чемъ мы будемъ говорить при разсмотрѣніи рабочаго вопроса.

3) Кустарная промышленность отличается отъ только что разсмотрѣнной домашней нѣкоторыми особенностями, которыхъ упорно не желали замѣчать или признавать сторонники теоріи совершенно однообразнаго развитія хозяйства во всѣхъ странахъ. Между тѣмъ я, какъ и многіе другіе, считаемъ эту форму присущей главнымъ образомъ Россіи, гдѣ только и примѣняется въ сущности этотъ особый терминъ—кустари, кустарничество и т. д. Существеннѣйшіе признаки этой формы промышленности заключаются въ слѣдующемъ: это—*мелкая семейная организація производства на сбытъ, свойственная крестьянскому или сельскому населенію, въ качествѣ подспорнаго или дополнительнаго промысла при земледѣліи*. Сбытъ здѣсь имѣется въ виду на сторону, и не на ближайшій свой (деревенскій) рынокъ, а на болѣе отдаленный, куда продукты доставляются частью самими кустарями, черезъ особыхъ ходяковъ, на баркахъ и т. п., частью-же забираются у нихъ на мѣстѣ особыми

скупщиками, или, наконецъ, сбываются въ ближайшіе города мѣстнымъ купцамъ, покупающимъ продукты эти оптомъ и распродаютъ ихъ прямо въ розницу или черезъ промежуточныхъ лицъ. Въ зависимости отъ этихъ формъ сбыта кустарныхъ издѣлій находится большая или меньшая степень самостоятельности или зависимости кустарей отъ этихъ посредниковъ или скупщиковъ. Но во всякомъ случаѣ кустарная промышленность гораздо свободнѣе и самостоятельнѣе чѣмъ зап.-европейская домашняя промышленность, такъ какъ послѣдняя въ громадномъ большинствѣ случаевъ есть занятіе *исключительное*, между тѣмъ какъ кустарная—*дополнительное* при земледѣліи. Признакъ этотъ весьма существенъ и я на немъ особенно настаивалъ и продолжаю настаивать, хотя на меня за это въ свое время, да стчаси и теперь еще, нападали и нападаютъ ¹⁾.

---

¹⁾ Мнѣ пришлось два раза напечатать статью о кустарн. промышленности: первую для „Энциклопедическаго словаря“ *Брокгаузъ-Ефрона*, 33-й полутомъ, 1896 г. и вторую для *Большой-Энциклопедіи*, изд. Мейера и „Просвѣщенія“, томъ XV. 1904 („Промышл. куст.“). По поводу первой изъ этихъ статей на меня особенно напалъ сперва въ докладѣ, читанномъ въ Историческомъ Обществѣ при С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1897 г. М. М. Туганъ-Барановскій, доказывавшій тогда, въ самый разгаръ русскаго марксизма, что куст. пром. ничѣмъ не отличается отъ зап. европ. домашней и потому есть уже ступень капитализма, связь-же кустаря съ землей никакой роли будто-бы не играетъ и объ этомъ даже говорить не стоитъ. (Докладъ этотъ былъ тогда же кажется напечатанъ въ журналѣ „Міръ Божій“). Затѣмъ въ своемъ сочиненіи „Русская Фабрика“, изд. 1898 г. тотъ-же авторъ опять удѣлялъ мнѣ нѣсколько порицательныхъ строкъ (стр. 450 и 451); въ предисловіи же тамъ говорилось, что о значеніи связи кустаря съ землей будетъ въ числѣ другихъ не затронутыхъ вопросовъ, говорить въ второмъ томѣ этой книги, который до сихъ поръ не появлялся. Въ текстѣ же кустарной промышленности посвящены цѣлыхъ двѣ главы, въ которыхъ все время поется ей полная отходная, по поводу отдѣльныхъ промысловъ и вообще, какъ напр.: „Что кустарная пром. въ настоящее время падаетъ—объ этомъ не можетъ быть серьезнаго спора. Доминирующимъ фактомъ экономической эволюціи новѣйшаго времени является побѣдоносное (!) шествіе по странѣ крупно-капиталистическаго фабричнаго производства. Кустарь не можетъ выдержать конкуренціи фабрики и долженъ сложить свои нехитрыя орудія“ и т. д. Въ послѣднемъ имѣющемся у меня изданіи. Основ. пол. экон. того-же автора, 1911 г., стр. 140 я обвиняюсь уже только въ преувеличеніи этой связи съ землей за то, что я считаю „этотъ промыселъ *подсобнымъ* при земледѣліи“, между тѣмъ какъ „сплошь и рядомъ наоборотъ, земледѣліе является *подсобнымъ* занятіемъ для кустаря“. Но что бываетъ чаще? На это самъ г. Туг.-Баран. отвѣчаетъ на стр. 144 такъ: „До нѣкоторой степени скудные заработки кустаря восполняются доходомъ отъ земли, играющемъ вообще *очень большую роль* (курс. мой) въ бюджетѣ кустаря; *только* въ центр. промышл. районѣ, напр. въ Моск. и Владим. г.г.—доходъ этотъ падаетъ до 30—40% общаго дохода кустаря; въ другихъ же

Существенъ также признакъ *семейной* организаціи, такъ какъ, главнымъ образомъ благодаря *не оплачиваемому деньгами* труду, т. е. отсутствію по общему правилу *наемныхъ рабочихъ*, кустари могутъ конкурировать съ крупнымъ производствомъ тѣхъ-же предметовъ, особенно *наиболѣе простыхъ издѣлій*. Цѣна же кустарныхъ издѣлій по тому то, и какъ продуктъ труда дополнительнаго, только и можетъ быть такъ низка. А если бы это былъ трудъ главный или занятіе исключительное, то конкуренція была бы невозможна.

Особенно наглядное доказательство этому было въ свое время дано г. Потресовымъ, на котораго ссылался въ своей «Фабрикѣ» г. Туганъ-Барановскій, а именно, что, подъ влияніемъ конкуренціи съ Павловскими кустарями замочниками крупныхъ замочныхъ заводовъ въ Западномъ краѣ, «кардинальнымъ фактомъ въ исторіи замочнаго промысла (Павловскаго) является уменьшеніе какъ числа мастерскихъ съ наемными рабочими, такъ и числа занятыхъ въ нихъ рабочихъ»¹⁾. Кустари же безъ наемныхъ рабочихъ такую конкуренцію могли выдерживать, тѣмъ болѣе, что для мелкихъ мастерскихъ громадную услугу оказало изобрѣтеніе «самопая»,—приспособленія, доступнаго по своей простотѣ и дешевизнѣ для всякаго мелкаго кустаря. Конкурировать вообще приходится только однороднымъ предпріятіямъ и способамъ производства; отъ того и гибель мастерскихъ съ наемными рабочими есть обычное явленіе торжества фабрики и мануфактуры надъ ремесломъ и мелкой домашней промышленностью. И потому я считаю до сихъ поръ правильнымъ тогдашнее мое объясненіе возможности сохраненія *чистаго типа*—семейнаго кустаря на ряду съ фабриками и заводами.

Въ той же книгѣ г. Туг.-Барановскаго приводятся чрезвычайно цѣнные и интересныя данныя о совершенно обратномъ у насъ въ Россіи процессѣ развитія кустарной промышленности и конкуренціи ея съ фабриками и заводами, чѣмъ на Западѣ Европы. А именно, совершенно правильно указывается, что наша кустарная

губ. обыкновенно большая часть дохода кустаря основывается на земледѣліи, почему кустарь и дорожитъ, какъ общее правило, своей землей. Въ этой возможности пополнять скудный заработокъ отъ промысл. труда доходами земледѣльч. хозяйства и заключается существенное отличіе нашей кустар. промысл. отъ городской (отчего и не сельской?) капиталистической домашней промышленности Запада“. Въ чемъ же мое преувеличеніе? Но я только остался вѣренъ своимъ прежнимъ взглядамъ, а г. Т. Б. ихъ существенно измѣнилъ и приблизился къ моимъ, признавая уже большое значеніе куст. пром. для Россіи, когда поближе познакомился съ дѣломъ; и теперь уже онъ полемизируетъ съ В. Э. Деномъ (въ той же книгѣ стр. 146), обвиняя послѣдняго за втискиваніе хозяйственнаго развитія Россіи въ капиталистическій шаблонъ, чѣмъ онъ самъ раньше занимался, но отъ чего тутъ же отрекается. Да, tempora mutantur и т. д.—вольный переводъ:—прошла мода на марксизмъ.

¹⁾ М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика, 1898, стр. 450.

промышленность возникла не только изъ простаго расширенія домашняго производства, но и подъ вліяніемъ возникавшихъ у насъ фабрикъ главнымъ образомъ въ текстильной промышленности. И потому въ то время, какъ на Западѣ Европы фабрики забивали мелкую промышленность, у насъ-же бывало наоборотъ, т. е. фабрики закрывались подъ вліяніемъ конкуренціи съ кустарями, когда крестьяне, научившіеся этому дѣлу на фабрикахъ, заводили у себя на дому соотвѣтственное производство. Это именно только и возможно было у насъ для крестьянъ съ надѣльною землею, полученною ими при освобожденіи ихъ отъ крѣпостнаго права или которою другіе издавна владѣли, какъ крестьяне государственные. Но разъ, что значеніе этой связи съ землею отрицается, то такія обратныя европейскимъ явленія и могли казаться странными и непонятными. А второе, неблагопріятное для нашихъ фабрикъ условіе заключается въ томъ, что наши фабричныя рабочіе, будучи въ большинствѣ своемъ крестьянами землевладѣльцами, или не оборвавшими еще своей связи съ землею, до сихъ поръ еще не образовали настоящаго постояннаго кадра фабричныхъ рабочихъ, и потому до сихъ поръ они еще бросаютъ фабрики, хотя бы на время лѣтнихъ работъ, возвращаясь въ деревню или даже отправляясь на отхожія сельскія работы. Это послѣднее явленіе было превосходно разъяснено въ извѣстномъ изслѣдованіи бывшаго фабричнаго инспектора и ревизора *Е. М. Деметьева*, въ его сочиненіи: «Фабрика, что она беретъ у населенія и что ему даетъ».

Нельзя конечно отрицать, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности вліяніе техническихъ усовершенствованій и вообще крупныхъ формъ предпріятій дѣйствуетъ неблагопріятно на кустарей; но только это не даетъ основаній для широкихъ обобщеній—обязательной гибели кустарей вообще. Положеніе кустарей въ смыслѣ большей или меньшей ихъ самостоятельности, зависитъ частью отъ ихъ земельнаго обезпеченія, частью же отъ роли *скупщиковъ*, а именно, являются-ли послѣдніе только таковыми, или-же они поставляютъ кустарямъ и матеріалы. Въ послѣднемъ случаѣ они даютъ кустарей, такъ сказать, съ двухъ концовъ. А зависитъ это отъ рода производствъ, т. е. бываетъ послѣднее тамъ, гдѣ матеріала у кустарей нѣтъ собственнаго, т. е. не покупнаго. Тамъ-же гдѣ онъ свой, какъ на примѣръ, дерево, глина, ленъ, конопля, шерсть, кожа, рогъ и т. п., кустари не попадаютъ въ такіе тиски къ скупщикамъ. Бываетъ-же это преимущество въ остальныхъ отрасляхъ, гдѣ предметомъ обработки являются металлы или чужеземные текстильные матеріалы—хлопокъ и шелкъ.

Вообще значеніе кустарной промышленности для Россіи очень

велико, такъ какъ по самымъ скромнымъ и неточнымъ подсчетамъ количество занятыхъ въ ней лицъ не менѣе 8 милліоновъ, тогда какъ на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ не насчитывается и полныхъ 3 милліоновъ рабочихъ. Какъ бы ни былъ мало производителенъ трудъ кустарей и ничтоженъ ихъ заработокъ, послѣдній составляетъ все таки нѣкоторый плюсъ въ ихъ вообще скудномъ бюджетѣ доходовъ, какъ результатъ утилизаціи того длиннаго періода времени, когда нельзя заниматься никакими земледѣльческими работами; и который у другихъ крестьянъ пропадаетъ даромъ. Наконецъ, кустари работаютъ на тотъ обширный внутренній рынокъ, въ сущности въ массѣ крестьянской-же, который и предъявляетъ спросъ на самые простые и дешевые продукты,—какъ разъ главная спеціальность кустарей вообще. Въ послѣднее время, однако, кустарныя издѣлія, несомнѣнно улучшаясь въ своихъ качествахъ,—о чемъ свидѣлствуютъ имѣющія громадныя успѣхи ихъ послѣднія выставки,—завоевываютъ къ себѣ вниманіе не только нашихъ высшихъ слоевъ населенія, но даже и заграничныхъ странъ. И все это послѣ сравнительно небольшой доли вниманія, которое оказали этой промышленности сперва наши земства, а съ 1888 г. и правительство, особенно съ 1894 г. когда учрежденъ былъ даже особый кустарный отдѣлъ при бывшемъ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, а нынѣ Главномъ Управленіи земледѣлія и землеустройства. Большую помощь кустарямъ оказываютъ земскіе образцовые музеи, школы и склады кустарныхъ издѣлій, куда кустари и сбываютъ свои произведенія вмѣсто того, что бы задешево отдавать ихъ скупщикамъ.

Надо-ли еще говорить о томъ, что какъ эти первые шаги развитія кустарныхъ промысловъ, такъ и дальнѣйшая ихъ будущность, всецѣло находятся въ зависимости отъ подъема *общаго и технического образованія* нашего народа, въ которомъ ему такъ давно и упорно отказывали, да и теперь далеко не довели еще до надлежащихъ размѣровъ. Наконецъ, въ новѣйшее время условіемъ, могущимъ еще болѣе благопріятствовать этимъ промысламъ, является развитіе коопераціи, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ тутъ съ успѣхомъ примѣнимой, а именно—по сбыту издѣлій, по совмѣстной закупкѣ матеріаловъ и орудій производства, по мелкому кредиту и наконецъ по совмѣстному иногда производству, хотя послѣднее будетъ въ сущности уже преобразваніемъ чистаго типа кустарной промышленности въ производительныя товарищества.

Къ числу внутреннихъ условій, благопріятствующихъ сохраненію и развитію кустарныхъ промысловъ относятся еще слѣдующія: при отсутствіи правильно организованнаго нисшаго технического обра-

зованія и учебно-ремесленныхъ мастерскихъ, въ кустарныхъ избахъ дѣти съизмала обучаются своей спеціальности т. е. промыселъ остается наслѣдственнымъ. Въ семьяхъ нерѣдко даже иногда сохраняются нѣкоторые секреты производства. Далѣе тутъ примѣнимо естественное раздѣленіе труда по полу и возрасту, о чемъ говорилось уже и раньше (объясненіе выраженія «бить баклуши» въ кустарномъ промыслѣ см. выше стр. 230). Нѣтъ здѣсь и надобности въ особомъ надзорѣ надъ работой или въ понуканія къ ней, ибо это общій интересъ всѣхъ членовъ одной семьи. Правда, это-же обстоятельство приводитъ иногда даже къ чрезмѣрному изнуренію работой, особенно малолѣтнихъ членовъ семьи, вообще слишкомъ рано иногда начинающихъ работать.

Сближеніе и пожалуй отождествленіе съ заграничной мелкой домашней промышленностью допустимо лишь для нашихъ городскихъ кустарей, въ сущности даже неправильно такъ и называемыхъ, т. е. по настоящему для *штучниковъ*, работающихъ на крупные магазины или на опредѣленныхъ скупщиковъ, и живущихъ этимъ промысломъ, какъ единственнымъ. Въ такомъ-же положеніи оказываются и сельскіе кустари, когда они или совершенно лишаются земли или вообще забрасываютъ свое сельское хозяйство. Но все это больше исключенія изъ общаго правила и, повторяю не настояшіе кустари.

Относительно происхожденія названія кустарной промышленности мнѣнія всегда очень расходились. Такъ одни выводили его изъ слова *кусть*, которому уподоблялась эта промышленность какъ мелкая по сравненію съ крупными фабриками и заводами, какъ крупными растеніями. Другіе *семью* уподобляли кусту, какъ растенію широко развѣтвляющемуся изъ одного куста. Третьи, въ противоположность такимъ символическимъ объясненіямъ, выставляли реалистическое,—будто бы первые примѣры этой промышленности развились въ производствѣ плетенія корзинъ, матеріаломъ для коихъ служили ивовые и т. п. кусты. Но едва-ли не наиболѣе правильнымъ приходится считать названіе это происходящимъ отъ иностраннаго слова Kunst—искусство, откуда пошло сперва искаженное изъ Künstler слово *кунштарь*, а затѣмъ и кустарь. А что многіе изъ промысловъ къ намъ занесены были иностранными мастерами это не подлежитъ сомнѣнію, вмѣстѣ-же съ ними явились и соответственныя выраженія и слова (напримѣръ, также слово кунштюкъ—въ смыслѣ ловкаго фокуса вмѣсто первоначальнаго—пробной работы подмастерья).

Обращаясь къ отдѣльнымъ видамъ кустарной промышленности въ Россіи и ихъ географическому распредѣленію, мы должны здѣсь ограничиться лишь самыми общими указаніями, такъ какъ подробности объ

этомъ излагаются въ курсахъ экономической географіи и въ отдѣлахъ промышленной статистики. Главные виды суть: 1) обработка дерева, 2) глины и камней, 3) металловъ, 4) волокнистыхъ веществъ, 5) кожъ, 6) мѣховъ, 7) роговыхъ издѣлій.

Особенное значеніе имѣеть у насъ *обработка дерева*, вслѣдствіе сравнительнаго обилія этого матеріала; почему и распространяется у насъ эта отрасль преимущественно въ мѣстностяхъ еще обладающихъ лѣсами, какъ въ большинствѣ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерній. а также въ подмосковномъ районѣ, распространяясь частями даже до Одессы. Къ числу издѣлій относятся: мебель, простые экипажи (телѣги и т. п.) и части ихъ—оси, колеса и т. п., бочки, деревянная посуда, корзины и т. п. Промыслы по обработкѣ *глины* распространены почти повсемѣстно, конечно, главнымъ образомъ, тамъ, гдѣ имѣется этотъ сырой матеріалъ, преимущественно же въ губерніяхъ Московской, Новгородской, Калужской, Курской, Костромской, Полтавской и Вятской. Издѣлія—простая глиняная посуда и кирпичи, а въ Московской губ. даже фарфоровая и фаянсовая посуда. Обработка *металловъ* сосредоточена преимущественно въ Нижегородской, Тульской, Ярославской, Пермской, Вятской, Московской и Тверской губ. Въ числѣ этихъ промысловъ преобладаютъ не только простыя желѣзныя издѣлія, но и довольно тонкія, особенно ножевыя, замочныя и т. п. въ знаменитыхъ селахъ Павлово и Ворсма, а также Варезь и Погость, гдѣ это производство сдѣлалось уже почти исключительнымъ, земледѣліе же совсѣмъ или почти заброшено; выдѣлываются также и простыя ювелирныя издѣлія. Обработка *волокнистыхъ веществъ*, особенно если присоединить сюда производство для собственныхъ надобностей, существуетъ почти повсюду; на сбытъ же работаютъ преимущественно губ. Московская, Ярославская, Костромская, Владиірская и Нижегородская. Издѣлія—преимущественно полотняныя, отчасти шелковыя; хлопчатобумажныя же и шерстяныя отходятъ больше въ область крупнаго фабричнаго производства, вслѣдствіе того, что хлопокъ матеріалъ привозный, а овцеводство не вездѣ достаточно распространено, но войлочныя издѣлія готовятся еще въ деревняхъ. *Мѣха, кожи и рогъ, а также щетинныя издѣлія* производятся большею частью въ губ. Московской, Владимірской, Нижегородской, Казанской, Вятской, Курской, Полтавской и Могилевской.

Въ общихъ чертахъ характеръ распространенія нашей кустарной промышленности, какъ и вообще степень ея развитія, находится въ тѣсной связи съ величиной крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ и отчасти качествомъ земли. Гдѣ надѣлы больше (или земля лучше) земледѣліе продолжаетъ быть занятіемъ главнымъ, а кустарничество—дополнительнымъ и въ первыхъ случаяхъ кустари свободные или самостоятельные и наоборотъ. Вышеуказанная исключительность слесарныхъ кустарныхъ промысловъ въ Павловѣ, Ворсми и смежныхъ съ ними мѣстностяхъ объясняется чрезвычайно малыми полученными ими надѣлами—въ $\frac{3}{4}$, 1, $1\frac{1}{2}$ и 2 десятины очень плохой земли на душу; тоже самое и въ селѣ Богородскомъ (Горбат. у., Нижегородской губ.), славящемся своими гончарными и кожевенными издѣліями, надѣлы были даны около $1\frac{1}{2}$ дес.; село Великое (Ярославской губ.), средоточіе льняной промышленности, имѣеть только около 5% хозяевъ-земледѣльцевъ, надѣлъ— $1\frac{1}{2}$ дес.); село Красное (Костромской губ.), славящееся своими ювелирными издѣліями—надѣлъ $2\frac{1}{2}$ дес., изъ нихъ пашни— $\frac{3}{4}$ дес.

III. Крупное производство—мануфактуры и фабрики.

Въ нашихъ историческихъ очеркахъ развитія хозяйства были указаны, какъ общія условія и причины развитія мануфактуръ и фабрикъ, такъ и отличія ихъ другъ отъ друга, а равно и тѣхъ и другихъ отъ ремесла и домашней промышленности. Напомнимъ изъ всего этого только, что подъ *мануфактурами* въ этомъ историческомъ смыслѣ понимаются, болѣе или менѣе крупныя по числу занимаемыхъ рабочихъ предпріятія, съ широкимъ техническимъ раздѣленіемъ труда, но труда *ручного*, (откуда и самое названіе—*manufactura*), т. е. осуществляемого при помощи ручныхъ инструментовъ или простыхъ орудій. Въ этомъ послѣднемъ мануфактура схожа съ ремесломъ, отличаясь отъ него своими размѣрами, раздѣленіемъ труда и условіями сбыта—не на заказъ, а оптомъ на болѣе крупныя рынки. Мануфактура, съ другой стороны схожа съ мелкой домашней промышленностью той-же ручной работой и условіями сбыта, но отличается отъ послѣдней,—какъ системы децентрализованной,—централизаціей своего производства въ одномъ мѣстѣ и у одного хозяина предпринимателя.

Фабрики-же отличаются отъ мануфактуръ главнымъ образомъ только наличностью въ нихъ крупныхъ, болѣе сложныхъ и потому болѣе совершенныхъ машинъ, приводимыхъ въ движеніе элементарными или искусственными двигателями, и еще дальше проводимымъ раздѣленіемъ труда и по большей части упрощеніемъ самой работы рабочихъ. Поэтому, если мануфактуры возникали съ цѣлью сосредоточенія возможно большаго числа рабочихъ въ стѣнахъ одного предпріятія, (чему препятствовала цеховая система), то это упрощеніе работы давало возможность сокращать прежнюю численность рабочихъ и замѣнять взрослыхъ мужчинъ женщинами и малолѣтними рабочими, особенно въ первое время по введеніи въ производство машинъ, но отчасти даже и впослѣдствіи, когда общая численность рабочихъ снова увеличивалась, но быстрѣе росло въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности число женщинъ и дѣтей. (См. выше стр. 283 и раньше стр. 107—109, стр. 161—163 и др.).

Таковы главнѣйшія взаимныя отличія всѣхъ вышеназванныхъ формъ промышленности, хотя есть экономисты, устанавливающіе другія ихъ системы и классификаціи, какъ напр. Зомбортъ и др., но мы ихъ не приводимъ, чтобы не осложнять вопроса и не зпутывать изложенія. Между прочимъ особенно удивительно, что *К. Бюхеръ*, впадающій иногда даже въ крайности въ дѣлѣ установленія разныхъ рубрикъ и т. п., (см. выше по поводу раздѣленія труда стр. 229), почему-то не дѣлаетъ различія между

мануфактурами и фабриками вообще и въ частности не придаетъ значенія роли машинъ въ этомъ отличіи, заключаая даже соотвѣтственную главу такими словами: «Машина весьма сильно содѣйствовала распространенію фабричнаго производства, но отнюдь не создала этой системы»¹⁾. Между тѣмъ существенно и различіе между этими формами крупной промышленности, и роль машинъ тутъ особенно велика, хотя конечно и не исключительна.

Мануфактуры съ мелкой домашней промышленностью (*Haue industrie*) нанесли серьезный ударъ ремеслу или вѣрнѣе цеховому ремесленному строю, избавленіе отъ стѣсненій котораго было даже главной цѣлью и причиной возникновенія этихъ новыхъ формъ промышленности. Но этотъ ударъ былъ нанесенъ далеко не сразу и онъ не создалъ того переворота или даже, какъ выражаются англійскіе экономисты, «революціи въ промышленности», который, какъ мы знаемъ, произошелъ въ связи съ быстрымъ ходомъ изобрѣтеній и примѣненій машинъ въ концѣ XVIII в. (см. выше стр. 161). Конечно, и въ мелкой домашней промышленности и въ мануфактурахъ уже игралъ довольно большую роль капиталъ, но преимущественно оборотный или денежный, какъ тратившійся главнымъ образомъ на матеріалы для производства и на заработную плату (въ мануфактурахъ) или на плату за обработку матеріала домашнимъ рабочимъ.

Размѣръ мануфактуръ не былъ никогда особенно крупнымъ, а если считался таковымъ, то лишь по сравненію съ ремесленными мастерскими. Такъ уже крупными мануфактуры считались, если онѣ имѣли около 100 и болѣе рабочихъ. И таковыми бывали даже преимущественно казенныя мануфактуры, возникавшія вообще нерѣдко раньше частныхъ, какъ напримѣръ знаменитыя Луврскія, Гобеленовыя и др. во Франціи, Саксонскія фарфоровыя и т. п. У насъ въ Россіи онѣ появляются съ Петра В. и вообще въ XVIII в., отчасти какъ образцы для частныхъ предпринимателей, частью же для производства предметовъ роскоши и вообще придворныхъ надобностей. По суммѣ производимыхъ ими товаровъ и по общему числу занятыхъ въ нихъ рабочихъ мануфактуры далеко уступали мелкой домашней промышленности и имъ также трудно было конкурировать съ нею и съ прочно укоренившимся въ средней Европѣ ремесламъ, какъ у насъ—съ кустарями.

Настоящей-же преобразующей силой явилась сложная, все болѣе и болѣе совершенствующаяся *машина*, олицетворяющая собою обезличенный капиталъ и преимущественно основной. Составныя части настоящей машины суть: двигатель, передаточные механизмы и *ра-*

---

¹⁾ Сборникъ „Исторія труда“, ст. Бюхера, стр. 95.

бочая машина,—самая главная часть замѣняющая руки или пальцы рабочихъ и ихъ движенія.

Вотъ какъ картинно Марксъ обрисовалъ эту роль машинъ: «Машинное производство въ своей развитой формѣ, представляетъ расчлененную систему автоматическихъ рабочихъ машинъ, получающихъ свое движеніе при помощи передаточнаго механизма отъ одного *центрального автомата* (двигателя). На мѣсто отдѣльныхъ машинъ выступаетъ здѣсь огромное механическое чудовище, громадное тѣло котораго наполняетъ собою все фабричное зданіе, и демоническая сила, скрытая вначалѣ въ почти торжественно равномерныхъ движеніяхъ его исполинскихъ членовъ, прорывается въ лихорадочно-бѣшеной пляскѣ его безчисленныхъ рабочихъ органовъ» ¹⁾. Только съ введеніемъ машинъ производство становится крупнымъ, настоящимъ капиталистическимъ и съ преобладаніемъ основного капитала.

Вотъ нѣсколько любопытныхъ цифръ, рисующихъ взаимоотношеніе затратъ на трудъ и капиталъ и болѣе быстрый ростъ послѣднихъ въ болѣе крупныхъ предпріятіяхъ. Въ 1845 Макъ Куллохъ ²⁾ рассчиталъ, что основной капиталъ солидной бумагопрядильни равняется приблизительно двухгодичному рабочему заработку, а проф. Маршалль для 1890 г. ¹⁾ считаетъ что тотъ же капиталъ уже равняется пятилѣтнему заработку. По его же расчетамъ стоимость парохода эквивалентна стоимости десятилѣтняго количества труда тѣхъ, которые его строили; а капиталъ въ 900 милл. фунт. ст. вложенный въ жел. дорожныя предпріятія въ Англіи и Уэльсѣ, равняется 20 лѣтнему труду 400.000 человекъ, работающихъ на этихъ дорогахъ ³⁾.

Среднее число веретенъ и станковъ въ единичной фабрикѣ въ Англіи:

	Веретена.	Механ. ткацк. сеанки.
Въ 1850 г.	10.858	155
» 1885 »	15.227	213

Въ наилучшихъ предпріятіяхъ—65.000, а наибольшее число веретенъ—185.000; среднее же количество ткацкихъ станковъ въ Сѣв. Ланкаширѣ 600, и наибольшее въ единичномъ предпріятіи 4.500.

Главная роль и значеніе фабрикъ сводится поэтому къ техническимъ ихъ совершенствамъ и къ крупнымъ размѣрамъ ихъ производства самого по себѣ, т. е. именно своимъ размѣромъ доставляющаго такимъ формамъ хозяйства огромныя преимущества надъ соотвѣтствующими мелкими. Поэтому прежде всего и слѣдуетъ разсмотрѣть этотъ вопросъ о преимуществахъ крупныхъ размѣровъ промышленныхъ предпріятій.

Опредѣленія понятій *крупныхъ и мелкихъ* предпріятій цифрового или количественнаго нельзя установить разъ на всегда, такъ какъ нѣтъ такого мѣрила, сколько-нибудь общепринятаго. Все зависитъ отъ времени и отъ мѣста. Масштабъ самъ по себѣ съ теченіемъ времени крупнѣетъ. Опре-

¹⁾ *К. Марксъ*. Капиталъ, т. I, стр. 336.

²⁾ *Porter*. Progress of the nation.

³⁾ *Marshall*. Principles of Economics. 2-е изд. стр. 282 и 283.

дѣленія-же безъ цифръ сводятся къ слѣдующему: мелкія предпріятія, это тѣ, гдѣ работаетъ самъ хозяинъ и только развѣ члены его семьи, но нѣтъ наемныхъ рабочихъ; среднія—это гдѣ уже есть наемные рабочіе, но ихъ еще немного и на ряду съ ними хозяинъ иногда еще и самъ работаетъ, (типъ ихъ ремесло), а крупныя — гдѣ послѣдняго уже и не можетъ быть, ибо на долю хозяина выпадаетъ большая работа по общему руководству всѣмъ предпріятіемъ (мануфактуры и фабрики). Такое опредѣленіе однако не годится для кооперативныхъ предпріятій, гдѣ нѣтъ противоположенія хозяевъ и рабочихъ; и вообще переходъ отъ однихъ размѣровъ къ другимъ всегда условенъ и зависитъ иногда отъ рода самой промышленности—часто то, что въ одной считается крупнымъ, въ другой будетъ мелкимъ и наоборотъ. Въ земледѣліи для этого опять таки свои масштабы. Поэтому мы оставляемъ пока этотъ вопросъ открытымъ, ибо онъ рѣшается путемъ эмпирическимъ, а не теоретическимъ.

Преимущества или выгоды крупныхъ предпріятій суть двоякія: *чисто техническія*, заключающіяся въ совершенствѣ какихъ-либо машинъ и сооружений, доступныхъ только для крупныхъ предпріятій по своей дороговизнѣ, но быстро окупающихъ себя, такъ какъ они дѣлаютъ трудъ рабочихъ болѣе производительнымъ. Намъ нѣтъ надобности приводить относящихся сюда примѣровъ и доказательствъ, такъ какъ они всѣ были бы чисто техническими. Но можно и должно привести примѣры выгодъ болѣе *экономическаго* характера, которыя разясняютъ и нѣкоторыя техническія преимущества тѣхъ-же машинъ. Такъ прежде всего стоимость самихъ машинъ и стоимость ихъ эксплуатація возрастаетъ не прямо пропорціонально ихъ размѣрамъ, а въ нѣкоторой убывающей прогрессіи. Это значитъ, что, на примѣръ, паровой котель какого-либо двигателя, или весь паровой двигатель цѣликомъ, вдвое болѣе по своему размѣру, чѣмъ какой-либо другой, той-же системы, будетъ стоить не вдвое дороже, а лишь въ полтора или около того. Между тѣмъ приносимая имъ выгода—создаваемая имъ сила,—можетъ быть не вдвое, а втрое больше; расходъ-же на топливо не вдвое, а въ полтора только раза больше. Такіе примѣры можно разнообразить до безконечности и приводить въ подтвержденіе ихъ цѣлый рядъ цифръ изъ дѣйствительной жизни. Но важны не цифры, которыя можно въ долгъ повѣрить, а общій смыслъ этого явленія, выражающійся въ цѣломъ рядѣ и другихъ даже болѣе обычныхъ житейскихъ примѣровъ, въ родѣ того, что постройка двухэтажнаго дома обходится дешевле, чѣмъ одноэтажнаго, такъ какъ для того и другого необходимы одинаковыя, приблизительно столько-же стоящіе, фундаментъ и крыша.

Другія выгоды и преимущества крупныхъ предпріятій заключаются въ слѣдующихъ, которыя достаточно перечислить и нечего даже разяснять, а именно: 1) выгоды *оптовыхъ закупокъ* мате-

риаловъ для производства, топлива, тѣхъ-же машинъ и т. д.; 2) возможность примѣненія гораздо *болѣе широкаго раздѣленія труда* (техническаго), обусловленнаго именно размѣрами производства и сбыта товаровъ; 3) доступность наиболѣе образованныхъ *техниковъ спеціалистовъ*, оплата труда коихъ была-бы непосильна для предприятий болѣе мелкихъ; 4) возможность держать *постоянныхъ* рабочихъ механиковъ, слесарей и т. п., для починки машинъ и др. сооружений, которыхъ трудъ будетъ использованъ цѣликомъ при большомъ количествѣ этихъ машинъ и потому сравнительно дешево оплаченъ, тогда какъ приглашеніе каждый разъ отдѣльно тѣхъ-же мастеровъ обходится всегда дорого; 5) *содержаніе общей администраціи* фабрики, счетоводовъ, контролеровъ и т. д.; все это ложится небольшимъ накладнымъ расходомъ на всю массу производимыхъ продуктовъ, если она абсолютно велика.

Гобсонъ ¹⁾ къ такимъ выгодамъ, относимымъ имъ къ производительной силѣ, присоединяетъ еще выгоды въ силѣ конкуренціи, которыя даютъ возможность болѣе крупнымъ предприятиямъ или совсѣмъ убивать мелкія, или же пользоваться болѣе высокой нормой прибыли, не увеличивая чистой производительности труда въ обществѣ или въ цѣломъ народномъ хозяйствѣ. Но объ этомъ мы уже говорили въ главѣ о конкуренціи и спекуляціи. (Вообще, въ этомъ сочин. Гобсона находится одинъ изъ лучшихъ анализовъ значенія крупной промышленности и капитала).

Для большей убѣдительности и наглядности привожу отъ себя одинъ только цифровой примѣръ изъ наиболѣе понятнаго для всѣхъ вида производства, именно—*книгопечатанія*, изъ котораго будетъ видно, какъ одни расходы, самые крупные и тяжелые при малыхъ размѣрахъ производства, становятся болѣе легкими и менѣе чувствительными при крупномъ размѣрѣ, т. е. при большомъ количествѣ печатаемыхъ или издаваемыхъ книгъ. Возьмемъ стоимость изданія одной и той-же книги при выпускѣ одной тысячи ея экземпляровъ и десяти тысячъ; тогда получимъ слѣд. цифры:

Книга въ 40 печатн. листовъ.	1.000 экз.	10.000 экз.
Типографскій наборъ по 25 р. за листъ.	1.000 р.	1.000 р.
Печатанье по 5 р. съ 1.000 листовъ .	200 »	2.000 »
Бумага, по 6 руб. стопа.	300 »	3.000 »
Брошюровка	60 »	600 »
Итого.	1.560 р.	6.600 р.

Отсюда видно, что каждый экземпляръ книги обойдется въ первомъ случаѣ въ 1 р. 56 к., и во второмъ въ 66 коп. Но еще болѣе надо обратить вниманіе на измѣненія, происходящія въ значеніи тѣхъ или другихъ статей расходовъ.

Такъ при маломъ изданіи—самый крупный и тяжелый расходъ на типографскій наборъ 1.000 р., передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ отдѣльные расходы (200, 300 и 60 р.); при крупномъ же изданіи расходъ этотъ со-

¹⁾ Гобсонъ. Эволюція современнаго капитализма. 1898, стр. 126.

всѣмъ не увеличивается, но за то всѣ остальные растутъ прямо пропорціонально и потому дальнѣйшее увеличеніе размѣровъ производства по отношенію къ нимъ никакихъ выгодъ уже не имѣетъ. Въ концѣ концовъ печатаніе и бумага стоятъ гораздо дороже набора.

Этотъ примѣръ вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что полезное дѣйствіе расширеніе размѣра производства имѣетъ свои предѣлы или границы, такъ какъ выгоды распределяются далеко не вполне равномерно. И это послѣднее можно пояснить еще и другимъ прежнимъ примѣромъ—постройки дома, продолживъ его только нѣсколько дальше, а именно: если двухэтажный домъ стоитъ не вдвое дороже одноэтажнаго, а меньше, то какой нибудь американскій небоскребъ въ 30, 40 этажей будетъ стоять не въ 30 или 40 разъ дороже одноэтажнаго, а во много больше разъ, такъ какъ ни изъ дерева, ни изъ простого кирпича такой громады выстроить нельзя; да и вообще каждый верхній этажъ простого 4 или 5 этажнаго дома стоитъ прогрессивно дороже изъ за лѣсовъ и времени доставки туда строительныхъ матеріаловъ. Строительныя работы вообще примѣръ своеобразный: сами по себѣ работы эти, по своему характеру почти ручныя, относятся поэтому къ производству мелкому; но по условію закупки матеріаловъ, по занимаемому сразу въ одномъ дѣлѣ большому числу рабочихъ, строительное дѣло часто бываетъ крупнымъ предпринимательскимъ и потому капиталистическимъ. Нельзя говорить вообще, что сравнительная дешевизна болѣе крупныхъ сооружений, производствъ и т. п. есть, «послѣдствіе геометрическаго закона соотношенія объемовъ и поверхностей, т. е. что объемы шаровъ растутъ какъ кубы радіусовъ, а поверхности, какъ квадраты радіусовъ: чѣмъ больше тѣло, тѣмъ меньше приходится поверхности на единицу объема», какъ это думаетъ Туганъ-Барановскій ¹⁾, такъ какъ математическій законъ всегда точенъ и непреложенъ и не допускаетъ отъ себя отступленій, а отступленія отъ этого правила признаетъ далѣе, такъ-же какъ и всѣ другіе, и авторъ этого сравненія. И потому опредѣленіе границъ или предѣловъ наиболѣе выгоднаго примѣненія крупныхъ размѣровъ предпріятія не можетъ быть заранѣе установлено теоретическимъ путемъ, а открывается путемъ скорѣе эмпирическимъ, (какъ и относительно самыхъ понятій крупныхъ и мелкихъ предпріятій), въ зависимости отъ видовъ промышленности, размѣровъ сбыта, существа техническихъ пріемовъ и многихъ другихъ причинъ.

Несомнѣннымъ является то, что при производствѣ товаровъ, такъ называемомъ *массовомъ*, по одному или немногимъ образцамъ и шаблонамъ, при болѣе однородныхъ матеріалахъ и процессахъ производства, крупныя предпріятія всегда забываютъ мелкія, когда въ крупномъ можно примѣнить машинную работу, а въ мелкихъ останется ручная и когда послѣднія заняты ею какъ единственной или главной. Тому-же содѣйствуютъ слѣдующія условія: постоянство въ размѣрѣ и характерѣ спроса въ противоположность капризамъ моды, сокращеніе отбросовъ и ихъ утилизація, способность товаровъ долѣе сохранять цѣнныя свойства (приготовленіе консервовъ) и т. д.

¹⁾ Туганъ-Барановскій. Основы пол. экон. стр. 113—114.

Вообще различіе между мелкимъ и крупнымъ производствомъ не вполне покрывается различіемъ между ручнымъ и фабричнымъ способами производства. Вотъ почему строительныя работы по способамъ относятся къ ручнымъ, а по размѣрамъ къ крупнымъ предпріятіямъ. Но бываютъ и фабрики иногда весьма малыхъ размѣровъ.

Зелигманъ приводитъ слѣдующія данныя XII-го ценза С. А. Соедин. Штатовъ: «изъ 512.254 предпріятій въ 215.814 господствуетъ ручное производство. Въ 32.382 предпр. было занято отъ 5 до 20 рабочихъ, а въ 7.773—свыше 20. Съ другой стороны, изъ общаго числа 296.440 предпріятій приблизительно въ одной седьмой части (41.687) хозяинъ предпріятія является единственнымъ его рабочимъ, а въ половинѣ остальныхъ (125.890) число занятыхъ рабочихъ ниже 5». По мнѣнію того-же автора «въ Соед. Шт. максимальное число промышл. предпр. было достигнуто въ 1870 г.; начиная съ этого времени число предпріятій въ нѣкоторыхъ отрасляхъ фактически уменьшилось, тогда какъ вложенный въ предпріятіе капиталъ, число рабочихъ и цѣнность продуктовъ, приходящихся на одно предпріятіе, во всѣхъ случаяхъ постоянно возростало, что иллюстрируется слѣдующей таблицей:

Производства.	Число предпріятій.		Капиталъ.		Въ средн. на 1 предпріятіе.			
	1870 г.	1890 г.	1870 г.	1890 г.	Число рабочихъ.		Цѣнность произвед. продукт	
			Долларовъ.		1870 г.	1890 г.	Долларовъ.	
Желѣзо и сталь.	726	668	161.523	858.371	103	133	274.878	1.203.545
Земледѣльческія орудія .	2.076	715	16.780	220.571	12	65	25.080	141.549
Ковры и одѣяла	215	133	58.329	334.205	56	214	101.217	362.349
Шерстян. матеріи	2.891	1.035	34.184	120.180	28	67	53.755	114.425
Кожа	7.569	1.306	8.076	131.214	5	40	20.774	156.231

Это конечно слишкомъ общія среднія цифры, касающіяся и крупныхъ и мелкихъ предпріятій. Концентрація-же производствъ доказывается тѣмъ, что, по тѣмъ-же даннымъ, «не болѣе 8% всѣхъ фабрикъ, доставившихъ отчеты, занимаютъ около 75% всего числа рабочихъ». И даже приводятся цифры рабочихъ на отдѣльныхъ фабрикахъ отъ 6 до 7 тыс. и болѣе ¹⁾. Самое типичное въ этой таблицѣ—болѣе быстрый ростъ капиталовъ и цѣнности продукта, чѣмъ числа рабочихъ. Уменьшеніе-же числа предпріятій есть не столько результатъ ихъ закрытія, какъ скорѣе сліяній въ болѣе крупныя хозяйственныя цѣлья, въ родѣ трэстовъ и синдикатовъ.

¹⁾ *Зелигманъ*. Осн. пол. экон., стр. 308 и 309.

Для Германіи данныя о развитіи промышленности получаютъ очень точныя и подробныя изъ производимыхъ тамъ періодическихъ переписей промышленности, и вотъ главнѣйшія ихъ результаты (въ тысячахъ):

	Г о д ы.	Мелкія пред. (1—5 лицъ).		Средн. пред. (6—50 л.).		Круп. пред. (51 и болѣе).		Всего.	
		Пред.	Лицъ.	Пред.	Лицъ.	Пред.	Лицъ.	Пред.	Лицъ.
А. Садоводство скотоводств. и рыболовство .	1882	30,6	51,4	1,2	11,4	0,03	4,5	31,9	67,4
	1895	39,7	70,0	2,6	25,8	0,05	7,1	42,3	103,1
	1907	49,2	96,3	3,9	40,8	0,14	16,9	53,3	154,1
В. Промышлен- ность, включ. горное и стро- ительн. дѣло.	1882	2.175,8	3.270,4	85,0	1.109,1	9,5	1.554,1	2.270,3	5.933,7
	1895	1.989,6	3.191,1	139,4	1.902,0	17,9	2.907,3	2.147,0	8.000,5
	1907	1.870,2	3.200,3	187,0	2.714,6	29,0	4.937,9	2.086,0	10.852,9
С. Торговля и обращ. включ. трактир. дѣло.	1882	676,2	1.013,9	26,5	271,1	0,46	54,5	703,2	1.339,7
	1895	905,4	1.509,4	49,3	526,4	0,96	129,7	955,7	2.165,6
	1907	1.204,7	2.056,9	76,3	888,9	2,83	395,2	1.283,9	3.341,0
Всего	1882	2.882,7	4.335,8	112,7	1.391,7	9,9	1.613,2	3.005,4	7.340,8
	1895	2.934,7	4.770,7	191,3	2.454,3	18,9	3.044,3	3.144,3	10.269,2
	1907	3.124,2	5.353,6	267,4	3.644,4	32,0	5.350,0	5.423,6	14.348,0

Изъ таблицы этой видно, что въ Германіи абсолютно увеличивается и число предпріятій всѣхъ трехъ категорій, за (исключеніемъ мелкихъ въ промышленности въ тѣсномъ смыслѣ группы В.), и число занятыхъ въ нихъ служащихъ и рабочихъ. Только число послѣднихъ всего больше увеличивается въ крупной пром., затѣмъ въ средней и меньше всего въ мелкой. А изъ личнаго состава предпріятій за послѣдній періодъ увеличилась всего болѣе категория *высшихъ служащихъ*, составлявшая 264 тыс. или 3% общаго числа лицъ въ 1895 г. и дошедшая до 688 тыс. или 6% въ 1907 г. тогда какъ число рабочихъ съ 75% поднялись только до 78, а владѣльцы предпріятій упали съ 22% на 16. Этими послѣдними данными мы воспользуемся впоследствии для доказательства процесса обезличенія капитала, т. е. уменьшенія роли его собственниковъ или владѣльцевъ.

Развитіе русской крупной промышленности шло путемъ весьма своеобразнымъ по сравненію съ Зап. Европой. Въ этомъ дѣлѣ, какъ впрочемъ и во многихъ другихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, какъ напр., въ области кредита, путей сообщенія и др., правительство наше

шло впереди общества и отдѣльныхъ лицъ, проявившихъ мало самостоятельной инициативы. Такъ, нельзя сказать, чтобы долгое, до начала XVIII в., полное отсутствіе у насъ крупной промышленности могло объясняться отсутствіемъ у насъ капиталовъ въ денежной ихъ формѣ. Конечно, у насъ не было такого ихъ крупнаго накопленія, какъ въ Зап. Европѣ чуть-ли не съ конца среднихъ вѣковъ; но во всякомъ случаѣ торговые капиталы у насъ были, и иногда даже довольно крупные, еще въ Московской Руси. Промышленность-же въ то время носила характеръ почти исключительно домашней и кустарной, и даже довольно развитой. Не было только развитыхъ городскихъ ремеслъ; послѣднія стали насаждаться Петромъ Великимъ также, какъ и крупная промышленность въ видѣ чуть не впервые при немъ появляющихся мануфактуръ. Большинство изъ нихъ было первое время казенными, подобно таковымъ-же первымъ горнымъ заводамъ, при чемъ устройство тѣхъ и другихъ вызывалось прежде всего нуждами военнаго дѣла, тоже впервые широко поставленнаго этимъ великимъ реформаторомъ. Затѣмъ, и первыя поощрявшіяся или вызывавшіяся имъ въ жизни частныя мануфактуры были по большей части тоже такими, продукты или издѣлія которыхъ имѣли преимущественное значеніе для войска и казны вообще, какъ-то суконныя, полотнянныя, кожанныя, бумажныя и т. п.

Заботы о дальнѣйшемъ развитіи крупной промышленности и надзоръ за нею возложены были Петромъ-же на учрежденную Мануфактуръ-Коллегію, для руководства которой имъ былъ изданъ въ 1723 году Регламентъ. Создавая различныя льготы для отдѣльныхъ промышленниковъ, Регламентомъ этимъ Петръ В. устанавливаетъ вообще свободу учрежденія фабрикъ и заводовъ, а по части горнаго дѣла его геній еще раньше, въ 1719 г., провелъ у насъ начало *горной свободы* подъ названіемъ «бергъ-привилегіи», сводящейся къ праву однихъ частныхъ лицъ искать и добывать различныя ископаемыя богатства на земляхъ другихъ, если послѣдніе сами ими не пользуются. Это то начало, которое затѣмъ у насъ исчезаетъ окончательно при Екатеринѣ II, возлагавшей всѣ надежды на принципъ полной частной собственности какъ въ этомъ дѣлѣ, такъ въ лѣсномъ и др.; и до настоящаго времени у насъ только засѣдаютъ безконечныя комиссіи, въ принципѣ давно одобряющія, это начало, но никакъ не могущія провести его въ жизнь (оно есть только въ Царствѣ Польскомъ и въ Финляндіи). Первые горные заводы были при Петрѣ В. тоже казенные, и только потомъ уже проявили частную инициативу такіе крупные дѣятели на Уралѣ, какъ братья Строгановы и Демидовы. Самой главной льготой для ману-

фактуръ и заводовъ было предоставленіе владѣльцамъ ихъ права, принадлежавшаго прежде только дворянамъ, — *покупать къ заводамъ крестьянъ*, хотя и безъ земли, но даже цѣлыми селами. Послѣднее право было ограничено указомъ 1736 г., но зато бывшіе уже на заводахъ рабочіе даже вольные были тогда къ нимъ окончательно прикрѣплены. Такимъ путемъ создались такъ называемые *posessionные* заводы и соотвѣтственный новый видъ зависимыхъ крестьянъ. Съ отмѣной-же въ 1762 г. права купцовъ — промышленниковъ покупать крестьянъ къ заводамъ, начинается развитіе дворянскихъ фабрикъ, основанныхъ на обычномъ крѣпостномъ правѣ. И такъ вмѣсто свободнаго труда, на почвѣ котораго только и развивался капитализмъ на Западѣ Европы, у насъ и въ этомъ отношеніи было нѣчто совершенно обратное, что и привело къ совершенно искусственнымъ условіямъ развитіе нашей крупной промышленности, до настоящаго времени не могущей вполне обходиться безъ этихъ подпорокъ, хотя и нѣсколько иного характера, о чемъ говорится позднѣе.

Къ числу мѣръ наиболѣе естественныхъ и плодотворныхъ относились заботы Петра о *водвореніи и развитіи у насъ техническихъ знаній*, значеніе которыхъ онъ оцѣнилъ также правильно и высоко, какъ въ свое время Кольберъ во Франціи. Для этой цѣли приглашались иностранные мастера, техники и художники, или же посылались русскіе молодые люди для изученія наукъ и промышленности за-границу. Но Петръ В. не могъ не отдать дань господствовавшему въ то время духу меркантилизма въ смыслѣ *таможеннаго протекціонизма*, замѣнивъ общимъ строго покровительственнымъ таможеннымъ тарифомъ 1724 г. отдѣльныя мѣры, поощрявшія ту или другую отрасль промышленности или даже отдѣльныхъ промышленниковъ. Съ той поры начинаются непрерывныя колебанія нашей таможенной политики въ ту и другую сторону, едва-ли имѣющія себѣ что-либо подобное въ другихъ странахъ по рѣзкости происходившихъ въ ней перемѣнъ, о чемъ будетъ говорить въ отдѣлѣ о международной торговлѣ подробнѣе. Здѣсь же на это указывается, какъ на одну изъ типичныхъ особенностей развитія нашей крупной промышленности, какъ почти всегда особо покровительствуемой отрасли хозяйства въ ущербъ главнѣйшему занятію населенія — земледѣлію, (о взаимоотношеніи коихъ между собою будетъ тоже говорить особо). Заканчивая же общую характеристику дальнѣйшаго развитія нашей крупной промышленности при преемникахъ Петра В. и далѣе, укажемъ только на слѣдующіе еще моменты:

Въ ближайшее послѣ Петра В. время начинается развиваться концессионная система учрежденія мануфактуръ въ видѣ устанавливаемыхъ привилегій и казенныхъ и частныхъ монополій. Затѣмъ начинается чисто сословная или классовая борьба между тремя группами — крупными мануфактуристами, купцами — торговцами и дворянами, а отчасти и мелкокрестьянской промышленностью.

Дворяне стали добиваться запрещенія покупки крестьянъ заводчиками — не дворянами, чего наконецъ и достигли въ 1762 г., послѣ чего усиливается роль дворянскихъ фабрикъ. Купцы-торговцы со своей стороны бо-

ряты противъ промышленныхъ монополій, удорожающихъ цѣнность товаровъ и ограничивающихъ ихъ количество, отчего сокращались размѣры торговыхъ оборотовъ. И они-же иногда вмѣстѣ съ дворянами настаиваютъ на пониженіи таможенныхъ пошлинъ, стѣсняющихъ международную торговлю, вкупѣ-же съ купцами-промышленниками пытаются отнять у дворянъ право устраивать мануфактуры, а у крестьянъ и право торговли въ городахъ хотя бы собственными издѣліями. Борьба этихъ различныхъ интересовъ особенно рельефно отразилась въ Екатерининскихъ комиссіяхъ.

Сама Екатерина II, становясь вообще на точку зрѣнія фізіократовъ о благахъ свободы и хозяйства и о преимуществѣ земледѣлія надъ промышленностью и торговлею, проводить эти принципы въ жизнь, уничтожая большинство привилегій и монополій, преимущественно купеческихъ. Вообще она обнаруживала и большее сочувствіе мелкой промышленности, въ особенности кустарной, какъ связанной съ земледѣліемъ, положеніе которой въ это время опять улучшается. Но въ таможенной политикѣ и при ней не обошлось безъ колебаній — начавъ съ болѣе либеральнаго тарифа 1766 г., она подняла его въ 1782 г. и превратила его въ строго покровительственный въ 1793 г.

Послѣ чуть не убившей всю нашу торговлю и промышленность континентальной системы и рѣзкихъ переходовъ отъ таможеннаго либерализма къ протекціонизму въ концѣ царствованія Александра I, зарождается сознаніе малой производительности несвободнаго заводскаго труда и подготавливается переходъ къ вольнонаемному, что и заканчивается эпохой освобожденія всѣхъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Съ этого момента развитіе нашей крупной промышленности переходитъ на болѣе общую съ зап. европейскими странами безсловную почву, но только подъ все болѣе и болѣе увеличивающимся съ 1877 года до конца XIX в. таможеннымъ покровительствомъ, а въ области металлургической въ тѣсной связи съ постройкой и развитіемъ нашей сѣти железныхъ дорогъ: послѣднія являлись самыми крупными покупателями или вѣрнѣе заказчиками для чугуноплавильныхъ, рельсовыхъ, машиностроительныхъ вагонныхъ, и т. п. заводовъ. Рельсовая сѣть наша, въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ ея положенія достигшая къ началу 90-хъ г.г. около 30 тыс. в., затѣмъ сразу въ послѣднее 10 лѣтіе XIX в. почти удвоилась.

Наконецъ, въ числѣ крупнѣйшаго фактора нашего промышленнаго развитія выступаютъ у насъ во второй половинѣ и особенно въ концѣ XIX в. *иностранные капиталы*, привлекаемые частью сравнительной большей высотой уровня дохода на нихъ, частью же поощреніемъ со стороны правительства.

Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ сочиненія главнаго насадителя у насъ крупной промышленности за счетъ этихъ привлекавшихся имъ капиталовъ, бывшаго съ 1892 по 1903 г. нашимъ Министромъ Финансовъ, нынѣ графа С. Ю. Витте: «Наша государственная, городская земельная задолженность и денежные капиталы, привлеченные въ промышленное и торговое акціонерное дѣло, другими словами, общій итогъ русскихъ движи-

мых цѣнностей исчисляется на 1 января 1899 г. въ 11 слишкомъ миллиардовъ рублей, изъ коихъ *около половины находятся за границей* (курсивъ нашъ). Итогъ движимыхъ цѣнностей, обращающихся въ Германіи, превышаетъ 30 миллиард., въ Великобританіи—60, во Франціи—30, причѣмъ значительная часть этихъ бумагъ, принадлежащихъ нѣмцамъ, англичанамъ и французамъ, представляютъ собою капиталы, помѣщенные въ колоніяхъ и заграничныхъ странахъ. Имѣя въ виду, что каждое изъ этихъ государствъ, безъ колоній, по пространству равняется лишь незначительной части русской территоріи съ числомъ жителей, во многомъ уступающемъ 130 миллионному населенію Россіи, нельзя не признать, что въ сравненіи съ этими итогами, итогъ въ 5 миллиард. руб. дѣйствительно русскихъ помѣщеній въ движимыя цѣнности — величина для Россіи относительно ничтожная. Если-же принять въ расчетъ помѣщенія только въ акціонерное торговое и промышленное дѣло, считая въ томъ числѣ и частныя жел. дор. предпріятія, то получится цифра въ 2 миллиарда р., изъ которыхъ едва-ли и половина русскаго происхожденія, что составляетъ не болѣе 8 р. на душу населенія. Въ Воликобританіи итогъ основныхъ акціонерныхъ капиталовъ исчисляется въ 13 миллиард. р. или болѣе 300 р. на душу, въ Германіи въ 4 м. или около 90 р. на душу населенія»¹⁾. Наша сравнительная бѣдность своими капиталами и роль иностранныхъ выступаетъ тутъ вполне ясно; а вообще далѣе въ этомъ сочиненіи развивается идея о пользѣ и необходимости наиболѣе широкаго доступа къ намъ иностранныхъ капиталовъ.

По подсчету, сдѣланному *В. П. Литвиновымъ-Фалинскимъ* для нѣсколько болѣе поздняго времени (1905 г.) приходится: «на всю хозяйственную жизнь огромной Россіи—всего 1.411 акціонерныхъ предпріятій съ 4,9 миллиардами руб. капиталовъ, включая въ эту сумму жел. дор. сѣтъ 9 частныхъ обществъ и вообще транспортное дѣло, что составляетъ всего 32 р. на человѣка, въ то время какъ въ С. А. Соед. Штатахъ на одного жителя приходится 285 р. вложенныхъ въ одну лишь обрабатывающую промышленность. Какъ видно (говоритъ авторъ, сочиненіе котораго тоже написано въ духѣ сочувствія приливу иностранныхъ капиталовъ и въ защиту русской обрабатывающей промышленности), мы живемъ еще натуральнымъ хозяйствомъ, денежная же его форма находится у насъ лишь въ зачаткѣ»²⁾. Среднія цифры гр. Витте въ четыре раза меньше цифръ Литвинова-Фалинскаго, отчасти потому, что первый считалъ только русскіе капиталы, принимая ихъ за половину всѣхъ вообще, а второй тѣ и другіе вмѣстѣ. Отсюда можно предположить, что за время съ 1899 по 1905 г. общая сумма капиталовъ у насъ удвоилась; но все это лишь условно допустимо, и именно въ предположеніи, что приемы учета капиталовъ были употреблены одинаковые, въ чемъ увѣренности у насъ нѣтъ.

Если, подобно предъидущимъ расчетамъ, понимать подъ капиталами помѣщаемыя на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкѣ наши бумажныя цѣнности (процентныя бумаги разнаго рода), то, по даннымъ «Объяснительной записки Министра Финансовъ къ проекту государственной росписи доходовъ и рас-

¹⁾ С. Ю. Витте. Конспектъ лекцій о народн. и государственн. хозяйствѣ, читанныхъ Е. И. В. Вел. Князу Михаилу Александровичу въ 1900—1902 г.г. 2-е изд. 1912 г., стр. 137—138.

²⁾ В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Наше экономическое положеніе и задачи будущаго. 1908 г., стр. 134.

ходовъ на 1913 годъ», часть II, стр. 183—185, общее увеличеніе этихъ бумагъ за время съ 1908 по 1911 г.г. выражалось въ томъ, что выпущено вновь: ипотечныхъ на 1.723,9 милліон. р., торгово-промышленныхъ на 857,0 милл. р., жел.-дор.—на 522,8, банковыхъ—241,8 и города—204,7, государственныхъ на 375 милл. р., а всего на 3.925,2 милл. р., т. е. почти на 4 миллиарда, изъ нихъ на внутренній рынокъ приходится уже 2.336,5, а на заграничные только 791 милл. р., при чемъ добавлено, что сюда не входятъ торгово-промышленныя акціи (на 857 милл. р.), мѣсто реализаціи которыхъ не поддается точному установленію¹⁾.

А по даннымъ таковой же объяснительной записки къ госуд. росписи на 1914 г. картина опять мѣняется, такъ какъ изъ общей суммы выпущенныхъ за 1912 годъ бумажныхъ цѣнностей въ 1.350 милліон. р., на внутреннемъ рынкѣ помѣщено лишь около $\frac{2}{3}$ противъ $\frac{3}{4}$ за предъидущее четырехлѣтіе²⁾. Объясненіе дается такое: «Причина этого явленія лежитъ въ чрезмѣрномъ обремененіи нашего внутренняго рынка въ 1910 и 1911 г.г., когда послѣ періода относительнаго затишья, начался усиленный выпускъ бумагъ, главнымъ образомъ за счетъ собственныхъ средствъ страны... Въ виду этого Министерство Финансовъ признало желательнымъ возможно большее разгруженіе внутренняго рынка и направило часть новыхъ займовъ за границу»³⁾ въ томъ числѣ на 100 милл. свидѣт. Кред. Позем. Банка и почти всѣ гарантированныя жел.-дор. займы (на 178 милл.).

Г о д ы.	Число фабрикъ и заводовъ.	Число рабочихъ.	Среднее на 1 фабрику.	Сумма производствъ.	
				Абсолютная.	Средняя годовая на 1 фабрику.
Р у б л и.					
1725	233	—	—	—	—
1761	201	—	—	4.200.000	21.000
1765	262	37.862	144(?)	5.000.000	19.000
1804	2.423	95.202	39	—	—
1825	5.261	210.568	40	—	—
1850	9.843	517.679	52	166.016.996	17.000
1865	16.693	419.517	25	351.843.680	21.000
1865	23.050	459.190	20	397.441.714	18.000

Въ заключеніе приведемъ нѣкоторыя статистическія данныя о развитіи нашихъ фабрикъ и заводовъ за время послѣдовавшее за отмѣной крѣпостного права. При этомъ необходимо предупредить, что данныя эти не могутъ претендовать ни на точность, ни даже на сравнимость ихъ между собою, такъ какъ для болѣе отдаленнаго времени (до 90-хъ г.г.) цифры о числѣ рабочихъ давались только для производствъ не обложенныхъ косвенными налогами (акцизами питейнымъ, свеклосахарнымъ и табачнымъ). Поэтому всѣ расчеты сдѣланные различными изслѣдователями того вопроса лишь грубо-примѣрные, такъ какъ имъ приходилось преодолѣвать

¹⁾ Объяснительная записка Министра Финансовъ къ проекту государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1913 годъ, часть II, стр. 183 и 184.

² и ³⁾ тоже на 1914 годъ, ч. II, стр. 114 и 115.

большія трудности въ вычисленіяхъ. А главное затрудненіе еще было въ томъ, что подъ понятіе фабрикъ и заводовъ подводились самыя разнообразныя по виду и различныя по объему предпріятія, и иногда очень мелкія. Поэтому первое впечатлѣніе отъ цифръ за разные періоды сводится къ тому, будто число предпріятій рѣзко колеблется, между тѣмъ какъ это просто результатъ включенія или исключенія болѣе мелкихъ предпріятій. Вотъ образцы этихъ разрозненныхъ данныхъ:

По даннымъ «Военно-Статистическаго Сборника» (т. IV) за время съ 1725 по 1865 г.г. получались слѣдующія цифры (наименѣе достовѣрныя). (См. табл. стр. 392).

Дѣлать отсюда какіе либо выводы и расчеты совершенно конечно не стоитъ. Для послѣдующаго времени покойный проф. *Н. А. Карышевъ*, (изъ цитируемой работы которою и взяты только что приведенныя цифры), даетъ цифры, взятые имъ изъ разныхъ источниковъ, для 1866 и 1885 г. и представляющія слѣдующую картину ¹⁾.

	Число фабр. и заводовъ.	Число рабочихъ.	Годовая производит. въ милл. р.
Въ 1865 г.	82.004	906.578	640,2
» 1885 »	83.537	1.136.656	1.322,0
Увеличеніе за 20 л. . . .	на 2 ⁰ / ₀	на 25 ⁰ / ₀	на 107 ⁰ / ₀

Несоизмѣримость обоихъ пріемовъ исчисленія ясна, такъ какъ для почти одного и того же года по даннымъ Воен.-Стат. Сборн. (1865 г.) число фабрикъ 23 тыс., а въ 1866—82 тыс. Послѣднія свѣдѣнія получены уже черезъ Центр. Стат. Комитетъ и имъ конечно болѣе соотвѣтствуютъ данныя за 1885 г. Если допустить сравнимость ихъ между собою для одного періода, то получатся интересные выводы, что число фабрикъ увеличилось только на 2⁰/₀, число рабочихъ—на 25⁰/₀, а производительность фабрикъ на 107⁰/₀. Вообще-же недопустимо увеличеніе числа фабрикъ съ 23 тыс. въ 1865 г. на 83 тыс. въ 1866 г., а это только доказываетъ, что съ этого послѣдняго года въ категорію фабрикъ попали и мелкія промышленныя предпріятія, раньше вовсе не учитывавшіяся, а именно и такія, годовая производительность которыхъ не достигаетъ 1000 р. Но для періода съ 1885 по 1891 г. они уже раздѣляются на эти двѣ категоріи и потому въ *этихъ предѣлахъ* цифры сравнимы между собою и тогда получается слѣдующая картина (цифры безъ Сибири, Кавказа и Туркестана). (См. табл. А. стр. 394).

Судя по этимъ даннымъ за этотъ періодъ развитіе промышленности шло уже нѣсколько иначе (при сравненіи процентныхъ приращеній между собою), а именно число предпріятій увеличилось на большую сумму и въ процентахъ, особенно мелкихъ, чѣмъ число рабочихъ, въ крупныхъ увеличившихся только на 20⁰/₀, а въ мелкихъ на 89⁰/₀; производительность, показанная только для крупныхъ, увеличилась тоже на гораздо меньшую сумму—29,8⁰/₀ вмѣсто прежнихъ 107⁰/₀. Если вѣрить этимъ даннымъ, то тутъ произошла серьезная заминка въ дѣлѣ развитія нашего капитализма.

¹⁾ *Н. А. Карышевъ*. Народнохозяйств. наброски. XVI. Русская фабр. зав. промышл. въ 1885—91 г.г. журн. „Русское Богатство“, № 11, ноябрь 1894 г. стр. 11.

А. Г о д ы.	Число пред- пріятій.		Число рабо- чихъ въ пред- пріятіяхъ.		Среднее на 1 предпріа- тіе.		Годовая производи- тельность крупныхъ предпріятій.	Сред- няя на 1 фа- брику.
	Круп- ныхъ.	Мел- кихъ.	Въ круп- ныхъ.	Въ мел- кихъ.	Круп- ныхъ.	Мел- кихъ.	Тысячи рублей.	
Въ 1885. .	19.343	41.650	709.037	73.358	36,4	1,7	999.529	51,6
„ 1891. .	20.318	99.714	853.777	138.817	38,9	1,4	1.319.101	59,8
Увеличеніе.	+5%	+140%	+20%	+89%	—	—	+29,8%	—

Проф. *Карышевъ* успѣлъ обработать еще одни данныя—за 1894—95 г., собранныя уже болѣе тщательно тогдашнимъ Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ и изданныя въ видѣ «Перечня фабрикъ и заводовъ» въ 1897 г. Большею тщательностью свѣдѣній вѣроятно слѣдуетъ объяснить еще большее сокращеніе числа фабрично-заводскихъ предпріятій, а именно—до 16.924, противъ 20.318 для тѣхъ-же 50 губ. Евр. Россіи и Привислинскаго края, приведенныхъ въ предыдущей таблицѣ для однихъ крупныхъ предпріятій, тогда какъ въ данныхъ 1894—5 года такого раздѣленія вообще уже нѣтъ. Но можно думать, что тутъ все-таки въ счетъ пошли только болѣе крупныя; за то съ этого времени въ общій счетъ впервые попадаютъ предпріятія, *обложенныя акцизами*, отъ прибавленія которыхъ общая численность должна бы была порядочно увеличиться; мы-же видимъ уменьшеніе болѣе чѣмъ на 3 тыс., какъ и для всей Имперіи—съ 22.669 на 18.071.

Если сопоставить данныя за десятилѣтіе 1885 и 1894—5 г., какъ это и сдѣлалъ проф. *Карышевъ* въ цитируемой второй работѣ его¹⁾, то получается слѣдующая картина:

Б.	1894—5 г.		189 ⁴ / ₅ 188 ⁵ / ₆		Возростаніе въ видѣ отноше- нія.	
	Общее число.		Приходится ра- бочихъ на каж- дья 10 фабрикъ.			
	Рабо- чихъ.	Фа- брикъ.	Чело- вѣкъ.	Чело- вѣкъ.	1885— 1886 г.	1894— 1895 г.
Привислянскія губ. .	157.751	2.346	672	401	100	167
50 губ. Евр. Россіи. .	946.466	14.578	649	362	100	179
Средняя Азія	9.425	270	349	165	100	188
Сибирь	7.757	232	334	104	100	235
Кавказъ	19.957	645	310	73	100	358
Итого.	1.135.356	18.071	628	364	100	173

¹⁾ *Карышевъ*. Матеріалы по русскому народному хозяйству. Наша фабр.-завод. пром. въ половинѣ 90-хъ г.г. 1898 г., стр. 22 и 23.

Это значитъ, что принявъ среднее число рабочихъ приходившихся на 10 фабрикъ въ 1885—6 году за 100 мы получимъ увеличеніе ихъ къ 1894—5 г. почти на $\frac{3}{4}$ (73%). Но не надо упускать изъ виду, что въ 1885 г. это были рабочіе *только* въ предпріятіяхъ необложенныхъ акцизомъ и производящихъ на сумму не менѣе 1000 р., а въ 1894—5—во всѣхъ; тогда увеличеніе абсолютное въ дѣйствительности оказывается меньшимъ, а процентное—большимъ. Пользуясь всѣми такими цифрами и сопоставляя ихъ съ численностью населенія, проф. Карышевъ приводитъ слѣдующія цифры, выражающія въ % отношеніе фабричныхъ рабочихъ ко всему населенію:

въ 1866 г. (безъ горнозаводск.) 1,11%, въ 1891 г. (безъ заводовъ подакцизныхъ) 0,92% и въ 1894—5 г.г.—0,89% (для всѣхъ).

Отсюда видна ничтожность части населенія, непосредственно занятой въ нашей крупной фаб.-зав. промышленности и то, что увеличеніе числа таковыхъ рабочихъ не успѣвало въ разсмотрѣнное время за общимъ приростомъ населенія, составляющимъ у насъ по однимъ расчетамъ около 1,38%; а по другимъ—1,70%, а въ абсолютныхъ цифрахъ около 2 милл. въ годъ въ концѣ прошлаго вѣка и около $2\frac{1}{2}$ —въ началѣ нынѣшняго. Что касается до средней *годовой производительности*, то по даннымъ, сопоставленнымъ у проф. Карышева тамъ-же ¹⁾, получается слѣдующая картина средней производ. на 1 фабрику въ тыс. р. (со всѣми тѣми-же оговорками относительно прежняго состава и размѣра предпріятій), при общей производительности на 1.658.032 рубля.

	1885—6 г.	1894—5 г.	Отношеніе об- ихъ величинъ.
Въ 50 губ.	50,8	92,3	100 : 181
» Привисл. краѣ	57,9	109,7	100 : 187
На Кавказѣ	27,7	63,0	100 : 227
Въ Сибири	11,3	35,0	100 : 310
» Средней Азіи	10,8	25,9	100 : 240
	50,1	91,6	100 : 183

Періодомъ особеннаго развитія нашей крупной промышленности слѣдуетъ считать десятилѣтіе съ 1890 по 1900 г.г. Краткіе итоги этого періода по даннымъ А. В. Погожева ²⁾ и по другимъ подведены въ сочин. г. В. В.: «Судьба капиталистической Россіи», и сводятся они къ слѣдующимъ:

«Въ 1890 г. передъ началомъ безумно покровительственной политики, сумма производства всѣхъ нашихъ фабрикъ и заводовъ исчислялась въ 1,5 миллиарда руб.; а въ 1900 г. она равнялась 3 миллиардамъ. Число рабочихъ поднялось за 10-лѣтіе приблизительно съ $1\frac{1}{4}$ до $2\frac{1}{2}$ миллионъ. Въ томъ и другомъ отношеніи крупная капиталистическая промышленность выросла за это время, слѣдовательно, въ два раза. Объ успѣхахъ этой промышленности говорятъ и нѣкоторые другіе факты. Такъ, судя по свѣдѣнію относительно 14,5 тыс. пром. предпріятій, можно сказать, что 40%

¹⁾ Карышевъ, тамъ-же, стр. 33 и 34.

²⁾ А. В. Погожевъ. Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи. 1906.

общаго ихъ числа возникло именно въ это десятилѣтіе. Иначе говоря къ 8700 заведеніямъ, существовавшимъ въ 1890 г. и сохранившимся въ теченіе послѣдующихъ 10 лѣтъ, прибавилось 5800 новыхъ, т. е. почти 70%. Не лишне однако присовокупить, что наибольшее число вновь открытыхъ предпріятій относится на долю болѣе мелкихъ (до 50 рабочихъ въ каждомъ) и наименьшее на долю крупныхъ (отъ 1000 и выше) ¹⁾.

Наступившій XX вѣкъ представляетъ уже замедленное развитіе, чему конечно однимъ изъ объясненій должны послужить такія экстраординарныя событія, какъ японская война и послѣдовавшія за ней внутреннія безпорядки, завершившіеся реформами 17 окт. 1905 г. и ближайшими послѣдовавшими за ними. Для періода съ начала этого вѣка до настоящаго времени имѣются однако уже болѣе точныя и однородныя матеріалы въ видѣ «Свода отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ», (издающихся съ 1901 г. сперва Министерствомъ Финансовъ, а теперь, съ учрежденія въ 1905 г. Министерства Торговли и Промышленности, послѣднимъ), по болѣе или менѣе однородной системѣ, (хотя все еще не вполне однообразной, какъ напр. причисленіе до 1903 г. къ числу фабричныхъ рабочихъ лицъ, берущихъ съ фабрикъ работы на домъ).

Приведемъ изъ нихъ главнѣйшіе результаты относительно числа фаб.-заводскихъ предпріятій и занятыхъ на нихъ рабочихъ (общихъ данныхъ о производительности въ этомъ изданіи нѣтъ).

А.

Годы.	Число заведеній.	Число рабочихъ.	Среднее на 1 заведеніе.
1901. . .	18.102	1.701.650	94
1910. . .	15.721	1.951.783	124
1911. . .	16.600	2.051.198	124
1912. . .	17.356	2.151.191	124

По отдѣльнымъ годамъ абсолютное и процентное измѣненіе числа предпріятій и рабочихъ колебалось въ ту и другую сторону, что видно изъ ниже приводимой таблички, указывающей на прибавку или уменьшеніе тѣхъ и другихъ въ абсолютныхъ числахъ и въ процентахъ (по отношенію къ предъидущимъ годамъ).

Б.

	Г о д ы.					
	1902	1903	1904	1905	1906	1907
Число заведеній . . .	--1.203	--521	—674	—239	—57	+305
Въ %-хъ	—6,7	—3,3	—4,4	—2,7	—0,5	+2,6
Число рабочихъ	—8.852	+47.660	—21.254	+32.630	+38.608	+46.591
Въ %-хъ	—1,7	+3,0	—1,3	+1,9	+2,2	+2,7

¹⁾ В. В. Судьба капиталистической Россіи. 1907, стр. 120.

	Г о д ы.				
	1908	1909	1910	1911	1912
Число заведений	+184	-229	+988	+879	+756
Въ %-хъ	+1,2	-1,5	+6,7	+5,6	+4,6
Число рабочихъ	-570	+26.614	+119.172	+99.243	+99.993
Въ %-хъ	-0,1	+1,4	+6,5	+5,1	+4,9

Изъ цифръ первой таблицы (А) можно вывести, что число предприятий за первое 10 лѣтіе XX в. уменьшилось на 2481, или на 13,7⁰/₀, а число рабочихъ увеличилось на общую сумму 250.133 или на 14⁰/₀ (послѣдующія измѣненія видны изъ таблички В). Но уменьшеніе числа предприятий отчасти объясняется исключеніемъ изъ общаго ихъ числа *раздаточныхъ конторъ*, какъ равно и соответственныхъ домашнихъ рабочихъ, число которыхъ вообще не велико—не достигая и 100 тыс. на всю Россію, т. е. ничтожное количество въ сравненіи съ настоящими кустарями.

Распределеніе пром. предприятий на группы по числу занятыхъ въ нихъ рабочихъ въ послѣдній отчетный (1912) годъ выражается въ слѣдующей таблицѣ.

В.

Группы предприятий.	Число заведений.		Число рабочихъ.		Среднее число рабочихъ на 1 заведение.
	Абсолютное.	Въ % къ общему числу.	Абсолютное.	Въ % къ общему числу.	
До 100 рабочихъ	14.000	80,6	431.789	20,1	31
Отъ 101 до 500 рабочихъ.	2.527	14,6	573.261	26,6	226
„ 501 „ 1000 „	465	2,7	324.682	15,1	728
Свыше 1000 рабочихъ	364	2,1	821.459	38,2	2.284
Всего	17.356	100	2.151.191	100	124

Изъ таблицы этой видно, что ⁴/₅ всѣхъ нашихъ промышл. предприятий принадлежатъ если не къ мелкимъ, то и не особенно крупнымъ, какъ имѣющія 100 и менѣе рабочихъ на каждое; но въ нихъ работаетъ только ¹/₅ часть общаго числа рабочихъ. Покрупненіе-же нашихъ промышл. предприятий, замѣтное по среднему числу рабочихъ на каждое, есть фактъ несомнѣнный.

Мы безъ малаго не догнали еще Германію въ отношеніи числа рабочихъ, занятыхъ въ самыхъ крупныхъ предприятияхъ (съ 1.000 и болѣе рабочихъ), ибо у насъ таковыхъ теперь (1912) 821 тыс., а въ Германіи по послѣдней промышленной переписи въ 1907 г. — 955 тыс.; но у насъ изъ общаго числа рабочихъ таковые въ этихъ крупнѣйшихъ предприятияхъ составляютъ 38⁰/₀, а въ Германіи не изъ общаго числа, а только изъ занятыхъ въ среднихъ и крупныхъ предпр. они составляютъ около 10⁰/₀.

Сами-же по себѣ эти крупнѣйшія предпріятія сравнительно не многочисленны—всего 364 или 2⁰/₀ изъ общаго числа всѣхъ. Можно говорить по-этому не столько о концентраціи нашего производства, сколько о концентраціи части нашего рабочаго класса. И не смотря на эти поражающія на первый взглядъ цифры, даже апологеты нашей фабричной и вообще капиталистической промышленности, въ родѣ г. Туганъ-Барановскаго, говорятъ: «Правда, капиталистическая фабрика въ общемъ строѣ нашего хозяйства играетъ гораздо меньшую роль, чѣмъ въ такихъ передовыхъ странахъ капиталистическаго міра, какъ Германія. Но зато въ предѣлахъ фабричной промышленности у насъ наблюдается большая концентрированность производства, чѣмъ въ Германіи» ¹⁾.

Къ совершенно такимъ-же выводамъ о гораздо большей концентраціи нашей фабрично-заводской промышленности въ сравненіи съ Германіей и другими странами приходитъ авторъ спеціального и очень цѣннаго изслѣдованія этого вопроса *С. С. Закъ*, положимъ только относительно конца прошлаго столѣтія; но, какъ мы только что видѣли, и за самое послѣднее время процессъ этотъ не измѣнился ни у насъ, ни въ Германіи.

С. С. Закъ приводитъ слѣдующую сравнительную процентную табличку ¹⁾ для Россіи и Германіи (принявъ за мелкія фабрики съ числомъ рабочихъ отъ 10 до 50, за среднія отъ 50 до 500 и за крупные всѣ остальные).

	Россія.		Германія.
	1895 г.	1900 г.	1895 г.
Мелкія предпріятія.	15,9	12,7	31,5
Среднія	38,9	37,5	53,2
Крупныя	45,2	49,8	15,3
	100	100	100

При сравненіи другихъ странъ и Россіи г. Закъ принимаетъ за предпріятія мелкія имѣющія 5 до 50 рабочихъ и тогда получаются для 1895 и 1896 г.г. слѣдующія сравнительныя процентныя числа рабочихъ въ такихъ предпріятіяхъ: во Франціи 39,6⁰/₀, въ Германіи 39,5⁰/₀ въ Бельгіи 23,3⁰/₀ и въ Россіи—17,5⁰/₀ ²⁾ (теперь у насъ, по даннымъ 1912 г., число рабочихъ, находящихся на фабрикахъ, имѣющихъ до 100 рабочихъ равняется всего 20⁰/₀ общаго ихъ числа.

Въ заключеніе приведемъ данныя о распредѣленіи фабрикъ и заводовъ по различнымъ отраслямъ промышленности по тому-же «Своду отчетовъ фабр. инспекторовъ» ³⁾ за 1912 г. (изд. 1913 г.). (Табл. на стр. 399).

Таблица эта едва-ли нуждается въ особомъ ея разъясненіи. Изъ нея, напримѣръ, можно сразу узнать—въ какой отрасли промышленности всего больше фабричныхъ предпріятій и въ какой—рабочихъ, какъ напр. въ первомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ обработкѣ пищевыхъ и вкусовыхъ веществъ, въ томъ числѣ мукомольное, сахароваренное и рафинадное дѣло—27⁰/₀ или болѣе четверти всѣхъ заведеній. Рабочихъ-же тутъ всего лишь 15⁰/₀ общаго ихъ числа; наибольшее-же ихъ количество въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ вообще (группы I—V), а именно 41⁰/₀, (изъ нихъ

¹⁾ *Туг.-Барановскій*. Основы пол. экон., стр. 156.

²⁾ *С. С. Закъ*. Промышленный капитализмъ въ Россіи. 1908 г., стр. 9.

³⁾ Тамъ же, стр. 10.

	Число заведе- ний.		Число рабо- чихъ въ нихъ.		Въ томъ числѣ женщины въ %.	Среднее число рабочихъ на 1 заведеніе.
	Абсолют- ное.	Въ % об- щаго чи- сла.	Абсолют- ное.	Въ % об- щаго чи- сла.		
I. Обработка хлопка	850	4,9	550.762	25,5	55	648
II. „ шерсти	1.205	6,8	155.094	7,2	39	129
III. „ шелка	174	1,0	33.176	1,6	67	191
IV. Обработка льна, пеньки и джута.	258	1,5	100.154	4,7	55	388
V. Смѣшанныя произв. во- локнистыхъ веществъ.	429	2,5	42.527	2,0	57	99
<i>Сумма I—V . . . . .</i>	<i>(2.916)</i>	<i>(16,8)</i>	<i>(881.713)</i>	<i>(41,0)</i>	<i>(53)</i>	<i>(302)</i>
VI. Производство бумажн. и полиграфическое.	1.436	8,3	99.676	4,6	25	69
VII. Механич. обраб. дерева.	2.358	13,6	124.159	5,8	10	53
VIII. Обраб. металловъ	2.328	13,4	338.449	15,7	5,6	145
IX. „ минеральн. вещ.	1.811	10,4	197.941	9,2	18	109
X. „ животн. прод.	803	4,6	51.350	2,4	16	64
XI. „ пищевыхъ прод.	4.719	27,2	341.137	15,9	22	72
XII. Химическихъ произв.	550	3,2	77.529	3,6	35	141
XIII. Добыв. пром. (нефтян.)	276	1,6	30.455	1,4	—	110
XIV. Прочія произв., въ томъ числѣ электр. станціи.	159	0,9	8.782	0,4	8	55
Всего	17.356	100	2.151.191	100	31%	124

болѣе 25% при обработкѣ хлопка) между тѣмъ какъ число соответствен-
ныхъ предприятий лишь нѣсколько болѣе 16%. Почти равныя по своему
количеству предприятия по обработкѣ дерева и металловъ — около 13%, —
существенно отличаются другъ отъ друга числомъ рабочихъ, почти втрое
большимъ во второй (338 тыс. противъ 124 или 15% противъ 5,8, что
свидѣтельствуетъ о сравнительной большей концентраціи соответственнаго
производства.

Наибольшаго-же напряженія явленіе это достигаетъ въ той-же обработкѣ
хлопка, гдѣ число рабочихъ на одно предприятие 648, за нею въ этомъ отно-
шеніи слѣдуетъ свеклосахарное—539 и фарфоровое съ фаянсовымъ—469;
наименьшее число рабочихъ на 1 предприятие въ обработкѣ животныхъ про-
дуктовъ—64.

Число женщинъ составляетъ 31% ¹⁾ общаго числа рабочихъ и обнару-
живаетъ тенденцію къ нѣкоторому увеличенію. Но быстрѣе еще увеличи-
вается число малолѣтнихъ и подростковъ. Первые составляли (въ 1912 г.)
1,4, а вторые 9,4% общаго числа рабочихъ.

¹⁾ Несогласованіе этой цифры съ показанной выше на стр. 285, гдѣ она
составляетъ лишь 14% объясняется тѣмъ, что здѣсь приводятся данныя
только относительно фабрикъ и заводовъ, а тамъ о всемъ наемномъ трудѣ
въ различныхъ отрасляхъ промышленности.

Что касается до производительности нашихъ фабрикъ и заводовъ и ея увеличенія въ сравненіи съ ростомъ числа предпріятій и рабочихъ въ нихъ, то по даннымъ Мин. Торг. и Пром. соотношеніе этихъ величинъ за періодъ съ 1900 по 1908 г. для первыхъ 12 группъ промышленности (см. таблицу на стр. 399), т. е. главнымъ образомъ безъ горнозаводской, при общей производительности въ 2.048 милл. р. въ 1900 г. и въ 3.069 м. р. въ 1908 г. выразилась въ слѣдующихъ процентахъ.

Увеличеніе:

Числа предпріятій	4,9 ⁰ / ₀
» рабочихъ	16 ⁰ / ₀
» двигателѣй	20,8 ⁰ / ₀
Силы »	41,2 ⁰ / ₀
Общей суммы производства	49,8 ⁰ / ₀

отсюда видно, что производительность увеличивалась болѣе, чѣмъ въ три раза быстрѣе, чѣмъ число рабочихъ, и въ 10 разъ быстрѣе числа предпріятій.

А для слѣдующаго трехлѣтія и четырехлѣтія результаты, не смотря на гораздо болѣе спокойный періодъ, оказываются уже значительно ухудшенными. Мин-во Торг. и Пром. въ своихъ расчетахъ принимаетъ увеличеніе производительности идущимъ *лишь наравнѣ* съ приростомъ числа рабочихъ, а именно, что за трехлѣтіе 1909—1911 г. то и другое увеличилось приблизительно лишь на 13,15⁰/₀, и потому вычисляетъ общую производительность (съ горнозаводской) для 1911 г. въ 4.895 мил. рубл. и для 1912 г. въ 5.134 милл. рубл. противъ 4.307 м. р. въ 1908 г. ¹⁾

Но это все цифры лишь такъ назыв. *общей производительности* а не *чистой*, которая получается путемъ вычета изъ первой издержекъ производства въ видѣ матеріаловъ и топлива. Такъ вотъ, если произвести эти вычеты, то чистая производительность выразится для 1908 г. — 1.484 милл. руб., для 1911 г. — 1.683 м. р. и для 1912 г. — 1.768 м. р.

Это значитъ, что стоимость матеріаловъ и топлива составляетъ въ среднемъ около 70⁰/₀ окончательной стоимости продукта, т. е. на долю обрабатывающей промышленности приходится лишь около 30⁰/₀. Очень долго М-во Финансовъ давало цифры только этой *общей* производительности русской обрабатывающей промышленности, т. е. не вычитая ничего предъидущаго но слѣдующей грубой примѣрной формулѣ.

Добыто чугуна на	1 мил. руб. (добыв. пром.).
Произведено изъ него сырого желѣза на	1½ м. р. } (обработ. пром.).
Изъ того-же желѣза произведено желѣзныхъ издѣлій на	2 мил. р. }
<hr/>	
Итого на	3½ м. р. (обработ. пром.).
Добыто зерна на	1 мил. р. (добыв. пром.).
Муки изъ него на	1½ м. р. } (обработ. пром.).
Печеного хлѣба на	2 мил. р. }
<hr/>	
Итого на	3½ м. р. обработ. пром.

¹⁾ Цифры эти взяты изъ Объяснительныхъ записокъ къ росписямъ на 1913 и 1914 г. стр. 82—86 первой и 49—второй.

Такимъ путемъ во Всеподданнѣйшемъ отчетѣ Министра Финансовъ въ росписи на 1897 г. и доказывалось, что наша обрабатывающая промышленность производитъ продуктовъ на сумму въ $3\frac{1}{2}$ раза превышающую цѣнность продуктовъ добывающей промышленности и въ томъ числѣ главнымъ образомъ земледѣлія. Въ свое время это породило очень любопытную полемику въ газетахъ и журналахъ, при чемъ нѣкоторые ученые защитники Мин. Фин. доказывали правильность такихъ подсчетовъ безъ вычетовъ предъидущихъ стадій обработки или издержекъ производства. Теперь, конечно, какъ мы только что видѣли, этого уже не дѣлаютъ; хотя иногда все таки возникаютъ большія противорѣчія по поводу роли и значенія обрабатывающей промышленности. Такъ въ упомянутомъ уже трудѣ г. *Литвинова-Фалинскаго*, стоимость переработки сырья, вмѣсто приведенныхъ нами изъ оффиціальныхъ цифръ за 1908 — 1912 г.г. 30% превращается въ 80% ¹⁾. Но это впрочемъ отнюдь не приводитъ названнаго автора къ указаннымъ преувеличеніямъ нашей обрабатывающей промышленности; и мы находимъ у него далѣе слѣдующую интересную таблицу сравнительной производительности разныхъ отраслей нашего русскаго хозяйства для начала нынѣшняго вѣка: (въ милліонахъ рублей) ²⁾.

Сельское хозяйство	4.442	Транспортное дѣло	700
Промышленность	1.324	Извозный промыселъ	100
Кустарные пром.	300	Строительн. работы	200
Ремеслен. пром.	250	Товарная торговля	500
Всего			7.816 милл. р.

Производительность на одного жителя у насъ на основаніи этихъ данныхъ ничтожная по сравненію съ другими странами, а именно всего 58 р. *Мюльголь* даетъ для 1894 г. слѣдующія цифры:

Австралія	374 р.	Франція	233 р.	Италія	104 р.
Соед. Штаты	346 »	Германія	184 »	Балканск. княж.	101 »
Англія	273 »	Австрія	127 »	Россія	74 »

На основаніи всѣхъ такихъ данныхъ можно сдѣлать уже нѣкоторые общіе выводы объ успѣхахъ и значеніи нашей обрабатывающей промышленности.

Когда мы видимъ удвоеніе какихъ нибудь количествъ, да еще въ короткій промежутокъ времени, (какъ на примѣръ, въ концѣ XIX и началѣ XX вв.), то это отнюдь еще не доказываетъ абсолютнаго большаго значенія такого явленія, ни даже особенной быстроты его развитія, въ особенности въ сравненіи со старокапиталистическими странами. Наоборотъ даже—самая возможность быстрого удвоенія чего бы то ни было доказываетъ лишь сравнительную ничтожность этого предмета или явленія, чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить слѣдующій примѣръ: даны двѣ семьи, въ одной дѣтей десятеро, въ другой — одинъ ребенокъ; родится въ

¹⁾ Назв. соч., стр. 22 и 26.

²⁾ Тамъ-же, стр. 50.

каждой еще по одному ребенку. Спрашивается: каковъ приростъ той и другой семьи? Отвѣтъ: въ первой — въ 10⁰/₀ прежней величины, во второй — удвоеніе или 100⁰/₀. Слѣдуетъ ли, что вторая семья дѣйствительно опережаетъ или хотя бы догоняетъ первую своимъ приростомъ и размѣромъ?—Едва-ли! Таково и быстрое, поражающее многихъ, развитіе нашей фабрично-заводской промышленности въ концѣ XIX в. и едва-ли уже не заминка въ первое 12 лѣтіе XX в.

Не можемъ не обратить вниманія еще на одинъ наиболѣе общеизвѣстный даже безъ всякихъ цифръ фактъ, что въ то время, какъ мы вывозимъ за границу массу сырыхъ продуктовъ, преимущественно питательныхъ, въ родѣ хлѣба и т. п., мы на эти-же продукты покупаемъ продукты своей обрабатывающей промышленности, почти ничего не вывозящей, да еще прикупаемъ много соотвѣтственныхъ продуктовъ изъ-за границы. Вывозомъ своего сырья, конечно гораздо болѣе дешеваго, чѣмъ издѣлія обрабатывающей промышленности, мы покрываемъ не только чисто товарно-торговый международный нашъ обмѣнъ,—и потому имѣемъ обыкновенно балансъ въ нашу пользу,—но еще и государственныя наши обязательства по огромной нашей внѣшней задолженности. Сравнительно ничтожное значеніе нашей фабрично-заводской промышленности, какъ по численности занятыхъ въ ней рабочихъ, такъ и по производительности ея выступаютъ отсюда съ полной ясностью. Правда, концентрація этой промышленности идетъ у насъ быстрѣе, чѣмъ за границей; но это именно только потому, что она у насъ молода и сравнительно ничтожна. У ней нѣтъ тѣхъ сильныхъ соперниковъ, въ видѣ старинныхъ ремесленной и другихъ видовъ промышленности, съ которыми приходится бороться иностранной крупной капиталистической промышленности. Наша таковая просто перескочила черезъ недоразвившіяся или просто отсутствовавшія у насъ формы. И въ этомъ отношеніи мы развивались въ промышленномъ отношеніи не вполнѣ по зап.-европейскому шаблону, что давно замѣчали иностранные экономисты, только издали насъ наблюдавшіе. А наши доморощенные трубили о полномъ тождествѣ нашего хозяйственнаго и капиталистическаго развитія съ зап.-европейскимъ.

Вотъ, что говоритъ объ этомъ *Бюхеръ*, на котораго, какъ на саблезнителя, сваливаетъ свою вину въ прежнемъ шаблонизированіи одинъ изъ нашихъ экономистовъ: «Въ сѣверныхъ странахъ, Россіи, Венгріи, Румыніи, въ славянскихъ земляхъ Австріи и балканскаго полуострова промышленная дѣятельность лишь въ единичныхъ случаяхъ достигла ступени ремесла. До самаго новѣйшаго времени всѣ эти народы пребывали еще на стадіяхъ домашняго производства и

отхожихъ промысловъ... Въ Россіи мелкій крестьянинъ, едва лишь выйдя изъ крѣпостной зависимости, сразу становится кустаремъ или фабричнымъ рабочимъ; освободившись отъ крѣпостного помѣщика онъ попадаетъ въ зависимость отъ капитала—еще одно непосредственное противорѣчіе въ исторіи этого народа, столь богатой рѣзкими переходами»¹⁾.

Заканчиваемъ мы эту главу о формахъ промышленности слѣдующимъ сопоставленіемъ ихъ между собою, сдѣланнымъ тѣмъ-же Бюхеромъ, въ концѣ цитированной его статьи:

«Исходнымъ пунктомъ этого развитія являются крупные союзы, сплоченные кровнымъ родствомъ и авторитетомъ главы семьи; завершается это развитіе тоже въ крупныхъ союзахъ, организація которыхъ основана на отвлеченномъ правовомъ принципѣ свободного соглашенія. Въ началѣ цѣли естественно развившаяся социальная единица — семейный союзъ, въ концѣ ея — искусственно въ видѣ *фирмы* самостоятельно выступающее юридическое лицо, — предпріятіе. Въ промежуткѣ между ними переходныя формы, образующіяся отъ ломки стараго и созиданія новаго строя. Если въ переходѣ отъ домашняго производства къ работѣ по заказу мы видимъ освобожденіе личности рабочаго и выходъ ея изъ замкнутаго домашняго хозяйства собственника земли, то въ ремеслѣ, вслѣдствіе того, что къ представителю труда переходятъ и оборотныя средства, трудъ и матеріально становится свободнымъ и независимымъ. Въ системѣ же производства на скупщика рабочій снова попадаетъ въ личную зависимость—отъ предпринимателя, какъ собственника капитала, и наконецъ въ фабричной системѣ онъ уже всецѣло зависитъ отъ него (вмѣстѣ съ отдѣленіемъ отъ труда средствъ и орудій производства, т.-е. капитала, откуда и подчиненіе перваго послѣднему).

Въ заключеніе Бюхеръ слѣдующимъ образомъ вкратцѣ характеризуетъ всѣ эти формы или стадіи промышленнаго развитія: «Домашнее производство есть централизованное промышленное производство въ цѣляхъ удовлетворенія собственныхъ потребностей; платная работа (Lohnwerk) есть децентрализованная промышленная работа на заказчика; ремесло есть промышленное производство на потребителей-заказчиковъ; производство на скупщика и раздатчика (Verlag) есть децентрализованное, а фабрика — централизованное промышленное товарное производство».

Л и т е р а т у р а. Бюхеръ. Возникновеніе народнаго хозяйства, его-же статья: *Gewerbe* (Промышленность) въ словарѣ Comrad'a, переведена на русск.

¹⁾ К. Бюхеръ. Сборникъ Исторія труда, стр. 104; курсивомъ отпечатанная фраза почему-то пропущена въ переводѣ (въ разгаръ марксизма).

яз. съ сокращеніями въ сборникѣ изд. М. И. Водовозовой: „Исторія труда“ 1897 г.—*Золбартъ*. Организація труда и трудящихся; *его-же*: Современный капитализмъ 2 т. 1903—1905 г.г.—*Корсакъ*. Формы промышленности. 1861—*Кулишеръ*. Очерки по исторіи формъ промышленности въ зап. Европѣ. 1907.—*его-же*: Эволюція прибыли на капиталъ. 1906.—*В. В.* Очерки кустарной промышленности въ Россіи. 1886. *Его-же*: Артель въ кустарномъ промыслѣ. 1895.—*Прилежаевъ*. Что такое кустарная промышленность? 1882.—*Погрузооъ*. Кустарная промышленность въ Россіи. 1901.—Труды комисіи по изслѣдованію кустарн. пром. въ Россіи, рядъ выпусковъ съ 1879 по 1890 г.г.—Оффиціальныя изданія по куст. пром. сперва Мин. Земл. и Гос. имущ. и затѣмъ Главн. Упр. Землед. и землеустр. Труды съѣздовъ дѣятелей по куст. пром. перваго изд. 1902 г. втораго изд. 1910 г.—Иностранная литература по вопросамъ мелкой промышл. очень обширна и указывается въ иностранныхъ учебникахъ пол. экон., а также довольно полно въ вышеуказ. ст. *Бюхера*, въ изд. Водовозовой: „Исторія труда“. 1897 г.—Для крупной промышленности въ особенности: *Марксъ* Капиталъ. 3 т.,—*Гобсонъ* Эволюція современнаго капитализма. 1898 г.—*Шульце-Геверницъ*. Крупное производство 1897.—Сборникъ „Промышленность“, статья изъ Словаря Comrad'a изд. Водовозовыхъ. 1896 г.—*В. В.* Судьбы капитализма въ Россіи. 1882. *его-же*: Судьба капиталистической Россіи 1907.—*Николай—онъ*. Очерки нашего пореформеннаго хозяйства. 1893.—*Е. Дементьевъ*. Фабрика, что она даетъ населенію и что она беретъ. 2-е изд. 1897.—*М. Туганъ-Барановскій*. Русская фабрика 1-е изд. 1898 г.—есть позднѣйшія изд.—*С. С. Закъ*. Промышленный капитализмъ въ Россіи. 1908.—Цитированныя въ текстѣ статьи Н. Карышева о фабр. промышл.—*В. П. Литвиновъ-Фалинскій*. Наше экономическое положеніе и задачи будущаго 1908.—Своды отчетовъ фабричн. инспекторовъ съ 1901 г., послѣдн. за 1912 г. изд. 1913 г. Мин. Торг. и Пром. Объяснительныя записки Министра Финансовъ къ проектамъ государственныхъ росписей доходовъ и расходовъ на 1913 и 1914 г.г. части II (экономическія).

ГЛАВА III.

Формы предпріятій.

А. Предпріятія капиталистическія и ихъ соединенія.

Общес понятіе о предпріятіи и о функціяхъ предпринимателей. Единоличныя предпріятія 2. Полныя товарищества. 3. Товарищества на вѣрѣ или командитныя (простыя и на акціяхъ). 4. Акціонерныя общества.—Ихъ сравнительныя достоинства и недостатки.—Союзы предпринимателей и предпріятій (синдикаты и т. п.).

Предпріятіе есть типичная форма хозяйства денежнаго и капиталистическаго; какъ таковая она противопоставляется формамъ хозяйства болѣе или менѣе натурального, т.-е. направленнаго на непосредственное удовлетвореніе собственныхъ потребностей, (какъ напр., домашнее производство или прежнее крѣпостное помѣщичье хозяйство, или въ значительной еще степени современное земельное крестьянское хозяйство). Положительнымъ наиболѣе типичнымъ признакомъ настоящаго капиталистическаго предпріятія и его *цѣлью*

является извлеченіе его владѣльцемъ возможно большей, но сопряженной съ рискомъ, прибыли изъ лежащаго въ основѣ предпріятія имущества, называемаго капиталомъ (въ широкомъ частно-хозяйственномъ смыслѣ). Для этой цѣли служить производство и сбытъ на сторону товаровъ или реализація, т.-е. превращеніе въ деньги, создаваемыхъ въ самомъ предпріятіи или покупаемыхъ для сего товаровъ, или-же оказаніе за деньги-же какихъ-либо услугъ, осуществляемыхъ наемными служащими или рабочими, наконецъ, въ наиболѣе чистомъ денежно-капиталистическомъ видѣ — извлеченіе дохода изъ пусканія въ оборотъ своего денежнаго ссуднаго капитала, непосредственно — какъ это дѣлаютъ настоящіе ростовщики, или-же вообще владѣльцы ссудныхъ капиталовъ — черезъ посредство особыхъ соотвѣтствующихъ учрежденій — банковъ, страховых (коммерческихъ) предпріятій и т. п.

Съ точки зрѣнія *полноты* осуществленія предпріятія, какъ явленія капиталистическаго, должны быть на лицо и признаки, установленные раньше для капитализма, какъ извѣстной системы производственныхъ отношеній, а именно: извлеченіе выгодъ изъ пользованія наемнымъ трудомъ при помощи средствъ производства, отдѣленныхъ отъ представителей труда. Этотъ признакъ и выдерживается вполне строго, пока рѣчь идетъ о предпріятіяхъ въ области производствѣ, гдѣ капиталистическими называются *только пользующіяся наемнымъ трудомъ*, (при наличности и другихъ признаковъ).

Но такъ какъ предпріятіе, какъ форма хозяйства, распространяется и на другіе хозяйственные процессы, а къ нимъ противоположеніе труда и капитала съ такой точки зрѣнія не примѣнимо, то отсюда и должно быть ясно что понятіе предпріятія шире формы производственныхъ отношеній, распространяясь на сферы капиталистическихъ процессовъ распредѣленія и обращенія. Такъ, прибыль созданная въ предпріятіи производственномъ, на примѣръ на фабрикѣ, поступаетъ въ дѣлежъ между владѣльцемъ этой фабрики и торговцемъ, распродающимъ эти товары, какъ лицомъ имѣющимъ свое торговое предпріятіе. Точно также дѣлится приходится и съ владѣльцемъ естественныхъ богатствъ, на примѣръ, земли, на которой выстроена эта фабрика, равно какъ и съ владѣльцемъ ссуднаго, т.-е. занятаго въ долгъ, капитала, между тѣмъ какъ ни тотъ ни другой въ производствѣ непосредственно не участвуютъ.

Но все это вытекаетъ изъ того, что предпріятіе и капитализмъ вообще понятія выходящія за предѣлы производственныхъ отношеній и процесса производства вообще.

Шеффле давно призналъ наиболѣе общимъ признакомъ частно-хозяйственныхъ предпріятій «конкурренцію изъ за прибыли на капиталъ и дѣйствительнымъ хозяйственнымъ двигателемъ — стремленіе къ матеріальному барышу. Вопросъ объ успѣшной примѣнмости различныхъ формъ частныхъ предпріятій долженъ совпадать съ другимъ вопросомъ: каковы условія наивысшей прибыльности (*Rentabilität*) для разныхъ формъ предпріятій?»¹⁾

---

¹⁾ *A. Schaeffle. Die Anwendbarkeit der verschiedenen Unternehmungsformen, въ сборникѣ его работъ — Gesammelte Aufsätze, т. I. 1885, стр. 200.*

Вообще впервые полнѣе и лучше всего ученіе о предпріятіяхъ было изложено у *Шеффле* въ только что цитированной его статьѣ, напечатанной въ 1869 г. въ *Zeitschr. für die ges. Staatswirthschaft* «Примѣнимость различныхъ формъ предпріятій». Изъ русскихъ экономистовъ первый обратилъ вниманіе на эту работу Шеффле покойный профессоръ СПбургскаго университета *Э. Р. Вреденъ*, сперва въ одной своей специальной работѣ, а затѣмъ и въ своемъ курсѣ Полит. Экономіи широко использовавшей ее ¹⁾. Въ новѣйшее время наиболѣе глубокой анализъ капиталистическихъ предпріятій сдѣланъ *Зомбартомъ* въ его «Современномъ капитализмѣ». Послѣдній писатель даже отождествляетъ предпріятіе съ капитализмомъ вообще, а именно: «Капитализмомъ мы называемъ такой способъ веденія хозяйства, при которомъ специфической формой хозяйства является предпріятіе... Капиталистическимъ предпріятіемъ называется такая форма, цѣль которой состоитъ въ томъ, чтобы при помощи известной суммы договорныхъ условій относительно оплачиваемыхъ деньгами дѣйствій и отвѣтныхъ дѣйствій (*Leistung und Gegenleistung*), реализовать вещественное имущество, т.-е. воспроизводить его собственнику съ прибылью (*Profit*). Имущество, которое используется такимъ образомъ, называется капиталомъ». И далѣе Зомбартъ справедливо обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что эта «поставленная цѣль не опредѣляется какимъ-либо отношеніемъ къ живой личности; скорѣе центромъ наблюденія дѣлается нѣчто отвлеченное: матеріальная сила. Это отторженіе цѣлей нашей хозяйственной формы отъ тѣлесно-индивидуальной личности хозяйственного субъекта хорошо обдуманно. Въ немъ выражается отвлеченный характеръ цѣли и слѣдовательно ея *безграничность*, въ качествѣ рѣшительнаго признака хозяйственного предпріятія» ²⁾.

Въ такомъ смыслѣ безграничность цѣли капиталистическихъ предпріятій,—можно допустить; но идти за Зомбартомъ нельзя такъ далеко, какъ онъ зоветъ, приглашая признать, что «все мѣры экономической политики объясняются только потребностями капитализма и только тогда и успѣшны», (см. выше стр. 190) или что «проявленіе капиталистическихъ интересовъ,—что вполне равнозначуще съ *стремленіемъ капитала къ созданію прибыли*,—представляетъ собою первопричину или конечныя движущія силы современнаго хозяйственнаго развитія» ³⁾. Мы видѣли (въ методологической главѣ) что есть и другія движущія силы, кромѣ этихъ грубыхъ капиталистическихъ интересовъ, также какъ и нельзя признать двигающими лицами только однихъ капиталистовъ. Скоро мы увидимъ, что даже согласно самому Зомбарту личная роль таковыхъ все болѣе и болѣе сокращается, по мѣрѣ того, какъ растетъ самостоятельное значеніе капитала въ качествѣ самостоятельной матеріально-экономической силы.

Приступая къ разсмотрѣнію самихъ формъ предпріятій, необходимо прежде всего установить основанія для ихъ отличій другъ отъ друга или для ихъ классификаціи вообще. Въ этомъ отношеніи еще

¹⁾ *Э. Р. Вреденъ*. Строй промышлен. предпріятій. 1873; *его-же*: Курсъ Пол. Эк. 1-е изд. 1874 г., 2-е 1883 г.

²⁾ *В. Зомбартъ* Современный капитализмъ, рус. пер. т. I, вып. I. 1903 г., стр. 205 и 206.

³⁾ *Зомбартъ*, н. с. т. II, стр. 7.

Шеффле установилъ двѣ самыя общія категоріи этихъ основаній или предпосылокъ (*Voraussetzungen*), а именно *субъективныя и объективныя*. Подъ первыми изъ нихъ подразумѣваются различныя роли и виды дѣятельности владѣльцевъ предпріятій—капиталистовъ предпринимателей, а подъ вторыми—условія образованія, измѣненія и увеличенія капитала въ предпріятіяхъ. Но проведеніе точной границы между тѣми и другими основаніями далеко не всегда возможно, такъ какъ только въ нѣкоторыхъ формахъ предпріятій капиталъ фактически, а отчасти и юридически, выдѣляется въ самостоятельный факторъ или силу; между тѣмъ, какъ въ другихъ онъ болѣе или менѣе связанъ съ личностью предпринимателя. Поэтому мы и не будемъ говорить отдѣльно о каждомъ изъ этихъ основаній, а, наоборотъ, обратимъ особое вниманіе на эту связь между капиталомъ и его владѣльцемъ, и на постепенное ея ослабленіе если не прямой разрывъ, въ предпріятіяхъ наиболѣе сложныхъ. Другими словами, мы прослѣдимъ процессъ, который правильнѣе всего назвать *обезличеніемъ* капитала.

Вообще-же различныя формы предпріятій могутъ изучаться съ двухъ сторонъ—*юридической и экономической*. Съ первой онѣ разсматриваются (въ гражданскомъ и торговомъ правѣ) съ точки зрѣнія возникающихъ въ нихъ правовыхъ взаимоотношеній участниковъ и постороннихъ или третьихъ лицъ. Со второй точки зрѣнія изучается ихъ внутренняя структура и производится имъ сравнительно критическая оцѣнка, съ точки зрѣнія большей или меньшей приспособленности ихъ для осуществленія своего двоякаго назначенія—принесенія наибольшей прибыли ихъ владѣльцамъ и служенія интересамъ *цѣлаго народнаго хозяйства*.

Изъ сторонъ этого дѣла юридическихъ наибольшее значеніе и для насъ будутъ имѣть *размѣры и условія несенія отвѣтственности*, которая можетъ быть *полной или неограниченной и неполной или ограниченной*. Подъ первой понимается отвѣтственность *всѣмъ достояніемъ и имуществомъ* какого-либо лица, т. е. всѣмъ что ему принадлежитъ и гдѣ-либо находится; подъ второй-же—отвѣтственность *только вложеннымъ въ то или другое предпріятіе капиталомъ*. Въ тѣсной связи съ этимъ находится и степень или размѣры и условія принимаемаго на себя предпринимателемъ *риска*, какъ и вообще условія предпринимательской дѣятельности, разсмотрѣнію которыхъ была у насъ посвящена послѣдняя глава въ общей части курса.

Переходя къ разсмотрѣнію *личной роли предпринимателя*, мы къ разсмотрѣннымъ уже въ упомянутой главѣ формамъ и видамъ его дѣятельности добавимъ еще нѣкоторыя ея проявленія, о кото-

рыхъ тамъ еще не говорилось, а именно, слѣдующія три ея функціи или момента: предприимчивость, оборотливость и исполнительный трудъ или работа. Каждая изъ этихъ функцій или моментовъ предпринимательской дѣятельности въ свою очередь можетъ совпадать въ одномъ и томъ-же лицѣ, или-же онѣ отдѣляются одна отъ другой, что бываетъ въ болѣе сложныхъ формахъ предпріятій.

Подъ *предприимчивостью* подразумѣвается инициатива предпринимателя, выражающаяся прежде всего въ выборѣ рода и мѣста для предпріятія и составленіе извѣстнаго расчета и плана дѣйствія, называемаго *конъектурой*, который можетъ быть иногда даже прямо отчуждаемъ однимъ лицомъ другому за извѣстное вознагражденіе.

Оборотливость (Betriebsamkeit у Шеффле и вообще у нѣмцевъ) выражается въ руководствѣ и веденіи дѣлъ уже возникшаго и дѣйствующаго предпріятія, т.-е. въ изысканіи наиболѣе выгодныхъ условій воспроизведенія и обращенія капитала, сбыта продуктовъ, однимъ словомъ, во всемъ томъ, что связывается съ извѣстными уже намъ условіями конкуренціи, спекуляціи, конъюнктуры и т. п. Отъ успѣшности осуществленія этой именно функціи зависитъ, главнымъ образомъ то, что иногда, при совершенно равныхъ капиталахъ и вообще одинаковыхъ условіяхъ предпріятій владѣльцы однихъ изъ нихъ извлекаютъ гораздо больше дохода, чѣмъ другіе, и потому прибыль на капиталъ въ нихъ держится вовсе не на одномъ уровнѣ, какъ это должно бы было быть по чисто отвлеченной экономической теоріи.

Наконецъ, *исполнительная работа* есть непосредственное осуществленіе задачи даннаго предпріятія—производства, торговли, оказанія какихъ либо услугъ и т. п. Эта функція осуществляется самимъ предпринимателемъ только въ наиболѣе мелкихъ предпріятіяхъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ ремеслѣ, хозяинъ работаетъ во главѣ своихъ подмастерьевъ или-же наряду съ ними, какъ въ мелкой лавкѣ хозяинъ самъ за прилавкомъ торгуетъ или стоитъ за кассой. Въ громадномъ-же большинствѣ настоящихъ предпріятій эта исполнительная работа осуществляется наемными лицами—служащими и рабочими, получающими за это заранѣе выговоренное вознагражденіе и потому не участвующими непосредственно въ рискѣ предпріятія, (подобно крѣпостнымъ людямъ или рабамъ въ прежнихъ формахъ хозяйства).

Въ основу различія формъ предпріятій будутъ положены всѣ эти только что указанные условія, какъ-то: личная роль предпринимателей—болѣе или менѣе активная или дѣятельная, большая или меньшая связь капитала съ его владѣльцемъ и условія ответственности. На этомъ основаніи получаютъ слѣдующія основныя формы капиталистическихъ предпріятій: во-первыхъ *единоличныя* и во-вто-

рыхъ *многоличныя* или *товарищескія* и общества, распадающіяся опять на нѣсколько ихъ видовъ.

Система всѣхъ ихъ получается такимъ образомъ слѣдующая: 1) *Единоличное предпріятіе*. 2) *Товарищество полное*. 3) *Товарищество на вѣрѣ или коммандитное общество* (простое и на акціяхъ) и 4) *Акціонерныя общества или компаніи*.

1) *Единоличное предпріятіе* есть такое, въ которомъ, какъ и указываетъ его названіе, хозяиномъ (или субъектомъ) является одно физическое лицо, несущее полную неограниченную отвѣтственность и вполнѣ самостоятельно распоряжающееся веденіемъ всего дѣла. Ему-же самому принадлежитъ входящій въ составъ предпріятія капиталъ, вполнѣ и неразрывно съ нимъ связанный, за исключеніемъ впрочемъ привлекаемаго иногда со стороны заемнаго или ссуднаго капитала, находящагося во временномъ пользованіи у владѣльца предпріятія. Это самая распространенная форма современныхъ предпріятій, представляющая ея владѣльцу-предпринимателю наибольшую свободу дѣйствія, въ смыслѣ гибкости и приспособляемости къ условіямъ конкуренціи и конъюнктуры. Тутъ всего болѣе проявляется значеніе такъ называемаго «хозяйскаго ока», т.-е. осуществляется неусыпный надзоръ за всѣмъ ходомъ предпріятія его главы, всецѣло заинтересованнаго въ успѣхѣ дѣла, т.-е. въ той или иной величинѣ прибыли. Дѣлить послѣднюю ни съ кѣмъ не приходится, если весь капиталъ предпріятія свой собственный владѣльца, оттого и называемый предпринимательскимъ. Но конечно, такъ какъ въ настоящее время трудно себѣ даже и представить предпріятіе, которое не прибѣгало бы въ большей или меньшей степени къ кредиту, то это и выражается въ привлеченіи сюда заемныхъ капиталовъ, съ собственниками которыхъ и приходится тогда дѣлиться прибылью, въ видѣ уплачиваемаго за ихъ ссудный капиталъ процента. Но такъ какъ на всю величину послѣдняго собственная прибыль уменьшается, то владѣльцы такихъ предпріятій стараются обыкновенно освободиться отъ своихъ долговъ, и потому тутъ не существуетъ стремленія къ чрезмѣрной задолженности. Указанная однако роль и значеніе «хозяйскаго ока» имѣетъ естественныя предѣлы своей зоркости, а именно: если единоличное предпріятіе черезъ чуръ разрастается, то услѣдить за всѣмъ самъ хозяинъ лично уже не можетъ, а потому онъ вынужденъ бываетъ полагаться отчасти уже на своихъ наемныхъ служащихъ; послѣдніе-же не рѣдко его обманываютъ и даже обкрадываютъ. Вотъ почему иногда чрезмѣрное расширеніе единоличнаго предпріятія есть начало его разрушенія. И въ этомъ-же заключается одинъ изъ недостатковъ этой формы—невозможность быстрого и значительнаго увеличенія его размѣровъ.

Другимъ недостаткомъ,—уже болѣе съ общей народно-хозяйственной точки зрѣнія,—является необеспеченность непрерывнаго существованія такихъ предпріятій, ибо оно можетъ прекращаться со смертію его владѣльца и вслѣдствіе невозможности продолжать веденіе его остающимися наслѣдниками. Впрочемъ, вообще переходъ его къ какому-нибудь наслѣднику есть обычное средство продленія его существованія, особенно если наслѣдуетъ одинъ изъ наслѣдниковъ, становящійся такимъ-же единоличнымъ его владѣльцемъ. Въ противномъ случаѣ предпріятіе изъ единоличнаго переходитъ въ общую собственность или владѣніе (*condominium*), становясь уже многоличнымъ или однимъ изъ видовъ товарищества.

Въ разныхъ странахъ вопросы эти рѣшаются главнымъ образомъ въ силу господствующихъ въ нихъ обычаевъ и порядковъ наслѣдованія. Такъ въ Англіи преобладаетъ начало единонаслѣдія, въ другихъ же дѣлежъ наслѣдства происходитъ поровну. Во Франціи — мечта чуть не каждаго владѣльца не особенно крупнаго предпріятія закончить свою жизнь въ качествѣ такъ называемаго рантье, т. е. лица беззаботно проживающаго на проценты со своего капитала или на пожизненную ренту, въ которую особенно любятъ помѣщать свои деньги одинокіе или бездѣтные бывшіе предприниматели. Предпріятіе же ихъ для такой цѣли при жизни еще владѣльца ликвидируется или продается въ чужія руки.

2. **Полное товарищество** есть какъ бы сліяніе нѣсколькихъ отдѣльныхъ предпріятій въ одно цѣлое или новое образованіе его изъ нѣсколькихъ лицъ, соединяющихъ въ немъ свои капиталы и имущества въ одно нераздѣльное цѣлое. Всѣ такіе полные товарищи несутъ тутъ полную неограниченную отвѣтственность, какъ и въ единоличномъ предпріятіи. Но, отвѣчая другъ за друга, они очевидно должны и вполнѣ довѣрять другъ другу, для чего должны быть очень хорошо лично другъ другу извѣстны, а потому такія предпріятія никогда не могутъ включать въ себѣ много лицъ. Обыкновенно число послѣднихъ ограничивается двумя-тремя и очень рѣдко большимъ числомъ. Такія предпріятія обыкновенно даже носятъ имена своихъ совладѣльцевъ, такъ что наименованіе или фирма ихъ—Ивановъ и Петровъ, и т. п. Благодаря этой формѣ становится возможнымъ создавать сразу болѣе крупное предпріятіе, соотвѣтственно растущимъ масштабамъ современнаго хозяйства. Участіе тутъ нѣсколькихъ лицъ въ веденіи общаго ихъ дѣла даетъ возможность утилизировать различныя способности, которыми обладаютъ эти товарищи; такъ, одинъ изъ нихъ можетъ быть хорошимъ техникомъ, другой коммерсантомъ, въ смыслѣ торговца, третій администраторомъ и т. д., т. е. примѣняется съ успѣхомъ начало раздѣленія труда. Недостатокъ этой формы—ея непрочность и невозможность быстраго рѣшенія вопросовъ, такъ какъ для рѣшенія

всѣхъ дѣлъ требуется полное единогласіе, а не рѣшеніе по большинству голосовъ. Если же кто нибудь изъ членовъ тиходумъ, то рѣшеніе, какъ впрочемъ и во всякихъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, замедляется, а потому можетъ быть упущенъ удачный моментъ. Возникновеніе же сколько-нибудь крупныхъ разногласій можетъ повлечь за собою распадненіе всего дѣла, такъ какъ каждый изъ участниковъ его есть собственникъ своего вложеннаго въ дѣло капитала и можетъ, конечно съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ предварительно установленныхъ условій, требовать выдачи ему его капитала обратно. Капиталь тутъ, слѣдовательно, еще крѣпко связанъ съ собственникомъ, и связь эта чисто личная.

3. Товарищество на вѣрѣ или коммандитное общество есть нѣкоторое видоизмѣненіе или дополненіе полнаго товарищества, а именно—включеніемъ въ составъ послѣдняго новыхъ лицъ,—товарищей на вѣрѣ или коммандитеровъ, вносящихъ сюда свои капиталы, но непосредственно не распоряжающихся ими, а довѣряющихъ ихъ составляющимъ ядро товарищества—полнымъ товарищамъ, отсюда и такое названіе этой формы; внѣшнимъ-же образомъ она носитъ названіе: Ивановъ, Петровъ и К^о, гдѣ подъ компаніей и понимаются эти товарищи на вѣрѣ. Послѣдніе несутъ уже только неполную или ограниченную отвѣтственность—въ размѣрѣ вложенныхъ ими въ данное предпріятіе капиталовъ, и только. Полные же товарищи несутъ и тутъ полную неограниченную отвѣтственность. Въ то же время эти товарищи на вѣрѣ отнюдь не кредиторы, ибо они не въ долгъ даютъ свои капиталы, а становятся какъ бы совладѣльцами или пайщиками. И потому они рискуютъ тутъ своими капиталами, а слѣдовательно получаютъ доходъ не въ видѣ процента, а какъ прибыль, зависящую отъ успѣшности предпріятія. Здѣсь капиталы вкладчиковъ начинаютъ уже нѣсколько обезличиваться, ибо въ сущности входятъ въ дѣло только они, а не ихъ собственники, такъ какъ послѣдніе роли въ управленіи дѣлами почти никакой не играютъ, ограничиваясь лишь контролемъ надъ дѣятельностью полныхъ товарищей-распорядителей. Эта форма даетъ возможность привлекать въ дѣло лицъ, не желающихъ отвѣчать всѣмъ своимъ достояніемъ и имуществомъ, но готовыхъ рискнуть частью его; значитъ, такимъ капиталомъ можно свободнѣе распоряжаться, чѣмъ отданнымъ въ ссуду за опредѣленный процентъ. Однако личная связь съ капиталомъ здѣсь все таки еще есть, и она особенно ясно выражается въ моментъ выхода товарищей на вѣрѣ изъ предпріятія, когда они,—тоже согласно извѣстнымъ предварительнымъ условіямъ,—могутъ требовать возврата имъ вложеннаго въ дѣло собственнаго капитала. Это есть обстоятельство, ставящее такое предпріятіе въ довольно

тяжелое положеніе, такъ какъ трудно вынуть изъ дѣла затраченный уже въ него капиталъ. Выходомъ изъ подобныхъ затрудненій и служить отчасти слѣдующая форма:

4. **Коммандитное товарищество на акціяхъ**, (не во всѣхъ странахъ допускаемое закономъ), отличается отъ простаго коммандитнаго общества тѣмъ, что лица, вкладывающіе въ него свои капиталы, въ удостовѣреніе этого получаютъ особые документы называемые *акціями*, которые всегда вначалѣ бывають личными или *именными*, т. е. написанными на опредѣленное лицо. Акціи эти даютъ право на полученіе соотвѣтственнаго ихъ размѣру и количеству дохода,—колеблющагося въ связи съ успѣхомъ предпріятія, стало быть, прибыли, а не процента;—востребованіе-же капитала обратно уже не допускается. Получить-же его, уходя изъ предпріятія, возможно только путемъ уступки или продажи своей акціи какому-нибудь другому лицу, который такимъ образомъ долженъ замѣнить прежняго ея владѣльца. Слѣдовательно, разъ вложенный въ данное предпріятіе капиталъ въ немъ и остается, не смотря на выходъ изъ предпріятія бывшаго его собственника. Въ этомъ заключается уже гораздо большее обезличеніе капитала, чѣмъ въ простомъ коммандитномъ обществѣ, такъ какъ разрывается связь между нимъ и его собственникомъ, особенно замѣтная въ моментъ ухода послѣдняго изъ предпріятія. Это представляетъ большое преимущество для самого предпріятія, такъ какъ капиталъ его отъ выхода такихъ членовъ не уменьшается. Но, пока акціи еще именныя, все-таки замѣна однихъ коммандитэровъ другими происходитъ не совсѣмъ легко, такъ какъ для этого требуется иногда согласіе стоящихъ во главѣ предпріятія полныхъ товарищей. Послѣдніе несутъ тутъ по прежнему полную неограниченную отвѣтственность, между тѣмъ какъ коммандитэры ограниченную, въ размѣрѣ вложенныхъ ими акцій. Полные товарищи образуютъ и тутъ, слѣдовательно, постоянное или основное ядро предпріятія, будучи съ нимъ вполне еще лично связанными и играющими личную активную роль, между тѣмъ какъ коммандитэры никакой роли почти не играютъ. Преимущества этой формы, въ смыслѣ возможности указаннымъ путемъ привлечь большіе капиталы въ предпріятіе, здѣсь еще больше, чѣмъ въ простомъ коммандитномъ обществѣ. Для осуществленія же полнаго обезличенія капитала остается еще только одинъ шагъ, который и заключается въ переходѣ къ чистому виду акціонерныхъ обществъ.

5. **Акціонерныя общества**. (или компаніи) призваны осуществлять наибольшее обезличеніе капитала, и они этого достигаютъ слѣдующимъ образомъ: весь капиталъ въ нихъ образуется изъ частей,

называемых паями или акціями, принадлежащих неопредѣленной массѣ лицъ, могущихъ свободно мѣняться въ своемъ составѣ.

Всѣ эти лица (акціонеры) несутъ отвѣтственность, ограниченную размѣрами и количествомъ своихъ акцій и ничѣмъ другимъ. И здѣсь нѣтъ лицъ, которыя были бы сколько-нибудь прочно связаны съ этимъ предпріятіемъ, въ родѣ тѣхъ, которыя составляютъ основное ядро въ коммандитныхъ обществахъ, несутъ тамъ полную неограниченную отвѣтственность и лично руководятъ всѣмъ ходомъ дѣла. (Конечно, въ такомъ видѣ осуществляются настоящія акціонерныя общества за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда всѣ акціи или громадное ихъ большинство сосредоточены въ рукахъ у одного лица или немногихъ лицъ; но тогда эта форма предпріятія служитъ только внѣшнимъ прикрытіемъ для крупнаго единоличнаго предпріятія или такъ называемыхъ «семейныхъ товариществъ», возникающихъ ради ограниченія своей отвѣтственности, уклоненія отъ платежа наслѣдственныхъ пошлинъ, для облегченія наслѣдованія, уменьшенія размѣра подлежащихъ уплатѣ промысловыхъ налоговъ и т. п. цѣлей).

Образованіе крупныхъ капиталовъ изъ мелкихъ долей, которыя, взятая въ отдѣльности по нынѣшнему крупному масштабу, не могли бы играть роли капитала, слѣдовательно, *утилизация этихъ мелкихъ суммъ и сбереженій, ограниченіе риска предѣлами акцій, облегченный выходъ* во всякое время изъ предпріятія путемъ простой продажи своихъ акцій любому лицу—вотъ тѣ главныя преимущества акціонерныхъ обществъ, которыя выдвинули ихъ значеніе въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ. Благодаря имъ только и могли осуществляться грандіозныя технико-экономическія сооруженія XIX вѣка, которыя сохраняютъ его неизгладимый слѣдъ въ смыслѣ эпохи быстрого торгово-промышленнаго развитія. Такъ напри- мѣръ, не могли бы иначе возникнуть стоимшія громадныя суммъ денегъ такія сооруженія, какъ прорытіе Суэцкаго и Панамскаго каналовъ, проложеніе трансатлантическаго подводнаго телеграфнаго кабеля, прорытіе тоннелей въ десятки верстъ въ связи съ быстрой постройкой громадной сѣти желѣзныхъ дорогъ, какъ вообще предпріятій по своимъ цѣлямъ и задачамъ совершенно новыхъ и потому особенно рискованныхъ. На такія новыя затѣи не рѣшались идти существовавшіе уже и въ то время очень крупные капиталисты, не желая подвергать риску все свое крупное достояніе цѣликомъ, какъ это было бы, если бы они лично становились во главѣ этихъ предпріятій въ качествѣ единоличныхъ владѣльцевъ или полныхъ товарищей-распорядителей въ коммандитныхъ обществахъ, хотя бы и на акціяхъ. Но они же становились участниками всѣхъ этихъ крупныхъ компаній, на ряду съ болѣе мелкими, вкладывая туда хоть и

значительныя доли своихъ имуществъ, но все таки опредѣленные, въ смыслѣ ограниченной ихъ размѣрами отвѣтственности.

Такая форма предпріятій нѣкоторыми сторонами своей организаціи существовала еще довольно давно, но только ужь ни какъ не въ древнемъ Римѣ, гдѣ къ типу акціон. обществъ нѣкоторые юристы относятъ компаніи откупщиковъ государственныхъ косвенныхъ налоговъ. (*Societas vectigalium publicanorum*). Нельзя эти компаніи считать не только акціонерными, но даже и предпріятіями вообще, ибо онѣ касаются не торгово-промышленной дѣятельности и не частно-правныхъ отношеній, а публично-правового дѣла—взиманія налоговъ. Да и вообще почвы для развитія въ Римѣ настоящаго капитализма вообще не было. Но къ типу акціонерныхъ компаній можно уже отчасти относить союзы, возникавшіе въ Германіи еще въ XII в. съ цѣлью производства горныхъ работъ, на югѣ Франціи—въ мукомольномъ промыслѣ, а также еще болѣе раннія итальянскія *Commenda* XI в. и Генуэзскія морскія товарищества и колониальныя общества XIV в. Еще болѣе капиталистическими обществами были итальянскіе-же союзы кредиторовъ по государственнымъ займамъ—*maona* и *monte*, паи коихъ (*loca*) могли быть переписываемы на другихъ лицъ и размѣрами ихъ ограничивалась отвѣтственность, а владѣльцамъ ихъ обезпечены были извѣстные доходы. Наконецъ, древнѣйшіе банки, какъ напр., генуэзскій Св. Георгія, основ. въ 1404 г., и другіе средневѣковые представляли собой уже общества съ ограниченной отвѣтственностью; но все таки это еще не были настоящія акціонерныя компаніи, въ смыслѣ полной ихъ безличности и отсутствія какихъ бы то ни было лицъ, тѣсно связанныхъ съ самимъ предпріятіемъ. Почва же для нихъ все таки подготовлялась проведеніемъ начала *ограниченной отвѣтственности*. Таковой, на примѣръ, раньше всего добились различныя предпріятія въ Англіи, имѣющія при своей фирмѣ обязательное указаніе на такую именно отвѣтственность (*limited*, въ то время какъ несущія полную неограниченную отвѣтственность обозначаются *illimited*). Къ числу таковыхъ, на примѣръ, относились старинныя Остѣндскія компаніи, какъ англійская, (учрежд. въ 1599 г.), такъ и голландская, возникшая еще раньше; да и вообще въ Голландіи, въ свое время державшей въ своихъ рукахъ чуть не всю колониальную торговлю, раньше слагались формы предпріятій, служившихъ предтечами настоящихъ акціонерныхъ обществъ. Мы не будемъ болѣе останавливаться на исторіи этихъ предпріятій, но не можемъ не указать, что моментомъ ихъ возникновенія и развитія въ полномъ ихъ настоящемъ видѣ слѣдуетъ признать лишь *середину* XIX вѣка. Подтверженіе этому можно найти въ одномъ изъ лучшихъ русскихъ изслѣдованій этого вопроса *А. И. Каминки*, (изъ книги котораго: «Акціонерныя компаніи» почерпнуты нами большинство только что приведенныхъ примѣровъ), который вообще видитъ корни этой формы предпріятій черезъ чуръ далеко въ прошломъ, но въ то же время самъ приводитъ фактъ такого рода, что по англійскому закону 1844 г. «вопросъ объ отвѣтственности участниковъ (компаній) оставленъ былъ безъ разрѣшенія, и, согласно общему праву, акціонеры въ принципѣ *по прежнему отвѣчали солидарно всѣмъ своимъ имуществомъ по дѣламъ компаній*» (курсивъ нашъ) ¹⁾. Но разъ, что это была такая именно—солидарная и неогра-

¹⁾ *А. И. Каминка*. Акціонерныя компаніи (юридическое изслѣдованіе). 1902, стр. 225.

ниченая—отвѣтственность, то это еще отнюдь не акціонерная компанія, а одна изъ формъ товариществъ или командитныхъ обществъ. Между тѣмъ въ развитіи этихъ формъ предпріятій Англія шла впереди другихъ странъ, какъ меньше связанная устарѣлыми традиціями и основами Римскаго права

Вообще позднее развитіе чистаго вида акціонерныхъ обществъ, по нашему мнѣнію, объясняется, съ одной стороны, этимъ задерживающимъ вліяніемъ римскаго права, а съ другой,—тѣми многочисленными злоупотребленіями и спекуляціями, которыя издавна оказались тѣсно связанными даже съ зачаточными формами этихъ предпріятій, т. е. тогда еще, когда акціи были еще исключительно именными, но сравнительно легко переписываемыми на другихъ лицъ.

Настоящему акціонерному обществу нѣтъ даже мѣста въ конструкціи формъ предпріятій, построенной на началахъ чистаго римскаго права, въ которомъ вообще *лицо* (persona) всегда господствовало надъ *вещью* (res), и потому безличныхъ или совершенно анонимныхъ обществъ не могло и не должно было быть. Поэтому въ умахъ законодателей, развившихъ свое мышленіе на началахъ римскаго права, никакъ не укладывалась мысль о такой формѣ предпріятій, и потому ей долго ставились такія формальныя препятствія.

Съ другой стороны, связанныя съ первообразами еще акціонерныхъ обществъ злоупотребленія и спекуляціи, приводили къ недовѣрчивому къ нимъ отношенію со стороны правительствъ разныхъ странъ, до XIX вѣка считавшихъ своимъ долгомъ, (по началамъ прежняго полицейско-правоваго своего строя), опекать своихъ гражданъ вообще и въ частности охранять ихъ отъ вовлеченія въ невыгодныя или черезъ чуръ рискованныя сдѣлки учредителями акціонерныхъ обществъ. Послѣдніе же вслѣдъ за учрежденіемъ обществъ могли вѣдь немедленно выходить изъ нихъ сухими изъ воды, но съ большой прибылью отъ перепродажи своихъ акцій или вложенныхъ въ дѣло имуществъ, часто только и приобрѣтаемыхъ для такой цѣли, равно какъ обремененіемъ общества разными невыгодными для него договорами, изъ заключенія коихъ сами они съумѣли извлечь для себя большія выгоды.

Отсюда и вытекалъ сперва вездѣ господствовавшій порядокъ возникновенія акціонерныхъ обществъ, называемый *концессионнымъ* или *разрѣшительнымъ*. Это значитъ, что каждое такое предпріятіе должно было получать особое для себя разрѣшеніе, при чемъ вопросъ разсматривался по существу, т. е. съ точки зрѣнія общественной пользы такихъ предпріятій, вѣроятности ихъ успѣха и т. п. Теперь этотъ порядокъ въ видѣ общаго правила сохраняется только у насъ въ Россіи, хотя уже давнымъ давно, еще въ 70-хъ г.г. прошлаго вѣка, у насъ созрѣло уже убѣжденіе въ его безцѣльности, по край-

ней мѣрѣ по отношенію къ большинству самыхъ обыкновенныхъ предпріятій, не имѣющихъ крупнаго общественнаго значенія, въ родѣ желѣзныхъ дорогъ общаго пользованія и пользующихся правительственной гарантіей доходности.

Недостатки этой формы разрѣшенія акціонерныхъ обществъ заключаются въ слѣдующемъ: чисто правительственнымъ учрежденіямъ трудно разбираться въ необходимости и вѣроятной успѣшности предпріятій чисто торгово-промышленныхъ, особенно именно новыхъ или пролагающихъ новые пути для промышленности, сами по себѣ рискованные, а потому и предназначенные для акціонерныхъ обществъ, рискъ въ которыхъ ограниченъ и разбивается на мелкія части. Затѣмъ, одно разрѣшеніе даваемое правительствомъ тѣмъ самымъ въ глазахъ публики какъ бы гарантируетъ успѣхъ дѣла; а если такового не будетъ, то на правительство обращаются и нареканія. Наконецъ, исходатайствованіе такихъ разрѣшеній въ свое время породило какъ бы особый промыселъ и типъ предпринимателей-концессионеровъ, которые не всегда чистыми путями добывали эти концессіи, а заполучивъ ихъ, иногда сейчасъ же за большія деньги продавали ихъ другимъ лицамъ. Между тѣмъ по существу дѣла учредители, какъ и простые акціонеры, ничѣмъ прочно не связаны съ самимъ предпріятіемъ; значитъ, уходить изъ него они всегда могутъ путемъ простой продажи или передачи своихъ акцій любому лицу; а въ этомъ и заключается одна изъ существенныхъ особенностей именно данной формы предпріятій.

Вообще-же всякія попытки ограниченія свободы приобрѣтенія и перемѣщенія акцій изъ однихъ рукъ въ другія, лишая капиталъ въ этой формѣ его легкой подвижности, совершенно искажаютъ природу акціонерныхъ обществъ и тѣхъ условій, которыя вызвали ихъ появленіе въ практической жизни. При этомъ въ особенности нецѣлесообразны и несправедливы ограниченія приобрѣтенія акцій лицами тѣхъ изъ иныхъ національностей, такъ какъ акціонерный капиталъ въ особенности, какъ и всякій вообще, долженъ быть безличнымъ. Да въ дѣйствительности цѣль такихъ ограниченій совсѣмъ и не достижима, такъ какъ владѣть акціями, какъ и распоряжаться ими, всегда возможно черезъ подставныхъ лицъ, какъ мы увидимъ далѣе при разсмотрѣніи порядковъ управленія акціонерными обществами.

Въ виду всего этого въ западной Европѣ давно уже упрочился другой порядокъ учрежденія акціонерныхъ обществъ, а именно— *явочный или регистровочный*, сводящійся къ слѣдующему: отъ учреждаемыхъ обществъ требуется явка или заявленіе о желаніи возникнуть, при чемъ долженъ быть выработанъ и предъявленъ

уставъ, соотвѣтствующій извѣстнымъ заранѣе установленнымъ общимъ нормативнымъ требованіямъ. Тогда общество заносится въ соотвѣтственные реестры или регистры и оно считается открытымъ, когда будетъ собранъ необходимый для него *основной или складочный капиталъ* (весь цѣликомъ или-же иногда лишь извѣстная часть его). Только пока онъ онъ не собранъ, т. е. если при подпискѣ на акціи дозволяется вносить не всю сумму сразу, выдаются временныя квитанціи, которыя большею частью бывають именныя, замѣняемыя при полной оплатѣ ихъ, а иногда и при частичной даже, настоящими безыменными акціями.

Интересный вопросъ возникаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда предварительная подписка на акціи *превыситъ* требуемую сумму капитала, а именно: кого удовлетворять вполнѣ—крупныхъ или мелкихъ подписчиковъ—будущихъ акціонеровъ?—Исходя изъ главнѣйшаго назначенія акціонерныхъ обществъ—утилизировать мелкіе капиталы, соединяя ихъ въ крупныя общія суммы—слѣдуетъ отдавать предпочтеніе мелкимъ подписчикамъ, ибо крупные легче могутъ найти помѣщеніе своимъ капиталамъ, и потому слѣдуетъ дѣлать обратно-пропорціональную разверстку подписныхъ суммъ. Но тутъ сейчасъ возникаетъ затрудненіе—какъ убѣдиться въ подлинности подписчика, т. е. для себя ли онъ подписывается или по порученію крупнаго капиталиста, желающаго такимъ путемъ захватить на свою долю побольше акцій?

Порядокъ управленія акціонерными обществами сводится къ слѣдующему: *Общее собраніе*, въ которомъ участвуютъ всѣ хозяева, т. е. имѣющіе право голоса акціонеры, которое провѣряетъ или отчасти направляетъ дѣйствія *Правленія, Совѣта* или *Управленія*, т. е. постоянныхъ органовъ Общества, въ сущности и ведущихъ все его дѣло. Члены совѣта и правленія или директора избираются общимъ собраніемъ на извѣстные сроки изъ состава самихъ акціонеровъ или изъ постороннихъ лицъ и получаютъ опредѣленное заранѣе (обыкновенно крупное) вознагражденіе за свой трудъ, а кромѣ того и нѣкоторыя доли прибыли по постановленію Общаго Собранія акціонеровъ (танъемы и т. п.).

Такимъ образомъ веденіе дѣла находится не въ рукахъ самихъ владѣльцевъ капитала (въ видѣ акцій), которыхъ съ одной стороны слишкомъ много для управленія, а съ другой—они часто ничего въ немъ не понимаютъ, да и часто мѣняются въ своемъ составѣ. Даже и на общихъ собраніяхъ для большинства ихъ отчеты и смѣты бывають совершенно непонятны, такъ какъ они составляются на особомъ языкѣ—для нихъ иностранномъ, называемомъ бухгалтеріей.

Ихъ интересуется главнымъ образомъ конечный результатъ, вы-

ражающійся въ большей или меньшей прибыли на капиталъ, такъ называемомъ здѣсь *дивидендъ* (отъ слова *dividere* — дѣлить, т. е. распредѣлять прибыль по числу и размѣру акцій). Если дивидендъ великъ, то курсъ, т. е. цѣна акцій идетъ въ гору, и ихъ тогда можно съ выгодой перепродать. Для этого иногда дивидендъ раздувается искусственно, напримѣръ, посредствомъ заключеннаго для этого займа, который тогда бываетъ удачно замаскированъ въ отчетѣ. Въ концѣ концовъ оказывается, что всѣмъ дѣломъ ворочаютъ наемныя лица—члены Правленія, директора и т. п., т. е. не настоящіе владѣльцы предпріятія, какъ во всѣхъ другихъ формахъ предпріятій. Потому-то и можно считать, что здѣсь разъ вложенный въ дѣло капиталъ есть какъ-бы самостоятельный факторъ, хозяинъ этого безличнаго имущества (юридическаго лица), тогда какъ владѣльцы акцій—случайные временные хозяева, въ веденіи дѣла прямого участія не принимающіе. На общемъ собраніи однако у болѣе крупныхъ акціонеровъ развивается особый интересъ къ дѣлу, когда они желаютъ попасть сами въ правленіе, ради большихъ окладовъ содержанія и вообще ради вліянія на веденіе дѣла. И если распредѣленіе голосовъ на общемъ собраніи производится на началахъ обратной пропорціональности числа акцій или ограничивается известнымъ максимумомъ для отдѣльныхъ лицъ (крупныхъ акціонеровъ), то часто дѣлается то-же, что и при подпискѣ на акціи, т. е. вводятся въ собраніе подставные или дутые акціонеры, между коими на время распредѣляются акціи крупныхъ ихъ владѣльцевъ или даже залоговыя на нихъ квитанціи, (ибо акціи, какъ и всякія цѣнныя бумаги, можно закладывать, а право голоса, какъ и собственность, остается за закладчикомъ).

Въ составѣ акціонерныхъ обществъ, кромѣ собственныхъ складочныхъ капиталовъ, бываютъ и еще другого рода капиталы, а именно: *занятыя* у постороннихъ лицъ подъ особыя обязательства или процентныя бумаги, называемыя *облигаціями*, соотвѣтственно чему и самый такой капиталъ называется *облигаціоннымъ*. На облигаціи выдается выговоренный заранѣе доходъ или плата за этотъ капиталъ, т. е. *процентъ*, въ отличіе отъ колеблющейся прибыли на акціи (дивиденда). Владѣльцы облигацій являются *кредиторами* для общества, и они еще меньше чѣмъ акціонеры могутъ вліять на ходъ дѣлъ въ данномъ предпріятіи. Если дѣла общества идутъ хорошо, то для расширенія дѣлъ выгоднѣе бываетъ выпустить облигаціи вмѣсто акцій, потому что уплачивая по нимъ, положимъ 5%, а наживая на этомъ чужомъ капиталѣ 10%, разницу акціонеры могутъ класть себѣ въ карманъ, да и хозяевъ новыхъ въ дѣлѣ не будетъ. Вотъ почему, здѣсь, въ противоположность единичнымъ

предпріятіямъ, развивается иногда *стремленіе къ задолжанію*. Таковы главные достоинства и недостатки этой формы предпріятій.

Въ заключеніе приведемъ нѣкоторыя данныя о развитіи акціонерныхъ предпріятій у насъ въ Россіи.

Въ цитированной книгѣ А. И. Каминки находится довольно полная исторія развитія у насъ акціонерныхъ обществъ, но скорѣе законодательства ихъ касающагося. Авторъ этотъ приходитъ между прочимъ въ слѣдующему заключенію: «Этого краткаго очерка исторіи акціонернаго дѣла до образованія Россійско-Американской компаніи, какъ намъ кажется, совершенно достаточно для того, чтобы считать обоснованнымъ высказанное нами положеніе, что исторія этой ассоціаціи у насъ болѣе старая, чѣмъ это обыкновенно думаютъ, что далѣе, хотя они къ намъ были перенесены съ Запада, тѣмъ не менѣе это перенесеніе не произошло силой одного какого-либо правительственнаго акта. Хотя, несомнѣнно, правительственный актъ (изданный Петромъ Великимъ 27 октября 1699 г.) предшествовалъ частной инициативѣ, тѣмъ не менѣе, частная инициатива не оставалась безучастной свидѣтельницей... Только проекты, которые подавались правительству учредителями, обнаруживали извѣстную жизнеспособность» ¹⁾. Съ этимъ взглядомъ можно пожалуй согласиться, но лишь съ нѣкоторыми оговорками, а именно: изъ приводимыхъ у этого автора историческихъ данныхъ видно, что съ начала XVIII в. у насъ издавались законодательные акты о нѣкоторыхъ торговыхъ компаніяхъ для торговли по преимуществу съ чужими странами или для торговли у насъ чужестраннымъ компаніямъ, въ родѣ Миссисипской, для торговли съ Испаніей, Пекиномъ и др.; но въ сущности первымъ *подобіемъ* акціонерной компаніи была дѣйствительно учрежденная въ 1757 г. «Россійская въ Константинополѣ торгующая компанія». Первой же почти настоящей акціонерной компаніей была «Россійско-Американская» учрежденная, или вѣрнѣе преобразованная, 8 іюля 1799 г. Впервые же точно въ законѣ признано было начало отвѣтственности, ограниченной однимъ складочнымъ капиталомъ, т. е. одними акціями, только актомъ 6 сентября 1805 г. Но долго еще директорами компаній у насъ должны были быть непременно сами учредители ихъ или, по крайней мѣрѣ, акціонеры. Указъ 1805 г. легъ въ основу прежней ст. 1389 тома X, ч. I Свода Зак., изд. 1835 г., а затѣмъ и дѣйствующей ст. 2172 того же тома, гдѣ акціонерныя общества названы, въ противоположеніе другимъ видамъ товариществъ—*товариществами по участкамъ*.

Что касается до *числа акціонерныхъ обществъ въ Россіи* и находящихся въ ихъ пользованіи капиталовъ, то точныхъ историческихъ данныхъ тутъ также нѣтъ, какъ и для фабрично заводскихъ предпріятій; имѣющіяся же за нѣкоторые періоды данныя между собой не сравнимы, ибо собраны были по разнымъ системамъ.

Такъ за время съ 1799 по 1881 г.г. было учреждено всего 883 акц. комп. съ капиталомъ въ 1810,3 милл. р., въ числѣ ихъ находились: банковыхъ и кредитныхъ 77, съ капит. 279 м. р., жел. дор. 72, канит. 918,6, пароходныхъ 67, капит. 69,6, страховыхъ 37, капит. 51,1, сахарныхъ 91, капит. 54, промышл. всякаго рода 362, капит. 332,4 и торговыхъ 30, капит. 27,5 м. р. Число ихъ увеличивалось очень медленно до 1855—60 г.г., именно десятками въ годъ, а въ слѣдующіе годы отъ 44 до 227.

¹⁾ А. Каминка, назв. соч. стр. 352.

Къ 1898 г. въ Россіи дѣйствовало: *русскихъ* акц. общ.:

	милл. р.		милл. р.	
<i>промышленныхъ</i>	847 съ осн. кап.	въ 1.128,2	и запаснымъ	111,8
<i>торговыхъ</i>	184 » » »	» 379,4	» »	104
всего	1.031 » » »	» 1.508,2	» »	215,8

Иностранныхъ обществъ было: *промышленныхъ* 91, капиталы 39 изъ коихъ неизвѣстны, а у остальныхъ было: *основныхъ*: 180,8 милл. франк., 875,2 милл. ф. ст., 1,3 м. мар., 0,5 м. гульд. и 0,2 м. руб. кред. и *запасныхъ* капит. 7,6 милл. фр., 0,3 м. ф. ст.

Торговыхъ было 24, изъ коихъ съ неизвѣстнымъ капит. 13 комп., а у остальныхъ было *основн.* капит. 232,1 милл. фр. и *запасн.* 40,9 м. фр. Изъ этого общаго числа 1.146 русскихъ и иностр. акц. компаній 933 или 80,9% было промышленныхъ и 208 или 19,1% торговыхъ.

Изъ послѣдней категоріи только 55 или $\frac{1}{4}$ были товарно-торговья общества, а остальные $\frac{3}{4}$ были кредитныя, страховыя и транспортныя.

Для характеристики *дѣйствующихъ* въ Россіи въ настоящее время акціонерныхъ предпріятій (кромѣ кредитныхъ и желѣзнодорожныхъ) приводится таблица (на слѣдующей страницѣ), данныя которой заимствованы изъ послѣдняго опубликованнаго въ 1914 г. Мин—мъ Торг. и Пром. отчета¹⁾.

Изъ таблицы этой видно, что въ общемъ за три года (съ 1911 по 1914) произошло увеличеніе однихъ основныхъ акціонерныхъ капиталовъ съ 2,1 до 3,3 миллиардовъ р. въ русскихъ обществахъ и съ 281 до 387 миллионъ въ иностранныхъ, при увеличеніи численности предпріятій русскихъ съ 1.459 до 1.977 и иностранныхъ съ 196 до 320, при чемъ еще исключено изъ первыхъ ликвидировавшихъ свои дѣйствія и впавшихъ въ несостоятельность 68, и изъ вторыхъ—23, слѣдовательно число первыхъ увеличилось абсолютно на 587 и вторыхъ на 57.

Прибыль предпріятій въ общемъ среднемъ выводѣ уменьшилась на 20%, что не помѣшало ей въ отдѣльныхъ группахъ значительно увеличиться, какъ напр., въ добычѣ и обработкѣ желѣза и въ производствѣ металлическихъ издѣлій, въ которыхъ она въ % на основной капиталъ чуть не удвоилась (съ 8 на 15 и съ 6 на 10), при чемъ въ первой изъ этихъ отраслей промышленности произошло чуть не удвоеніе же основного капитала—съ 173 милл. на 333, что также произошло и въ машиностроеніи, гдѣ основной капиталъ увеличился съ 168 милл. на 307 только въ однихъ русскихъ обществахъ, и съ 44 милл. на 100 въ иностранныхъ. Процентныхъ выраженій прибыли для цѣлыхъ группъ промышленности и въ общихъ итогахъ не приведено въ официальномъ источникѣ, (изъ котораго взяты эти цифры), вѣроятно вслѣдствіе неоднородности системъ отчетности, что вообще составляетъ большой ея недостатокъ. Въ данныхъ же, касающихся отдѣльныхъ предпріятій, но далеко не во всѣхъ, приводятся величины дивидендовъ въ %-хъ къ основнымъ капиталамъ, болѣе или менѣе соответствующія тѣмъ среднимъ величинамъ прибылей, которыя вычислены нами по отношенію къ основнымъ капиталамъ. Но какъ всякія слишкомъ

¹⁾ Сборникъ свѣдѣній о дѣйствующихъ въ Россіи акціонерныхъ обществахъ и товариществахъ на паяхъ. Изд. Мин. Тор. и Пром. 1914 г.

Акционерныя общества.		Число пред- пріятій.	Въ тысячахъ рублей.							
			Капиталы.			Обли- гаціон. долгъ.	Прибыль въ % ²⁾ .			
			Основ- ной ¹⁾ .	Запас- ной.	Осталь- ной.		До 1914 г.	До 1914 г.	До 1911 г.	
Группы по роду дѣятель- ности.										
I. Обраб. волокн. вещ.	{р.	306	667.663	102.976	49.694	29.184	88.736	13,2	15,4	
	{и.	15	40.537	—	—	—	4.366			
II. Обраб. пищев. прод.	{р.	376	390.302	31.945	21.998	3.021	29.497	7,5	17,7	
	{и.	3	1.858	—	—	—	163			
III. Обраб. животн. пр.	{р.	34	44.615	5.112	2.643	283	6.077	13,5	13,4	
	{и.	1	375	—	—	—	1			
IV. Лѣсн. пром. и обраб. деревъ.	{р.	72	66.945	3.214	1.292	—	4.186	6,2	7,6	
	{и.	6	2.562	—	—	—	72			
V. Пр. бумажн., поли- граф. и издат. дѣло.	{р.	90	87.459	6.092	4.506	3.056	8.630	9,9	10,1	
	{и.	101	148.564	39.666	16.465	12.899	27.202	18,3	19,0	
VI. Химическ. произв.	{р.	13	9.317	—	—	—	495			
	{и.	41	123.459	8.386	6.782	884	8.743	7,0	12,5	
VII. Доб. и обр. металл. (кромѣ желѣза).	{р.	14	60.335	—	—	—	4.009			
	{и.	76	333.981	39.318	8.626	51.534	50.287	15,0	8,0	
VIII. Добыча и обраб. же- лѣза.	{р.	23	78.108	—	—	—	11.947			
	{и.	95	307.100	38.963	5.922	17.349	25.460	8,2	8,5	
IX. Машиностроеніе.	{р.	17	106.688	—	—	—	1.770			
	{и.	54	40.681	2.322	449	1.389	4.510	11,0	6,7	
X. Произв. металлч издѣлій.	{р.	12	11.920	—	—	—	922			
	{и.	167	446.593	32.097	32.490	41.564	65.367	12,2	12,1	
XI. Добыча и обработ. ископ.	{р.	58	178.478	—	—	—	11.298			
	{и.	81	111.652	7.634	2.754	1.948	14.609	13,1	11,7	
XII. Обраб. минер. вещ.	{р.	12	13.234	—	—	—	3.121			
	{и.	191	209.220	15.867	11.064	1.215	18.112	8,9	12,5	
XIII. Торговля.	{р.	1	78	—	—	—	—			
	{и.	35	26.145	228	71	—	157	6,0	11,6	
XIV. Комисс. торг. и ком. агентурн. дѣят.	{р.	3	1.510	—	—	—	78			
	{и.	159	212.828	6.776	3.711	9.728	15.977	7,5	9,0	
XV. Благоустр. населен. мѣстн. ⁴⁾	{р.	45	78.811	—	—	—	5.940			
	{и.	50	79.551	12.067	8.927	4.678	10.929	13,7	10,8	
XVI. Пароходство.	{р.	25	21.535	1.178	404	—	1.499	6,9	7,3	
	{и.	5	9.535	—	—	—	847			
XVII. Товарно-складочн., транспортн. и ко- мис. ссудн. опер.	{р.	19	48.487	13.942	226.579	9.196	7.333	15,1	20,8	
	{и.	2	— ³⁾	—	—	—	113			
Всего.	русск.	{до 1914 г.	1977	3.376.780	367.783	404.377	187.928	387.111	11,4	13,2
		{до 1911 г.	1459	2.175.132	266.021	394.241	171.654	281.671		
	иностр.	{до 1914 г.	320	587.347	—	—	—	44.916	7,6	7,0
		{до 1911 г.	196	410.348	—	—	—	28.767		

Примѣчанія къ таблицѣ: 1) У иностр. общ. вмѣсто основн. кап. показаны выдѣленные для операций въ Россіи; 2) Прибыль вычислена нами на основной кап. (до вычетовъ изъ него въ другіе); 3) Иностр. общ. вносятъ обезпеченія и резервы; 4) Тутъ заключаются слѣд. подгруппы: освѣщеніе электр. и газовое, трамваи и конно-жел. дор., автомобильн. и извозн. сообщ., телефоны, телеграфы, водоснабженіе, гостинницы и рестораны, торгов. помѣщенія, домовладѣльч. и строител. ън. предпр. и др. задачи мѣстн. благоустр. не вошедшія въ указан. подгруппы.

обобщенныя среднія величины онѣ годятся лишь для болѣе грубыхъ сравненій или для болѣе наглядности. Такъ въ наиболѣе прибыльной изъ всѣхъ группъ—въ страховомъ дѣлѣ, при общемъ уменьшеніи прибыли (съ 1911 по 1914 г.г.) съ 20 на 15⁰/₀, предѣлы колебаній показанныхъ въ отчетахъ дивидендовъ въ ⁰/₀ къ основнымъ капиталамъ весьма велики, а именно отъ 6 до 30; въ группѣ по обработкѣ питательныхъ продуктовъ, при общей средней величинѣ прибыли въ 7,5⁰/₀, дивидендъ въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ—напр., въ свеклосахарныхъ и рафинадныхъ—достигаетъ нерѣдко 25 и въ одномъ даже 31⁰/₀. Между тѣмъ въ этой именно послѣдней отрасли промышленности практикуется правительственная нормировка—и искусственное ограниченіе количества сахарнаго песка, выпускаемаго на внутренній рынокъ,—объ общемъ значеніи каковой мѣры далѣе говорится особо.

На ряду съ указанными акціонерными обществами и товариществами на паяхъ въ Россіи существуетъ еще цѣлый рядъ такъ называемыхъ *торговыхъ домовъ*, учрежденныхъ въ видѣ *товариществъ полныхъ и на вѣрѣ*, на основаніи ст.ст. 55—76 Уст. Торговаго (Св. Зак. т. XI, изд. 1903 г.). Число этихъ домовъ постепенно увеличиваясь, достигло въ 1911 г. общей цифры 6.063, изъ коихъ 2.237 относятся къ предпріятіямъ *промышленнымъ* и 3.826 къ *торговымъ*. Общій размѣръ принадлежащихъ имъ капиталамъ превышаетъ 300 милліон. руб. ¹⁾.

Сравнительная оцѣнка достоинствъ и недостатковъ капиталистическихъ предпріятій.

Сравнивая между собою различныя разсмотрѣнныя формы предпріятій, мы видимъ, что однѣ изъ нихъ обладаютъ одними, а другія иными *достоинствами и недостатками*, на которыя и было указываемо въ своемъ мѣстѣ. Теперь же въ заключеніи мы сдѣлаемъ всему этому изслѣдованію ихъ нѣкоторую общую сводку и оцѣнку съ болѣе широкой народно-хозяйственной точки зрѣнія.

Прежде всего слѣдуетъ признать, что всѣ капиталистическія предпріятія, будучи основаны на противоположеніи интересовъ труда и капитала, представляютъ собою наиболѣе совершенную организацию въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1, наилучшее обезпеченіе интересовъ капитала — полученіе наибольшей на него прибыли, 2, свободное и быстрое измѣненіе и улучшеніе техники — введеніе различныхъ новыхъ усовершенствованій; 3, приспособляемость къ колебаніямъ элементовъ конъюнктуры и 4, наиболѣе строгій и дѣйствительный контроль надъ трудомъ рабочихъ, являющихся здѣсь лицами, непосредственно подчиненными владѣльцамъ предпріятій или управляющимъ ими лицамъ.

¹⁾ Наиболѣе подробныя свѣдѣнія о нихъ находятся въ изданіи Мин-ва Торг. и Пром. подъ названіемъ „Сборникъ свѣдѣній о дѣйствующихъ въ Россіи торговыхъ домахъ 1912 г.“.

Далѣе заслуживаетъ вниманіе то, что переходъ отъ единоличныхъ предпріятій къ многоличнымъ или товарищескимъ знаменуетъ собою, во-первыхъ, *слиянiе* воедино предпріятій, до этого *конкурировавшихъ* между собою, а, во-вторыхъ, отъ этого происходитъ *увеличеніе* или *расширеніе размѣровъ* предпріятій. Въ этомъ осуществляется неоднократно указанная одна изъ тенденцій въ развитіи современнаго капиталистическаго хозяйства. Но тенденція эта лишь одна изъ наиболѣе типичныхъ, а не исключительная, также какъ это было указано и относительно измѣненія и развитія *формъ промышленности* (въ предъидущей главѣ). И тамъ, и тутъ торжество болѣе крупныхъ формъ предпріятій надъ мелкими не приводитъ къ полному исчезновенію послѣднихъ или замѣнѣ ихъ первыми,—какъ напр., развитіе крупной фабрично-заводской промышленности лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ губитъ соотвѣтственное ремесло или мелкую домашнюю промышленность; но это отнюдь не приводитъ еще къ полной гибели ремесленниковъ вообще, абсолютно даже увеличивающихся въ своей численности вообще и по мѣрѣ роста городской жизни въ особенности.

Точно также и увеличеніе численности капиталистическихъ товариществъ вовсе не влечетъ за собою полной гибели или сокращенія единоличныхъ предпріятій, а среди послѣднихъ къ исключительному торжеству однихъ крупныхъ. Присущія послѣднимъ несомнѣнныя техническія и экономическія преимущества не обезпечиваютъ еще имъ, значитъ, безспорной побѣды въ этой борьбѣ за существованія различныхъ формъ и размѣровъ предпріятій.

Вторая тенденція, на которую въ экономической литературѣ до послѣдняго времени обращалось сравнительно мало вниманія, — это процессъ *обезличенія капитала*, который нами было особенно подчеркнуть. Выражается это во-первыхъ, въ *уменьшающейся активной личной роли собственниковъ или владѣльцевъ капитала*, тогда какъ послѣдній самъ по себѣ становится все болѣе и болѣе самостоятельной силой, и во-вторыхъ, въ *ослабленіи* и даже *въ разрывѣ связи между тѣмъ и другимъ*, что особенно замѣтнымъ дѣлается въ моменты выхода участниковъ изъ товариществъ коммандитныхъ на акціяхъ или настоящихъ акціонерныхъ (*люди — уходятъ, а капиталы вложенные ими въ предпріятія въ послѣднихъ остаются*).

Но есть, наконецъ, еще одна третья особенность новѣйшаго капитализма, какъ бы идущая прямо въ разрѣзъ съ первой изъ вышеуказанныхъ,—это явленіе, присущее въ особенности акціонернымъ предпріятіямъ и выражающееся въ *образованіи ихъ изъ частицъ капитала, самихъ по себѣ нрѣдко довольно мелкихъ*. Такимъ образомъ какое-нибудь грандіозное акціонерное предпріятіе отнюдь не выражаетъ еще собою *одновременной концен-*

трации и промышленности, и состояній, т.-е. уменьшенія численности и увеличенія размѣровъ предпріятій, съ одной стороны, и сосредоточенія ихъ съ другой стороны въ рукахъ все болѣе и болѣе уменьшающагося числа ихъ владѣльцевъ, дѣлающихся все болѣе и болѣе крупными магнатами промышленности, (какими въ былое время бывали крупные феодальные помѣщики). Напротивъ въ составъ хозяевъ или владѣльцевъ акціонерныхъ компаній все болѣе и болѣе входятъ лица, обладающія незначительнымъ числомъ мелкихъ акцій. Конечно, нѣтъ и не можетъ быть хотя бы приблизительной статистики распредѣленія акцій между ихъ владѣльцами, ибо акціи въ громадномъ большинствѣ своемъ безыменны и потому быстро и легко переходятъ изъ однихъ рукъ въ другія. А эта постепенно растущая категорія лицъ, владѣющихъ небольшимъ количествомъ акцій, представляетъ собою какъ бы особый въ психологическомъ и социальномъ-политическомъ отношеніи классъ лицъ, съ одной стороны, живущихъ главнымъ образомъ своимъ тѣмъ или инымъ трудомъ, а съ другой — вкушающихъ прелесть обладанія капиталомъ, въ смыслѣ имущества, доставляющаго безъ труда нѣкоторый доходъ его владѣльцамъ.

На эту сторону дѣла обратили особенное вниманіе такъ называемые—*ревизионисты*, раньше всего въ лицѣ *Эд. Бернштейна* сперва въ разныхъ мелкихъ его трудахъ, а затѣмъ въ наиболѣе извѣстномъ его сочиненіи: «Die Voraussetzungen des Sozialismus etc.» переведенномъ и на русскій языкъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Подъ именемъ «ревизионизма» въ рядахъ нѣмецкой социаль-демократіи понимается критическое или скептическое отношеніе къ ортодоксальной догмѣ марксистскаго ученія и въ особенности къ одному изъ основныхъ его положеній,—что преобразование современныхъ формъ хозяйства въ социалистическій строй будущаго осуществится путемъ концентраціи промышленности и хозяйства вообще въ рукахъ все болѣе и болѣе крупнѣйшихъ капиталистовъ, число которыхъ постепенно должно уменьшаться (концентрація въ тоже время состояній), чему должна противопоставляться соотвѣтственно растущая пролетаризація остальной части населенія. Самое-же преобразование должно произойти путемъ переворота (*Zusammenbruch*'а) или крушенія капиталистическаго строя (см. выше приведенный взглядъ *Энгельса*, стр. 187 и сл.). Вотъ этимъ-то предположеніямъ и противорѣчатъ въ особенности только что приведенные факты образованія мелкихъ и потому какъ бы не настоящихъ капиталистовъ въ лицѣ владѣльцевъ небольшихъ количествъ акцій, которые уже не могутъ искренне сочувствовать полному и въ особенности внезапному исчезновенію капиталистическаго строя современнаго хозяйства.

Въ названномъ сочиненіи Бернштейна приводятся нѣкоторыя статистическія данныя объ этомъ явленіи, преимущественно изъ англійскихъ источниковъ, въ родѣ слѣдующихъ:

Англійскій ниточный трэстъ насчитываетъ не менѣе 12.300 акціонеровъ, изъ коихъ:

6.000	собственниковъ осн. акцій	каждый въ среднемъ съ	1.200	мар. кап.
4.500	»	» привилегир. акцій	» 3.000	»
1.800	»	» облигацій	кажд. въ средн.	» 6.000 » ¹⁾

Къ этимъ, какъ и другимъ подобнымъ примѣрамъ намъ придется еще обратиться для болѣе подробнаго ихъ разсмотрѣнія въ отдѣлѣ о распредѣленіи доходовъ; здѣсь же пока приведемъ только еще слѣдующій примѣръ, заимствованный у Бернштейна же, а именно: «За время съ 1851 по 1881 г.г. въ Англии насчитывалось семействъ съ доходомъ въ 150—1.000 фунт. стерл. (около 10 р.), въ 1851 г. около 300.000 и въ 1881 г. около 900.000.

Населеніе за это 30-ти-лѣтіе увеличилось въ отношеніи 27 : 35, т.-е. едва на 30%, численность же этого класса доходовъ въ отношеніи 27 : 90, т.-е. на 233 $\frac{1}{3}$ %. Въ настоящее же время (конепъ XIX в.) Джиффенъ исчисляетъ этотъ классъ въ 1 $\frac{1}{2}$ милліона плательщиковъ податей.

Въ Пруссіи въ 1854 г., какъ на это въ свое время указывалъ еще Лассаль, при населеніи въ 16,3 милліона было только 44.407 лицъ съ доходомъ свыше 1.000 талеровъ (3.000 мар.); а въ 1894—95 г.г. при общемъ населеніи почти въ 33 милліона оказалось 321.296 лицъ, при обложеніи налогомъ показавшихъ доходъ свыше 3.000 мар., и въ 1897—1898 г.г. число ихъ поднялось до 347.328 человекъ. Значитъ, въ то время, какъ населеніе только удвоилось, слой лучшихъ поставленныхъ классовъ увеличился болѣе чѣмъ въ семь разъ²⁾.

Слѣдовательно, число собственниковъ растетъ и абсолютно, и относительно; а акціонерная форма предпріятій является однимъ изъ наиболѣе содѣйствующихъ этому факторовъ или условій. Быть капиталистомъ въ современномъ смыслѣ этого слова вовсе не значитъ стоять во главѣ какого-нибудь промышленнаго или производительнаго предпріятія, т.-е. непосредственно получать производимую свободными наемными рабочими прибавочную цѣнность. Капиталистъ есть владѣлецъ и предпринимательскаго, и сеуднаго капитала. Послѣднее лицо всегда стоитъ вдалькѣ отъ непосредственнаго производства какихъ-либо продуктовъ; но и капиталистъ-предприниматель, въ лицѣ въ особенности владѣльцевъ акцій, стоитъ къ нему не много ближе. Правъ поэтому Бернштейнъ, говоря слѣдующее: «Акція есть, не только капиталъ, но даже совершеннѣйшая или превосходнѣйшая его форма. Она есть освобожденное отъ всякаго грубаго или непосредственнаго соприкосновенія съ мелочами (или низостями—Niedrichkeiten) промышленной дѣятельности свидѣтельство (или право) на участіе въ прибавочномъ продуктѣ національнаго или міроваго хозяйства,—есть, если хотите, динамическій капиталъ»³⁾.

¹⁾ Ed. Bernstein: Die Voraussetzungen des Sozialismus u. die Aufgaben der Sozialdemokratie. Изд. 1899, стр. 48, (есть русскій переводъ (Канцеля) этого сочиненія подъ названіемъ: „Историческій материализмъ“, изд. тов. „Знаніе“ 1901).

²⁾ Тамъ-же, стр. 49 и 50.

³⁾ Тамъ-же, стр. 54.

Какая разница сравнительно съ первоначальнымъ капиталистомъ бывшимъ неразрывно связаннымъ со своимъ капиталомъ и игравшимъ большую или непосредственную роль въ его образованіи!

Покончивъ съ отдѣльными видами капиталистическихъ формъ предпріятій вообще и въ частности съ ихъ вліяніемъ на распредѣленіе имущества, напомнимъ, что мы имѣли въ виду пока только болѣе общія ихъ формы, имѣющія преимущественное, если не исключительное примѣненіе къ промышленности и отчасти торговлѣ. И если тутъ мы не нашли какой-нибудь вполне единой тенденціи въ ихъ развитіи, то, забывая впередъ, скажемъ, что и подавно ее нельзя будетъ найти въ области земледѣлія или сельскаго хозяйства, о коемъ совсѣмъ особая рѣчь еще впереди. Теперь же мы перейдемъ къ разсмотрѣнію другого вида концентраціи хозяйственной дѣятельности въ формѣ синдикатовъ или картелей, трестовъ и т. п.

Союзы предпринимателей и предпріятій.

Если въ акціонерныхъ предпріятіяхъ можно было видѣть завершающимся процессъ обезличенія капитала, то въ тѣхъ различныхъ формахъ *соединеній предпріятій*, (синдикатовъ, картелей и т. п.) къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь переходимъ, можно найти уже *обезличеніе самихъ владѣльцевъ предпріятій*, хотя и не въ одинаковой степени, въ особенности же въ наиболѣе сложныхъ и развитыхъ изъ нихъ (трестахъ). Общей почвой для развитія такихъ соединеній служитъ постепенное сокращеніе и наконецъ полное прекращеніе столь характернаго для современнаго хозяйства начала *конкуренціи*, на что было уже указано при разсмотрѣніи этого послѣдняго явленія, и на чуть не безконечное развитіе котораго такъ сильно надѣялись первоначальные экономисты. И если въ акціонерныхъ обществахъ осуществлялось объединеніе нерѣдко мелкихъ капиталовъ въ одно крупное предпріятіе, то въ этихъ соединеніяхъ можно видѣть дальнѣйшее прямое развитіе того-же процесса объединенія или концентраціи капиталовъ въ еще болѣе крупныя цѣлыя. Наконецъ, въ самое новѣйшее время наблюдается какъ бы вторичное превращеніе болѣе или менѣе самостоятельныхъ капиталистическихъ предпріятій, въ томъ числѣ и акціонерныхъ, въ таковыя-же, но только еще болѣе крупныя. Тѣ-же самыя условія, которыя усиливали и обостряли конкуренцію, — какъ-то: увеличеніе размѣровъ и усовершенствованія способовъ производства, въ томъ числѣ широкое примѣненіе машинъ, развитіе путей сообщенія, расширеніе районовъ сбыта продуктовъ и увеличеніе риска предпріятій, доходящее почти до неизбѣжности промышленныхъ и торговыхъ кризисовъ, — они-же вызвали и *соединенія* этихъ предпріятій, какъ средствъ уменьшенія риска и самой конкуренціи.

Зачатки этихъ явленій можно видѣть еще въ концѣ средневѣковой эпохи, при началѣ разложенія цехового корпоративнаго строя промышленности. Такъ уже и въ это время цеховые мастера входили иногда между собой въ соглашенія относительно повышенія цѣнъ своихъ товаровъ или пониженія заработной платы подмастерьямъ. И тогда-же городскія административныя власти, какъ позднѣе правительственная власть, пытались съ этимъ бороться путемъ установленія таксъ на цѣны товаровъ и на заработную плату. Но, конечно, была и существенная разница между этими первоначальными соглашениями и современными, вытекавшая изъ того, что цеховыя корпораціи были учрежденіями, основанными на принципѣ обязательной принадлежности къ нимъ хозяевъ однородныхъ промысловъ и занятій, между тѣмъ какъ теперь все это возникаетъ на почвѣ болѣе или менѣе полной свободы хозяйственной дѣятельности. Съ другой стороны, разъ возникнувъ, современный синдикатъ представляетъ собою гораздо болѣе прочное и даже принудительное учрежденіе, тогда какъ подобныя соглашения цеховыхъ мастеровъ носили болѣе личный и временный характеръ, т.-е. легче распадались. Сверхъ того самыя средства и цѣли современныхъ соединеній становятся гораздо болѣе разнообразными и сложными, въ зависимости отъ совершенно иного характера условий производства и сбыта товаровъ.

Прежде то и другое ограничивалось въ большинствѣ случаевъ предѣлами мѣстнаго рынка — періодъ замкнутаго територіальнаго и даже городского хозяйства. Теперь-же, съ возникновеніемъ не только широкаго народнаго, но и мірового хозяйства, въ связи съ развитіемъ усовершенствованныхъ путей и средствъ сообщенія, согласованіе условий производства и сбыта товаровъ со спросомъ на нихъ становится дѣломъ гораздо болѣе затруднительнымъ, въ особенности при системѣ широкаго соперничества. Полное развитіе послѣдняго начала можетъ быть даже названо «анархическимъ» строемъ хозяйства, вслѣдствіе отсутствія сколько нибудь общаго сознательнаго плана дѣйствія. Не мудрено поэтому что одной изъ главнѣйшихъ задачъ синдикатовъ и является *установленіе планомерности и солидарности въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ предпріятій и преслѣдованіе совокупными усиліями общихъ цѣлей и интересовъ, изъ коихъ главнѣйшими являются стремленія къ полученію наибольшей прибыли.* Таковы общія историческія и современныя основы для развитія интересующихъ насъ теперь учрежденій.

Въ зависимости отъ ихъ ближайшихъ *цѣлей и средствъ* находятся и самыя типы этихъ учрежденій. Сколько нибудь общеустановленной классификаціи ихъ до сихъ поръ еще нѣтъ, такъ что

чуть не у каждого изъ изслѣдователей этого вопроса есть своя собственная система. Не перечисляя ихъ всѣхъ въ отдѣльности, мы сдѣлаемъ сейчасъ нѣкоторую общую имъ сводку; при этомъ начнемъ съ простѣйшихъ и менѣе сложныхъ формъ. Простѣйшими формами и видами являются или простыя *соглашенія* — *конвенціи* — о совмѣстномъ образѣ дѣйствій или же *соединенія*, носяція иностранныя названія: *Corner'ы*, *Ring'и*, *Schwänze*, *Pools* (буквально означающіе — «уголки», «кольца», «хвосты», «котлы», т.-е. теряющіе свое значеніе въ русскомъ переводѣ). Это *наименѣе прочныя или временныя соединенія* однородныхъ промышленниковъ и чаще еще торговцевъ для чисто спекулятивныхъ цѣлей, соотвѣтствующихъ типу биржевыхъ или торговыхъ спекуляцій, и даже биржевой игры (см. выше стр. 349 и 350). Такія соглашенія и соединенія почти исключительно преслѣдуютъ цѣль быстрой наживы путемъ монополизациі торговли и сбыта какихъ-либо товаровъ, спеціально для сего скупаемыхъ.

«Съ особенною любовью,—говоритъ Штейнманъ Бухеръ,—обращаютъ свое вниманіе *Ring'и* на такіе товары, производство которыхъ, не будучи урегулированнымъ союзами предпринимателей, болѣе или менѣе беспорядочно и подвержено случайнымъ перерывамъ, какъ, напр., сырые матеріалы—хлопокъ, шелкъ, мѣдь, олово, цинкъ или предметы потребленія—хлѣбъ, кофе, сахаръ и т. п.»¹⁾ Участники такихъ соединеній являются по преимуществу владѣльцы свободныхъ оборотныхъ капиталовъ, не вложенныхъ въ промышленность и даже въ постоянную торговлю, т.-е., главнымъ образомъ, биржевые дѣльцы, оперирующіе особенно въ мѣстахъ складовъ соотвѣтственныхъ товаровъ, крупныхъ торговыхъ городахъ (Лондонъ, Гамбургъ, Нью-Йоркъ и т. п.). Сдѣлки при этомъ совершаются часто не дѣйствительныя, а въ видѣ настоящей биржевой игры, т.-е. въ расчетъ на разницу въ цѣнахъ. Проф. М. А. Курчинскій приводитъ много примѣровъ того, что подобныхъ товаровъ по книгамъ продается въ 10 и 20 разъ больше того, что сбывается на самомъ дѣлѣ, какъ, напр., въ 1889 г. по книгамъ было продано кофе 11.866.000 мѣшковъ, а сдано на дѣлѣ лишь 449.500; сахару—по книгамъ 8.429.500—на дѣлѣ 404.400²⁾. Въ связи съ этимъ находится и рѣзкое колебаніе цѣнъ соотвѣтственныхъ товаровъ. Особенно прославился въ этомъ отношеніи дѣйствовавшій въ концѣ 80-хъ годовъ мѣдный синдикатъ.

Съ народно-хозяйственной точки зрѣнія всѣ эти корнеры, ринги и т. п. являются совершенно бесполезными и даже вредными для потребителей, какъ учрежденія искусственно удорожающія цѣны товаровъ; между тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ цѣлей и средствъ настоящихъ синдикатовъ или картелей сами по себѣ могутъ вносить

¹⁾ *Steinmann Bucher. Wesen u. Bedeutung der gewerbl. Kartellen. Schmoller's Jahrbuch. B. XV, стр. 164.*

²⁾ *М. А. Курчинскій. Союзы предпринимателей, 1899, стр. 67 и 68.*

нѣкоторое упорядоченіе захватываемыхъ ими отраслей промышленности, какъ это сейчасъ и будетъ показано.

Одинъ изъ первыхъ изслѣдователей этого вопроса обратившихъ на него вниманіе, *Клейнвехтеръ* устанавливалъ слѣдующую классификацію настоящихъ картелей: 1) картели для производства, ограничивающія его сообразно со спросомъ на его продукты; 2) картели регулирующія продажныя цѣны продуктовъ; 3) регулирующія то и другое вмѣстѣ, т. е. производство и цѣны; 4) распредѣляющія заказы и подряды между предпріятіями въ извѣстныхъ пропорціяхъ и 5) регулирующія районы сбыта, (а иногда и закупки) товаровъ. Но сюда не подходятъ наиболѣе сложныя и прочныя соединенія *тресты* (Trust'ы и fusion'ы). Проведеніе рѣзкой границы между *синдикатами* и *картелями* невозможно, ибо это скорѣе только французское и нѣмецкое названіе одного и того-же вида соединеній. Точно также нельзя дѣлить ихъ на *торговые* и *промышленные*, такъ какъ хотя первые, въ видѣ разсмотрѣнныхъ уже *corner'овъ* и *ring'овъ*, исключительно занимаются скупкой и продажей товаровъ, но трудно даже представить себѣ синдикаты промышленные, которые не имѣли бы прямого или косвеннаго отношенія къ сбыту, а стало быть и къ торговлѣ продуктами своего производства. И они же часто возникаютъ первоначально для цѣлей совместной закупки необходимаго для нихъ сырья, т. е. для борьбы съ производителями послѣдняго разьединенными или тоже синдикатированными. При неуспѣшности же этой борьбы они нерѣдко переходятъ къ самостоятельной добычѣ или производству того же самаго сырья или полуфабриката.

Такъ напр., въ Россіи немногочисленные наши табачные фабриканты распредѣляютъ между собою районы закупки сырого табака и держатъ на него сравнительно низкія цѣны. Свеклосахарный заводчикъ разводитъ собственныя плантаціи свекловицы и т. п. Въ самое послѣднее время возникаетъ уже рѣчь о самостоятельномъ снабженіи желѣзныхъ дорогъ необходимыми для нихъ предметами топлива и т. п.

Присоединеніе предпріятіями къ своимъ прямымъ цѣлямъ этой послѣдней задачи — выработки матеріала для своего производства есть уже начало *болѣе планомерной организаціи* послѣдняго, называемой его *комбинаціей* или расширеніемъ, какъ теперь говорится, въ *вертикальномъ* направленіи, что доступно только уже болѣе крупнымъ предпріятіямъ.

Что же касается до регулированія *сбыта своихъ продуктовъ*, то это наиболѣе распространенная задача синдикатовъ, объединяющая въ себѣ одновременно ихъ цѣль и средство. Тутъ дѣло сводится прежде всего къ *регулированію размѣровъ производствъ*, входящихъ въ составъ ихъ предпріятій, что выражается въ *нормировкѣ*,

т. е. установленіи его размѣровъ для существующихъ уже предпріятій или въ препятствіяхъ, чинимыхъ возникновенію новыхъ или расширенію прежнихъ. Яркій примѣръ подобнаго рода дѣятельности являлъ собою одинъ изъ первыхъ русскихъ синдикатовъ — возникшій въ 1887 г. свеклосахарный. Въ связи съ этимъ находится опредѣленіе нормъ сбыта даннаго продукта внутри своей страны и вывоза излишковъ противъ внутренняго контингента на иностранный рынокъ, обыкновенно по сильно уменьшенной цѣнѣ, если даже не съ особыми преміями за вывозъ. Въ результатѣ получается значительное искусственное повышеніе внутреннихъ цѣнъ на товары, вслѣдствіе чего за счетъ отечественныхъ потребителей получаютъ тѣ-же товары гораздо дешевле иностранцы. А это приводитъ тогда къ международной уже борьбѣ соотвѣтственныхъ однородныхъ отраслей промышленности, завершающейся или опять таки взаимнымъ соглашеніемъ между собою, или же регулированіемъ этой борьбы при помощи международныхъ конвенцій, заключаемыхъ правительствомъ соотвѣтственныхъ странъ.

Такъ въ концѣ прошлаго вѣка особенное значеніе получила Брюссельская международная конвенція по вопросамъ производства и вывоза сахара въ среднеевропейскихъ странахъ и въ особенности направленная противъ поощрительныхъ премій при его вывозѣ ¹⁾.

Ближайшею цѣлью регулированія или нормированія производства синдикатами является такое воздѣйствіе на цѣны товаровъ, *чтобы онѣ были возможно выше или не подвергались бы сильнымъ колебаніямъ*, такъ какъ отъ этого зависитъ полученіе наибольшей и болѣе постоянной прибыли. Для достиженія этого устраняется взаимная конкуренція и продажа по цѣнамъ завѣдомо убыточнымъ; хотя иногда допускаются временно и таковыя съ цѣлью убить конкурентовъ, не входящихъ въ соглашеніе или не вступающихъ въ данный синдикатъ. Чѣмъ выше и сложнѣе типы синдикатовъ, тѣмъ большую роль играютъ въ нихъ болѣе планомѣрная организація производства и сообразованіе его съ размѣрами спроса на его продукты. Сюда и относятся вышеупомянутыя уже распредѣленія подрядовъ и заказовъ, что конечно создаетъ уже значительную монополизацію производства и стѣсненіе потребителей или заказчиковъ.

Наконецъ, еще до перехода синдикатовъ въ высшую форму такихъ соединеній — тресты, происходятъ уже иногда и въ первыхъ

---

¹⁾ О значеніи вывоза этихъ какъ бы излишковъ производства и поощрительныхъ къ тому премій наиболѣе богатый матеріалъ находится въ сочин. *И. М. Гольдштейна*: „Синдикаты и тресты и современ. экономическая политика“, т. I, 1907 г.

соглашенія относительно распределенія прибылей возможно болѣе равномерно между участниками. Достигается эта цѣль или внесениемъ въ кассу такого синдиката разницы между устанавливаемой для этой цѣли минимальной продажной цѣной товаровъ и ихъ себѣстоимостью; или-же синдикатъ покупаетъ у своихъ сочленовъ продукты ихъ производства, по опредѣляемой заранее цѣнѣ и въ известномъ количествѣ, а затѣмъ самъ уже и распродаетъ ихъ.

Въ послѣднихъ случаяхъ синдикаты иногда превращаются какъ бы въ особыя торговыя предпріятія или соотвѣтственные акціонерныя общества.

Таковы приблизительно цѣли или характеръ дѣятельности разныхъ нашихъ учрежденій въ родѣ «Продамета», «Продуголя», и т. п. И что это не самостоятельныя акціонерныя общества видно изъ того, что обороты ихъ совершенно не соотвѣтствуютъ размѣрамъ ихъ акціонерныхъ капиталовъ. Такъ напр., «Продаметъ» при своемъ учрежденіи имѣлъ основной капиталъ лишь въ 100.000 р., обороты же его вскорѣ превышали 40 милл. р. Одинъ изъ изслѣдователей нашихъ синдикатовъ, *Каффенгаузъ*, приведя эти данныя, говоритъ слѣдующее: «Объясняется это тѣмъ, что акціонерный капиталъ не играетъ въ данномъ случаѣ значительной роли, такъ какъ такое общество не покупаетъ товаровъ, а только продаетъ ихъ по порученію членовъ. Организуется же эта контора въ видѣ акціонернаго общества только для того, чтобы получить права юридическаго лица и придать синдикату характеръ утвержденной закономъ организаціи» ¹⁾.

Такою-же роль иногда играютъ особые *картельные банки*; какъ и вообще обыкновенные крупные банки и кредитныя учрежденія теперь держатъ часто въ своихъ рукахъ чуть не цѣлыя отрасли промышленности, финансируя тѣ или другія промышленныя предпріятія, т.-е. снабжая ихъ наличными денежными средствами и такъ или иначе кредитуя ихъ.

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ типахъ синдикатовъ владѣльцы входящихъ въ составъ ихъ предпріятій подвергаются нѣкоторымъ ограниченіямъ свободы своей хозяйственной дѣятельности; но все-таки они сохраняютъ еще большую или меньшую самостоятельность, оставаясь полными собственниками своихъ фабрикъ или заводовъ. Утрата послѣднихъ слѣдовъ этой самостоятельности или полное обезличеніе наступаетъ съ переходомъ къ наивысшимъ формамъ соединеній, называемымъ трѣстами.

Названіе *трѣсть* происходитъ отъ англійскаго слова trustee, обозначающаго опекуна или попечителя въ обыкновенномъ граж-

---

¹⁾ Вообще въ этомъ сочиненіи *Каффенгауза*: „Синдикаты въ русск. желѣзной промышленности“. 1910. находятся очень интересныя матеріалы по данному вопросу.

данско-правовомъ или житейскомъ смыслѣ, т.-е. лица, уполномоченнаго управлять чѣмъ-либо имуществомъ. Въ данномъ же случаѣ на положеніе опекаемыхъ попадаютъ владѣльцы болѣе или менѣе самостоятельныхъ предпріятій или же собственники акцій, объединяемые въ одно болѣе крупное предпріятіе. При этомъ настоящія акціи переходятъ въ руки этихъ trustees, образующихъ какъ бы верховный комитетъ для управления всѣмъ дѣломъ; а вмѣсто акцій собственникамъ ихъ часто выдаются особыя удостовѣренія (certificates) или росписки въ полученіи акцій. Правà голоса по акціямъ тогда переходятъ къ trustees; бывшіе-же владѣльцы ихъ сохраняютъ за собой лишь право на извѣстный доходъ и право на продажу или передачу этихъ сертификатовъ другимъ лицамъ. Слѣдовательно перемѣна состава акціонеровъ не влечетъ за собою перемѣны хозяйствъ предпріятія, хотя бы даже на общихъ собраніяхъ, а все веденіе дѣла пріобрѣтаетъ поэтому болѣе твердый или устойчивый характеръ. Къ числу мѣръ, принимаемыхъ для такихъ цѣлей, особенное значеніе имѣетъ полное закрытіе трэстами нѣкоторыхъ входящихъ въ составъ ихъ предпріятій, хуже оборудованныхъ въ техническомъ отношеніи и потому могущихъ производить свои продукты только по сравнительно болѣе дорогой цѣнѣ. Собственники такихъ предпріятій удовлетворяются тогда выдачей имъ соотвѣтствующаго цѣнности или доходности ихъ предпріятій вознагражденія въ видѣ упомянутыхъ сертификатовъ, особыхъ акцій и т. п. Обыкновенно въ роляхъ самихъ попечителей и выступаютъ крупнѣйшіе капиталисты или миллиардеры въ Сѣв.-Америк. Соедин. Штатахъ, въ которыхъ особое распространеніе и получили эти высшіе типы синдикатовъ.

Въ этой же странѣ развиваются особенно успѣшно и слѣдующія дальнѣйшія формы соединеній, а именно: отдѣльныя предпріятія, болѣе или менѣе объединенныя раньше между собою синдикатами или трэстами, *прямо сливаются въ одно цѣлое крупное акціонерное предпріятіе*, такъ что исчезаютъ послѣдніе слѣды ихъ прежней самостоятельности. Акціи при этомъ свободно распространяются въ широкихъ кругахъ публики; но завѣдываніе дѣломъ сосредоточивается въ рукахъ немногихъ руководителей, даже не обладающихъ большимъ числомъ акцій, а вліяющихъ на веденіе дѣла или черезъ особыхъ уполномоченныхъ на то постоянныхъ довѣренныхъ лицъ (trustees), или же черезъ посредство крупныхъ финансовыхъ учрежденій (банковыхъ и т. п.). Иногда же это выражается въ томъ, что, при незначительномъ количествѣ обыкновенныхъ акцій, дающихъ право голоса, въ широкую публику выпускаются особыя привилегированныя акціи и облигаціи, дающія фиксированный дивидендъ или доходъ (процентъ), но безъ права голоса.

Все сказанное до сихъ поръ относилось почти исключительно къ объединенію однородныхъ по видамъ промышленности пред-

пріятій. Указывалось также и на то, что развивался кромѣ того процессъ, называемый *комбинаціей* или расширеніемъ предпріятій въ *вертикальномъ* направленіи, т.-е. къ основному производству присоединялись предъидущія или послѣдующія его ступени, какъ напр. самостоятельная выработка сырыхъ матеріаловъ или полуфабрикатовъ или-же послѣдующихъ, въ родѣ упаковочныхъ средствъ—бочекъ, жестянокъ и т. п. Въ новѣйшее-время, въ особенности въ тѣхъ-же Сѣв.-Амер. Соед. Штатахъ, замѣтно усиливается процессъ *объединенія въ крупныя монопольныя учрежденія совершенно до того самостоятельныхъ отраслей промышленности*, по техникѣ своей и по характеру продуктовъ ничего или мало между собою имѣющихъ общаго.

Начало этому процессу было положено естественной связью между различными отраслями промышленности и желѣзными дорогами, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда продукты производства были громоздкими и малоцѣнными, т.-е. на цѣнности которыхъ значительно отражалась стоимость ихъ перевозки. Наболѣе яркимъ примѣромъ можетъ служить раньше всего установившаяся *связь между нефтянымъ и желѣзно-дорожнымъ дѣломъ*, почему сравнительно давно уже началось сліянiе этого рода предпріятій въ рукахъ крупныхъ миллиардеровъ. Но на этомъ дѣло не остановилось, такъ что въ настоящее время трудно даже перечислить тѣ разнообразныя отрасли промышленности, которыя теперь все болѣе и болѣе объединяются между собою въ общую сѣть крупнѣйшихъ монопольныхъ предпріятій. Объединеніе это не всегда облекается въ столь опредѣленныя формы, какъ тресты, фюзьоны или крупнѣйшія акціонерныя компаніи. Фактически-же это выражается въ сосредоточеніи владѣнія ими, или только вліянія и контроля, въ рукахъ отдѣльныхъ миллиардеровъ и крупнѣйшихъ банковъ, во главѣ которыхъ они стоятъ.

Въ одномъ изъ новѣйшихъ русскихъ сочиненій посвященныхъ этому вопросу, а именно у проф. *М. И. Назаревскаго* приводятся наболѣе полныя и интересныя данныя по этому вопросу. Авторъ этотъ самъ сознается, что трудно съ точностью доказать степени или размѣры сліянiя, такъ какъ нѣтъ возможности прослѣдить за распредѣленіемъ въ рукахъ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ лицъ в его количества принадлежащихъ имъ акцій и облигацій отдѣльныхъ предпріятій. А потому косвеннымъ средствомъ или доказательствомъ можетъ служить сличеніе именъ руководителей главнѣйшихъ компаній. Приведа на тридцати страницахъ своей книги списки лицъ, направляющихъ и контролирующихъ въ качествѣ директоровъ и т. п. должностныхъ лицъ различныя промышленныя концессионныя, транспортныя и банковыя предпріятія С. А. Соед. Штатовъ, проф. Назаревскій обнаруживаетъ, что 89 лицъ занимаютъ въ нихъ болѣе 2000 директорскихъ мѣстъ ¹⁾. Изъ

¹⁾ *М. И. Назаревскій*. Очерки по исторіи и теоріи коллективно-капита-

нихъ наибольшимъ вліяніемъ пользуются два короля американской промышленности—*Морганъ* и *Рокфеллеръ*, въ нѣкоторой, какъ бы въ феодальной, зависимости отъ которыхъ находятся бывшіе недавно еще вполне самостоятельными предпринимателями другіе миллиардеры, въ родѣ Вандербильда, Гульда, Астора и т. д. Теперь всѣ они, въ томъ числѣ Морганъ и Рокфеллеръ тѣсными нитями связаны между собою черезъ посредство принадлежащихъ всѣмъ имъ акцій этихъ предприятий и руководимыхъ этими двумя королями банковъ и банковыхъ группъ. «Въ рукахъ группъ Моргана и Рокфеллера сосредоточивается огромное количество самыхъ различныхъ предприятий, капиталъ которыхъ въ иныхъ случаяхъ достигаетъ $\frac{1}{2}$ и даже $\frac{9}{10}$ всего вложеннаго въ американскія промышленныя и иныя компаніи капитала»¹⁾. Вообще же по приводимымъ тамъ же даннымъ число предприятий, входящихъ въ составъ америк. трестовъ и корпорацій, увеличилось за періодъ съ 1904—1908 г.г. съ 8.664 до 10.020, а ихъ капитализація за періодъ съ 1904—1910 съ 20,3 до 33,3 миллиардовъ долларовъ²⁾.

Изъ другихъ странъ сильнѣйшее развитіе картелей и трестовъ произошло въ Германіи и Англии, затѣмъ во Франціи и др. странахъ. Россія въ этомъ отношеніи еще значительно отстала отъ этихъ странъ, какъ и вообще въ развитіи своей промышленности; но все-таки мы уже знаемъ существованіе у насъ многихъ частью явныхъ, частью тайныхъ или не вполне оформленныхъ синдикатовъ, въ родѣ свекло-сахарнаго, рафинаднаго, а въ новѣйшее время въ области машиностроительной и вообще желѣзнодорожной и металлургической промышленности, (синдикаты въ родѣ «Кровли», «Гвоздя»), также—ниточный (частію международный—въ связи съ соотвѣтственнымъ англійскимъ), цементный, мукомольный, и др. Концентрація-же промышленности всего замѣтнѣе сказывается въ нашемъ нефтяномъ дѣлѣ, гдѣ, кромѣ перваго нефтянаго короля Нобеля, теперь все дѣло это едва-ли уже не сосредоточилось въ рукахъ еще двухъ крупныхъ компаній, такъ что дни всѣхъ остальныхъ бывшихъ самостоятельныхъ производителей, пожалуй, уже совершенно сочтены: Если-же причислять къ типу такихъ соединеній менѣе прочныя, въ родѣ заключаемыхъ между собою однородными предприятиями *конвенцій*, то число ихъ у насъ довольно быстро увеличивается. Достаточно указать хотя бы на довольно давно уже заключаемыя между собою конвенціи нашими страховыми обществами, дающія имъ возможность совершенно произвольно возвышать тарифы страховыхъ премій или взносовъ, въ особенности тамъ, гдѣ на мѣстахъ нѣтъ соотвѣтственныхъ обществъ взаимнаго страхованія—

листоческаго хозяйства. Синдикаты, тресты и комбинированныя предприятия, т. I, ч. I, 1912 г., стр. 349.

¹⁾ Н. с., стр. 355.

²⁾ Тамъ-же, стр. 319.

этого единственного пока средства налагать узду на непомерно растущіе аппетиты коммерческихъ страховыхъ учреждений, (если не считать мѣрой еще болѣе радикальной—монополизацию той или другой отрасли промышленности государствомъ). Наконецъ, въ новѣйшее время обнаруживается еще стремленіе къ образованію *международныхъ* синдикатовъ и даже трестовъ въ наиболѣе крупныхъ отрасляхъ промышленности. Особенно много такихъ международныхъ соглашеній состоялось между фабрикантами германскими и другихъ странъ, въ области производства химическихъ, пищевыхъ, металлическихъ и др. продуктовъ, какъ у насъ указанный ниточный—связанный съ Англіей.

Послѣ всего сказаннаго о сущности разсмотрѣнныхъ формъ капиталистическихъ соединеній или коллективно-капиталистическаго хозяйства едва-ли представляется необходимымъ давать этимъ явлениямъ болѣе общее объясненіе и производить имъ оцѣнку съ народно-хозяйственной точки зрѣнія. Мы сдѣлаемъ это лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ.

Несомнѣнно, что развитіе такихъ учреждений происходитъ на общей почвѣ современнаго капиталистическаго хозяйства, имѣвшаго подъ собою первоначально основой свободную конкуренцію, постепенно перерождающуюся черезъ посредство разсмотрѣнныхъ разнообразныхъ формъ соединеній въ монополіи. Процессъ развитія такихъ монополистическихъ учреждений является самъ по себѣ частью естественно-экономическимъ, частью болѣе или менѣе искусственнымъ. Послѣднимъ онъ является преимущественно тогда, когда ему содѣйствуетъ *протекціонная экономическая политика* тѣхъ или другихъ странъ, т. е. защита своей промышленности высокими покровительственными пошлинами отъ иностранной конкуренціи. Но пошлины эти, несомнѣнно благопріятствуя образованію синдикатовъ и картелей, не могутъ считаться необходимыми или исключительными условіями ихъ возникновенія, такъ какъ синдикаты и т. п. соединенія съ успѣхомъ развиваются и въ такихъ странахъ, какъ Великобританія, давно вышедшая на путь свободной международной торговли, или Германія, въ которой протекціонизмъ не распространяется на многія крупныя отрасли промышленности, а, начиная съ 70-хъ годовъ XIX вѣка, особенно силенъ только по отношенію къ сельскому хозяйству.

Съ другой стороны развитіе картелей и синдикатовъ, казалось бы должно было находиться въ непосредственной зависимости отъ *законодательства, регулирующаго* ихъ самихъ или хотя бы почву для нихъ. Но, какъ мы сейчасъ увидимъ, наименьшую роль до сихъ поръ играли эти юридическія условія возникновенія и развитія этихъ учреждений.

Такъ въ странѣ наибольшаго ихъ развитія—Сѣв.-Амер. Соедин. Штатахъ — и общіе, и спеціальныя относящіяся къ нимъ законы были наименѣе для нихъ благопріятны. При чрезвычайномъ разнообразіи тамъ законодательства мѣстнаго (отдѣльныхъ штатовъ) и при слабомъ развитіи общегосударственнаго, вообще тамъ долгое время формально даже невозможно было образованіе простыхъ акціонерныхъ обществъ съ райономъ дѣятельности, рассчитаннымъ на нѣсколько штатовъ. Въ предѣлахъ штата своего возникновенія такое общество является чуть-ли не иностраннымъ. Поэтому и всякія соединенія и соглашенія, а стало быть въ томъ числѣ и картели, какъ ограничивающія свою дѣятельность предѣлами отдѣльнаго штата, не могли бы имѣть особаго значенія или развитія.

Кромѣ того въ основѣ всего тамошняго законодательства вообще лежало старое еще англійское обычное право (*common law*), характеризуемое двумя главными принципами: широкимъ признаніемъ индивидуальной свободы вообще или невмѣшательства въ частную дѣятельность, съ одной стороны, и отрицательнымъ отношеніемъ ко всякаго рода монополіямъ, хотя бы и частнымъ. съ другой. На такой почвѣ было одинаково трудно развиваться какъ картельнымъ соединеніямъ самимъ по себѣ, — по существу всегда носящимъ характеръ монополюный, — такъ и регулирующему это дѣло законодательству.

И тѣмъ не менѣе здѣсь именно развились эти наиболѣе крупныя капиталистическія соединенія, какъ и здѣсь-же начались опыты борьбы съ ними путемъ очень строгаго соотвѣтственнаго законодательства.

Первою областью примѣненія своеобразнаго американскаго законодательства о синдикатахъ явилась желѣзно-дорожная.

Возникшія здѣсь безъ сколько-нибудь общаго плана желѣзныя дороги сперва конкурировали между собою, что выражалось въ установленіи совершенно произвольныхъ оплатъ ихъ услугъ, въ созданіи чрезвычайныхъ льготъ для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ или группъ въ ущербъ другимъ. А затѣмъ все это чуть не сразу замѣнилось соглашениями между жел.-дор. обществами и наконецъ сліяніемъ большинства изъ нихъ въ крупныя общества и компаніи, послѣ чего конкуренція совершенно прекращается и мѣсто ея заступаетъ фактическая монополія. Для устраненія этихъ недостатковъ жел.-дор. дѣла и былъ изданъ первый законъ, ставившій себѣ задачей борьбу съ трестами—это такъ называемой междуштатный торговый законъ въ 1887 г. (*Interstate Commerce Act*). Онъ задавался цѣлью возстановить конкуренцію вообще, (хотя послѣдняя сама по себѣ выражалась въ вышеуказанныхъ нежелательныхъ явленіяхъ, въ томъ числѣ въ отсутствіи сколько-нибудь прочно установленныхъ и однородныхъ тарифовъ). Безуспѣшность этого акта и привела къ гораздо болѣе общей мѣрѣ — изданію 2 іюля 1890 г. очень стро-

гаго федеральнаго закона противъ трестовъ вообще; онъ извѣстенъ подъ именемъ закона Шермана его инициатора, сенатора.

Статьями этого закона признаются незаконными всякіе договоры и соглашения для монополизированія или ограниченія промышленности или торговли между отдѣльными штатами или съ иностранными государствами; а за несоблюденіе этихъ запрещеній суды могутъ налагать высокіе штрафы (до 5000 долл.) и даже подвергать виновныхъ лицъ тюремному заключенію до одного года; всякая же собственность, составляющая предметъ такого соглашения или треста подлежитъ конфискаціи правительства. Инициатива въ возбужденіи такихъ дѣлъ предоставляется не только жалобамъ потерпѣвшихъ лицъ, но и вмѣняется прямо въ обязанность судамъ и прокуратурѣ¹⁾. Главные недостатки закона въ томъ, что, во первыхъ, онъ совершенно не опредѣляетъ и не различаетъ различныхъ видовъ синдикатовъ и соглашеній и, во вторыхъ, весь центръ тяжести вопроса сводится къ наказаніямъ, а не къ ограниченіямъ дѣйствительности соглашеній или къ разсмотрѣнію вредности ихъ по существу.

На дѣлѣ немедленно же обнаружилось почти полное бездѣйствіе этого закона; большинство судовъ отказывались отъ его примѣненія, между прочимъ потому, что считали центральную власть (конгрессъ) не управомоченной издавать законы, запрещающіе или наказующіе то, что не запрещено и не наказуемо по законамъ отдѣльныхъ штатовъ. Но многіе изъ послѣднихъ, по преимуществу земледѣльческіе, и сами по себѣ издавали не менѣе строгіе, во столь же мало дѣйствительные законы. Для исправленія присущихъ этому закону недостатковъ были изданы въ 1903 г. нѣкоторые дополнительные къ нему акты, касавшіеся преимущественно процессуальной стороны дѣла, а также и переносящіе центръ тяжести вопроса на разсмотрѣніе дѣйствій синдикатовъ и другихъ соглашеній по существу. Но и это до сихъ поръ мало помогало дѣлу борьбы со всемогущими во всей этой странѣ трестами, имѣющими своихъ защитниковъ въ рядахъ самыхъ высшихъ правительственныхъ сферъ и въ законодательныхъ учрежденіяхъ.

На такомъ же чисто отрицательномъ отношеніи къ синдикатамъ построено и *французское* о нихъ законодательство, по своей строгости и категоричности отчасти идущее даже еще дальше. Такъ, согласно ст. 419 и 420 общаго уголовного французскаго кодекса, воспрещены и обложены высокими наказаніями (штрафы отъ 500 до 20.000 фр. и лишеніе свободы до 2 лѣтъ), всякія соглашения о продажѣ какихъ либо товаровъ не ниже опредѣленной цѣны или выше устанавливаемой при свободной конкуренціи, (наивысшіе размѣры наказаній—если это предметы первой необходимости). Корни такой строгости закона находятся уже въ такомъ же отрицательномъ отношеніи ко всякаго рода союзамъ, обнаружившемся еще въ разгаръ великой французской революціи, а именно въ законѣ 1791 г. Здѣсь и статьи гражданскаго кодекса 1131 и 1133 объявляютъ такія соглашения недѣйствительными; но все таки и тутъ тѣ и другія статьи оказываются какъ бы мертвыми, такъ какъ онѣ обходятся и соотвѣтственными соглашениями, и судами. И таковъ же характеръ соотвѣтственнаго *австрійскаго* законодательства, гдѣ хотя суды и относились энергичнѣе къ своимъ правамъ и обязанностямъ, но поборотъ

¹⁾ Полный текстъ этого закона приведенъ въ соч. *И. Янжула*: Промысловые синдикаты. 1895, стр. 346.

самого зла въ его корни тоже не смогли. А все это отчасти можетъ быть объяснено черезъ чуръ общими или шаблонными формами и содержаніемъ всѣхъ указанныхъ законовъ, идущихъ очевидно черезъ чуръ въ разрѣзъ съ пробивающимися въ жизнь новыми формами капиталистическихъ предприятий и ихъ соединеній. И потому должно быть признано болѣе жизненнымъ или цѣлесообразнымъ законодательство *германское*, которое, не отрицая безусловно права вступать въ различные соглашения и соединенія, переноситъ вопросъ на почву *разсмотрѣнія каждаго отдѣльнаго случая по существу*, съ точки зрѣнія согласованія или противорѣчія ихъ дѣйствій «добрымъ нравамъ и обычаямъ» или подведенія ихъ подъ понятія ростовщическихъ—въ смыслѣ извлеченія чрезмѣрной прибыли и грубой эксплуатаціи публики. Борьба съ синдикатами ведется здѣсь поэтому преимущественно на почвѣ гражданскаго, а не уголовнаго права и уложенія.

Что касается нашего *русскаго* соотвѣтственнаго законодательства, то оно почти столь-же категорично какъ и вышеуказанныя американское, французское и другія, въ смыслѣ уголовной наказуемости всякаго рода соглашеній, стачекъ и т. п., преслѣдующихъ искусственное воздѣйствіе на цѣны товаровъ. Это совершенно ясно выражено въ статьяхъ 913 и 1180 дѣйствующаго Уложенія о наказаніяхъ, изъ коихъ первая (913) относится только къ предметамъ продовольствія, а вторая, т. е. 1180, (на которую въ отношенія размѣра наказанія ссылается и первая), имѣетъ гораздо болѣе широкое содержаніе и гласитъ такъ:

ст. 1180 «За стачку торговцевъ или промышленниковъ для *возвышенія* цѣны не только предметовъ продовольствія, но и другой необходимой потребности товаровъ, или для *непомѣрнаго пониженія* сей цѣны, въ намѣреніи стѣснить дѣйствія привозящихъ или доставляющихъ сіи товары, а черезъ то препятствовать и дальнѣйшему въ большемъ количествѣ привозу оныхъ, зачинщики такихъ противозаконныхъ соглашеній подвергаются: заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 4 до 8 мѣс.; а прочіе, только участвовавшіе въ нихъ, приговариваются... или къ аресту отъ 3 недѣль до 3 мѣс., или къ денежному взысканію не свыше 200 руб.

Когда-же отъ таковой стачки произойдетъ *дѣйствительный* недостатокъ въ товарахъ *первой* необходимости и сіе будетъ поводомъ къ нарушенію общественнаго спокойствія, то зачинщики приговариваются и къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 1 г. и 4 м. до 2 лѣтъ, а прочіе виновные—отъ 4 до 8 мѣс.»

Общій смыслъ этихъ статей совершенно ясенъ; сомнѣнія-же возможны лишь на счетъ того—*что* считать товарами необходимой потребности вообще и *первой* необходимости въ частности и въ особенности. Между ними совершенно сознательно въ законѣ проводится существенное (по мѣрѣ наказанія) различіе; но намъ неизвѣстны Сенатскія разъясненія этого вопроса. Извѣстны, на примѣръ, случаи примѣненія этихъ статей къ соглашениямъ для повышенія цѣнъ на вино (водку) и каменный уголь; и въ то-же время при существованіи нашего свеклосахарнаго синдиката, участники послѣдняго не только къ суду не привлекались, но даже они-же сами жаловались въ судъ на одного изъ своихъ сочленовъ, отказавшагося отъ участія

въ этомъ соглашеніи, (извѣстное дѣло полковника Баскакова). И это не смотря на то что по нашимъ общимъ гражданскимъ законамъ, (ст. 1528 и 1529 т. X, ч. 1) всякіе договоры и соглашения дѣйствительны только тогда, когда дѣли ихъ «не противны законамъ, благочинію и общественному порядку»; въ противномъ-же случаѣ,—а стало быть и въ случаяхъ запрещенныхъ ст. 913 и 1180 соглашеній,—договоры недѣйствительны. Частичный выводъ отсюда—что водка считалась предметомъ необходимымъ, а сахаръ—нѣтъ!

Но слѣдуетъ-ли изъ существованія такихъ строгихъ и довольно ясныхъ статей, что у насъ нѣтъ юридической, т. е. закономъ дозволенной, почвы для развитія синдикатовъ,—цѣли которыхъ рѣдко отдѣлимы отъ тѣхъ или иныхъ способовъ искусственнаго воздѣйствія на цѣны товаровъ,—и что поэтому синдикаты у насъ не могутъ существовать?—Конечно, нѣтъ, ибо частью тайно, а частью и явно синдикаты у насъ не только существуютъ, но еще плодятся и множатся. При этомъ они находятъ для себя даже прямую положительную почву между прочимъ въ законѣ —временныя правила 4 марта 1906 г. о *профессиональныхъ обществахъ*, на основаніи котораго были случаи регистраванія ихъ соотвѣтственными присутствіями, не смотря на то, что ни по смыслу этого закона, ни по мотивамъ его, синдикаты сюда никакъ не должны бы были подходить ¹⁾. А по воспослѣдовавшему 21 марта 1907 г. Высочайшему утвержденію заключенія Совѣта Министровъ Министру Торговли и Промышленности предоставлено право утверждать положенія объ обществахъ, союзахъ и сѣздахъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ торговлѣ и промышленности, не подходящихъ подъ законъ 4 марта 1906 г. И на основаніи этого было разрѣшено нѣсколько довольно даже разнообразныхъ уставовъ соотвѣтственныхъ обществъ, дѣйствующихъ и по сіе время. Правда, многія изъ нихъ прикрываются формой обществъ и другихъ учрежденій, возникающихъ для объединенія интересовъ однородныхъ отраслей промышленности, въ смыслѣ ихъ *представительства* и т. п. цѣлей, не подходящихъ прямо подъ синдикатскія или относящихся къ нимъ лишь въ нѣкоторой степени, въ родѣ распредѣленія крупныхъ заказовъ или районовъ сбыта. Но вообще юридически это вопросы у насъ особенно сложные и запутанные, вслѣдствіе неполноты или отсутствія настоящихъ законовъ, опредѣляю-

---

¹⁾ При обсужденіи временныхъ правилъ 4 марта 1906 г. въ Госуд. Совѣтѣ (прежнемъ) высказывались на этотъ счетъ прямые опасенія, а именно говорилось, что „Союзы эти легко могутъ принять характеръ предпринимательскихъ синдикатовъ, угрожающихъ нормальному развитію экономической жизни страны“.

щихъ условія образованія различныхъ обществъ вообще, для чего временныхъ правилъ 4-марта 1906 г., по сознанию самого правительства, вообще еще далеко не достаточно.

Въ концѣ-же концовъ и у насъ, какъ уже сказано, существуютъ и синдикаты, и сознание необходимости ихъ такъ или иначе регулировать, если не прямо запрещать въ случаяхъ особенно вредныхъ. И если руководиться опытомъ другихъ странъ, то придется признать, что на почвѣ прямого запрещенія этихъ учреждений, естественно развивающихся въ новыхъ экономическихъ условіяхъ, едва-ли могутъ быть достигнуты желанные результаты; получаютъ-же иногда и имъ противоположные, какъ на примѣръ, прежде всего скрытыя или тайныя формы ихъ существованія, обходы законовъ и даже снисходительное отношеніе къ нимъ судебныхъ учреждений, не желающихъ идти прямо на перекоръ дѣйствительной жизни и ея новымъ цѣлямъ и интересамъ.

Во всякомъ случаѣ однимъ изъ первыхъ условій допустимости синдикатовъ должно считаться приданіе имъ возможно большей *гласности*, обязательность регистраціи на основаніи извѣстныхъ нормативныхъ условій и установленіе государственнаго или общественнаго *контроля* надъ ихъ дѣятельностью. Въ случаяхъ явнаго и крупнаго противорѣчія интересовъ синдикатовъ интересамъ общественнымъ необходима болѣе непосредственная борьба съ ними путемъ регулированія ихъ дѣятельности по существу, поскольку выясняется непосредственная ея вредоносность ¹⁾. А что таковая въ значительной степени сопутствуетъ имъ или вытекаетъ изъ нихъ, выражаясь прежде всего въ *монополизаци*и иногда цѣлыхъ или крупныхъ отраслей промышленности и устраненіи почти всякой конкуренціи,—этому опять таки поучаютъ насъ примѣры странъ, гдѣ синдикаты и особенно тресты получили уже широкое развитіе, какъ въ особенности въ Сѣв. Амер. Соед. Штатахъ. Усиливаясь все

---

¹⁾ Къ такому-же приблизительно выводу приходитъ и одинъ изъ русскихъ изслѣдователей этого вопроса со стороны чисто юридической, а именно проф. А. И. Каминка въ его брошюрѣ: „Предпринимательскіе союзы“ (очерки картельнаго права) 1909, а именно, онъ говоритъ: „Какъ бы мы ни относились къ этимъ союзомъ, о запретѣ ихъ не должно быть, не можетъ быть рѣчи. Второй выводъ заключается въ томъ что борьба съ предпринимательскими союзами, или точнѣе съ злоупотребленіями въ этой области, должна быть направлена не на тѣ юридическія формы въ которыя облакается ихъ дѣятельность, но на самую дѣятельность“. Назв. соч., стр. 128. См. также соображенія по сему вопросу въ брошюрѣ Е. С. Лурье: Предпринимательскіе союзы по русскому праву. 1914 г., а также въ крупныхъ вышеуказанныхъ соч. Гольдштейна, Назаревского, Курчинскаго и др.

болѣе и болѣе они въ концѣ концовъ становятся какъ бы особыми государствами въ государствѣ, и борьба послѣдняго съ ними во имя общественныхъ интересовъ можетъ дѣлаться подѣ концѣ совершенно невозможной. Отъ произвола-же этихъ учрежденій страдаютъ не только потребители ихъ услугъ или продуктовъ ихъ производства, но также въ значительной степени и *занятые въ нихъ рабочіе*, ибо даже сильныя въ иныхъ странахъ организаціи для защиты интересовъ послѣднихъ (рабочіе союзы) оказываются тоже бессильными въ борьбѣ со своекорыстно и узко защищаемыми синдикатами интересами ихъ участниковъ. Послѣдніе устраиваютъ иногда даже между собою особое взаимное страхование отъ послѣдствій стачекъ и забастовокъ со стороны рабочихъ, противопоставляя имъ *локауты* или огульные расчеты или роспуски рабочихъ.

Къ числу если не прямыхъ, то косвенныхъ мѣръ борьбы съ синдикатами могутъ быть относимы еще и слѣдующія мѣры:

1) Установленіе высшихъ *предѣльныхъ цѣнъ* на продукты и услуги синдицированныхъ производствъ.

2) Въ случаяхъ чрезмѣрнаго поднятія цѣнъ на такіе товары *пониженіе соответственныхъ покровительственныхъ таможенныхъ пошлинъ* или даже полная *отмена* послѣднихъ.

3) Въ такихъ крупныхъ отрасляхъ промышленности, какъ напр. желѣзно-дорожное дѣло и другихъ, непосредственно затрагивающихъ широкіе общественные интересы, въ родѣ обществъ для электрическаго и т. п. освѣщенія, водоснабженія и другихъ транспортныхъ предпріятій, оплата услугъ соответствующихъ учрежденій должна быть *регулируема особыми системами тарифовъ, также* и т. п.

4) Вообще-же по мѣрѣ концентраціи цѣлыхъ крупныхъ областей хозяйства или отраслей промышленности въ рукахъ немногихъ владѣльцевъ или обществъ, наиболѣе радикальнымъ цѣлесообразнымъ и справедливымъ разрѣшеніемъ вопроса должно являться *отчужденіе или выкупъ* соответственныхъ предпріятій казною или мѣстными общественными хозяйствами (городами, земствами и т. п.), какъ преслѣдующими непосредственно цѣли общественнаго блага или интереса по общему правилу, т. е. не считая случаевъ использования такихъ монополій въ цѣляхъ чисто *фискальныхъ* или исключительно ради извлеченія доходовъ отъ нихъ, (чему печальной памятью будетъ вѣроятно служить наша казенная винная монополія).

Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ, (каковыя вообще отнюдь не должны считаться исчерпывающими вопросомъ), были принимаемы и у насъ въ Россіи. Такъ еще до перехода большей части нашей желѣзнодорожной сѣти въ казну, ко всѣмъ линіямъ, какъ казеннымъ, такъ и частнымъ начали уже примѣнять болѣе или менѣе общую систему жел. дор. тарифовъ. Въ основѣ

последней отнюдь не лежат соображенія объ увеличеніи наибольшей возможной прибыли изъ этого дѣла, о чемъ въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ курса будетъ говоритья подробнѣе.

Вмѣсто первоначальнаго, чуть не прямого, поощренія одного изъ первыхъ возникшаго у насъ синдиката (свеклосахарныхъ заводчиковъ), была введена *правительственная нормировка* этого производства. Она имѣетъ общее съ первоначальными цѣлями синдиката въ ежегодномъ установленіи контингента сахарнаго песка, выпускаемаго на внутренній рынокъ; но сверхъ того устанавливаются обязательные запасы сахара, которые должны выпускаться на внутренній же рынокъ, если цѣны на сахаръ поднимутся выше установленныхъ *предѣльныхъ*. Если-же и это не приведетъ къ желанной цѣли, то снятіемъ таможенныхъ пошлинъ могутъ быть широко открыты таможенные ворота для доступа къ намъ заграничнаго сахара или матеріала для него— сахарнаго тростника.

Дѣлая самое общее заключеніе о значеніи всѣхъ такихъ соединеній можно сказать, что хотя въ нѣкоторыхъ, сравнительно болѣе рѣдкихъ, случаяхъ они упорядочиваютъ производство, (особенно, когда приводятъ къ закрытію плохо оборудованныхъ предпріятій), но въ цѣломъ нельзя допускать свободнаго безконтрольнаго ихъ функціонированія. И это въ особенности потому, что такія организациі основаны на принципѣ *рѣзкаго противоположенія интересовъ группъ производителей или продавцевъ интересамъ огромной, но по большей части совершенно не организованной, массы потребителей*. Въ прямомъ столкновеніи этихъ противоположныхъ интересовъ можно видѣть одно изъ наиболѣе яркихъ проявленій внутреннихъ противорѣчій, присущихъ современной системѣ хозяйства вообще. Вообще-же весь этотъ разсмотрѣнный процессъ развитія капиталистическихъ предпріятій осуществляется на чисто экономической почвѣ — борьбы за интересы или стремленія къ полученію наибольшей прибыли изъ вкладываемыхъ въ эти предпріятія капиталы. Когда-же ходъ такого хозяйственнаго развитія порождаетъ указанную концентрацію различныхъ отраслей промышленности, то и съ этимъ можно условно мириться, если въ конечномъ результатѣ это, содѣйствовало бы превращенію такихъ предпріятій и организаций изъ частныхъ въ общественныя. Для осуществленія же этого перехода благоприятными условіями являются тѣ, которыя выражаются въ достаточно выше разъясненномъ процессѣ *обезличенія капитала*, особенно въ формѣ предпріятій акціонерныхъ и только что разсмотрѣнныхъ ихъ соединеній, такъ какъ замѣнить хозяевъ ихъ—неопредѣленную массу акціонеровъ, не играющихъ личной роли въ веденіи дѣла,—общественными учрежденіями, какъ собственниками того-же дѣла, совсѣмъ не трудно. Точно также и въ роли фактическихъ управляющихъ дѣлами наемные директора, члены правленій, совѣтовъ и т. п. лица, избираемые акціонерами, равно какъ и

болѣе мелкіе и мѣстные агенты, съ успѣхомъ могутъ быть замѣнены соотвѣтственными служащими въ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, обыкновенно даже за гораздо меньше вознагражденіе. Последнее-же въ частныхъ обществахъ нерѣдко во много разъ превышаетъ любое министерское жалованье, особенно если считать съ долями прибыли, тантьемами и т. п. добавочными вознагражденіями, вовсе не вызываемыми необходимостью, а являющимися результатами чрезмѣрныхъ доходовъ предпріятій за счетъ потребителей ихъ продуктовъ или услугъ, а иногда и за счетъ недостаточно понимающихъ свои дѣла акціонеровъ.

Конечно, все это допустимо въ предположеніи, что и строй соотвѣтственныхъ казенныхъ и общественныхъ учреждений и ихъ управленій тоже совершенствуется въ смыслѣ системы и организациіи выборовъ представителей общенародныхъ или мѣстныхъ общественныхъ интересовъ, извѣстнаго ихъ контроля надъ дѣятельностью органовъ управленія въ тѣсномъ смыслѣ слова, отвѣтственностью и гласностью ихъ дѣйствій и т. п. условіями успѣшности всякаго рода управленія вообще. Для осуществленія-же всего этого нѣтъ надобности дожидаться полного преобразованія современныхъ основъ хозяйственнаго и общественнаго строя въ настоящія коллективистическія формы. И на это можно надѣяться потому, что исподволь или постепенно расширяется сфера явленій коллективнаго сознательнаго творчества, выражаясь въ проведеніи началъ большей планомерности хозяйственной дѣятельности, а не только послѣ раньше предполагавшагося необходимаго для сего «прыжка изъ царства необходимости въ царство свободы», какъ объ этомъ когда-то мечталъ Фр. Энгель и ему подобные (см. выше стр. 188).

Л и т е р а т у р а. В. Зомбартъ: Современный капитализмъ 2 т. т. 1904—1905.—Э. Р. Вреденъ: Строй промышленныхъ предпріятій. 1873.—А. П. Каминка: Акціонерныя компаніи. 1902.—А. И. Петражицкій. Акціонерная компанія. 1898.—Ө. Г. Тернеръ: Акціонерныя общества. Сборникъ госуд. знаній. 1875.—А. Schaeffle: Die Anwendbarkeit der verschied. Unternehmungsformen, въ его сборникѣ Gesammelte Aufsätze, т. I, 1885. — L. Goldschmidt: Alte u. neue Formen der Handelsgesellschaft. 1892. — И. И. Янжуль: Промысловые синдикаты 1895. — А. Гурьевъ. Промышленные синдикаты. 1898.—М. А. Курчинскій: Союзы предпринимателей. 1898. — I. М. Гольдштейнъ: Синдикаты и тресты и современная экономическая политика. 1907.—Его-же: Союзы предпринимателей. 1908. — Подъ его-же ред.: Законодательства различныхъ государствъ о синдик. и трестахъ. 1910. — М. Назаревскій: Очерки по исторіи и теоріи коллективно-капиталистическаго хозяйства, т. I, 1912. — Статья Клейнвехтера изъ словаря Comrad'a въ сборникѣ „Промышленность“ изд. Водовозовыхъ. 1896. — А. Каминка: Предпринимательскіе союзы. 1909. — Е. С. Лурье: Предпринимательскіе союзы по русскому праву. 1914. — Кафенгаузъ: Синдикаты въ русск. желѣзн. промышленности. 1910.—

А. *Весникъ*: Сѣв. америк. тресты. 1906. — П. *Лафаргъ*: Американскіе тресты (русск. перев). 1906. — *Liefmann*: Die Unternehmerverbände. 1897. *Его-же*: Kartellen und Trusts. 1905. — *Steinmann-Bucher*: Wesen u. Bedeutung der gewerbl. Kartelle въ Schmoller's Jahrbuch'a XV. 1891. — *Его-же*: Ausbau des Kartellwesens. 1902. — *Kleinwächter*: Die Kartelle. 1883. — *Schönlank*: Die Kartelle. 1890. — Schriften des Verein für Sozialpolitik, т. LX и LXI. — *Rousier*: Les syndicats industriels des producteurs. 1901. *Jenks*: The trust problem. 1900. — *Ely*: Monopolies and Trusts. 1902. — *Baumgart und Mezleny*: Kartelle u. Trusts, ihre Stellung in Wirthschafts u. — Rechtssystem der wicht. Kulturstaaten.

Б. Предпріятія и учрежденія кооперативныя.

Опредѣленія и классификація кооперативныхъ предпріятій. — Историческое развитіе *производительной* коопераціи и отдѣльные ея современные виды. — Сравнительная оцѣнка достоинствъ и недостатковъ производительной коопераціи и связь ея съ коопераціей потребительной.

Опредѣленія и классификація кооперативныхъ предпріятій.

Происхожденіе и развитіе чисто-капиталистическихъ предпріятій находятъ себѣ, какъ мы видѣли, полное объясненіе на почвѣ проявленія главнѣйшаго хозяйственнаго стимула — *эгоизма* и, въ частности стремленія къ полученію наибольшей прибыли изъ капитала. Учрежденія кооперативныя, противопологаются капиталистическимъ не только по своей формѣ, но и по присущему имъ особенному *духу*, именно — по стремленіямъ, которыя не могутъ считаться присущими одной только чисто экономической дѣятельности или природѣ «хозяйствующей личности», на каковой основѣ прежде строилось все зданіе современнаго хозяйства, равно какъ и изучающей его науки. И если такая основа вообще была признана слишкомъ узкой и одно-сторонней, то это находитъ себѣ особенное подтвержденіе при изученіи дѣятельности кооперативныхъ учреждений. Тутъ мы встрѣтимся и съ такими цѣлями и средствами, которыя никакъ не могутъ быть подведены подъ одинъ холодный эгоистическій расчетъ или стремленіе къ наибольшей наживѣ, хотя бы и на почвѣ совмѣстной дѣятельности съ другими лицами, но руководимыми такими же интересами. Объ *единоличномъ* чистомъ эгоизмѣ тутъ и подавно не можетъ быть рѣчи, такъ какъ всѣ кооперативныя учрежденія всегда предполагаютъ какую нибудь *совмѣстную* дѣятельность многихъ лицъ, между тѣмъ какъ громадное большинство капиталистическихъ предпріятій все таки остаются единоличными, не смотря на быстрое развитіе различныхъ видовъ ихъ сліяній и соединеній, борьба съ которыми, правда, для первыхъ становится все болѣе и болѣе затруднительной.

Здѣсь нельзя будетъ обойтись при объясненіи явленій безъ признанія такой движущей силы, какъ *стремленія къ особымъ идеаламъ*, далеко выходящимъ изъ области чисто — или матеріально экономическихъ интересовъ. Вотъ почему между прочимъ наиболѣе рьяные и послѣдовательные представители теоріи экономического матеріализма являлись какъ бы принципиальными противниками коопераціи вообще; если-же нѣкоторые изъ нихъ оказываются теперь въ рядахъ зя друзей, то лишь при условіи отреченія

отъ этого прежняго своего научнаго догматизма или слѣпой вѣры въ него. Насколько это послѣднее, умственное, теченіе принципиально отрицало всякое исканіе лучшихъ формъ экономическаго устройства, полагаясь всецѣло на независимый отъ нашей воли и сознанія процессъ хозяйственнаго развитія, настолько кооперативное движеніе,—такъ называемый «кооператизмъ»,—какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ представляется именно этимъ «исканіемъ лучшихъ формъ будущаго», если задачи его ставятся вообще шире; или же это просто стремленіе къ лучшему положенію и условіямъ своей хозяйственной дѣятельности хотя бы и на почвѣ современной дѣйствительности. И потому, только сдѣлавъ эти необходимыя оговорки, мы можемъ теперь приступить къ изложенію самаго дѣла, начиная съ опредѣленія сущности коопераціи.

Слово «кооперація» по буквальному переводу значитъ «сотрудничество» или «соединеніе труда»; но здѣсь,—въ видѣ соответственныхъ учрежденій или формъ предпріятій, оно употребляется въ болѣе узкомъ специфическомъ смыслѣ, чѣмъ то, что въ общей части курса было уже разъяснено подъ понятіемъ соединенія и раздѣленія труда вообще, какъ скорѣе нѣкоторыхъ механическихъ процессовъ производства или организаціи труда въ тѣсномъ смыслѣ слова. И хотя и здѣсь будетъ идти рѣчь о соединеніи трудовыхъ дѣйствій или усилій, но не исключительно ихъ однихъ, а въ связи съ особыми формами и способами обладанія и пользованія средствами производства, а отчасти даже и капиталами, но только не въ видѣ исторической категоріи послѣдняго, а скорѣе въ народно-хозяйственномъ его смыслѣ.

Противопоставляя выше (въ гл. I этого отдѣла, стр. 361) другъ другу различныя формы хозяйства, а именно: частныя общественнымъ, съ одной стороны, и капиталистическія—кооперативнымъ, съ другой, мы въ сущности дали уже для послѣднихъ болѣе или менѣе общее опредѣленіе, которое остается лишь кое-чѣмъ еще дополнить. Такъ, мы причислили кооперативныя предпріятія къ частнымъ потому, что *вступленіе въ нихъ происходитъ по договору или соглашенію, т. е. вполне свободно или добровольно*, между тѣмъ какъ участіе въ хозяйствахъ общественныхъ всегда болѣе или менѣе принудительно или обязательно. Отъ капиталистическихъ же предпріятій они отличаются тѣмъ, что въ нихъ *нѣтъ,—по общему правилу или не должно бы было быть—прямого противоположенія интересовъ капитала и труда, т. е. владѣльцевъ средствъ производства или денежныхъ суммъ—хозяевъ предпріятій, съ одной стороны, и рабочихъ или наемныхъ служащихъ, съ другой стороны.* Въ дѣйствительности, какъ мы увидимъ далѣе, отъ этого послѣдняго признака и здѣсь бываютъ отступленія—въ видѣ участія и въ кооперативныхъ учрежденіяхъ кромѣ настоящихъ членовъ ихъ

еще и наемныхъ лицъ. Но это бываетъ или въ не совсѣмъ чистыхъ типахъ этихъ учреждений, или въ такихъ, въ которыхъ трудовыя усилія вообще не играютъ первенствующей роли, т. е. въ не относящихся къ процессу производства. И если тѣмъ не менѣе такія учреждения все таки будутъ нами относиться къ кооперативнымъ, то, это во первыхъ, потому что вообще трудно установить вполне точную и всеобъемлющую систему и классификацію явленій и учреждений, развивающихся и измѣняющихся въ самой общественной жизни, а, во вторыхъ, въ виду признанія другихъ признаковъ кооперативности не менѣе, если не болѣе существенными. А въ числѣ этихъ другихъ признаковъ наиболѣе важнымъ признается другое отличіе кооперативныхъ предпріятій отъ капиталистическихъ, а именно: *отсутствіе той цѣли*, которая является главнѣйшей или типичной для капитализма и соответственныхъ предпріятій, т. е. *стремленіе къ извлеченію наибольшей возможной прибыли изъ своего капитала и при томъ, по возможности безъ труда со стороны его владѣльца*. Вотъ этой-то цѣли и не преслѣдуютъ предпріятія кооперативныя,—по общему правилу или смыслу ихъ какъ таковыхъ, что не устриваетъ иногда исключеній и въ этомъ отношеніи, но опять таки въ видѣ отклоненій отъ общаго ихъ типа.

Если же держаться того слишкомъ узкаго и потому неправильнаго опредѣленія понятія *предпріятія вообще*, которое устанавливается для него, на примѣрѣ, *В. Зомбартомъ* (см. выше стр. 406), отождествляющимъ его съ самимъ капитализмомъ, то нельзя было бы даже и говорить о кооперативныхъ «предпріятіяхъ», а слѣдовало бы называть ихъ учреждениями или еще какънибудь иначе. Но и противъ слова «учрежденія» тоже можно представить нѣкоторыя возраженія, если держаться того специфическаго значенія, которое придается этому термину въ чисто юридическомъ смыслѣ, какъ противоположеніе его въ видѣ «соединенія имуществъ» корпораціямъ, какъ «союзу лицъ». Оставляя же въ сторонѣ эти юридическія тонкости, съ одной стороны, и исключительно капиталистическій смыслъ слова предпріятія, съ другой, возможно, пользуясь обиходною рѣчью, называть кооперативы и предпріятіями, и учреждениями, какъ называются они также и товариществами, обществами, артелями и т. д.

Дѣлая попытку, на основаніи всего вышеизложеннаго, дать наиболѣе краткое и положительное опредѣленіе кооперативнымъ предпріятіямъ, мы сводимъ его къ слѣдующему: это есть *свободное соединеніе равноправныхъ лицъ ради достиженія путемъ совместныхъ хозяйственныхъ дѣйствій какихъ-либо выгодъ, но только не носящихъ характера капиталистической прибыли*, (какъ главной цѣли присущей предпріятіямъ капиталистическимъ, имъ противопологаемымъ). Опредѣлить скольконибудь болѣе точнымъ образомъ какъ эти совместныя дѣйствія, такъ и извлекаемая изъ нихъ выгода невозможно, такъ какъ кооперативныя предпріятія осущест-

вляются въ разнообразныхъ хозяйственныхъ сферахъ или процессахъ, сообразно которымъ устанавливается и соответственная ихъ классификація, къ чему мы и переходимъ.

Вполнѣ общепринятаго и болѣе точнаго опредѣленія кооперативныхъ предпріятій поэтому до сихъ поръ и нѣтъ, и, пожалуй, даже и не можетъ быть, такъ какъ каждый изъ занимавшихся этимъ авторовъ, сознательно или безсознательно, даетъ, перевѣсь той или другой сторонѣ кооперативной дѣятельности. Мы и не приводимъ поэтому здѣсь, могущаго быть очень длиннымъ, перечня этихъ разнообразныхъ опредѣленій, отсылая интересующихся этимъ къ указываемымъ специальнымъ сочиненіямъ по коопераціи¹⁾. То же самое приходится сказать и о классификаціи этихъ учреждений.

Наиболѣе естественной *схемой или классификаціей* кооперативныхъ учреждений была бы построенная на естественной группировкѣ ихъ *по хозяйственнымъ процессамъ* или основнымъ моментамъ, на которые издавна раздѣляется хозяйственная дѣятельность вообще.

Но, какъ мы видѣли въ «Введеніи» (стр. 4 и 5), не всѣ четыре хозяйственныхъ процесса признаются за самостоятельные нѣкоторыми изъ экономистовъ, а относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ дѣйствій могутъ возбуждаться сомнѣнія по поводу отнесенія ихъ къ тому или другому процессу. Такъ, болѣе спорнымъ является вопросъ относительно *сбыта* продуктовъ производства, такъ какъ это моментъ промежуточный между производствомъ съ одной стороны, и обращеніемъ или потребленіемъ, съ другой,—смотря по тому, попадаютъ ли продукты прямо въ руки ихъ потребителей, или же они проходятъ предварительно черезъ руки посредниковъ-торговцевъ. Устраненіе послѣднихъ,—вполнѣ или отчасти,—и составляетъ цѣль складочныхъ товариществъ, т.-е. кооперацій по сбыту производителями собственныхъ произведеній, по отношенію къ которымъ они становятся непосредственными продавцами, но не торговцами, т.-е. не лицами, специально занимающимися обращеніемъ или обмѣномъ товаровъ. Точно также и *сырьевыя* товарищества,—возникающія для цѣлей совместной закупки сырья или матеріаловъ для производства,—хотя онѣ и оперируютъ въ сферѣ купли-продажи, но специально для цѣлей производства, именно для сокращенія его издержекъ. Куда помѣщать эти два вида коопераціи—въ сущности безразлично, такъ какъ отъ этого нисколько не мѣняется суть самаго дѣла.

Меньше всего видовъ коопераціи остается на долю процесса *распределенія*; но, при желаніи, можно къ нему отнести *трудовыя* артели *наемныхъ* рабочихъ, которыя, продавая только такъ сказать голый трудъ своихъ сочленовъ нанимателю или подрядчику, въ сущности работаютъ такъ же или почти такъ же, какъ простые наемные рабочіе, но сами распределяютъ между собою вознагражденіе за свой трудъ, получаемое ими огуломъ, т.-е. въ общей суммѣ отъ нанимателя. Въ болѣе драматическомъ положеніи оказываются экономисты, принципиально отрицающіе процессъ *по-*

---

¹⁾ Одна изъ болѣе полныхъ сводокъ этихъ опредѣленій какъ и ихъ классификацій, находятся въ статьѣ проф. А. Ф. Фортунатова въ сборникѣ: „Курсы по коопераціи“, изд. Моск. народн. унив. имени А. Шанявскаго, подъ ред. проф. А. Мануилова, изд. 2, 1913 г. т. I, стр. 336 — 340.

требленія, но не отказывающіе въ такомъ наименованіи кооперативамъ или товариществамъ, служащимъ именно этой хозяйственной цѣли — экономіи въ процессѣ потребленія.

Безусловно безспорнымъ является лишь отнесеніе настоящихъ *производительныхъ* товариществъ, какъ и нѣкоторыхъ *производительно-подсобныхъ*, къ процессу *производства* и всѣхъ видовъ *кредитныхъ* кооперативовъ къ процессу *обмѣна*, ибо къ нему несомнѣнно относятся вопросы денежнаго и кредитнаго обращенія. Итакъ всякая классификація болѣе или менѣе искусственна и допускаетъ противъ себя какія-либо возраженія.

Не задаваясь въ виду всего этого цѣлью построенія особой системы или классификаціи кооперативныхъ учрежденій мы ограничиваемся тѣмъ, что правильнѣе всего назвать ихъ *перечнемъ*, а именно:

I. Безспорно относящіяся къ процессу *производства*:

1) *Производительныя товарищества* или артели (продуктивныя ассоціаціи у французовъ) — занимающіяся совмѣстнымъ производствомъ и сбытомъ продуктовъ, въ качествѣ вполнѣ самостоятельныхъ производителей (рыболовныя, охотничьи и т. п. артели) или даже владѣльцевъ предпріятій (столярныя, слесарныя, портняжныя, сапожныя и т. п.; артели).

2) *Производительно — подсобныя* товарищества, — образующіяся изъ лицъ, ведущихъ свое хозяйство (производство) вообще самостоятельно или раздѣльно, но пользующихся совмѣстно или сообща какими-либо средствами производства, какъ-то: орудіями или машинами, напимѣръ сельскохозяйственными и др., общими горнами, кузнями и т. п.; слѣдовательно они объединяются лишь въ нѣкоторые моменты производства.

II. Относящіяся одновременно къ *производству* и *распредѣленію*.

1) *Трудовыя артели наемныхъ рабочихъ*, напр., строительныхъ, судовыхъ, землекоповъ и т. п., которыя сами распредѣляютъ между собою сообща получаемое вознагражденіе за трудъ, хотя иногда и принимаютъ на себя болѣе или менѣе самостоятельные подряды на опредѣленныя работы.

III. Относящіяся одновременно къ *процессамъ производства* и *обращенія*:

1) *Сырьевыя* товарищества, — образующіяся для цѣлей совмѣстной и потому болѣе дешевой закупки сырья или вообще средствъ и матеріаловъ для производства, которое ведется ими самостоятельно или раздѣльно.

2) *Складочныя* — учреждаемыя для совмѣстнаго сбыта или продажи продуктовъ ихъ вполнѣ раздѣльнаго производства или-же подвергающихся частичной совмѣстной переработкѣ, — напимѣръ маслодѣльныя, сыроварныя и т. п. артели.

Всѣ только что перечисленные кооперативныя предприятия могутъ быть въ противоположность нижеслѣдующимъ названы еще *промышленными*, какъ связанныя съ опредѣленнымъ промысломъ, т. е. производствомъ продуктовъ.

IV. Относящіяся къ процессу *обращенія*:

1) *Кредитныя* и

2) *Ссудосберегательныя* товарищества, доставляющія при помощи кредита денежныя средства, иначе мало — или совсѣмъ недоступныя отдѣльнымъ входящимъ въ составъ ихъ лицамъ, увеличивающимъ такимъ путемъ свою кредитоспособность и обезпечивающимъ себѣ нѣкоторыя сбереженія.

V. Относящіяся къ процессу *потребленія*:

1) *Потребительныя общества*: а) совместно лишь закупающія болѣе или менѣе готовые предметы потребленія и продающія ихъ своимъ сочленамъ по дешевой цѣнѣ или по рыночной, съ начисленіемъ тогда прибыли, образующейся изъ разницы между оптовой закупочной цѣной и продажной

б) иногда *подвергающія свои товары дальнѣйшей переработкѣ*, т. е. переходящія тогда отчасти въ производительныя товарищества.

2) *Строительныя общества* — сообща строящія или приобретающія жилыя дома или квартиры въ нихъ.

3) *Страховыя* — основанныя на взаимности — общества.

Система этого перечня кооперативныхъ учрежденій не исключаетъ возможности другой ихъ классификаціи, напимѣръ, *по роду занятій* — на *промышленныя* и *сельско-хозяйственныя*, такъ какъ тѣ и другія отличаются другъ отъ друга нѣкоторыми, и иногда существенными, особенностями. Далѣе можно группировать ихъ *по степени объединенія сочленовъ*, какъ напимѣръ *всецѣло* въ настоящихъ производительныхъ товариществахъ или артеляхъ, или же лишь въ *нѣкоторые моменты* хозяйственной ихъ дѣятельности — сырьевые, складочные, производительно-подсобныя, потребительныя, кредитныя и др.

Наконецъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго болѣе подробнаго описанія ихъ, возможно различеніе ихъ *по отсутствію или присутствію* въ нихъ кромѣ настоящихъ членовъ *наемныхъ служащихъ* и *рабочихъ*, съ одной стороны, и *владельцевъ паевъ* (частей капитала въ предпріятіи), не принимающихъ непосредственно участія въ работѣ и вообще въ дѣятельности, составляющей главную сущность даннаго вида коопераціи.

Въ виду столь разнообразнаго проявленія кооперативнаго начала мы не находимъ удобнымъ объединять здѣсь, т. е. въ этой главѣ, всѣ виды соотвѣтственныхъ предпріятій, такъ какъ для полнаго разъясненія ихъ при-

шлось бы сейчас же, напимѣрь, говорить о кредитѣ, о потребленіи и т. д., о чемъ рѣчь вообще еще впереди. Поэтому здѣсь мы ограничиваемся только *общей постановкой вопроса* о кооперативныхъ формахъ предпріятій, сдѣлаемъ краткій очеркъ ихъ возникновенія и взаимной борьбы между нѣкоторыми ихъ цѣлями и задачами и остановимся нѣсколько подробнѣе только на *производительныхъ товариществахъ* и вообще на относящихся къ производству, да и то лишь въ промышленности, такъ какъ вопросы земледѣлія и сельскаго хозяйства выдѣляются нами въ слѣдующую особую главу.

Историческое развитіе производительной коопераціи и отдѣльные современные ея виды.

Развитіе этихъ учрежденій не можетъ, какъ уже выяснено, быть сведено къ такому генетическому процессу, который особенно рельефно проявляется, напимѣрь, въ сферѣ чисто капиталистическихъ предпріятій. Это развитіе обуславливалось какъ вышеуказанными многообразными цѣлями коопераціи, такъ и другими движущими мотивами и той обстановкой, въ которой имъ приходилось возникать и развиваться.

Наиболѣе *естественный* путь это былъ тотъ, по которому издавна развивались наши *русскія*, такъ сказать самобитныя или *бытовья*, *артели*. Исторически трудно указать не только на первоначальные моменты ихъ возникновенія, но даже и на время, когда бы ихъ у насъ совсѣмъ не существовало. Они возникали прежде всего въ такихъ промыслахъ, гдѣ самое производство работъ требовало непрерывнаго совмѣстнаго участія многихъ или нѣсколькихъ лицъ сразу, гдѣ, иначе говоря, необходимо было примѣненіе такъ называемаго *простого соединенія труда*. А таковыми промыслами были у насъ, какъ впрочемъ и вездѣ раньше, охота, рыбная ловля и т. п. промыслы, требующія совмѣстнаго загона звѣрей или пользованія неводами и т. п. приемами совмѣстной работы. Но въ то время, какъ въ другихъ странахъ большинство такихъ соединеній давно уже отошли въ область исторіи, у насъ они во многихъ мѣстностяхъ сохранились чуть не въ первобытной своей простотѣ и чистотѣ. Къ таковымъ-же типамъ относятся и такіе виды артельныхъ соединеній, которыя находятся въ связи съ нашими русскими кустарными а также и отхожими или бродячими промыслами.

Такъ кустари гончары (горшечники и т. п.) имѣютъ нерѣдко общіе горны, кузнецы и слесари—общія кузни, (особенно у гвоздарей), рѣже—другія общія мастерскія, существующія преимущественно въ ткацкомъ промыслѣ—общія свѣтелки; также общія помѣщенія встрѣчаются для стирки въ валяльномъ промыслѣ, парни—для распариванія дерева—въ колесно-

санномъ дѣлѣ и т. д. Это все такъ называемые *производительно-подсобные* виды артелей. Къ числу *бродячихъ* промысловъ, т.-е. практикуемыхъ не на мѣстѣ постоянного жительства участниковъ, относятся строительныя, каменоломенныя, землекопныя и т. п. артели.

Артельная или совмѣстная *закупка матеріала* для производства практикуется кустарями и др. нашими мелкими производителями вообще чаще, чѣмъ совмѣстная *продажа* ихъ издѣлій. Первая наиболѣе распространена въ деревообрабатывающей промышленности, (нерѣдко закупается артелью участками лѣсъ на корню, особенно бочарами Симбирск. губ.); отчасти встрѣчается также въ кожевенномъ, овчинномъ и скорняжномъ дѣлѣ.

Препятствіемъ къ широкому развитію такихъ сырьевыхъ артелей служить бѣдность крестьянъ-кустарей. Особенно страдаютъ они отъ непримѣненія этого способа тамъ, гдѣ матеріалъ свой получаютъ они отъ скупщиковъ ихъ же издѣлій.

Совмѣстныя дѣйствія *по сбыту* произведеній проявляются не столько въ устройствѣ общихъ складовъ и магазиновъ, — чему естественнымъ препятствіемъ является отдаленность мѣста жительства кустарей отъ рынковъ сбыта, — сколько въ регулированіи платы за свои издѣлія или цѣнъ за ихъ работу, т.-е. въ устраненіи конкуренціи между продавцами или производителями. Эта цѣль достигается соглашениями между собою объ этихъ условіяхъ, иногда размежеваніями районовъ работъ въ *отхожихъ* промыслахъ.

Такъ поступаютъ въ овчинномъ, валяльномъ, щеточномъ или щетинномъ промыслѣ, особенно, когда представители ихъ работаютъ на матеріалѣ заказчиковъ, для обработки котораго они и переходятъ съ мѣста на мѣсто ¹⁾.

Общими характерными чертами всѣхъ такихъ промысловъ являются ихъ примитивность, не требующая сколько нибудь широкаго примѣненія раздѣленія труда или сложныхъ техническихъ операций и орудій. Соединенія эти носятъ обыкновенно недолговременный характеръ, такъ что составъ и количество сочленовъ ихъ легко мѣняется, что дѣлаетъ ихъ приспособляемыми къ измѣненіямъ спроса на соотвѣтственные виды труда. (Это свойство менѣе присуще, какъ увидимъ далѣе, болѣе сложнымъ и постояннымъ формамъ производительныхъ товариществъ). Почвой или основой для такихъ артельныхъ соединеній является единство рода занятій и общность первоначальнаго мѣстожительства, «землячество», проявляющееся и до сихъ поръ въ *наемныхъ* артеляхъ въ разныхъ промыслахъ,

---

¹⁾ Наиболѣе полное перечисленіе и описаніе такихъ артельныхъ соединеній находится у г. В. В. въ его соч. „Артель въ кустарномъ промыслѣ“ 1895 г.

преимущественно отхожихъ, въ томъ, что, приходя на мѣста работы, напр., въ города, члены такихъ артелей снимаютъ обыкновенно и общее помѣщеніе, и заводятъ общій столъ, образуя такъ называемую иногда *артель — харчевую или стряпуху*. Все это явленія почти совершенно чуждые иностраннымъ соотвѣтственнымъ рабочимъ, и объясняются онѣ поэтому главнымъ образомъ присущимъ нашему народу артельнымъ духомъ, какъ и общиннымъ въ земледѣніи въ особенности, гдѣ мы встрѣтимъ такія наши бытовые кооперативныя явленія, какъ «помочи», «супраги», «толоки» и т. п.

И если возникающія на такой почвѣ соединенія не получили широкаго развитія, т.-е. дальше указанныхъ естественныхъ предѣловъ не пошли, то главнымъ образомъ потому, что имъ пришлось въ новѣйшее время развиваться въ средѣ, провибнутой уже новыми болѣе индивидуалистическими и капиталистическими началами. Приспособляемость же къ послѣднимъ сами по себѣ они обнаружили слабо даже и тогда, когда на помощь имъ впервые пришли другія силы—*идейныя начинанія* интеллигентной части русскаго общества, корни которыхъ уже не относятся къ самобытнымъ явленіямъ, а скорѣе являются плодомъ теоретическихъ идей, заимствованныхъ изъ западной Европы. Нельзя, однако, не подчеркнуть здѣсь же, что указанные самобытныя черты сами по себѣ представляли, и представляютъ еще и до сихъ поръ, особенно благопріятную психическую и обычно-правовую почву и для болѣе широкаго примѣненія принциповъ коопераціи вообще. Распространеніе послѣднихъ у насъ, какъ и многихъ другихъ идей, совершалось лихорадочно и спорадически, больше въ формѣ увлеченій, чѣмъ твердыхъ убѣжденій въ серьезномъ экономическомъ ихъ значеніи. Впрочемъ увлеченія въ этомъ дѣлѣ лежали нерѣдко въ основѣ и соотвѣтственныхъ западно-европейскихъ движеній, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и переходимъ.

Первоначальное зарожденіе кооперативныхъ идей въ этомъ болѣе широкомъ смыслѣ обусловливалось разочарованіями въ торжествѣ чисто индивидуалистическихъ началъ, на которыхъ основывалась и теорія, и практика хозяйства съ конца XVIII и начала XIX вѣковъ. Въ особенно тяжеломъ положеніи оказались рабочіе въ періодъ перехода промышленности къ крупнымъ ея формамъ въ связи съ введеніемъ машинъ, когда воочію обнаружили противорѣчія интересовъ труда и капитала. Долго пыталась скрывать ихъ экономическая наука того времени, проповѣдуя какъ единственное средство улучшенія положенія рабочихъ индивидуальную бережливость, воздержаніе отъ размноженія (по Мальтусу) и вообще расчеты только на индивидуальную самодѣятельность и самопомощь. Не мудрено, что въ это время и стали возникать, какъ чисто критическія и даже разрушительныя теоріи по отношенію къ новѣйшимъ формамъ хозяйства, такъ и попытки созданія такихъ плановъ общественнаго устройства, которые уже не ограничивались сферою однихъ хозяйственныхъ явленій. На такой почвѣ развивались различныя *утопи-*

ческие планы полного общественнаго переустройства, въ основу которыхъ полагалась вѣра и надежда на возможность полного измѣненія основныхъ чертъ характера и нравственныхъ качествъ человѣка (см. выше изложеніе началъ коммунизма стр. 167 и слѣд.). Въ числѣ такихъ мечтателей между прочими были *Робертъ Оуэнъ* въ Англіи и *Шарль Фурье* во Франціи, которыхъ многіе считаютъ родоначальниками коопераціи, съ чѣмъ возможно согласиться лишь съ большими оговорками.

Такъ одно изъ наиболѣе извѣстныхъ сочиненій перваго было посвящено именно вопросу о «Формированіи человѣческаго характера», а второй строилъ совершенно своеобразныя теоріи человѣческихъ страстей или наклонностей (attractions). И оба они мечтали о совершенно новомъ строѣ общественной жизни, въ которомъ начала коопераціи должны были играть одну изъ важныхъ, но не исключительныхъ ролей. У Оуэна это были скорѣе анархическо-коммунистическія общины, у Фурье—совершенно своеобразныя *фаланстеры*, которыхъ наиболѣе характерной чертой являлась непрерывная перемежа занятій, дѣлающая трудъ изъ бремени наслажденіемъ. Конечно, и тотъ, и другой, рисуя свои заманчивые планы будущаго, оказали извѣстное вліяніе на распространеніе и болѣе практическихъ началъ коопераціи. Примѣненіе же послѣднихъ въ дѣйствительной жизни осуществлялось до извѣстной степени и независимо отъ этого первоначальнаго утопическаго ихъ элемента.

Попытки устройства коммунистическихъ колоній въ Англіи и Америкѣ по планамъ Оуэна, и отчасти француза *Кабэ*, не дали и не могли дать сколько нибудь серьезныхъ результатовъ, такъ какъ все онѣ построены были на несвойственныхъ современнымъ людямъ чертахъ ихъ характера, слишкомъ противоположныхъ господствующимъ началамъ эгоистическимъ, (въ томъ числѣ на установленіи чуть не полной общности имущества, равенства доходовъ или вознагражденій за трудъ и т. п.).

Въ поискахъ матеріальныхъ или денежныхъ средствъ для осуществленія всѣхъ такихъ утопическихъ затѣй, практической умъ англійскихъ рабочихъ натолкнулъ ихъ, какъ на одинъ изъ источниковъ, на кооперацію въ области *потребленія*, получившую тамъ вслѣдъ за тѣмъ широкое и чисто практическое примѣненіе, лишь постепенно осложняясь задачами кооперативнаго производства. Во Франціи-же, наоборотъ, центръ тяжести практическихъ кооперативныхъ начинаній сразу былъ перенесенъ въ эту послѣднюю, наиболѣе сложную и потому наиболѣе трудную, область ихъ примѣненія, почему здѣсь и было достигнуто гораздо меньше реальныхъ результатовъ. Имѣя въ виду въ данномъ отдѣлѣ остановиться лишь на коопераціи въ процессѣ производства, мы и перейдемъ поэтому къ изложенію исторіи *производительныхъ ассоціацій*, лишь попутно связывая ихъ съ другими видами коопераціи, поскольку послѣдними обуславливается успѣхъ первыхъ.

Нельзя, какъ уже сказано, отрицать если не прямого, то хоть косвеннаго вліянія на ихъ развитіе идей *Фурье* съ одной стороны и съ другой—

французскаго-же социалиста графа *Сень-Симона*. Но оба они, строя свои совершенно фантастическіе планы будущаго, (и второй изъ нихъ съ большою примѣсю религіозно-мистическаго элемента), оказались не въ силахъ схватить главную суть экономическихъ противорѣчій интересовъ труда и капитала, лежащихъ въ основѣ современнаго хозяйства. Такъ Фурье представлялъ себѣ слѣдующее идеальное распредѣленіе доходовъ отъ производства: $\frac{5}{12}$ на долю труда, $\frac{3}{12}$ —на долю таланта и $\frac{4}{12}$ —на долю капитала; значить, послѣдній, если не на всегда, то на долгое переходное время, являлся бы однимъ изъ участниковъ въ дѣлежѣ результатовъ общественнаго производства. А Сень-Симонъ, выдвигая на первое мѣсто въ общественныхъ рангахъ представителей промышленныхъ классовъ вообще, не замѣчалъ существующаго внутри ихъ противорѣчія интересовъ представителей труда и капитала; (правда въ его время во Франціи крупная промышленность была еще не развита). Въ основу же распредѣленія доходовъ онъ полагалъ принципъ: «Каждому по его способностямъ, каждой способности по ея работѣ или произведенію (ouvrage)». И только въ трудахъ его послѣдователей сенъ-симонистовъ, (въ особенности у *Анфантена* и лишь отчасти у *Базара*), обнаруживается большое развитіе идей производительныхъ ассоціацій.

Настоящимъ идеологомъ послѣднихъ былъ крупный франц. политическій и общественный дѣятель эпохи 30 и 40-хъ годовъ *Луи Бланъ*, съ именемъ и дѣятельностью котораго уже неразрывно связаны первыя широкія попытки ихъ практическаго осуществленія. Въ своемъ наиболѣе общеизвѣстномъ сочиненіи: «Организація труда», Л. Бланъ, съ одной стороны, далъ впервые теоретическое объясненіе тяжелаго положенія рабочихъ классовъ, какъ вытекающее изъ начала *конкуренціи*, лежащей въ основѣ современнаго хозяйства вообще, такъ и въ области борьбы рабочихъ между собою изъ за заработка, сводимаго благодаря ей нанимателями—капиталистами къ минимуму средствъ существованія. Съ другой стороны, т. е. въ области пракческаго разрѣшенія этого вопроса, онъ нарисовалъ довольно полную картину того, какъ должно быть устранено противорѣчіе интересовъ труда и капитала, а именно: организаціей всей промышленности въ формѣ «соціальныхъ мастерскихъ» (*ateliers sociaux*), устраиваемыхъ государствомъ, въ качествѣ ихъ инициатора и руководителя лишь на первыхъ порахъ, съ тѣмъ, чтобы веденіе всего дѣла въ нихъ впослѣдствіи сосредоточивалось въ рукахъ самихъ ихъ членовъ—рабочихъ, по мѣрѣ того, какъ они подготовятся къ такому самоуправленію.

Доходы въ этихъ мастерскихъ должны-бы дѣлиться на слѣдующія три части: первая—на вознагражденіе рабочихъ, въ болѣе или менѣе равныхъ доляхъ, вторая—на содержаніе старыхъ, больныхъ и увѣчныхъ членовъ ихъ, (какъ бы въ видѣ страховыхъ премій или взносов), а также на случай кризисовъ въ данной и другихъ отрасляхъ промышленности, и, наконецъ, третья часть—на приобрѣтеніе средствъ и орудій производства для

дальнѣйшаго развитія подобныхъ учрежденій. Каждому члену ассоціаціи предоставляется свободное распоряженіе своимъ заработкомъ; но высказывается надежда на то, что сознаніе выгодъ совмѣстнаго хозяйства разовьется настолько, что это приведетъ къ образованію добровольныхъ ассоціацій въ сферѣ потребленія. Непосредственно въ своихъ рукахъ государство сосредоточить только нѣкоторыя особенно къ тому приспособленныя отрасли хозяйства, въ родѣ средствъ сообщенія, горнаго, банковаго дѣла, страхованія и т. д. Осуществленіе всѣхъ этихъ цѣлей можетъ быть достигнуто исподволь частью на почвѣ развитія той-же первоначальной конкуренціи, приводящей къ торжеству болѣе крупныхъ формъ надъ мелкими, частью измененіемъ порядка наслѣдованія имуществъ—устраненіемъ отъ него сперва побочныхъ линій, широкими государственными займами и т. п. средствами.

Въ этой широкой программѣ, выходящей конечно далеко за предѣлы чистыхъ кооперативныхъ началъ, можно видѣть скорѣе зародышъ того, что называется «государственнымъ социализмомъ». И былъ моментъ, когда казалось возможнымъ начать его осуществленіе, а именно—эпоха февральской революціи (1848 г.). Но въ основѣ этого политическаго движенія лежали два общественныя начала или теченія—политическое и социальное; и въ сущности только первое возымѣло, какъ извѣстно, нѣкоторые, да и то временные результаты, завершившись паденіемъ іюльской монархіи съ тѣмъ, чтобы вскорѣ на смѣну второй республики наступилъ режимъ Наполеона III. Въ короткій періодъ самой этой революціи вотъ нѣкоторымъ ея дѣятелямъ и казалось возможнымъ осуществить, если и не всѣ, то хотя бы нѣкоторыя изъ этихъ мечтаній Л. Блана и его сподвижниковъ, въ томъ числѣ въ особенности—эти продуктивныя ассоціаціи. И дѣйствительно, подъ влияніемъ соответственнаго подъема общественнаго настроенія вообще и среди рабочихъ классовъ въ особенности, это время и было эпохой наиболѣе быстрого ихъ возникновенія, но только временнаго, какъ впрочемъ и всякихъ начинаній, обусловленныхъ моментами исключительныхъ увлеченій или подъемовъ духа.

Нельзя однако приписывать этому историческому моменту исключительнаго значенія въ этомъ дѣлѣ, ибо для него была отчасти уже подготовлена и другая, болѣе практическая, почва общественнымъ дѣятелемъ, имя котораго далеко не запечатлѣно исторіей такъ, какъ имя Л. Блана, а именно нѣкимъ *Бюше* (Buche); (подобно тому, какъ позднѣе въ Германіи кооперативное движеніе своими крупными реальными результатами оказалось обязаннымъ гораздо болѣе скромной дѣятельности Шульце-Делича, чѣмъ шумной агитаціи въ этой сферѣ Ф. Лассаля).

Бюше по первоначальнымъ взглядамъ своимъ отчасти былъ сен—симонистомъ, (а въ ранней молодости отдавалъ даже дань

чисто революціоннымъ стремленіямъ, пытаюсь, напрімѣръ, пересадить на французскую почву итальянскій карбонаризмъ). Но затѣмъ онъ извѣрился въ дѣйствительность какихъ-либо магическихъ средствъ благодѣтельствованія рабочихъ, идущихъ извнѣ, т. е. со стороны того или другого правительства. И онъ раньше другихъ своихъ сотоварищей призналъ главнѣйшимъ источникомъ бѣдственнаго положенія рабочихъ классовъ отсутствіе у нихъ собственныхъ средствъ производства или принадлежность послѣднихъ классу капиталистовъ. Естественнымъ и логическимъ выводомъ отсюда и явилось у Бюше рѣшеніе этого вопроса въ видѣ продуктивныхъ ассоціацій, такъ какъ въ послѣднихъ средства производства принадлежатъ самимъ рабочимъ—членамъ этихъ ассоціацій.

Внѣдреніе этой идеи въ сознаніе самихъ рабочихъ Бюше поставилъ задачей своей дальнѣйшей жизни, стараясь внушить рабочимъ въ то-же время, что въ достиженіи этой цѣли они должны рассчитывать главнымъ образомъ, если не исключительно даже, только на самихъ себя. Но цѣль эта не должна была разсматриваться ими только какъ простое средство немедленнаго улучшенія матеріальнаго ихъ положенія, а какъ болѣе широкая и благородная задача эманципаціи рабочаго класса вообще. Преодоленія различныхъ трудностей при учрежденіи и дальнѣйшемъ веденіи дѣла въ этихъ ассоціаціяхъ требовало поэтому отъ рабочихъ извѣстной самоотверженности или самопожертвованія, такъ какъ нерѣдко заработки ихъ тутъ не достигали обычной оплаты ихъ труда въ качествѣ простыхъ наемныхъ рабочихъ. Къ этому еще присоединялся и нѣкоторый, иногда довольно тяжелый, рискъ предпріятія, принимаемый теперь ими на самихъ себя, вслѣдствіе необезпеченности сбыта ихъ произведеній, особенно усиливавшійся вслѣдствіе недоброжелательнаго отношенія къ этимъ новымъ видамъ предпріятій со стороны буржуазно настроенной публики, состоявшей въ большинствѣ изъ мелкихъ производителей и продавцовъ, видѣвшей въ нихъ поэтому своихъ конкурентовъ.

Первая такая продуктивная ассоціація столяровъ-мебельщиковъ была устроена по плану Бюше въ Парижѣ въ 1831 г., вторая—золотыхъ дѣлъ мастеровъ въ 1834 г. Характерной чертой указаннаго начала самопожертвованія служило то, что капиталъ, который образовывался сперва изъ сбереженій членовъ ассоціаціи, а затѣмъ изъ прибылей, долженъ былъ оставаться *недѣлимымъ и неотчуждаемымъ*, увеличиваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе; пользоваться имъ могъ всякій входящій въ составъ членовъ ассоціаціи. По планамъ Бюше капиталъ этотъ постепенно увеличиваясь могъ бы въ послѣдствіи достигать очень крупныхъ размѣровъ и представлять собою крупный фондъ для переустройства на такихъ началахъ всей промышленности ¹⁾.

---

¹⁾ При всей утопичности на первый взглядъ этого плана Бюше, дѣйствительность обнаружила нѣкоторое частичное его осуществленіе въ особыхъ подобныхъ ассоціаціяхъ, учрежденныхъ почти въ то же время, но уже на болѣе религіозныхъ началахъ во Франціи, а именно, въ „братствахъ“; въ

Эти и подобныя имъ единичныя попытки устройства продуктивныхъ ассоціацій развивались сперва очень медленно, такъ какъ, кромѣ указанного недостатка первоначальныхъ средствъ, требовалась еще и самоотверженная преданность лежащей въ основѣ ихъ идеи равенства и братства. Дальнѣйшее содѣйствіе развитію такихъ товариществъ взяла на себя между прочимъ и вліятельная во Франціи католическая церковь и связанныя съ ней политическія партіи. Будучи строго консервативными въ чисто политическомъ отношеніи и состоя исключительно изъ монархистовъ, дѣятели этой категоріи видѣли въ этой, какъ и въ другихъ видахъ коопераціи, средство частью простого улучшенія положенія рабочихъ классовъ, частью же усиленія вліянія духовенства. Наибольшее сравнительное развитіе на такой почвѣ основанныя кооперативныя учрежденія получили уже въ позднѣйшее время въ области сельскаго хозяйства, (о чемъ далѣе поѣтому и говорится особо), такъ какъ религіозность вообще болѣе присуща во Франціи, какъ впрочемъ и вездѣ, сельскому населенію.

Крупнѣйшимъ толчкомъ къ почти внезапному увеличенію продуктивныхъ ассоціацій во Франціи послужили идеи, связанныя съ февральской революціей 1848 г., о чемъ уже выше говорено, поскольку это было связано съ дѣятельностью Луи Блана и его единомышленниковъ. Но онъ съ ними былъ устраненъ отъ фактическаго вліянія на исходъ этого политическаго движенія; настоящее же временное правительство вовсе не сочувствовало сколько-нибудь кореннымъ преобразованіямъ соціального и экономическаго строя жизни. Поэтому непосредственно правительственная помощь продуктивнымъ ассоціаціямъ выразилась лишь въ предоставленіи нѣкоторымъ изъ нихъ возникшимъ въ это время правительственныхъ заказовъ, напр. по шитью платья и вообще обмундированія войскъ, и наконецъ въ выдачѣ имъ,—правда, лишь послѣ кровавой іюньской расправы съ рабочимъ классомъ, какъ бы въ видѣ дани искупленія,—3 милліонной ссуды, сыгравшей въ послѣдствіи скорѣе предательскую или губительную роль въ судьбѣ этихъ учреждений.

Кромѣ того не безъ задней мысли доказать утопичность или прямо несостоятельность всѣхъ подобныхъ начинаній были въ это время учреждены знаменитыя «національныя мастерскія» (*ateliers nationaux*), введенія въ заблужденіе не только народъ, но и многихъ историковъ этого времени, считавшихъ ихъ продуктомъ творчества самого Луи Блана. Въ дѣйствительности же эти послѣднія были устроены не только помимо всякаго его въ этомъ участія, а даже прямо противъ него министромъ публичныхъ работъ—*Мари*. Завѣдываніе ими было послѣднимъ поручено своему ставленнику, очень ограниченному человѣку—*Эмилю Тома*, написавшему небольшую книжку, въ которой онъ съ полнымъ безпристрастіемъ изложилъ ихъ исторію¹⁾.

1881 г. въ общей сложности такого неотчуждаемаго имущества у нихъ было 800 мил. фр., а въ 1898 г. размѣръ его доходилъ уже до 2 милліардовъ. *А. Бансэль*. Кооператизмъ. 1903 г., стр. 114.

¹⁾ *Em. Thomas*. Histoire des ateliers nationaux.

Это въ сущности скорѣе отчетъ о дѣятельности національныхъ мастерскихъ, изъ котораго вполне явствуетъ безсмысленность этой затѣи, т. е. отсутствіе сколько нибудь серьезнаго плана,—если не считать за таковой—цѣли дать какое нибудь занятіе и заработокъ рабочимъ, оставшимся вслѣдствіе приостановки промышленной жизни безъ работы и безъ средствъ къ существованію. Кромѣ того изъ книги этой ясно видно, что какъ самъ Э. Тома, такъ и всѣ занятые въ этихъ мастерскихъ рабочіе были прямо враждебно настроены противъ самого Луи Блана и дѣйствительно преданныхъ ему или вѣрившихъ въ него другихъ рабочихъ. Съ наступленіемъ извѣстныхъ кровавыхъ іюньскихъ дней мастерскія эти, какъ сыгравшія свою отрицательную роль, и были немедленно закрыты.

Возникшія-же въ это время настоящія самостоятельныя производительныя ассоціаціи продолжали нѣкоторое время развиваться, конечно, будучи нѣсколько подогрѣваемы духомъ, унаслѣдованнымъ отъ этой особенной эпохи. И несомнѣнно гораздо большее число ихъ сохранилось бы и до настоящаго время, если бы не наступившій вскорѣ послѣ того государственный переворотъ 2 декабря 1851 г., доставившій императорскую корону тому самому Луи Бонапарту, который впервые выдвинулся благодаря той-же февральской революціи. Стараясь изгладить всякія воспоминающія о такомъ источникѣ происхожденія своей власти, Наполеонъ III между прочимъ сразу же обрушился на эти совершенно невинныя въ политическомъ отношеніи учрежденія, находя предлогъ для ихъ закрытія въ неуплатѣ ими полученныхъ ссудъ изъ вышеуказаннаго 3 милліоннаго фонда, хотя самые сроки и условія уплаты вовсе не были въ моментъ ихъ выдачи формулированы сколько нибудь опредѣленно. Такъ закончился, можно сказать, «героическій» періодъ въ исторіи этихъ новыхъ учреждений. Дальнѣйшее-же ихъ развитіе шло уже путемъ гораздо болѣе обыкновеннымъ и не дало въ разсмотрѣнной ихъ формѣ сколько нибудь крупныхъ положительныхъ результатовъ какъ во Франціи,—духовной родинѣ этого типа кооперативовъ,—такъ и въ другихъ странахъ.

Въ числѣ попытокъ содѣйствія этимъ учрежденіямъ въ нѣсколько иной формѣ приблизительно въ это же время были и такія, которыя сводились къ оказанію имъ кредита, основаннаго на началахъ взаимности или тоже кооперативнаго. Особенный толчекъ этому былъ данъ между прочимъ теоріями и планами знаменитаго французскаго писателя *Прудона*, мечтавшаго даже о совершенно безвозмездномъ кредитѣ, какъ всеобщей панацеѣ для освобожденія рабочаго класса отъ господства надъ нимъ капитала или даже отъ «тираніи частной собственности», какъ онъ самъ ставилъ свой идеаль. Но здѣсь не мѣсто вдаваться въ разборъ этихъ вообще утопическихъ плановъ, не лишенныхъ самихъ по себѣ большой дозы присущаго этому писателю остроумія, болѣе цѣннаго однако въ области критической, чѣмъ творческой. Вообще же Прудонъ въ сущности не былъ ни социалистомъ, ни простымъ кооператоромъ, а скорѣе чистѣйшимъ индивидуалистомъ, по общему духу

его возрѣній или «мютюалистомъ» — отъ слова *mutualité* — взаимность. Къ тому же роду проектовъ относились попытки объединенія такихъ кооперативовъ на почвѣ нарочно для того создаваемыхъ всеобщихъ рабочихъ союзовъ съ общей кассой (напримѣръ проектъ еще 1843 г. нѣкоей *Флоры Тристанъ*, равно какъ и подъ вліяніемъ другой дѣятельницы *Жанны Деруэнъ*, (настоящая фамилія которой была *Desroches*), возникшій въ 1849 г. «Братскій союзъ ассоціацій» (*Union des associations fraternelles*). Это учрежденіе впервые выявило основные недостатки разрозненной дѣятельности производительныхъ товариществъ, выразившіеся въ недостаткѣ кредита, въ необеспеченности сбыта ихъ произведеній, въ неумѣломъ руководствѣ дѣломъ вообще и т. д. Въ составъ его сразу вошли 104 ассоціаціи, которыя собирались установить взаимный между собою обмѣнъ продуктами ихъ производства, взаимный кредитъ — даже въ формѣ рекомендованныхъ Прудомъ особыхъ кредитныхъ знаковъ (*bons de circulation* или *bons d'échange*), которые служили бы и знаками расплаты. Вообще же въ средѣ этого союза развилось впервые сознаніе необходимости *установить болѣе тѣсную и планомерную связь между производствомъ и потребленіемъ*, въ чемъ, какъ увидѣмъ далѣе, дѣйствительно и коренится залогъ успѣха настоящей кооперации. Но фактически осуществить этому союзу почти ничего не удалось, такъ какъ онъ былъ на слѣдующій же годъ закрытъ правительствомъ, подъ предлогомъ политической его неблагонадежности, хотя политики въ настоящемъ смыслѣ онъ былъ совершенно чуждъ. Моментъ учрежденія этого союза можетъ считаться кульминаціоннымъ пунктомъ въ идейномъ развитіи этого мирнаго кооперативнаго рабочаго движенія, задавашагося широкими идеями освобожденія рабочихъ на почвѣ производительной кооперации.

Фактическіе или практическіе результаты этого движенія во Франціи, какъ уже сказано, оказались незначительными. По даннымъ одного изъ послѣднихъ обслѣдованій всего вопроса о производительныхъ кооперативахъ, произведеннаго англійскимъ *Фабіанскимъ обществомъ*, главные или наиболѣе общіе цифровые результаты могутъ быть сведены къ слѣдующимъ ¹⁾: въ 1848—49 г.г. было основано болѣе 200 произв. тов., изъ коихъ около ²/₃ въ г. Парижѣ; изъ нихъ до 1884 г. сохранилось 31, имѣвшихъ членами отъ 6 до 190 чел.; въ 1887 г. итальянскій изслѣдователь *Ugo Rabbeno* нашелъ тамъ 17, просуществовавшихъ 38 лѣтъ (съ 1849 г.); до 1914 г. изъ прежнихъ сохранилось всего 2 — пильщиковъ и производителей оптическихъ и точныхъ инструментовъ, послѣдніе съ 1000 участниковъ и съ капиталомъ возросшимъ съ 4000 фр. до 2, 3 милліоновъ, (но это уже почти капиталистическое предпріятіе, пай, или почти что акціи, коего поднялись съ 300 до 50.000 фр. ²⁾). Но за это же время возникло и много новыхъ, такъ что въ 1914 г. всего ихъ насчитывалось во Франціи около 500, въ составъ коихъ входило болѣе 20.000 членовъ — пайщиковъ и около 3000 наемныхъ рабочихъ; общій годовою оборотъ ихъ составлялъ около 3 милл. фунт. стерл. (около 30 милл. руб.). Большинство этихъ кооперативовъ были мелкіе съ капиталомъ (паемъ) около 200 руб. на 1 лицо. Около 100 кооп. существуетъ болѣе 10 лѣтъ, около 50 болѣе 20 л. и т. д. Въ числѣ осо-

¹⁾ Специальное приложеніе къ журналу *The new Statesman*, изслѣдов. Фабіанскаго Общ. о производ. тов. т. II, № 45 отъ 14 февр. 1914 г.

²⁾ *Бансель*, н. с., стр. 114.

быхъ причинъ, вызывавшихъ возникновеніе этихъ учрежденій, были между прочимъ и *стачки*, послѣ которыхъ часть рабочихъ, потерявъ прежніе заработки и будучи воодушевлены идеями солидарности интересовъ, устраивали такіе кооперативы. Отчасти содѣйствовали учрежденію ихъ рабочіе союзы, особенно въ новѣйшее время тѣхъ изъ нихъ, которые примыкаютъ къ особому рабочему движенію—*синдикализму*, называемому иногда даже революціоннымъ, которое снова возвращается къ первоначальной идеѣ—устраненію борьбы труда съ капиталомъ при помощи широкаго развитіи подобныхъ продуктивныхъ ассоціацій, имѣющихъ въ будущемъ захватить въ свои руки чуть не всѣ отрасли промышленности; (объ этомъ движеніи мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ особо, такъ какъ серьезнаго воздѣйствія на развитіе настоящихъ кооперативныхъ учрежденій оно еще не оказало). Съ другой стороны, и современное французское правительство, и консервативныя партіи тоже начинаютъ относиться къ этому виду коопераціи болѣе сочувственно; такъ первое даетъ имъ иногда довольно крупныя заказы. Подъ вліяніемъ рабочихъ союзовъ и послѣ большой стачки рабочихъ въ Кармо въ 1894 г. возникла въ 1895 г. одна особенно крупная производ. ассоціація—*стеклящиковъ въ г. Альби*, находящаяся подъ нѣкоторымъ руководствомъ рабочихъ союзовъ, имѣющихъ въ ней такое значительное количество паевъ, на ряду съ другими общественными организаціями, что это учрежденіе нельзя даже отнести къ разсмотрѣнному типу кооперативовъ, въ смыслѣ «самоуправляющихся мастерскихъ» (*Selfgoverning workshops*), какъ ихъ называютъ англичане. Но мы оставляемъ критику и разборъ дѣятельности такихъ кооперативовъ до разсмотрѣнія исторіи и положенія ихъ въ другихъ странахъ, къ чему сейчасъ и переходимъ.

Германія являетъ собою наиболѣе противоположный Франціи характеръ развитія кооперативнаго движенія вообще и этого вида его въ частности. И здѣсь былъ такой-же моментъ «идейнаго» увлеченія производительными кооперативами; но только этотъ моментъ былъ еще болѣе короткимъ и далъ еще меньше реальныхъ результатовъ. Это было въ первой половинѣ 60 г.г. прошлаго вѣка, когда выразителемъ такой идеи явился извѣстный германскій общественный дѣятель, талантливый, отчасти даже ученый, писатель *Фердинандъ Лассаль*. Въ сущности онъ не создалъ въ сферѣ коопераціи какихъ-либо новыхъ идей, а взялъ ихъ болѣе или менѣе готовыми отъ Луи Блана, (какъ и большинство своихъ чисто теоретическихъ положеній отъ К. Маркса). Подобно первому изъ нихъ Лассаль видѣлъ въ производительныхъ ассоціаціяхъ средство разрѣшить чуть не весь соціальный вопросъ о борьбѣ труда съ капиталомъ, при чемъ также признавалъ необходимымъ широкое содѣйствіе этому дѣлу со стороны государства.

Будучи въ тоже время практическимъ политическимъ дѣятелемъ, Лассаль хорошо понималъ, что современный ему государственный строй тогдашней не объединенной Германіи,—стоявшей еще въ нѣкоторой связи съ Австріей и отчасти подъ ея главенствомъ,—не могъ бы осуществить этой идеи, такъ какъ интересы рабочихъ тамъ не были еще вовсе или очень мало представлены. По-

этому прежде всего Лассаль агитировалъ въ пользу всеобщей подачи голо-совъ по выборамъ въ парламентъ, которая одна только и могла бы, по его мнѣнію, въ концѣ концовъ передать фактически власть въ руки этого большинства населенія. Отсюда и несомнѣнный результатъ его дѣятельности—въ видѣ пробужденія въ средѣ рабочихъ ихъ классоваго правосознанія и образованія чисто рабочихъ партій и союзовъ.

Организація производительныхъ ассоціацій, о которой мечталъ Лассаль, должна бы была сводиться къ тѣсной связи ихъ между собою, сперва въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности, а затѣмъ и во всѣхъ. Тогда вмѣстѣ съ тѣмъ могъ бы быть уничтоженъ и *рискъ*, присущій современнымъ капиталистическимъ предпріятіямъ, такъ какъ производство получило бы планомѣрное руководство имъ сообразно интересамъ потребленія вообще, освободившись отъ условій конкуренціи и конъюнктуры.

Исходя изъ такихъ общихъ руководящихъ идей, Лассаль съ такой-же энергіей, съ какой онъ защищалъ кооперацію производственную, почти совершенно отрицалъ всѣ другія виды коопераціи, въ томъ числѣ въ особенности потребительную. Не отрицая ея примѣнимости въ цѣляхъ удешевленія средствъ существованія рабочихъ, Лассаль считалъ, что пользу изъ этого извлекутъ не сами рабочіе, а ихъ наниматели—капиталисты въ силу имъ-же (Лассалемъ) обоснованнаго «железнаго» закона заработной платы.

Суть послѣдняго заключалась въ томъ, что заработная плата рабочихъ постоянно сводится къ минимуму средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія ихъ потребностей, (почему и какъ—объ этомъ будетъ подробнѣе говориться въ ученіи о заработной платѣ). Поэтому, если поддержаніе своего существованія будетъ обходиться рабочимъ дешевле, — въ томъ числѣ при помощи потребительной коопераціи,—то наниматели ихъ настолько же понизятъ денежную плату рабочимъ, такъ что послѣдніе ничего отъ этого не выиграютъ.

На этой-то почвѣ, равно какъ и по вопросу о преимущественномъ значеніи государственной помощи или самопомощи, разгорѣлся тогда извѣстный споръ между Лассалемъ и *Шульце-Деличемъ*, этимъ настоящимъ отцомъ нѣмецкой, да пожалуй и вообще, практической коопераціи.

Шульце-Д. не былъ врагомъ и производительной коопераціи, но только считалъ ее самымъ сложнымъ и потому трудно осуществимымъ видомъ, въ особенности сразу, т. е. безъ подготовки къ ней при помощи другихъ видовъ коопераціи. И потому, будучи болѣе практическимъ дѣятелемъ, Шульце-Д. главнымъ образомъ и рекомендовалъ рабочимъ именно устройство потребительныхъ обществъ и товариществъ, какъ наиболѣе для нихъ доступныхъ и могущихъ сейчасъ-же приносить реальные выгоды. Вообще-же Шульце-Д.

имѣлъ въ виду интересы не только наемныхъ рабочихъ, но и вообще болѣе бѣдныхъ и отчасти среднихъ классовъ населенія, борьба за существованіе для которыхъ становилась все труднѣе и труднѣе по мѣрѣ развитія крупной промышленности и вообще силы капитала. Не отрицая роли и значенія послѣдняго, Шульце-Д. стремился только къ тому чтобы потребители при помощи соотвѣтственной коопераціи могли бы избавляться отъ эксплуатаціи ихъ торговцами, чтобы мелкіе хозяева и ремесленники, объединяясь въ коопераціи сырьевыя, складочныя и производительно-подсобныя, могли бы обезпечивать себѣ такія-же преимущества въ своей хозяйственной дѣятельности, которыя доступны сами по себѣ только крупнымъ капиталистамъ-предпринимателямъ. Въ числѣ этихъ условій на одно изъ первыхъ мѣстъ Ш.-Д. выдвигалъ и *кооперативный кредитъ*, въ особенности въ видѣ разработаннаго имъ типа ссудосберегательныхъ товариществъ.

Большинство изъ пропандированныхъ Шульце - Деличемъ видовъ коопераціи вскорѣ и получили широкое развитіе и не только въ Германіи, но и вообще; между тѣмъ какъ широкіе и болѣе увлекательные планы Лассалья меньше всего осуществлены были въ той-же Германіи. Поэтому, оставляя пока въ сторонѣ потребительныя общества, можно считать что всѣ остальные виды коопераціи въ Германіи имѣютъ преимущественное распространеніе въ средѣ мелкихъ хозяевъ, ремесленниковъ, землевладѣльцевъ и т. п.

Теоретическій же споръ между Лассалемъ и Шульце-Деличемъ первое и довольно долгое время рѣшался представителями рабочихъ интересовъ и ихъ партій въ духѣ Лассалья, пока въ сферѣ рабочаго движенія не начало играть первенствующей роли яко-бы «ортодоксальное» марксистское направленіе. Послѣднее исходило изъ признанія неизбѣжности наиболѣе полного и широкаго развитія капитализма вообще и крупнѣйшаго въ особенности, какъ извѣстной стадіи или ступени хозяйственнаго развитія вообще. А съ такой точки зрѣнія всякія попытки не только остановить этотъ процессъ развитія, но хотя бы только замедлить его, въ томъ числѣ при помощи коопераціи въ мелкихъ хозяйствахъ вообще и въ ремеслѣ въ особенности, должны были быть отвергаемы, какъ реакціонныя. Отсюда чуть не огульно-отрицательное отношеніе представителей такой прямолинейной догмы, (въ которой всего менѣе виновенъ былъ самъ Марксъ), ко всякимъ видамъ коопераціи вообще и къ производительной въ частности и въ особенности.

И только, когда на одномъ изъ социаль-демократическихъ конгрессовъ (съѣздовъ этой партіи) былъ отвергнутъ прежде признававшійся ею желѣзный законъ заработной платы Лассалья,—какъ примѣнимый лишь при отсутствіи защиты интересовъ рабочихъ ихъ союзами,—стало замѣчаться болѣе снисходительное отношеніе къ потребительной коопераціи. Позднѣе же она была признана заслуживающей и прямого поощренія и содѣйствія, какъ средство не только улучшать сейчасъ же или непосредственно положеніе рабочихъ, но отчасти и какъ школа для подготовки практическихъ

навыковъ къ другимъ видамъ коопераціи вообще и въ томъ числѣ къ производительной, но пока лишь постольку, поскольку послѣдняя выростала бы на почвѣ потребительной или подъ непосредственнымъ руководствомъ рабочихъ союзовъ и другихъ рабочихъ организацій.

Въ *Англии* какъ уже было указано, широкіе планы преобразованія общественнаго устройства *Р. Оуэна* и его послѣдователей свелись на практикѣ главнымъ образомъ къ устройству потребительныхъ обществъ. Но рядомъ съ этимъ продолжали и продолжаютъ развиваться попытки организаціи и производительныхъ товариществъ.

Въ 60 хъ годахъ инициаторами чистыхъ типовъ ихъ явились такъ называемые «христіанскіе социалисты» (во главѣ ихъ *Людловъ*, *Г. Юзъ*, *Морисъ* и др.), которые, не идя такъ далеко въ мечтахъ о преобразованіи человѣческаго характера и не будучи поэтому коммунистами, все-таки клали въ основу этихъ ассоціацій болѣе чистыя вачала христіанской морали. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., *Ванситартъ-Ниль* пожертвовалъ на устройство первыхъ опытовъ около 400 т. руб. Въ противоположность французамъ они старались путемъ этихъ учрежденій отвлечь рабочихъ отъ болѣе революціонныхъ или политическихъ и социалистическихъ партій. Не добившись на этомъ пути серьезныхъ результатовъ, большинство изъ такихъ дѣятелей перенесли свое вниманіе на болѣе доступныя для рабочихъ потребительныя общества.

Въ вышеуказанномъ *фабіанскомъ* изслѣдованіи этого вопроса всѣ виды производительной коопераціи сводятся къ слѣдующимъ тремъ основнымъ ихъ типамъ: 1) самоуправляющіяся рабочія мастерскія (*Selfgoverning Workshops*), 2) полуавтономныя (*Partial autonomies*) и 3) зависящія отъ потребительныхъ обществъ (*Dependents of Stores*).

1-го типа учрежденія обыкновенно имѣютъ незначительныя во всѣхъ отношеніяхъ размѣры и существуютъ преимущественно въ области мелкой или ремесленной промышленности.

(13 сапожныхъ мастерскихъ, по одной въ такихъ промыслахъ, какъ сапожное, бумагопрядильное, замочное, часовое, корсетное, приготовленіе одежды, домостроительное, стрижка овецъ и т. п.). Въ нихъ занято всего около 6.000 членовъ, изъ коихъ болѣе 2.400 владѣютъ паями (*shares*) этихъ предпріятій и работаютъ въ нихъ; около 800 лицъ наемныхъ рабочихъ, остальные владѣютъ только паями. У всѣхъ вмѣстѣ болѣе 150.000 ф. ст. капитала въ этомъ дѣлѣ (паевого и ссуднаго), изъ коего около 40.000 ф. ст. принадлежитъ членамъ работающимъ. Въ 13 сапожныхъ мастерскихъ около 4.000 членовъ, изъ коихъ дѣйствительныхъ 1.150, а всего пайщиковъ около 1 600, т.-е. 73⁰/₀, владѣютъ капиталомъ всего на сумму немного менѣе 100.000 ф. ст. съ производствомъ на 380.000 ф. ст. Управление въ большинствѣ ихъ нихъ сосредоточено въ комитетѣ (*management Comitte*), состоящемъ изъ рабочихъ и пайщиковъ.

Ни въ какой прямой связи между собою этого типа учрежденія не находятся, даже иногда конкурируя другъ съ другомъ.

Возникали большинство изъ нихъ случайно и спорадически въ разное время и много уже ранѣе погибло.

Учрежденія 2-го типа создавались рабочими союзами и др. кооперативными обществами, особенно послѣ неудачныхъ стачекъ 1851 г. и 1871—76 гг.; теперь таковыхъ сохранилось около 40 изъ примѣрно сотни возникшихъ въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, чаще всего въ типографскомъ дѣлѣ. Всѣ они получаютъ незначительную чистую прибыль, скорѣе въ видѣ нѣкоторой прибавки къ заработной платѣ, устанавливаемой рабочими союзами. Часть ихъ превращается въ компаніи маленькихъ мастеровъ, эксплуатирующихъ наемныхъ рабочихъ.

3-го типа учрежденія — зависяція отъ потребительныхъ обществъ, при чемъ послѣднія берутъ производимые ими продукты, снабжаютъ капиталами (паевыми и ссудными) и потому играютъ главную роль въ управленіи ими, такъ какъ членами руководящихъ комитетовъ являются не сами рабочіе, а представители этихъ учреждающихъ ихъ обществъ. Благодаря обеспеченному сбыту и болѣе умѣлому руководству дѣломъ, подобнаго рода предпріятія являются гораздо болѣе прочными, чѣмъ предыдущіе типы, и имѣютъ болѣе шій финансовый успѣхъ.

Въ 12 такихъ предпріятіяхъ изъ 124 членовъ комитетовъ — рабочихъ только 13. Наиболѣе крупное изъ этого типа учрежденій — Манчестерская типографія, существующая съ 1869 года, состоитъ изъ 550 членовъ и орудуетъ капиталомъ болѣе 32.000 ф. ст. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ всѣ рабочіе состоятъ пайщиками. Всего такихъ обществъ около 60.

Этотъ послѣдній видъ предпріятій всего менѣе осуществляетъ собою настоящую производительную кооперацію, такъ какъ владѣльцами ихъ являются въ большинствѣ случаевъ не сами рабочіе, а учредившія ихъ и снабжающія капиталами потребительныя и друг. кооперативныя общества. Наемный трудъ тутъ практикуется широко и свободно; отличие же ихъ отъ капиталистическихъ предпріятій заключается лишь въ томъ, что владѣльцы ихъ не обыкновенные капиталисты, а организаціи, сами по себѣ состоящія изъ рабочихъ. Поэтому и тутъ есть довольно значительная общность интересовъ работающихъ въ нихъ лицъ съ владѣльцами такихъ предпріятій.

Наиболѣе значительное развитіе учрежденія производительныя получили за послѣднее время подъ вліяніемъ крупныхъ англійскаго и шотландскаго «Союзовъ для оптовыхъ операцій» (Wholesale Cooper. Society), членами въ которые входятъ не отдѣльныя лица, а цѣлыя потребительныя общества и другія кооперативныя учрежденія. Эти союзы и устраиваютъ сами общественныя пекарни, мельницы, бойни и вообще производятъ многіе предметы потребленія рабочихъ или берутъ ихъ отъ руководимыхъ ими болѣе самостоятельныхъ производительныхъ товариществъ. Къ болѣе подробному разсмотрѣнію дѣятельности этихъ союзовъ мы вернемся въ отдѣлѣ потребленія

Въ *Бельгii* начало развитія производительныхъ товариществъ напоминаетъ собою французскую ихъ исторію и относится къ тому же 1848 г. Затѣмъ, съ 80-хъ и еще болѣе съ 90-хъ гг. дѣло коопераціи вообще получаетъ особенно быстрое и успѣшное развитіе, въ особенности-же съ 1900 г., когда оно стало сводиться къ объединенію кооперативнаго производства съ потребленіемъ или становится подъ контроль и руководство потребительныхъ кооперативовъ, на примѣръ, такихъ крупныхъ какъ *Vooguit* («Впередъ») и т. п. (особенно крупное общество, обладающее своими магазинами, кофейнями, мастерскими, типографіями и т. д., работающее на кооперативный рынокъ; между прочимъ оно производитъ хлѣбъ, пиво, сигары, ткани, одежду, издаетъ газеты). Возникаютъ также кооперативы строительные, прядильные, ткацкіе и др. И здѣсь извѣстное вліяніе оказывали стачки рабочихъ; такъ подъ ихъ вліяніемъ возникли въ 1900 г. строительныя товарищества.

Операціи ихъ доходили въ 1912 г. до 477.356 фр., и выплачено ими было своимъ каменщикамъ, плотникамъ и др. рабочимъ болѣе 136 тыс. фр. заработной платы. Среднее число членовъ на одно товарищество было около 120—150; вообще члены въ нихъ получаютъ вознагражденіе, соответствующее наивысшимъ заработнымъ платамъ въ данномъ промыслѣ. Но особенное значеніе въ Бельгii имѣютъ потребительныя общества, о которыхъ въ своемъ мѣстѣ и будетъ говоритья подробнѣе.

Въ *Италii* кооперація моложе по своему возрасту, но за послѣднее время обнаруживаетъ быстрое и успѣшное развитіе.

Однимъ изъ первыхъ было производительное товарищество стекольщиковъ въ *Пiemontѣ*, возникшее еще въ 1853 г. Наибольшаго же расцвѣта кооперативное движеніе достигаетъ въ періодъ 1883—1889 гг., когда сразу возникаютъ сотни кооперативовъ, состоящіе изъ болѣе просвѣщенныхъ рабочихъ, но съ малыми капиталами. Между собою они въ большинствѣ случаевъ конкурируютъ, хотя и преслѣдуютъ иногда общія просвѣтительныя цѣли.

По даннымъ, (приведеннымъ въ томъ же *Фабіанскомъ* изслѣдованіи), въ 1910 г. было 578 производительныхъ ассоціацій; изъ нихъ въ 360, доставившихъ отчеты было 51.477 членовъ съ капиталомъ въ 370.000 ф. ст. (болѣе 3^{1/2} милл. рубл.) и съ другими фондами въ 72.000 ф. ст.; всего болѣе было ихъ въ средѣ рабочихъ по металлу (95), типографскихъ (91) и т. д.; среднее число членовъ—около 100. Вышеупомянутое старѣйшее товарищество стекольщиковъ послѣ 47 лѣтъ своего существованія собрало капиталъ въ 38.000 ф. ст., имѣя чистаго годового дохода болѣе 800 ф. ст.

Въ итальянскихъ производительныхъ кооперативахъ работаютъ обыкновенно только настоящіе члены, что зависитъ отъ соответственныхъ ограничительныхъ правилъ, устанавливаемыхъ законодательствомъ,—подъ такимъ только условіемъ предоставляющимъ нѣкото-

рыя льготы, — частью же подъ вліяніемъ руководящихъ ими рабочихъ союзовъ и т. п. организацій. Въ наиболѣе крупномъ стекольномъ товариществѣ, основанномъ въ 1903 г., послѣ стачекъ, имѣющемъ 390 членовъ, установленъ 8 часовой рабочей день и др. наилучшія условия работы; многія изъ нихъ работаютъ исключительно на кооперативныя общества или на капиталистическіе синдикаты, но не на случайный рынокъ. Къ числу специальныхъ особенностей итальянской кооперации относится быстрый ростъ тамъ, подъ вліяніемъ особыхъ «обществъ для заключенія рабочихъ договоровъ», *наемныхъ трудовыхъ ассоціацій*, напоминающихъ собою наши бытовые наемныя артели. Такія учрежденія возникаютъ тамъ съ 1886 г., и теперь (къ 1912 г.) тамъ существуетъ ихъ 1017 съ 94.738 членами, съ капиталомъ въ 113.638 ф. ст., съ резервнымъ фондомъ въ 60.000 ф. ст. Работаютъ они почти всѣ по подрядамъ или заказамъ различныхъ общественныхъ учреждений (городскихъ и т. п. муниципалитетовъ), часто небольшими группами въ 15—20 человѣкъ; сфера примѣненія такого труда преимущественно: каменщики, кирпичники, землекопы, грузчики, рабочіе по уборкѣ улицъ, набережныхъ и т. п.

Размѣры оборотовъ ихъ обыкновенно не велики, но заработную плату они получаютъ наивысшую. Они дѣлаютъ обыкновенно большія отчисленія въ резервные капиталы; договоры ихъ по большей части долгосрочные и прочные. Итальянское правительство относится къ нимъ очень сочувственно, оказывая имъ (законами 1899 и 1904 гг.) всяческое содѣйствіе, но требуя распредѣленія доходовъ по паямъ и согласно заработанной платѣ. Всѣ они обязательно по этому регистрируются.

Развитіе такихъ наемныхъ артелей теперь замѣчается и во Франціи, (хотя первый такой опытъ былъ тамъ примѣненъ еще въ 60-хъ годахъ на заводѣ Derosne et Cail); наиболѣе же широкое примѣненіе этотъ типъ получилъ въ *австралійскихъ колоніяхъ*, гдѣ многія общественныя работы теперь иначе и не производятся.

На эти учрежденія обращается особенное вниманіе и въ кооперативной литературѣ, какъ на нѣчто новое и цѣнное; но для насъ это только совершенно обычное явленіе, въ свое время не только мало оцѣненное, но даже и нерѣдко, — въ разгаръ нашего марксизма въ особенности, — подвергавшееся вышучиванію, какъ вымирающіе артельные мифы и т. п.

Независимо отъ всѣхъ такихъ болѣе или менѣе общихъ типовъ сравнительно болѣе мелкихъ производительныхъ товариществъ и трудовыхъ артелей, существуютъ еще въ разныхъ странахъ совершенно *исключительныя крупныя* подобныя-же учрежденія, возникшія по частной инициативѣ отдѣльныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ

во имя соотвѣтственныхъ идей и жертвовавшихъ на устройство ихъ нерѣдко крупныя суммы или все свое состояніе.

Къ числу таковыхъ на первый планъ должно быть отнесено крупнѣйшее учрежденіе «*Фамилистерь въ г. Гизъ* (близъ г. Севъ-Кантена въ сѣверной Франціи). Оно основано было однимъ изъ послѣдователей Фурье, очень оригинальнымъ человѣкомъ *Годеномъ* (Godin), сдѣлавшимся изъ простыхъ рабочихъ владѣльцемъ крупной фабрики (каминовъ, домашнихъ печей и ихъ принадлежностей), которую онъ постепенно передалъ въ собственность занятымъ на ней рабочимъ (около 2.000 человѣкъ). Окончательный уставъ былъ утвержденъ въ 1880 г. и учрежденіе это получило официальное названіе «*Société du Familistère de Guise*», *association coopérative du Capital et du Travail*. Первоначально Годенъ оставался во главѣ совѣта управленія, но постепенно приучалъ членовъ общества къ самоуправленію, подготовилъ полный выкупъ этого учрежденія его участниками и умирая оставилъ по завѣщанію въ пользу ихъ большую половину своего состоянія, такъ что учрежденіе это продолжаетъ существовать въ этой формѣ до настоящаго времени. Здѣсь осуществлены въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ нѣкоторыя идеалы самого Фурье, облеченные, конечно, въ болѣе соотвѣтствующія современнымъ людямъ формы. Особенно типично это отразилось на устройствѣ при фабрикѣ грандіознаго общежитія—«*Palais Social*» (общественный дворецъ), въ которомъ осуществлены всевозможныя удобства, гигиеническія требованія, средства для развитія и развлеченія (театръ, бібліотека, залы для игръ, школы, дѣтскія ясли и пріюты и т. д.). Условія жизни каждой семьи совершенно самостоятельны—живутъ въ отдѣльныхъ квартирахъ со своимъ хозяйствомъ, но потребительное общество снабжаетъ каждаго члена всѣмъ необходимымъ на очень выгодныхъ условіяхъ. Когда намъ удалось посѣтить это учрежденіе въ 1881 г., выкупъ еще не былъ законченъ, такъ что въ то время это соотвѣтствовало своему первоначальному названію — ассоціаціи труда и капитала. Со смертью же Годена, не оставившаго прямыхъ наслѣдниковъ, учрежденіе это постепенно перешло въ собственность рабочихъ, дѣлящихся по степени своего владѣнія паями на нѣсколько категорій (*associés, sociétaires, participants* и *intéressés*). Все имущество въ моментъ составленія договора въ 1880 г. оцѣнено было 4.600.000 фр., хотя дѣйствительная цѣнность его была во много разъ больше¹⁾.

Во Франціи же былъ произведенъ въ 1843 г. первый подобный опытъ ассоціаціи труда и капитала въ малярномъ предпріятіи *Леклера* въ Парижѣ, сперва простымъ допущеніемъ рабочихъ къ участію въ долѣ прибыли, а съ 1865 г. съ преобразованиемъ этого предпріятія въ настоящую ассоціацію, дѣйствующую и до сихъ поръ на первоначальныхъ основаніяхъ.

¹⁾ Уставъ, регламентъ, правила взаимнаго страхованія участниковъ съ предпосылкой юридическихъ и оригинальныхъ основъ этого учрежденія изложены въ одномъ изъ сочиненій Годена: „*Mutualité sociale et association du capital et du travail ou extinction du paupérisme par la consécration du droit naturel des Faibles au nécessaire et du Droit des travailleurs à participer aux bénéfices de la production*. 1880. Годенъ издалъ еще цѣлый рядъ сочиненій, въ которыхъ излагалъ свои соціально-экономическіе взгляды и идеи, какъ то: *Solutions Sociales* 1871 г. *La souveraineté et les droits du peuple* 1874 и др.

Въ Германіи къ такому же типу относится знаменитая фабрика оптическихъ инструментовъ *Цейса* въ г. Іенѣ; въ Англии въ такомъ же родѣ существуетъ крупная прядильная фабрика *В. Томсона*, возникшая въ этой формѣ еще въ 1886 г.

Но поскольку во всѣхъ этихъ и другихъ подобныхъ имъ крупныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ, (напр., знаменитый универсальный магазинъ «*Von Marchè*» въ Парижѣ), осуществляется объединеніе интересовъ капиталистовъ, владѣющихъ хотя бы частью предпріятій, и рабочихъ, мы затрудняемся относить ихъ къ чистому типу кооперативныхъ учреждений и потому подробнѣе будемъ говорить о нихъ въ отдѣлѣ о распредѣленіи доходовъ.

Вообще на ряду съ разсмотрѣнными предпріятіями, такъ или иначе принадлежащими рабочимъ, многіе экономисты къ области коопераціи же относятъ и такія, скорѣе капиталистическія, предпріятія, въ которыхъ *рабочіе*, будучи наемными лицами, *допускаются къ владѣнію отдѣльными паями въ тѣхъ-же предпріятіяхъ*, мало чѣмъ отличающимися отъ обыкновенныхъ акцій, развѣ только ихъ небольшими размѣрами. Тогда рабочіе, сверхъ обычной своей заработной платы, получаютъ еще нѣкоторое участіе въ прибыли, приносимой даннымъ предпріятіемъ. Это то, что у англичанъ называется *Profitsharing-cooperation*, т.-е. *кооперація съ паевымъ участіемъ въ прибыли* или короче—*копартнершипъ*,—вводимое нынѣ въ русскій языкъ чисто англійское слово (*Сopartnership*). Другими же экономистами и вообще въ другихъ странахъ это такъ и называется—*участіемъ въ прибыли* (*Participation aux bénéfices* у французовъ, *Gewinnbetheiligung* у нѣмцевъ) или даже просто—*долевой заработной платой*, какъ особый видъ вознагражденія за трудъ.

Съ этимъ скорѣе и слѣдуетъ согласиться, такъ какъ къ тому же участію рабочихъ въ управленіи такими предпріятіями сводится или совсѣмъ на вѣтъ, или же очень незначительно за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда имъ принадлежитъ значительная или большая часть паевъ или долей капитала такихъ предпріятій. Поэтому мы и будемъ разсматривать ихъ подробнѣе въ отдѣлѣ о распредѣленіи доходовъ, въ связи съ различными видами вознагражденія за трудъ вообще. Здѣсь же укажемъ на ту особенность такого способа вознагражденія, которая составляетъ скорѣе нѣкоторый его недостатокъ, а именно: рабочіе, помѣщая въ такой формѣ въ предпріятіе, въ которомъ они работаютъ, свои сбереженія, тѣмъ самымъ подвергаютъ ихъ всѣмъ опасностямъ риска, связаннаго со всякимъ обыкновеннымъ капиталистическимъ предпріятіемъ. Поэтому они теряютъ эти свои сбереженія въ связи съ возможными крахами этихъ предпріятій. Получаемыя же рабочими доли прибыли обыкновенно являются ничтожными добавками къ обычной заработной платѣ, (если еще послѣдняя здѣсь не ниже обычной, что иногда тоже бываетъ и на что рабочіе соглашаются въ надеждѣ на эти лишь болѣе или менѣе вѣроятныя прибавки).

Закончимъ эти указанія на типы и примѣры производительной коопераціи еще разъ краткой ссылкой на *Россію*. Кромѣ указан-

ныхъ раньше бытовыхъ, самостоятельныхъ, съ одной стороны, и наемныхъ артелей, съ другой, подѣ влияніемъ увлеченій идеями ассоціаціи и коопераціи среди нашей интеллигенціи въ 60-хъ и 70-хъ гг. прошлаго столѣтія стали дѣлаться попытки насажденія и у насъ производительныхъ артелей, особенно земскими дѣятелями въ Тверской, Новгородской и др. смежныхъ губ. Исторія большинства изъ этихъ «артельныхъ начинаній» находится въ книжкѣ подѣ такимъ-же названіемъ г. В. В. Изъ этихъ первоначальныхъ попытокъ не вышло сколько-нибудь значительныхъ результатовъ, поскольку они относились къ чисто обрабатывающей промышленности, какъ напр. гвоздарныя, сапожныя, смолокуренныя и т. п. артели. Нѣсколько большее значеніе имѣли сыроваренныя, основанныя В. В. Верцагинымъ; но, во-первыхъ, онѣ относятся скорѣе къ области сельскаго хозяйства, гдѣ о нихъ въ числѣ другихъ туда относящихся и будетъ говорить въ своемъ мѣстѣ; и во-вторыхъ, это, подобно тому, какъ сильно разившіяся у насъ особенно въ Сибирѣ маслодѣльныя артели, предпріятія относящіяся къ типу *производительно-подсобныхъ*, почему мы здѣсь и не будемъ на нихъ останавливаться. Затѣмъ, у насъ было устроено нѣсколько *заводскихъ* артелей, преимущественно на Уралѣ, а также въ г. Тулѣ и др. мѣстахъ, при участіи особыхъ руководителей изъ инженеровъ и др. мѣстныхъ дѣятелей. Былъ даже учрежденъ (1894 г.) для этой цѣли особый «Кустарно-промышленный банкъ» Пермскаго губернскаго земства, поставившій себѣ цѣлью оказаніе кредитной помощи самостоятельнымъ кустарямъ, въ особенности соединяющимся въ артели, и успѣшно создавшій нѣсколько таковыхъ. Вообще, какъ уже и выше указано было, благопріятной почвой для артелей разнаго рода (сырьевыхъ, складочныхъ, подсобныхъ и чисто-производительныхъ) служила наша кустарная промышленность. Въ этой средѣ уже въ 80-хъ и 90-хъ гг. артельные принципы начинаютъ находить себѣ болѣе реально-практическое примѣненіе на почвѣ не столько отвлеченно-идейной, сколько тѣхъ или иныхъ практическихъ навыковъ, естественно развивающихся у кустарей-землевладѣльцевъ и преимущественно общинниковъ. Въ самое новѣйшее время на той-же чисто практической почвѣ замѣчается усиленіе артельнаго строя въ областяхъ мелкой и ремесленной промышленности, отчасти подѣ влияніемъ массовой безработицы, какъ слѣдствія событій 1905 и слѣд. годовъ. Изъ артелей ранѣе возникшихъ (въ 1893 г.) и наиболѣе разившихся и существующихъ до настоящаго времени слѣдуетъ поставить на первое мѣсто «Павловскую артель» слесарей, ножевщиковъ по пре-

1) В. В. Артельные начинанія русскаго общества. 1895 г.

имуществу, созданную и руководимую энергичнымъ инициаторомъ А. Г. Штанге, въ отчетахъ и брошюрахъ котораго можно найти полную и интересную исторію этого предпріятія. Совершенно своеобразное явленіе у насъ представляютъ собою наши биржевыя артели,—вѣчто среднее между наемными трудовыми артелями, съ одной стороны, и капиталистическими товариществами съ другой. Члены ихъ непосредственно лично исполняютъ различныя порученія (доставку, перевозку денегъ и др. цѣнностей) по особому довѣрію, оказываемому имъ со стороны разныхъ крупныхъ кредитныхъ и торгово-промышленныхъ предпріятій, а также въ виду круговой ихъ другъ за друга отвѣтственности, обеспечиваемой крупными принадлежащими имъ паями—залогами.

Для заключенія этого перваго и болѣе общаго очерка развитія артельного дѣла въ Россіи слѣдуетъ еще добавить, что съ идейной на практическую почву еще съ 60-хъ годовъ перешло дѣло развитія нашей *кредитной коопераціи*, послѣ перваго созданнаго г. Лугининымъ въ 1865 г. по идеямъ Шульце-Делича ссудо-сберегательнаго товарищества. Но объ этомъ видѣ кредитныхъ кооперативовъ, какъ и о новѣйшемъ ихъ типѣ—«кредитныхъ товариществъ» будетъ говорить въ отдѣлѣ о кредитѣ вообще.

Наконецъ, послѣ не вполне удачныхъ попытокъ 60 и 70-хъ годовъ, на чисто уже практической почвѣ и съ наиболѣе широкими результатами съ начала 90-хъ годовъ пошло у насъ развитіе *потребительныхъ товариществъ*, особенно послѣ изданія въ 1897 г. нормальнаго для нихъ устава. Ко всему этому слѣдуетъ добавить еще, что къ числу весьма неблагоприятныхъ условій развитія у насъ кооперативныхъ учрежденій должно быть отнесено долговременное отсутствіе для нихъ соотвѣтственнаго спеціальнаго законодательства и недовѣрчивое отношеніе къ нимъ со стороны административныхъ властей, какъ высшихъ, такъ и мѣстныхъ. Последнее сказывается, отчасти еще и до настоящаго времени, въ особыхъ препятствіяхъ, чинимыхъ соединеніямъ между собою почти всѣхъ подобныхъ учрежденій, подводимыхъ подъ понятіе «союзовъ»; между тѣмъ жизнеспособность большинства изъ нихъ, и потребительныхъ обществъ въ особенности, наиболѣе обеспечивается, какъ мы увидимъ далѣе, этой возможностью расширять именно такимъ путемъ свои операціи.

Для производительныхъ артелей издано было 1 іюня 1902 г. нормальное «Положеніе объ артеляхъ трудовыхъ», согласно которому: «Артелью трудовой признается товарищество, образовавшееся для опредѣленныхъ работъ или промысловъ, а также для отправленія службъ и обязанностей личнымъ трудомъ участниковъ, за общій ихъ счетъ и съ круговой ихъ порукою» (ст. 1). Артели трудовыя вообще могутъ образовываться или на основаніи *уставовъ*, или на основаніи существующихъ постановленій *о договорахъ*, главнымъ образомъ, ст. 2198¹—2198²⁷ т. X, ч. I изд. 1914 года. Уставныя артели утверждаются мѣстными губернаторами, въ случаѣ своихъ сомнѣній передающихъ вопросъ на окончательное рѣшеніе Министра Торг. и Пром. Договорныя артели могутъ возникать по соглашеніямъ, устнымъ или письменнымъ, порядкомъ домашнимъ, нотаріальнымъ или явочнымъ.

Сравнительная оцѣнка достоинствъ и недостатковъ производительной кооперации и связь ея съ кооперацией потребительной.

Переходя къ оцѣнкѣ сравнительныхъ достоинствъ и недостатковъ производительныхъ товариществъ или артелей, можно свести тѣ и другіе къ слѣдующимъ главнѣйшимъ:

1) Къ числу несомнѣнныхъ достоинствъ ихъ относится *устраненіе* въ нихъ присущаго капиталистическимъ предпріятіямъ *противоположенія интересовъ труда и капитала*; это примѣнимо однако только къ такимъ, въ которыхъ нѣтъ сколько-нибудь значительнаго числа лицъ, владѣющихъ лишь паями, но не работающихъ въ самомъ предпріятіи.

2) Сознавая себя собственниками такихъ предпріятій, члены его (рабочіе) *работаютъ усерднѣе* обыкновенныхъ (наемныхъ) рабочихъ, такъ какъ знаютъ, что весь продуктъ ихъ труда будетъ принадлежать имъ самимъ, за исключеніемъ процентовъ на занятый (ссудный) капиталъ и на вознагражденіе лицъ занятыхъ управленіемъ предпріятія. Поэтому не встрѣчается надобности въ примѣненіи мѣръ побужденія къ работѣ; равно какъ и обеспечивается само собою бережливое и экономное отношеніе къ орудіямъ и матеріаламъ производства.

3) Въ нихъ *не встрѣчается эксплуатаціи труда малолѣтнихъ* рабочихъ и сведенія вознагражденія наемныхъ рабочихъ, (если таковыя вообще допускаются), къ еликовозможному минимуму.

4) Вообще же, осуществляясь хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, они *служатъ практической школой* для выработки навыковъ совмѣстнаго труда и управленія дѣломъ для возможныхъ будущихъ болѣе крупныхъ, сложныхъ и совершенныхъ формъ кооперации.

Возлагать однако большія надежды на возможность немедленнаго широкаго, и такъ сказать самопроизвольнаго, ихъ развитія не приходится вслѣдствіе наличности слѣдующихъ условій, ограничивающихъ сферу и успѣшность ихъ примѣненія, а именно:

1) Наибольшаго успѣха они достигаютъ въ такихъ лишь отрасляхъ промышленности, въ которыхъ *преобладающую роль играетъ личный трудъ*, ловкость и умѣнье рабочихъ, и гдѣ орудія производства требуются несложныя и дешевыя,—стало быть въ области ремесленныхъ и кустарныхъ промысловъ.

2) Главнѣйшія затрудненія къ переходу въ предпріятія крупныя и технически болѣе сложныя заключаются въ *недостаткѣ для сего капиталовъ* (денежныхъ средствъ) и необходимыхъ для такого дѣла *высшихъ техническихъ и коммерческихъ знаній*. Люди-же

обладающія такими не идутъ охотно въ качествѣ наемныхъ лицъ на службу въ предпріятія, принадлежащія лицамъ менѣе ихъ развитымъ. Разъ-же нанявшись или ставъ во главѣ управленія дѣломъ, такія руководители, какъ показываетъ опытъ, нерѣдко захватываютъ все дѣло въ свои руки, превращаясь въ обыкновенныхъ предпринимателей и обращая бывшихъ владѣльцевъ въ наемныхъ рабочихъ.

3) Если-же капиталы увеличиваются въ средѣ самихъ членовъ пайщиковъ, то таковыя, разбогатѣвъ, нерѣдко перестаютъ сами работать и превращаются въ компанію обыкновенныхъ предпринимателей-капиталистовъ.

4) Особенно неблагоприятнымъ условіемъ является *недостаточное знакомство съ условіями сбыта* своихъ произведеній, т.-е. со вкусами и потребностями ихъ покупателей и вообще съ колебаніями рыночныхъ элементовъ конъюнктуры, теперь все болѣе и болѣе осложняющихся. (Это относится къ такимъ, называемымъ у англичанъ «самоуправляющимся мастерскимъ», которыя работаютъ совершенно независимо другъ отъ друга и отъ какихъ либо рабочихъ организацій). При этомъ не будучи въ состояніи сколько-нибудь значительно вліять на цѣны своихъ продуктовъ и конкурируя какъ между собою, такъ и съ обыкновенными (капиталистическими) предпріятіями, они нерѣдко сами сбиваютъ эти цѣны и тѣмъ понижаютъ свои заработки, даже ниже уровня жизненныхъ требованій обыкновенныхъ рабочихъ.

5) Введеніе различныхъ техническихъ усовершенствованій встрѣчаетъ здѣсь иногда препятствіе въ томъ, что они часто сокращаютъ потребность въ рабочихъ рукахъ, что и разрѣшается очень просто въ обыкновенныхъ предпріятіяхъ увольненіемъ такого излишняго количества рабочихъ (наемныхъ). Между тѣмъ здѣсь рабочіе сами въ то-же время и хозяева, не подлежащіе къ такому сокращенію и увольненію. А потому приходится въ такихъ случаяхъ или черезчуръ сокращать общую продолжительность своей работы, или же воздерживаться отъ такихъ техническихъ нововведеній.

(Задача эта, конечно, упрощается, если на ряду съ членами работаютъ простые наемные рабочіе, которые первые тогда и увольняются за ненадобностью, а также—во временныхъ вышеупомянутыхъ русскихъ бытовыхъ артеляхъ, гдѣ число членовъ вообще легко измѣняется).

6) Несмотря на указанное въ числѣ достоинствъ этой формы предпріятій естественное рвеніе къ труду членовъ рабочихъ, опытъ показываетъ иногда и на обратное явленіе, обусловливаемое недостаточнымъ развитіемъ чувства долга и сознанія общаго интереса

и недостаточною дисциплиною, когда управление находится въ рукахъ выборныхъ изъ своей-же среды лицъ, не всегда обладающихъ достаточнымъ авторитетомъ.

Большинство изъ перечисленныхъ недостатковъ или препятствій къ успѣху производительныхъ товариществъ въ значительной степени ослабляются или даже устраняются, если учрежденія эти возникаютъ и развиваются не случайно и независимо другъ отъ друга, а въ связи съ другими рабочими организаціями и въ особенности съ потребительными обществами, подъ руководствомъ которыхъ или прямо на которыя они тогда и работаютъ. Въ послѣднемъ случаѣ образуется какъ бы своего рода замкнутый и потому вполне обезпеченный рынокъ для сбыта ихъ произведеній, такъ какъ работа происходитъ тогда по заказу потребителей, которыми и являются эти иногда очень крупныя, какъ, на примѣръ, въ Англии, общества. Такой планомерной организаціей или постановкой задачъ, т.-е. опредѣленіемъ предметовъ и объемовъ производства и потребления, достигается устраненіе присущихъ капиталистическимъ предприятиямъ не только *внутреннихъ* антагонизмовъ (интересовъ труда и капитала), но и такъ сказать *внѣшнихъ* противорѣчій интересовъ производителей и потребителей, тоже не менѣе характерныхъ для современнаго хозяйства и выражающихся въ тираніи надъ потребителями различныхъ производителей и торговцевъ вообще и синдикатированныхъ въ особенности. Полною противоположностью этому послѣднему противорѣчію и является комбинированная кооперативная организація производства и потребления, при которой преобладающая руководящая роль переходитъ на сторону этого послѣдняго процесса, т.-е. потребления, или въ руки покупателей, какъ своего рода особаго класса, противопологаемаго классу производителей или продавцевъ.

На это противорѣчіе интересовъ продавцовъ и покупателей нами было уже выше однажды указано (въ главѣ о конкуренціи, стр. 346), гдѣ приводился своеобразный взглядъ на взаимоотношенія этихъ двухъ общественныхъ группъ Ф. Оппенгеймера. Тому же автору принадлежитъ и другой трудъ, касающійся непосредственно коопераціи, какъ именно средства ослабленія, если не устраненія, этого противорѣчія, а именно его книга: «Die Siedlungsgenossenschaft». Въ ней онъ вначалѣ устанавливаетъ своеобразную классификацію ассоціацій, а именно: раздѣляетъ ихъ на два основныхъ типа—«*продающихъ*» и «*покупающихъ*» (или приобретающихъ); этому второму типу имъ и приписывается преимущественное значеніе, какъ развивающемуся на болѣе общедоступной и безобидной почвѣ — общности интересовъ потребителей или покупателей, борющихся съ эксплуатаціей ихъ производителями или продавцами. (Подробности въ отд. потребления).

Но и нѣсколько забѣгая впередъ, можно уже и теперь указать на то, что, какъ показываетъ теперь уже довольно долгій опытъ

развитія различныхъ кооперативныхъ учреждений,—несомнѣнно гораздо легче организовать на этой почвѣ болѣе планомѣрное и выгодное потребленіе, чѣмъ производство. Это легче прежде всего потому, что не вызываетъ надобности въ той іерархіи должностей и сложной и строгой дисциплины, безъ которыхъ не могутъ обходиться всякія болѣе или крупныя и сложныя въ техническомъ отношеніи предпріятія. Другими словами, общность интересовъ потребителей или пріобрѣтателей различныхъ предметовъ, сводящаяся главнымъ образомъ къ обезпеченію ихъ дешевизны и доброкачественности, легче находитъ себѣ осуществленіе въ потребительныхъ обществахъ, чѣмъ обезпеченіе добросовѣстнаго исполненія работъ и умѣлаго веденія дѣла въ производительныхъ товариществахъ. Оттого-то и получили въ послѣднее время гораздо болѣе широкое значеніе и развитіе именно потребительныя общества, частью со своими собственными производительными операціями, въ сравненіи съ непосредственными и самостоятельными производительными ассоціями.

Первыя къ тому же оказываются и гораздо болѣе успѣшными или выгодными, въ смыслѣ приносимыхъ ими барышей, въ чемъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго разчета, хотя и нѣсколько уже устарѣлаго, приводимаго Бернштейномъ въ части своего наиболѣе извѣстнаго труда, посвященной оцѣнкѣ значенія коопераціи вообще и сравненію отдѣльныхъ ея видовъ въ особенности, а именно:

На общую сумму капитала въ 367 милл. мар. и на общую сумму продажъ въ 803 милл. мар. 1.483 англійскія рабочія потребительныя общества получили 123 милл. мар. прибыли (не считая обоихъ крупныхъ товариществъ оптовыхъ закупокъ, продающихъ свои товары потребительнымъ обществамъ съ весьма умѣренной прибавкой). Въ процентахъ прибыль эта составляетъ $15\frac{1}{4}$ на проданные товары и $33\frac{1}{2}\%$ на затраченный капиталъ. Подобное же положеніе дѣлъ было и въ товарищескихъ хлѣбопекарняхъ, являющихся въ сущности тѣми же потребительными обществами (или ихъ отдѣлами). Они получаютъ на капиталъ въ 5 милл. мар. и на сбытъ въ $8\frac{1}{2}$ милл. прибыли 1,2 милл. мар., т. е. 14% на сбытъ (или оборотный капиталъ) и 24% на затраченный (или основной) капиталъ. Въ сравненіи съ этимъ гораздо скромнѣе прибыль производительныхъ товариществъ (не производящихъ жизненныхъ припасовъ). Здѣсь 120 товариществъ съ общимъ капиталомъ въ $14\frac{1}{2}$ милл. и сбытомъ (оборотомъ) въ 24 милл. получили прибыли лишь 770 тыс. мар., т. е. $3\frac{1}{4}\%$ на оборотъ и 5% на капиталъ. И все-таки непосредственное производство англійскихъ кооперацій вообще быстро растетъ; такъ, напр., оно почти удвоилось въ трехлѣтіе съ 1894 по 1897 г., съ 97 милл. мар. поднявшись до 187. Но изъ этой суммы около $\frac{2}{3}$ приходится на потребительныя, т. е. на такъ называемыя *покупательныя* товарищества, и только $\frac{1}{3}$ на всѣ остальные, изъ коихъ большинство суть все-таки лишь болѣе или менѣе измѣненныя покупательныя товарищества или производящія на нихъ ¹⁾. Англійскіе

¹⁾ Ed. Bernstein. „Die Voraussetzungen etc.“, стр. 105.

кооперативы такимъ образомъ давно уже владѣютъ тѣми ста милліонами, о каковой суммѣ мечталъ въ свое время Лассаль, какъ о государственной ссудѣ, съ которой можно было бы начать осуществлять его планъ всеобщихъ ассоціацій. Теперь же эти суммы еще болѣе возросли и продолжаютъ расти, въ отдѣльныхъ случаяхъ даже гораздо быстрѣе, какъ, напр., въ знаменитомъ учрежденіи «Рочдальскихъ пионеровъ», начавшихъ дѣло съ 28 ф. ст. и въ полстолѣтіе доведшихъ свой капиталъ до 20 милл. ф. ст. и даже болѣе.

По добросовѣстному признанію практическихъ дѣятелей коопераціи задержка къ еще болѣе быстрому и широкому ея развитію заключается не въ недостаткѣ капиталовъ, (которыхъ въ особенности у различныхъ англійскихъ рабочихъ учреждений, въ томъ числѣ трэдъ-юніоновъ, чуть-ли дѣвать, т.-е. помѣщать не куда, привлечь-же вполне легко и еще сколько угодно путемъ ссудъ или вкладовъ); залогъ-же успѣха—«въ интеллигентности и дѣловитости работниковъ и въ сочувственномъ фактическомъ пользованіи услугами исключительно ея учреждений со стороны широкаго круга лицъ ¹⁾. Живучесть-же черезъ-чуръ индивидуалистическихъ чертъ въ характерѣ современной хозяйственной дѣятельности коренится въ самообольщеніи мнимой свободой. Поэтому-то многимъ и кажется лучше быть свободными, хотя и наемными, рабочими, чѣмъ членами различныхъ кооперативныхъ учреждений, или переплачивать въ общемъ громадныя суммы за свои предметы потребленія различнымъ мелочнымъ торговцамъ наживающимъ на этомъ свои огромныя состоянія.

Однимъ изъ серьезныхъ препятствій къ широкому развитію кооперативныхъ учрежденій является теперь иногда еще связанность участія въ нихъ съ различными политическими партіями. Нельзя, конечно, отрицать, что въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ особенности въ Бельгіи, кооператизмъ, какъ общественное движеніе, дѣйствительно и успѣшно связанъ съ извѣстной партійной организаціей. Но связь эта не только не необходима по существу этого дѣла, а даже нерѣдко есть причина его неуспѣха, такъ какъ различія въ чисто политическихъ взглядахъ мѣшаютъ людямъ дружно совместно работать на мирной самой по себѣ нивѣ коопераціи, какъ совокупности мѣръ чисто экономическихъ. Особенный же успѣхъ не только чисто кооперативныхъ, но и вообще рабочихъ, организацій въ Англии прямо таки обусловленъ былъ очень долговременнымъ отдѣленіемъ тамъ этого движенія отъ чисто политическаго. И если въ послѣднее время тамъ замѣчается нѣкоторое оживленіе интереса къ политическимъ вопросамъ, то во всякомъ случаѣ и «политика» эта носитъ тамъ характеръ борьбы за реальные, т.-е. болѣе осуществимые сейчасъ же интересы, чѣмъ какія либо чисто революціонныя или разрушительныя стремленія. Въ настоящее время поэтому среди наиболѣе искреннихъ дѣятелей и друзей коопераціи все болѣе и болѣе созрѣваетъ убѣжденіе въ необходимости для кооперативныхъ учреждений быть «аполитичными», т.-е. возможно болѣе или совершенно нейтральными или безпартійными въ политическомъ отношеніи, и уже ни въ

---

¹⁾ „Cooperatiwe News“ 3/XII. 1898 г. (центр. органъ англ. коопер. учрежд.).

какомъ случаѣ не дѣлать изъ нихъ средствъ или орудій для какихъ либо политическихъ цѣлей. Нѣкоторое большее значеніе споръ по этому вопросу имѣеть теперь въ Германіи, гдѣ, при несомнѣнномъ политическомъ характерѣ наиболѣе крупныхъ профессиональныхъ рабочихъ организацій (рабочихъ союзовъ), широкое развитіе чисто кооперативныхъ учрежденій идетъ тамъ на почвѣ болѣе или менѣе безпартійной въ политическомъ отношеніи. И несомнѣнно, что наиболѣе широкое использование образующихся въ кооперативныхъ учрежденіяхъ крупныхъ общихъ средствъ,—въ видѣ разныхъ подлежащихъ раздѣлу между отдѣльными членами ихъ (или лицами) фондовъ,—на общіе матеріальныя и особенно умственныя или духовныя нужды рабочаго класса въ его цѣломъ, возможно только при условіи устраненія изъ сферы коопераціи хотя бы наиболѣе острыхъ политическихъ разногласій.

Л и т е р а т у р а (общая и по *производит.* товар. и артелямъ): Курсы по коопераціи, изд. 2-е Унив-та Шанявскаго. 1913 г.—*Б. Веббъ*. Кооперативное движеніе въ Англіи. 1905.—*Ш. Жидъ*: Кооперація. 1909.—*А. Бансель*. Кооператизмъ. 1903.—*А. Михайловъ*: Ассоціаціи. 1873.—*А. Исаевъ*. Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи. 1879.—*Его-же*. Артели въ Россіи. 1881.—*Калачовъ*: Артели въ древней и нынѣшней Россіи. 1864.—*В. В.*: Артель въ кустарномъ промыслѣ. 1895.—*Его-же*: Артельные начинанія русскаго общества. 1895.—Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи, изд. Спб. Отдѣл. Комитета о сельск., ссудосберегат. промышлен. тов. 1874.—Справочная книга для кустарн., ремесл. и земледѣльч. артелей. 1896.—*С. Прокоповичъ*: Кооперативное движеніе въ Россіи. 2-е изд. 1913 г.—*А. Николаевъ*: Теорія и практика коопераціи 1909 г.—*В. Слобожанинъ*. Смотръ кооперативнымъ силамъ. 1909.—*Фэй*. Кооперація въ зап. Европѣ 1912.—Текущія свѣдѣнія по данному и др. вопросамъ коопераціи находятся въ „Сообщеніяхъ Спб. Отдѣл. ком. о сел. ссудосберег. тов. и арт.“ и въ періодич. изд. того же учрежденія: „Вѣстникъ Коопераціи“, а также въ журн. „Кооперат. Жизнь“ (Моск.) и „Вѣстн. кустарн. пром.“ (Пгр.) при послѣднемъ съ янв. 1916 г. издается въ видѣ прибавленія „Артельное дѣло“. *Справочникъ объ артеляхъ трудовыхъ*. (Узаконен. и правит. распор. объ арт. тр. и порядокъ ихъ учрежд. на основ. образц. уст.) Изд. Мин. Т. и Пр. 1915 г.

Наиболѣе полная исторія первыхъ франц. производ. тов. находится въ соч. *Engländer'a*: Geschichte der Arbeiterassoziationen in Frankreich 1864.—*L. Blanc*. Organisation du Travail.—*F. Lassalle*: Kapital u. Arbeit (быль русск. переводъ). —Fläxl. Die Produktivgenossenschaft. —*Kriüger*: Die Erwerbs—u. Wirthsch. genossenschaften in einzeln. Länder. 1892 —*Häntseke*: Gewerbl. Produktivgenoss: in Deutschland. 1894.—*Wygodzinsky*: Das Genossensch. wesen in Deutschland. 1910.—*Ed. Dufour*: Lescoopératives de Production dans l'industrie génér. 1913. —*Bern. Lavergne*: Le régime coopérative 1908. —*L. Bertrand*. Histoire de la coopération en Belgique 1913. —*Benj. Jones*. Cooperative production 1894 (англ.). —*C. Webb*. Industrial cooperation. 1912. Приведенное на стр. 459. Фабианское изслѣдованіе. (Сельскохоз. кооперація въ слѣд. главѣ).

Цѣна 3 рубля.

Отдѣльныя изданія того-же автора:

Экономическая отвѣтственность предпринимателей. ч. I. Отвѣтственность предпринимателей, какъ основаніе законодательнаго регулированія отношеній хозяевъ и рабочихъ. 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.

Страхованіе рабочихъ въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей. 2 т.т. 1895 г. Ц. 5 р.

Обеспеченіе народнаго продовольствія въ связи съ хлѣбной промышленностью. 1892 г. Ц. 30 к. (распродано) (изъ журн. «Русское Богатство». III. 1892 г.).

Односторонняя теорія экономическаго развитія. 1896 г. Ц. 35 к. (распродано) (изъ журнала «Новое Слово» № 4 (январь) 1896 г.).

